

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Базарнов М.А., Журов А.Н., Хачатурян М.В. Военно-народное управление на Северном Кавказе: историко-правовой аспект	5
Ван Бода. Сопоставление положений конфуцианской правовой мысли и западной моральной философии: на примере понятий «категорический императив» и «золотое правило»	9
Корнилов А.Р., Христофорова Е.И., Орлова А.А. Конституционно-правовые основания возмещения вреда при оказании медицинской помощи	12
Масягина Ю.Б., Зиновьева И.В. Правовая форма латинских терминов, необходимых для различных уровней юридического образования	18
Мясников В.В. К некоторым вопросам о правовом регулировании дополнительной работы	21
Савельев П.Г. Правосудие как неотъемлемая функция государства	27

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Агатова Т.П. Правовое регулирование устранения коррупционных рисков участия иностранных участников торгов в государственных закупках	32
Артюшенко К.И., Артюшенко М.В. Правовая характеристика административной юрисдикционной деятельности таможенных органов Российской Федерации	39
Гадиятова М.В. Прокурорский надзор за фактами бездействия судебных приставов-исполнителей	43
Еланский И.Ю., Гриб В.Г. Правовое регулирование инноваций в условиях цифровой экономики	47
Игнатъева И.В., Зедгенизова И.И. Цифровизация финансовой системы государства: современное состояние и перспективы правового регулирования	50
Липски С.А. Правовое регулирование почвозащитного лесоразведения в советской и постсоветской России	55
Мухтарова О.С. Административно-надзорная деятельность полиции по обеспечению общественного порядка и безопасности	60
Хильчевский А.Ю. Развитие института нормативного определения категории «юридические лица» в системе публичного права	65
Повалий С.И. Право распоряжаться собственной жизнью в системе личностных соматических прав человека	72
Потапова Л.В. К вопросу о надзоре органов прокуратуры Российской Федерации за соблюдением культурных прав и свобод человека и гражданина	77
Розенко С.В. Правовые инструменты обеспечения конституционного принципа единства экономического пространства Российской Федерации	80
Стикина Л.И. Эволюция правовой модели регулирования отрасли легкой промышленности	84

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, д-р юрид. наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павлович Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.11.2023

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Сухоруков А.С. Институт конституционной жалобы: сопоставительный анализ регулирования в законодательстве России и Азербайджана.....	89
Потапова Л.В. К дискуссии о некоторых вопросах участия прокурора в рассмотрении и разрешении дел социально незащищенных граждан судами общей юрисдикции	94
Хамидулина С.Г. Исследование мер поддержки субъектов национальной платежной системы в условиях экономических санкций.....	97
Хильчевский А.Ю. Соответствие правового статуса целям создания федеральной территории «Сириус»	102

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Дьяченко Е.М. О национализации банковской системы РФ.....	108
Асташкин А.Ф. Правовые особенности оспаривания сделок при банкротстве гражданина в процедуре реализации имущества.....	113
Еременко Д.Е., Тюменцев И.А. Подходы к понятию и правовой природе реституции как последствия недействительности сделок.....	118
Задорожная Е.В. Регулирование правового статуса «цифрового горожанина», аспекты информационной безопасности.....	124
Канатов Т.К. Проблемные аспекты исчерпания прав на товарные знаки и параллельный импорт в странах ЕАЭС.....	129
Катников И.И. Административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности за нарушение прав потребителей.....	136
Красоуская П.Д., Лопатин Д.П. Эволюция нормативного регулирования договорных отношений поручительства в российском законодательстве.....	141
Гриб В.Г., Кузнецов С.А. К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих организацию-должника.....	144
Лапина Е.В., Еременко Д.Е. Оспаривание зачета как сделки с предпочтением в рамках дела о банкротстве.....	147
Лаццарини Д.Ю. Пополнение конкурсной массы имуществом, принадлежащим должнику на праве бенефициарной собственности.....	153
Лопатин Д.П., Красоуская П.Д. Развитие концепции правовой природы ценных бумаг в условиях цифровизации экономики.....	162
Мамаев А.А., Гурьева О.Е. Правомочия взыскателя при осуществлении принудительного исполнения посредством самостоятельных действий.....	166
Григорян А.А., Михайлинский Г.О. Определение статуса искусственного интеллекта в правовой системе.....	170
Поткин А.А. Правовое регулирование невостребованных финансовых активов в иностранном законодательстве.....	174
Рожков Н.Г. Современная роль и специфика организационно-правовой формы государственной корпорации в Российской Федерации.....	179
Скаридова М.А. Международно-правовое регулирование морской перевалки грузов: унификация правил или нормы санкционных ограничений.....	183
Стебаев А.А. Правовая природа договорных отношений предоставления удаленного доступа к программному обеспечению.....	189
Тюменцев И.А., Еременко Д.Е. Правовая природа договора пожертвования.....	193

Хатмулина Р.Р. Влияние залога требования на право должника выдвигать возражения против залогодержателя в российском и французском праве.....	198
Чулков И.К. Формирование института передачи прав на космический объект.....	205

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Амиров А.А. Сравнительно-правовой анализ действия в пространстве уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан.....	209
Андреев С.П. Значение принципа справедливости при осуществлении уголовно-правовой политики.....	213
Бронников С.А. Специфика преступлений в сфере таможенного дела.....	217
Горбунов Т.Д. Развитие уголовно-правовой политики в условиях цифровизации денежного обращения: на примере преступлений, связанных с финансированием.....	223
Дудкевич И.С. Методы предупреждения преступности несовершеннолетних: выявление факторов антисоциального и девиантного поведения.....	227
Бауэр Д.В., Загородникова Ю.О. Зависимость квалификации состава преступления от вида соучастия.....	231
Квятковский Д.В. Влияние внедрения системы маркировки ЕГАИС «Честный знак» на оборот контрафакта в России.....	236
Крюков А.В. Возможности квалификации по ст. 105 УК РФ принуждения потерпевшего совершить самоубийство.....	240
Сенцов А.С., Волколупова В.А., Волколупов В.Г. Проблемы совершенствования подготовки кадров для формирования судейского корпуса.....	243
Харченко В.Б., Хохрин Р.В. Применение методов технической диагностики в судебной инженерно-технической экспертизе.....	247
Четвернина В.С. Развитие института квалификации преступления на основании определения его состава.....	253

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Елин В.М., Царегородцев А.В. Особенности применения организационно-правового инструментария обеспечения информационной безопасности в странах Евросоюза.....	257
Делегеоз Е.Г. Взаимодействие России и ВТО в условиях международно-правовых и экономических санкций: историко-правовой аспект.....	262

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Расторгуев М.А. Проблемы банкротства юридических лиц.....	266
Иккерт А.В. Особенности привлечения к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренной ст. 12.7 КОАП РФ.....	271
Шевченко О.А., Ильин И.В. О некоторых актуальных аспектах судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях.....	276
Туманова А.Е. Регулирование применения финансовых технологий при формировании цифровой экосистемы кредитной организации.....	279
Бессалова Т.Н. К вопросу о сущности общественной опасности.....	284
Рюмин А.Р. Правовой статус социально ориентированных некоммерческих организаций.....	288

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Bazarnov M.A., Zhurov A.N., Khachatryan M.V.</i> Military-People's Administration in the North Caucasus: historical and legal aspect.....	5
<i>Van Boda.</i> Comparison of the provisions of Confucian legal thought and Western moral philosophy: "categorical imperative" and "golden rule" concepts.....	9
<i>Kornilov A.R., Khristoforova E.I., Orlova A.A.</i> Constitutional and legal basis for compensation for damage in the provision of medical care.....	12
<i>Masyagina Ju.B., Zinoveva I.V.</i> Legal form of latin terms which are necessary for various levels of legal education.....	18
<i>Myasnikov V.V.</i> To some questions about the legal regulation of additional work.....	21
<i>Saveliev P.G.</i> Justice as an integral function of the state.....	27

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Agatova T.P.</i> Legal regulation of eliminating corruption risks of participation of foreign bidders in public procurement.....	32
<i>Artyushenko K.I., Artyushenko M.V.</i> Legal characteristics of administrative and jurisdictional activities of customs authorities of the Russian Federation.....	39
<i>Gadiyatova M.V.</i> Prosecutor's supervision over cases of inaction of bailiffs.....	43
<i>Yelansky I. Yu., Grib V.G.</i> Legal regulation of innovations in the digital economy.....	47
<i>Ignatyeva I.V., Zedgenizova I.I.</i> Digitalization of the state financial system: current state and prospects for legal regulation.....	50
<i>Lipski S.A.</i> Legal regulation of soil conservation afforestation in Soviet and post-Soviet Russia.....	55
<i>Mukhtarova O.S.</i> Administrative and supervisory activities of the police to ensure public order and security.....	60
<i>Khilchevskii A. Yu.</i> Development of the institution of normative definition of the category "legal entities" in the system of public law.....	65
<i>Povaliy S.I.</i> The right to dispose of one's own life in the system of personal somatic human rights.....	72
<i>Potapova L.V.</i> To the issue of supervision of the prosecutor's office of the Russian Federation over the observance of cultural rights and freedoms of man and citizen.....	77
<i>Rozenko S.V.</i> Legal instruments to ensure the constitutional principle of the unity of the economic space of the Russian Federation.....	80
<i>Stikina L.I.</i> Evolution of the legal model for regulating the light industry.....	84
<i>Suhorukov A.S.</i> Institute of constitutional complaint: comparative analysis of regulation in the legislation of Russia and Azerbaijan.....	89
<i>Potapova L.V.</i> To the discussion about some issues of the participation of the prosecutor in the consideration and resolution of cases of socially vulnerable citizens by courts of general jurisdiction.....	94

<i>Khamidulina S.G.</i> Study of measures to support the subjects of the national payment system in the context of economic sanctions.....	97
<i>Khilchevskii A. Yu.</i> Compliance of the legal status with the goals of creating the federal territory «Sirius».....	102

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Dyachenko E.M.</i> Nationalization of the banking system of the Russian Federation.....	108
<i>Astashkin A.F.</i> Legal aspects of challenging transactions in the event of a citizen's bankruptcy during the property realization procedure.....	113
<i>Eremenko D.E., Tyumentsev I.A.</i> Approaches to the concept and legal nature of restitution as consequences of invalidity of transactions.....	118
<i>Zadorozhnaya E.V.</i> Regulation of the legal status of a "digital citizen", aspects of information security.....	124
<i>Kanatov T.K.</i> Trademark Exhaustion Issues and parallel imports in the EEU countries.....	129
<i>Katnikov I.I.</i> Administrative liability of business entities for violation of consumer rights.....	136
<i>Krasousskaya P.D., Lopatin D.P.</i> Evolution of the normative regulation of contractual guarantee relations in Russian legislation.....	141
<i>Grib V.G., Kuznetsov S.A.</i> On the issue of bringing to subsidiary liability persons controlling the debtor organization.....	144
<i>Lapina E.V., Yeryomenko D.E.</i> Challenging set-off as a transaction with preference in a bankruptcy case.....	147
<i>Latstsrini D. Yu.</i> Replenishment of the bankruptcy estate with property belonging to the debtor on the right of beneficial ownership.....	153
<i>Lopatin D.P., Krasousskaya P.D.</i> Development of the concept of the legal nature of securities in the context of digitalization of the economy.....	162
<i>Mamaev A.A., Gurieva O.E.</i> The powers of the claimant when carrying out compulsory execution through independent actions.....	166
<i>Grigoryan A.A., Mikhailinsky G.O.</i> Determining the status of artificial intelligence in the legal system.....	170
<i>Potkin A.A.</i> Legal regulation of unclaimed financial assets in foreign legislation.....	174
<i>Rozhkov N.G.</i> Modern role and specifics of the organizational and legal form of the state corporation in the Russian Federation.....	179
<i>Skaridova M.A.</i> International legal regulation of sea cargo transshipment: unification of rules or norms of sanctions restrictions.....	183
<i>Stebaev A.A.</i> Legal nature of contractual relations for providing remote access to software.....	189
<i>Tyumentsev I.A., Eremenko D.E.</i> Legal nature of the donation agreement.....	193

<i>Khatmulina R.R.</i> The pledge of obligations effect on the debtor's right to invoke against the pledgee defences to a claim based on the pledged right in Russian and French law	198
<i>Chulkov I.K.</i> Formation of the institution of transfer of rights to a space object.....	205

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Amirov A.A.</i> Comparative legal analysis of the action in the space of criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan	209
<i>Andreev S.P.</i> The importance of the principle of justice in the implementation of criminal law policy	213
<i>Bronnikov S.A.</i> Specificity of customs crimes	217
<i>Gorbunov T.D.</i> The development of criminal law policy in the context of digitalization of monetary circulation: on the example of crimes related to financing	223
<i>Dudkevich I.S.</i> Methods for preventing juvenile delinquency: identifying factors of antisocial and deviant behavior	227
<i>Bauer D.V., Zagorodnikova Yu.O.</i> Dependence of the qualification of the crime on the type of complicity	231
<i>Kvyatkovsky D.V.</i> The impact of the introduction of the EGAIS "honest sign" marking system on the turnover of counterfeit goods in Russia	236
<i>Kryukov A.W.</i> Possibilities of qualification under article 105 of the criminal code of the russian federation of forcing a victim to commit suicide.....	240
<i>Sentsov A.S., Volkolupova V.A., Volkolupov V.G.</i> Problems of improving the training of personnel for the formation of the judicial corps	243

<i>Kharchenkov V.B., Khokhrin R.V.</i> Application of methods of technical diagnostics in forensic engineering expertise	247
<i>Chetvernina V.S.</i> Development of the institution of qualification of a crime based on determining its composition	253

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Elin V.M., Tsaregorodtsev A.V.</i> Features of the application of organizational and legal tools for ensuring information security in the European Union countries	257
<i>Delegeoz E.G.</i> Interaction between Russia and the WTO in the conditions of international legal and economic sanctions: historical and legal aspect	262

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Rastorguev M.A.</i> Problems of bankruptcy of legal entities	266
<i>Ikert A.V.</i> Features of attraction to administrative responsibility for the commission of administrative offenses, provided by art. 12.7 code of administrative offenses of the russian federation.....	271
<i>Shevchenko O.A., Ilyin I.V.</i> About some relevant aspects of judicial review of cases of administrative offenses	276
<i>Tumanova A.E.</i> Regulation of the use of financial technologies in the formation of the digital ecosystem of a credit institution	279
<i>Bessalova T.N.</i> To the question of the essence of public danger.....	284
<i>Ryumin A.R.</i> Legal status of socially oriented non-profit organizations	288

Военно-народное управление на Северном Кавказе: историко-правовой аспект

Базарнов Максим Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: pechkinru@yandex.ru

Журов Андрей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: zhurov67@mail.ru

Хачатурян Михаил Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: mh_1905@mail.ru

В статье исследуется создание и функционирование особой системы управления, внедренной на Северном Кавказе после окончания Кавказской войны – военно-народного управления. Данная управленческая модель была отлична от общероссийской системы административных органов и должна была осуществить процесс интеграции территорий и народов Северного Кавказа в государственно-правовое пространство Российской империи. Основа военно-народного управления была заложена во время ведения военных действий и под влиянием военной обстановки. Военно-народное управление отражало достигнутый компромисс между российскими властями и представителями полиэтнического пространства Северного Кавказа. Низшая администрация и судебные органы формировалась с привлечением местного населения. Характеристиками военно-народного управления являлись единоначалие административного начальника, привлечение военных чинов к управлению, участие представителей туземных народов (на выборной основе) к управлению, осуществление судопроизводства на основе адатов и в некоторых случаях на основе норм шариата.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кавказская война, горские народы, военно-народное управление, военная администрация, окружной начальник, приставства, приставы, кади, шариат, адаты

Председатель комитета Государственной думы по делам национальностей Г.Ю. Семигин сообщил, что принятая ранее «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» нуждается в корректировке особенно с учетом той ситуации, которая складывается на освобожденных территориях с точки зрения межнациональных конфликтов. Для решения этой проблемы была создана рабочая группа, включающая представителей Совета Федерации и Государственной Думы, Аппарата Правительства РФ, Министерства юстиции РФ, а также ведущих ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Рабочая группа обсудила вопросы организации работы по подготовке проекта федерального закона о государственной национальной политике, его структуре и концептуальных положениях. Разрабатываемый закон будет являться базовым документом, регулирующим правоотношения в сфере межнациональных отношений.

Следует отметить, что в истории Российского государства есть множество примеров и существует уникальный опыт по организации управленческих структур на присоединённых территориях. Одним из таких свидетельств является система военно-народного управления, введенная на Северном Кавказе и оставившая в институтах и идентичности Северо-Кавказского региона неизгладимый след.

После окончания Кавказской войны перед российскими властями стала задача по созданию эффективной системы управления горскими народами во избежание новых антиправительственных выступлений. Вследствие чего была введена военно-народная система, которая являлась формой унификации управления горскими территориями (населением) и должна была послужить основой для последующего введения гражданского управления по общеимперскому образцу на территории Северного Кавказа [12, с. 24]. Наместник Кавказа И.А. Барятинский писал: «Полувековая война на Восточном Кавказе окончена... Я сделал распоряжение о немедленном устройстве во всех новопокоренных обществах нашего управления» [1, с. 1178–1179]. Некоторые исследователи считают, что точкой отсчета введения военно-народного

управления следует считать, разработанное А.П. Ермоловым в 1822 г. «Положение об управлении Кавказской областью» [6]. Ряд ученых полагают, что приставское управление, введенное во второй половине XVIII в., являлось предтечей системы военно-народного управления [3, с. 12]. Приставское управление впервые было установлено в 1769 г. в Кабарде «для присмотра за поведением кабардинцев и исполнения ими распоряжений правительства» [3, с. 9]. Через приставов обеспечивались постоянные административные связи с местным населением. В 1800 г. было учреждено главное Кавказское приставское управление. Главный пристав по роду своей деятельности был подчинен Коллегии иностранных дел, но по гражданским делам осуществлял взаимодействие с военным и гражданским губернатором, находившимися в Астрахани. В дальнейшем, такое двойное подчинение послужило основой для возникновения ведомственных конфликтов. Главный пристав осуществлял посредничество между российской властью и представителями этнической элиты, надзирал и контролировал деятельность местных приставов, решал споры, возникающие в среде коренного населения, а также содействовал урегулированию междоусобных конфликтов, контролировал процесс миграции на вверенной территории, надзирал за иностранными подданными, пребывающими на территорию Северного Кавказа, выдавал билеты (паспорта) сроком на один год на право перемещения за пределы Кавказской линии, осуществлял надзор за правильностью применения российских законов и традиционных социальных норм, собирал статистические данные и т.д. В целом, главный пристав был должен оказывать покровительство покоренному населению. Была создана разноуровневая система приставских управлений. В своей деятельности приставы опирались на структуру общественно-политических институтов, основанных на «традициях и нравах местных жителей».

К середине 50-х гг. приставская система управления перестала удовлетворять административные потребности российской власти на Северном Кавказе. К числу проблем ее функционирования можно отнести следующее. Во-первых, одновременность выражения покорности России небольшими обществами одного и того же племени привела к ситуации, когда одно племя оказывалось разделено на несколько приставств [11]. Во-вторых, двойное подчинение приставов порождало ведомственные конфликты. В-третьих, к середине XIX в. число приставств несоразмерно возросло. В-четвертых, увеличение числа приставов привело к возрастанию нагрузки на бюджет, и, в-пятых, стали возникать проблемы в кадровой сфере: найти на должности приставов способных людей было сложно, поэтому пришлось поступиться качественными требованиями, предъявляемыми к кандидатам на должность пристава, что привело в ряде случаев к низкой исполнительской культуре частных приставов и злоупотреблению полно-

мочиями. В-шестых, частные приставы не принимали участие в разрешении споров и конфликтов, то есть судебная сфера оказалась неподконтрольна российским властям. Осознание сложившейся ситуации сподвигло правительство в начале 50-х годов XIX в. к преобразованию приставств в военно-народные округа, которые должны были послужить основой для проведения в дальнейшем более глубоких преобразований, связанных с интеграцией территорий в пространство Российской империи и установления над местным населением твердой правительственной власти [1, с. 645; 12, с. 176]. В основу создания округов был положен этнический принцип. Первой попыткой внедрения «военно-народного» управления явилось создание «Чеченского управления» [1, с. 644]. В ноябре 1852 г. было утверждено Положение «Об устройстве управления в Большой и Малой Чечне», на основании которого в крепости Грозная для осуществления судопроизводства и решения жалоб и конфликтов между чеченцами был создан суд «Махкама Чачани», состоящий из главного кади и трех старшин [7]. Суд функционировал на постоянной основе. Председателем являлся русский офицер, члены суда назначались из местных жителей. Начальник Левого фланга Кавказской армии контролировал набор членов суда, обеспечивал их безопасность: для этого они вместе с семьями проживали в крепости Грозной. Все дела, относившиеся к компетенции кади, разрешались по правилам духовного суда, где кади принадлежал решающий голос. Также суд собирал сведения о податях и повинностях, выдавал билеты для проезда через Кавказскую линию. Положение конструировало новую систему местного управления: были созданы округа под управлением старшин (наибов), под их подчинением в каждом ауле учреждались аульные старшины.

«Прокламация к чеченскому народу» 1859 г., которая была объявлена после капитуляции имама Шамиля, наделила горские народы рядом прав и привилегий в числе которых – свободное вероисповедание, освобождение от призыва в армию и уплаты на три года налогов на содержание народных управлений, неприкосновенность частной собственности на движимое и недвижимое имущество, осуществление правосудия на основе законов шариата и адата в народных судах.

С изданием 23 марта 1860 г. «Особой инструкции для окружных начальников Левого Крыла Кавказской линии» была введена в действие система военно-народного управления, то есть основные принципы и порядок управления горцами [1, с. 1192]. Инструкция закрепляла организацию управления округами, порядок назначения и полномочия всех чинов окружного управления. Во главе округа находилось военный чин (полковник или генерал), имеющий в качестве вспомогательного управленческого аппарата помощника, старшего адъютанта, переводчиков и кади. Начальник округа должен был обеспечивать благоприятные условия для усиления позиций Российской империи

в регионе. Он осуществлял контроль за распределением повинностей между жителями, ему были доверены финансы, он был наделен полицейской властью (имел право арестовывать подозрительных лиц на срок до 5 дней), обладал правом административной высылки социально опасных лиц, мог применить военную силу для прекращения беспорядков. В судебной сфере он предлагал кандидатуры членов окружного суда, которые утверждались главнокомандующим.

В уголовном процессе действовало общеимперское законодательство, как и в делах между русскими и горцами. Предусматривалось использование российского военно-уголовного законодательства при рассмотрении наиболее тяжких преступлений. Гражданские дела разбирались в народных судах на основе местных адатов. Применение шариатских законов было ограничено [4, с. 80].

Так как военно-народное управление предполагало наделение административными полномочиями военных чинов, то кандидатов на должности лично рассматривал кавказский наместник, производя тщательный отбор претендентов, ставя на первое место заинтересованность, компетентность, моральные качества, образовательный ценз, срок службы на Кавказе. В указе от 29 апреля 1861 г. «О преимуществах военных чинов, служащих в военно-народных управлениях Кавказскими горцами в Терской и Дагестанских областях и в Натухайской округе Кубанской области», в связи с особыми условиями прохождения службы, военным чином, служащим в военно-народном управлении, при «беспорочном и усердном» исполнении должностных обязанностей полагалась прибавка к жалованию, составляющая: за пять лет службы – четверть оклада, десять лет – половину оклада, пятнадцать лет – три четверти, двадцать лет – полный годовой оклад [9].

Во главе системы военно-народного управления находился главнокомандующий Кавказской армии, подчиняющийся военному министру, что означало принадлежность военно-народного управления к министерской системе управления. Территория, занятая коренным населением, находилась под контролем военных властей и была отделена от гражданской административной системы, возглавлявшейся наместником.

Военно-народное управление привело к консолидации горских обществ, подъему экономики и культуры. Военные начальники, не входившие в социальную структуру горских обществ, не имели никакого отношения к междуплеменным и родовым распрям и конфликтам, имея в распоряжении войсковые команды могли оперативно реагировать на любые проявления противодействия властям, междоусобиц и неподчинения законам. К положительным аспектам военно-народного управления также можно отнести участие в управлении представителей населения и использование в судопроизводстве адата и частично шариата. Однако имелись и ряд недостатков, в частности, благодаря особенностям организации и функционирования созда-

валась питательная почва для коррупционных отношений и злоупотреблений со стороны чиновников.

Таким образом, российские власти полагали, что в долгосрочной перспективе система военно-народного управления создаст основы политической стабильности на Северном Кавказе, предотвратит распространение шариата и основанного на нём мюридского движения. Логическим следствием действия военно-народного управления должно было быть распространение общероссийской модели управления и административного аппарата, с вынесением решений на основе российской правовой системы. В краткосрочной перспективе от военно-народного управления требовалось решать текущие региональные вопросы и проблемы, допуская для этого разумное сочетание традиционных элементов самоуправления горских народов с официальными институтами российской власти.

Литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. XII. Тифлис, 1904.
2. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. /Под общ. ред. В.В. Черкесова. Т. 1. СПб., 2001.
3. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVI – начало XX в.). Нальчик: изд-во «ЭЛЬБРУС», 1995.
4. Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX в. – начале XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
5. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. / Отв. ред. С.Г. Агаджанов. М.: «Славянский диалог». 1998.
6. ПСЗ РИ Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29138.
7. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXVII. Отд. 1-е. № 26740.
8. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXI. Отд. 1-е. № 22641.
9. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXVII. № 36931.
10. Романовский Д.Н. Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский и Кавказская война. //Русская старина. 1881. № 2.
11. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: «Европа». 2007.
12. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907.

MILITARY-PEOPLE'S ADMINISTRATION IN THE NORTH CAUCASUS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Bazarnov M.A., Zhurov A.N., Khachaturian M.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

The article examines the creation and functioning of a special management system introduced in the North Caucasus after the end of the Caucasian War – military-people's management. This management model was different from the all-Russian system of administrative bodies and was supposed to implement the process of integration of the territories and peoples of the North Caucasus into the state-legal space of the Russian Empire. The foundation of the military-people's government was laid during the conduct of hostilities and under the influence of the military situation. The military-

People's Administration reflected the compromise reached between the Russian authorities and representatives of the multiethnic space of the North Caucasus. The lower administration and judicial bodies were formed with the involvement of the local population. The characteristics of the military-people's administration were the unity of command of the administrative chief, the involvement of military ranks in the administration, the participation of representatives of indigenous peoples (on an elective basis) in the administration, the implementation of legal proceedings on the basis of adats and in some cases

Keywords: North Caucasus, Caucasian war, mountain peoples, military-people's administration, military administration, district chief, bailiffs, qadi, sharia, adats.

References

1. Acts of the Caucasian Archeographic Commission (ACAC). Vol. XII. Tiflis, 1904.
2. Institute of the General Government and Viceroyalty in the Russian Empire: in 2 vols. / Under the general editorship of V.V. Cherkesov. Vol. 1. St. Petersburg., 2001.
3. Kalmykov Zh.A. Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria (late XVIII – early XX century.). Nalchik: ed.in "ELBRUS", 1995.
4. Machukaeva L.S. The management system of the North Caucasus in the late XIX century – early XX century. Diss. ... candidate of historical sciences. M., 2004.
5. National outskirts of the Russian Empire: formation and development of the management system. /Ed. S.G. Agadzhanov. M.: "Slavic dialogue". 1998.
6. PSZ RI Sobr. 1. Vol. XXXVIII. N. 29138.
7. PSZ RI. Sobr. 2. Vol. XXVII. Ed. 1. N. 26740.
8. PSZ RI. Sobr. 2. Vol. XXI. Ed. 1. N. 22641.
9. PSZ RI. Sobr. 2. Vol. XXXVII. N. 36931.
10. Romanovsky D.N. Field Marshal A.I. Baryatinsky and the Caucasian War. //Russian antiquity. 1881. № 2.
11. Tsutsiev A.A. Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus (1774–2004). Moscow: "Europe". 2007.
12. Esadze S.S. Historical note on the management of the Caucasus. T.I. Tiflis, 1907.

Сопоставление положений конфуцианской правовой мысли и западной моральной философии: на примере понятий «категорический императив» и «золотое правило»

Ван Бода,

Студент магистратуры, Московский государственный университет
E-mail: 13673970094@163.com

Актуальность данного исследования обоснована особенно активным российским и китайским взаимодействием в области политики, экономики и культуры в последние несколько лет. В основе этих областей лежит моральные принципы, исходя из которых формируются те или иные правовые правила и законы. В связи с этим автор статьи рассматривает наиболее важные моральные законы в двух политических полях: западном и восточном.

В статье автор рассматривает важные понятия «категорического императива» и «золотого правила» в конфуцианской правовой мысли. В статье были проанализированы эти концепции и найдены отличия между пониманием кантовской, конфуцианской правовой мыслью и «золотым правилом». Автор рассматривает трансформацию утверждения «поступать с другими так, как хотели бы, чтобы с вами поступили» в этих концепциях. Автор находит критически важные отличия между ними, которые стали принципами моральной правовой восточной и западной философии. Автором делается оценка развития обеих ветвей данной области.

Данная статья может быть полезна специалистам, работающим в области компаративного правоведения.

Ключевые слова: Конфуций, правовая мысль, категорический императив, «золотое правило».

В работе «Критика практического разума» книга «Аналитика чистого практического разума» Кант формулирует основные положения практического разума, которые включают в себя моральные законы. Один из таких законов звучит таким образом: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [1]. Это означает, что человек должен действовать таким образом, чтобы его действия могли бы быть всеобщими. Например, мы хотим, чтобы нам говорили правду, в таком случае мы сами должны говорить только правду. В этом случае наше стремление станет всеобщим. Такой закон называется категорическим императивом.

Однако по Канту этот закон не может быть эмпирическим, то есть исходить из наших личных желаний, предполагающий определенный результат. Кант пишет «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [1]. То есть мы не можем делать наши эгоистичные желания всеобщим законом. Если мы будем так делать, то наши поступки станут аморальными, и разум никогда не сможет достичь «добродетели» [1, п. 7, примечание].

Подобные правовые принципы отражены в учении великого восточного мыслителя Конфуция, который подчеркивал важность искренности, уважения и справедливости в межличностных отношениях. Конфуцианская традиция выражает идею, что если люди относятся к другим с искренностью и уважением, то и сами будут получать такое же обращение [3].

Конфуцианская этика включает в себя не только ритуалы и этикет, но также подчеркивает важность уважения и заботы о других. По мнению Конфуция, когда общество освоит этот этический кодекс, оно достигнет процветания, и управлять страной станет более легким заданием. Эти принципы, основанные на идее универсальности, обеспечивают хорошие межличностные отношения и способствуют справедливости и порядку в обществе [5].

Таким образом, теория Конфуция о этическом управлении страной содержит универсальные идеи, которые могут быть внедрены в правовую практику, чтобы служить обществу, поддерживать справедливость и облегчать управление государством.

Конфуцианство подчеркивает принцип честности и доверия в межличностных отношениях. Согласно этой философии, люди должны обладать

честностью и заслуживать доверия, не манипулируя добротой других для достижения своих целей. Если другие люди проявляют честность и достойны доверия в отношении вас, вам следует воздерживаться от использования их благонамеренности для собственной выгоды. Как бенефициар, вы также обязаны соблюдать этот универсальный принцип взаимности. В правовой конструкции Китая мы видим [4], что честность и надежность являются ключом к защите прав и интересов людей. Целью правового строительства является сохранение социальной справедливости и защита прав и интересов людей. Добросовестность также является важной ценностной ориентацией при разработке и реализации законов. Принцип добросовестности требует, чтобы люди оставались честными и прозрачными в юридической практике и не участвовали в неправомерном поведении, таком как сделки «власть за деньги» или погоня за властью.

Таким образом, закон используется для регулирования социальных отношений между людьми. Создатели и исполнители закона должны поддерживать ценности честности и справедливо определять, и регулировать права и обязанности между людьми. Только тогда, когда юридическая практика является целостной, люди могут доверять правовой системе и активно участвовать в юридической практике, тем самым достигая цели юридического строительства. По этой причине в китайском обществе закон используется как основной инструмент для построения правового и эффективного общества.

Что касается “Золотого правила нравственности”, то на первый взгляд он не сильно отличается от категорического императива Канта, однако при внимательном рассмотрении можно увидеть сильные расхождения. Правило гласит следующим образом: “не делайте другим то, что вы не желаете для себя, и поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы с вами поступили”. Это правило можно найти как в философских трактатах, так и в религиозных книгах, например, в Библии. Тем не менее Кант бы не согласился с ними.

Следуя логике правила, мы должны исходить из наших собственных желаний, чтобы к нам также относились. Такие желания могут быть эгоистичными и нацеленными на определенный результат. Например, мы хотим получить более высокую должность на работе, поэтому угодничаем и льстим начальству. Мы полагаем, что наше начальство будет вести так же, как мы относимся к нему, нам дадут повышение. В чем же недостаток этого правила? Кант бы сказал, что мы находимся в ловушке собственных желаний. Разбирая пример выше, я могу сказать, что, если все сотрудники начнут угодничать начальству, оно не сможет определиться, кому дать повышение. Вполне вероятно, оно никому не достанется. То есть наше желание, определяемое результатом, ни к чему не приводит. Таким образом, все наши действия становятся бессмысленными и правило просто “не работает”.

Если бы все действовали таким образом, это привело бы к отсутствию четких принципов, которым можно было бы следовать, поскольку каждый преследовал бы свои собственные эгоистические интересы, а не исходил бы из универсально применимых моральных законов. Истинное моральное поведение должно основываться на принципе, который может применяться повсеместно, а не диктоваться индивидуальными желаниями. Только такое моральное поведение может быть универсальным и разумным и не зависеть от конкретных желаний или результатов. И эта идея действительно соответствует конфуцианской правовой мысли. Не имейте определенных желаний и не стремитесь к конкретным результатам, а также не навязывайте свои желания другим для достижения собственных целей.

Об этом Конфуций пишет следующим образом: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» [2, Глава XII, 2 пункт]. В качестве этического правила Конфуций выступал за то, что необходимо в первую очередь учитывать мнение других. Он имеет в виду, что если вам что-то не нравится, то это не может быть навязанным. В отличие от «золотого правила» Конфуций не утверждает, что необходимо «поступать с другими так, как хотели бы, чтобы с вами поступили». Конфуций не думает, что только потому, что вы хорошо относитесь к другим, вы можете ожидать, что другие будут хорошо относиться к вам.

Данная конфуцианская концепция была отражена в правоохранительных и судебных процессах Китая, где соблюдаются эти правила [4]. Правоохранители должны быть строгими, соблюдать законные процедуры, полностью защищать законные права и интересы сторон, не оказывать предпочтения ни одной из сторон и не злоупотреблять своими полномочиями. Судебные работники должны осуществлять свои полномочия независимо, справедливо и честно, не допуская какой-либо формы вмешательства или давления, основываясь на фактах и законе, принять справедливое решение.

В заключении, говоря о категорическом императиве Канта, «золотом правиле» и юридической мысли Конфуция, мы можем понять сложность и разнообразие современного правового общества, а также универсальность права и схожие черты между восточной и западной философской правовой мыслью. Анализ данных концепций позволил нам лучше понять развитие права в разных политических, экономических и культурных полях. Эти идеи дают мотивацию и вдохновение для дальнейших размышлений о построении правовой системы и решении моральных принципов в современной правовой системе.

Литература

1. Кант Иммануил. Сочинения в шести томах [Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ой-

- зермана], М.: издательство «Мысль». – 1965. – Т. 4, Ч. 1. – 544 с.
2. Лунь Юй. – М.: РАН «Восточная литература», 2001. – 180 с.
 3. Мартынов А.С. Конфуцианство «Лунь юй»: в 2 т //СПб.: Петербургское Востоковедение. – 2001. – Т. 2. – С. 384.
 4. Сюй Фаньчэн. Конфуцианство, СПб: Нестор-История, 2020. – 235 с.
 5. Angle S.C. Contemporary Confucianism and Ethical Theory //Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy. – 2021. – P. 409–446.
 6. Hahn C. Law, culture, and the politics of Confucianism //Colum. J. Asian L. – 2002. – V. 16. – P. 253.

COMPARISON OF THE PROVISIONS OF CONFUCIAN LEGAL THOUGHT AND WESTERN MORAL PHILOSOPHY: “CATEGORICAL IMPERATIVE” AND “GOLDEN RULE” CONCEPTS

Van Boda

Moscow State University

The relevance of this study is justified by the particularly active Russian and Chinese interaction in the field of politics, economics and culture in the last few years. These areas are based on moral principles, on the basis of which certain legal rules and laws are formed.

In this regard, the author of the article examines the most important moral laws in two political fields: Western and Eastern.

In the article, the author examines the important concepts of the “categorical imperative” and the “golden rule” in Confucian legal thought. The article analyzed these concepts and found differences between the understanding of Kantian, Confucian legal thought and the “golden rule”. The author examines the transformation of the statement “do unto others as you would have them do unto you” in these concepts. The author finds critically important differences between them, which have become the principles of moral legal Eastern and Western philosophy. The author assesses the development of both branches of this area.

This article may be useful to specialists working in the field of comparative law.

Keywords: Confucius, legal thought, categorical imperative, “golden rule”.

References

1. Kant Immanuel. Works in six volumes [Under the general. ed. V.F. Asmus. A.V. Gulygi, T.I. Oizerman], M.: Mysl Publishing House. – 1965. – T.4, Part 1. – 544 p.
2. Lun Yu. – М.: RAS “Oriental Literature”, 2001. – 180 p.
3. Martynov A.S. Confucianism “Lun Yu”: in 2 volumes // St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. – 2001. – Т. 2. – P. 384.
4. Xu Fancheng. Confucianism, St. Petersburg: Nestor-History, 2020. – 235 p.
5. Angle S.C. Contemporary Confucianism and Ethical Theory // Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy. – 2021. – P. 409–446.
6. Hahn C. Law, culture, and the politics of Confucianism //Colum. J. Asian L. – 2002. – V. 16. – P. 253.

Конституционно-правовые основания возмещения вреда при оказании медицинской помощи

Корнилов Алексей Радионович,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории права и административно-правовых дисциплин, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, кафедра теории и истории права и государства, Российский новый университет
E-mail: magelan7@mail.ru

Христофорова Елена Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного и муниципального права, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
E-mail: xristoforova_e.i@mail.ru

Орлова Анна Александровна,

челюстно-лицевой хирург отделения челюстно-лицевой хирургии стационара ФГБУ «НМХЦ имени Н.И. Пирогова» Минздрава России
E-mail: dr.orlova.a@yandex.ru

В статье рассматриваются конституционно-правовые положения, закрепляющие основы и обеспечивающие возможность компенсации вреда здоровью при оказании медицинской помощи. Анализируется понятие вреда здоровью и особенности его возмещения, причиненного в результате ненадлежащего оказания медицинских услуг и медицинской помощи гражданам.

В статье подчеркивается специфика правовых отношений по оказанию медицинской помощи, которая предопределяет особенности и проблемные стороны процедуры возмещения причиненного вреда жизни и здоровью пациента. В заключение авторами делается вывод о необходимости и целесообразности развития системы страхования ответственности медицинских работников, а также перспективном развитии и совершенствовании механизмов правового регулирования порядка компенсации ущерба, причиненного оказанием некачественных медицинских услуг и медицинской помощи.

Ключевые слова: конституционное право, медицинская помощь, медицинские услуги, возмещение вреда.

Цель

Проанализировать и отразить в статье многообразии правовых механизмов защиты права на качественную медицинскую помощь в российском законодательстве и возможность возмещения вреда при оказании медицинских услуг ненадлежащего качества, а также выявить проблемы в реализации конституционного права граждан на охрану здоровья.

Методология

Для достижения результата в ходе научного исследования применялись несколько основных групп методов: общенаучные, частно-научные и частно-правовые. В данной статье использовались научные методы анализа, синтеза, логический и системно-правовой, сравнительно-правовой и статистический методы, а также метод интерпретации юридических текстов. Использование указанных методов в совокупности направлено на объективность и обстоятельность исследований рассматриваемой тематики.

В части 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации¹ закрепляется право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Оказание медицинской помощи требует от врачей должной квалификации и соответствующего уровня ответственности перед здоровьем и жизнью пациента. По статистическим данным Министерства здравоохранения², каждый год в России более 70 тысяч человек получают осложнения по причине врачебных ошибок. Эти цифры доказывают, что проблема некачественных медицинских услуг в нашей стране требует разрешения, в том числе и в правовом поле. По причине того, что уровень оказания медицинской помощи ненадлежащего качества растет с каждым годом, российское законодательство предусматривает многообразие различных правовых оснований возмещения вреда при оказании врачебной помощи. Основы и детали правового регулирования взыскания компенсации в случае ошибки медицинского персонала отражены в Федеральном законе РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Заседание Совета ректоров медицинских и фармацевтических высших учебных заведений с участием министра здравоохранения М.А. Мурашко от 08.02.2020 г. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Mihail-Murashko-nedovolen-statistikoi-medicinskih-oshibok.html>.

от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ»¹ (далее – Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В статье 98 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указано, что «медицинские организации, медицинские работники и фармацевтические работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи». Кроме того, в статье 98 сказано, что материальная компенсация вреда не освобождает от юридической ответственности медицинских работников.

Охрана здоровья и возможные основания возмещения убытков из-за некачественной медицинской помощи входит в сферу отрасли гражданской права. Так, исходя из статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации², «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред». Кроме того, согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»³, к отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования, применяется законодательство о защите прав потребителей (Закон РФ «О защите прав потребителей»⁴).

Однако, если человеку нанесен тяжкий вред здоровью или произошел летальный исход по вине медицинских работников, то возбуждается уголовное дело с обязательным условием проведения экспертизы для выяснения факта врачебной ошибки. В уголовном законодательстве РФ закреплен состав подобных преступлений. Например, статья 118 УК РФ⁵ указывает на меры ответственности для лиц, которые причинили тяжкий вред здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. В таком случае предусматривает-

ся лишение свободы или принудительные работы с лишением права заниматься определенным видом деятельности. В статье 124 УК РФ закрепляется юридическая ответственность должностных лиц за неоказание помощи больному. Причинение средней тяжести вреда здоровью человека сопровождается штрафом либо обязательными или исправительными работами для виновного лица. Смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью подразумевает юридическую ответственность в виде принудительных работ с лишением права заниматься определенной деятельностью и занимать определенные должности либо лишение свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Таким образом, в случае причинения ущерба здоровью пациент юридически защищен.

Медицинские работники и организации могут быть освобождены от возмещения вреда. Статья 41 УК РФ рассматривает обоснованный риск как правовую основу для исключения преступности деяния. Согласно пункту 2 статьи 41, риск считается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Кроме того, основанием для освобождения медицинского персонала от ответственности за вред, принесенный здоровью человека, является отказ пациента от медицинского вмешательства или добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство при условии информирования потерпевшего обо всех имеющихся рисках для его здоровья (статья 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В юридической терминологии выделяют несколько понятий, которые связаны со сферой правового регулирования в медицинской деятельности. Кроме «врачебных ошибок» активно употребляется и такая категория как «несчастный случай». Разница этих понятий кардинально меняет подход к возможности применения правовых норм при врачебной ошибке и несчастном случае. По мнению А.А. Понкиной [1], в настоящее время в российском законодательстве отсутствуют правовые основы, которые закрепляли бы в полной мере оценку медицинских дефектов. Отсутствуют необходимые, в достаточной мере детализированные правовые основы установления виновности или невиновности врача, учитывающие существенные особенности этой сферы деятельности. По причине отсутствия законодательной фиксации необходимых критериев медицинских дефектов обеспечение конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь находится на уровне ниже, чем должно быть в современном социальном государстве. Недоработка понятийного аппарата в законодательстве уменьшает эффективность работы механизма обеспечения пра-

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ, (ред. от 24.07.2023)

(с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9

⁴ Закон Российской Федерации от 07.02.1995 № 2300–1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ва пациентов получить компенсацию за причиненный вред от некачественных медицинских услуг.

Российское законодательство не предусматривает закрепления в нормативных правовых актах таких терминов, как «несчастный случай при оказании медицинской помощи» и «дефект при оказании медицинской помощи». Чёткая трактовка этих понятий и формальное определение в законодательстве значительно уменьшило бы количество разногласий в сфере разрешения судебных дел, которые касаются возмещения ущерба за некачественно оказанные медицинские услуги.

С.А. Повзун [2], автор одной из научных статей, посвященной проблеме разграничения понятий дефекта медицинской помощи и несчастного случая, отмечает, что несчастный случай характеризуется отношением врача к своим действиям, при котором он не знал и не должен был знать о возможности наступления вредных последствий. Такое же определение несчастному случаю дает и И.Ф. Огарков [3], подчеркивая, что врач не мог предвидеть неблагоприятные последствия для жизни и здоровья пациента в связи с объективными обстоятельствами. По мнению Д.В. Лантуха и Е.Л. Невзодиной [4], основанием для возмещения вреда при оказании медицинской помощи является исключительно ненадлежащее качество оказываемых медицинских услуг. Несчастный случай или использование некачественного оборудования, которое применялось в процессе лечения пострадавшего пациента, не являются основанием для подачи иска в суд на ту или иную медицинскую организацию. Однако за производство бракованного оборудования и медицинского инвентаря ненадлежащего качества должны отвечать юридические или физические лица, которые являются производителями данных изделий. Таким образом, фактор несчастного случая может играть определяющую роль при принятии судом решения о возмещении вреда пациенту и привлечении медицинской организации к юридической ответственности.

Согласно Письму ФФОМС (Федеральный фонд обязательного медицинского страхования) «О методических рекомендациях «Возмещение вреда (ущерба) застрахованным лицам, в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования»¹, существуют досудебный и судебный способы защиты прав застрахованных пациентов.

Для того, чтобы компенсировать вред, причиненный врачами или фармацевтами, пострадавший чаще всего обращается в суд. Однако, как показывает практика, доказать наличие факта врачебной ошибки достаточно сложно. Сторона защиты практически всегда может апеллировать тем, что каждый пациент индивидуален, а значит, какие-то особенности здоровья врач не мог пре-

¹ Письмо ФФОМС от 05.05.1998 N 1993/36.1-и «О методических рекомендациях «Возмещение вреда (ущерба) застрахованным в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования» (вместе с «Методическими рекомендациями...», утв. ФФОМС 27.04.1998)

дугадать, что и привело к врачебной ошибке. Стоит отметить, что судебные органы могут оспорить факт врачебной ошибки по причине недоказанности вины врача при оказании медицинских услуг самим потерпевшим.

Обратимся к судебной практике. Гражданка В. обратилась в суд с иском к больнице о взыскании компенсации морального вреда, причиненного некачественным оказанием медицинской помощи. По утверждению истца персоналом больницы не было проведено должных медицинских осмотров для постановки правильного диагноза заболевания. После стационарного наблюдения врачи выписали пациента из больницы, однако его состояние здоровья не улучшилось. После прохождения осмотра в другой поликлинике был выявлен перелом. Гражданка В. обращалась в суд по причине оказания некачественных медицинских услуг, однако ее иск был не удовлетворен судами первой и апелляционной инстанций. Судебные органы первой и апелляционной инстанций апеллировали тем, что «истцом не доказан факт оказания ответчиком ненадлежащей медицинской помощи, повлекшей за собой причинение вреда здоровью истца, вина ответчика в причинении вреда здоровью истца не установлена». Дело было отправлено на пересмотр после рассмотрения кассационной жалобы, в рамках которой Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации были выявлены нарушения статьи 2 Гражданского кодекса РФ, статьи 8 Всеобщей декларации прав человека², пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод³, пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴, а также часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации⁵. Таким образом, правовая защита возможностей возмещения вреда (как морального, так и физического) при оказании медицинских услуг действует с наличием определенных юридических сложностей при доказательстве вины врача или медицинского учреждения.

Досудебный способ защиты прав застрахованных пациентов включает возмещение страховой медицинской организацией денежной компенсации физического или морального вреда при оказании некачественной медицинской помощи на основании обращения пострадавшего с заявлением.

Чтобы глубже разобраться в сфере конституционно-правового регулирования, нужно рассмотреть изменения в конституционном законодательстве в историческом контексте. Обратимся к Кон-

² Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Ст. 8. // Международное публичное право: Сборник документов. Т. 1. М., 1996. С. 460–464.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 6. М.: КНОРУС, 2015.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 14; 999 UNTS 171.

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2019 N 74-КГ19–5

ституции СССР в редакции от 7 октября 1977 года¹. В статье 42 закреплено право граждан на охрану здоровья: «Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан». Обратим особое внимание на формулировку «бесплатная квалифицированная медицинская помощь». Вернемся к действующей редакции Конституции РФ. В статье 42 сказано, что «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». Сравним два высших по юридической силе нормативных правовых акта, мы видим, что слово «квалифицированная медицинская помощь» больше не употребляется в Конституции РФ в современном контексте. Этот факт свидетельствует о снижении значения уровня квалифицированности оказываемой медицинской помощи. Низкий уровень профессионализма в сфере медицины является одним из главных источников получения некачественных медицинских услуг.

Стоит отметить, что медицинское образование, которое дается молодым специалистам в области здравоохранения, имеет весьма невысокий уровень. Об этом заявила заместитель председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике Л.В. Козлова: «Мы должны с горечью констатировать, что снижается качество медицинского образования»². По мнению экспертов, качество медицинских услуг, в том числе зависит от уровня образования студентов. Однако на данный момент в медицинской сфере наблюдается недостаток квалифицированных кадров. Как уже было сказано выше, понятия квалифицированной медицинской помощи на уровне Конституции в нашей стране отсутствует. Именно поэтому граждане РФ лишаются права на получение профессиональных медицинских услуг уже на этапе подготовки медицинского персонала. Недостаток квалифицированности медицинских специалистов увеличивает

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1977. № 41. Ст. 617.

² Эксперты: дефицит профессиональных кадров – одна из проблем здравоохранения и медицинского образования: заседание Комитета Совета Федерации по социальной политике от 21 июня 2017 года. URL: <https://www.garant.ru/news/1118612/>.

вероятность получения недоброкачественной помощи, что и приводит к возмещению вреда. Как уже было выяснено выше, правовые основания для компенсации убытков за некачественно оказанную медицинскую помощь имеют свои недостатки. Исследуя данную причинно-следственную связь, можно прийти к выводу, что решение проблемы недостатка квалифицированных медицинских работников приведет к уменьшению рисков получить некачественную медицинскую помощь.

Снова обратимся к формулировке статьи 41 Конституции РФ, которая гласит, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях гражданам оказывается бесплатно. Однако во многих медицинских организациях, которые оказывают бесплатную медицинскую помощь, искусственно ограничивают количество и спектр своих услуг, вынуждая пациентов оплачивать отдельные услуги или обращаться в платные клиники. По мнению Д.В. Гладковой [5], пациенты частных медицинских центров становятся жертвой маркетингово-экономических стратегий, когда клиники используют метод «повторного пациента», чтобы оправдать средства, затраченные на рекламу. Более того, клиента могут лечить не теми средствами, чтобы дольше держать его в роли своего пациента с целью финансовой выгоды. Такой подход может снизить уровень здоровья гражданина и затягивать его излечение. Более того, коммерческая медицинская клиника может не гарантировать качество предлагаемых услуг. Если человеку оказали медицинскую помощь ненадлежащего качества, то он должен апеллировать письменным договором на оказание медицинских услуг, который был заключен с клиникой. Именно с помощью договора в виде письменного доказательства оказания медицинских услуг можно компенсировать вред, причиненный здоровью медицинским персоналом.

Кроме того, по мнению О.В. Спициной и Е.А. Шергановой [6], серьезной проблемой является плохая информированность граждан об их правах и обязанностях в сфере бесплатной медицины. Многие граждане не знают, какие медицинские услуги они могут получать бесплатно, какие правовые основы для защиты конституционного права на охрану здоровья существуют. По этой причине пострадавшие от рук врачей пациенты не всегда обращаются за возмещением вреда, хотя имеют на это полное право. Для снижения частоты подобных ситуаций в целях профилактики государству необходимо с помощью средств массовой информации информировать граждан об объеме их прав и обязанностей в сфере медицины. В российском законодательстве требуется четкая правовая регламентация вариативности информации о возможностях компенсации вреда при оказании некачественных медицинских услуг, чтобы каждый гражданин вне зависимости от уровня его юридической грамотности смог воспользоваться этим правом.

Отдельного внимания требует изучение вопроса правового регулирования оказания медицинской

помощи военнослужащим. В соответствии с пунктом 2 статьи 16 Федерального закона «О статусе военнослужащих»¹ военнослужащие и граждане, призванные на военные сборы, имеют право на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе бесплатное обеспечение лекарственными средствами для медицинского применения, бесплатное обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача. Исходя из положений Постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911², расходы, связанные с оказанием медицинской помощи военнослужащим в медицинских организациях, возмещаются за счет средств федерального бюджета. В настоящее время проводится работа по протезированию и реабилитации военных, которые получили тяжелые увечья, связанные с ампутацией конечностей. В Вооруженных Силах РФ размещены 3 центра по проведению протезирования и реабилитации участников специальной военной операции. Согласно статистическим данным Министерства обороны РФ, более 90% военнослужащих с ампутацией конечностей остаются на военной службе³. Медикаментозное лечение, психологическая реабилитация военных с тяжелыми увечьями проводится бесплатно. Таким образом, можно сказать, что конституционное право на охрану здоровья военнослужащих реализуется с помощью различных механизмов индивидуальных программ реабилитации после получения ранений различной тяжести.

Заключение

По результатам исследования и анализа различных вариантов правовых оснований возмещения вреда пациенту при оказании некачественных медицинских услуг можно прийти к выводу, что юридически закреплено достаточное количество возможностей возмещения ущерба. Однако при применении правовых норм на практике возникают определенные проблемы, которые образуются по причине отдельных пробелов в российском законодательстве. Чтобы установить факт причастности медицинского работника или медицинской организации к причинению вреда здоровью пациента, требуется собрать доказательную базу с наличием результатов соответствующих экспертиз. Подобное судебное разбирательство существенно затрачивает вре-

¹ Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.

² Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, возмещения расходов на ее оказание, проведение медицинских осмотров, диспансеризации, санитарно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членов их семей, а также отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 2. – Ст. 166.

³ Вопросы и ответы – Медицинское обеспечение. URL: <https://medicine.mil.ru/medical-care/Voprosy-i-otvety>.

менной и денежный ресурс истца, но его конституционное право на охрану здоровья при этом будет защищено.

Недостатки существуют не только в нормативно-правовой базе российского законодательства, но и в уровне предоставляемого медицинского образования студентам-медикам высших учебных заведений. Эти факторы значительно повышают риск оказания пациенту некачественной медицинской помощи. Механизмы правового регулирования порядка компенсации ущерба, причиненного оказанием некачественных медицинских услуг, находятся в стадии развития и перспективного совершенствования и требуют существенных доработок, как в самом законодательстве, так и в практике его применения.

Литература

1. Понкина А.А. Право на безопасную медицинскую помощь: конституционно-правовой аспект // Право и современные государства. 2012. № 6. С. 31–36.
2. Повзун С.А. Дефект медицинской помощи или несчастный случай? // Медицинское право. 2017. № 4. С. 14–17.
3. Огарков И.Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л.: Медицина, 1966. С. 196.
4. Лантух Д.В., Невзгодина Е.Л. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью граждан вследствие оказания медицинских услуг // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 4. С. 104–114.
5. Гладкова Д.В. Современные проблемы частной медицины // StudArctic Forum. 2020 № 1(17). С. 2–5.
6. Спицина О.В., Шерганова Е.А. Проблемы предоставления бесплатной медицинской помощи гражданам Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 3А. С. 112–120.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS FOR COMPENSATION FOR DAMAGE IN THE PROVISION OF MEDICAL CARE

Kornilov A.R., Khristoforova E.I., Orlova A.A.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Russian New University, N.I. Pirogov National Research Medical Center of the Ministry of Health of Russia

The article discusses the constitutional and legal provisions that consolidate the foundations and provide the possibility of compensation for harm to health in the provision of medical care. The concept of harm to health and the specifics of its compensation caused as a result of improper provision of medical services and medical care to citizens are analyzed.

The article emphasizes the specifics of legal relations for the provision of medical care, which determines the features and problematic aspects of the procedure for compensation for damage to the life and health of the patient. In conclusion, the authors conclude that it is necessary and expedient to develop a system of liability insurance for medical workers, as well as the prospective development and improvement of mechanisms for legal regulation of the procedure for compensation for damage caused by the provision of substandard medical services and medical care.

Keywords: constitutional law, medical care, medical services, compensation for harm.

References

1. Ponkina A.A. The right to safe medical care: constitutional and legal aspect // Law and modern States. 2012. No. 6. pp. 31–36.
2. Povzun S.A. A defect in medical care or an accident? // Medical law. 2017. No. 4. pp. 14–17.
3. Ogarkov I.F. Medical offenses and criminal liability for them. L.: Medicine, 1966. P. 196.
4. Lantukh D.V., Nevzgodina E.L. Compensation for damage caused to the life and health of citizens as a result of the provision of medical services // Bulletin of Omsk University. The series "Law". 2019. Vol. 16, No. 4. pp. 104–114.
5. Gladkova D.V. Modern problems of private medicine // StudArctic Forum. 2020 No. 1(17). pp. 2–5.
6. Spitsyna O.V., Shiganova E.A. Problems of providing free medical care to citizens of the Russian Federation // Issues of Russian and international law. 2018. Volume 8. No. 3A. pp. 112–120.

Правовая форма латинских терминов, необходимых для различных уровней юридического образования

Масягина Юлия Борисовна,

к.ю.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: masyagina.iul@yandex.ru

Зиновьева Ирина Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: razrabirin@yandex.ru,

В данной статье ставится вопрос о роли римского права и латыни для успешного формирования профессиональных и универсальных компетенций будущего юриста. Цель: определить роль латинского языка на современном этапе изучения юридических дисциплин, предложить процентное соотношение латинских правовых лексем и фразеологизмов для изучения студентами юридических образовательных учреждений при освоении универсальных и профессиональных компетенций. Методологическая основа: совокупность догматического, структурно-семантического, диалектического, описательного, исторического методов исследования, а также анализ учебных рабочих программ по латинскому языку и римскому праву. Результаты: дано авторское определение правовой лексемы и правового фразеологизма как элементов нормативных предложений, из которых состоит текст современных нормативных правовых актов. Выводы: обосновывается необходимость адаптации латинских правовых институтов в современную систему права России, но с сохранением международной юридической терминологии.

Ключевые слова: правовая лексема, правовой фразеологизм, латинский термин и латинское изречение, латинские правовые институты, нормативное предложение текста нормативного правового акта.

Современное юридическое образование имеет различные уровни: среднее профессиональное, бакалавриат, специалитет и магистратуру, далее идёт уровень аспирантуры, повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Эти уровни предполагают изучение базовых юридических дисциплин в разных объемах и дополнительных, вариативных предметов в зависимости от уровня усложнения программы. На первом и втором уровнях получения юридического образования практически отсутствует или существует в качестве фрагментарного изучение римского права и латинского языка. Это связано с тем, что каждое образовательное учреждение может самостоятельно устанавливать количество часов для изучения вариативных дисциплин.

На уровне специалитета достаточное количество часов, а магистратура и все более высокие уровни получения юридического образования предполагают такую специализацию, где латынь изучается не по обязанности сдать предмет, а по необходимости видеть глубинные связи, которые прослеживаются только при изучении основополагающих принципов права (*principium*) и основных черт романо-германской и англо-саксонской правовых семей (семья общего права в сравнительной компаративистике). Такое видение необходимо вследствие процесса глобализации и объединения в рамках одной правовой системы правовых институтов из различных правовых семей.

В связи с постоянным изменением правовой системы и появлением большого количества новых норм и институтов права, возрастает необходимость правильного и грамотного применения латинской юридической терминологии, общенаучной лексики латинского происхождения, юридических изречений и речевых формул, а также их лексико-семантического толкования при изучении нормативно-правовых актов.

Студенты разного уровня юридического образования, обладающие базовыми компетенциями, смогут вывести и понять заключенное в слове или словосочетании латинского происхождения, лексико-семантическое значение, прямо не выраженное в тексте нормативно-правового акта. Без учета всех обозначенных выше факторов не будет и глубинного понимания принципов права.

В данной статье мы вводим понятие правовой лексемы как единицы юридического языка, обозначающей правовую форму и звуковую оболочку единичного латинского изречения. Тогда, речевые формулы латинского происхождения будут выражены как нормативное предложение, состоя-

щее из различных элементов, включающих в себя правовые лексемы и правовые фразеологизмы, состоящие из словосочетаний, куда могут входить несколько правовых лексем. Этот юридический язык, который можно условно подразделить на нормативные предложения, состоящие из правовых лексем и правовых фразеологизмов, станет предметом настоящего исследования.

Юридический язык со времен средневековья, когда все ученые правоведы владели латынью, остается, конечно, со значительными отличиями для каждой правовой семьи, универсальной правовой формой и правовым средством для всех правовых институтов[3]. Римские юристы создали юриспруденцию как науку и основные правовые институты, регулирующие современные правоотношения всех правовых систем стран мира.

Общеизвестно, что в XIX веке на съездах юристов-компаративистов были зафиксированы основные черты Романо-германской правовой семьи и семьи Общего права (Common law). Романо-германская правовая семья сразу позиционировала себя как наследница основных правовых институтов римского права. Одним из достижений римской юриспруденции, рецепцией римского правового наследия средневековой Европы являются латинские юридические изречения и термины, относящиеся к римскому праву, к современному международному частному праву, международному гражданскому процессу и дипломатической практике[1].

Отличия системы Общего права (Common law) были сформированы в условиях естественной изоляции Великобритании от норм континентального права. Правовая система Великобритании до сих пор разделена на правовую систему Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии. В XIII–XVII веках правовая система Англии разделилась на общее право и право справедливости, появился трактат «О законах и обычаях Англии» Генри Брактона и так называемые «Записные книги» (Bracton's Note Book) Брактона, где выводились конституционные основы Англии, при этом все эти источники были написаны на латыни, включая Магну Карту и Habeas Corpus Акт (Magna Charta and Habeas Corpus Act). Указанные юридические документы хотя и написаны на латыни, но содержат институты права, не существующие в римском праве классического периода.

Английская правовая система, положенная в основу правовой семьи Общего права (Common law), основана на идее единичности, а не всеобщности права, то есть противоречит основному положению римского права – закон един для всех. Lex uno ore omnes alloquitur (закон говорит со всеми одинаково). Брактону Г., Блэкстону У. и Бэджотту Г. принадлежит идея построения английского права подобно тому как пчелы строят соты, без законодательной техники и планирования. Принцип римского правотворчества, создание единых правил для всех, более близок нашему российскому правосознанию.

С этим связана необходимость адаптации тех институтов права, которые существуют в латинских правовых формах, но взяты из системы Общего права Великобритании и используются в современной системе права Российской Федерации. В нашей правовой системе и системе права традиционно используется много латинских юридических терминов и изречений, которые либо становятся принципами, исходными началами права, либо правовыми институтами[2].

Мы сталкиваемся с трудностями при толковании закона и объяснении обучающимся смысла нормативного правового акта, когда в тексте законодатель объясняет латинский правовой институт, напрямую не называя его. Правовая лексема и правовой фразеологизм, как составляющие нормативного предложения – это ключевое для юридических текстов, завуалированное использование латинских терминов. Такое завуалированное употребление правовых лексем и фразеологизмов в законодательных текстах утяжеляет его, при попытке упростить эти элементы нормативных предложений, прибавив при этом огромное количество описательных определений.

Приведем конкретные примеры. Уголовно-процессуальный Кодекс РФ содержит по факту Habeas корпус, но называется это институт задержания подозреваемого, которого можно задержать на 48 часов, а потом необходимо либо предъявить обвинение, либо выпустить на свободу. В случае с адаптацией классических латинских юридических терминов нашему российскому законодателю проще. Гражданский процессуальный Кодекс РФ содержит институт подсудности, участников процесса, представительство в суде, свидетеля и другие, а латинские процессуальные формулы, такие как: один свидетель не свидетель (Testis unus, testis nullus), никто не может быть судьей в собственном деле (Nemo iudex in propria causa), всё равно работают.

В Гражданском Кодексе Российской Федерации достаточно привести примеры института собственности, сервитута, негативного и виндикационного исков, чтобы понять, что статьи 209, 274, 304, 167, 301 содержат эти институты, хотя и не содержат латинскую транслитерацию. Значит можно констатировать, что нормативные предложения, из которых состоит текст любого нормативного правового акта, изложены законодателем адаптировано для простоты понимания правореализаторов, но это не означает, что студент, будущий юрист не должен понимать, что именно римские юристы сформулировали содержание института собственности, фактически изобрели универсальное определение, изложенное в 209 статье Гражданского Кодекса РФ. Таким образом, мы наблюдаем замену исходного термина латинского происхождения на описательное, громоздкое, подробное определение. Здесь прослеживается диалектический закон единства и борьбы противоположностей и логический прием тождества: законодатель, пытаясь упростить, объяснить, что такое виндикация и виндикационный

иск, парадоксально усложняет термин, изначально выраженный в одном или нескольких словах.

В связи с вышесказанным, можно сделать вывод о необходимости не только извлечь действительный смысл законодательного текста, состоящего из нормативных предложений, но изучить в определенном объеме латинские изречения и термины, уметь их правильно прочесть и произнести. Указанный объем, в достаточной степени условно, можно выразить в процентном отношении. Для первых двух ступеней получения юридической профессии, среднего юридического и бакалавриата достаточно от десяти до тридцати процентов условного контента правовых лексем и фразеологизмов, специалистам и магистрантам, которые будут работать в прокурорской и судебной специализации и других областях юриспруденции, необходимо усвоить как минимум пятьдесят процентов предложенного контента.

Контент латинских терминов и изречений предлагаем составить из правовых лексем и фразеологизмов. Где правовая лексема – это единица международного юридического языка, основа слова, которая обозначает его звуковую оболочку или правовую форму универсального латинского термина или латинского изречения, а правовой фразеологизм – это последовательный, логически выстроенный комплекс правовых лексем, составляющий часть нормативного предложения.

С точки зрения практической значимости, данное исследование обосновывает использование вышеуказанных определений в процессе изучения, как римского права, так и теории государства и права, а также отраслевых юридических дисциплин.

Литература

1. Берг Е.Б., Горяев С.О. Латинский язык для юристов. Учебник. – М.: Юстиция, 2019. – 272 с.
2. Зиновьева И.В. Деривационные классы английских глаголов в подязыке медицины: межуровневые корреляции. Квантитативная лингвистика: сборник научных статей / Министерство образования и науки РФ; Смоленский государственный университет. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2014. – 61 с.
3. Куликова О.Н., Масыгина Ю.Б. Правовая форма и правовые средства в правовом регули-

ровании: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 176 с.

4. Гревцов Ю.И. Энциклопедия права: учебное пособие / Ю.И. Гревцов, И.Ю. Козлихин; Санкт-Петербургский гос. ун-т, Юридический фак. – Санкт-Петербург: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. – 771 с.
5. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГА, 2003. 521 с.
6. Тихомиров Ю.А. Право: современные границы регулирования. – М.: НОРМА-ИНФРА, М, 2008. – 184 с.

LEGAL FORM OF LATIN TERMS WHICH ARE NECESSARY FOR VARIOUS LEVELS OF LEGAL EDUCATION

Masyagina Ju.B., Zinoveva I.V.

Smolensk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation

This article raises the question of the role of Roman law and Latin for the successful formation of professional and universal competencies of a future lawyer. Purpose: to determine the role of the Latin language at the present stage of studying legal disciplines, to propose the percentage of Latin legal lexemes and phraseological units for studying by students of legal educational institutions when mastering universal and professional competencies. Methodological basis: a set of dogmatic, structural-semantic, dialectical, descriptive, historical research methods, as well as analysis of educational work programs in the Latin language and Roman law. Results: the author's definition of a legal lexeme and legal phraseology as elements of normative sentences that make up the text of modern normative legal acts is given. Conclusions: the need to adapt Latin legal institutions to the modern system of Russian law, but while maintaining international legal terminology, is substantiated.

Keywords: legal lexeme, legal phraseology, Latin term and Latin saying, Latin legal institutions, normative sentence of the text of a normative legal act.

References

1. Berg E.B., Goryaev S.O. Latin for lawyers. Textbook. – М.: Justice, 2019. – 272 p.
2. Zinovieva I.V. Derivational classes of English verbs in the sublanguage of medicine: cross-level correlations. Quantitative linguistics: collection of scientific articles / Ministry of Education and science of the Russian Federation; Smolensk State University. Smolensk: SmolGU Publishing House, 2014. – 61 p.
3. Kulikova O.N., Masyagina Yu.B. Legal form and legal means in legal regulation: monograph. – М.: YurLitinform, 2022. – 176 p.
4. Grevtsov Yu.I. Encyclopedia of Law: textbook / Yu.I. Grevtsov, I. Yu. Kozlikhin; St. Petersburg State University, Faculty of Law. – St. Petersburg: Publishing house. house of the St. Petersburg state University, 2008. – 771 p.
5. Kerimov D.A. Methodology of law: Subject, functions, problems of philosophy of law. М.: Publishing house SGA, 2003. 521 p.
6. Tikhomirov Yu.A. Law: modern boundaries of regulation. – М.: NORMA-INFRA, М, 2008. – 184 p.

Мясников Владимир Викторович,

кандидат юридических наук, кафедра гражданского процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
E-mail: myasnikov.spb@mail.ru

В настоящей статье рассматривается современное правовое регулирование дополнительной работы в трудовых отношениях работодателя и работника. Анализ понятий трудовых отношений и трудового договора, дает основание рассматривать трудовую функцию работника как главный элемент среди иных элементов этих понятий. Вместе с тем, автор считает, что дополнительная работа также связана с исполнением работником трудовой функции (по иной или такой же профессии (должности) / выполнением работником конкретного вида работы). Это позволяет автору прийти к выводу, что при возникновении дополнительной работы между работником и работодателем будут возникать новые трудовые отношения, требующие в соответствии с ТК РФ заключения между сторонами действующего трудового договора – нового трудового договора для выполнения работником трудовой функции по дополнительной работе; автором также предлагается дополнить классификацию видов трудового договора и сделать необходимые изменения в правовых нормах о дополнительной работе.

Ключевые слова: трудовые отношения, трудовое законодательство, трудовая функция, трудовой договор, дополнительная работа, совмещение профессий (должностей).

Трудовое законодательство РФ находится в постоянном развитии, так как этого требуют динамично, а порой и турбулентно меняющиеся внешне- и внутри-экономические условия в которых находятся хозяйствующие субъекты национальной экономики, основанной на свободе установления, изменения и прекращения хозяйственных связей. Совершенствование Трудового кодекса РФ является процессом, постоянно направленным на поиск баланса интересов сторон трудового отношения. При этом, совершенствовать трудовое законодательство необходимо доктринально обоснованно, крайне «щадяще» и взвешенно, но с оптимальным развитием изменений [1, с. 142]. Поскольку история отечественного права и его практика применения показывает тяготение РФ к континентальной системе права, где каждый нижестоящий в иерархии акт не должен противоречить выше расположенному [2, с. 50], то ТК РФ должен «задавать» основы правового регулирования для всего трудового законодательства (статья 5 ТК РФ), оставаясь на его условной вершине, но непременно являя собой образец непротиворечивого правового регулирования.

По прошествии времени с момента вступления в силу изменений в ТК РФ, предусмотренных федеральным законом от 30.06.2006 № 90-ФЗ (далее – федеральный закон № 90-ФЗ), известными и авторитетными учеными-исследователями профессором Лушниковым А.М. и профессором Лушниковой М.В., в учебном издании 2009 г. уточнялось, что доктринальная классификация видов трудовых договоров служит основой для совершенствования трудового законодательства, легально дифференцируя видовой состав трудовых договоров. Профессор Е.Б. Хохлов в учебном издании 2010 г. высказывал мнение, что научная классификация видов трудового договора преимущественно необходима для доктринального познания исследуемого явления и как следствие – не имеет непосредственного практического значения, не обладая ко всему качествами общеобязательности (императивности).

Статья 15 ТК РФ определяет то, что, по мнению законодателя должны в себя включать трудовые отношения (из чего складываться и состоять). Исследуя понятие трудовых отношений, указанного в статье 15 ТК РФ, совершенно очевидным представляется то, что «сердцевиной» его содержания, т.е. центральным параметром трудовых отношений является трудовая функция. Полагаем, что можно непротиворечиво и справедливо утверждать, что в условиях возникших и действующих трудовых отношений, именно исполнение работником трудовой функции необходимо работодателю от работника,

и именно за выполнение этой конкретной трудовой функции работник обеспечивается работодателем заработной платой. Все остальные условия, указанные в «орбите» определения трудовых отношений в статье 15 ТК РФ, можно рассматривать как необходимые, но все же – второстепенные по отношению к «приме» этого определения – трудовой функции. Несмотря на то, что «трудовые отношения» в ТК РФ «с точки зрения» русского языка упомянуты во множественном числе, они возникают на основе одного «соглашения» (в единственном числе) между договаривающимися сторонами о выполнении работником «трудовой функции» (в единственном числе). т.е. по возникшим между сторонами трудовым отношениям работник выполняет одну трудовую функцию (но не две, не три,...), и это определяет ТК РФ. Также уточним, что трудовые отношения возникают на основании одного из двух юридических фактов: либо заключенного трудового договора, либо надлежащего допуска работодателем работника к работе (очевидно – к исполнению работником трудовой функции), когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен, т.е. не был заключен сторонами.

Исследование определения трудового договора, предлагаемое законодателем в статье 56 ТК РФ, дает полную уверенность утверждать, что именно трудовая функция является его главным (основным) элементом, т.е. тем, во имя чего сторонами собственно и заключается трудовой договор. Именно это определение трудового договора конкретизирует собственное целевое назначение трудовой функции – личного и возмездного (за заработную плату) выполнения работником работы, в которой заинтересован работодатель и которая будет исполняться работником под управлением и контролем со стороны работодателя. Также напомним, что заключенный трудовой договор обязательно должен иметь письменную форму (статья 67 ТК РФ).

Собственно трудовая функция (в единственном числе), по мнению законодателя (статья 57 ТК РФ), может быть проявлена конкретным работодателем (исходя из примененного законодателем знака препинания по правилам правописания русского языка – точки с запятой) в одном из двух возможных вариантах:

1) в работе работника по одной должности (при наличии у работодателя штатного расписания, содержащего наименование должностей, профессий, со специальностью с указанием квалификации), при этом слово «должность» указано законодателем по правилам правописания русского языка в единственном числе;

2) в конкретном виде работы работника (очевидно, при отсутствии у работодателя штатного расписания, создание которого является правом, но не обязанностью работодателя или если этот конкретный вид работы не предусмотрен и не будет предусматриваться действующим у работодателя штатным расписанием); здесь, как и в первом варианте, работа определена законодателем

по правилам правописания русского языка в единственном числе.

Таким образом, как в первом, так и во втором варианте применения (т.н. «наполнения») трудовой функции для работника должна быть указана (определена) работодателем либо конкретная работа по должности (не две, три и более), либо указан (определен) один вид работы, но не два, не три и не более.

Статья 57 ТК РФ не содержит требования об определении в качестве обязательных условий трудового договора собственно трудовых обязанностей и прав работника, но дополнительные условия могут их содержать, но непременно уточняя их к условиям работы работника (т.е. полагаем по исполнению работником своей трудовой функции); при этом уточнение должно быть основано только на нормах, установленных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами (содержащих нормы трудового права). Так как это дополнительное, но не обязательное условие, то трудовой договор может и не содержать обязанностей и прав в этом уточняющем контексте. Но указанная норма ТК РФ предусматривает по соглашению сторон трудового договора возможность включать в текст трудового договора обязанности и права работника и работодателя, определяемые соглашениями, коллективным договором или локальными нормативными актами; не включение в текст трудового договора обязанностей и прав сторон трудового договора не рассматривается законодателем как отказ сторон от их реализации.

Необходимо отметить, что, несмотря на именно такую относительно современную трактовку законодателем понятия трудовой функции (введена в правовое действие федеральным законом № 90-ФЗ), за ней ученые-трудовики видят, прежде всего, наличие у работника помимо установленных законодательством РФ (в широком смысле) прав и обязанностей, но и конкретно определенных работодателем, прежде всего его локальными нормативными актами (как т.н. «работодательскими» источниками трудового права на локальном уровне) трудовых обязанностей и прав работника, а также установленных в договорном порядке соглашением и (или) коллективным договором прав и обязанностей работников.

Трудовые обязанности работника – в свою очередь, как трудовая функция в трудовом договоре, является некоей «сердцевиной» характеристик, определяемых по-прежнему применяемыми ЕКС (именуется как «должностные обязанности»), ЕТКС (именуется как «характеристика работ»), а также для должностей, предусмотренных профессиональными стандартами (именуется – «трудовые действия»). Право определения конкретики трудовых обязанностей работника принадлежит работодателю.

Исследуя правовое содержание дополнительной работы, определенное статьей 60.2. ТК РФ, можно констатировать, что дополнительная работа (с момента вступления в действие изменений,

предусмотренных федеральным законом № 90-ФЗ) по сравнению с совместительством, очевидно, является потребностью (организационной, производственной, проч.) именно работодателя, но не работника; инициатива в необходимости ее выполнения будет принадлежать работодателю, равно как и определение ее содержания, объема и продолжительности (срока) по которым должно быть получено письменное согласие работника, которому работодателем предлагается дополнительная работа. Необходимо отметить, что дополнительная работа возможна и при совместительстве (статья 60.1., глава 44 ТК РФ) для внешних совместителей при исполнении ими трудовой функции у т.н. «внешнего работодателя». За выполнение дополнительной работы не предусмотрена выплата работодателем работнику заработной платы; по мнению законодателя, достаточным возмещением будет являться «дополнительная оплата».

Дополнительная работа (статья 60.2. ТК РФ) предполагает первоначально два варианта ее исполнения – по аналогичной для работника профессии (должности) или по иной профессии (должности), отличной от занимаемой в момент необходимости для работодателя дополнительной работы этого работника, причем ТК РФ здесь однозначен – по профессии (должности). Пути реализации дополнительной работы могут быть различными в зависимости от занимаемой должности (выполняемой трудовой функции по профессии) в момент предложения работодателем работнику дополнительной работы, как труда по профессии, должности (это первый вариант исполнения – при наличии у работодателя штатного расписания, содержащего наименование должностей, профессий, со специальностью с указанием квалификации):

а) совмещение профессий (должностей) – при не совпадении «текущей» профессии, должности с предполагаемой по дополнительной работе иной по отношению к «текущей» профессии, должности;

б) расширение зон обслуживания – при совпадении «текущей» профессии, должности и предполагаемой по дополнительной работе профессии, должности;

в) увеличение объема работ – аналогично предыдущему пути, т.е. при совпадении «текущей» профессии, должности и предполагаемой по дополнительной работе профессии, должности.

Каждый из вышеупомянутых путей предполагает наличие у работодателя штатного расписания, содержащего наименование должностей, профессий, со специальностями с указанием квалификаций. Но возможно ли реализовать положения статьи 60.2. ТК РФ в случае, когда «текущая» трудовая функция по трудовому договору работника определена работодателем для него вторым вариантом исполнения дополнительной работы – выполнением работником конкретного вида работы? Или в этом случае поручение дополнительной работы закон исключает из возможного правового регулирования? В этом нами усматривается правовая неопределенность, относящаяся к условно

«субъективной» правовой неопределенности [3, с. 19], способной быть устраненной.

Еще более проблемным с точки зрения практической реализации конкретным работодателем представляется непосредственное применение последнего абзаца статьи 60.2. ТК РФ. По совпадающей или не совпадающей профессии (должности) возможно выполнение работником обязанностей временно отсутствующего работника (без указания возможных оснований и предельного времени такого отсутствия). Обязанности, несомненно, будут разрабатываться работодателем с применением ЕКС, ЕТКС или профессиональных стандартов. Но и ЕКС, равно как и профессиональные стандарты в свое основе имеют квалификационные характеристики, которым должен соответствовать работник, которому будет поручена дополнительная работа (ЕКС именует их как «требования к квалификации»; профессиональные стандарты – как «требования к образованию и обучению, к опыту практической работы; особые условия допуска к работе»).

Но и в этом случае работник будет выполнять обязанности, входящие в трудовую функцию такой же, но иной по отношению к нему профессии (должности) или вообще другой. Если дополнительная работа при исполнении обязанностей отсутствующего работника будет поручаться по другой профессии (должности), то обязательно потребуются наличие соответствия имеющейся у этого работника квалификации требованиям ЕКС, профессиональных стандартов, что должно иметь законодательное закрепление.

При реализации любого из путей предоставления дополнительной работы (совмещением профессий (должностей), расширением зон обслуживания, увеличением объема работ, исполнения обязанностей временно отсутствующего работника) работодатель неизбежно ставит под угрозу ненадлежащего или неполного исполнения трудовой функции работником по занимаемой им должности (его работы по определенной профессии / выполнения конкретного вида работы), т.к. дополнительная работа выполняется одновременно с исполнением этой трудовой функции.

Кроме того, при выполнении дополнительной работы работник может замещать должность (работать по профессии), которая позволяет (пусть и временно) приобрести такому работнику ранее ему не принадлежавший правовой статус, который потребует от работодателя обеспечения соответствующей реализации для такого работника определенных законодательством (возможно для этого работодателя – повышенных) обязательств в организации труда (по продолжительности рабочего времени, по режимам рабочего времени и др.), по организации времени отдыха, по обеспечению безопасности труда, а также по предоставлению соответствующих гарантий и компенсаций. В ряде случаев потребуются предварительная проверка соответствующего уровня состояния здоровья, отсутствия запретов для замещения соответству-

ющих должностей или выполнения работ, допуска к работе со сведениями, составляющими тайну, охраняемую законом. Возможно, для сторон, вступающих в отношения по поводу дополнительной работы не лишним условием, будет и возможность установить испытание, предусмотренное для трудового договора, но не имеющее в настоящее время правового регулирования при дополнительной работе. Кроме того, для рассмотрения работником предложения от работодателя о дополнительной работе, для принятия работником решения о возможности выполнения предлагаемой дополнительной работы, крайне важным, необходимым и насущным представляется установленная законом обязанность предварительного (до заключения правоотношения по дополнительной работе) ознакомления работодателем работника с соглашением, коллективным договором и локальными нормативными актами, непосредственно связанными с трудовыми обязанностями и правами, предполагаемыми необходимыми для выполнения дополнительной работы, а также ознакомление работника с ответственностью, гарантиями, компенсациями и др. В противном случае работник не имеет возможности сформировать свое представление о возможности им исполнения дополнительной работы и сделать свой взвешенный и обоснованный выбор. В связи с тем, что дополнительная работа может быть как срочной, так и бессрочной, указанные выше обстоятельства, на наш взгляд, настоятельно требуют заключения сторонами письменного соглашения с подробным правовым регулированием дополнительной работы, причем с не меньшей степенью защиты сторон (прежде всего работника), чем позволяет это осуществить трудовой договор. Ну а настоящее законодательное правовое регулирование не предполагает оформление каких-либо точно определенных письменных документов при поручении дополнительной работы. По мнению профессора О.В. Смирнова, изложенного в учебнике 2011 г., – все виды дополнительной работы не оформляются в виде второго трудового договора. В учебном издании 2020 г. профессором Дмитриевой И.К. было отмечено, что условия совмещения профессий и должностей определяются соглашением сторон и оформляются соответствующим приказом (распоряжением), но что в себя должно включать это соглашение и подлежит ли соглашение сторон какому-либо оформлению – не было уточнено. Стоит напомнить, что ТК РФ запрещает требовать выполнения работы, не обусловленной трудовым договором (с исключениями; статья 60 ТК РФ). Но при поручении дополнительной работы работодателю нет необходимости «преодолевать» такой запрет, т.к. работодатель не требует от работника выполнения дополнительной работы, он договаривается с работником о выполнении дополнительной работы.

Однако, весьма важным представляется поиск ответа на следующий вопрос – при выполнении дополнительной работы возникает ли «новые» трудовые отношения и выполняет ли такой работник при

осуществлении дополнительной работы «другую» трудовую функцию?

Предметом правового регулирования трудового права помимо упомянутых трудовых отношений являются и иные общественные отношения (статья 1 ТК РФ). Единственное из иных общественных отношений с близким по возможному содержанию может быть рассмотрено общественное отношение, именуемое как «организации труда и управлению трудом», которое, однако, не имеет законодательной дефиниции и теория трудового права не дает своего однозначного предложения о «наполненности» этого общественного отношения правами и обязанностями сторон.

Очевидным и несомненным будет то, что при дополнительной работе – возникает одно из десяти общественных отношений, составляющих предмет трудового права, в связи с чем, сделаем предположение, что при дополнительной работе возникает именно трудовое отношение. Это можно с некоей уверенностью утверждать, т.к. дополнительная работа работника возможна только при его согласии на нее, при этом работник будет выполнять дополнительную работу лично и за плату, в интересах, под управлением и контролем работодателя. Исследовав имеющееся правовое регулирование, предусмотренное в настоящее время статьями 60.2. и 150 ТК РФ, можно сделать вывод о том, что перед нами налицо трудовые отношения.

При наличии у работодателя штатного расписания или перечня профессий, специальностей с указанием квалификации, работодателю необходимо предлагать работнику дополнительную работу по должности, либо при отсутствии у работодателя штатного расписания или перечня профессий, специальностей с указанием квалификации – конкретный вид работы. В обоих случаях возникают «новые» трудовые отношения, иные и отличные от уже действующих между работником и работодателем до предложения работнику дополнительной работы. Таким образом, возникновение дополнительной работы влечет за собой возникновение новых трудовых отношений. Поскольку трудовые отношения возникают при наличии трудового договора либо надлежащего допуска (с неизбежным последующим оформлением трудового договора), то по общему правилу для оформления дополнительной работы требуется заключение трудового договора. Заключение трудового договора требует определение трудовой функции работодателем (если до этого она не была определена) и выполнения этой трудовой функции работником при выполнении дополнительной работы.

Таким образом, при выполнении дополнительной работы возникают новые трудовые отношения, требующие в соответствии с ТК РФ заключить новый трудовой договор. При этом, по нашему мнению, статья 72 ТК РФ не может быть использована для оформления правоотношения по дополнительной работе, т.к. мы считаем, что в действующем трудовом договоре изменений, определенных его сторонами – не происходит, т.к. дополнительная

работа выполняется наряду с выполняемой работником работы в течение установленной продолжительности рабочего дня (смены).

По справедливому замечанию профессора А. М. Куренного, трудовой договор является выдержавшей испытанием временем правовой формой, но при отсутствии гибкости законодателя, у работодателей появляются ситуации, провоцирующие, а иногда и вынуждающие его осуществлять поиск «обходных» путей, которые не способствуют реализации защитной функции трудового права [1, с. 144–145]. Уклонение работодателя от оформления трудовых отношений, связанных с не заключением трудового договора – все еще имеет место быть в трудовые взаимоотношениях сторон.

Попытки упрощения оформления трудовых отношений, подчас применяемая подмена заключения трудового договора изданием работодателем организационно-распорядительного документа (например, приказа работодателя, не носящего договорной характер) не только не укрепляет правовое положение сторон трудовых отношений, напротив лишь дает повод работодателям поступать весьма произвольно, в чем проявляется риск неопределенности трудовых взаимоотношений работника и работодателя, что, также понижает защитный функционал трудового законодательства РФ и трудового права РФ в целом. Тем более, что современные условия построения взаимоотношений сторон работодателя и работника осложняются факторами многослойных и многообразных реальных экономико-социальных обстоятельств [4, с. 109–111].

Недопустимость форм пограничного найма работодателями работников отмечается в современных исследованиях [5, с. 30]. Дополнительная работа, как способ, позволяющий работодателю максимально быстро осуществить реализацию собственных производственно-организационных задач, является необходимым экстренным выходом из сложного «кадрового» положения, в которое подчас попадает работодатель. Однако, это не должно давать работодателю повод достаточно свободно, по своему усмотрению реализовывать упрощение, а порой и низложение правового регулирования трудовых отношений.

На сегодня ТК РФ дает основание работодателю действовать таким неблагоприятно-правовым образом, в связи с чем, считаем, что пришло время дополнить доктринальную классификацию видов трудового договора «дополнительной работой», подготовить предложения о внесении необходимых изменений в статьи 60.2. и 150 ТК РФ, детализирующие правоотношения сторон по предложенным, в частности, в настоящей статье направлениям. Наконец, следует пересмотреть собственно наименования статей 60.2. и 150 ТК РФ, как не соответствующих своему правовому смыслу, в связи с тем, что они призваны урегулировать правоотношения сторон о дополнительной работе, но не пути ее реализации.

Полагаем, что заключение предлагаемого нами для выполнения дополнительной работы трудового договора, правовое регулирование которого основано на принципах трудового права, позволит надеяться на создание надлежащих правовых условий обеспечения максимальной защиты сторон трудового договора, и прежде всего – работника.

Литература

1. Куренной А.М. Проблемы правового регулирования труда в начале XXI века / А.М. Куренной // Российский ежегодник трудового права. – 2011. – № 6. – С. 142–146. – EDN OJWUEF.
2. Куренной А.М. Необходимость срочного создания нового трудового кодекса: «идея фикс»? Российский ежегодник трудового права. 2020. № 10. С. 40–52.
3. Лушникова М.В. Правотворческая трудовая техника: зоны правовой неопределенности в институте вины в трудовом праве / М.В. Лушникова // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2022. – № 16. – С. 16–29. – EDN CKGNSE.
4. Мясников В.В. Срочный трудовой договор в России. Век от введения до прекаризации / В.В. Мясников // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: Материалы VI международной научно-практической конференции, в 2-х т., Санкт-Петербург, 25 сентября 2020 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – С. 104–113. – DOI 10.47645/978–5–6044512–3–6_2020_1_104. – EDN IVGERZ.
5. Демидов Н.В. Общественный договор в системе трудовых отношений современной России / Н.В. Демидов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 4. – С. 25–48. – DOI 10.17323/2072–8166.2021.4.25.48. – EDN SBYDMK.

TO SOME QUESTIONS ABOUT THE LEGAL REGULATION OF ADDITIONAL WORK

Myasnikov V.V.

St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)»

This article examines the modern legal regulation of additional work in the labor relations of the employer and the employee. The analysis of the concepts of labor relations and an employment contract gives grounds to consider the labor function of an employee as the main element among other elements of these concepts. At the same time, the author believes that additional work is also associated with the performance of an employee's labor function (for another or the same profession (position) / the performance of a specific type of work by an employee). This allows the author to come to the conclusion that when additional work occurs between an employee and an employer, new labor relations will arise that require, in accordance with the Labor Code of the Russian Federation, the conclusion between the parties of an existing labor contract – a new labor contract for the employee to perform the labor function for additional work; the author also proposes to supplement the classification of types of labor contract and make the necessary changes in legal norms about additionally.

Keywords: labor relations, labor legislation, labor function, employment contract, additional work, combination of professions (positions).

References

1. Kurennoy A.M. Problems of legal regulation of labor at the beginning of the XXI century / A.M. Kurennoy // Russian Yearbook of Labor Law. – 2011. – No. 6. – pp. 142–146. – EDN OJWUEF.
2. Kurennoy A.M. The need for urgent creation of a new labor code: “idea fix”? Russian Yearbook of Labor Law. 2020. No. 10. pp. 40–52.
3. Lushnikova M.V. Law-making labor-law technique: zones of legal uncertainty in the institute of guilt in labor law / M.V. Lushnikova // Bulletin of Labor Law and Social Security Law. – 2022. – No. 16. – pp. 16–29. – EDN CKGNSE.
4. Myasnikov V.V. Fixed-term employment contract in Russia. The Century from introduction to precarization / V.V. Myasnikov // Topical issues of the development of statehood and public law: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, in 2 volumes, St. Petersburg, September 25, 2020. Volume 1. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2020. – pp. 104–113. – DOI 10.47645/978–5–6044512–3–6_2020_1_104. – EDN IVGERZ.
5. Demidov N.V. Social contract in the system of labor relations in modern Russia / N.V. Demidov // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – No. 4. – pp. 25–48. – DOI 10.17323/2072–8166.2021.4.25.48. – EDN SBYDMK.

Савельев Петр Геннадьевич,

магистрант, кафедра теории и истории права и государства
Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российского
государственного университета правосудия»
E-mail: ivantumanovspg@gmail.com

Статья начинается с обсуждения взглядов античных философов, таких как Платон и Аристотель, на правосудие, затем переходит к его трактовке в средневековье, когда правосудие приобрело духовный аспект под влиянием христианской теологии, а в эпоху Нового времени и Просвещения правосудие трансформируется, отражая светские идеалы и идеи о естественных правах и разделении властей.

Статья рассматривает различные юридические интерпретации правосудия в современной России, отмечая его функции; особое внимание уделяется изменениям в понимании правосудия в советский период и его последующей эволюции в современной российской юридической науке, где правосудие рассматривается как средство разрешения социальных конфликтов и нарушений права.

Автором обсуждаются правовые основы организации правосудия в Российской Федерации, в том числе конституционные нормы и структуры судебной системы, также упоминается влияние на национальное право международно-правовых стандартов правосудия.

Ключевые слова: правосудие, государственная функция, история правосудия, конституционное право, судебная система, правовая эволюция, независимость суда, международные стандарты.

Теоретические принципы правосудия как функции государства

История развития понятия правосудия начинается в античном мире, где философы Платон и Аристотель затрагивали его в своих трудах, так Платон подчеркивал социальную значимость и красоту правосудия, в то время как Аристотель анализировал его через призму справедливости и законопослушности.

В средневековье, под влиянием христианской религии и теологии, правосудие получило духовную окраску, Фома Аквинский, к примеру, рассматривал правосудность как добродетель, тесно связанную с Божьей благодатью.

В эпоху Нового времени отношение к правосудию изменяется с появлением светских идеалов, Томас Гоббс и Гуго Гроций видели в правосудии главный элемент государственного устройства и правовой системы, акцентируя внимание на праве на наказание и интерпретации закона.

В эпоху Просвещения развиваются идеи о естественных правах, общественном договоре и разделении властей, которые также влияют на понимание правосудия, мыслители такие, как Джон Локк, Бенедикт Спиноза и Жан-Жак Руссо, вносят вклад в формирование концептуальных основ современного понимания правосудия [11].

В юридической науке понятие «правосудие» исторически претерпевало изменения и различные толкования, в то время как в современном российском законодательстве данное понятие используется часто, но без детального разъяснения, которое приводит к разнообразию определений в научной литературе.

Изначально в дореволюционных русских трудах термин «правосудие» применялся как общеупотребимый, без особых разъяснений, но с появлением первых советских учебных курсов по процессуальным наукам, например, работы А.Ф. Клейнмана в 1940 году, началось более глубокое изучение данной категории, так как исследователь определял правосудие как разрешение вопросов о применении права к конкретным случаям жизни специальными органами государственной власти, подчеркивая его роль как важной государственной функции [6].

Схожее определение давал и М.С. Строгович в 1939 году, уточняя, что правосудие – это старинный термин, обозначающий особую государственную функцию, осуществляемую судом, то есть осуществление правосудия означает судить о праве, о применении закона к отдельному факту или отношению [10].

В советский период, в частности, в работах А.А. Мельникова и Н.Т. Арапова, социалистическое правосудие рассматривалось как форма госу-

дарственного управления, направленная на охрану социалистического правопорядка и прав граждан, подчеркивая фигуру суда в защите общественного строя и социалистической системы [9].

В современной российской науке В.М. Лебедев видит в правосудии особый вид государственной деятельности, связанной с разрешением социальных конфликтов и нарушений права; А.Т. Боннер и Б.В. Ершов расширяют это понятие, определяя правосудие как рассмотрение и разрешение судебных дел в соответствии с законами и международным правом [1].

Согласно Конституции РФ, судебная власть, осуществляющая правосудие, является одной из трех ветвей государственной власти наравне с законодательной и исполнительной, такая система сдержек и противовесов обеспечивает самостоятельность, независимость и взаимное уравновешивание полномочий различных ветвей власти. Основная роль судебной власти – защита прав и свобод человека и гражданина, юридических лиц, контроль и надзор за законностью и обоснованностью принимаемых актов и решений государственных органов.

Понятие «правосудие» можно рассматривать с нескольких сторон:

1. Правосудие как судебная власть в целом, осуществляемая судебными органами;
2. Правосудие как функция судебной власти и деятельность судебных органов;
3. Правосудие как судебный процесс в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации [2].

В рамках понятия правосудия как судебной власти, оно изучается в единстве с судебной властью и судебными органами, которое включает рассмотрение и разрешение дел в порядке конституционного, уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Цель правосудия – своевременное и объективное рассмотрение дел, реализация права на судебную защиту, поддержание законности и минимального уровня правопорядка, формирование уважения к праву, и предупреждение совершения правонарушений.

Суд, как основной субъект правосудия, выполняет следующие функции:

- Осуществление правосудия в различных порядках (гражданский, уголовный, административный, арбитражный, конституционный);
- Контроль за деятельностью и решениями государственных органов и должностных лиц;
- Гарантия исполнения решений суда;
- Разъяснение закона по вопросам судебной практики;
- Формирование судейского корпуса и содействие другим органам судебной системы.

Правовые основы организации правосудия в Российской Федерации

Основные положения Конституционных норм, регулирующие правосудие в Российской Федерации,

включают исключительное право судов на осуществление правосудия, как это определено статьей 118 Конституции РФ, гарантируя, что правовые вопросы не могут быть разрешены через несудебные инстанции. Независимость судей, зафиксированная в статье 120 Конституции, исключает вмешательство в судебную деятельность, обеспечивая их подчинение только Конституции и федеральному закону. Принцип гласности судебных процессов, установленный статьей 123, обеспечивает открытость и прозрачность судопроизводства, способствуя повышению доверия общества к судебной системе. Равноправие перед законом и судом, закрепленное в статье 19, гарантирует одинаковое процессуальное обращение со всеми участниками судебного процесса, независимо от их социального статуса или иных характеристик по принципу состязательности и равноправия сторон, что подразумевает равные права и обязанности для всех участников процесса.

Как уже было отмечено выше, система судебной власти в России базируется на ряде концептуальных положений Конституции РФ (статьи 118, пункт «г» статьи 71, статьи 125–128, статьи 45, 47, 50 и 128), определяющий порядок формирования судебных органов и основы отправления правосудия, а главным элементом в данной системе является Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», который утверждает принципы формирования и построения структуры судебной системы.

В судебную систему России входит Конституционный Суд РФ, суды общей юрисдикции во главе с Верховным Судом РФ, арбитражные суды во главе с Высшим Арбитражным Судом РФ; так, например, Конституционный Суд РФ выполняет функцию высшего органа судебной власти по защите конституционного строя и прав граждан, а подсистема судов общей юрисдикции и арбитражных судов различается между собой по структуре, составу и объему компетенции.

Главным принципом законодательного регулирования судебной системы является ее единство, гарантируемое Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», которое заключается в общем подходе к правовому регулированию основ судебной власти и унификации источников данного регулирования.

Принципы организации функционирования органов правосудия указываются в ряде законодательных актов, хотя их перечень и формулировки не всегда полностью совпадают, поэтому эффективность соблюдения требований закона в судебной системе напрямую связана с полнотой и четкостью законодательных формулировок [5].

Для обеспечения справедливости и верховенства права как в национальной, так и в международной правовой системе нужно сохранять принципы и гарантии независимости судейской власти, так в Российской Федерации эти гарантии урегулированы законом «О статусе судей в РФ», который

включает меры правовой защиты, материального и социального обеспечения, процедуры осуществления правосудия, систему органов сообщества судей и порядок прекращения их полномочий (судьи и их семьи находятся под защитой государства, при этом судьям предоставляется право на ношение служебного огнестрельного оружия).

Независимость судей также укрепляется через внешние гарантии, основанные на международных стандартах и рекомендациях, в которые входят законодательные основы для назначения судей и требования к профессиональной карьере, основанные на объективных критериях, таких как честность, эффективность, квалификация и личные качества. Европейские стандарты, например, подчеркивают значение создания судебного совета, обеспеченного конституционными гарантиями, для надлежащего гарантирования судебной независимости.

Факторы, влияющие на независимость судей, зависят от их профессиональных и личных характеристик, уровня развития правовой доктрины, состояния правовой культуры в обществе и нацеленности власти на создание независимого суда, а внутренняя независимость судей подразумевает свободу от ненадлежащего внешнего влияния, равенство при распределении дел и обязанность действовать без ограничений и влияний при принятии решений [8].

Международные стандарты, включая Всеобщую декларацию прав человека и резолюции ООН, поддерживают эти принципы независимости судей, обязывая все государства обеспечивать независимость судебных органов, уважать и соблюдать эту независимость, гарантировать судьям право на справедливое судебное разбирательство и соблюдение прав сторон.

Международно-правовые стандарты правосудия

Международные документы, определяющие стандарты правосудия, представляют собой разнообразный набор конвенций, деклараций и принципов, разработанных различными международными организациями, они создают международно-правовую базу для обеспечения независимости судебной системы, защиты прав человека и справедливости правосудия, отражая усилия международного сообщества в формировании общих стандартов правосудия и уважения прав человека, например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, устанавливающий принципы справедливого судебного разбирательства и равенства перед законом, и Конвенция о правах ребенка 1989 года, касающаяся правосудия в отношении несовершеннолетних.

Существует также Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, обеспечивающая права мигрантов с точки зрения правосудия, и Римский статут Международного уголовного суда, который обеспечивает основы для работы и стандарты независимости этого суда.

Международная конвенция о защите всех лиц от насильственных исчезновений, Женевские конвенции и их Дополнительные протоколы, и Всеобщая декларация прав человека заложили основы для права на справедливое и публичное слушание перед независимым и беспристрастным судом, в дополнение, Основные принципы независимости судебных органов, принятые ООН, являются главным руководством по поддержанию независимости судебной власти.

Суды и арбитражи международных судебных институтов специализируются на различных областях, в том числе регулирование деятельности государств в Мировом океане, права человека, международные экономические отношения и региональные интеграционные объединения государств, а их статус, порядок формирования и принципы работы различаются [3].

С развитием международного процессуального права, особенно начиная с XX века, практика международных судебных учреждений эволюционировала к более строгой организационной форме, основанной на правовых нормах и определенных процедурных правилах, примерами таких учреждений являются Международный суд ООН, Международный уголовный суд, Межамериканский суд по правам человека и другие, каждый из которых имеет свою специфику и юрисдикцию [4].

Сами международные судебные учреждения могут различаться по своему характеру и функциям, например, Международный суд ООН, созданный в 1946 году, является главным судебным органом ООН и специализируется на разрешении споров между государствами; суд состоит из 15 членов, избираемых Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности ООН, и обладает правом выносить консультативные заключения по юридическим вопросам.

Исполнение решений Международного суда ООН регламентируется Уставом ООН, который предусматривает обязанность каждого члена ООН выполнять решения Суда по делам, в которых он является стороной.

В дополнение к межгосударственным судам, существуют также международные арбитражные суды, которые, хотя и являются частными структурами, их решения обладают обязательной силой для сторон в споре.

Главная задача международных стандартов состоит в формировании и изменении национального законодательства, и в адаптации существующих норм к международным обязательствам государства.

Существуют различные способы, через которые международные стандарты влияют на национальное законодательство [7]:

1. Прямое действие международных норм, включая самоисполняющиеся нормы, основанные на положениях национальных конституций.
2. Издание специальных актов на национальном уровне для обеспечения выполнения норм, содержащихся в международных актах.

3. Публикация специальных актов, воспроизводящих содержание международно-правовой нормы.
4. Включение в национальные правовые акты указания на необходимость применения норм международного права.

Отметить различие между прямым и косвенным влиянием международных стандартов, так прямое влияние заключается в конституционном признании и включении международных норм в национальное законодательство, в то время как косвенное влияние проявляется через постепенное внедрение и применение основных принципов и норм международного права в национальное законодательство.

Международные договоры в данном процессе отражают согласованную волю участников международных отношений и регулируют их взаимоотношения, обладая наднациональным статусом влияют на национальное законодательство через имплементацию принципов и норм международного права.

Конституция России, например, признает, что общепризнанные принципы и нормы международного права, и международные договоры, являются составной частью ее национальной правовой системы, доказывая то, что национальное законодательство и международные стандарты тесно связаны и взаимодействуют друг с другом, формируя комплексный правовой порядок, который регулирует как внутренние, так и международные дела.

Заключение

От античного мира до современности, от Платона до современных юристов, понятие правосудия развивалось, обогащаясь различными интерпретациями и подходами, а в современной России правосудие представляет собой сложный механизм, обусловленный не только внутренним законодательством, но и международными стандартами и обязательствами.

Роль судебной власти как независимого арбитра в решении конфликтов, защите прав и свобод граждан неоспорима, а конституционное утверждение независимости, прозрачности и доступности судебной системы является краеугольным камнем в обеспечении правосудия, вместе с тем, как показывает история, понятие правосудия постоянно эволюционирует, адаптируясь к меняющимся социальным, политическим и культурным реалиям.

Современные проблемы, такие как необходимость гармонизации национального и международного права, укрепление независимости судебной системы и обеспечение равного доступа к правосудию для всех слоев населения, остаются актуальными, а правосудие, будучи неотъемлемой частью государственной функции, должно продолжать развиваться в направлении укрепления правовой государственности, демократии и защиты прав человека.

Литература

1. Банников И.А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravosudiya-1> (дата обращения: 19.11.2023).
2. Братчикова Д.А. Правосудие как функция судебной власти в РФ // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 176–178. URL: <https://moluch.ru/archive/307/69285/> (дата обращения: 20.11.2023).
3. Дубовицкий О.В. Основные проблемы законодательного регулирования судебной системы // Молодой ученый. 2023. № 9 (456). С. 259–261. URL: <https://moluch.ru/archive/456/100542/> (дата обращения: 22.11.2023).
4. Иглин А.В. Особенности международных судебных учреждений // Научное обозрение. Реферативный журнал. 2016. № 6. С. 120–128. URL: <https://abstract.science-review.ru/ru/article/view?id=1812> (дата обращения: 19.11.2023).
5. Кашепов В. П., Гравина А.А. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации. Москва: Литагент «Юриспруденция», 2011. С. 420. ISBN: 978–5–9516–0500–9.
6. Клейнман А.Ф. Гражданский процесс. М.: Издательство НКЮ СССР, 1940 // Клейнман А.Ф. Избранные труды. Краснодар, 2009. Т. 2. С. 425.
7. Кудрявцева Л.В. Влияние норм международного права на развитие национального законодательства // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-norm-mezhdunarodnogo-prava-na-razvitie-natsionalnogo-zakonodatelstva-1> (дата обращения: 20.11.2023).
8. Куприянов Д.Ю. Принцип независимости судебной власти. 2023. URL: <https://advokat-feygin.ru/stati/princip-nezavisimosti-sudebnoj-vlasti.html> (дата обращения: 20.11.2023).
9. Савицкий В. М. (ред.) Конституционные основы правосудия в СССР. М., 1981. С. 23.
10. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 19.
11. Цырендоржиева Д. Ш., Гнеушева Е.Б. Понятие «Правосудие» на основных этапах исторического развития философской мысли // Манускрипт. 2017. № 3–2 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravosudie-na-osnovnyh-etapah-istoricheskogo-razvitiya-filosofskoy-mysli> (дата обращения: 18.11.2023).

JUSTICE AS AN INTEGRAL FUNCTION OF THE STATE

Saveliev P.G.
Russian State University of Justice

The article begins with a discussion of the views of ancient philosophers, such as Plato and Aristotle, on justice, then proceeds to its interpretation in the Middle Ages, when justice acquired a spiritual aspect under the influence of Christian theology, and in the era of Modern Times and Enlightenment, justice is transformed, reflecting

secular ideals and ideas about natural rights and the separation of powers.

The article examines various legal interpretations of justice in modern Russia, noting its functions; special attention is paid to changes in the understanding of justice in the Soviet period and its subsequent evolution in modern Russian legal science, where justice is considered as a means of resolving social conflicts and violations of law.

The author discusses the legal foundations of the organization of justice in the Russian Federation, including constitutional norms and structures of the judicial system, and also mentions the influence of international legal standards of justice on national law.

Keywords: justice, state function, history of justice, constitutional law, judicial system, legal evolution, independence of the court, international standards.

References

1. Bannikov I.A. The concept of justice // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2017. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravosudiya-1> (accessed: 19.11.2023).
2. Bratchikova D.A. Justice as a function of judicial power in the Russian Federation // Young Scientist. 2020. No. 17 (307). pp. 176–178. URL: <https://moluch.ru/archive/307/69285/> (date of address: 20.11.2023).
3. Dubovitsky O.V. The main problems of legislative regulation of the judicial system // Young scientist. 2023. No. 9 (456). pp. 259–261. URL: <https://moluch.ru/archive/456/100542/> (accessed: 11/22/2023).
4. Iglin A.V. Features of international judicial institutions // Scientific Review. Abstract journal. 2016. No. 6. pp. 120–128. URL: <https://abstract.science-review.ru/ru/article/view?id=1812> (date of appeal: 19.11.2023).
5. Kashepov V. P., Gravina A.A. Constitutional principles of the judicial power of the Russian Federation. Moscow: Litagent «Jurisprudence», 2011. p. 420. ISBN: 978–5–9516–0500–9.
6. Kleinman A.F. Civil process. M.: Publishing House of the NKYU of the USSR, 1940 // Kleinman A.F. Selected works. Krasnodar, 2009. Vol. 2. p. 425.
7. Kudryavtseva L.V. Influence of the norms of international law on the development of national legislation // Law and the State: theory and practice. 2022. № 1 (205). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-norm-mezhdunarodnogo-prava-na-razvitiye-natsionalnogo-zakonodatelstva-1> (date of appeal: 20.11.2023).
8. Kupriyanov D. Yu. The principle of independence of the judiciary. 2023. URL: <https://advokat-feygin.ru/stati/princip-nezavisimosti-sudebnoj-vlasti.html> (accessed: 11/20/2023).
9. Savitsky V. M. (ed.) Constitutional foundations of justice in the USSR. M., 1981. p. 23.
10. Strogovich M.S. The nature of the Soviet criminal process and the principle of competition. M., 1939. P. 19.
11. Tsyrendorzhiya D. Sh., Gneusheva E.B. The concept of «Justice» at the main stages of the historical development of philosophical thought // Manuscript. 2017. № 3–2 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravosudie-na-osnovnyh-etapah-istoricheskogo-razvitiya-filosofskoy-mysli> (accessed: 11/18/2023).

Правовое регулирование устранения коррупционных рисков участия иностранных участников торгов в государственных закупках

Агатова Татьяна Павловна,

аспирант, направление подготовки 40.06.01 Юриспруденция, направленность «Публично-правовые (государственно-правовые науки)» Российской таможенной академии
E-mail: Agatovatp@yandex.ru

В статье представлен обзор различных подходов, используемых для того, чтобы позволить иностранным участникам торгов конкурировать за внутренние контракты на государственных закупках, включая явные и неявные ограничения доступа к рынку, а также открытие закупок для иностранных фирм через соглашения о свободной торговле. Также рассматриваются различные коррупционные риски, связанные с индивидуальным подходом, включая конфликты интересов, кумовства, взяточничества и вопросов, связанных с прозрачностью бенефициарного владения.

Также в статье определено, что не существует конкретных мер по урегулированию последствий для устранения коррупционных рисков, связанных с участием иностранных участников торгов в процессах государственных закупок. Но все-таки некоторые меры, которые направлены на сокращение коррупции в сфере государственных закупок, в более широком смысле, могут помочь сдерживать коррупцию, связанную с участием иностранных компаний. Эти меры включают электронные закупки, реестры бенефициарных собственников, а также более усиленные меры по обеспечению прозрачности закупок.

Ключевые слова: иностранные участники, государственные закупки, коррупционные риски, тендер, торги, закупки, контракт, бенефициар, закон, политики, взятка, мошенничество, международный контракт, правительство, соглашение.

Государственные закупки составляют значительную долю в сфере экономики, как развитых, так и развивающихся странах. В ЕС доля закупок составляет 14% ВВП (Европейская комиссия 2019) и около 13 процентов в США (Карбони и др., 2018), по оценкам, во многих странах процент закупок составляет от 15 до 30 процентов ВВП (УНП ООН 2013). [7]

Данный факт является важнейшим показателем экономического роста, развития и общественного благосостояния и играет центральную роль в развитии общественной инфраструктуры (включая энергетику и телекоммуникации) и предоставлении государственных услуг в сфере здравоохранения и образования.

Однако система государственных закупок очень подвержена коррупции из-за определенных характеристик, а именно числа контрактов и задействованных денежных средств, сложности и политической специфики многих государственных проектов, вовлеченных отраслей, тесного взаимодействия между государственным и частным секторами и часто высокого уровня конфиденциальности. [5]

При проверке прозрачности в строительном секторе подсчитано, что к 2030 году 6 триллионов долларов США могут ежегодно утекать только в строительной отрасли из-за коррупции, бесхозяйственности и неэффективности, что приведет к разрушительным последствиям для окружающей среды. По подсчетам около 2 триллионов долларов США могут ежегодно исчезать из бюджета при проведении государственных закупок, ООН подсчитало, что коррупция и мошенничество могут составлять от 20 до 25 процентов бюджета в сфере закупок. [4]

Природа коррупционных рисков в сфере государственных закупок, их истинные причины и потенциальные стратегии смягчения этих рисков были широко исследованы и задокументированы (Хеггстад и Фройстад 2011; ОЭСР 2014а; ОЭСР 2016; ОЭСР 2007; Шеберляйн 2019; Серейде 2002; УНП ООН 2013; Викберг 2013) [7]

Согласно условиям направленных на развитие внутренних процессов государственных закупок для глобального рынка влияние иностранных участников торгов изучено плохо. Несмотря на то, что, согласно ОЭСР (2007), международные закупки могут быть особенно подвержены коррупции из-за размера контрактов и возможности сокрытия взяток через границы.

Данная проблема усугубляется из-за сложной структуры корпоративной политики, которая может затруднить определение, является ли фирма отечественным или иностранным участником торгов.

Учитывая факт, насколько уязвимыми для коррупции оказались процессы закупок, и учитывая растущую интернационализацию государственных закупок, необходимо лучше понять, каким образом выход иностранных фирм на рынки закупок может привести к увеличению рисков или как международные фирмы могут подвергаться коррупционным рискам. [4]

По данным Transparency International (2020b), коррупционный риск может усугубиться в связи с пандемией COVID-19. Многонациональные компании могут способствовать заключать международные контракты в условиях сокращения прибылей, а правительства могут быть менее заинтересованы в применении законов о борьбе со взяточничеством по экономическим соображениям (Transparency International).

Таким образом, в данной статье рассматривается конкретная роль международных участников торгов в процессах внутренних закупок и то, как их роль изменилась в ответ на международные и региональные тенденции, особенно в форме торговых соглашений. Затем в статье рассматриваются конкретные коррупционные риски, связанные с интернационализацией государственных закупок или попытками их ограничения, прежде чем рассматривать некоторые потенциальные меры по смягчению последствий.

Таким образом, несмотря на согласованные попытки открыть рынки государственных закупок для иностранных участников торгов путем заключения международных торговых соглашений и региональной экономической интеграции, большинство государственных закупок остаются в основном национальными (Berglund et al, 2018). Это связано как с явными, так и с неявными барьерами, с которыми сталкиваются международные фирмы при проведении тендеров в сфере государственных закупок (Берглинд и др., 2018; Карбони и др., 2018; Ссенога 2006). [7]

В то же время рост сложных международных корпоративных структур, способствующих коррупции, отмыванию денег и уклонению от уплаты налогов, создает потенциально новые проблемы добросовестности на рынках закупок (Transparency International 2020a). По данным ОЭСР (2007) транснациональные деловые операции могут быть особенно подвержены коррупционному риску, частично из-за потенциально низкого контроля, применяемого за рубежом, и частично из-за сложных транснациональных корпоративных структур внутри корпораций в некоторых странах, а также тысяч сотрудников в разных компаниях, что затрудняет идентификацию и отслеживание взяточничества. Кроме того, в транснациональных сделках, включая международные государственные закупки, часто задействован другой сектор заинтересованных сторон, таких как банки развития или агентства по кредитованию

экспорта, которые могут нанимать лиц, склонных к получению взяток (OECD 2007). [3]

Таким образом, коррупционные риски, связанные с международными фирмами в сфере государственных закупок, могут возникнуть в результате либо:

1. Отсутствия регулирования деятельности на полностью открытых рынках закупок, которые не предполагают никаких ограничений в отношении иностранных компаний, особенно там, где участники торгов не обязаны раскрывать своего бенефициарного владельца.

2. Протекционистские меры, налагающие ограничения на иностранных участников торгов. Точный характер ограничений с точки зрения критериев отбора для иностранных фирм является ключевым фактором, определяющим коррупционный риск. Например, конкретный коррупционный риск может различаться между системами, в которых иностранные фирмы, желающие участвовать в торгах, должны сначала создать местное представительство в стране, и системами, в которых иностранные участники торгов обязаны соблюдать правила местного содержания.

Преимущества, которые обычно упоминаются в связи с открытием рынка государственных закупок для иностранных участников торгов, в целом аналогичны преимуществам свободной торговли в более глобальном смысле, которые включают усиление конкуренции, стимулы к инновациям, снижение затрат, наращивание потенциала, повышение производительности и доступ к новым рынкам для национальных фирм (Anderson et al., 2010; Карбони и др., 2018; Ссенога и др., 2018).

Протекционистские меры, которые благоприятствуют национальным поставщикам, являются не только нетарифным барьером для свободной торговли, согласно Carboni et al. (2018), они также могут быть следствием или признаком коррупции в форме захвата государства влиятельными группами лиц, заинтересованными в ограничении конкуренции.

В аналогичном контексте Мунгиу-Пиппиди (2018:5) утверждает, что свободная торговля может обуздать коррупцию, во-первых, разрушив привилегированные связи и коррумпируемые сети (тем самым уменьшая влияние национальных компаний, которые стремятся повлиять на внутреннее регулирование в свою пользу), а во-вторых, путем повышения конкуренции и прозрачности. [7]

Это не означает, что коррупционные риски, такие как кумовство и взяточничество, не существуют при отсутствии ограничений для доступа на рынок для иностранных фирм. Даже на открытом рынке компании могут подкупать государственных чиновников, чтобы получить награды, а государственные чиновники могут злоупотреблять своей властью в пользу компаний, с которыми у них есть семейные, политические или коммерческие связи. Таким образом, хотя свободная торговля иногда приветствовалась как средство сокращения коррупции за счет усиления конкуренции, сама по се-

бе либерализация торговли вряд ли обуздывает коррупцию, если она не сопровождается прозрачностью, эффективным регулированием и надзором. (Андерсон и др., 2016 и Мунгиу-Пиппиди, 2018).

На самом деле, есть некоторые признаки того, что уровень коррупции выше там, где задействованы международные корпорации. В рамках исследования 1999 года, проведенного Всемирным банком и ЕБРР в странах с переходной экономикой Восточной Европы и Центральной Азии обнаружили, что 35% транснациональных компаний со штаб-квартирами за рубежом платили откаты во время тендеров на закупки, в то время как только 25% национальных компаний сообщили о даче взяток во время тендеров на государственные закупки (Søreide 2002). [7]

В соответствии с отчетом об иностранном подкупе (OECD 2014b), 57 процентов случаев подкупа иностранцев были связаны с попытками выиграть контракт при участии в государственных закупках. Более того, некоторые из крупнейших санкций, применяемых в рамках иностранного Закона о коррупции (FCPA) были применены к компаниям, обвиняемым в подкупе иностранных должностных лиц для заключения сделок по закупкам. В одном из глобальных таких случаев шведской телекоммуникационной компании LM Ericsson пришлось заплатить более 1 миллиарда долларов США в 2019 году, чтобы урегулировать обвинения Министерства юстиции США и Комиссии по ценным бумагам и биржам за подкуп должностных лиц в Китае, Джибути, Индонезии и в других местах, чтобы выиграть контракты на оборудование (Тотти 2020). [5]

Также, Мунгиу-Пиппиди (2018) утверждает, что свободная торговля в целом помогает снизить коррупцию, она признает, что там, где заключаются соглашения о свободной торговле между странами, которые считаются законопослушными и для тех, у кого высокий уровень коррупции, это действительно может иметь негативный побочный эффект. Другими словами, компании, базирующиеся в странах с относительно низким уровнем коррупции, могут заниматься коррупционным поведением в зарубежных странах из-за восприятия того, что коррупция – это издержки ведения бизнеса на этих рынках.

В докладе (OECD 2014) было установлено, что вопреки распространенному мнению, из всех проанализированных случаев большинство (67 процентов) взяток было получено государственными должностными лицами из стран со средними или очень высокими показателями человеческого развития, а не из развивающихся стран. И, по состоянию на 2020 год, из 10 крупнейших поселений FCPA восемь компаний имели штаб-квартиры в ЕС или США. [7]

Более частое применение принудительных мер в отношении компаний в развитых странах, конечно, не означает, что эти рынки более подвержены коррупции. В целом, развитые рынки, особенно те, которые являются частью Конвенции ОЭСР о борьбе с пиратством, имеют более прочную пра-

вовую базу и более решительные правоприменительные действия.

Хотя, по данным Transparency International (2020b), последнее с 2018 года сократилось.

Данный факт может исказить картину в отношении распространенности коррупции на рынках.

Тем не менее, огромные масштабы многочисленных скандалов со взяточничеством в последние годы с участием компаний из Страны ОЭСР показывают сложную картину, когда речь заходит о коррупции и соответствующей роли компаний из предположительно развитых стран по сравнению с коррумпированными, особенно когда компании стремятся выиграть контракты на зарубежных рынках (Transparency International 2020b)

За последние несколько десятилетий корпоративные структуры становятся все более сложными, что затрудняет идентификацию бенефициарных владельцев (БО). Бенефициарный владелец относится к физическому лицу (лицам), которое фактически владеет или контролирует юридическое лицо или организацию или от имени которого осуществляется сделка. Это всегда человек. Во многих компаниях (таких как траст или ООО), БО будет физическим лицом (лицами), владеющим или контролирующим юридические лица и процессы, и, следовательно, законным владельцем компании (в таком контексте законный владелец и бенефициарный владелец не является тем же самым). Чем длиннее цепочка юридических лиц в компании, конечных бенефициарных владельцев, тем больше задействовано юрисдикций, и тем сложнее их идентифицировать (IDB & OECD 2019). [7]

Там, где участники торгов не обязаны раскрывать свое истинное право собственности, они могут скрыть свою личность и бизнес-цели под несколькими уровнями юридических лиц и соглашений с неизвестными акционерами. Это, вероятно, увеличит риски отмывания денег и уклонения от уплаты налогов, а также позволит скрывать конфликты интересов, незаконную деятельность или политическое влияние (IDB & OECD 2019).

Кроме того, там, где требования к бенефициарному владению слабы или отсутствуют, это может позволить осуществлять неконтролируемые инвестиции из стран с высоким риском.

В области государственных закупок это означает, что компания-победитель может взаимодействовать с государственными должностными лицами, которые не сразу бросаются в глаза.

Таким образом, если заказчики не требуют от компаний, участвующих в тендере, раскрытия их реальной собственности, это может позволить политически значимым лицам использовать оффшорные компании для сокрытия своих интересов в компании, участвующей в тендере, и доступа к государственным контрактам, на которые они не имеют права.

Данный факт может представлять риск как на ограниченных, так и на открытых рынках закупок, чем сложнее, глобальнее и взаимосвязаннее корпоративные структуры, тем выше риск.

В коррупционном скандале Odebrecht, например, счета бразильской компании, которые использовались для дачи взяток бразильцу 2018: 18), для получения контрактов на государственные закупки и оказания влияния на формирование политики в Бразилии и за границей. Подставные компании использовались в нескольких коррупционных схемах с участием транснациональных корпораций, включая SNC Lavalin, Airbus, Fresenius и «Мобильные телесистемы» (МТС), которые использовали структуру для сокрытия платежей за взятки и откаты (Transparency International 2020b). [5]

Недостаточная прозрачность бенефициарного владения также существенно затрудняет правоприменительные действия, что является ключевым сдерживающим фактором, препятствующим компаниям давать взятки для получения международных контрактов (Transparency International 2020b)

Как обсуждалось выше, по целому ряду причин многие страны стремятся (частично) ограничить доступ иностранных компаний к своим рынкам закупок, в определенных отраслях, либо в контрактах на закупки определенного размера. Это регулируется с помощью явных или неявных ограничений доступа на рынок. В первом случае страны формально требуют от иностранных компаний соблюдения ряда ограничений перед проведением торгов на внутреннем рынке государственных закупок, таких как требования к местным совместным предприятиям, требования о частичной закупке или найме персонала на местном уровне и так далее. Страны, применяющие неявные ограничения доступа на рынки, официально не предъявляют ограничительных требований к иностранным компаниям, но на практике применяют определенные процессы таким образом, что они дискриминируют иностранных участников торгов.

Некоторые характеристики закрытых рынков могут способствовать более высокому уровню коррупции. Процесс закупок, в котором участвуют только национальные участники торгов с большим классом, может повлечь за собой большой риск сговора, конфликта интересов и кумовства. Особенно на небольших рынках, с тесными личными или семейными связями между государственными должностными лицами и заинтересованными сторонами частного сектора, (потенциально коррумпирующие) сети могут быть более сильными, и новым участникам торгов будет трудно их использовать. Проникнуть, что, в свою очередь, может побудить иностранных участников торгов попытаться подкупом пробиться на эти рынки.

Некоторые ученые, в том числе Андерсон и др. (2010) и Мунгиу-Пиппиди (2018), предположили, что большая интернационализация и внешняя конкуренция, достигнутые благодаря соглашениям о свободной торговле, таким как Соглашение ВТО по правительственным закупкам (GPA), может снизить риск сговора и коррупции. Это было бы особенно правильно для экономик, которые ранее характеризовались мощью привилегированных свя-

зей и компаний-рантье. Согласно, Мунгиу-Пиппиди (2018), это снижение риска коррупции обусловлено большей конкуренцией и повышением финансовой прозрачности и прозрачности закупок, которая (в идеале) обеспечивается соглашениями о свободной торговле.

Другим фактором, который следует учитывать, является то, как часто МСП будут давать взятки, чтобы получить экономическое преимущество или выиграть контракт (Pelizzo et al., 2016 и OECD, 2016). По данным ОЭСР (2016) это происходит потому, что им не хватает времени, ресурсов, возможностей и рычагов воздействия, чтобы противостоять просьбам о взяточничестве. Более того, государственные чиновники, как правило, требуют меньше взяток от фирм с большей переговорной силой, ключевым фактором которой является размер фирмы (Svensson 2003; Jenkins 2018b). [3]

МСП также часто характеризуются высокой степенью неформальности, слабыми внутренними системами управления добросовестностью, ограниченной переговорной силой и меньшим вниманием к репутации и долгосрочным негативным последствиям коррупции, что делает их более восприимчивыми к рассмотрению коррупции для продвижения вперед (OECD 2016; Serafeim 2014: 21). МСП составляют около 90% компаний в большинстве стран, это может указывать на то, что внутренний рынок закупок, на котором отсутствуют иностранные или интернациональные игроки, может быть более подвержен коррупции (Дженкинс 2018b; ОЭСР 2016)

Отчет о взяточничестве (ОЭСР, 2014) показал, что 60% случаев взяточничества за рубежом связаны с более крупными компаниями, и только 4 процента были связаны с МСП, остальные неизвестны. Однако это также может быть связано с международными деловыми операциями.

Ограничение доступа на рынок является необходимым условием для того, чтобы иностранные фирмы, желающие участвовать в торгах по государственным контрактам, должны были открыть местное коммерческое представительство или создать совместные предприятия с местными партнерами.

В некоторых странах, таких как Боливия, иностранным компаниям разрешается участвовать в торгах только по контрактам на закупки, превышающим определенный порог, и при этом они обязаны сотрудничать с местной компанией (Торговый представитель Соединенных Штатов 2021). В Бразилии иностранные компании обязаны открыть представительство в стране, чтобы иметь возможность участвовать в процессах государственных закупок (Transparency International 2018).

Такие требования могут нести в себе риски конфликта интересов, неправомерного влияния, фаворитизма и кумовства (Мартини 2014). Это может быть случай, когда иностранные компании вынуждены сотрудничать с конкретной компанией, имеющей семейные или экономические связи с государственными чиновниками, чтобы увеличить или

обезопасить свои шансы на получение премии. В более вопиющих случаях местные компании не предоставляют никаких значимых услуг, а просто служат подставной сетью. Местная компания, с которой международный участник торгов выбирает или на которую оказывается давление, также может быть просто подставной компанией, которая существует в основном на бумаге. В случае Анголы, например, было высказано предположение, что международные нефтегазовые компании осуществляли незаконные платежи местным подставным компаниям с непрозрачными структурами собственности, которые обычно не способны выполнить какую-либо часть заключенного контракта, с целью обогащения политически значимых лиц (PEPS) или представителей правительства (Мартини 2014).

Заключение соглашений о создании совместных предприятий, особенно на развивающихся рынках, может нести дополнительные коррупционные риски для компаний (Alliance for Integrity n.d. и Kwicinski 2017). Это особенно верно, поскольку, по данным Альянса за добросовестность (n.d.), страны, которым требуются соглашения о совместных предприятиях для доступа на рынки, как правило, более подвержены коррупции.

Кроме того, там, где требуется формирование местного представительства, могут возникнуть риски, связанные с лицензированием. Особенно в странах с высоким уровнем коррупции, взяточничество и платежи за упрощение процедур часто вызывают проблемы при открытии бизнеса или подаче заявления на получение соответствующих лицензий. В 2019 году Walmart был оштрафован 282 миллиона долларов США в виде сборов, связанных с FCPA, за подкуп должностных лиц в Мексике, Китае, Бразилии и Индии в процессе получения лицензий на открытие новых магазинов (Тотти 2020).

Часто в совместных предприятиях представительству поручается получение разрешений регулирующих органов и лицензий – областей с высокими коррупционными рисками, над которыми иностранный партнер может иметь ограниченный контроль. Несколько транснациональных компаний столкнулись с расследованиями и обвинениями в соответствии с FCPA за поведение, связанное с совместными предприятиями на развивающихся рынках (Kwicinski 2017). Это включает в себя горнодобывающую компанию Rio Tinto, которой были предъявлены обвинения в незаконных платежах через совместное предприятие в Гвинее, AB InBev, которая должна была выплатить 6 миллионов долларов США по соглашению FCPA, связанному с совместным предприятием в Индии, и GSK, которая урегулировала иск о принудительном исполнении FCPA для 20 миллионов долларов США из-за нерегулярных платежей, связанных с их совместным предприятием в Китае (Kwicinski 2017). Однако во всем мире существует недостаточная ясность в отношении ответственности материнской компании за свои дочерние компании, когда речь заходит о взяточничестве. Более того, в боль-

шинстве стран материнские компании несут ответственность за свои дочерние компании только в том случае, если материнская компания участвует в организации (Transparency International 2020b). Таким образом, Transparency International (2020b) призывает к общей ответственности материнской компании за неспособность предотвратить взяточничество в дочерних или зависимых компаниях, где материнская компания осуществляет значительный контроль

Публикация цепочек владения, в случаях иностранного подкупа, также послужит сдерживающим фактором для международных материнских компаний.

Меры по снижению таких рисков, связанных с совместным предприятием, включают надлежащую проверку перед вступлением в совместное предприятие, сохранение функций, связанных с риском (таких как управление цепочками поставок и закупки), обеспечение применения антикоррупционных программ к совместным предприятиям, создание соответствующих комитетов по надзору и усиление функций аудита, обеспечение доступа к информации и корректировка голосования и высшего руководства права на назначение (Альянс за честность, н.д., и Квичински, 2017). [7]

Риски усугубляются, когда правила и требования, связанные с раскрытием информации о бенефициарном владении (BO), слабы, поскольку это позволяет компаниям и должностным лицам скрывать свои отношения за сетью подставных компаний (прозрачность Международный 2018). Сложные корпоративные структуры могут иметь законные деловые цели (включая юридические, бухгалтерские или операционные), но там, где конечное бенефициарное владение неясно, эти механизмы должны быть тщательно изучены, чтобы гарантировать, что они не используются для сокрытия политической информации (Sayne et al., 2017).

Особые красные флажки, на которые следует обратить внимание, согласно Sayne et al. (2017), – это цепочки или сети подставных компаний в корпоративной структуре; наличие номинальных акционеров, акций на предъявителя или трастов с неизвестными бенефициарами; и акционеры с ограниченными средствами и без видимых связи с отраслью.

Другие распространенные явные ограничения доступа на рынок включают внутренние ценовые предпочтения и требования к местному содержанию. По внутренним ценам правила предпочтения или требования к местному содержанию, иностранные участники торгов не ограничены в участии в торгах. Однако отечественным заявкам отдается предпочтение перед иностранными заявками того же качества с определенной разницей в цене (предпочтение внутренним ценам), или участники торгов должны производить, по крайней мере частично, в стране, использовать отечественную продукцию или нанимать домашнюю рабочую силу (требования к местному содержанию) (Гурдон и др. 2017 и Ссеннога 2006).

В соответствии с требованиями к местному или отечественному содержанию закупок организации покупают у иностранных участников торгов только в том случае, если они обязуются предоставить определенное количество продуктов или услуг на местном уровне или нанять определенное количество местного персонала. Компенсирующие требования, которые требуют определенного уровня передачи технологий, инвестиций или другой формы экономической помощи, также подпадают под эту категорию (Gourdon et al., 2017 и Ссеннога 2006).

В тех случаях, когда определенные части проектов закупок, обычно те, которые ниже определенного денежного порога, явно предназначены для конкретной группы компаний, таких как МСП, этот процесс называется отложенными программами (Carboni et al., 2018). Несколько стран вводят такие ограничения для иностранных участников торгов. В ЕС, например, государственные покупатели, работающие в секторах водоснабжения, энергетики, транспорта и почтовых услуг, могут отклонить тендеры на контракты на поставку, если доля товаров, произведенных в третьей стране, превышает 50% от общей стоимости товаров, составляющих тендер (Европейская комиссия 2019а: 9). Аргентина придерживается внутренних ценовых предпочтений и требований к местному содержанию. Отечественным компаниям может быть отдано предпочтение перед иностранными участниками торгов при условии, что внутренняя цена не более чем на 5–7 процентов выше, чем иностранная заявка.

Кроме того, иностранные участники торгов, выигравшие тендеры, обязаны передавать местным поставщикам на субподряд не менее 20 процентов работ (Торговля Соединенных Штатов Представитель 2021 года). В Парагвае предпочтение отдается заявкам, в которых по меньшей мере 40% внутренних затрат или 70% домашней рабочей силы, даже если товар на 40% (национальные тендеры) или на 10% (международные тендеры) дороже (торговля Соединенных Штатов Представитель 2021).

В Бразилии предпочтение при закупках отдается фирмам, которые производят продукцию на местном уровне и иным образом вносят вклад в местную экономику, например, создавая местную занятость или способствуя технологическому развитию. Некоторые страны Латинской Америки, включая Боливию и Уругвай, также отдают предпочтение местным малым и микропредприятиям (Торговый представитель Соединенных Штатов 2021).

Для таких мер могут быть веские причины, например, для защиты зарождающихся или небольших местных отраслей промышленности, которые в противном случае были бы неконкурентоспособными, передачи технологий и мощностей, создания рабочих мест, и содействие социально-экономическому развитию (Мартини 2014). Но, как подробно описал Мартини (Martini, 2014) для нефтегазового сектора, требования к местному содержанию, хотя иногда и действительно, могут не-

сти существенные коррупционные риски. Государственные чиновники могут злоупотреблять своим положением в интересах местных компаний, с которыми у них есть личные или экономические связи, вымогая у международных компаний партнерские отношения с привилегированными компаниями. Иностранные компании также могут (их поощряют) давать взятки или откаты местным предприятиям, чтобы они служили прикрытием в процессах торгов, не выполняя услуг вообще, риск, отмеченный выше, также относится к требованиям совместного предприятия.

В странах, где уровень коррупции высок, а связи между правительством и бизнес-элитой сильны (или первые в основном набираются из последних), существует риск того, что введение правил местного содержания в большей степени является средством обогащения, чем содействия развитию для всех (Martini 2014).

Косвенные ограничения доступа к рынку относятся к этапам процесса проведения торгов, которые непосредственно не направлены на ограничение доступа к иностранным участникам торгов, но могут быть использованы с этой целью на практике.

Это может включать требования к регистрации и включению в короткий список участников торгов, которые трудно или невозможно выполнить удаленно (включая требования личной подписи) или чрезмерно ограничивают квалификационные критерии (Гурдон и др., 2017).

Определение квалификационных критериев и установление описания закупочных требований может быть уравнивающим актом, когда речь заходит о коррупционном риске.

Четкие и конкретные описания тендеров и критерии исключения, отбора и оценки являются полезными средствами контроля качества. Они также могут использоваться в качестве законного средства обеспечения соблюдения экологических и социальных стандартов и отдачи предпочтения участникам торгов, которые поставляют экологически чистые материалы или сохраняют соответствующую экологическую или социальную сертификацию (Европейская комиссия 2019а). При правильном исполнении они также могут стать способом снижения коррупционного риска, поскольку ограничивают свободу действий (Martini 2015).

Однако, если они чрезмерно ограничительны, они также могут быть использованы коррумпированным образом для адаптации тендера к конкретному участнику торгов либо из-за кумовства или фаворитизма, либо в ответ на ранее выплаченную взятку или ненадлежащего влияния. Это может быть сделано путем требования местных лицензий или квалификаций, которые не имеют значения для проведения тендера, включая чрезмерно субъективные квалификационные критерии, установление нереалистичных сроков или требование не относящихся к делу требований к прошлой работе или опыту (OECD 2009 и Martini 2015).

Особое внимание следует также уделять тем случаям, когда квалификация тендера и условия контракта значительно отличаются (и без видимой причины) от отраслевых норм или прошлых тендеров (Saune et al., 2017). Красные флажки, которые могут указывать на сговор или специально тендеры между участниками торгов и должностными лицами по закупкам включают, согласно Saune et al. (2017): несколько компаний, связанных с одним и тем же лицом (лицами), подающими заявки; необычное количество явно намеренно дефектных заявок; пересмотр более выгодных условий для присуждения должности компании -победителя; и исключение актуальных заявок без видимой причины.

Чтобы снизить этот риск, законодательство о закупках должно предусматривать исчерпывающий перечень критериев оценки, которые будут использоваться для квалификации тендерных заявок, который может включать необходимую профессиональную, техническую и экологическую квалификацию, профессиональную и техническую компетентность, дееспособность, этические стандарты, отсутствие судимости и отсутствие в каких-либо списках отстранения от работы, среди прочего (Martini 2015). Одним из способов проявления коррупции в сфере государственных закупок без формального прямого нарушения правил закупок является сокрытие или выборочное распространение соответствующей информации. Это можно сделать, целенаправленно пригласив к участию в торгах только избранное число компаний, пригласив большое количество неквалифицированных компаний, опубликовав тендеры с очень короткими сроками или путем выборочного обмена необходимой информацией. Все это может привести к созданию неоправданных преимуществ для отдельных компаний, в то же время сохраняя возможность претендовать на участие в конкурентных торгах. Чрезмерные положения о конфиденциальности и недостоверность информации, также создадут возможность для получения взяток. Некорректное раскрытие информации или выборочное распространение информации о закупках, таким образом, также может представлять собой явное ограничение конкуренции (Gourdon et al., 2017 и Серейде 2002).

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2023).
2. Информационный портал для участников закупок. – URL: <http://zakupkihelp.ru/uchastniku-zakupok/zapros-kotirovok.html> (дата обращения: 29.10.2023).

zakupok/zapros-kotirovok.html (дата обращения: 29.10.2023).

3. Портал государственных закупок. – URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/article/102597-qqq-17-m4-05-04-2017-preimushchestva-zaprosa-kotirovok> (дата обращения: 29.10.2023).
4. Алтынцев А.В. Базовые принципы и методы организации закупок для государственных и муниципальных нужд: международный опыт и российская практика. – М.: Труды ИСА РАН. Т. 43, 2009. – С. 43–52.
5. Баранникова Е.С. Международные торги: проблемы терминологии. Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 115–122.
6. Дёгтев Г.В. Международный опыт государственных закупок. Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 6. – С. 409–411.
7. Стахова, М.В. Госзакупки. Новые правила игры / М.В. Стахова, Е.С. Урумова. – М.: Инфотропик Медиа, 2022.

LEGAL REGULATION OF ELIMINATING CORRUPTION RISKS OF PARTICIPATION OF FOREIGN BIDDERS IN PUBLIC PROCUREMENT

Agatova T.P.
Russian Customs Academy

The article provides an overview of various approaches used to allow foreign bidders to compete for domestic public procurement contracts, including explicit and implicit restrictions on market access, as well as the opening of procurement to foreign firms through free trade agreements. Various corruption risks associated with an individual approach are also considered, including conflicts of interest, nepotism, bribery and issues related to the transparency of beneficial ownership. The article also determines that there are no specific measures to resolve the consequences for eliminating corruption risks associated with the participation of foreign bidders in public procurement processes. But still, some measures that are aimed at reducing corruption in public procurement, in a broader sense, can help deter

Keywords: foreign participants, public procurement, corruption risks, tender, bidding, procurement, contract, beneficiary, law, politicians, bribe, fraud, international contract, government, agreement.

References

1. Federal Law No. 44-FZ dated 05.04.2013 “On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs” // SPS “ConsultantPlus” (accessed 29.10.2023).
2. Information portal for procurement participants. – URL: <http://zakupkihelp.ru/uchastniku-zakupok/zapros-kotirovok.html> (accessed: 29.10.2023).
3. Public Procurement Portal. – URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/article/102597-qqq-17-m4-05-04-2017-preimushchestva-zaprosa-kotirovok> (date of reference: 29.10.2023).
4. Altyntsev A.V. Basic principles and methods of procurement for state and municipal needs: international experience and Russian practice. – М.: Proceedings of the ISA RAS. Vol. 43, 2009. – pp. 43–52.
5. Barannikova E.S. International bidding: problems of terminology. Journal of Russian Law. – 2017. – No. 1. – pp. 115–122.
6. Degtev G.V. International experience of public procurement. Modern problems of science and education. – 2019. – No. 6. – p. 409–411.
7. Stakhova, M.V. Public procurement. New rules of the game / M.V. Stakhova, E.S. Urumova. – М.: Infotropik Media, 2022.

Правовая характеристика административной юрисдикционной деятельности таможенных органов Российской Федерации

Артюшенко Ксения Игоревна,

аспирант кафедры юридического факультета, Российская таможенная академия
E-mail: ctymrflhf@mail.ru

Артюшенко Максим Вадимович,

аспирант кафедры юридического факультета, Российская таможенная академия
E-mail: martushenko@list.ru

В ходе исследования осуществлено рассмотрение научных подходов к определению сущности административной юрисдикционной деятельности таможенных органов Российской Федерации, а также установлена её правовая характеристика такой деятельности. В процессе исследования предмета статьи изучены производства, которые относятся к административной юрисдикционной деятельности таможенных органов.

Актуальность темы обусловлена тем, что в связи с активным процессом изменения действующего законодательства, в том числе в области таможенного дела в рамках Евразийского экономического союза возрастает роль и значение таможенных органов Российской Федерации, увеличивается их функциональная составляющая, в связи с чем является необходимым определить содержание административной юрисдикционной деятельности таможенных органов, так как активно данная деятельность стала подлежать рассмотрению последние 10 лет.

Ключевые слова: таможенный орган, таможенное регулирование административная юрисдикционная деятельность, производство.

В силу того, что с каждым годом появляются все новые элементы, которые составляют административную юрисдикцию органов исполнительной власти, подлежит актуализации законодательная база в области таможенного дела, в том числе в деятельности таможенных органов, которая носит административный юрисдикционный характер, приумножаются особенности и правовые принципы, которые подлежат исследованию на регулярной основе. Цель данной статьи заключается в исследовании научных подходов к определению правовых характеристик административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов, а также ее сущности.

Перед тем, как перейти к рассмотрению тех признаков и особенностей, которыми, по мнению деятелей науки должна обладать административная юрисдикционная деятельность таможенных органов, отразим понятие «юрисдикция», которые устанавливают различные ученые.

Если обратиться к понятию «юрисдикция», то на первый взгляд оно подразумевает определенного рода деятельность, осуществляемую государственными органами, и представляет собой динамическое явление [7]. Так описывали юрисдикцию такие ученые, как А.Ю. Якимов, А.П. Шергин и множество других авторов.

Но следует отметить, что ряд ученых, например В.В. Дорохин и В.В. Головки и др., вкладывает в это понятие несколько другое значение, от подведомственности до подсудности разрешаемых дел, то есть совокупность возложенных функций/полномочий полномочий на органы исполнительной власти по рассмотрению и решению дел [5,6].

Есть и третье ответвление мнений ученых, согласно которым понятие «административная юрисдикция» есть сочетание статистических и динамических элементов, и представляет собой подведомственность и компетенцию по осуществлению, а также непосредственно осуществление деятельности по рассмотрению и решению определенной категории дел [4]. Бесспорным фактом остается то, что в зависимости от области применения данного понятия, неизбежно меняется и само его значение.

Резюмирую описанные выше точки зрения деятелей науки в области административной юрисдикции, рациональным является приравнивание «административной юрисдикции», как динамического явления, к понятию «административно-юрисдикционной деятельности», включающей как раз процесс реализации административно-юрисдикционных полномочий.

Ученые-административисты для целей формирования понятия административно-юрисдикционной деятельности выделяют ряд признаков [3]:

- 1) юрисдикционная деятельность включает в себя деятельность по разрешению спора – конфликта (о дисциплинарных проступках, об обращениях граждан и пр.), а также рассмотрение дела об административном правонарушении, индивидуальных дел;
- 2) сторонами административно-правового спора могут выступать органы исполнительной власти;
- 3) нормами действующего законодательства регламентированы правила и порядок, посредством которых конфликт/спор/дело подлежат рассмотрению;
- 4) зачастую основа административно-правового спора – правовое разрешение индивидуальных споров, который несет за собой субъективный характер, а именно, одна из сторон пытается восстановить, нарушенные права, которые, по его мнению, были ущемлены или защитить свой интерес;
- 5) административная юрисдикция как система является совокупностью видов административных производств, которые напрямую взаимосвязаны и взаимосвязаны.

Проанализировав общие признаки административной юрисдикционной деятельности необходимо понять, что вкладывают в это понятие ученые административисты-теоретики в области таможенного дела, для того, чтобы установить сущность административной юрисдикции в деятельности таможенных органов.

Среди признаков административной юрисдикционной деятельности таможенных органов стоит отметить [4, 5, 6, 7, 8]:

- 1) основа административной юрисдикционной деятельности таможенных органов является оценка административно-правовых фактов, которые содержатся в определенной административно-правовой ситуации;
- 2) судебные органы, органы исполнительной власти, которые наделены административным правовым статусом, наделены определенными правами и имеют обязанности, а также таможенные органы, которые правомочны вести производства по делам об административных правонарушениях могут являться субъектами административно-юрисдикционной деятельности;
- 3) административно-правовые нормы приняты за основополагающий регулятор административной юрисдикционной деятельности таможенных органов;
- 4) цель заключается в восстановлении нарушенного права как показателя наличия баланса функционирования административных правоотношений;
- 5) результатом является решение конфликта в рамках административно-правового спора, либо решения о возможности применения мер административного принуждения;

6) системность административной юрисдикции заключается в некоторой целостности порядка, последовательности реализации стадий производства, а также во взаимосвязанности и взаимозависимости видов административных производств.

Стоит отметить, что таможенное право регулирует отношения по реализации юридических властных полномочий, возложенных на таможенные органы, а именно, обязанностей для осуществления возложенных на них функций. А именно, практическая реализация полномочий, в силу которых по средствам которых таможенные органы выступают в роли субъекта таможенных правоотношений.

Принято выделять следующие основные виды таможенных правоотношений:

1. Регулятивные, которые выражаются в правомочном поведении участников.

2. Охранительные, которые возникают в случае нарушения таможенного законодательства [5].

Далее рассмотрим мнения ученых о сущности административной юрисдикционной деятельности, как особом виде административной процессуальной деятельности.

Так, Юрий Маркович Козлов, специалист по административному праву и проблемам государственного управления, рассматривает административную юрисдикционную деятельность в трех видах деятельности (рис. 1) [8].

Рис. 1. Виды административной юрисдикционной деятельности

Одновременно с этим, И.В. Панов к вышеперечисленным трем видам деятельности добавляет еще два, а именно исполнительное производство и производство по применению мер административного принуждения, при этом не являющихся мерами ответственности [7].

При рассмотрении сущности, особенностей и правовой характеристики административной юрисдикционной деятельности таможенных органов Российской Федерации стоит упомянуть Федеральный закон от 03 августа 2018 года № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В котором закреплено, что таможенные органы представляют органы исполнительной власти, уполномоченные в области таможенного дела, и осуществляют функции по контролю и надзору в области таможенного дела, валютному контролю, защите прав на объекты интеллектуальной собственности, проведению транспортного контроля

в пунктах пропуска через государственную границу санитарно-карантинного, карантинного фитосанитарного контроля и государственного ветеринарного надзора, выявлению, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов [2].

Анализируя представленную выше информацию, а также мнение ученых-административистов в области таможенного дела [9,10], можно сделать вывод о составляющих административной юрисдикционной деятельности таможенных органов, а именно, разделить эту деятельность на подвиды:

- дисциплинарное производство, иными словами, рассмотрение и дел о дисциплинарных проступках;
- производство по жалобам и спорам, которые возникли в результате таможенных правоотношений;
- производство по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела, применение мер административно-юрисдикционного обеспечения или административно-процессуальное производство в области таможенного дела.

Ключевым стоит отметить, что каждый из подвидов административной юрисдикционной деятельности таможенных органов должен отвечать принципам:

- a) законности (должны соблюдаться нормы Конституции РФ, норм действующего законодательства);
- b) объективности (вся деятельность должна быть основана на полном, всестороннем и объективном выяснении всех обстоятельств);
- c) процессуального равенства (все равны перед законом);
- d) гласности (принцип открытости и доступности);
- e) единства (единообразное применение норм);
- f) ответственности за принятое решение (заключается в ответственности за невыполнение обязанности);
- g) а также экономичности, эффективности и оперативности процесса.

Таким образом, беря за основу результаты теоретического исследования и анализа точек зрения ученых относительно таких понятий, как «юрисдикция» и «административная юрисдикционная деятельность», можно прийти к выводу о том, что административная юрисдикционная деятельность таможенных органов представляет собой действия таможенных органов, как органов исполнительной власти в процессе перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу согласно таможенным процедурам с целью решения различных споров, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, также производств по жалобам и обращениям граждан. Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов Российской Федерации в целом и производство по делам об административных правонарушении-

ях, являющееся одним из видов деятельности таможенных органов, где важной задачей является защит прав человека и гражданина.

Однако, как упоминалось ранее, с каждым годом появляются все новые принципы и составляющие, которые принято вкладывать в административную юрисдикцию органов исполнительной власти, обновляется и законодательная база по осуществлению административной юрисдикционной деятельности в области таможенного дела, возникают новые судебные споры, связанные с разрешением таможенных правоотношений, в том числе связанным с производством по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела. Поэтому исследование научных подходов к определению сущности административной юрисдикционной деятельности таможенных органов не будет лишено актуальности и в дальнейшем.

Литература

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 08.11.2023).
2. Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.08.2018. № 32 (часть I). ст. 5082.
3. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова. М., 2018. – 415с.
4. Агеева, А.В. Правовая и теоретическая характеристика административно – юрисдикционной деятельности таможенных органов / А.В. Агеева // Правовая грамотность как основа развития гражданского общества. – 2019 – № 242 – С. 3–7
5. Кусанова А.К. Контроль и надзор в административно – юрисдикционной деятельности таможенных органов / А.К. Кусанова // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 466–468
6. Пищников, О.Н. Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов: общая характеристика / О.Н. Пищников // Молодой ученый. – 2019. – № 37 (275). – С. 50–53.
7. Сабирова, Э.Р. Административно-юрисдикционная деятельность таможенных органов российской федерации / Э.Р. Сабирова, Л.Ф. Зиннурова, И.А. Шакирова, О.Ю. Недорезова // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация – 2020. – № 3(86) – С. 58–63.
8. Чернов, А.Н. Административно-юрисдикционная деятельность таможенных органов российской федерации: понятие, содержание, формы / А.Н. Чернов // Наука и Инновации в XXI веке – 2021. – № 5 – С. 30–34.

9. Сафоненков П.Н., Зубач А.В., Сафоненкова О.А. Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов. М.: Юрайт, 2017;
10. Административная юрисдикция в сфере таможенного регулирования: проблемы теории и практики: Монография / Гречкина О.В. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 296 с.

LEGAL CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Artyushenko K.I., Artyushenko M.V.
Russian Customs Academy

During the study, scientific approaches to determining the essence of the administrative jurisdictional activities of the customs authorities of the Russian Federation were considered, and its legal characteristics of such activities were established. In the process of researching the subject of the article, proceedings that relate to the administrative jurisdictional activities of customs authorities were studied.

The relevance of the topic is due to the fact that in connection with the active process of changing the current legislation, including in the field of customs within the Eurasian Economic Union, the role and importance of the customs authorities of the Russian Federation is increasing, their functional component is increasing, and therefore it is necessary to determine the content of the administrative jurisdictional activities of customs authorities, since this activity has become actively subject to review over the past 10 years.

Keywords: customs authority, customs regulation, administrative and jurisdictional activities, production.

References

1. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated December 30, 2001 N195-FZ (as amended on October 19, 2023) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (access date: November 8, 2023).
2. Federal Law of August 3, 2018 No. 289-FZ "On customs regulation in the Russian Federation and on introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 08/06/2018. No. 32 (part I). Art. 5082.
3. Administrative law: textbook / ed. L.L. Popova. M., 2018. – 415 p.
4. Ageeva, A.V. Legal and theoretical characteristics of administrative and jurisdictional activities of customs authorities / A.V. Ageeva // Legal literacy as the basis for the development of civil society. – 2019 – No. 242 – pp. 3–7
5. Kusanova A.K. Control and supervision in the administrative and jurisdictional activities of customs authorities / A.K. Kusanova // Young scientist. – 2015. – No. 4. – P. 466–468
6. Pishchenkov, O.N. Administrative jurisdictional activities of customs authorities: general characteristics / O.N. Pishchenkov // Young scientist. – 2019. – No. 37 (275). – P. 50–53.
7. Sabirova, E.R. Administrative and jurisdictional activities of customs authorities of the Russian Federation / E.R. Sabirova, L.F. Zinnurova, I.A. Shakirova, O. Yu. Nedorezova // Socio-economic and technical systems: research, design, optimization – 2020. – No. 3 (86) – pp. 58–63.
8. Chernov, A.N. Administrative and jurisdictional activities of customs authorities of the Russian Federation: concept, content, forms / A.N. Chernov // Science and Innovation in the XXI century – 2021. – No. 5 – pp. 30–34.
9. Safonenkov P.N., Zubach A.V., Safonenkova O.A. Administrative jurisdictional activities of customs authorities. M.: Yurayt, 2017;
10. Administrative jurisdiction in the field of customs regulation: problems of theory and practice: Monograph / Grechkina O.V. – M.: Yurлитинформ, 2010. – 296 p.

Прокурорский надзор за фактами бездействия судебных приставов-исполнителей

Гадиятова Мария Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» (УрГЮУ)
E-mail: gadiyatovam@inbox.ru

Автор рассматривает особенности осуществления прокуратурой надзора за фактами бездействия судебных приставов-исполнителей. Автор разграничивает как нарушения в исполнительных действиях судебного пристава, так и его бездействие, а также аргументирует важность оценки достаточности действий судебных приставов. В статье излагается позиция о включении в предмет прокурорской проверки вопросов достаточности и своевременности осуществления полномочий судебным приставом наряду с оценкой законности и соблюдения принципов исполнительного производства. В настоящей статье выделяются формы бездействия судебных приставов, их проявление, а также решается вопрос о способах оценки бездействия судебного пристава-исполнителя, мерах прокурора по реагированию на нарушения закона.

Аргументируется необходимость принципиального подхода в деятельности прокурора по оценке достаточности мер и решений, принимаемых судебным приставом, не допускающих возможности уклонения им хотя бы даже от одного полномочия, которое судебный пристав мог и должен был совершить. Выражается уверенность в необходимости усиления надзора прокуратурой за фактами бездействия судебными приставами в целях повышения исполняемости судебных актов с одновременным использованием прокурором общенадзорных правовых средств прокурора.

Ключевые слова: прокурор, судебный пристав-исполнитель, прокурорский надзор, бездействие, исполнительное производство, достаточность действий.

Осуществление прокуратурой надзора за исполнением законов судебными приставами является одним из ключевых участков деятельности, прокуратуры, направленной как на обеспечение законности, так и на повышение эффективности всей системы исполнения судебных актов [5]. Для исполнительных производств, возбужденных по искам органов прокуратуры, данный вид надзора приобрел системный характер, нацеленный на реальное исполнение актов судебных органов, что позволяет говорить о дополнительной задаче прокурора на данном участке помимо общей по выявлению и пресечению незаконных действий органов принудительного исполнения. Реализуя общенадзорные полномочия, прокурор, однако, ориентируется не только на прямое исполнение предписаний закона, но нередко должен соотносить действия поднадзорных субъектов с принципами исполнительного производства, что и предопределяет особенность рассматриваемого надзора [1].

При осуществлении прокурорского надзора в рассматриваемом направлении прокурору нередко приходится сталкиваться с выводом о факте бездействия судебного пристава-исполнителя. Непринятие мер по исполнительному производству, нарушение сроков совершения исполнительных действий олицетворяют звенья одной цепи бездействия судебных приставов. С учетом научной разработанности, а также актов толкования Верховного суда РФ к признакам бездействия следует в относить: отказ должностного лица от исполнения должностных обязанностей; наличие реальной возможности совершения необходимых действий; нарушение в ходе данных незаконных действий прав и законных интересов сторон исполнительного производства [3]. Концептуально неверным было бы полагать, что основу бездействия судебного пристава-исполнителя составляет только отказ или уклонение от совершения активных действий, между тем как зачастую именно последние, в том числе совершенных в целях «маскировки» противоправного поведения и должны быть признаны бездействием. Указанное вносит коррективы в методику диагностики бездействия органов принудительного исполнения, так как вектор производимых действий прокурора смещается в сторону надлежащей оценки реализованных приставом полномочий.

Полагаем, усиление надзора за фактами бездействия судебными приставами-исполнителями позволит качественно повысить результативность проверок законности в рассматриваемой сфере, а также добиваться реального исполнения реше-

ний суда [6, с. 126]. Принципиально важным представляется включение в предмет проверки оценки прокурором достаточности, полноты и своевременности совершения исполнительных действий, что существенно расширяет рамки законности, не выходя за ее пределы [2]. Так, анализ практики рассмотрения судами административных исков о признании бездействий судебных приставов незаконным, и позволяет заключить о необходимости включения в предмет доказывания достаточности совершенных судебным приставом действий, установление факта осуществления последним всех необходимых мер (например, получение ответов на запросы о наличии у должника имущества, обращении взыскания на принадлежащие на праве собственности объекты недвижимости, выявления места нахождения имущества и другие), а также своевременности действий в ходе исполнения (обращение взыскание на заработную плату или денежные средства, находящиеся на банковских счетах) [7, с. 592]. Между тем в ходе проверки прокурор в отличие от суда может не давать оценки нарушениям или ограничениям прав участников исполнительного производства, если только бездействие не выразилось в отказе от издания органом принудительного исполнения нормативного акта.

Какова методика оценки прокурором выявления нарушений: реагировать на каждый факт несоблюдение сроков исполнительного производства или квалифицировать нарушения судебного пристава в качестве бездействия? Следуя логике, изложенной в п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 17.11.2015 № 50 о необходимости комплексной оценки действий органа принудительного исполнения, следует отметить, что каждое из выявленных нарушений является самостоятельным видом, при котором недопустимо заменять оценку бездействия нарушением [4]. Например, при отсутствии информации о должнике или его имуществе органам принудительного исполнения надлежит вынести постановление о его розыске и приостановить исполнительное производство. В этом случае розыск должника воплощается в специальной процедуре с предоставлением приставу дополнительных полномочий по розыску. Указанные действия вероятнее всего будут совершены в сроки, установленные законом, вместе с тем нуждаются в проверке надзирающим прокурором по факту бездействия судебного пристава-исполнителя. Данный факт объясняется тем, что в соответствии требованиями закона до принятия решения о розыске должника судебный пристав должен самостоятельно совершить действия по розыску должника или его имущества [8, с. 40]. В этой связи приостановление исполнительного производства без совершения всех необходимых действий по самостоятельному розыску должно быть оценено прокурором как факт бездействия. При проверке прокурором исключительно сроков совершения тех или иных исполнительных действий может возникнуть риск неполноты проверочных действий или

ненадлежащей оценки обстоятельств дела. В связи с этим помимо оценки сроков совершения исполнительных действий прокурор должен самостоятельно оценить, были ли судебным приставом совершены все необходимые действия прежде, чем вынесено постановление о приостановлении, окончании, прекращении исполнительного производства, возвращении исполнительного листа взыскателю и др.

При осуществлении надзорной деятельности прокурор дает правовую оценку всех действий органов принудительного исполнения, в том числе и тех, которые пристав должен был совершить, однако по каким-то причинам не совершил. Организационно-распорядительным актом Генерального прокурора делается акцент на необходимости проверки не только законности, но и следования органами принудительного исполнения принципов, установленных законодательством об исполнительном производстве, таких как соразмерность, своевременности совершения исполнительных требований, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина [5]. Указанное, в свою очередь, расширяет предмет каждой прокурорской проверки действий судебных приставов-исполнителей, обозначая в качестве ее начальной точки законность возбуждения исполнительного производства. Данные действия должны стать предметом проверки независимо от доводов заявителя и стадии исполнительного производства. Так, практике известны случаи, когда, не нарушив нормы о процедуре обращения взыскания на имущество должника, приставы пренебрегают последовательностью такого взыскания, совершая изъятие в целях последующей реализации движимого имущества (например, автомобиля) при наличии денежных средств на депозите должника. Однако такие действия прокурору не следует оценивать как бездействие, так как налицо активный компонент нарушения закона, актом прокурорского реагирования должно являться представление. Под бездействием же следует понимать отказ, недостаточное количество или несвоевременные активные действия, совершенные органом принудительного исполнения в ходе исполнительного производства. Полагаем, что следует выделять следующие формы бездействия:

1. окончание или прекращение исполнительного производства без совершения всего комплекса регламентированных законом исполнительных действий;
2. приостановление исполнительного производства с одновременным возбуждением розыскного производства в отсутствие надлежаще исполненных обязанностей по самостоятельному розыску должника или его имущества.
3. непринятие либо несвоевременное принятие должного количества действий по возбужденному исполнительному производству.

Наконец, рассмотрим, можно ли наверняка полагать, что нарушение сроков детерминируется как

бездействие. Полагаем, что нет, так бездействие предполагает отказ о совершения некоего комплекса действий, чего не усматривается в настоящем случае. Так, незаконный отказ в возбуждении исполнительного производства, как и несоблюдение сроков на стадии его возбуждения, не могут оцениваться в качестве непринятия целого комплекса мер, необходимых для совершения на каком-то конкретном этапе исполнения.

В заключение следует проанализировать, какое количество действий судебного пристава-исполнителя является достаточным для признания их законными. Судебная практика знает примеры, когда только факт направления органами принудительного исполнения запросов в контрольные органы выступало в качестве критерия достаточности. Однако полагаем, что при оценке нужно руководствоваться тем, что органом принудительного исполнения должны быть совершены все необходимые действия: неисполнение хотя бы одного из надлежащих действий должно быть квалифицировано как бездействие. Примечательно, что в целях полноты проводимой проверки прокурором должны быть отобраны объяснения у судебного пристава на предмет совершения им иных действий, направленных на исполнение или подготовку к исполнению судебного или иного акта, отсутствие которых также даст основание для оценки факта бездействия.

Выявив нарушение закона в форме бездействия, прокурор должен использовать общенадзорные полномочия по их устранению, к каковым относятся представление прокурора об устранении нарушений закона или обращение в суд в случае неисполнения вынесенных требований прокурора. Несмотря на отсутствие в организационно-распорядительных актах Генерального прокурора указания на приоритетность одного средства над другим, полагаем, что основным актом реагирования должно выступать надзорное представление. Кроме того в свете признания органов принудительного исполнения специальными субъектами привлечения к ответственности, следует подчеркнуть о важности такого предмета доказывания как бездействие, так как в последнем случае в акте реагирования будет ставиться вопрос о привлечении пристава к дисциплинарной ответственности.

Литература

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2023 N67-КГ23–10-K8//СПС КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=ARB002-2&req=d o c & c a c h e i d = 8 3 4 0 2 2 8 3 7 6 C - C F 2 9 A 4 F E 2 7 2 9 7 F 1 1 9 C 0 8 E & m o d e = - s e a r c h c a r d & r n d = z v p O R g & b a s e = A R - V & n = 7 8 2 6 1 2 # 7 8 q w t v T c p p y w f 6 c O> (дата обращения: 18.11.2023).
2. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2021 N88a-19941/2021// СПС КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=28674-3&req=doc&ca cheid=24D-56BCE7137F846DAFC4EC3208EE413&mode=searchcard&rnd=zvpORg&base=KSO-J002&n=50353#PwBwtvTL1y6Vq4u4> (дата обращения: 18.11.2023).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»//«Бюллетень Верховного Суда РФ», N1, январь, 2016.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»// «Российская газета», N270, 30.11.2015.
5. Указание Генерального прокурора № 521/7 от 19.09.2022 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами».
6. Гадиятова М.В. – Оценка полноты совершения исполнительных действий при осуществлении прокурорского надзора за законностью действийсудебных приставов.//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право. – 2020. – № 12. – С. 125–127.
7. Паняева А.А. Проблемы реализации правоотношений, возникающих в сфере исполнительного производства.//Аллея науки.-2020.-Т.1, 3 3 (42). – С. 592–600.
8. Спикин, Н.В. Прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами: современное состояние // Научно-практические исследования. – 2020. – № 6–8(29). – С. 40–43.

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER CASES OF INACTION OF BAILIFFS.

Gadiyatova M.V.

Ural State Law University

The author explores the features of prosecutor's supervision over the facts of inaction of bailiffs. The author distinguishes both violations in the enforcement actions of the bailiff and his inaction, and also argues the importance of assessing the sufficiency of the actions of the bailiffs. The article sets out the position on the inclusion in the subject of the prosecutor's audit of issues of sufficiency and timeliness of the exercise of powers by the bailiff, along with an assessment of the legality and observance of the principles of enforcement proceedings. This article highlights the forms of inaction of bailiffs, their manifestation, and also solves the issue of ways to assess the inaction of the bailiff, the measures of the prosecutor to respond to violations of the law. The need for a principled approach to the activities of the prosecutor to assess the sufficiency of measures and solutions of the bailiff, which does not allow the possibility of evasion at least even. Confidence is expressed in the need to strengthen the supervision of the prosecutor's office over the facts of inaction by bailiffs in order to increase the enforceability of judicial acts with the simultaneous use by the prosecutor of the prosecutor's general legal means.

Keywords: prosecutor, bailiff, prosecutor's supervision, inaction, enforcement proceeding, sufficiency of actions.

Reference

1. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.09.2023 N67-KG23-10-K8//SPS ConsultantPlus.
2. Cassation Decision of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction of 15.09.2021 No. 88a-19941/2021//SPS ConsultantPlus.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.11.2015 N50 "On the Application of Legislation by Courts when Considering Certain Issues Arising During Enforcement Proceedings" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, N1, January, 2016.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.11.2015 N50 "On the Application of Legislation by Courts when Considering Certain Issues Arising during Enforcement Proceedings" // Rossiyskaya Gazeta, N270, 30.11.2015.
5. Directive of the General Prosecutor No. 521/7 of the 19.09.2022 "On the organization of prosecutor's supervision over the implementation of laws by bailiffs".
6. Gadiyatova M. – Evaluation Of the completeness of the performance of executive actions in the implementation of prosecutor's supervision over the equality of the actions of bailiffs // Modern Science: actual problems of theory and practice. Series of "Economics and law". – 2020. – № 12. - Pp. 125–127.
7. Panyaeva A.A. Problems of realization of legal relations arising in the field of enforcement proceedings // Alley of Science – 2020. – T.1, 3 3 (42). – S.592–600.
8. Spikin, N.V. Prosecutor's supervision over the implementation of laws by bailiffs: modern state/N.V. Spikin//Scientific and practical research. – 2020. – № 6–8(29). – S. 40–43.

Еланский Игорь Юрьевич,

аспирант, кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: elanskiymos@mail.ru

Гриб Владимир Георгиевич,

доктор юридических наук, профессор, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: vg-profesor@yandex.ru

Цифровая экономика характеризуется рядом интересных явлений, которые стали все более заметными в наши дни. Одним из них является неуклонный рост потока информации, идей и инноваций. С каждым днем все больше людей обмениваются данными, создают новые концепции и разрабатывают инновационные продукты. В условиях цифровой экономики интеллектуальная собственность становится главным инструментом для извлечения прибыли. Все это оказывает значительное влияние на основы демократического правового государства, фундаментальные его ценности. Эта новая форма экономики требует новых решений важных вопросов, связанных с жизнью общества. Чтобы найти полноценные ответы на данные вопросы, необходимо вовлечение всего общества и проведение глубоких научных исследований, направленных на разработку соответствующего правового регулирования цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация, инновации, цифровая экономика, оборотоспособность, результат интеллектуальной деятельности, цифровые технологии, право, общество.

Понятие «цифровая экономика» не упоминается в Конституции РФ. Этот термин появился позже, в 1995 году, и был введен американским ученым Н. Негропonte для выявления преимуществ новой экономики, если сравнивать со старой при развитии информационных коммуникационных технологий. Сегодня оценка указанного понятия выполняется научным сообществом в качестве специалитета: размытого, неопределенного. Подходы, выделяемые некоторыми

1. Экономика на цифровых технологиях, т.е. на электронных услугах, товарах;
2. Широкое определение, состоящее из экономического производства с применением цифровых технологий.

В Конституции РФ отсутствует определение такому термину, как: «цифровая экономика». Однако оно содержится в принятой в РФ в «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг.» [4].

Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, где в качестве ключевого производственного фактора выступают данные, представленные в цифровом формате. Благодаря обработке существенного количества сведений, применение результатов их исследования, появляется возможность для повышения эффективности разных видов технологий, производств, оборудования, продажи, хранения, доставки товаров, а также услуг.

Указанным определением охватываются разные онлайн-услуги, интернет-торговля, интернет-реклама, интернет-банкинг, краудфандинг и пр. Правовое регулирование указанных явлений влияет на экономическую конструкцию, интеллектуальную собственность.

Научное техническое развитие обладает важным значением в экономическом росте. Тогда как понятие по интеллектуальной собственности выступает в качестве неотъемлемой части данного процесса, выступая в качестве основы создания промышленной политики, стимулирования технологических инноваций.

Процесс по созданию инноваций, а также по успешному их развитию, не имеют зависимости исключительно от научного технического прогресса, требуют активного использования знания как стратегического ресурса. Термин «инновация» введен австрийским ученым Йозефом Шумпетером и означает нововведение, обновление или новшество [6].

В качестве важных элементов инновационной экосистемы выступают объекты, относящиеся к интеллектуальной собственности, а также трансфер научных технических данных, инновации. Они взаимосвязаны и вместе способствуют преобра-

зованию результатов опытно-конструкторских, научно-исследовательских, технологических работ в пользу общества и экономики.

Объекты интеллектуальной собственности представляют собой права на интеллектуальные продукты, такие как изобретения, патенты, авторские права, товарные знаки и дизайн. Они обеспечивают защиту инноваций и стимулируют их создание, поскольку предоставляют владельцам эксклюзивные права на использование и распространение своих изобретений или творческих работ.

Охрана результатов интеллектуальной деятельности становится решающим фактором успеха компании в условиях цифровой экономики. Ведь для того, чтобы создать новый продукт или услугу требуется множество различных технологий, и часто компании обращаются к внешним ресурсам для разработки определенных компонентов или заключают лицензионные соглашения для обмена технологиями [5].

От создателей невозможно отчудить те объекты, относящиеся к интеллектуальной собственности, которые принимают участие в экономическом обороте. Также требуется отметить, что отсутствует вероятность их исчезновения в процессе использования.

Не стоит забывать, что создание новшества/изобретения отделяется от его применения определенным периодом времени.

Не учитывая наличие возможности для того, чтобы получить патент на разного рода изобретения, присвоение ему экономического значения происходит после получения им статуса инновации (запатентованное новшество).

Инновации являются связующим звеном действий, совершаемых по техническому воплощению. Наблюдается наличие противоречивого характера у выполнения инноваций, т.к. требуется установить компромисс преимуществ увеличения эффективности при наличии недостатков инновационного монополизма. Происходит его обеспечение через предоставление исключительных прав на определенный период времени [9].

Экономическое управление, власть формируются в процессе формирования какой-либо интеллектуальной собственности (далее ИС). Имманентным моментом сущности ИС является экономическая власть, основанная на предоставлении субъектам большей экономической свободы из-за объединения труда с капиталом, интеграции капиталов (интеллектуального, финансового), становления науки в эндогенный фактора развития непосредственно из экзогенного, в т.ч. в производительную силу.

В процессе получения необходимых знаний, компетенций, в т.ч. неосязаемых активов, они становятся собственностью соответствующего лица. При участии лица в производстве товаров/услуг, происходит внесение им их в капитал организации. Важное значение принадлежит способности, связанной с использованием объектов ИС.

В том случае, если имеется опережающее инвестирование интеллектуального капитала в вовлечении изучаемых объектов в экономический оборот, появляются венчурные отношения. Они усиливают скорость реализации инновационной деятельности.

Процесс реализации ИС производителем обладает успешным характером по причине наличия у него властных, управленческих полномочий. Кроме того он заинтересован превратить новшества в доход. Предпринимателю-новатору необходима помощь для продажи новшества. Указанная потребность обуславливается наличием высоких рисков, а также отсутствием определенности.

Требуется коллективное участие в исполнении инноваций при их приобретении через патенты по условиям трансферта.

Не все покупатели обладают требуемыми компетенциями. По этой причине появляется потребность в получении помощи венчурных экспертов, инвесторов, государства. Требуется, чтобы указанное отталкивалось от разветвленной системы патентирования, трансферта результатов технического прогресса, новшеств, созданных в частном секторе за бюджетные средств с инновационной оценкой.

Процесс, который направлен на развитие необходимой индустриальной базы для того, чтобы продавать интеллектуальную собственность получает особую важность. Кроме того важное значение принадлежит усилению институциональных к ним норм, а также соответствующих требований [7].

В ГК РФ имеется определение такому понятию, как: «инновационный продукт» (далее – ИП), связываемое зачастую с иным понятием, а именно: «интеллектуальная собственность».

В результате вступления в силу ФЗ от 18.12.2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие ч. 4 ГК РФ» [1] был изменен ГК РФ, что отразилось на восприятии ИС при реализации инновационной деятельности.

На основании положений ст. 138 ГК РФ [2], которая на данный момент не является действующей, ИС выступало в качестве исключительного права. Сегодня по п. 1 ст. 1225 ГК РФ [3] наблюдается совпадение понятия ИС с результатами осуществляемой интеллектуальной деятельности (далее – РИД).

В качестве разновидности ИС с важным значением для инновационного развития, выступают нематериальные активы (далее – НМА). Указанный вид ИС – основа инновационного развития современной экономики. Определение его сущности наблюдается в п. 3 ст. 257 НК РФ.

Для выполнения налогового обложения прибыли НМА – созданные или/и приобретенные налогоплательщиком РИД, прочие объекты ИС (исключительные на них права), которые применяются для производства продукции (услуг, работ) или для того, чтобы удовлетворять имеющие у организации потребности в управлении на протяжении продолжительного временного периода, который превы-

шает и иные объекты интеллектуальной собственности (исключительные права на месяцев [8].

ИС обладает неразделимой связью с инновациями. К примеру, в соответствии с Руководством ВО-ИС по созданию стратегии по ИС в государствах, где наблюдается переходная экономика, требуется включение стратегии ИС в стратегию по развитию. Кроме того она должна обладать связью с политической культурного, научного, экономического развития» [10].

Процесс развития ИС, влияние ее на рыночное движение РИД значимы для деловой репутации каждого участника рынка, для всего государства.

Литература

1. Федеральный закон от 18.12.2006 N 231-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Парламентская газета», N 214–215, 21.12.2006
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // «Парламентская газета», N 214–215, 21.12.2006
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2901
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
6. Ахмедзянов Р.Р., Булекова А.С. Проблемы и перспективы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровой экономики// Вестник Академии знаний. – 2023. – № 3 (56). – С. 35–37.
7. Гусева М.А., Проценко П.А. Роль интеллектуальной собственности в формировании цифровой экономики// Экономика. Бизнес. Банки. – 2021. – № 8 (58). – С. 78–87.
8. Керимов В.В. Правовое регулирование и контроль интеллектуальной собственности в инновационной экономике// Инновационное развитие экономики. – 2012. – № 2 (8). – С. 46–49.
9. Княгинина Г.В., Гарифуллина А.Ф., Ханнанова Т.Р. Институт интеллектуальной собственности: анализ и перспективы развития в условиях цифровой экономики// Вестник Россий-

ского университета кооперации. – 2021. – № 2 (44). – С. 35–38.

10. Лопатин В.Н. Правовые риски интеллектуальной собственности при переходе к цифровой экономике в ЕАЭС// Право.by. – 2018. – № 6 (56). – С. 64–70.

LEGAL REGULATION OF INNOVATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

Yelansky I. Yu., Grib V.G.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The digital economy is characterized by a number of interesting phenomena that have become increasingly noticeable these days. One of them is the steady growth of the flow of information, ideas and innovations. Every day more and more people exchange data, create new concepts and develop innovative products. In the digital economy, intellectual property is becoming the main tool for making a profit. All this has a significant impact on the foundations of a democratic rule of law, its fundamental values. This new form of economy requires new solutions to important issues related to the life of society. To find full-fledged answers to these questions, it is necessary to involve the whole society and conduct in-depth scientific research aimed at developing appropriate legal regulation of the digital economy.

Keywords: digitalization, innovation, digital economy, turnover

References

1. Federal Law No. 231-FZ of 12/18/2006 (as amended on 12/29/2022) «On the Entry into Force of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation» // «Parliamentary Gazette», No. 214–215, 12/21/2006
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one)» dated 30.11.1994 N 51-FZ (ed. dated 24.07.2023) // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 05.12.1994, N 32, art. 3301
3. The Civil Code of the Russian Federation (part four)» dated 18.12.2006 N 230-FZ (ed. from 13.06.2023) // «Parliamentary Newspaper», N 214–215, 21.12.2006
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 N 203 «On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030» // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 15.05.2017, N 20, Article 2901
5. Schumpeter J. Theory of economic development. – M.: Progress, 1982. – 455 p.
6. Akhmedzyanov R.R., Bulekova A.S. Problems and prospects of intellectual property protection in the context of the digital economy// Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2023. – № 3 (56). – Pp. 35–37.
7. Guseva M.A., Protsenko P.A. The role of intellectual property in the formation of the digital economy// Economy. Business. Banks. – 2021. – № 8 (58). – Pp. 78–87.
8. Kerimov V.V. Legal regulation and control of intellectual property in the innovative economy// Innovative development of the economy. – 2012. – № 2 (8). – Pp. 46–49.
9. Knyaginina G.V., Garifullina A.F., Khannanova T.R. Institute of Intellectual Property: analysis and prospects of development in the digital economy// Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2021. – № 2 (44). – Pp. 35–38.
10. Lopatin V.N. Legal risks of intellectual property in the transition to the digital economy in the EAEU// Право.by. – 2018. – № 6 (56). – Pp. 64–70.

Цифровизация финансовой системы государства: современное состояние и перспективы правового регулирования

Игнатъева Ирина Валентиновна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия (ВСФ ФГБОУ ВО РГУП)
E-mail: irina.090@mail.ru

Зедгенизова Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий Иркутский национальный исследовательский технический университет (ФГБОУ ВО)
E-mail: 54irina@bk.ru

В статье исследуется развитие правового регулирования цифровизации финансовой системы Российской Федерации. Внедрение цифровых технологий в процессы управления финансами и их дальнейшее использование требуют правового обоснования и четкого регулирования. Целью представленной статьи является определение и представление перспектив развития правового регулирования внедрения и использования цифровых технологий для управления государственными финансами. В исследовании оцениваются возможности применения цифровых технологий в сфере управления государственными финансами, а также риски, которые сопутствуют их внедрению. Обосновывается необходимость разработки и принятия нормативно-правовых актов, регулирующих внедрение технологий обработки больших объемов данных, искусственного интеллекта и национальной цифровой валюты. Сделан вывод о необходимости создания комплексной и многоуровневой правовой основы внедрения и функционирования основных механизмов цифровизации системы государственных финансов.

Ключевые слова: государственное управление финансами, финансовая система, цифровизация, искусственный интеллект, национальная цифровая валюта.

Введение. Сегодня государственное управление в современном государстве становится все более восприимчивыми к инновациям, охватывающим практически все его сферы. Инновации позволяют значительно ускорить, облегчить управленческие процессы, повысить их эффективность, а также минимизировать негативное влияние на них человеческого фактора, проявляющегося в бюрократии, коррупции и других негативных элементах, осложняющих общественное бытие. Наиболее передовые информационные технологии, в которых нуждаются сегодня процессы управления государством – это цифровые технологии, основными элементами которых являются технологии обработки больших объемов данных (big data) и искусственный интеллект, позволяющие быстро и эффективно решать управленческие задачи. На сегодняшний день, по мнению ряда исследователей [12], бюджетная сфера является наименее подверженной цифровым изменениям, функционируя по канонам прошлого века. Упомянутые выше цифровые технологии представляются незаменимыми в некоторых сферах управления, в том числе государственных финансах, позволяя полностью решить или минимизировать многие проблемы, до сих пор являющиеся неразрешимыми. В частности, цифровой элемент позволит навести порядок при расходовании государственных средств, где выявляется большое количество нарушений. Так, Счетной палатой РФ в 2022 году выявлено нарушений и недостатков в расходовании государственных средств на сумму 1.6 триллиона рублей [2]. В структуре упомянутых нарушений и недостатков, по мнению главы Счетной палаты, основными являются некорректное ведение и отображение бюджетно-бухгалтерской отчетности, со значительной долей нецелевых и неэффективных расходов [2]. В то же время, по мнению исследователей, «...бюджетная система технологически полностью подходит для использования в ней цифровых технологий» [12], что говорит о необходимости создания условий, в том числе правовых, для их широкого внедрения.

Вышеперечисленные обстоятельства вызывают живой интерес исследователей различных аспектов внедрения цифровых технологий в бюджетный процесс, государственный финансовый надзор и контроль. Так, ряд исследований посвящен общей оценке влияния цифровых технологий на бюджетный процесс и управления государственными финансами [4; 12]; в некоторых работах исследуются возможности и перспективы их внедрения в такие сферы государственного финансового управ-

ления, как госзакупки [3], финансирование социальной сферы [5], осуществление государственного финансового контроля и надзора [9], и др. Однако ряд проблем, в том числе касающихся формирования правовых основ внедрения и использования цифровых элементов, таких как технологии обработки больших объемов данных, искусственного интеллекта, национальной цифровой валюты, исследованы весьма слабо, не имеют однозначного решения, что замедляет их внедрение и негативно сказывается на общем состоянии государственной финансовой системы. Целью представленной работы является определение перспектив развития правовой базы внедрения и использования цифровых технологий управления государственными финансами. Скорейшему внедрению и эффективному использованию цифровых технологий в управлении государственными финансами будет способствовать принятие комплексной и многоуровневой нормативной базы, максимально учитывающей как выгоды, так и риски внедрения этих технологий.

Методы исследования

Для достижения обозначенной выше цели исследования были использованы такие методы как системно-структурный анализ, статистический метод, метод перехода от общего понятия к частному, сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования. В качестве информационно правовой базы исследования использованы как действующие, так и нормативно-правовые акты, находящиеся в стадии проектирования. Также принимались во внимание мнения ученых, выраженные в опубликованных научных трудах по схожей тематике, данные официальной статистики, отражающие положение дел в сфере государственных финансов, иная имеющая отношение к теме информация, полученная из заслуживающих доверия информационных источников сети Интернет.

Результаты

В настоящий момент цифровая трансформация общественной жизни и государственного управления обозначены в качестве одной из пяти целей национального развития, согласно Указу Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 [13]. Одним из целевых показателей в названном нормативно-правовом акте определено «достижение цифровой зрелости» государственного управления. В общем смысле, такая зрелость может быть достигнута через перевод многих ручных и автоматических управленческих процессов в цифровую форму и служит для повышения их скорости, четкости и эффективности. Естественно, что такой перевод не может не затрагивать бюджетную сферу, являющуюся финансовой базой функционирования всех государственных институтов, а также оказывающую существенное влияние на деятельность значительной части общественных институтов. Следует

также отметить, что с цифровой трансформацией государственного управления, по всей видимости, должно меняться и правовое регулирование отношений, связанных с осуществлением управления.

Развитие цифровых технологий сегодня существенно опережает их правовое регулирование. Цифровые информационные системы, обеспечивающие обработку больших объемов данных, активно применяющие искусственный интеллект, сегодня достаточно успешно используются Центральным банком РФ, Минфином, Счетной палатой и другими финансовыми ведомствами, задействованными в бюджетной сфере. Цифровизация бюджетного процесса, по мнению Л.А. Силантьевой [11], началась с принятием в 2011 г. Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» [10]

При этом до сих пор усматривается явный недостаток специальных норм, регулирующих порядок информационного обеспечения бюджетного процесса. Основными законодательными пробелами в данной сфере являются:

- отсутствие правовых дефиниций, недостаточность правовой терминологии, связанной с внедрением и использованием цифровых технологий в бюджетном процессе. Так, используемый во многих концептуальных документах термин «цифровизация» до сих пор не имеет четкой дефиниции в российском законодательстве;
- отсутствие пакета базового законодательства, определяющего правовую политику государства в сфере цифровизации финансовой системы: имеющиеся стратегические документы планового, целеполагающего характера не способны выступить в качестве единственной правовой основы, так как не обеспечивают детализацию и согласованность правовых принципов, целей и задач в обозначенной сфере.

Ряд правовых проблем препятствует внедрению в бюджетный процесс технологий обработки больших объемов данных в связи с имеющимися рисками несанкционированного доступа, утечки и защиты персональных, конфиденциальных и секретных данных, достоверности и целостности информации, передаваемой и хранимой с помощью программно-технических средств, реализующих цифровое управление. Соответственно, необходимо разработать определенные правовые ограничения на функционирование таких технологий для предотвращения ситуаций реализации таких рисков.

На данный момент одним из ключевых факторов цифровизации и развития государства является повсеместное внедрение искусственного интеллекта. В бюджетной сфере применение искусственного интеллекта наиболее целесообразно и может принести значительный эффект. Искусственный интеллект способен взять на себя контроль за целевым и эффективным использованием средств бюджетов и многие другие функции, вы-

полняемые контрольно-счетными органами. При этом аудит мог бы осуществляться в постоянном режиме, а не раз в несколько лет, как это происходит сегодня. Кроме того, искусственный интеллект способен не только проверять отчеты об исполнении бюджетов, но и формировать их большую часть. В сфере государственных закупок применение искусственного интеллекта позволит создать систему, ориентированную не только на краткосрочное, но и долгосрочное сотрудничество, сведя при этом коррупционные риски к минимуму. Анализируя большие объемы неструктурированной информации, он позволяет еще до стадии публикации объявления о закупках выявлять неэффективных поставщиков путем сбора данных, анализировать риски исполнения контрактов и т.д. [12].

Такое положение вещей позволило бы служащим органов, занятым исполнением бюджета, сконцентрироваться на решении методологических вопросов. Однако внедрение в систему и активное развитие искусственного интеллекта, под контроль которого могут перейти все происходящие процессы, может вызвать возникновение рисков утраты человеческого контроля над действиями и изменениями в цифровой системе государственных финансов, приводящее к безвозвратным убыткам бюджета. Подобные опасения приводят к тому, что даже в такой передовой стране в области внедрения цифровых технологий в практику государственного управления, как Великобритания, делаются только первые попытки использования искусственного интеллекта, причем, пока в самых простых формах [12]. Следующей важной проблемой является проблема регулирования ответственности, возникающей в случаях использования и применения цифровых технологий, повлекших ущемление чьих-либо прав и свобод.

Еще одним аспектом, на котором следует акцентировать внимание в связи с исследуемой проблематикой является ближайшая перспектива внедрения цифровой национальной валюты – цифрового рубля. Цифровой рубль станет важным инструментом, позволяющим продолжать предоставлять безопасные платежные средства, что положительно скажется на жизни общества в целом и на развитии бизнеса. Внедрение цифрового рубля будет способствовать снижению санкционного давления и развитию международной торговли [8]. При всех видимых преимуществах, такое решение также потребует исполнения ряда вопросов правового характера. На настоящий момент ЦБ РФ подготовил Концепцию цифрового рубля [6], в которой указана целевая модель цифрового рубля, анализируется влияние его введения на финансовую стабильность и денежно-кредитную политику, определены этапы реализации прототипа платформы цифрового рубля. На базе указанной Концепции разработаны, но пока не приняты нормы, предусматривающие установление основ правового регулирования и порядка осуществления перевода, конвертации, проведения платежей в цифровых рублях, порядка наложения взысканий на цифровые рублевые

счета, обеспечение информационной безопасности при проведении операций с зарубежными банками и т.д.

В то же время остаются многие вопросы, например, связанные с ограничениями использования цифрового рубля получателями бюджетных средств, в том числе социальных пособий, для чего потребуется как принятие новых нормативно-правовых актов, так и внесение изменений в ряд действующих законодательных актов Российской Федерации, с целью создания правовых условий для внедрения цифрового рубля в национальную финансовую систему.

Обсуждение

Необходимость правового регулирования отношений, связанных с внедрением в сферу государственных финансов цифровых элементов управления, поддерживается многими представителями финансового права. Так, справедливым видится утверждение о том, что с развитием цифровизации «трансформации подвергается и правовое регулирование отношений, связанных с осуществлением управления публичными финансами, бюджетным процессом, функционированием национальной платежной системы, налоговым контролем и т.д.» [1].

Однако применение информатизации и искусственного интеллекта автоматически предполагает и создает проблемы информационной и финансовой безопасности, применительно к финансовой бюджетной сфере могущие привести к безвозвратным потерям бюджетных средств. При этом возникает вопрос, кто и в какой степени должен отвечать за ошибки в работе информационных систем и ошибочные решения, принимаемые искусственным интеллектом.

На сегодняшний день, к сожалению, на национальном и международном уровне отсутствует нормативный правовой акт, регулирующий все аспекты информатизации и искусственного интеллекта, так же, как и отсутствуют нормы и принципы этического и правового ограничения деятельности искусственного интеллекта [7].

Среди ученых имеются различные мнения о том, как будет выглядеть будущее законодательство о внедрении и использовании элементов цифрового управления в бюджетно-финансовой сфере. По мнению В.А. Пойтиной, достойным решением будет: ограничиться разработкой подзаконных актов, сформировать минимальные стандарты и дать возможность развиваться тому, что необходимо регулировать (ограничивая сферы и количество применения новых технологий, чтобы обеспечить безопасность жизни людей, в том числе защиту данных: персональных, конфиденциальных, секретных и прочее) [7].

Однако наилучшим решением, по мнению автора настоящей статьи и авторов некоторых других научных трудов [11], будет регулирование внедрения новых цифровых технологий, таких как технологии обработки больших объемов данных и др.,

на федеральном уровне, путем формирования законодательных дефиниций, основных понятий, связанных с цифровой трансформацией всех сфер жизни общества и бюджетной в частности. В отношении бюджетного законодательства дополнительно необходима разработка специальных норм, регулирующих информационное обеспечение функционирования бюджетной сферы, приведение их в соответствие с принципами, целями и задачами цифровизации всей сферы государственного управления.

Заключение

Таким образом, исследования, проведенные в рамках подготовки настоящей статьи, позволили определить, что внедрение цифровых технологий в систему государственных финансов, опережающее развитие необходимого правового регулирования, позволяет существенно повысить эффективность бюджетного процесса. При этом сопутствующие риски использования таких технологий определяют необходимость правового регулирования, ограничивающего их применение. Представляется, что такое регулирование не должно ограничиваться уровнем подзаконных актов, определением минимальных стандартов, а должно быть комплексным и многоуровневым, учитывающим цифровизацию всех сфер государственной и общественной жизни, соответствовать заявленным задачам, целям и принципам цифровизации государственного управления.

Литература

1. Бакаева О.Ю., Семенов К.О. Основные направления совместной деятельности налоговых и таможенных органов в условиях цифровой экономики // *Налоги*. 2019. № 4. С. 3–7.
2. Белоусов Ю. В., Тимофеева О.И. Прогноз влияния цифровизации на управление государственными финансами. *Мир новой экономики*. 2022. 16(4):113–123. DOI: 10.26794/2220–6469–2022–16–4–113–123
3. Волков А.П. Совершенствование управления закупками с участием субъектов малого предпринимательства с учетом информационных изменений единой информационной системы // В сборнике: *Цифровая трансформация управленческой экономики и развитие контрактной системы в сфере закупок*. Сборник научных докладов: сборник статей. Москва, 2022. С. 34–39.
4. Голдыш Ю.Р. Исследование трендов цифровизации управления государственными и муниципальными финансами // В сборнике: *Финансы и общество: новые реалии, новые форматы, новые финансовые инструменты*. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный за выпуск М.С. Марамыгин, ответственный редактор Н.А. Истомина. Екатеринбург, 2023. С. 82–85.
5. Зайцева О.П., Баетова Д.Р. Цифровые технологии государственного финансового контроля // *Фундаментальные исследования*. 2023. № 6. С. 12–16.
6. Концепция цифрового рубля (апрель 2021 г.) // Банк России. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400459652/> (Дата обращения: 05.11.2023)
7. Пойтина А.С. Цифровизация государственного управления: возможности, риски, проблемы, правовое регулирование // В сборнике: *ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА*. Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск. 2022. С. 55–68.
8. Пономаренко К.С., Лагуева И.В. Становление цифрового рубля, как третьей формы денег в системе регламентации эмиссионного права // *Вопросы российского и международного права*. 2023. Том 13. № 5А. С. 187–199. DOI: 10.34670/AR.2023.17.73.023
9. Попова С.А., Нестеров Д.А. Влияние цифровизации на оказание социально-значимых услуг населению // *Вестник Института мировых цивилизаций*. 2023. Т. 14. № 2 (39). С. 71–76.
10. Распоряжение Правительства РФ от 20 июля 2011 г. № 1275-р «О Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»» (в ред. от 1 ноября 2021 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 31, ст. 4773; 2011. № 31, ст. 4773; 2021. № 46, ст. 7699
11. Силантьева И.А. Нормативное регулирование цифровизации бюджетной сферы: современное состояние и перспективы // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2022. № 6 (149). С. 298–302.
12. Счетная палата выявила бюджетные нарушения за 2022 год на 1,6 трлн рублей [Электронный ресурс] – <https://tass.ru/ekonomika/18704691> (Дата обращения: 05.11.23)
13. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 30, ст. 4884

DIGITALIZATION OF THE STATE FINANCIAL SYSTEM: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

Ignatyeva I.V., Zedgenizova I.I.

Russian State University of Justice (VSF FGBOU VO RGUP), Irkutsk National Research Technical University» (FGBOU VO «IRRTU»)

This article examines the development of legal regulation of digitalization of the financial system of the Russian Federation. The introduction of digital technologies into financial management processes and their further use require legal justification and clear regulation. The purpose of this article is to identify and present prospects for the development of legal regulation of the implementation and use of digital technologies for public finance management. The study assesses the possibilities of using digital technologies in the field of public financial management, as well as the risks that accompany their implementation. The necessity of developing and adopting reg-

ulations governing the implementation of technologies for processing large volumes of data, artificial intelligence and national digital currency is substantiated. It is concluded that it is necessary to create a comprehensive and multi-level legal framework for the implementation and functioning of the main mechanisms for digitalization of the public finance system.

Keywords: Public financial management, financial system, digitalization, artificial intelligence, national digital currency.

References

1. Bakaeva O. Yu., Semenov K.O. Main directions of joint activities of tax and customs authorities in the digital economy // *Taxes*. 2019. No. 4. pp. 3–7.
2. Belousov Yu. V., Timofeeva O.I. Forecast of the impact of digitalization on public financial management. *The world of the new economy*. 2022. 16(4):113–123. DOI: 10.26794/2220–6469–2022–16–4–113–123
3. Volkov A.P. Improving procurement management with the participation of small businesses, taking into account information changes in the unified information system/In the collection: Digital transformation of managerial economics and development of the contract system in the field of procurement. Collection of scientific reports: collection of articles. Moscow, 2022. pp. 34–39.
4. Goldysh Yu.R. Study of trends in digitalization of state and municipal finance management/In the collection: Finance and society: new realities, new formats, new financial instruments. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference. Responsible for the release of M.S. Marmygin, executive editor N.A. Istomina. Ekaterinburg, 2023. pp. 82–85.
5. Zaitseva O.P., Baetova D.R. Digital technologies of state financial control//*Fundamental research*. 2023. No. 6. P. 12–16.
6. Concept of the digital ruble (April 2021) // Bank of Russia. [Electronic resource] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400459652/> (Date of access: 05.11.2023)
7. Poitina A.S. Digitalization of public administration: opportunities, risks, problems, legal regulation / In the collection: INNOVATIVE DEVELOPMENT OF MODERN SCIENCE: THEORY, METHODOLOGY, PRACTICE. Collection of articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk. 2022. pp. 55–68.
8. Ponomarenko K.S., Lagkueva I.V. The formation of the digital ruble as the third form of money in the system of regulation of emission law // *Issues of Russian and international law*. 2023. Volume 13. No. 5A. pp. 187–199. DOI: 10.34670/AR.2023.17.73.023
9. Popova S.A., Nesterov D.A. The influence of digitalization on the provision of socially significant services to the population // *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. 2023. T. 14. No. 2 (39). pp. 71–76.
10. Order of the Government of the Russian Federation dated July 20, 2011 No. 1275-r “On the Concept of the creation and development of the state integrated information system for public finance management “Electronic Budget”” (as amended on November 1, 2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 31, art. 4773; 2011. No. 31, art. 4773; 2021. No. 46, art. 7699
11. Silantyeva I.A. Regulatory regulation of digitalization of the public sector: current state and prospects // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2022. No. 6 (149). pp. 298–302.
12. The Accounts Chamber revealed budget violations for 2022 amounting to 1.6 trillion. rubles [Electronic resource] – <https://tass.ru/ekonomika/18704691> (Date of access: 05.11.23)
13. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 30, art. 4884

Правовое регулирование почвозащитного лесоразведения в советской и постсоветской России

Липски Станислав Анджеевич,

д.э.н., доцент, врио проректора по научной работе, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»
E-mail: lipski-sa@yandex.ru

Формирование сколько-либо развернутого законодательно-го обеспечения почвозащитного лесоразведения произошло в советский период. Цель статьи – исследовать, как развивалось соответствующее законодательство и какой правовой статус закреплён в нём для защитных лесополос на землях сельхозназначения. Рассмотрено, почему в середине XX века так и не был реализован ряд мер по созданию гослесополос, как развивалось соответствующее нормотворчество, какие пробелы и коллизии имеются в действующем законодательстве, в т.ч. как соотносятся положения Земельного и Лесного кодексов в этой части. Сделан вывод, что защитные лесополосы и занятые ими земли следует сохранить в собственности государства. Отмечены текущие ведомственные инициативы в сфере агролесомелиорации.

Ключевые слова: защитная лесополоса, лес, лесной участок, законодательство, собственность.

Уже третий год, как идет реализация Госпрограммы эффективного вовлечения в оборот земель сельхозназначения и развития мелиоративного комплекса¹. Автор данной статьи участвовал в ее разработке (приказ Минсельхоза России от 28 ноября 2019 г. № 658), а также привлекался к ранжированию ведомственных проектов по ее реализации (приказы Минсельхоза России от 17 декабря 2019 г. № 799 и от 4 февраля 2021 г. № 54). Это позволяет указать на некоторые аспекты, не получившие в силу ряда причин достаточного развития в тексте Госпрограммы. В первую очередь, речь о том, что в ее мелиоративной составляющей в основном оказались затронуты вопросы сельскохозяйственного орошения и осушения, между тем опыт, в т.ч. и советского периода, показывает, что среди мер по повышению плодородия почвы и ее охране и защите следует выделить комплекс землеустроительно-мелиоративных мер по проектированию, размещению, содержанию и охране лесозащитных полос на землях сельхозназначения². И проводить это надо, опираясь на нормативную правовую базу.

То, что леса и лесополосы задерживают развитие процессов ветровой и водной эрозии, улучшают микроклимат и распределение снега и снижают уровень загрязнения воздуха известно давно, соответственно, и высадка лесополос для защиты почв имеет многовековую историю. Уже в 1766 г. русским ученым А.Т. Болотовым было предложено использования леса для защиты полей, а в конце XIX в В.В. Докучаевым были заложены основы современной агролесомелиорации. Возглавляемая им экспедиция целенаправленно исследовала процессы восстановления степных почв посредством сооружения прудов и лесополос. Она установила, что распашка целины привела к иссушению почв, за этим последовали изменения в рельефе и нарушение биосферы. Вывод этой экспедиции состоял в том, что для прекращения этих негативных процессов и восстановления почв нужно было либо отказаться от дальнейшей обработки почвы (забросить освоенные угодья), что было не приемле-

¹ Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 24.05.2021, N 21, ст. 3583.

² Вершинин В.В., Липски С.А. О состоянии плодородия земель сельскохозяйственного назначения и мерах по его воспроизводству // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 6. С. 14–17; Крассов О.И. Правовое обеспечение сохранения экологических систем на землях сельскохозяйственного назначения // Экологическое право. 2005. № 1.

мо, либо, взамен этого – осуществлять полосную высадку лесных насаждений, которые заняли бы куда меньшую площадь, чем освоенные угодья. Технология этих работ и тактика ведения лесного хозяйства применительно к таким рукотворным лесополосам в степных условиях были опубликованы и достаточно хорошо известны (исследования Измаильского А.А. – «Как высохла наша степь», Морозова Г.Ф., Собеневского К.Э. и др. лесоводов)¹.

Достаточно масштабное почвозащитное мероприятие в Царской России, предусматривающее «вторжение» государства в частную собственность, было произведено в 1888 г., когда было принято Положение о сбережении лесов (в 1901 г. оно было дополнено), согласно которому в казенных и других лесах лесным чинам надлежало выделить защитные и водоохранные леса.

Впрочем, развернутое нормативное правовое регулирование агролесомелиоративные мероприятия получили только в советский период, ключевой особенностью которого в данном аспекте стала исключительная собственность государства, как на земли, так и на леса (лесополосы)². Начало этому было положено уже в первых декретах новой власти («О земле» от 26 октября 1917 г. и «О лесах» от 27 мая 1918 г.), тогда же в ведение Наркомзема (почти до конца 1940-х гг.) были переданы как сельскохозяйственные, так и лесные земли. Положения обоих декретов сравнительно скоро получили дальнейшее развитие в Земельном и Лесном кодексах РСФСР (соответственно от 30 октября 1922 г. и от 25 июля 1923 г.). Так как в советской системе регулирования землепользования приоритетное положение занимало землеустройство, то именно оно и получило затем наибольшее развитие в нормативных актах, причем издаваемых сравнительно равномерно на всем протяжении советского периода³.

Что же касается специальных актов о правилах проектирования, размещения и охраны лесополос,

¹ Исаев А.С. Коровин Г.Н. Актуальные проблемы лесной политики. Лесное хозяйство. 2001. № 3. С. 9; Липски С.А., Конокотин Д.Н. Текущее состояние с правовым регулированием размещения, эксплуатации и охраны лесополос. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 11. С. 651–655.

² Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РГ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.

³ См, в частности: – Общие начала землепользования и землеустройства (утв. постановлением ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г.); – Основные положения землеустройства« (утв. Минсельхозом СССР 27 мая 1968 г.); Порядок утверждения проектов внутрихозяйственного землеустройства колхозов, совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий (утв. постановлением Совета Министров РСФСР от 21 июля 1972 г. № 429); – инструкция Минсельхоза СССР от 26 июля 1974 г. № 224–3/1 «О порядке проведения государственного контроля за использованием земель землеустроительной службой системы Министерства сельского хозяйства СССР»; -постановление Совета Министров РСФСР от 10 апреля 1975 г. № 225 «Об улучшении организации выполнения и повышении качества проектно-изыскательских работ по землеустройству»; инструкция по внутрихозяйственному землеустройству колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий (утверждена Минсельхозом РСФСР 15 июля 1980 г.) и др.

полос, то они были приняты далеко не сразу. Основным из них стало постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане защитного лесонасаждения, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». Иначе это постановление называли еще Сталинским планом преобразования природы, который предусматривал такой масштаб лесоразведения, которого ранее не знала мировая история. Причем для достижения его целей не требовалась массовая распашка земель. Создавать лесополосы и массивы насаждений было намечено сразу в виде: 1) полос по границам полей сельхозпредприятий; 2) массивов на неудобных (крутосклонных) и эродированных землях, нуждающихся в защите и реабилитации; 3) вдоль берега прудов (окаймляя их), и 4) главное – лесополосы в меридиональном направлении, охватывавшие не только сельхозземли, – они должны были преградить путь суховеям, зарождающимся на Юго-востоке европейской части страны.

Однако многие вопросы, связанные с реализацией этого плана оказались недостаточно проработаны. Так, ответственность за лесополосы была возложена на лесхозы (с 1948 г. они больше не подчинялись сельхозорганам), тогда как земли под лесополосами им не были переданы, и лесохозяйственные мероприятия те выполняли на «чужой» земле, не имея к тому же возможностей влиять на содержание землеустроительных проектов (во многом предопределявших начертание и целостность создаваемых лесополос⁴). Сразу после смерти И.В. Сталина специально созданное в 1948 г. для осуществления Плана Главное управление по лесозащитному лесоразведению при Совете Министров СССР было ликвидировано. Даже тогдашняя самостоятельность машинно-тракторных станций (МТС) негативно сказалась на реализации Плана – интересы МТС нередко однобоко влияли на землеустройство колхозов (совхозы обходились без их услуг, поскольку в распоряжении совхозов были собственные тракторы и другие машины), добиваясь создания удобных для работы машин крупных полей правильной геометрической формы, такая конфигурация полей определяла и расположение лесополос, окаймляющих поля. В результате, такие полосы не в полной мере выполняли свою почвозащитную и мелиоративную роль.

Поэтому новое руководство страны пошло на замораживание ряда мероприятий и программ, накладывавших на агрохозяйства дополнительные финансовые и иные обязательства. В число таких программ был включен и План преобразования природы. Выполнение намеченных в нем мероприятий было объявлено добровольным делом

⁴ Волков С.Н., Краснянская Е.В. и др. Планирование агролесомелиоративных мероприятий в Российской Федерации при проведении комплекса землеустроительных и мелиоративных работ на землях сельскохозяйственного назначения. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 5. С. 283–289.

колхозов, что означало его свертывание – большая часть намеченного, так и осталась «планом», и даже ранее созданные лесополосы оказались вырублены, подверглась критике и травопольная система земледелия, которая в основном укладывалась в тогдашнюю производственную деятельность колхозов и совхозов.

На смену им пришла Целинная кампания, которая частично имела успех (например, в 1956 г. удалось получить очень хороший урожай на новых землях), но в долгосрочной перспективе распашка земель в зоне так называемого «рискованного» земледелия оказалась не столь успешной.

Новый этап мелиоративного обустройства сельхозземель и его правового регулирования начался в середине 1960-х гг. – тогда мелиорация была провозглашена в качестве важнейшей общегосударственной задачи¹. Впрочем, в тот период развития законодательства основной упор делался на процедуры орошения и осушения (гидротехническая мелиорация). Другие же виды (в т.ч. агоролесомелиорация) отошли на второй план.

Определенный шаг в направлении развития агоролесомелиорации был сделан, когда правительство страны издало постановление «О мерах по улучшению организации работ по защите почв от ветровой и водной эрозии»², которым мероприятия по борьбе с эрозией почвы были распространены на все земли, а не только на сельскохозяйственные. При этом особое внимание уделялось землям, на которых велось крупное строительство – рельсовые и автомобильные дороги, магистральные трубопроводы, а также таким, которые испытывали дополнительную техногенную нагрузку в результате геологоразведочных, вскрышных работ. Сложность с реализацией этих мер заключалась в ведомственной подчиненности землеустроительной службы, которая ограничивалась пределами земель колхозов и совхозов – вопросы по подавлению эрозии в границах сельских поселений, на дорожных трассах, по берегам рек, озер, прудов и каналов оказались вне ее сферы.

В постсоветской России становление новой системы правового регулирования вопросов, связанных с защитными лесополосами, началось с принятия в 1996 г. Федерального закона «О мелиорации земель»³, а годом спустя – первого в постсоветской России Лесного кодекса, в ст. 134 которого был установлен статус лесной растительности на лесозащитных полосах, а именно она была при-

знана древесно-кустарниковой растительностью. Но в ст. 115 действующего сейчас кодекса (далее – ЛК РФ) дано другое определение «государственной защитной лесополосы» – как искусственно созданного ценного леса (?) линейного типа, выполняющего климаторегулирующие, почвозащитные, противозрозионные и водорегулирующие функции (п. 1 ч. 1). Это повлекло за собой определенную сложность – являются ли созданные для сельхозцелей лесополосы лесом?⁴ Ведь с одной стороны, все это делается для нужд сельхозпроизводства, а с другой – также как и столь же проблемные сельские леса, лесополосы подвержены тем же опасностям, что и основные лесные массивы – вредители, пожары (причем источником этих проблем могут стать как раз лесополосы и сельские леса)⁵.

Другая сложность заключается в том, что действующий Земельный кодекс РФ и иные акты земельного законодательства не вводят для лесозащитных полос сколь-либо особого правового режима, они не отнесены к изъятим или ограниченным в обороте, который применительно к ним регулируется достаточно универсальными нормами гражданского и земельного законодательства (соответствующими кодексами и другими федеральными законами). Тогда как уже упомянутая ст. 115 ЛК РФ запрещает в пределах ценных лесов строительство и эксплуатацию разного рода объектов.

Конечно же, конкретизация должна быть достигнута в специализированных актах, каковыми являются ведомственные приказы – в данном случае – Минсельхоза России (речь о лесополосах на сельхозземлях для сельхозцелей). В качестве примера приведем приказ данного министерства от 30 июня 2020 г. № 367 «Об утверждении Правил содержания мелиоративных защитных лесных насаждений и особенностей проведения мероприятий по их сохранению». Утвержденными им правилами регулируются вопросы содержания таких насаждений, их обследований, воспроизводства и уход за ними.

В настоящее время взамен этого акта подготовлен более детализированный документ – Правила содержания и сохранения агролесомелиоративных насаждений и (или) агрофитомелиоративных насаждений⁶, который в октябре 2023 г. был обсужден и одобрен на заседании рабочей груп-

¹ постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 июня 1966 г. «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур» // СП СССР. 1966. № 11. Ст. 114; постановление ЦК КПСС Совета Министров СССР от 20 марта 1967 г. «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии» // СП СССР 1967. № 9. Ст. 45.

² постановление Совета Министров СССР от 13 октября 1975 г. № 884 «О мерах по улучшению организации работ по защите почв от ветровой и водной эрозии». СП СССР // 1975, N 21, ст. 144

³ Федеральный закон от 10.01.1996 N 4-ФЗ «О мелиорации земель» Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, N 3, ст. 142,

⁴ Зиновьева О.А. Понятие леса и лесного участка в новом Лесном кодексе Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 4.

⁵ Бланков А.С., Виноградова О.Б., Орлова Ю.П. Проблемы расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 5. С. 290–294.; Липски С.А., Коноктин Д.Н. Правовые меры по защите лесов от пожаров. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2020. № 5 (184). С. 5–12; 11. Майорова Е.И. Правовой режим лесоустройства и государственной инвентаризации лесов: сходство, различия, пути совершенствования, сб. «Использование и охрана лесов: проблема реализации законодательства» под ред. Е.Л. Мининой. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012. С. 60–68

⁶ <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140366>

пы при подкомиссии по совершенствованию контрольных (надзорных) и разрешительных функций федеральных органов исполнительной власти при Правительственной комиссии по проведению административной реформы в сфере земли и недвижимости от экспертного и делового сообщества¹.

Таким образом, вопрос о правовом регулировании почвозащитного лесоразведения постепенно получает все большее внимание федерального законодателя (в широком понимании – палаты Федерального Собрания вместе с наделенными регуляторными полномочиями исполнительными структурами), что, основываясь на опыте советского периода, позволяет ожидать вслед за принятием соответствующих актов улучшения и фактического положения вещей в данной сфере. Вместе с тем, межведомственный характер регулирования данной сферы (лесные, земельно-имущественные, природоохранные вопросы) все еще сопряжен с разными подходами и трактовками, что требует работы по гармонизации соответствующих отраслей законодательства. Кроме того, вне зависимости от целеполаганий процессов приватизации сельхозземель и хода этих процессов защитные лесополосы, как и занятые ими земли должны оставаться в собственности государства (как и все леса, расположенные на землях лесного фонда – ст. 8 ЛК РФ).

Литература

1. Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РГ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.
2. Бланков А.С., Виноградова О.Б., Орлова Ю.Р. Проблемы расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 5. С. 290–294.
3. Вершинин В.В., Липски С.А. О состоянии плодородия земель сельскохозяйственного назначения и мерах по его воспроизводству // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 6. С. 14–17.
4. Волков С.Н., Краснянская Е.В. и др. Планирование агролесомелиоративных мероприятий в Российской Федерации при проведении комплекса землеустроительных и мелиоративных работ на землях сельскохозяйственного назначения. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 5. С. 283–289.
5. Зиновьева О.А. Понятие леса и лесного участка в новом Лесном кодексе Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 4.
6. Исаев А.С. Коровин Г.Н. Актуальные проблемы лесной политики. Лесное хозяйство. 2001. № 3. С. 9.
7. Конокотин Д.Н. Правовые проблемы рационального использования и охраны земель лесного фонда Российской Федерации/ дисс.

¹ Автор данной статьи является ее членом.

на соискание ученой степени кандидата юридических наук – М., 2006–193 с.

8. Крассов О.И. Правовое обеспечение сохранения экологических систем на землях сельскохозяйственного назначения // Экологическое право. 2005. № 1.
9. Липски С.А., Конокотин Д.Н. Правовые меры по защите лесов от пожаров. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2020. № 5 (184). С. 5–12.
10. Липски С. А., Конокотин Д.Н. Текущее состояние с правовым регулированием размещения, эксплуатации и охраны лесополос. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 11. С. 651–655.
11. Майорова Е.И. Правовой режим лесоустройства и государственной инвентаризации лесов: сходство, различия, пути совершенствования, сб. «Использование и охрана лесов: проблема реализации законодательства» под ред. Е.Л. Мининой. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012. С. 60–68.

LEGAL REGULATION OF SOIL CONSERVATION AFFORESTATION IN SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA

Lipski S.A.

State University of Land use Planning

The formation of any extensive legislative support for soil protection afforestation occurred during the Soviet period. The purpose of the article is to investigate how the relevant legislation has developed and what legal status is fixed in it for protective forest belts on agricultural lands. It is considered why in the middle of the twentieth century a number of measures to create state forest belts were not implemented, how the relevant rulemaking developed, what gaps and conflicts there are in the current legislation, including how the provisions of the Land and Forest Codes in this part correlate. It is concluded that the protective forest stripes and the lands occupied by them should be kept in the ownership of the state. The current departmental initiatives in the field of agroforestry are noted.

Keywords: protective forest stripe, forest, forest area, legislation, property

References

1. Adamenko A.P. and others. Current problems of entrepreneurial, corporate, environmental and labor law: monograph. – M.: RG-Press, 2019. T. 2. – 608 p.
2. Blankov A.S., Vinogradova O.B., Orlova Yu.R. Problems of investigating crimes related to illegal logging of forest plantations. // Land management, cadastre and land monitoring. 2023. No. 5. P. 290–294.
3. Vershinin V.V., Lipski S.A. On the state of fertility of agricultural lands and measures for its reproduction // International Agricultural Journal. 2017. No. 6. pp. 14–17.
4. Volkov S.N., Krasnyanskaya E.V. and others. Planning of agroforestry measures in the Russian Federation during a complex of land management and reclamation work on agricultural lands. // Land management, cadastre and land monitoring. 2023. No. 5. P. 283–289.
5. Zinovyeva O.A. The concept of forest and forest area in the new Forest Code of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2007. No. 4.
6. Isaev A.S. Korovin G.N. Current problems of forest policy. Forestry. 2001. No. 3. P. 9.
7. Konokotin D.N. Legal problems of rational use and protection of forest lands of the Russian Federation/ diss. for the academic degree of Candidate of Legal Sciences – M., 2006–193 p.
8. Krassov O.I. Legal support for the conservation of ecological systems on agricultural lands // Environmental law. 2005. No. 1.

9. Lipski S.A., Konokotin D.N. Legal measures to protect forests from fires. // Land management, cadastre and land monitoring. 2020. No. 5 (184), pp. 5–12.
10. Lipski S. A., Konokotin D.N. Current state of legal regulation of placement, operation and protection of forest belts. // Land management, cadastre and land monitoring. 2023. No. 11. P. 651–655.
11. Mayorova E.I. Legal regime of forest management and state forest inventory: similarities, differences, ways of improvement, collection. "Use and protection of forests: the problem of implementing legislation", ed. E.L. Minina. M.: IZiSP, Jurisprudence, 2012. P. 60–68.

Административно-надзорная деятельность полиции по обеспечению общественного порядка и безопасности

Мухтарова Оксана Саидовна,

помощник судьи, Арбитражный суд Московской области
E-mail: 0562222@gmail.com

Статья актуализирует проблему правовой природы административно-надзорной деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности как вида государственной деятельности. Сделаны выводы о влиянии результатов научно-прикладных исследований советской школы на современное понимание административно-надзорной деятельности полиции в данной сфере. В то же время на современном этапе развития в юридической науке наметился процесс трансформации понятия «административный надзор». Практически все представители публично-правовой доктрины отказались от узкого подхода к толкованию административного надзора и рассматривают его как специализированную деятельность различных уполномоченных органов исполнительной власти по обеспечению реализации принципа законности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, профилактики неправомерного и иного антиобщественного поведения. Обоснован вывод о том, что доктринальные взгляды не согласуются с представлением российского законодателя о данном правовом явлении, с законодательно закрепленным определением «административно-надзорная деятельность полиции». Определена сущность и назначение административно-надзорной деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности в целях стабилизации национальной безопасности.

Ключевые слова: административно-надзорная деятельность, полиция, административный надзор, общественный порядок, общественная безопасность.

Одним из основных направлений деятельности полиции как правоохранительного органа является обеспечение общественного правопорядка и общественной безопасности, общий уровень которых зависит от эффективности работы правоохранительных органов, в том числе при осуществлении ими надзорных и контрольных функций. В рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», наряду с другими концептуальными идеями, названы «охрана общественного порядка, собственности, обеспечение общественной безопасности и безопасности дорожного движения» [2]. Общественная безопасность признана стратегическим национальным приоритетом [1].

В настоящее время в рамках построения правового российского государства, основанного на соблюдении принципа законности, органами государственной власти реализуется несколько типов государственного надзора: прокурорский, судебный, административный, при этом последний является самым распространенным в деятельности федеральных органов исполнительной власти. В юридической доктрине административный надзор традиционно является предметом научных исследований, начиная с середины 60-х годов XX в. До сих пор остается неразрешенным вопрос о соотношении административного надзора с государственным контролем, прокурорским надзором [6]. Решение данного вопроса остается открытым и на современном этапе науки административного права [12; 17].

Рассмотрение и решение проблемы правовой природы административного надзора в деятельности полиции, эффективности его регламентации представляется актуальным не только в рамках теоретических исследований, но и, прежде всего, прикладных с целью совершенствования механизма осуществления реализации данного вида надзора в России. Повышенный интерес к исследуемой теме связан с тем, что российское государство при определении поднадзорных сфер жизнедеятельности человека, общества и государства, а также полномочий сотрудников полиции в процессе обеспечения общественного порядка и общественной безопасности должно найти некий баланс между охраной и защитой жизни и здоровья отдельного человека и интересами поднадзорных субъектов (без излишнего вмешательства в их деятельность, с учетом предотвращения произвола со стороны правоприменительных органов государственной власти).

Следует отметить, что административный надзор является «наследием» советской юридической науки, правовая природа которого заключалась в создании эффективного средства обеспечения принципа законности в советском обществе. В публично-правовых доктринах данного периода развития нашего государства и права указанный вид надзора характеризовался «как надведомственный контроль» [3, с. 17], как «форма активного наблюдения и в определенных случаях как мера административно-властного характера» [10; 11]. В советском государстве реализацию функций административно-надзорной деятельности возлагали на милицию, осуществляющую надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также за иной, строго определенной законом категорией граждан. Указанное толкование данного вида административного надзора повлияло на формирование узкого российского нормативно-го подхода к раскрытию его сущности.

На современном этапе становления отечественной юридической науки следует отметить отсутствие единого доктринального мнения в понимании административного надзора. С одной стороны, современная система государственного управления по осуществлению надзора и контроля достаточно разносторонняя и охватывает не только полномочия органов внутренних дел, но и надзорную деятельность иных уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, например, Гострудинспекции, МЧС России, Роспотребнадзора. Но, с другой стороны, отдельные представители науки административного права отождествляют административный надзор с надзорной деятельностью полиции. Это связано с тем, что легальное определение рассматриваемого правового явления закреплено в федеральном законодательстве, регулирующем деятельность органов внутренних дел. Исторически, начиная с дореволюционного законодательства, административный надзор всегда связывают с работой полиции. В дореволюционной юридической науке выделяли «четыре вида полицейского надзора: 1) надзор по судебному приговору, 2) негласный полицейский надзор, 3) надзор на основании ст. 1 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, в качестве общей меры предупреждения и пресечения преступлений, 4) полицейский надзор на основании общего положения об этом надзоре» [7, с. 44].

В современной юридической научной литературе продолжается активная дискуссия по вопросу определения понятия административно-надзорной деятельности полиции и его отраслевой принадлежности.

Во-первых, в отношении понятия административного надзора необходимо четко определить, что надзор не тождествен понятию контроля. Долгий период времени в отраслевой науке отечественного административного права отсутствовало четкое терминологическое разделение административного надзора и контроля. Данное отождествление надзора и контроля продолжается еще

с советских времен. Например, даже такие известные ученые-административисты, как С.М. Зырянов и Д.Н. Бахрах, тоже характеризовали административный надзор через понятие контроля. Например, С.М. Зырянов в своей научной статье рассматривает административный надзор как самостоятельное направление деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, выражающееся в специальном виде контроля. Надзор им представляется как «суженный контроль», так как в рамках административно-надзорной деятельности осуществляется проверка соблюдения субъектами общественных отношений принципа законности [9]. Практически аналогичной точки зрения придерживается и Д.Н. Бахрах, характеризуя административный надзор как вид государственного контроля, обеспечивающий соблюдение правовых норм гражданами и организациями [4].

В рамках своих научных исследований именно А.В. Мартынов внес предложение развести понятия «административный надзор» и «контроль», сформулировав основные критерии их разграничения, определив и сравнив их сущность и назначение в обществе и государстве, прежде всего, для создания системы безопасности в отношении отдельного человека. По мнению А.В. Мартынова, если контроль всегда направлен на оценку деятельности отдельных лиц, но уже постфактум, то есть после совершения противоправных поступков, то в рамках надзора возможно выделить превентивную, профилактическую функции, направленные на предотвращение совершения противоправных деяний. Исследователь представил широкое понимание административного надзора, во-первых, указав на его публичный характер и сущность, выражающуюся в защите принципа законности и осуществляемый уполномоченными государственными органами. Во-вторых, цель надзора заключается не только выявлении нарушения норм права (как при контроле), но и в их предотвращении, ликвидации угроз безопасности обществу и государству. Надзорные органы обладают определённым инструментарием для обеспечения соблюдения неприкосновенности конституционных прав и свобод граждан, законных интересов организаций [13].

В современной науке административного права наметилось дистанцирование понятия «административный надзор» от понятия «контроль». Поэтому при определении понятия «административного надзора» следует поддержать точку зрения профессора А.В. Мартынова. Все больше ученых обосновывают позицию о недопустимости отождествления надзора и контроля в государственном управлении.

Вместе с тем следует различать понятия «административный надзор» и «полицейский надзор». Такие исследователи, как О.И. Бекетов и Н.А. Резина, в качестве разновидности административного надзора выделяют полицейский, осуществляемый органами внутренних дел. В то же время и последний имеет свои разновидности: «общий,

лицензионно-разрешительный и персонифицированный (надзор за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы)» [5, с. 48]. Думается, что данные исследователи перечислили виды административного надзора, так как первые два характерны и для административно-надзорной деятельности иных федеральных органов исполнительной власти.

В рамках характеристики отраслевой принадлежности административно-надзорной деятельности полиции можно выделить как минимум две конкурирующих между собой точки зрения:

Согласно первой точке зрения, публичный характер указанного вида надзора заключается в признании его правовым институтом, в правовом регулировании которого сочетаются и нормы административного права, и уголовного, и уголовно-процессуального законодательства. В качестве сторонников данной концепции следует назвать Т.Г. Понятовскую [14] и А.П. Фильченко [16]. Именно указанные авторы обосновывают связь административно-надзорной деятельности полиции с уголовными отношениями, поскольку сотрудники органов внутренних дел осуществляют наблюдение за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, наличием у них судимости за совершение достаточно тяжких и особо тяжких преступлений.

Следует отметить, что отечественное законодательство на протяжении более двух столетий в качестве фундаментальной разновидности административного надзора полиции определяет правовые основы надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и придает ему приоритетный характер в надзорной деятельности данного правоохранительного органа.

Согласно второй точке зрения, административный надзор имеет межотраслевой характер. Данный взгляд в отечественной юридической науке продвигает д.ю.н. В.Г. Громов. В своей научной статье автор отмечает, что «административный надзор является комплексным межотраслевым институтом, сложившимся на основе административного права» [8, с. 21].

Думается, что в рамках первой точки зрения представлен узкий подход к характеристике административного надзора как правового института. Сторонники данной точки зрения основывают свое суждение, проанализировав только один из видов административного надзора – надзор за осужденными лицами. В то же время в правоприменительной практике органов внутренних дел встречаются иные разновидности административного надзора, например, за лицами, получившими лицензии и иные разрешения. Их правовое регулирование выходит далеко за пределы норм уголовной и уголовно-исполнительных отраслей права.

При этом важно отметить, что научно-прикладные исследования правовой природы административного надзора, его сущности и содержания проводятся в большей мере в рамках науки административного права.

Актуальным и открытым является вопрос об определении правовых основ административно-надзорной деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. В юридической науке сложились две диаметрально противоположные точки зрения по системе правового регулирования указанной разновидности административного надзора. С одной стороны, отдельные представители настаивают на применении только норм административного права и исключают комплексность в правовом регулировании административно-надзорной деятельности полиции [5], другие обосновывают на сочетании норм различных отраслей российского права при формировании правовой природы данного института [9].

Думается, что фундаментальную правовую основу данного вида надзора составляют нормы именно административного права. Правовые положения иных отраслей российского законодательства имеют вспомогательный характер (к ним в процессе реализации административно-надзорной деятельности обращаются по мере необходимости). Правовое регулирование рассматриваемого вида надзора осуществляется только на федеральном уровне.

Обеспечивая охрану общественного порядка и общественную безопасность, полиция обладает определенными полномочиями, в том числе и надзорными. В рамках осуществления ими деятельности можно выделить общие и специальные полномочия, при этом они соотносятся как общие и частные [15]. В процессе реализации полномочий по административно-правовому надзору сотрудники полиции осуществляют их как самостоятельно, так и путем взаимодействия с другими правоохранительными органами, прежде всего, органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы. В полномочия ответственных сотрудников входят обязанности по документационному обеспечению ведения административного надзора, профилактическая работа с поднадзорными, осуществление контроля за исполнением и соблюдением возложенных на них обязанностей, отчет (доклад) вышестоящему начальству об эффективности проведенной работы с поднадзорными лицами, право инициировать применение и досрочное снятие административного надзора.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Наследие советской науки административного права, легальное определение административного надзора нашло свое отражение в узкотематическом специальном нормативно-правовом акте, действие которого связано с организацией надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Данное влияние можно охарактеризовать как отрицательно, так и положительно. С одной стороны, понимание административного надзора, сформированное представителями советской науки, препятствует развитию современных концепций в данной области исследований.

При этом имеющееся единственное легальное определение административного надзора в федеральном законе только еще больше активизировало дискуссию по вопросу понятия и правовой природы данного правового института.

2. Следует различать понятия «административный надзор» и «полицейский надзор», они соотносятся как общее и частное. Основная цель полицейского надзора корреспондируется с общей задачей, поставленной государством перед данным правоохранительным органом: это обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Хотя в отличие от прокурорского административного надзора затрагивает более узкую сферу воздействия, но в целом направлен на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, в том числе путем предотвращения совершения преступлений со стороны ранее судимых лиц.

3. Административно-надзорная деятельность полиции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности является разновидностью общей правовой категории «административный надзор».

4. Особенность российской правовой действительности заключается в том, что в Российской Федерации отсутствует единый унифицированный подход к правовому регулированию административного надзора, в том числе не разработан и не принят по данному вопросу единый нормативно-правовой акт. Следует отметить, что именно в сфере деятельности отечественных органов внутренних дел действуют федеральные законы, которые регулируют его отдельные разновидности: в области обеспечения безопасности дорожного движения, осуществления надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, паспортно-визовой и лицензионно-разрешительных систем.

5. Цель административно-надзорной деятельности полиции заключается не только в выявлении фактов нарушений действующего законодательства и привлечения виновных к административной ответственности, но и выражается в форме профилактических мероприятий, направленных на предупреждение и пресечение правонарушений и иных антиобщественных деяний. Следовательно, административный надзор осуществляется как в отношении определенных субъектов, подлежащих административному надзору со стороны органов внутренних дел в силу требований законодательства, так и за неограниченным кругом лиц. При этом данный правоохранительный орган действует только в пределах полномочий, предоставленных ему государством с применением законных и обоснованных форм, методов и способов.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. – 05.07. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 (ред. от 26.09.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 05.05. – № 18 (часть IV). – Ст. 2188.
3. Асадов А.М. Конституционные основы государственного финансового администрирования // Административное право и процесс. – 2011. – № 7. – С. 16–20.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник / Д.Н. Бахрах, – М.: Эксмо, 2020. – 789 с.
5. Бекетов О.И., Резина Н.А. О соотношении общего административного и полицейского надзоров // Полицейское право. – 2006. – № 4. – С. 42–48.
6. Биюшкина Н.И. Проблемы правового регулирования административного надзора в РФ // Административное муниципальное право. – 2014. – № 9. – С. 922–928.
7. Гессен В.М. Очерк административного права // Юридический факультет. Вып. 1–2. – СПб.: Семейный университет Ф.С. Комарского, 1903. – 148 с.
8. Громов В.Г., Галкина А.Н. Правовая природа административного надзора // Современное право. – 2015. – № 6. – С. 20–24.
9. Зырянов С.М. Административный надзор полиции и полицейский надзор: соотношение правовых категорий // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 46–54.
10. Кармолицкий А.А. Правовое регулирование полномочий государственных инспекций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. – 21 с.
11. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР / Шорина Е.В.; Отв. ред.: Лазарев Б.М. М.: Наука, 1981. – 301 с.
12. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации: аналитический доклад – 2019 / С.М. Плаксин, И.А. Аб-узорова, А.В. Кашанин [и др.]. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 136 с.
13. Мартынов А.В. Административный надзор в Российской Федерации: теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового регулирования: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Воронеж, 2010. – 548 с.
14. Понятовская Т.Г. Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 98–103.
15. Тяпкин С.Е. Понятие, признаки и назначение административного надзора // Бизнес в законе. – 2012. – № 5. – С. 71–73.

16. Фильченко А.П. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспективы законодательного регулирования // *Административное право и процесс*. – 2012. – № 2. – С. 54–57.
17. Чеченова Л.З. Принцип законности при реализации специальных административно-правовых режимов, обеспечивающих безопасность в пенитенциарной системе России // *Административное право и процесс*. – 2022. – № 4. – С. 70–73.
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 345 of 15.04.2014 (ed. of 26.09.2023) “On approval of the State Program Of the Russian Federation “Ensuring public order and countering crime” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2014. – 05.05. – № 18 (part IV). – Article 2188.
3. Asadov A.M. Constitutional foundations of state financial administration// *Administrative law and process*. – 2011. – No. 7. – pp. 16–20.
4. Bakhrah D.N. *Administrative Law of Russia: Textbook* / D.N. Bakhrah, – М.: Eksmo, 2020. – 789 p
5. Beketov O.I., Rezina N.A. On the ratio of general administrative and police supervision // *Police law*. – 2006. – No. 4. – pp. 42–48.
6. Biyushkina N.I. Problems of legal regulation of administrative supervision in the Russian Federation // *Administrative municipal Law*. – 2014. – No. 9. – pp. 922–928.
7. Gessen V.M. *Essay of administrative law* // Faculty of Law. Issue 1–2. – St. Petersburg: F.S. Komarsky Family University, 1903. – 148 p.
8. Gromov V.G., Galkina A.N. The legal nature of administrative supervision// *Modern Law*. – 2015. – No. 6. – pp. 20–24.
9. Zyryanov S.M. Administrative supervision of the police and police supervision: correlation of legal categories // *Journal of Russian Law*. – 2012. – No. 2. – pp. 46–54.
10. Karmolitsky A.A. Legal regulation of the powers of state inspections: Abstract. dis. ... cand. jurid. M., 1976. – 21 p.
11. Control over the activities of public administration bodies in the USSR / Shorina E.V.; Ed.: Lazarev B.M. M.: Nauka, 1981. – 301 p.
12. Control, supervision and licensing activities in the Russian Federation: analytical report – 2019 / S.M. Plaksin, I.A. Abuzyarova, A.V. Kashanin [et al.]. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. – 136 p.
13. Martynov A.V. Administrative supervision in the Russian Federation: theoretical foundations of construction, practice of implementation and problems of legal regulation: Abstract. diss. ... doct. legal sciences. – Voronezh, 2010. – 548 p.
14. Poniatovskaya T.G. Crime prevention: security measures, administrative supervision // *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. – 2013. – No.3. – pp.98–103.
15. Tyapkin S.E. The concept, signs and purpose of administrative supervision// *Business in law*. – 2012. – No. 5. – pp. 71–73.
16. Filchenko A.P. Administrative supervision of persons released from prison: the legal nature and prospects of legislative regulation // *Administrative law and process*. – 2012. – No. 2. – pp. 54–57.
17. Chechenova L.Z. The principle of legality in the implementation of special administrative and legal regimes that ensure security in the penitentiary system of Russia // *Administrative law and process*. – 2022. – No. 4. – pp. 70–73.

ADMINISTRATIVE AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE POLICE TO ENSURE PUBLIC ORDER AND SECURITY

Mukhtarova O.S.

Arbitration Court of the Moscow region

The article actualizes the problem of the legal nature of the administrative and supervisory activities of the police to ensure public order and public safety as a type of state activity. Conclusions are drawn about the impact of the results of scientific and applied research of the Soviet school on the modern understanding of the administrative and supervisory activities of the police in this area. At the same time, at the present stage of development in legal science, there has been a process of transformation of the concept of “administrative supervision”. Almost all representatives of the public law doctrine have abandoned a narrow approach to the interpretation of administrative supervision and consider it as a specialized activity of various authorized executive authorities to ensure the implementation of the principle of legality and respect for human and civil rights and freedoms, prevention of illegal and other antisocial behavior. The conclusion is substantiated that the doctrinal views do not agree with the Russian legislator’s view of this legal phenomenon, with the legally fixed definition of “administrative and supervisory activities of the police”. The essence and purpose of the administrative and supervisory activities of the police to ensure public order and public security in order to stabilize national security are determined.

Keywords: administrative and supervisory activities, police, administrative supervision, public order, public safety.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2021. – 05.07. – № 27 (Part II). – Article 5351.

Развитие института нормативного определения категории «юридические лица» в системе публичного права

Хильчевский Анатолий Юрьевич,

магистрант, юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патрисы Лумумбы
E-mail: 1032185337@pfur.ru,

Проведено исследование категории «юридическое лицо публичного права» в зарубежных странах и в Российской Федерации с целью определения статуса, тенденций и перспектив развития. Актуальность обусловлена возникновением новых организационно-правовых форм юридических лиц в гражданском кодексе, тесно связанных с публичным правом. В работе рассмотрены доктринальные источники, а также законодательство Российской Федерации и зарубежных стран, посвященных юридическим лицам публичного права. При проведении исследования использовались такие методы, как анализ, синтез, наблюдение и сравнение, а также формально-юридический. В работе рассмотрен опыт имплементации юридических лиц публичного права в законодательство, доктринальные подходы к его определению, а также предлагается перспектива развития законодательства Российской Федерации по направлению имплементации рассматриваемой категории. В работе делается вывод о наличии тенденции закрепления юридических лиц публичного права путем введения новых организационно-правовых форм в содержание Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: юридическое лицо публичного права, зарубежные страны, тенденции развития.

Введение

Рассматриваемая в настоящей работе тема получила широкий общественный резонанс в начале нового тысячелетия. Многими авторами высказывались различные точки зрения касательно статуса и места юридических лиц публичного права в правовой системе Российской Федерации. Некоторые работы, изучаемые авторами-современниками, датируются сороковыми годами прошлого века, что свидетельствует о наличии исторического контекста изучаемого вопроса.

Основным **источником** в работе будет Гражданский кодекс Российской Федерации. Не менее значимые источники – Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности», федеральный закон «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.07.2016 г. № 236-ФЗ, федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ, а также ряд положений отдельных субъектов.

Литература

При изучении поставленной темы использовались работы таких ученых, как В.Е. Чиркина, В.С. Белых, Ю.А. Тихомирова, О.А. Ястребова, Т.Я. Хабриева, С.Н. Братусь, О.В. Михайленко и других ученых.

Методы

При проведении настоящего исследования использовались такие методы, как анализ, синтез, логический метод при рассмотрении государственного органа как юридического лица, наблюдение и сравнение законодательства и научных статей, посвященных статусу юридических лиц публичного права.

Цель исследования – статус юридического лица публичного права и изучить действующее законодательство в сфере юридических лиц в правовой системе Российской Федерации.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучение действующего законодательства и научных статей;
2. Рассмотрение зарубежного опыта реализации института юридического лица публичного права;
3. Определение актуальных проблем в правовом регулировании;
4. Формирование предложений по совершенствованию законодательства и направлений дальнейшего доктринального изучения вопроса.

Настоящей работой будет предпринята попытка систематизировать имеющиеся по рассматриваемой теме доктринальные работы, рассмотреть процесс их имплементации, ведь за более чем 15 лет законодательство подверглось серьезным изменениям, и предположить дальнейшие векторы развития концепции юридических лиц публичного права в российском законодательстве.

Зарубежный опыт

В своей работе «Об особенностях юридического лица публичного права» В.Е. Чиркин указывает, что концепция юридического лица в юридической доктрине связана с работами К.Ф. Савиньи, придерживавшегося теории фикции, согласно которому юридическое лицо есть ничто иное как искусственный субъект права, отличный от человека, то есть физического лица [1]. Впервые этот термин был использован в Гражданском уложении Германии в 1896 году. Далее этот термин распространился в законодательстве и других государствах. Первоначально конструкция юридического лица применялась исключительно в частноправовых отношениях, развитием института занимались ученые цивилисты и было это явление, по существу, юридическим лицом частного права.

Деление юридических лиц на юридические лица публичного и частного права наблюдается практически во всех государствах. В своей работе О.А. Ястребов указывает, что юридические лица публичного права, как правило, соответствуют определенному ряду критериев, выработанному во французском административном праве [2]. К этим критериям относятся следующие:

1. Юридические лица публичного права учреждаются преимущественно по инициативе не частных лиц, а публичных образований, публичной властью. Возможны случаи, когда юридические лица публичного права учреждаются по инициативе представителей частного права, однако, такие случаи скорее считаются исключением из общего правила;
2. Большая часть, а иногда и все аспекты деятельности юридических лиц публичного права определяются публичной властью. То есть учредитель сам определяет цели, задачи, предмет деятельности, функции и полномочия учреждаемой организации, устанавливает порядок осуществления контроля за ней и, в некоторых случаях, внутреннюю структуру;
3. Порядок и способ финансирования юридических лиц публичного права подразумевает возможность получения публичных субвенций или каких-либо обязательных платежей.

В юридической доктрине германского права также определяются критерии отнесения юридических лиц к субъектам публичного права [2]. Они имеют определенную схожесть, в частности, в порядке учреждения, но в остальном выделяются совершенно другие критерии:

1. Деятельность от имени государства и, в то же время, от своего имени при выполнении государственных функций. То есть юридическое лицо публичного права в процессе реализации возложенных на него государством функций осуществляет эту деятельность и как представитель государства, и как непосредственно само лицо.
2. Самостоятельная ответственность. Несмотря на тесную связь с государством, юридические лица публичного права осуществляют возложенные на них функции самостоятельно и, соответственно, реализуют государственное управление под свою ответственность.
3. Наделение властными полномочиями. Наиболее ярким критерием, отличающим юридические лица публичного права от юридических лиц частного права, являются их публично-властные полномочия, которыми они наделяются ввиду прямого волеизъявления государства и его органов.

Таким образом, юридической доктриной Франции и Германии были выработаны основные признаки юридических лиц публичного права.

Далее рассмотрим отдельные примеры имплементации конструкции юридических лиц публичного права в законодательство зарубежных стран.

Рассматриваемый термин вошел в обиход в некоторых государствах на конституционный уровень. Так, в конституции Бразилии параграфом 6 раздела XXI статьи 37 закрепляется ответственность юридических лиц частного и публичного права за причиненный их служащими ущерб третьим лицам. Конституцией Кипра, в статьях 4, 25 и 41 упоминается юридическое лицо публичного права. Множество упоминаний юридического лица публичного права также можно найти в Конституции Греции – статьи 12, 16–17, 23, 29 и др. В Конституции Египта фигурирует конструкция государственных юридических лиц в статьях 145, 166.

В актах, обладающих меньшей юридической силой, нежели конституция, должно более детально раскрываться содержание термина, однако, встречается это не везде. В Германии данная категория закреплена в германском Гражданском уложении в параграфе 89, однако, как такового определения норма не содержит. Абзацем первым настоящего параграфа закрепляется перечень таких юридических лиц: казна, публично-правовые корпорации, учреждения и фонды. В Гражданском кодексе Франции же этот термин не встречается, однако, к таковым принято относить территориальные коллективы жителей административно-территориальных единиц.

Согласно статье 19 Гражданского кодекса Венесуэлы к юридическим лицам относятся:

- Нация и составляющие ее политические образования;
- Религиозные организации, университеты, а также все организации публичного характера и моральные существа
- Частные ассоциации, корпорации и фонды.

Наиболее интересным представляется изучение опыта постсоветского государства, которое закрепило в законодательстве изучаемый в работе термин – Грузии.

В своей работе Л.Л. Чантурия указывает, что дифференциация между юридическими лицами публичного и частного права закреплена в Грузии не только на доктринальном, но и на законодательном уровне [3]. Так, в Гражданском кодексе Грузии содержатся нормы о юридическом лице публичного права, а также закрепляется примерный перечень таких субъектов. Помимо закрепления изучаемой категории в Гражданском кодексе, ей посвящен отдельный закон – Закон о юридическом лице публичного права, в котором закреплено определение юридического лица публичного права. Так, согласно статье 2 этого закона под ним понимается «созданная соответствующим законом, постановлением Правительства Грузии или на основании закона административным актом органа государственного управления, обособленная от законодательных органов и органов государственного управления организация, которая под контролем государства самостоятельно осуществляет политическую, государственную, социальную, образовательную, культурную и иную публичную деятельность, а также созданная нормативным актом высшего исполнительного органа автономной республики, обособленная от органов государственного управления организация, которая под контролем государства самостоятельно осуществляет социальную, образовательную, культурную и иную публичную деятельность». Из этого определения можно извлечь определенные характерные для юридического лица публичного права черты:

- 1) Порядок создания – волеизъявление не частного субъекта, а субъекта, обладающего публично-властными полномочиями;
- 2) Имущественная обособленность и самостоятельность;
- 3) Подконтрольность государству;
- 4) Направленность на реализацию публичной деятельности;
- 5) Возможность создания на уровне автономной республики.

Выведенные из определения черты в целом соответствуют либо выводятся из подходов, выработанных в доктрине Франции и Германии. Однако, здесь заметен и не присущий другим правовым системам критерий – возможность децентрализованного создания юридических лиц публичного права путем волеизъявления определенной территории государства, в частности – автономной республики в составе Грузии.

Участие юридических лиц публичного права в частноправовых отношениях, согласно части 2 статьи 8 Гражданского кодекса Грузии, регулируется гражданским законодательством, если иное не предусмотрено законом. Статьей 1509 закрепляется перечень юридических лиц частного и публичного права. К второй группе отнесены:

- Государство;

- Муниципалитеты;
- Юридические лица, созданные в иных организационно-правовых формах, не определенных Гражданским кодексом или иными актами, на основании законодательства или административного акта;
- Учреждения и фонды, созданные не на основе частного права;
- Негосударственные организации, создаваемые с целью реализации публичной деятельности на основании законодательства;
- Зарегистрированные религиозные объединения;
- И отдельным субъектом выделяется Грузинская Апостольская Автокефальная Православная Церковь.

Этот перечень не является закрытым, ведь в нем прямо указано, что некоторые юридические лица публичного права, создаваемые государством, могут не относиться к закрепленным в Гражданском кодексе и иных актах организационно-правовым формам.

Юридические лица публичного права в Грузии имеют определенную схожесть с некоммерческими организациями в Российской Федерации – они могут заниматься коммерческой деятельностью, но в качестве второстепенной, дополнительной деятельности. В противном случае, согласно статье 9 Закона о юридическом лице публичного права, ставится вопрос о его реорганизации или же ликвидации.

Интересным также представляется порядок управления юридическими лицами публичного права. Так, согласно статье 10 рассматриваемого Закона, управление соответствующим субъектом возлагается на единоличного руководителя, который является официальным представителем юридического лица публичного права и несет ответственность за его деятельность. В этой же статье предусмотрена возможность формирования наблюдательного органа, в состав которых набираются представители органа, которому это юридическое лицо публичного права подконтрольно, а также представители этого юридического лица.

Хотя юридические лица публичного права согласно определению являются самостоятельными и имущественно обособленными, на реализацию некоторых действий, связанных с имуществом государства, им требуется соответствующее разрешение. Согласно статье 12, к таковым действиям относятся следующие:

- Приобретение, отчуждение и обременение недвижимости;
- Взятие кредитов;
- Поручительство;
- Определение и распределение бюджета;
- Установление лимитов средств на различные расходы;
- Определение штатного состава, если юридическое лицо публичного права действует в сфере управления Министерства образования и науки Грузии;

- А также иные действия, выходящие за рамки обычной деятельности.

Таким образом, законодателем было в целом ясно и четко разграничен статус юридических лиц публичного права от статуса юридических лиц частного права. Определить статус соответствующих субъектов в полной мере представляется весьма проблематичным ввиду разнонаправленности их деятельности. В законодательстве Грузии прямо указывается, что перечень юридических лиц публичного права не является исчерпывающим, что способствует появлению новых организационно-правовых форм таких субъектов.

Цивилистический подход к определению юридического лица публичного права

В отечественных доктринальных источниках сложилось несколько подходов к рассмотрению такого феномена, как юридическое лицо публичного права. Согласно первому подходу, условно назовем его цивилистическим, даже сам термин «юридическое лицо публичного права» содержит в себе внутреннее противоречие. Юридическое лицо – это частноправовая конструкция, которая едва ли может быть отнесена к публичному праву. Сторонники этого подхода – Братусь С. Н., Алексеев С.С., Михайленко О.В. При более детальном рассмотрении статуса юридического лица и сопоставлении его характеристик с наполнением, которое вкладывается в понятие «юридическое лицо публичного права», авторы, поддерживающие цивилистический подход, исходят из нижеследующего [4].

Наиболее яркой чертой, характеризующей юридическое лицо, является имущественная обособленность, подразумевающая наличие определенных материальных благ в праве собственности юридического лица, которыми оно может отвечать по своим обязательствам. В случае же с юридическим лицом публичного права, имущество находится во владении, пользовании или оперативном управлении.

Однако, настоящий тезис утратил свою актуальность с принятием федерального закона «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.07.2016 г. № 236-ФЗ. Пунктом 3 статьи 6 настоящего закона закреплено, что имущество публично-правовой компании принадлежит ей на праве собственности. Однако, и здесь возникли дискуссии. Было высказано 3 подхода к статусу этого имущества [5]. Согласно первому, обозначенному в работе В.П. Мозолина, это имущество, не смотря на прямое указание закона, продолжает относиться к федеральной государственной собственности [6]. Второй подход – Я.Д. Щуко – это новый вид собственности, который стоит в одном ряду с федеральной собственностью и собственностью субъектов федерации [7]. Третий подход, представленный в работе Е.Ю. Бакировой и А.Е. Китаевой – этот вид собственности относим

к иным видам собственности, закрепленным статьей 8 Конституции РФ [8].

Второй тезис сторонников цивилистического подхода в свою основу берет логический метод, известным в доктрине как доведение до абсурда. Логическая цепь выстраивается следующим образом: если мы признаем ряд публично-правовых организаций (исходим из широкого понимания организации, которое включает в себя в том числе и государственные органы) юридическим лицом, значит на них распространяются положения, действующие в отношении юридических лиц. Рассмотрим настоящий тезис на двух примерах – банкротство и лицензирование. В случае с банкротством обратимся к статье 65 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ. Согласно пункту 2 статьи 1 настоящего закона, его действие распространяется на юридические лица, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Гражданский кодекс Российской Федерации же, в свою очередь, статьей 65 исключает отдельные организационно-правовые формы, вводя в отношении их ограничение на банкротство. Так, казенные предприятия, учреждения, политические партии и религиозные организации, а также публично-правовая компания не могут признаваться банкротами в любом случае, а государственная компания, корпорация и общественно полезный фонд могут, но лишь в случаях, если это прямо предусмотрено законом, предусматривающим их создание.

Однако, не смотря на такую точную детализацию, некоторые организации остались за рамками этого регулирования. В правовой системе Российской Федерации существуют такие структуры, которые не могут быть отнесены к отдельным организационно-правовым формам, закрепленным в Гражданском кодексе Российской Федерации. К таким структурам можно отнести следующие: Администрация Президента аппарат Государственной Думы, аппарат Совета Федерации. Так, согласно п.п. 1 и 17 Положения об Администрации Президента РФ, Администрация является и государственным органом, и юридическим лицом, согласно п. 1 Положение об Аппарате Государственной Думы аппарат Государственной Думы является органом Государственной Думы и юридическим лицом, а согласно п. 5 положения об Аппарате Совета Федерации аппарат обладает правом юридического лица, а также Аппарат числится в ЕГРЮЛ (указания на статус органа отсутствует, что не позволяет дать заключение по наличию соответствующего статуса).

Данные структуры фактически являются органами и/или юридическими лицами. Соответственно, в отношении этих структур не указано, что на них не распространяется законодательство о несостоятельности (банкротстве) и, чисто теоретически, эти структуры могут быть ликвидированы посредством соответствующей процедуры.

Что же касается лицензирования – ярким примером здесь является Центральный банк Российской Федерации, который является юридическим лицом – некоммерческой организацией, осуществляющим банковские операции и сделки без соответствующей лицензии. Хотя статьей 13 Федерального закона от 02.12.1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности» закреплено, что осуществление банковских операций осуществляется исключительно на основании соответствующей лицензии. Таким образом, здесь прослеживается еще одна коллизия – некоммерческая организация, не являющаяся государственным органом, занимается осуществлением банковских операций без получения лицензии.

Завершая мысль о цивилистическом подходе к пониманию юридического лица публичного права можно заключить следующее. За прошедшее время было принято множество поправок в законодательство, которые «залатали» имеющиеся пробелы. В то же время, пробелов все еще имеют место в законодательстве, что свидетельствует об актуальности и относимости этого подхода к определению статуса юридического лица публичного права.

Публично-правовой подход к определению юридического лица публичного права

Второй подход, который далее будет представлен, исходит в первую очередь из того, что рассматриваемая категория не является исключительно гражданско-правовой и юридическое лицо может выступать субъектом публичных правоотношений. Сторонники этого подхода – Чиркин В.Е. [9, 10], Тихомиров Ю.А., Бараненков В.В., Усков О.Ю. [11] Авторы исходят из того, что за рубежом эта категория является распространенной и фигурирует даже в некоторых конституциях. Более того, имплементация данной категории началась в России еще в девяностых на базе Центрального банка. Так, в период с 1995 года по 2000 год Банк России был преобразован из правительственного учреждения в современное учреждение, способное эффективно осуществлять возложенные на него функции [12]. Его новая организационная форма оказалась достаточно эффективной, что стало толчком к развитию института юридических лиц публичного права в Российской Федерации [13].

В работах указанных авторов были сформулированы основные характеристики, критерии, по которым юридическое лицо возможно отнести к публичному праву. Эти критерии можно выразить следующими тезисами:

1. Особый порядок создания и ликвидации юридических лиц публичного права – признание существующего явления или соответствующие действия, реализующиеся в распорядительном порядке со стороны публичного субъекта;
2. Юридическое лицо публичного права – это не гражданско-правовое, а публично-правовое образование, ведь его цель – решение задач общественного характера путем различных

форм общественной самодеятельности (общественные объединения), реализации властных полномочий, публичного управления. Гражданско-правовые качества и цели для таких юридических лиц вторичны. Соответственно, юридические лица публичного права реализуют общественные и не могут преследовать частные интересы;

3. У юридических лиц публичного права не всегда имеется устав и государственная регистрация в качестве юридического лица. Вместо этого в их отношении действует соответствующий правовой акт – закон или подзаконный акт;
4. Юридические лица публичного права, если это государственные органы, обладают публичной властью в ее разных объемах и формах и дискреционных полномочиях, то есть решения таких юридических лиц, принимаемые по усмотрению и в пределах закона, распространяются на третьих лиц;
5. Юридические лица публичного права – носители прав и обязанностей публичного характера. То есть вправе делать лишь то, что указано в законе, в отличие от юридических лиц частного права, действующих в сфере, не запрещенной законом.
6. Имущество юридического лица публичного права редко находится в праве собственности. Как правило, оно находится во владении, пользовании или оперативном управлении. Также это имущество используется для осуществления его полномочий и (или) компетенций;
7. Автономия юридического лица публичного права значительно уже, чем у юридического лица частного права, так как ему присуща иерархичность, подчиненность другой структуре, но шире, чем у государственного органа без статуса юридического лица;
8. Ответственность Юридических лиц публичного права носит не частноправовой, а публично-правовой характер.

Заключение

Таким образом, институт юридических лиц публичного права прошел долгий путь своего становления. Работы ученых в этой области, в частности Чиркина В.Е., послужили теоретической базой для развития института.

В настоящее время просматривается тенденция закрепления в законодательстве, в частности в гражданском, новых организационно-правовых форм юридических лиц. Представляется, что настоящая тенденция может пагубно повлиять на текущее регулирование: подведение содержания категории «юридическое лицо публичного права» под устоявшуюся категорию «юридическое лицо» при детальном их изучении невозможно – их признаки не тождественны и, соответственно, они не могут быть сгруппированы. Вероятно, для более логичного и системного структурирования законодательства о юридических лицах будет необходи-

мым вывести из категории «юридического лица» категорию «юридическое лицо частного права», оставив в категории «юридическое лицо» наиболее общие признаки, которые будут соответствовать юридическим лицам как частного, так и публичного права, и отнести к этой категории юридические лица как частного, так и публичного права. О юридических лицах публичного права, в свою очередь, можно принять обособленное регулирование, как это сделано в рассмотренном примере с законодательством Грузии.

Зарубежный опыт регулирования института юридических лиц публичного права представляется весьма интересной базой для изучения и имплементации в российское законодательство. Однако, для этого необходимо более детально проанализировать соответствующее законодательство на предмет возможности имплементации опыта зарубежных стран.

В настоящее время, не смотря на определенную динамику законодателя в направлении регламентации юридических лиц публичного права, что закрепляет концепцию публично-правового подхода, рассмотренного в работе, многие аспекты так и остаются неурегулированными. Отсутствие надлежащего регулирования не позволяет окончательно отказаться от цивилистического подхода. Выделяемый исследователями юридического лица публичного права третий подход, согласно которому нет необходимости закреплять юридические лица публичного права в правовой системе России, очевидно, является неактуальным, о чем свидетельствует тенденция развития соответствующих отраслей права.

До сих пор не закреплены все организационно-правовые формы юридических лиц, в частности, функционируют юридические лица, которые нельзя отнести к какой-либо из закрепленных в законодательстве категорий. Отсутствие строгой регламентации организационно-правовых форм юридических лиц, в частности публичного права, не позволяет в достаточной мере определить их полномочия и функции, которые возможно на них возложить. Представляется, что для разрешения этой проблемы необходимо детально регламентировать статус всех государственных органов, которые в силу закона признаются юридическими лицами и до сих пор не получили легального закрепления своей организационно-правовой формы в законодательстве.

Литература

1. Чиркин, В.Е. Об особенностях юридического лица публичного права. Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010; 3: С. 154–170.
2. Ястребов О.А. Основы правового положения юридических лиц публичного права зарубежных стран. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009; 4.

3. Чантурия, Л.Л. Юридические лица публичного права: их место в гражданском праве и особенности правового регулирования. Государство и право. 2008; 3: С. 38–45.
4. Михайленко О.В. Публичные юридические лица в частном праве и частные юридические лица в публичном праве. Журнал российского права. 2011; 3 (171): С. 109–117.
5. Серова, О.А. Право собственности юридических лиц публичного права: вопросы теории. Юридическая наука. 2017; 2: С. 81–83.
6. Мозолин В.П. Правовой статус государственной корпорации и юридическая природа права собственности на принадлежащее ей имущество. Журнал российского права. 2009; 1: С. 24.
7. Щуко Я.Д. К вопросу о форме собственности государственных корпораций. Право и экономика. 2013; № 4: С. 41–42.
8. Бакирова Е.Ю., Китаева А.Е. Право собственности государственной корпорации через призму конституционного разграничения форм собственности. Власть закона. 2014; 1: С. 70–71.
9. Чиркин, В.Е. Еще раз о юридическом лице публичного права. Журнал российского права. 2006; 5 (113): С. 94–104.
10. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права. Журнал российского права. 2005; 5 (101): С. 16–26.
11. Усков О.Ю. Юридические лица публичного права: понятие и виды. Журнал российского права. 2010; 6: С. 101–111.
12. Сергей Кузнецов. Категория «юридическое лицо публичного права» в российской юриспруденции. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА. 2014; 6 (92).
13. Саушина, А.А. Юридическое лицо публичного права: проблемы теории и практики. Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2021; 3.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF NORMATIVE DEFINITION OF THE CATEGORY “LEGAL ENTITIES” IN THE SYSTEM OF PUBLIC LAW

Khilchevskii A. Yu.
RUDN University

A study of the category of «legal entity of public law» in foreign countries and in the Russian Federation with the purpose of determining the status, trends and prospects of development has been conducted. The urgency is due to the emergence of new organizational and legal forms of legal entities in the civil code, closely related to public law. The article considers doctrinal sources, as well as legislation of the Russian Federation and foreign countries devoted to legal persons of public law. The methods used in the study were analysis, synthesis, apalogy, observation and comparison, and formal law. The article considers experience of implementation of legal persons of public law in the legislation, doctrinal approaches to its definition, and also offers a prospect of development of the legislation of the Russian Federation on direction of implementation of the given category. The work concludes that there is a tendency to fix legal entities of public law by introducing new organizational and legal forms into the content of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: legal entity of public law, foreign countries, prospects of development.

References

1. Chirkin V.E. Characteristics of a legal entity of public law. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2010; 3: 154–170. (In Russ.)
2. Jastrebov O.A. Legal status of legal entities of public law in foreign countries. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriâ Ûridičeskie nauki. 2009; 4: 32–36. (In Russ.)
3. Chanyuriya L.L. Legal entities of public law: their place in civil law and features of legal regulation. Gosudarstvo i pravo. 2008; 3: 38–45. (In Russ.)
4. Mihailenko O.V. Legal entities of public law in private law and legal entities of private law in public law. Žurnal rossijskogo prava. 2011; 3 (171): 109–117. (In Russ.)
5. Serova O.A. Ownership of public law legal entities: theoretical issues. Ûridičeskaâ nauka. 2017; 2: 81–83. (In Russ.)
6. Mozolin V.P. Legal status of the State Corporation and legal nature of ownership of its property. Žurnal rossijskogo prava. 2009; 1 (145): 20–26. (In Russ.)
7. Schuko Ya.D. On the question about right of ownership of state corporations. Pravo i èkonomika. 2013; 4 (302): 39–42. (In Russ.)
8. Bakirova, E. Yu., Kitaeva A.E. The right of ownership of a state corporation through the prism of the constitutional differentiation of forms of ownership. Vlast zakona 2014; 1: 70–71. (In Russ.)
9. Chirkin V.E. Once again about the legal entity of public law Žurnal rossijskogo prava. 2006; 5 (113): 94–104. (In Russ.)
10. Chirkin V.E. Legal entity of public law. Žurnal rossijskogo prava. 2005; 5 (101): 16–26. (In Russ.)
11. Uskov O. Yu. Legal entity of public law: concept and types. Žurnal rossijskogo prava. 2010; 6: C. 101–111.
12. Kuznetsov S. Category of Legal entity of public law in Russian law. Gosudarstvennaya Sluzhba. 2014; 6 (92): 31–36. (In Russ.)
13. Saushina A.A. Legal entity of public law: theoretical and practical issues. Naučnoe obozrenie. Meždunarodnyj naučno-praktičeskij žurnal. 2021; 3: 8. (In Russ.)

Право распоряжаться собственной жизнью в системе личностных соматических прав человека

Повалий Светлана Ивановна,

старший преподаватель, кафедра юриспруденции, ФГУ ВО
«Мелитопольский государственный университет»
E-mail: veta832832@mail.ru

Статья анализирует концепцию личностных соматических прав, которая стала актуальной в эпоху научно-технического прогресса в сферах генной инженерии, медицины и биомедицины, так автор исследует историческое развитие этих прав, начиная от древности до современности, и рассматривает различные подходы к их классификации и методологии.

Особое внимание уделяется вопросам, связанным с правом человека самостоятельно распоряжаться своим телом, включая его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию».

Статья обсуждает проблемы, связанные с моралью, этикой, религией и политикой с точки зрения соматических прав: освещается взаимосвязь этих прав с конституционными правами человека и их юридическое значение, рассматриваются различные принципы права на жизнь, в том числе его конституционные и международно-правовые измерения, связь с правом на смерть и эвтаназию.

Автор анализирует влияние юридического и философского понимания этих прав на общество и индивидуума и выделяет сложность их интерпретации и применения в различных правовых системах.

Ключевые слова: право, личностные соматические права, медицина, биомедицина, этика, мораль, Конвенция о защите прав и достоинства человека, право на жизнь, право на смерть, эвтаназия, социальные нормы.

Личностные соматические права являются относительно новой категорией в правовой науке, особенно актуализировавшейся в свете научно-технического прогресса в области генной инженерии, медицины и биомедицины, по определению В.И. Крусса, эти права базируются на фундаментальном мировоззрении о «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом, в том числе его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменение функциональных возможностей организма техническими или медикаментозными средствами [5].

Е.М. Нестерова выделяет универсальные признаки соматических прав, отличающие их от других групп прав человека: специфический характер объекта (тело человека), зависимость от знаний в области биологии, генетики, медицины, техники, новизна, разнообразие степени выраженности, неоднозначное отношение религии, морали, этики, политики, неразрывная связь с конституционными правами человека и исключительность правовых последствий их реализации [7].

В то же время, А.И. Ковлер отмечает, что личностные права индивида не поддаются традиционной классификации и не входят в круг естественных прав человека, так как определяются современным правом, которые включают принципы позитивных прав – экономических, политических, культурных [4].

Другая классификация исследователя М.А. Лаврика относит такие права, как право на смерть, права человека относительно его органов и тканей, сексуальные права, право на перемену пола и репродуктивные права, а М.Н. Малеина также предлагает классификацию, в которую входит право на жизнь, здоровье, физическую и психическую неприкосновенность [8].

История развития личностных соматических прав прошла через несколько этапов, отражающих эволюцию общества и научно-технического прогресса, например, в древности уже существовали элементы этих прав, как показывает упоминание о телесных наказаниях в «Русской Правде» и определение стоимости человеческого тела и его органов в английском законодательстве начала XVII века [3].

В XX веке, особенно в его второй половине, начался активный процесс правового регулирования соматических прав, который характеризуется возникновением конфликтов между наукой и моралью, особенно в таких областях, как трансплантация органов и клонирование, а важным шагом в международном признании соматических прав

стала Конвенция о защите прав и достоинства человека, принятая Советом Европы в 1997 году.

Тем не менее, концепция соматических прав до сих пор вызывает дискуссии и не получила широкого признания в теории государства и права, несмотря на это, она остается областью в юридической науке, отражающей взаимодействие права, этики и научного прогресса.

Существуют различные подходы к личностным соматическим правам в разных правовых системах, например, в работе Водяникова А.Ю. выделяются пять основных методологических подходов: сравнительное законодательство, компаративистские методы, функционализм, фактологизм и контекстуализм [2].

Вопросы методологии сравнительно-правового анализа активно исследовались как в западной, так и в постсоветской правовой доктрине, что способствовало развитию практического применения этих подходов в законодательной и судебной практике разных стран, в том числе использование иностранной практики для толкования конституционных положений, как наблюдается, например, в судебной практике США.

Также обсуждаются проблемы отсутствия четкого понимания методологического инструментария сравнительного права, особенно когда дело касается международных уголовных трибуналов, где сравнительно-правовой подход используется для определения понятий и стандартов доказывания.

Юридическое определение и содержание права на распоряжение собственной жизнью включает в ряд принципов, основанных на праве на жизнь как основной ценности в рамках цивилизованного общества, согласно И.Х. Бабаджанову и С.П. Сальникову, жизнь рассматривается как абсолютная социальная ценность, которая должна быть гарантирована и охраняема правом, а под правом на жизнь понимается особое субъективное право, учитывающую как защиту жизни, так и свободу распоряжения ею [1].

Традиционно структура субъективного права признает право-поведение, право-требование, право-пользование и право-притязание, но, как указывает Малеина М.Н., право на жизнь можно рассматривать через два основных правомочия: на сохранение жизни и на распоряжение жизнью (в правомочие по распоряжению жизнью входит возможность подвергать себя значительному риску и возможность решать вопрос о прекращении жизни, например, отказ от ампутации конечности, который может повлечь за собой смертельный исход).

Танаев В.М. делит право на жизнь на три блока: собственно право на жизнь, право на риск и право на прекращение жизни (или право на смерть): право на охрану здоровья, благоприятную окружающую среду и достаточный жизненный уровень [10], а Н.В. Кальченко добавляет третий элемент – правомочие по спасению жизни, который предполагает возможность обращения за помощью в случае угрозы жизни [9].

Противоположностью указанных полномочий является нарушение права на неприкосновенность жизни, которое проявляется в виде непосредственной угрозы жизни через совершение актов насилия или преступлений, создающих опасность для жизни.

С точки зрения этики и философии право на распоряжение собственной жизнью касаются различных вопросов, начиная от самоубийства до эвтаназии, и они обсуждаются с точки зрения морали, религии, права и социальных норм.

В юридическом и философском плане, вопрос о праве на жизнь и о возможности распоряжения этим правом имеет уникальный характер, обусловленный высшей ценностью жизни среди всех других материальных и нематериальных благ и невозможностью восстановления или приобретения вновь права на жизнь, уже закончившуюся, но другим вопросом является, входит ли право на смерть в содержание права на жизнь и может ли человек произвольно распоряжаться своей жизнью, вплоть до лишения себя жизни.

Исторически, отношение к самоубийству менялось в зависимости от культуры и времени. В Древнем Риме самоубийство не подлежало моральному осуждению и рассматривалось как акт гражданского мужества, тогда как в Средневековой Европе покушение на самоубийство рассматривалось как преступление, в то же время в философии Г. Гегеля, индивид должен подчиняться нравственному закону, который запрещает самовольный уход из жизни.

Э. Дюркгейм классифицировал суицид на эгоистический, альтруистический и аномийный типы, основываясь на мотивации индивида и его взаимодействии с обществом, а современные исследования указывают, что феномен самоубийства отражает состояние «коллективной души» общества [12].

Что касается эвтаназии, то она также рассматривается как возможность для умирающих больных прекратить невыносимые страдания и сохранить человеческое достоинство, но для ее осуществления требуется соблюдение определенных условий, учитывающих интересы больного.

В России право на жизнь было окончательно закреплено в Конституции РФ в 1993 году и является высшей ценностью, стоящей выше государственных интересов.

С точки зрения Российского законодательства содержание права на жизнь включает два элемента: право на неприкосновенность жизни и на свободное распоряжение своей жизнью, в том числе в определенных ситуациях поставления ее в опасное положение, в этом смысле право на жизнь не означает неограниченное право человека распоряжаться своей жизнью, особенно в добровольном лишении себя жизни или эвтаназии, так как человек находится в системе общественных отношений, ограничивающих его возможности абсолютной свободы.

Вопрос о праве человека на смерть и эвтаназию вызывает серьезные дискуссии и противостояния

в Российской Федерации – законодательно закрепленное право на смерть в РФ отсутствует, и оно связано с множеством противоречий и споров, особенно среди сторонников и противников эвтаназии, в теории, если существует право на жизнь, то должно быть и право распоряжаться своей жизнью, но на практике данный вопрос остается открытым.

В то время как в России нет законодательного запрета на суицид, попытка самоубийства может привести к недобровольной госпитализации в психиатрическую больницу, если считается, что человек представляет опасность для себя или окружающих, а медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, и любая помощь в удовлетворении желания умирающего на эвтаназию квалифицируется как убийство согласно Уголовному кодексу РФ.

Рассмотрим общий подход к судебной практике в гражданском праве, судебная практика в России не является источником гражданского права, но судьи могут принимать решения, отличные от сложившейся практики, если убеждены в том, что она не соответствует закону. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и информационные письма ВАС РФ, хотя и не являются источниками права, оказывают значительное влияние на судебное применение законодательства – такие документы помогают выработать единое понимание и применение судебной практики, что имеет значение для обеспечения законности и правопорядка [11].

Теперь перейдем к конкретному вопросу о праве на распоряжение собственной жизнью, включая права на распоряжение собственными органами и тканями: в России данное право имеет юридическое основание на основе международных принципов и норм, законодательно оно регулируется, когда дело касается трансплантации и защиты личных и семейных ценностей, и неприкосновенности личной жизни, а в основные принципы этого права входят:

1. Право на личную и семейную жизнь, гарантированное Конституцией РФ и международным правом.
2. Право на телесную неприкосновенность, которое является частью естественных прав и не может быть передано или отчуждено.
3. Вопросы, связанные с распоряжением органами и тканями после смерти, в частности, презумпция согласия на изъятие органов и тканей для трансплантации, если нет заявленного несогласия.
4. Проблемы, связанные с распоряжением органами и тканями при жизни, в том числе ограничения на их обращение.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) является международным судебным органом, юрисдикция которого распространяется на все государства-члены Совета Европы, ратифицировавшие Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, вступив в силу в 1953 году она создала особый механизм защиты основополагающих прав человека.

С началом своей деятельности в 1959 году, ЕСПЧ сфокусировался на рассмотрении и разрешении конкретных дел, основанных на индивидуальных жалобах, и на жалобах государств-членов Совета Европы, а с 1998 года, после реформ, ЕСПЧ принял уже более 12 000 решений по существу, большинство из которых констатировали нарушения конвенции или её протоколов¹.

Принятые с 2009 по 2018 годы нормативные акты изменили порядок рассмотрения жалоб, правила их подачи, ввели приоритетность рассмотрения жалоб и ограничили право на обращение по незначительным делам; с 2014 года были отменены «предварительные жалобы», введены новые требования к оформлению жалоб, и изменен порядок рассмотрения их приемлемости.

Особенно актуальным становится вопрос о распоряжении собственной жизнью с точки зрения ЕСПЧ, например, в деле Календер против Турции, связанном с дорожной безопасностью, Суд пришел к выводу о нарушении статьи 2 Конвенции из-за несоблюдения требований безопасности. В деле Бринкат и другие против Мальты, касающемся воздействия асбеста на здоровье работников, ЕСПЧ также признал нарушение права на жизнь. В деле Шилих против Словении медицинская халатность была признана нарушением данного же права, а случаи неправомерного применения оружия при задержании, как в деле Голубева против Российской Федерации, рассматриваются как нарушения права на жизнь. Немаловажной связью между статьёй 2 (право на жизнь) и статьёй 3 (запрет пыток и жестокого обращения) Конвенции является ситуация, когда человек, попавший под стражу, умирает в условиях заключения, как это было в деле Акташ против Турции [6].

Все эти примеры показывают, как ЕСПЧ анализирует и решает вопросы, связанные с правом человека на жизнь, при этом учитывая международные стандарты и практику суда.

Как мы уже определили, в международном и национальном праве, право на жизнь занимает приоритетное место и обычно ассоциируется с отказом от войны, смертной казни, и установлением порядка применения оружия, но, международные нормы, как правило, защищают от произвольного лишения жизни со стороны государства, и не всегда учитывают посягательства на жизнь человека со стороны других людей, оставляя пространство для национального законодательства.

Интерпретация и реализация данного права особенно сложны когда речи идет о таких вопросах, как эвтаназия, искусственное прерывание беременности (аборт) и смертная казнь, поскольку они вызывают значительные споры и различные моральные и этические оценки в разных обществах и государствах.

Уголовно-правовые изыскания рассматривают право на жизнь с точки зрения возможности правомерного лишения жизни за противоправные

¹ The European Court of Human Rights. Some Facts and Figures. Strasbourg: Council of Europe, 2010. Pp. 3, 5, 17

деяния, особенно в условиях совершения особо тяжких преступлений и террористических угроз, но вместе с этим не стоит забывать о сохранении жизни социально не защищенных групп населения, таких как лица, страдающие психическими заболеваниями или дети, воспитанные животными в природной среде.

Право на жизнь трактуется в двух основных направлениях – широком и узком: в широком смысле оно включает общественные отношения, позволяющие человеку социализироваться в обществе, и гарантию государства создать правовые, социальные и экономические условия для достойной жизни, а сторонники узкого толкования права на жизнь считают его содержание как недопустимость произвольного лишения жизни человека.

Так, исследование материалов приводит к глубокому и обстоятельному осмыслению права на управление собственной жизнью в рамках индивидуальных соматических прав, которое, согласно нашему анализу, занимает центральное положение в обсуждениях об автономии и самоопределении человека в современном общественном дискурсе.

Прежде всего, отметим, что концепция индивидуальных соматических прав тесно переплетается с основополагающими вопросами о природе прав человека и их эволюции, учитывая социальные, технологические и медицинские изменения; это право преодолевает границы простого определения личной свободы, охватывая более глубокие вопросы о взаимодействии индивидов с собственным телом и жизнью в рамках широких социальных, этических и правовых рамок.

Центральная идея в данной области заключается в том, что у каждого человека есть врожденное право самостоятельно управлять своей жизнью и телом, что включает способность принимать решения относительно здоровья и лечения, и более глобальные вопросы, например, генетические вмешательства, выбор репродуктивных технологий и решения о смерти, в том числе эвтаназии.

По нашему мнению, данное право не абсолютно и сталкивается с множеством ограничений, исходящих как из внутренних этических соображений, так и из внешних социальных и правовых норм, при этом вопросы, связанные с генной инженерией или репродуктивными правами, часто вступают в противоречие с этическими и религиозными убеждениями, требующими внимательного взвешивания в рамках прав человека, аналогично вопросы, связанные с эвтаназией и правом на смерть, порождают серьезные обсуждения и юридические споры во множестве стран.

По сути, индивидуальные соматические права невозможно изолировать от обширного поля прав человека, поскольку они тесно связаны с другими фундаментальными правами, такими как право на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность и уважение частной жизни, делая вопрос о праве на управление собственной жизнью еще более многогранным, так как любые решения в этой об-

ласти неизбежно влияют на другие права и свободы.

Поэтому становится ясно, что право на управление собственной жизнью не сводится к простому выбору индивида, но касается фундаментальных принципов социальной справедливости, равенства и уважения к человеческому достоинству, и требует тщательного баланса между личными правами и общественными интересами, между индивидуальной автономией и социальной ответственностью.

Литература

1. Бабаджанов И.Х., Сальников С.П. Право на жизнь: понятие, содержание и некоторые вопросы юридического закрепления // Вестник экономической безопасности. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-zhizn-ponyatie-soderzhanie-i-nekotorye-voprosy-yuridicheskogo-zakrepleniya> (дата обращения: 17.11.2023).
2. Водяников А.Ю. Методология сравнительно-правового анализа: история становления, обобщение и классификация основных подходов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2014. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-sravnitelno-pravovogo-analiza-istoriya-stanovleniya-obobschenie-i-klassifikatsiya-osnovnyh-podhodov> (дата обращения: 20.11.2023).
3. Гончаров И.В. Соматические права: вопросы юридического признания и практика реализации // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/somaticheskie-prava-voprosy-yuridicheskogo-priznaniya-i-praktika-realizatsii> (дата обращения: 19.11.2023).
4. Ковлер А.И. Антропология права. – М.: Издательство «НОРМА», 2002. – 480 с.
5. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50. – М.: Наука.
6. Магаева Т.А. Анализ практики Европейского суда по правам человека по вопросам нарушения права на жизнь. Механизм защиты основного права человека // StudNet. – 2020. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-praktiki-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-po-voprosam-narusheniya-prava-na-zhizn-mehanizm-zaschity-osnovnogo-prava-cheloveka> (дата обращения: 17.11.2023).
7. Нестерова Е.М. Понятие и юридико-социальная сущность соматических прав человека / Е.М. Нестерова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 7. – С. 82–86. – Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина.
8. Поцелуев Е.Л., Данилова Е.С. Понятие и виды личностных (соматических) прав челове-

ка // Наука. Общество. Государство. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-lichnostnyh-somaticheskikh-prav-cheloveka> (дата обращения: 20.11.2023).

9. Право человека на жизнь (вопросы теории и практики). Учебное пособие / Кальченко Н.В. – Волгоград: ВА МВД России, 2003. – 76 с.
10. Танаев В.М. Право на смерть // Вестник Государственного университета. Серия: право. Екатеринбург. – 1999. – № 1. – С. 39.
11. Трифонов В.А., Метальников В.С. Право на жизнь: понятие и основные проблемы реализации // THEORIA: педагогика, экономика, право. – 2021. – 1(2). – С. 70–79. – DOI: 10.51635/27129926_2021_1_70.
12. Философия права: учебник. / Кальной И.И. – СПб.: [б.и.], 2006. – С. 257.

THE RIGHT TO DISPOSE OF ONE'S OWN LIFE IN THE SYSTEM OF PERSONAL SOMATIC HUMAN RIGHTS

Povaliy S.I.

Melitopol State University

The article analyzes the concept of personal somatic rights, which has become relevant in the era of scientific and technological progress in the fields of genetic engineering, medicine and biomedicine, so the author explores the historical development of these rights, from antiquity to the present, and considers various approaches to their classification and methodology.

Particular attention is paid to issues related to the right of a person to independently dispose of his body, including its «modernization», «restoration» and even «fundamental reconstruction».

The article discusses problems related to morality, ethics, religion and politics from the point of view of somatic rights: the relationship of these rights with constitutional human rights and their legal significance is highlighted, various principles of the right to life are considered, including its constitutional and international legal dimensions, the relationship with the right to death and euthanasia.

The author analyzes the influence of the legal and philosophical understanding of these rights on society and the individual and highlights the complexity of their interpretation and application in various legal systems.

Keywords: law, personal somatic rights, medicine, biomedicine, ethics, morality, Convention for the Protection of Human Rights and Dignity, right to life, right to death, euthanasia, social norms.

References

1. Babadzhanyan I.H., Salnikov S.P. The right to life: concept, content and some issues of legal consolidation // Bulletin of Economic Security. – 2010. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-zhizn-ponyatie-soderzhanie-i-nekotorye-voprosy-yuridicheskogo-zakrepleniya> (date of application: 17.11.2023).
2. Vodyannikov A. Yu. Methodology of comparative legal analysis: the history of formation, generalization and classification of basic approaches // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2014. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-sravnitelno-pravovogo-analiza-istoriya-stanovleniya-obobschenie-i-klassifikatsiya-osnovnyh-podhodov> (accessed: 20.11.2023).
3. Goncharov I.V. Somatic rights: issues of legal recognition and practice of implementation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 2 (46). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/somaticheskie-prava-voprosy-yuridicheskogo-priznaniya-i-praktika-realizatsii> (accessed: 19.11.2023).
4. Kovler A.I. Anthropology of law. – M.: Publishing House «NORM», 2002. – 480 p.
5. Kruss V.I. Personal («somatic») human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension: towards the formulation of the problem / V.I. Kruss // State and Law. – 2000. – No. 10. – pp. 43–50. – Moscow: Nauka.
6. Magaeva T.A. Analysis of the practice of the European Court of Human Rights on violations of the right to life. The mechanism of protection of the basic human right // StudNet. – 2020. – No. 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-praktiki-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-po-voprosam-narusheniya-prava-na-zhizn-mehanizm-zaschity-osnovnogo-prava-cheloveka> (date of application: 17.11.2023).
7. Nesterova E.M. The concept and legal and social essence of somatic human rights / E.M. Nesterova // Socio-economic phenomena and processes. – 2011. – No. 7. – pp. 82–86. – Published. the house of TSU named after G.R. Derzhavin.
8. Kisses E.L., Danilova E.S. The concept and types of personal (somatic) human rights // Nauka. Society. State. – 2015. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-lichnostnyh-somaticheskikh-prav-cheloveka> (accessed: 11/20/2023).
9. The human right to life (issues of theory and practice). Textbook / Kalchenko N.V. – Volgograd: VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. – 76 p.
10. Tanaev V.M. The right to death // Bulletin of the State University. Series: law. Yekaterinburg. – 1999. – No. 1. – p. 39.
11. Trifonov V.A., Metalnikov V.S. The right to life: the concept and the main problems of implementation // THEORIA: pedagogy, economics, law. – 2021. – 1(2). – Pp. 70–79. – DOI: 10.51635/27129926_2021_1_70.
12. Philosophy of Law: textbook. / K.I.I. – St. Petersburg: [B.I.], 2006. – p. 257.

К вопросу о надзоре органов прокуратуры Российской Федерации за соблюдением культурных прав и свобод человека и гражданина

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Научная статья посвящена исследованию вопросов осуществления прокурорского надзора за соблюдением культурных прав и свобод человека и гражданина.

Подчеркивается, что культурный кластер общественной жизни оказывает огромное влияние на состояние развития общества в целом. Оставление без должного внимания обозначенной категории прав и свобод человека и гражданина – ошибочно. Именно культурные права и свободы способны отражать особенности и закономерности культурно-духовной жизни общества и государства, определять мировоззренческое содержание и уровень гуманизации общества. Безусловно, культурные права и свободы оказывают позитивное влияние на становление индивида и человеческих сообществ, они в большей степени решают задачи по установлению и упрочению морально-нравственных ориентиров развития цельной личности.

В статье прослеживается идея о том, что, реализуя правозащитный потенциал, органы прокуратуры Российской Федерации максимально контактируют:

с судами (через участие в рассмотрении дел в во всех формах судопроизводства); институтом Уполномоченного по правам человека (на всех уровнях). Нередко информация, полученная от Уполномоченного, становится решающим фактором в процессе восстановления нарушенного права; со СМИ, которые сегодня выступают наиболее действенным способом защиты прав и свобод личности; с самими гражданами, активно обращающимися с жалобами на нарушение их прав и свобод; с общественными объединениями, особое место среди которых занимают правозащитные общественные организации.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации; культурные права и свободы человека и гражданина; правозащитный механизм.

Исторический путь становления и развития органов прокуратуры в России способствовал формированию их статуса как неотъемлемого элемента государственного правозащитного механизма.

Устанавливая в качестве основной цели деятельности прокуратуры РФ (в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») [1] охрану и защиту прав и свобод, законодатель наделил прокуроров разнообразными полномочиями, направленными на достижение этого ориентира.

Для большинства людей исключительно прокуратура выступает той инстанцией, в которую можно обратиться за защитой и восстановлением своего нарушенного права, свободы, интереса и получить эффективную правовую помощь.

Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина с позиции правового оформления – самостоятельное направление работы прокуратуры. Его автономный статус призван подчеркнуть приоритетный характер конституционных установок (ст. 2 Конституции Российской Федерации)[2], отмечающих максимальную важность прав и свобод личности, обязав государственные органы через реализацию правовых средств обеспечить действие этого конституционного положения – требования.

Прокуратура в равной степени распространяет надзорную деятельность на все, права и свободы человека и гражданина, закрепленные в тексте Основного закона.

Традиционно, дифференциация прав и свобод осуществляется по сферам общественной жизни, в частности, наиболее крупными блоками признаются: социальные права и свободы; экономические права и свободы (в точки зрения прокурорского надзора не стоит смешивать права и свобод в социальной и экономической сферах); политические права и свободы; культурные (духовные) права и свободы. Каждая обозначенная группа находится под непрерывным надзором в части их соблюдения, обеспечения реализации, защиты в случае нарушения, включения механизмов восстановления.

К наименее изученной в науке конституционного права категории относятся культурные права и свободы человека и гражданина. Так, в частности, Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин, проводя классификацию прав и свобод человека и гражданина, отмечают только личные, политические и социально – экономические[3].

Время утверждения культурных прав и свобод приходится на 1948 год и связано с текстом Всеобщей декларации прав человека права, прописав-

шей право на участие в культурной жизни общества, право пользоваться благами научного прогресса, а также право на защиту моральных и материальных интересов, являющихся результатами научных, литературных или художественных трудов [4].

Не вызывает сомнений, что культурный кластер жизни оказывает огромное влияние на состояние общества в целом, проявление минимального внимания к обозначенной категории прав и свобод человека и гражданина недопустимо. Именно культурные права и свободы способны отражать особенности и закономерности духовной жизни общества и государства, определять мировоззренческое содержание и уровень его гуманизации. Безусловно, культурные права и свободы оказывают позитивное влияние на становление индивида и человеческих сообществ, они в большей степени решают задачи по установлению и упрочению морально-нравственных ориентиров развития цельной личности.

Реализация культурных прав рассматривается через призму таких конструкций, как творчество; наука; преподавание; информация и коммуникативные связи между людьми; искусство; мировоззренческий опыт; менталитет и т.п.

Нарушения культурных прав и свобод человека и гражданина (на основании анализа статистической информации деятельности органов прокуратуры РФ) не находятся на первом месте по количеству их совершения (и выявления), соответственно, прокурорская практика не изобилует большим объемом примеров проверочных мероприятий такого рода.

Нередко обнаружение нарушений с принятием мер в последующем к восстановлению прав и свобод осуществляется органами прокуратуры Российской Федерации опосредованно, к примеру, через надзор за исполнением законодательства РФ об образовании; надзор за исполнением законодательства РФ об объектах культурного наследия; надзор за исполнением законодательства РФ об общественных объединениях и пр.

Конституция РФ содержит в тексте культурные права и свободы человека и гражданина: свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (ч. 1 ст. 44); право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, право на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44); Коррелирует с этими правами и свободами конституционная обязанность каждого гражданина – проявление заботы о сохранении исторического и культурного наследия, бережного отношения к памятникам истории и культуры (ч. 3 ст. 44).

Важно понимать, что права человека – это субъективно-личностный аспект права, без них остается непонятым, на кого рассчитаны абстрактные правила объективного права. Права человека определяют правовой статус личности, ее соотношение и правовые связи с государством, властью обществом [5].

Все конституционные права свободы человека и гражданина, вне зависимости от их относимости к той или иной сфере общественных отношений, являются непосредственно действующими, они обеспечены гарантиями их соблюдения, реализации и защиты со стороны государства. В правозащитные механизмы активно вовлечены также негосударственные организации, которые оказывают действенную помощь государственным органам в вопросах защиты нарушенных прав и свобод, в процедурах по их восстановлению. Иными словами, прокуратура находится в тесном взаимодействии со всеми субъектами государственной власти, государственными органами, органами местного самоуправления, негосударственными организациями и пр.

Реализуя свой правозащитный потенциал, органы прокуратуры Российской Федерации максимально контактируют:

- с судами (через участие в рассмотрении дел в во всех формах судопроизводства);

- институтом Уполномоченного по правам человека (на всех уровнях). Часто информация, полученная от Уполномоченного, становится решающим фактором в процессе восстановления нарушенного права;

- со СМИ, которые сегодня являются наиболее действенным способом защиты прав и свобод личности;

- с самими гражданами, активно обращающимися с жалобами на нарушение их прав и свобод;

- с общественными объединениями, особое место среди которых занимают правозащитные общественные организации.

С точки зрения правовой регламентации и практической реализации взаимодействие органов прокуратуры с различными институтами гражданского общества реализуется в разных форматах.

К примеру, основными формами взаимоотношений органов прокуратуры и Уполномоченного по правам человека в РФ выступают: проведение совместных проверок (в частности, максимальное распространение получили совместные проверочные мероприятия, проводимые в рамках надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, применяющими меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу); участие в заседаниях «круглых» столов, конференциях научно-практической ориентации и прочее.

Средства массовой информации и органы прокуратуры осуществляют взаимный информационный обмен, максимально обеспечивая реализацию принципа гласности. При этом, инициативу таких контактов может проявлять как одна сторона, так и другая. Типичной иллюстрацией являются: проведение проверок органами прокуратуры по информации, переданной СМИ; проведение совместных проверок; осуществление органами прокуратуры правового просвещения, правового информирования и правового воспитания.

Использованием информационных ресурсов и технологий прокуратура формирует, помимо прочего, общественное сознание.

Взаимодействие органов прокуратуры и общественных объединений также носит разноплановый характер. Общественные правозащитные организации, несомненно, – один из наиболее весомых помощников прокуроров в вопросах выявления нарушений культурных прав и свобод и их восстановления.

Таким образом, культурные права и свободы личности с позиции гарантий их реализации, защиты и восстановления в случае нарушения представляют особую значимость для прокуратуры. Их осуществление на должном уровне обеспечивает формирование нравственно-духовных основ человеческого общества, закладывая, тем самым, верные векторы социального, экономического и политического развития государства. В этих процессах органы прокуратуры играют особую роль, обеспечивая непрерывную охрану и эффективную защиту их от всякого посягательства.

Литература

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202–1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N47, ст. 4472
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014
3. Ивакина Д.С. Понятие и признаки основных культурных прав человека и гражданина в Российской Федерации. Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 145
4. Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», N67, 05.04.1995
5. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире: социально-философские вопросы

и государственно-правовое регулирование. 2003. М. С. 222–223.

TO THE ISSUE OF SUPERVISION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION OVER THE OBSERVANCE OF CULTURAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

Potapova L.V.

Ural State Law University named after V.F. Yakovleva

This scientific article examines the role of the prosecutor's office in ensuring the protection of cultural rights and freedoms of individuals. The article emphasizes the significant impact of the cultural aspect of public life on society's development, highlighting the importance of not neglecting cultural rights and freedoms. Cultural rights and freedoms play a crucial role in reflecting the cultural and spiritual characteristics of society and the state, as well as determining the ideological content and level of humanization in society. Moreover, these rights and freedoms positively contribute to the formation of individuals and human communities by establishing moral guidelines for personal development. The article also discusses the prosecutor's office's close collaboration with various entities, such as the courts, the Commissioner for Human Rights, the media, citizens, and human rights organizations, to effectively address violations of cultural rights and freedoms. The prosecutor's office utilizes these partnerships to gather information, protect individual rights and freedoms, and address complaints from citizens. Overall, this article highlights the key role of the prosecutor's office in safeguarding cultural rights and freedoms in Russia.

Keywords: prosecutor's office of the Russian Federation; cultural rights and freedoms of individuals; human rights mechanism.

References

1. Federal Law of January 17, 1992 N2202–1 (as amended on December 31, 2017) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", November 20, 1995, N47, Art. 4472
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 N6-FKZ, dated December 30, 2008 N7-FKZ, dated February 5, 2014 N2-FKZ, dated July 21, 2014 N11-FKZ // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014
3. Ivakina D.S. The concept and characteristics of basic cultural rights of man and citizen in the Russian Federation. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. № 1 (96). P. 145
4. Universal Declaration of Human Rights" (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // "Rossiyskaya Gazeta", No. 67, 04/05/1995
5. Glukhareva L.I. Human rights in the modern world: socio-philosophical issues and state legal regulation. 2003. М. pp. 222–223.

Правовые инструменты обеспечения конституционного принципа единства экономического пространства Российской Федерации

Розенко Светлана Владимировна,

аспирант аЮРФз-20–1 кафедры «Юриспруденция» Института экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИРНИТУ)
E-mail: rozenkosvetlana@inbox.ru

Цель работы – рассмотреть теоретические и правовые аспекты обеспечения конституционного принципа единства экономического пространства Российской Федерации. В работе были использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, наблюдения и сравнения. В качестве общенаучных методов, с помощью которых проводилось исследование, использовались метод структурного анализа и системный. Конституционные положения, касающиеся свободы экономической деятельности, играют важную роль в развитии и процветании государства. Они определяют основные принципы, которые регулируют экономическое взаимодействие внутри страны. Одним из таких принципов является принцип единства экономического пространства. В статье сделан вывод о том, что объединение экономического пространства России является важным шагом в унификации правового регулирования финансово-экономических отношений на всей территории страны. В работе показано, что конституционный принцип единства экономического пространства обеспечивается четким разграничением полномочий в сфере экономического регулирования, верховенством федерального права, единством правового статуса личности в сфере предпринимательской деятельности и др.

Ключевые слова: единство, государство, принцип, экономическое пространство, гарантии, товар, услуга.

Экономические правила, на которых основано наше государство, подлежат рассмотрению со следующих сторон:

- взаимообусловленная взаимная связь норм, регулирующее их влияние на иные нормы в социальной экономической сфере,
- иерархия принципов, влияющих на процесс регулирования социальных отношений в пределах конституционной правовой базы.

В первую очередь к указанным нами принципам относятся принципы свободы выполнения экономической деятельности, экономического единого пространства, равноправия, многообразия разных форм собственности, а также защиты конкуренции. Указанные принципы содержатся в статье 8 Конституции РФ. Кроме того к ним можно отнести принципы по социальному характеру Российского государства (статья 7 Конституции [1]).

Основной элемент экономической системы на сегодняшний день – свобода реализации экономической деятельности. Благодаря ей предприниматели, ИП получают возможность для свободного совершения коммерческих операций, принятия решений по распределению, производству услуг, товаров. Также она предоставляет возможность для участия в рыночных отношениях.

Для понимания природы свободы осуществляемой экономической деятельности, требуется выполнить ее анализ в соотношении с существующими правовыми принципами (правилами) по определению способа функционирования экономической системы, подлежащим соблюдению обязанностям, правам.

Отобразим далее подходы для того, чтобы определить правовые принципы, которые существуют в юридической, общетеоретической литературе.

1. Объективные нормы в общественных отношениях, называемые В.М. Барановым в качестве «истинных норм права», В.Д. Сорокиным в виде норм по регулированию вопросов общего свойства.

У данных принципов имеется фундаментальное значение и являются они широко сформулированными.

2. Наличие связи с таким понятием, как «начала» или «идея», т.е. данные принципы являются исходными, определяющими идеи, выступающие в качестве основополагающих начал существующей в государстве правовой системы.

Данный подход произошел от такого слова, как «принцип», традиционного восприятия проблемы. Об этом говорится в философской литературе. В нем отсутствуют ясность по возможностям принци-

пов права, способам их взаимодействия с прочими образованиями правового характера. Стоит отметить, что трудности сопровождают процесс по установлению источников происхождения, юридической природы, механизма действия принципов [2].

Тогда как в соответствии с иным мнением, отсутствует возможность идентификации принципов права в качестве отдельных норм, т.е. оказывают влияние на формирование содержания иных правовых норм, не существуя по отдельности. Указанный подход является дискуссионным по той причине, что имеется возможность его рассмотрения в качестве отрицания наличия рассматриваемых нами принципов [2].

Рыночная экономика имеет конституционную основу государственного регулирования экономических отношений, государственных учреждений, предприятий.

Сегодня происходит формирование нового типа социальной экономической политики, где принцип по совмещению социальной солидарности, экономической эффективности – базовый принцип.

В ч. 1 ст. 8 Конституции РФ устанавливается свобода реализации экономической деятельности в качестве экономического принципа конституционного строя государства.

По той причине, что формулировка пункта не имеет определенности, появляются противоречия в ее понимании, что влечет возникновение проблем, связанных с применением права. В результате этого появляется потребность в донесении истинного смысла свободы выполнения экономической деятельности до судебной, прочей правоприменительной практики, научной доктрины, законодательства.

Фундаментальная основа для того, чтобы определять пределы данной деятельности в РФ – положение части 3 статьи 17 Конституции, где говорится о запрете нарушения прав, свобод иных лиц в процессе выполнения свобод, прав гражданина, человека. В данной части установлен принцип по обеспечению и экономической стороны деятельности, выполняемой гражданином, человеком, обществом. По причине наличия у людей свободы в выражении своих свобод, прав, зачастую наблюдается противоречие их интересов свободам, правам прочих людей.

Для того, чтобы согласовать указанные противоречивые права, свободы, требуется принятие обществом мер по достижению взаимовыгодных компромиссов. Требуется установление защиты прав, свобод людей от совершения иными людьми преждевременных действий, которые нарушают их свободы, права. Для того, чтобы предотвратить указанное, требуется в обязательном порядке соблюдать принцип по равенству всех людей перед судом, законом. Кроме того, для этого необходимо установление равных свобод, прав вне зависимости от тех или иных факторов. Все это содержится в статье 19 Конституции. Указанное подлежит отнесению к пределам свободы осуществляемой экономической деятельности.

Анализ исследования положений Конституции РФ указал, что смысл свободы экономической деятельности закреплен в статье 8 Конституции, отражается в статьях 27, 30, 34, 35 и пр., установлениях главы 3.

Правовые гарантии для того, чтобы понять суть экономического пространства, содержащиеся в статье 8 Конституции РФ:

- Свобода передвижения финансовых средств, услуг, товаров,
- Поддержка конкуренции,
- Равенство существующих форм собственности.

В соответствии со статьей 34 у каждого имеется право свободно использовать свои способности, имущество для разных видов экономической деятельности, тогда как по статье 35 – право на собственность, управление, применение, владение своим имуществом.

Положения Конституции касательно свободы осуществляемой экономической деятельности значимы в развитии государства, т.к. определяют ключевые принципы по регулированию в государстве сотрудничества в экономической сфере.

Принцип единства экономического пространства является таковым принципом, подразумевающим отсутствие границ, ограничений в стране по перемещению финансовых средств, услуг, товаров. Для того, чтобы унифицировать правовое регулирование финансовых экономических отношений в стране происходило объединение в РФ экономического пространства. Указанное обладает политическим значением в обеспечении необходимого государственного суверенитета, а также и экономическим, заключающимся в усилении эффективности всего внутреннего рынка услуг, товаров, рабочей силы, финансовых ресурсов.

Руководству государства требуется обеспечить объединение экономического пространства для создания условий для развития экономики, ее структурной перестройки, чтобы повысить уровень жизни граждан, ввести единую систему налогового обложения, торговли, валюты.

Указанные цели могут быть достигнуты за счет развития энергетики, транспорта, таможенной политики, установления единых тарифов. Кроме того требуется создать информационную систему, единую систему по государственной поддержке процессу развития важных секторов промышленности, экономики, технологий, науки.

Взаимодействие в сфере техники и науки – важный аспект объединения российского экономического пространства [4].

Роль значимой конституционной ценности, отражаемой на разных законодательных уровнях, исполняет единство существующего экономического пространства.

Отообразим далее ее особенности, аспекты.

1. Делегирование полномочий на уровень регионов, муниципальных образований для установления сотрудничества регионов, чтобы укре-

пить единство существующего экономического пространства.

Получается, что у местных, региональных органов власти появляются полномочия на принятие решений, учитывая потребности, особенности территории.

2. Выполнение централизованного регулирования экономических отношений. У органов власти федерального значения имеются полномочия для того, чтобы регулировать экономическую сферу, обеспечивать единство экономического пространства. Получается, что в федеральном законодательстве содержатся общие правила, принципы по регулированию на территории государства экономики.
3. Установление у бюджетной, финансовой систем, единого рынка, федеральной антимонопольной политики правовых основ. Законодательством федерального уровня установлены ограничения для того, чтобы перемещать услуги, товары. Все это было выполнено для обеспечения необходимой безопасности, защиты здоровья, жизни людей, охраны культурных ценностей, природы.
4. Единое управление экономической сферой через единые органы власти по координации, управлению экономическими процессами.
5. Обеспечение свободного перемещения услуг, товаров, финансовых средств, а также рабочей силы. Указанный принцип имеет конституционное закрепление, является основным.
6. Единая валюта (рубль), финансово-кредитная система, коммуникационная, транспортная инфраструктура. Указанные элементы необходимы для того, чтобы укреплять единство экономического пространства.

Единство существующего в государстве экономического пространства – цель, конституционный принцип, который не способен всегда отражать текущее настоящее состояние государственной экономической системы. Получается, что государство принимает усилия для того, чтобы достичь данное единство, реализовать эту цель через дополнительные, постепенные меры [3].

В Конституции РФ закреплён такой принцип, как единство существующего экономического пространства, подразумевающий совместную работу уровней власти для того, чтобы обеспечить единое развитие экономики.

В соответствии с Конституцией РФ, на местные, федеральные, региональные органы публичной власти возлагается ответственность за то, чтобы обеспечить единство экономического пространства. Таким образом можно сделать вывод, что имеется потребность не только в разработке, но и в реализации политики, чтобы в разных субъектах РФ экономика развивалась равномерно.

Б.С. Эбзеев является известным ученым по конституционному праву. Он указал, что формулиров-

ка положения по единству данного пространства, которая содержится в ст. 8 Конституции РФ, имеет свои особенности. Им было отмечено, что внимание акцентируется на гарантировании данного единства, т.к. происходит закрепление обязанностей каждого уровня федеративной системы для обеспечения единства этого пространства.

Мероприятия по стимулированию развития экономики регионов, формирования необходимого инвестиционного климата, обеспечению для каждого субъекта РФ единых возможностей разрабатываются правительством, органами власти РФ. Но, несмотря на это, не менее важное значение имеют органы власти в субъектах РФ, в обязанности которых входит следующее:

- Поддержка предпринимательства,
- Разработка, реализация программ развития,
- Инвестиции,
- Оказание помощи в развитии предпринимательства местного уровня.

Стоит также отметить, что для того, чтобы развивать региональные экономики, требуется участие местных органов власти за счет обеспечения условий, являющихся благоприятными для развития бизнеса, создания мест для работы, разработки программ по социальному экономическому развитию территорий [6].

Единое экономическое пространство – основная составляющая конституционного строя РФ. Указанная ценность обладает естественной правовой природой. Это обусловлено тем, что провозглашенная в государстве рыночная экономика требует выполнения данного принципа.

Оно объединяет регионы, необходимо для обеспечения согласованности, взаимодействия субъектов РФ для создания благоприятных условий, чтобы развивать экономику, привлекать инвестиции, обеспечивать равные возможности в каждом субъекте РФ.

Экономическая интеграция РФ с иными государствами, организациями международного значения выполняется за счет создания данного пространства.

Для того, чтобы участвовать в экономических отношениях, где сторонами являются представители разных государств, требуется согласованность, выполнять совместные действия. Однако указанное достигается исключительно в том случае, если на внутреннем рынке имеется единое экономическое пространство. Его создание требует учет интересов каждого участника, обеспечение равенства, справедливости, что сопровождается разработкой, выполнением соответствующих механизмов экономического, правового характера, формирование условий по развитию предпринимательства, конкуренции.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общерос-

сийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 04.07.2023).

2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 216.
3. Кузовкин Д.В. Обеспечение единства экономического пространства Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005
4. Денисов Д.Д. Подходы к пониманию единого экономического пространства // Наука через призму времени. 2023. № 4 (73). С. 46–49.
5. Лобанова Я.В. Свобода экономической деятельности как принцип экономического строя современного правового государства//Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 31–34.
6. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – Москва: Юрид. лит., 2005.

LEGAL INSTRUMENTS TO ENSURE THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF THE UNITY OF THE ECONOMIC SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rozenko S.V.

Irkutsk National Research Technical University (IRNTU)

The purpose of the work is to consider the theoretical and legal aspects of ensuring the constitutional principle of unity of the economic space of the Russian Federation. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction, observation and comparison

were used in the work. The structural analysis method and the system method were used as general scientific methods by which the research was conducted. Constitutional provisions concerning the freedom of economic activity play an important role in the development and prosperity of the State. They define the basic principles that regulate economic interaction within the country. One of these principles is the principle of the unity of the economic space. The article concludes that the unification of the economic space of Russia is an important step in the unification of the legal regulation of financial and economic relations throughout the country. The paper shows that the constitutional principle of the unity of the economic space is ensured by a clear delineation of powers in the field of economic regulation, the supremacy of federal law, the unity of the legal status of the individual in the field of entrepreneurship, etc.

Keywords: unity, state, principle, economic space, guarantees, product, service.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, (access: 04.07.2023)
2. Griбанov V.P. Implementation and protection of civil rights. M., 2000. P. 216.
3. Kuzovkin D.V. Ensuring the unity of the economic space of the Russian Federation (constitutionally legal research): dis. ... cand. jurid. sciences'. – Yekaterinburg, 2005
4. Denisov D.D. Approaches to understanding the common economic space // Science through the prism of time. 2023. No. 4 (73). pp. 46–49.
5. Lobanova Ya.V. Freedom of economic activity as a principle of the economic system of a modern legal state//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 7. pp. 31–34.
6. Ebzееv B.S. Man, People, state in the constitutional system of the Russian Federation. – Moscow: Yurid. lit., 2005.

Эволюция правовой модели регулирования отрасли лёгкой промышленности

Стикина Любовь Ивановна,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: oost.stil@gmail.com

В данной научной статье предметом исследования выступает историческое развитие нормативно-правового регулирования и системы органов государственного управления легкой промышленности в России. Цель работы заключается в оценке динамики и анализе влияния исторических трансформаций на становление и эволюцию промышленной политики и государственного управления отраслью. В работе применяется комплексный подход, включающий изучение исторических источников, анализ научной литературы, сравнительный и системный анализ. Результаты исследования раскрывают эволюцию государственного управления легкой промышленностью и показывают влияние социально-экономических изменений на нормативно-правовую базу отрасли. Результаты могут быть применены при формировании современной промышленной политики и усовершенствовании механизмов государственного регулирования легкой промышленности. Новизна заключается в комплексном анализе исторической эволюции управления отраслью. Основным выводом является значимость исторических трансформаций для развития государственного управления легкой промышленностью.

Ключевые слова: легкая промышленность, государственное управление, правовое регулирование, индустриализация, развитие промышленности.

Легкая промышленность является одной из ключевых составляющих экономики многих стран. История развития легкой промышленности в России берет свое начало с периода индустриализации, переживая взлеты и падения в различные исторические эпохи. В данной статье предпринимается попытка исследовать исторические аспекты становления и развития нормативно-правового регулирования и системы органов государственной власти, которые осуществляют государственное управление в сфере легкой промышленности.

Анализ специальной литературы, посвященной исследованию правовых и организационных аспектов государственного управления легкой промышленности через призму его эволюции, свидетельствует об определенной степени ее разработанности. М.А. Ваксберг¹, Е.Б. Пашуканис² и другие в 20-е годы XX века изучали вопросы реализации экономических функций государства и основных задач НЭПа. Е.А. Бейлин³ и другие исследователи до 60-х годов XX века, как правило, посвящали свои работы рассмотрению отдельных аспектов партийно-государственного руководства промышленной сферой.

Довольно подробно в контексте исторического анализа, вопросы посвященные реорганизации в управлении промышленностью во второй половине 1920-х годов были отражены в работе В.П. Милютина⁴. В.Н. Сарабьянов⁵, Н. Святицкий⁶, В.Я. Канторович⁷ и другие авторы проводили анализ предпосылок возникновения трестов, синдикатов, акционерных обществ и оценка их роли в структуре организации промышленности. Работы А.В. Венедиктова, изданные как в 20-х годах, так и в послевоенный период, включая двухтомный труд⁸, посвященный организации государствен-

¹ Ваксберг, М.А. Государственный строй СССР М.: ЗАО-ЧТОРГКУРСЫ, 1929. 65С.

² Пашуканис Е.Б. Очерки по международному праву. М., 1935.

³ Волобуева Марина Михайловна Неэффективная кадровая политика как причина дефицита инженерно-технических работников на предприятиях РСФСР в 1920–1930-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neeffectivnaya-kadrovaya-politika-kak-prichina-defitsita-inzhenerno-tehnicheskikh-rabotnikov-na-predpriyatiyah-rsfsr-v-1920-1930-e-gg> (дата обращения: 23.11.2023).

⁴ Милютин В.П. История экономического развития СССР (1917–1927 гг.). М.; Л., 1928.

⁵ Сарабьянов В.Н. Экономика и экономическая политика СССР М.; Л., 1926.

⁶ Вятицкий И.В. Организация промышленности. М., 1924.

⁷ Канторович В.Я. Советские синдикаты. М., 1928.

⁸ Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР: в 2 т. Л., 1957–1961.

ной промышленности, рассматривали структуру, функции и права ВСНХ. Л.А. Опенкиным на рубеже 80–90-х годов XX века опубликован ряд исследований, представляющих более дифференцированную оценку эффективности советской государственной промышленной политики¹. Особое место в концептуальной разработке становления системы партийно-государственного управления научным и кадровым потенциалом промышленности в период с 1917 по 1941 год исследован в диссертации С.В. Сергеева².

Довольно в подробной форме описание вектора развития промышленности в 90-х годах XX века, определившегося схемой: (либерализация цен – банкротство предприятий – аукцион), описывается в диссертационном исследовании Ю.А. Долгина³.

Тем не менее, в последнее время, вопрос нормативных и организационных аспектов государственного управления легкой промышленностью в контексте его эволюции, не был предметом отдельных исследований, что обуславливает актуальность избранной темы настоящей статьи.

Дореволюционный период в России охватывает продолжительное время от начала XVIII века до Октябрьской революции 1917 года. Это время было полно перемен в социальной, экономической и культурной жизни страны, которые также затронули и развитие легкой промышленности.

В начале XVIII века, во времена правления Петра Великого, Россия активно включается в процесс европейской индустриализации. В 1717 году Петр I учредил Мануфактур-коллегию, организацию, которая должна была руководить и контролировать деятельность мануфактур и фабрик, способствуя развитию промышленности. Этот период ознаменовался началом мануфактурного этапа развития экономики, когда мелкое ремесленное производство постепенно уступало место более крупным производственным единицам – мануфактурам.

В XVIII веке в суконном, полотняном и шелковом производстве работало уже более 140 предприятий. Такие товары, как полотно и сукно, были важной частью российского экспорта, что свидетельствовало о развитии текстильной промышленности.

В XIX веке Россия продолжала развиваться как индустриальное государство, но индустриализация шла неравномерно. Основной тяжестью эконо-

мики по-прежнему оставалось сельское хозяйство. Тем не менее, легкая промышленность, особенно текстильная, играла важную роль. В конце XIX века легкая промышленность определяла индустриальное развитие России и занимала значительную долю в общем объеме промышленного производства. В 1887 году эта доля составила 32,4%, а к 1900 году – 26,1%⁴.

К началу XX века экономический кризис 1900–1903 годов ударил по промышленности, но легкая промышленность смогла быстро восстановиться. В 1908 году объем выпускаемой продукции по сравнению с 1900 годом вырос в 1,5 раза, что было частично продиктовано ростом покупательной способности крестьянства после освобождения их в 1905 году от выкупных платежей.

«Серебряный век» России, который охватывает первое десятилетие XX века, стал значимым периодом для развития моды и дизайна. В 1902–1903 годах в Санкт-Петербурге прошла первая крупная выставка исторических и современных костюмов, которая способствовала обмену модными тенденциями между странами и дала толчок развитию отечественной моды и текстильной промышленности. Этот период также ознаменовался всплеском интереса к «русскому стилю» в моде и искусстве, что было связано с работами таких творцов, как Сергей Дягилев, Леон Бакст, Вацлав Нижинский и Анна Павлова.

В дореволюционной России система государственного управления промышленностью, включая легкую промышленность, формировалась постепенно и была связана с различными ведомствами. Основные ведомства, занимавшиеся управлением промышленности, в том числе легкой, во второй половине XIX – начале XX века были:

1. Министерство Финансов – осуществляло контроль за финансовыми аспектами промышленной деятельности, в том числе и легкой промышленности, а также занималось вопросами таможни и налогообложения промышленных предприятий.

2. Министерство Государственных Имуществ – отвечало за управление государственными землями и имуществом, включая те, которые использовались в промышленных целях.

3. Министерство торговли и промышленности – созданное в 1905 году, это ведомство специализировалось на развитии промышленности, включая легкую, и торговли, а также на укреплении связей с промышленными кругами.

Советский период в истории России, который начался с Октябрьской революции 1917 года и продолжался до распада СССР в 1991 году, оказал огромное влияние на развитие всех отраслей экономики, включая легкую промышленность. Развитие государственного управления легкой промышленности, как и других отраслей экономики, прохо-

¹ Опенкин Л.А. Сила, не ставшая революционной: Исторический опыт разработки КПСС политики в сфере науки и технического прогресса. 1917–1982 гг. Ростов-на-Дону, 1990.

² Сергеев, Сергей Владимирович. Становление системы партийно-государственного управления научным и кадровым потенциалом промышленности: 1917–1941-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Сергеев Сергей Владимирович; [Место защиты: Моск. гуманитар. ун-т]. – Москва, 2012. – 280 с.: ил. РГБ ОД, 61 12–7/745

³ Долгин Ю.А. Государственная промышленная политика Российской Федерации в условиях рыночных реформ 1991–1999 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Долгин Юрий Анатольевич; [Место защиты: ГОУ-ВПО «Самарский государственный университет»]. – Самара, 2008. – 202 с.: ил.

⁴ Погребинская Вера Александровна Вторая промышленная революция // Экономический журнал. 2005. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-promyshlennaya-revolutsiya> (дата обращения: 23.11.2023).

дило несколько этапов, отражающих общую эволюцию системы управления в СССР.

1. 1920-е – начало 1930-х годов: После Октябрьской революции 1917 года и последующей национализации промышленности начался процесс создания новой системы управления экономикой. Легкая промышленность контролировалась народными комиссариатами (позже министерствами), которые были ответственны за планирование и распределение ресурсов. В этот период формируются государственные тресты и синдикаты, объединяющие предприятия легкой промышленности.

2. 1930-е годы. В период первых пятилеток осуществляется активная индустриализация. Усиливается государственный контроль и централизация управления. Легкая промышленность развивается в рамках жесткой плановой экономики с целью обеспечения населения необходимыми потребительскими товарами.

3. Военный и послевоенный период: Во время Второй мировой войны многие предприятия легкой индустрии были перепрофилированы на выпуск военной продукции. После войны осуществлялась реконструкция и восстановление производственных мощностей легкой промышленности.

4. 1950-е – начало 1960-х годов. После смерти Сталина начинается постепенная децентрализация управления. В 1957 году в ходе Хрущевских реформ происходит переход от отраслевого управления к территориальному. Вместо отраслевых министерств создаются Советы народного хозяйства (Совнархозы), которые управляют всеми отраслями на своей территории, включая легкую промышленность.

5. 1960-е – 1980-е годы. В этот период происходит дальнейшее развитие и укрепление роли плановой экономики. В системе управления легкой промышленностью прочно закрепляется иерархическая структура, начиная от министерств и заканчивая отдельными предприятиями.

В советской России государственное управление легкой промышленностью осуществлялось через систему отраслевых министерств и ведомств. Специализированным органом, который отвечал за легкую промышленность, было Министерство легкой промышленности СССР. Это министерство было создано для координации и контроля деятельности предприятий легкой промышленности, которая включала текстильную, швейную, обувную и другие отрасли, производящие потребительские товары.

Министерство легкой промышленности занималось планированием производства, распределением ресурсов, контролем качества продукции, внедрением новых технологий и обеспечением выполнения государственных планов¹. Кроме того, оно

¹ Кочнева К.А. Министерство как орган государственного управления в 1965–1970 гг. (на материалах министерства легкой промышленности СССР) // Вестник РУДН. История России. 2008. № 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ministerstvo-kak-organ-gosudarstvennogo-upravleniya-v-1965-1970-gg-na-materialah-ministerstva-legkoy-promyshlennosti-sssr> (дата обращения: 23.11.2023).

взаимодействовало с другими ведомствами и организациями, такими как Госплан² (Государственный планировочный комитет), которые занимались общим экономическим планированием и распределением ресурсов, и ВЦСПС (Всеобщий центральный совет профессиональных союзов), который представлял интересы трудящихся.

Нормативно-правовое регулирование в сфере легкой промышленности осуществлялось через систему пятилетних планов, которые определяли основные направления развития отрасли, объемы производства, инвестиции, технологическое обновление и т.д. Кроме того, действовали различные государственные стандарты (ГОСТы), указы и постановления правительства, которые регулировали отрасль на всех уровнях.

Таким образом, эволюция государственного управления легкой промышленностью в СССР отразила общие тенденции в развитии советской экономической системы: от тотальной централизации к попыткам децентрализации и повышения эффективности управления, сохраняя при этом жесткий государственный контроль над производством и дистрибуцией.

Процесс эволюции государственного управления легкой промышленностью в России с 1991 года по настоящее время можно рассмотреть в контексте трех основных этапов развития государственной промышленной политики, упомянутых в предоставленном контексте.

1. Период становления концептуальных основ государственной политики в области легкой промышленности в условиях переходной экономики (1991–2001 гг.). В этот период произошли значительные изменения в структуре и принципах управления легкой промышленности. Произошла приватизация многих государственных предприятий, что привело к сокращению прямого государственного контроля над отраслью. Однако это также привело к деиндустриализации, так как некоторые промышленные предприятия столкнулись с трудностями в условиях новой экономической среды и усиленной конкуренции.

2. В период с 2001 по 2008 год происходит некоторое изменение приоритетов государственной политики, когда внимание начинает уделяться инновационному развитию. В рамках легкой промышленности это может включать в себя поддержку развития новых технологий, улучшение качества продукции и расширение экспортных возможностей.

3. С 2008 года по настоящее время. Начало нового этапа в концептуальной разработке государственной политики, обусловленное мировым экономическим кризисом. В анализируемый период государство уделяет больше внимания поддержке легкой промышленности, чтобы преодолеть последствия кризиса и стимулировать рост отрасли.

² Гребнев Л.С. Советская экономика: вид из Госплана СССР // Истоки. Экономика – «мрачная наука»? / под ред. В.С. Автономова. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. – С. 445–541.

Это может включать в себя введение новых мер поддержки, таких как субсидии, налоговые льготы и программы развития.

В современной России государственное управление легкой промышленностью осуществляют различные ведомства и органы власти, в зависимости от направления деятельности и специфики задач. Основные из них включают:

1. Министерство промышленности и торговли РФ (Минпромторг) – главное ведомство, отвечающее за разработку и реализацию государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере легкой промышленности. Минпромторг разрабатывает меры по поддержке и развитию отрасли, в том числе в области технического регулирования, стандартизации и обеспечения качества продукции.

2. Министерство экономического развития РФ – ведомство, которое занимается вопросами макроэкономического прогнозирования, инвестиционной политики и улучшения инвестиционного климата, что также важно для развития легкой промышленности.

3. Министерство финансов РФ – отвечает за формирование бюджетной политики, в том числе предоставление налоговых льгот и субсидий предприятиям легкой промышленности.

4. Российская таможенная служба – ведомство, регулирующее импорт и экспорт продукции легкой промышленности, что влияет на конкурентоспособность отечественных производителей.

5. Росстандарт (Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии) – учреждение, ответственное за стандартизацию и сертификацию продукции, включая товары легкой промышленности.

6. Роспатент (Федеральная служба по интеллектуальной собственности) – орган, занимающийся вопросами охраны прав на интеллектуальную собственность, что важно для стимулирования инноваций и защиты брендов в легкой промышленности.

7. Российский экспортный центр – организация, поддерживающая экспортную деятельность российских предприятий, в том числе тех, что работают в легкой промышленности.

8. Торгово-промышленная палата РФ – некоммерческая организация, представляющая интересы бизнеса, включая производителей легкой промышленности, в государственных органах и международных экономических отношениях.

Подводя итоги проведенного исследования, в котором была оценена динамика развития нормативно-правового регулирования и системы органов государственного управления легкой промышленности в России, необходимо сформулировать следующие выводы. Автор подчеркивает, что исторические трансформации в экономической, социальной и культурной жизни страны существенно повлияли на становление и эволюцию промышленной политики, что безусловно отразилось на государственном управлении легкой промыш-

ленностью. Работы предшествующих исследователей в основном фокусировались на изучении отдельных аспектов партийно-государственного руководства и экономических функций государства в разные исторические периоды, включая НЭП и индустриализацию. В период 90-х годов XX века промышленность прошла через значительные трансформации, обусловленные либерализацией цен, банкротством предприятий и проведением аукционов, что также существенно повлияло на легкую промышленность. В этой связи, изучение нормативно-правового регулирования и системы органов государственного управления, занимающихся регулированием легкой промышленности, представляет особую важность для понимания текущего состояния и перспектив развития отрасли.

Литература

1. Ваксберг, М.А. Государственный строй СССР М.: ЗАОЧТОРГКУРСЫ, 1929. 65С.
2. Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР: в 2 т. Л., 1957–1961.
3. Волобуева Марина Михайловна Неэффективная кадровая политика как причина дефицита инженерно-технических работников на предприятиях РСФСР в 1920–1930-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neeffectivnaya-kadrovaya-politika-kak-prichina-defitsita-inzhenerno-tehnicheskikh-rabotnikov-na-predpriyatiyah-rsfsr-v-1920-1930-e-gg> (дата обращения: 23.11.2023).
4. Гребнев Л.С. Советская экономика: вид из Госплана СССР // Истоки. Экономика – «мрачная наука»? / под ред. В.С. Автономова. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. – С. 445–541.
5. Долгин Ю.А. Государственная промышленная политика Российской Федерации в условиях рыночных реформ 1991–1999 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Долгин Юрий Анатольевич; [Место защиты: ГОУВПО «Самарский государственный университет»]. – Самара, 2008. – 202 с.: ил.
6. Канторович В.Я. Советские синдикаты. М., 1928.
7. Кочнева К.А. Министерство как орган государственного управления в 1965–1970 гг. (на материалах министерства легкой промышленности СССР) // Вестник РУДН. История России. 2008. № 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ministerstvo-kak-organ-gosudarstvennogo-upravleniya-v-1965-1970-gg-na-materialah-ministerstva-legkoj-promyshlennosti-sssr> (дата обращения: 23.11.2023).
8. Милютин В.П. История экономического развития СССР (1917–1927 гг.). М.; Л., 1928.
9. Опенкин Л.А. Сила, не ставшая революционной: Исторический опыт разработки КПСС политики в сфере науки и технического прогресса. 1917–1982 гг. Ростов-на-Дону, 1990.

10. Пашуканис Е.Б. Очерки по международному праву. М., 1935.
11. Погребинская В.А. Вторая промышленная революция // Экономический журнал. 2005. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-promyshlennaya-revolyuetsiya> (дата обращения: 23.11.2023).
12. Сарабьянов В.Н. Экономика и экономическая политика СССР М.; Л., 1926.
13. Святицкий И.В. Организация промышленности. М., 1924.
14. Сергеев С.В. Становление системы партийно-государственного управления научным и кадровым потенциалом промышленности: 1917–1941-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Сергеев Сергей Владимирович; [Место защиты: Моск. гуманитар. ун-т]. – Москва, 2012. – 280 с.: ил. РГБ ОД, 61 12–7/745.

EVOLUTION OF THE LEGAL MODEL FOR REGULATING THE LIGHT INDUSTRY

Stikina L.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This scientific article focuses on the historical development of regulatory and legal regulation and the system of state management bodies of the light industry in Russia. The aim of the study is to assess the dynamics and analyze the influence of historical transformations on the formation and evolution of industrial policy and state management within the industry. The article utilizes a comprehensive approach, including the study of historical sources, analysis of scientific literature, and comparative and systematic analysis. The research results reveal the evolution of state management of the light industry and demonstrate the impact of socio-economic changes on the regulatory and legal framework of the industry. The findings can be applied in shaping modern industrial policy and improving the mechanisms of state regulation of the light industry. The novelty lies in the comprehensive analysis of the historical evolution of industry management. The main conclusion emphasizes the significance of historical transformations for the development of state management of the light industry.

Keywords: light industry, government management, legal regulation, industrialization, industrial development.

References

1. Vaksberg, M.A. State structure of the USSR. Moscow: ZAOCH-TORGKURSY, 1929. 65 p.
2. Venediktov A.V. Organization of state industry in the USSR: in 2 volumes. Leningrad, 1957–1961.
3. Volobueva, Marina M. Ineffective personnel policy as the cause of the shortage of engineering and technical workers in the enterprises of the RSFSR in the 1920s-1930s // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2014. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neeffectivnaya-kadrovaya-politika-kak-prichina-defitsita-inzhenerno-tehnicheskikh-rabotnikov-na-predpriyatiyah-rsfsr-v-1920-1930-e-gg> (Accessed: 23.11.2023).
4. Grebnev, L.S. Soviet economy: a view from the State Planning Committee of the USSR // Origins. Economics – “the dismal science”? / Ed. by V.S. Avtonomov. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. – P. 445–541.
5. Dolgin, Y.A. State industrial policy of the Russian Federation in the conditions of market reforms 1991–1999: dissertation for the degree of candidate of historical sciences: 07.00.02 / Dolgin Yuri Anatolievich; [Place of defense: Samara State University]. – Samara, 2008. – 202 p.: ill.
6. Kantorovich, V. Ya. Soviet trade unions. Moscow, 1928.
7. Kochneva, K.A. Ministry as a government management body in 1965–1970 (based on the Ministry of Light Industry of the USSR) // RUDN Bulletin. History of Russia. 2008. No. 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ministerstvo-kak-organ-gosudarstvennogo-upravleniya-v-1965-1970-gg-na-materialah-ministerstva-legkoy-promyshlennosti-sssr> (Accessed: 23.11.2023).
8. Milyutin, V.P. History of economic development of the USSR (1917–1927). Moscow; Leningrad, 1928.
9. Openkin, L.A. Force that did not become revolutionary: Historical experience of developing the policy of the CPSU in the field of science and technical progress. 1917–1982. Rostov-on-Don, 1990.
10. Pashukanis, E.B. Essays on international law. Moscow, 1935.
11. Pogrebinskaya, V.A. Second industrial revolution // Economic Journal. 2005. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-promyshlennaya-revolyuetsiya> (Accessed: 23.11.2023).
12. Sarabyanov, V.N. Economy and economic policy of the USSR. Moscow; Leningrad, 1926.
13. Svyatitsky, I.V. Organization of industry. Moscow, 1924.
14. Sergeev, S.V. Formation of the system of party-state management by scientific and personnel potential of industry: 1917–1941: dissertation for the degree of candidate of historical sciences: 07.00.02 / Sergeev Sergey Vladimirovich; [Place of defense: Moscow State University]. – Moscow, 2012. – 280 p.: ill. RGB OD, 61 12–7/745.

Институт конституционной жалобы: сопоставительный анализ регулирования в законодательстве России и Азербайджана

Сухоруков Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
E-mail: SuhorukovS@mail.ru

В статье исследуются особенности института конституционной жалобы в Российской Федерации и Азербайджанской Республике. Проанализированы критерии подачи жалобы в органы конституционной юстиции Российской Федерации и Азербайджанской Республики. Особое внимание обращено на полномочие конституционных судов по проверке правоприменительной практики, решений иных судов на предмет соответствия конституций. Также проанализированы полномочия органа конституционной юстиции Азербайджанской Республики в случае нарушения права на судебную защиту, а также в случае необходимости защиты заявителя от неблагоприятных последствий правоприменения. Рассмотрены примеры таких дел. Исследованы особенности конституционного контроля в отношении нормативно-правовых актов органов местного самоуправления автономной административно-территориальной единицы Азербайджанской Республики (Нахчыванской Автономной Республики). Сформулированы предложения по совершенствованию института конституционной жалобы в Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционный Суд Азербайджанской Республики, органы конституционной юстиции, институт конституционной жалобы, правоприменительная практика, право на судебную защиту.

Возможность обращения с конституционной жалобой в органы конституционного контроля для населения в любом государстве является одним из важнейших факторов развития судебной системы и показателем уровня защиты населения в целом. Она определяет открытость судебной власти для разрешения насущных правовых проблем граждан [2, с. 102]. Именно посредством обращения в органы конституционного судебного контроля граждане могут найти ответ на свои вопросы о конституционности той или иной нормы права и поставить точку в вопросе о правомерности деятельности органов публичной власти (органов государственной власти и органов местного самоуправления). В этой связи исследование проблем доступности конституционного правосудия приобретает особую актуальность.

Доступ граждан к конституционному правосудию связан во многом с их возможностью обратиться к компетентному органу с соответствующим заявлением за защитой своих нарушенных прав и свобод. Ключевую роль в этом вопросе играет, прежде всего, институт конституционной жалобы. Согласно Исследованию о прямом доступе к конституционному правосудию от 2010 года именно индивидуальный доступ к конституционному правосудию выполняет основную функцию в защите конституционных прав и свобод [5]. Как справедливо отметил Председатель Конституционного Суда Азербайджанской Республики Ф. Абдуллаев, в конституционной жалобе люди видят эффективное средство, с помощью которого можно восстановить свои права, нарушенные в судах общей юрисдикции, а это свидетельствует о повышении уровня правовой культуры населения, о намерении отстаивать свои интересы [1, с. 103–104]. В Российской Федерации и Азербайджанской Республике индивидуальный доступ к правосудию обеспечивается посредством конституционной жалобы. В науке конституционного права выделяют полную конституционную жалобу и частичную конституционную жалобу [5]. Полная конституционная жалоба означает, что заявитель может обжаловать нормативно-правовые акты органов публичной власти, правоприменительные решения данных органов и судов, а также действия (бездействие) должностных лиц на предмет соответствия конституции. Частичная конституционная жалоба означает, что заявитель может обжаловать, как правило, только нормативно-правовые акты органов публичной власти на предмет соответствия конституции. Азербайджанская Республика является одним из немногих примеров стран СНГ, где реализован

институт полной конституционной жалобы. В этой связи сравнение института конституционной жалобы в Российской Федерации и Азербайджанской Республике особо значимо для определения вариантов совершенствования института конституционной жалобы в нашей стране.

В Российской Федерации каждый имеет возможность напрямую обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение своих конституционных прав и свобод неконституционным нормативно-правовым актом органов государственной власти (федеральных и региональных) [8]. В рамках данной процедуры Конституционный Суд РФ принимает решение о конституционности или неконституционности данного нормативно-правового акта, примененного в конкретном деле (рассмотрение дела в суде общей юрисдикции или арбитражном суде). Последние изменения в ФКЗ «О Конституционном Суде (ст. 97) от 2020 года ввели своеобразный срок исковой давности – 1 год с момента принятия решения суда, а также установили обязательное условие об исчерпании всех внутригосударственных средств судебной защиты прав заявителя (по аналогии с международными правозащитными органами), что должно сократить число жалоб, подаваемых в Конституционный Суд РФ. Во многом данные поправки связаны с тем, что почти 90% обращений, которые рассматривает Конституционный Суд РФ, это жалобы граждан и объединений граждан (в т.ч. юридических лиц) на нарушение их прав и свобод [12], и орган конституционной юстиции перегружен рассмотрением данных жалоб.

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ выполняет важную правозащитную функцию, большей части заявителей, как правило, отказывают в принятии жалоб к рассмотрению. Зачастую это связано с несоблюдением заявителями формальных требований к составлению жалоб, предусмотренных ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». Поэтому введение в силу данных поправок призвано сократить число необоснованных жалоб в Конституционный Суд РФ.

Согласно ч. 5 ст. 130 Конституции Азербайджанской Республики от 12.11.1995 каждый вправе в установленном законом порядке обжаловать в Конституционный Суд Азербайджанской Республики не только нормативно-правовые акты органов публичной власти, но и решения судов, нарушающие его права и свободы [6]. Отличительной особенностью обращений граждан с конституционной жалобой в Азербайджанской Республике является значительно более широкий перечень нормативно-правовых актов, которые могут обжаловать граждане Азербайджанской Республики, иностранные граждане и лица без гражданства. Например, помимо любых нормативно-правовых актов органов публичной власти (органов государственной власти и органов местного самоуправления), это могут быть решения Верховного Суда Азербайджанской Республики, нарушающие права и свободы заявителя. Отметим, что поскольку Азербайд-

жанская Республика является унитарным государством с автономией, то обжалованию подлежат, в том числе нормативно-правовые акты Нахчыванской Автономной Республики. Причем Конституционный Суд Азербайджанской Республики проверяет нормативно-правовые акты органов местного самоуправления данного субъекта государства не только на предмет соответствия Конституции Азербайджанской Республики, но и Конституции Нахчыванской Автономной Республики. Также отличительной особенностью является то, что Конституционный Суд Азербайджанской Республики выполняет функции не только конституционного нормоконтроля, но и обычного нормоконтроля. То есть проверяет нормативно-правовые акты органов государственной власти и органов местного самоуправления на предмет соответствия более высоким по юридической силе нормативно-правовым актам. Например, нормативно-правовые акты органов местного самоуправления проверяются на предмет соответствия законам, указам Президента Азербайджанской Республики и постановлениям Кабинета Министров Азербайджанской Республики. При этом Конституция и Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» от 23.12.2003 № 561-IIQ [4] не определяют, в каком порядке могут быть обжалованы данные нормативно-правовые акты: в порядке абстрактного или конкретного нормоконтроля.

В связи с изменениями территориально-государственного устройства (изменением статуса Нагорно-Карабахской Республики, которая длительное время заявляла о своей независимости от Азербайджанской Республики) возникает проблема распространения юрисдикции Конституционного Суда Азербайджанской Республики на нормативно-правовые акты, принятые органами публичной власти данной республики, в частности возникает проблема возможности обращения с конституционной жалобой жителей, проживающих в Нагорно-Карабахской Республике, в орган конституционной юстиции. Представляется, что пока четко не будет определен статус данной республики в нормативно-правовых актах, в том числе конституционных, до тех пор расширение юрисдикции Конституционного Суда Азербайджанской Республики в этой сфере будет проблематичным.

Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» подробно регламентирует процедуру рассмотрения жалоб о соответствии решений Верховного Суда Конституции и законам Азербайджанской Республики, что существенно отличается от полномочий Конституционного Суда РФ, который правомочен проверять только конституционность нормативно-правовых актов, примененных в конкретном деле. Отметим, что до конституционной реформы в 2020 году (поправки в Конституцию РФ от 14.03.2020 одобрены на общероссийском голосовании 01.07.2020) в Конституционный Суд РФ заявитель мог обратиться с жалобой на неконституционность законов (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ) и в некоторых

случаях нормативно-правовых актов Президента РФ, Правительства РФ и Государственной Думы РФ (данное полномочие признавалось за Конституционным Судом РФ исходя из правовых позиций органа конституционной юстиции: Постановления Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П, 27.01.2004 № 1-П, Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 и др.). Однако после конституционной реформы в 2020 году в ч. 4 ст. 125 Конституции РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми в Конституционный Суд РФ в настоящее время допускается обжалование не только законов и подзаконных нормативно-правовых актов федерального уровня, но также конституций (уставов), законов и других нормативно-правовых актов субъектов РФ (п. «а» ч. 4 ст. 125 Конституции РФ). В связи с этим, следует отметить одну особенность, что обжалование нормативно-правовых актов субъектов РФ допускается только по предметам исключительного ведения РФ и совместного ведения РФ и субъектов РФ. Нормативно-правовые акты по предметам исключительного ведения субъектов РФ (например, вопросы, связанные с административно-территориальным устройством, социально-экономическим развитием субъекта РФ, официальными символами, развитием и защитой национальной культуры и языка субъекта РФ и т.д.) по-прежнему не могут быть обжалованы в Конституционный Суд РФ. Несмотря на то, что в соответствии с ч. 6 ст. 76 Конституции РФ в случае противоречия между нормативно-правовым актом субъекта РФ, принятого по предметам исключительного ведения субъекта РФ, и федеральным законом, действует нормативно-правовой акт субъекта РФ, тем не менее, Конституция РФ обладает приоритетом над данными нормативно-правовыми актами субъекта РФ. Полагаем, что в целях сохранения стабильного прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации, а также обеспечения единого конституционно-правового пространства и более эффективной защиты прав и свобод нормативно-правовые акты субъектов РФ по предметам исключительного ведения РФ также должны являться предметом конституционного контроля.

Отметим, что в Азербайджанской Республике граждане (иностранцы граждане и лица без гражданства) обращаются с жалобами о неконституционности решений Верховного Суда Азербайджанской Республики по различным вопросам (например, Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 05.10.2012 [10], 06.04.2021 [11] и т.д.). Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» устанавливает соответствующие критерии для подачи данной жалобы. В редакции до изменения, статья 34.2 Закона содержала конкретные основания проверки решений судебных органов на предмет соответствия конституции, очень похожие на те основания, которые используются для проверки решений судов нижестоящих инстанций в порядке арбитражного, гражданского, административного судебно-

го производства. Согласно ст. 34.2 Закона в новой редакции (от 14.07.2023 № 981-VIQD) рассмотрение Конституционным Судом жалобы допускается в случае, когда обжалуемое постановление Верховного Суда Азербайджанской Республики основывается на нормативном правовом акте, не соответствующем Конституции или законам Азербайджанской Республики.

В этой связи, обратим внимание на такой момент: возможность обращения в Конституционный Суд Азербайджанской Республики предусмотрена только после использования всех средств судебной защиты. Данное положение сближает его с положениями международных договоров, регламентирующих возможность обжалования решений судов в международные судебные органы. В Российской Федерации действует аналогичный порядок. Несмотря на то, что предельный срок, в течение которого может быть подана жалоба заявителем в Конституционный Суд в Азербайджанской Республике меньше (6 месяцев и 3 месяца (в случае нарушения права на судебную защиту)), чем в Российской Федерации (1 год), данное положение компенсируется возможностью обжалования в Конституционный Суд Азербайджанской Республики не только нормативно-правовых актов, но и правоприменительной практики, что не характерно для обращений в Конституционный Суд РФ.

В научной литературе также обсуждается вопрос о возможности проверки Конституционным Судом РФ судебной практики на предмет соответствия Конституции РФ [3; 7]. Так, А.Н. Кокотов полагает, что наделение Конституционного Суда РФ полномочием по рассмотрению жалоб граждан на нарушение их конституционных прав и свобод решениями иных судов нецелесообразно, поскольку это повлечет усиление противоречий между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, а также росту процессуальной нагрузки на Конституционный Суд РФ, что негативно отразится на реализации полномочия Конституционного Суда РФ по проверке нормативных правовых актов. В связи с этим, им предлагается выделить высшую инстанцию в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в частности наделить полномочием по проверке решений судов на предмет соответствия Конституции РФ Президиум Верховного Суда РФ в качестве такой высшей инстанции, либо выделить в структуре Верховного Суда РФ Конституционное присутствие [3, с. 113–114]. Полагаем возможным согласиться с данной позицией. Однако отметим, что Конституционный Суд РФ должен сохранить статус высшего судебного органа, осуществляющего конституционный контроль, поскольку именно правоприменительная практика наиболее полно раскрывает содержание законов и иных нормативно-правовых актов в сфере общественных отношений. Поэтому рассмотрение судебной практики как предмет конституционного контроля представляет особую важность. В связи с этим, целесообразно наделить полномочием Конституционный Суд РФ по рассмотрению решений

Верховного Суда РФ по проверке судебной практики нижестоящих судов на предмет соответствия Конституции РФ (по аналогии с Конституционным Судом Азербайджанской Республики).

Также с положительной точки зрения можно отметить то, что Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» предусматривает возможность обращения в Конституционный Суд с жалобой на нарушение права на судебную защиту. Показательным в этом отношении является дело Саялы Мохуб гызы Теймуровой (Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 13.07.2009) [9], которая была незаконно выселена из служебной квартиры. В процессе судебного обжалования она обратилась в Верховный Суд Азербайджанской Республики, который отказался выносить мотивированное постановление при рассмотрении заявления данной гражданки по вновь открывшимся обстоятельствам. Предметом рассмотрения в этом случае в Конституционном Суде были действия Пленума Верховного Суда по направлению заявительнице писем вместо принятия соответствующего постановления. По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд Азербайджанской Республики постановил обязать рассмотреть Верховный Суд Азербайджанской Республики заявление С. Теймуровой по вновь открывшимся обстоятельствам и принять решение в соответствии с действующим гражданско-процессуальным законодательством. Полагаем, что опыт Азербайджанской Республики можно было бы использовать и при разрешении дел в Российской Федерации, тем более, что в нашей стране также существует случаи отказа в судебной защите.

Еще одним важным полномочием Конституционного Суда Азербайджанской Республики является возможность непосредственного обращения в Конституционный Суд, минуя обязательные стадии иных судебных органов, в случае, если в результате нарушения прав и свобод предотвращение через другие суды причинения заявителю тяжелого и непоправимого ущерба не представляется возможным. Это, по сути, оперативная мера, которую заявитель может использовать в случае медлительности органов публичной власти или необоснованных отказов в судебной защите нарушенного права. Однако здесь возникает проблема, что конкретно будет оценивать суд на предмет соответствия Конституции: нормативно-правовой акт или действия (бездействия) органов публичной власти. Представляется, что предметом рассмотрения в Конституционном Суде в этом случае могут быть и действия (бездействия) органов публичной власти, должностного лица, и нормативно-правовые акты, изданные данными органами как противоречащие Конституции и ее законам. В этом случае мы можем говорить о несвойственной функции, которую выполняет Конституционный Суд Азербайджанской Республики в сфере конституционного контроля, что отчасти сближает его с процедурой рассмотрения дел «ампаро» в латиноамериканских странах.

Однако осуществление данной функции, на наш взгляд, наиболее полно обеспечивает защиту прав и свобод граждан в случае, когда иные органы власти бессильны. Представляется, что данное полномочие можно было бы также закрепить за Конституционным Судом РФ в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Таким образом, Конституционный Суд Азербайджанской Республики является наивысшим судебным органом, в том числе и по отношению к Верховному Суду, решения которого на основании решений Конституционного Суда могут признаваться не имеющими юридической силы.

В заключение отметим, что круг полномочий Конституционного Суда Азербайджанской Республики по защите прав и свобод человека и гражданина шире, чем Конституционного Суда РФ, за счет включения таких полномочий, как проверка судебных решений, возможность обращения в Конституционный Суд в случае нарушения права на судебную защиту, возможность непосредственного обращения в Конституционный Суд в случае необходимости предотвращения причинения заявителю тяжелого и непоправимого ущерба и т.д. Возможность граждан напрямую обращаться с жалобами о неконституционности судебной практики в Азербайджанской Республике посредством института конституционной жалобы, является гарантией того, что права человека и гражданина будут защищены в наиболее полном объеме, поскольку именно нормативно-правовые акты, а также судебная практика, содержащая применение данных нормативно-правовых актов, являются основными и важнейшими факторами, оказывающими значительное воздействие на регулирование общественных отношений. Полагаем, что расширение компетенции Конституционного Суда РФ за счет включения в его компетенцию вышеназванных полномочий (т.е. внедрение института полной конституционной жалобы), в современных условиях способствовало бы усилению правозащитной функции органа конституционной юстиции.

Литература

1. Абдуллаев Ф. Прямой доступ граждан к конституционному правосудию в Азербайджане // Конституционное правосудие. 2005. № 2(28). С. 103–104.
2. Абросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М.: Институт права и публичной политики, 2002. 160 с.
3. Гражданин и власть: монография / С.А. Авакьян, Д.А. Авдеев, Е.Ф. Гладун и др.; под ред. Г.Н. Чеботарева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. 172 с.
4. Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» от 23.12.2003 № 561-IIQ //

URL: <https://constcourt.gov.az/ru/legislation/30> (дата обращения: 25.09.2023).

5. Исследование о прямом доступе к конституционному правосудию (принято на 85 пленарном заседании Венецианской Комиссии, Венеция, 17–18 декабря 2010 года) // URL: <http://www.concourt.am/armenian/news/doc/CDL-AD-2010-039-ru.pdf> (дата обращения: 25.09.2023).
6. Конституция Азербайджанской Республики от 12.11.1995 // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/legislation/52> (дата обращения: 25.09.2023).
7. Кравченко Д. Нам нужен «Российский Европейский суд» // Новая адвокатская газета. 2015. 23 декабря.
8. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
9. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 13.07.2009 // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/decision/1353> (дата обращения: 25.09.2023).
10. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 05.10.2012 // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/decision/810> (дата обращения: 25.09.2023).
11. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 06.04.2021 // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/decision/1288> (дата обращения: 25.09.2023).
12. Статистика по обращениям в Конституционный Суд РФ. URL: <https://ksrf.ru/ru/Petition/Pages/StatisticDef.aspx> (дата обращения: 25.09.2023).

INSTITUTE OF CONSTITUTIONAL COMPLAINT: COMPARATIVE ANALYSIS OF REGULATION IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND AZERBAIJAN

Suhorukov A.S.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article examines the features of the institution of constitutional complaint in the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan. The criteria for filing a complaint to the constitutional justice bodies of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan are analyzed. Particular attention is paid to the authority of the constitutional

courts to check law enforcement practice, decisions of other courts for compliance with constitutions. The author also analyzes the powers of the constitutional justice body of the Republic of Azerbaijan in case of violation of the right to judicial protection, as well as in case of the need to protect the applicant from the adverse consequences of law enforcement. Examples of such cases are considered. The features of constitutional control in relation to normative legal acts of local self-government bodies of the autonomous administrative-territorial unit of the Republic of Azerbaijan (Nakhchivan Autonomous Republic) are investigated. Proposals for improving the current legislation are formulated.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, constitutional justice bodies, institute of constitutional complaint, law enforcement practice, right to judicial protection.

References

1. Abdullaev F. Direct access of citizens to constitutional justice in Azerbaijan // *Constitutional Justice*. 2005. No. 2(28). pp. 103–104.
2. Abrosimova E.B. *Judicial power in the Russian Federation: system and principles*. Moscow: Institute of Law and Public Policy, 2002. 160 p.
3. *Citizen and Power: monograph* / S.A. Avakian, D.A. Avdeev, E.F. Gladun, etc.; edited by G.N. Chebotarev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Tyumen State University, Institute of State and Law. Tyumen: TSU-Press, 2023. 172 p.
4. The Law of the Republic of Azerbaijan «On the Constitutional Court» of 23.12.2003 No. 561-IIQ // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/legislation/30> (accessed: 25.09.2023).
5. Research on direct access to constitutional justice (adopted at the 85th plenary session of the Venice Commission, Venice, December 17–18, 2010) // URL: <http://www.concourt.am/armenian/news/doc/CDL-AD-2010-039-ru.pdf> (accessed: 25.09.2023).
6. Constitution of the Republic of Azerbaijan of 12.11.1995 // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/legislation/52> (accessed: 25.09.2023).
7. Kravchenko D. We need the «Russian European Court» // *Novaya Advocate* newspaper. 2015. December 23.
8. On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 21.07.1994 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 13. St. 1447.
9. Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan of 13.07.2009 // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/decision/1353> (accessed: 25.09.2023).
10. Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan of 05.10.2012 // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/decision/810> (accessed: 25.09.2023).
11. Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan of 06.04.2021 // URL: <https://constcourt.gov.az/ru/decision/1288> (accessed: 25.09.2023).
12. Statistics on appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://ksrf.ru/ru/Petition/Pages/StatisticDef.aspx> (accessed: 25.09.2023).

К дискуссии о некоторых вопросах участия прокурора в рассмотрении и разрешении дел социально незащищенных граждан судами общей юрисдикции

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Статья посвящена вопросам участия прокурора в рассмотрении и разрешении дел социально незащищенных граждан судами общей юрисдикции в рамках гражданского судопроизводства. Отмечается, что прокурорская практика позволяет определить следующие основные группы социально незащищенных граждан (приоритетные субъекты особой защиты со стороны органов прокуратуры): несовершеннолетние дети и дети-сироты; ветераны, инвалиды, пенсионеры, многодетные семьи и малоимущие граждане и т.п.; безработные; нетрудоустроенные работники, уволенные в связи с сокращением штата; члены семей погибших (умерших) работников. Согласно статическим сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2021 и 2022 годы прокурорами в суд было подано более 80 тысяч исковых заявлений по вопросам защиты и восстановления прав несовершеннолетних детей, что свидетельствует об активной работе в данном правовом аспекте, который иллюстрирует наглядно реализацию уникального права прокурора на обращение в суд с последующим участием в судебном процессе в качестве «второго» истца. Подчеркивается необходимость реформаций законодательства Российской Федерации, которые позволят регламентировать процессуальный статус прокурора в рассмотрении и разрешении названных дел, повышая эффективность работы прокуратуры РФ в целом.

Ключевые слова: прокуратура; гражданское судопроизводство; процессуальный статус прокурора; исковое заявление; социально незащищенные граждане.

Основополагающими нормативными правовыми актами для прокурора, участвующего в судебном процессе по вопросам защиты социально незащищенных граждан, являются Конституция РФ, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Гражданский процессуальный кодекс РФ, приказ Генерального прокурора РФ от 11 января 2021 года № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», приказ Генерального прокурора РФ от 13 декабря 2021 года № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов», приказ Генерального прокурора РФ от 23 января 2018 года № 24 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства о социальной защите и социальном обслуживании инвалидов», а также другие федеральные законы и международные нормативные правовые акты.

Согласно статье 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры функционируют на основании единства и централизации, осуществляя надзор за соблюдением положений Конституции РФ и исполнением федерального законодательства, реализовывая полномочия в рамках иных направлений своей работы. Участие прокурора в рассмотрении дел судами (в различных формах судопроизводства) отнесено к ненадзорному направлению.

Согласно Конституции Российской Федерации, любой гражданин, независимо от его социального статуса и положения, вправе получить от государства защиту его интересов и свобод [1]. Соответственно, оказание юридической помощи и отстаивание интересов лиц, особенно социально незащищенных категорий, – является важнейшей задачей, стоящей перед органами прокуратуры Российской Федерации.

В правовых актах Российской Федерации нет четкого определения содержательного наполнения категории «социально-незащищенные» или «социально незащищенные» граждане. В судебной практике данная лингвистическая конструкция толкуется, исходя из конкретных сложившихся общественных отношений.

В большинстве случаев социально незащищенные лица – это граждане, которым по разным причинам (состояние здоровья, возраст, сложные социальные обстоятельства и пр.) требуется государственная поддержка, доход лица не учитывается при установлении принадлежности к данной социальной категории.

Прокурорская практика позволяет определить следующие основные группы социально незащищенных граждан (приоритетные субъекты особой защиты со стороны органов прокуратуры):

1. несовершеннолетние дети и дети-сироты;
2. ветераны, инвалиды, пенсионеры, многодетные семьи и малоимущие граждане и т.п.;
3. безработные; нетрудоустроенные работники, уволенные в связи с сокращением штата; члены семей погибших (умерших) работников.

В целях осуществления действенной защиты конституционных прав и свобод вышеперечисленных граждан в судебном порядке перед прокурором ставятся две базовые задачи [2]:

1. обеспечить реализацию гарантий и оперативно восстановить нарушенные права, свободы, интересы;
2. неуклонно следить за соблюдением режима законности во время судебного разбирательства.

Согласно Конституции РФ государство гарантирует поддержку инвалидов, пожилых граждан, семьи и детства через проведение комплекса мероприятий, в том числе и превентивного характера.

В качестве одного из ключевых правовых средств, используемых прокурором для реализации возложенных задач и достижения целей по обеспечению верховенства закона, защиты прав и свобод личности, является его участие в гражданском судопроизводстве.

Согласно статистическим сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2021–2022 годы (табл. 1), прокурорами в суд было подано более 80 тысяч исковых заявлений по вопросам защиты и восстановления прав несовершеннолетних детей [5], что свидетельствует об активной работе в данном правовом аспекте, который иллюстрирует наглядно реализацию уникального права прокурора на обращение в суд с последующим участием в судебном процессе в качестве «второго» истца [3].

Таблица 1. Статистические сведения о правонарушениях в сфере соблюдения прав и свобод несовершеннолетних лиц за 2021, 2022 гг.

Наименование показателя	2021 г.	2022 г.	% (+;-)
Обнаруженных правонарушений	758 896	792 894	4,4
Заявления, иски, удовлетворенные в судах	93 112	88 669	-4,7
Направлено представлений	174 886	190 364	8,8
привлечено к дисциплинарной ответственности лиц	169 941	174 452	2,6
привлечено к административной ответственности лиц	31 024	31 801	2,4
Направлено в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	2 648	2 597	-1,8
ВУД	2 520	2 427	-3,6

Положения ст. 45 ГПК РФ устанавливают процессуальный статус прокурора, участвующего в судебном процессе, его полномочия и ограни-

чения. Однако, исключениями из упомянутой нормы являются случаи нарушений прав, свобод и законных интересов гражданина в области трудовой деятельности; семейного права; гарантий в части предоставления социального жилого помещения; права и свободы в области здравоохранения; права на образование и обеспечения экологических прав гражданина.

Наибольшее распространение получила позиция, согласно которой прокурор обладает статусом самостоятельного участника гражданского процесса[4].

Вместе с тем, вопрос о строгом законодательном закреплении процессуального статуса прокурора требует большего внимания, его разрешение положит конец многочисленным научным дискуссиям, расхождениям в правоприменительной практике.

К примеру, судьей Петровского районного суда Ставропольского края Мишиным А.А., удовлетворены иски о признании незаконным решения Управления Пенсионного фонда Российской Федерации по Петровскому городскому округу об отказе в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца, и возложить обязанность по назначению пенсии по потере кормильца названному лицу. Вынесенное решение об отказе в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца судом признано незаконным. В связи с требованиями пункта 3 части 5 статьи 22 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» Управление Пенсионного фонда Российской Федерации по Петровскому городскому округу обязано назначить несовершеннолетней пенсию по случаю потери кормильца [6].

Прокурор является неотъемлемым участником судебного процесса, так как он выступает в качестве защиты прав, интересов и свобод социально незащищенных граждан Российской Федерации.

Обобщая имеющийся объем информации по представленной тематике, возможно прийти к выводу о необходимости внесения изменений в законодательство РФ в части, касающейся уточнения статуса прокурора, участвующего в гражданском судопроизводстве, в правовое регулирование на уровне организационно-распорядительных документов Генерального прокурора РФ в формате издания самостоятельного приказа, разъясняющего полномочия и функционал прокурора в процессе его участия в рассмотрении и решении дел социально незащищенных граждан судами Российской Федерации.

Обозначенные и иные законодательные реформации позволяют регламентировать процессуальный статус прокурора в рассмотрении и разрешении названных дел, повышая эффективность работы прокуратуры РФ в целом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, № 47, ст. 4472
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве». // «Законность», № 2, 2021 г.
4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов». // «Законность», № 1, 2022 г.
5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.01.2018 № 24 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства о социальной защите и социальном обслуживании инвалидов». // «Законность», № 2, 2018 г.
6. Богданова Т.В., Рыбальченко А.А. Защита прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Законность. 2011. № 6. С. 16–20
7. Могилевский Г.А., Байтниц А.А., Шпирюкова В.С. Процессуальное положение прокурора при рассмотрении и разрешении гражданских дел в судах общей юрисдикции // Colloquium.2020. № 6–6 (58). С. 44–46
8. Электронный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980>
9. Обзор решений судов общей юрисдикции: решение № 2–945/2020 2–945/2020–М-924/2020 М-924/2020 от 28 октября 2020 г. по делу № 2–945/2020.

TO THE DISCUSSION ABOUT SOME ISSUES OF THE PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CONSIDERATION AND RESOLUTION OF CASES OF SOCIALLY VULNERABLE CITIZENS BY COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Potapova L.V.

Ural State Law University named after V.F. Yakovleva

The article discusses the role of the prosecutor in the consideration and resolution of cases involving socially vulnerable citizens in civil proceedings. The article identifies several groups of socially vulnerable citizens, including minors, veterans, disabled individuals, pensioners, large families, low-income citizens, unemployed individuals, and family members of deceased workers. The article notes that the General Prosecutor's Office of the Russian Federation has filed over 80 thousand claims in court to protect and restore the rights of minor children in 2021 and 2022, demonstrating the active role of the prosecutor in this legal aspect. The article emphasizes the need for legislative reforms to regulate the procedural status of the prosecutor in these cases and increase the efficiency of the prosecutor's office in Russia.

Keywords: prosecutor's office; civil proceedings; procedural status of the prosecutor; statement of claim; socially vulnerable citizens.

References

1. Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 № 6- FKZ, dated December 30, 2008 № 7-FKZ, dated February 5, 2014 № 2-FKZ, dated July 21, 2014 № 11-FKZ // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014
2. Federal Law of January 17, 1992 № 2202–1 (as amended on December 31, 2017) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", November 20, 1995, № 47, Art. 4472
3. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated January 11, 2021 No. 2 "On ensuring the participation of prosecutors in civil and administrative proceedings." // "Legality", № 2, 2021
4. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated December 13, 2021 No. 744 "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on minors, compliance with their rights and legitimate interests." // "Legality", № 1, 2022
5. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated January 23, 2018 No. 24 "On strengthening prosecutorial supervision over the implementation of legislation on social protection and social services for people with disabilities." // "Legality", № 2, 2018
6. Bogdanova T.V., Rybalchenko A.A. Protection of the rights of minors in civil proceedings // Legality. 2011. No. 6. P. 16–20
7. Mogilevsky G.A., Baytnits A.A., Shpiryukova V.S. Procedural position of the prosecutor when considering and resolving civil cases in courts of general jurisdiction // Colloquium.2020. No. 6–6 (58). pp. 44–46
8. Electronic website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980>
9. Review of decisions of courts of general jurisdiction: decision No. 2–945/2020 2–945/2020–М-924/2020 М-924/2020 dated October 28, 2020 in case No. 2–945/2020.

Исследование мер поддержки субъектов национальной платежной системы в условиях экономических санкций

Хамидулина Светлана Григорьевна,

магистрант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: khamidulina_s@mail.ru

В данной научной статье проводится всесторонний анализ мер поддержки субъектов национальной платежной системы Российской Федерации в условиях экономических санкций. Исследование охватывает теоретические аспекты национальной платежной системы, включая её определение, структуру и роль в экономике страны. Особое внимание уделяется анализу влияния международных экономических санкций на функционирование и стабильность платежной системы, а также рассматриваются международные примеры поддержки национальных платежных систем. В статье представлены конкретные меры поддержки, реализованные в России, включая усиление роли Центрального банка РФ, регулирование валютных операций и развитие внутренних технологических решений. Также обсуждаются основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются субъекты платежной системы, и предлагаются рекомендации по улучшению механизмов поддержки. Исследование подчеркивает необходимость комплексного и многоаспектного подхода к поддержке национальной платежной системы для обеспечения её устойчивости и развития в условиях экономических санкций.

Ключевые слова: национальная платежная система, экономические санкции, финансовая стабильность, Центральный банк РФ, валютное регулирование, меры поддержки.

Введение

В современном мире, где глобализация экономических процессов играет ключевую роль, национальные платежные системы становятся неотъемлемой частью финансовой стабильности и экономического развития стран. Особую актуальность приобретает вопрос поддержки национальных платежных систем в условиях экономических санкций, которые могут оказывать значительное влияние на финансовую инфраструктуру и экономическое благополучие страны. В этом контексте, Российская Федерация, столкнувшаяся с рядом международных санкций, представляет интерес для изучения мер поддержки, направленных на укрепление и развитие национальной платежной системы.

Цель данной статьи – исследовать и систематизировать меры поддержки, принимаемые Российской Федерацией в ответ на экономические санкции, с целью обеспечения стабильности и эффективности национальной платежной системы. В статье рассматриваются как теоретические аспекты функционирования национальной платежной системы, так и практические меры, реализуемые на государственном уровне. Особое внимание уделяется анализу влияния международных экономических санкций на функционирование платежной системы и разработке стратегий для минимизации негативных последствий.

Основная часть

На основании Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» национальная платежная система Российской Федерации (НПС) представляет собой совокупность организаций и инфраструктуры, обеспечивающих осуществление платежей. В её структуру входят платежные системы, операторы платежных систем, платежные инфраструктуры, а также участники платежных систем, включая банки и небанковские финансовые организации. [1]

Структура НПС организована таким образом, чтобы обеспечить эффективное и безопасное выполнение платежных операций внутри страны, а также с международным участием. Основной функционирования НПС является принцип недискриминации участников, что гарантируется статьей 4 вышеуказанного закона.

Национальная платежная система играет ключевую роль в экономической стабильности и развитии Российской Федерации. Она обеспечивает циркуляцию денежных средств в экономике, что является неотъемлемой частью всех экономических

процессов. Согласно статье 1 Федерального закона № 161-ФЗ, НПС направлена на обеспечение устойчивости и развития платежной системы страны, что в свою очередь способствует укреплению финансовой системы и экономическому росту. [1]

Эффективная работа НПС способствует ускорению платежных операций, снижению транзакционных издержек, повышению прозрачности финансовых потоков и укреплению доверия к финансовой системе страны.

Финансовые санкции против Российской Федерации заключаются в ограничениях, наложенных на доступ к международным финансовым рынкам и услугам. Это включает в себя запреты на долгосрочное кредитование российских государственных банков и компаний, а также ограничения на торговлю определенными видами ценных бумаг на международных рынках. Примером может служить запрет на приобретение новых выпусков облигаций и акций государственных банков России, введенный Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки.

Кроме того, введены меры по замораживанию активов и запрету на транзакции с определенными лицами и организациями. Эти меры направлены на ограничение финансовых возможностей лиц, причастных к действиям, которые считаются нарушающими международное право или угрожающими суверенитету и территориальной целостности других государств.

Торговые санкции включают в себя ограничения на экспорт и импорт определенных товаров и услуг. Примером могут служить ограничения на экспорт в Россию высокотехнологичного оборудования и технологий, которые могут быть использованы в военных или оборонных целях. Также существуют ограничения на импорт определенных товаров из России, например, на нефтепродукты, что направлено на уменьшение экспортных доходов страны.

Технологические санкции заключаются в запрете на передачу определенных видов технологий и программного обеспечения, которые могут быть использованы в стратегически важных отраслях, таких как оборона, космическая промышленность и энергетика. Это ограничивает возможности России в области развития собственных технологий и модернизации промышленности.

Персональные санкции направлены на отдельных граждан и должностных лиц, ограничивая их возможности путешествовать и вести бизнес на международном уровне. Это включает в себя запреты на въезд в определенные страны, а также замораживание иностранных активов. Персональные санкции часто применяются в отношении лиц, которые считаются ответственными за нарушения международного права или политику, противоречащую интересам санкционирующих государств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что санкции оказывают значительное влияние на экономику России, ограничивая доступ к международным рынкам, технологиям и финансовым ресур-

сам. В ответ на эти вызовы, Российская Федерация принимает меры по адаптации своей экономики и поиску альтернативных путей развития, в том числе через развитие внутренних рынков и технологий, а также укрепление экономических связей с другими странами.

В соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Центральный банк Российской Федерации занимает центральное место в системе регулирования и поддержки национальной платежной системы. [2] Роль Центрального банка в этом контексте не ограничивается традиционными функциями регулятора, но также включает в себя ряд ключевых аспектов, направленных на обеспечение финансовой стабильности и устойчивости экономики страны.

Одной из основных функций Центрального банка является проведение монетарной политики, целью которой является поддержание стабильности национальной валюты и контроль инфляции. В условиях экономических санкций и внешних финансовых шоков, эта функция приобретает особую актуальность, поскольку позволяет смягчить негативные последствия для национальной экономики. [6] Центральный банк осуществляет регулирование денежной массы в обращении, устанавливает ключевую ставку, которая влияет на процентные ставки по кредитам и депозитам в коммерческих банках, и проводит операции на открытом рынке для регулирования ликвидности банковского сектора.

На основании Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» российские экспортеры обязаны возвращать валютную выручку в Россию. Это говорит о том, что доля выручки от международной торговли, полученная в иностранной валюте, должна быть конвертирована в рубли и возвращена на счета в российских банках в установленные законом сроки. [3] Эта мера направлена на увеличение валютных резервов страны и поддержание стабильности национальной валюты. Закон также вводит ряд ограничений на валютные транзакции, в том числе на переводы за границу и обмен валюты. Эти ограничения включают лимиты на суммы, которые можно перевести или обменять, а также требования к документации и отчетности по таким операциям.

Одной из ключевых мер, направленных на поддержку субъектов национальной платежной системы, является создание и развитие платежной системы «Мир», предусмотренное Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Эта система была разработана как альтернатива иностранным платежным системам, таким как Visa и MasterCard, и направлена на уменьшение зависимости от иностранных финансовых инструментов. [4] С момента ее введения, система «Мир» значительно расширилась, обеспечивая широкий спектр финансовых услуг, включая дебетовые и кредитные карты, онлайн-платежи и переводы.

В ответ на угрозы кибербезопасности, связанные с международными санкциями, были приняты меры по укреплению защиты критической информационной инфраструктуры, включая платежные системы. Эти меры регулируются Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Закон предусматривает создание системы обнаружения, предотвращения и устранения последствий кибератак, а также обязывает операторов критической инфраструктуры проводить регулярные проверки безопасности и обновлять свои системы защиты. [5]

Субъекты национальной платежной системы Российской Федерации сталкиваются с рядом сложных проблем и вызовов, которые требуют комплексного подхода к их решению. Одним из ключевых аспектов является интеграция новых технологий в платежные системы. Это не только вопрос внедрения инновационных решений, но и обеспечение их совместимости с существующими системами. [7] Такая интеграция требует значительных инвестиций, как финансовых, так и временных, и включает в себя разработку новых технических стандартов, обновление программного обеспечения и оборудования, а также обучение персонала.

Второй важной проблемой являются регуляторные барьеры. Субъекты платежной системы должны постоянно адаптироваться к изменениям в законодательстве и требованиям регуляторов, что может быть особенно сложно в условиях быстро меняющейся экономической и политической ситуации. Это требует глубокого понимания правовой среды, а также гибкости в управлении бизнес-процессами, чтобы соответствовать новым нормативным требованиям. [8]

Третья значимая проблема – экономические риски. Эти риски связаны с волатильностью финансовых рынков, колебаниями курсов валют, а также изменениями в экономической политике, которые могут оказывать прямое влияние на стабильность и эффективность работы платежных систем. Управление этими рисками требует разработки эффективных стратегий риск-менеджмента, включая диверсификацию активов, хеджирование валютных рисков и мониторинг изменений в экономической среде.

Для улучшения механизмов поддержки субъектов национальной платежной системы в Российской Федерации, особенно в контексте текущих экономических и технологических вызовов, необходимо принять комплекс мер, ориентированных на развитие внутреннего рынка, гибкость регулирования, повышение уровня финансовой грамотности и активизацию международного сотрудничества. [9]

Первым шагом является стимулирование разработки и внедрения отечественных технологических решений в сфере платежных систем. Это включает в себя поддержку инновационных проектов и стартапов, работающих в данной области, а также создание благоприятных условий для ис-

следований и разработок в сфере финансовых технологий. Такие меры помогут снизить зависимость от иностранных технологий и укрепить технологическую безопасность страны.

Второй важный аспект – это гибкое регулирование. Необходимо адаптировать нормативно-правовую базу таким образом, чтобы она соответствовала быстро меняющейся технологической и экономической среде. Это предполагает регулярный пересмотр и обновление законодательства, упрощение процедур лицензирования и контроля, а также введение норм, способствующих инновациям и развитию цифровой экономики. [10]

Третье направление – повышение финансовой грамотности. Важно организовать образовательные программы для участников рынка, которые бы охватывали новые продукты и услуги в сфере платежных систем, а также основы управления финансовыми рисками и использования цифровых технологий. Это поможет участникам рынка лучше ориентироваться в изменяющихся условиях и эффективно использовать доступные инструменты и сервисы.

Наконец, необходимо активизировать международное сотрудничество. Развитие партнерских отношений с международными организациями и финансовыми институтами позволит обмениваться опытом и лучшими практиками, а также способствует интеграции российской платежной системы в мировую финансовую архитектуру. Это может включать в себя участие в международных проектах, совместные исследования и разработки, а также диалог с зарубежными регуляторами и организациями. [11]

Таким образом, комплексный подход к улучшению механизмов поддержки субъектов национальной платежной системы позволит повысить их устойчивость и адаптивность к современным вызовам, способствуя тем самым стабильности и развитию финансовой системы России.

Заключение

Исследование показало, что в условиях экономических санкций, национальная платежная система Российской Федерации сталкивается с рядом серьезных вызовов, включая технологические ограничения, регуляторные барьеры и экономические риски. Эти вызовы требуют комплексного подхода в разработке и реализации мер поддержки.

Одним из ключевых направлений является развитие и поддержка отечественных технологических решений, что позволяет снизить зависимость от иностранных систем и укрепить технологическую безопасность. Важным аспектом также является гибкое регулирование, которое должно соответствовать динамике технологических и экономических изменений, способствуя инновациям и развитию цифровой экономики.

Повышение финансовой грамотности среди участников рынка и развитие международного сотрудничества также играют важную роль в укреп-

плении национальной платежной системы. Эти меры помогают участникам рынка лучше адаптироваться к изменениям и эффективно использовать новые финансовые инструменты и технологии.

В заключение, исследование подчеркивает, что для обеспечения устойчивости и развития национальной платежной системы в условиях экономических санкций необходимо принимать сбалансированные и многоаспектные меры поддержки. Это включает в себя как укрепление внутренних ресурсов и потенциала, так и активное взаимодействие с международным сообществом, что позволит Российской Федерации эффективно противостоять вызовам и укрепить свои позиции в мировой финансовой системе.

Литература

1. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/?ysclid=lpfvvbeq7v398098201 (дата обращения: 23.11.2023)
2. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/?ysclid=lpfvw6mez3204057579 (дата обращения: 23.11.2023)
3. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/?ysclid=lpfvwrfo2d461319853 (дата обращения: 24.11.2023)
4. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/?ysclid=lpfvxbwc47184895355 (дата обращения: 23.11.2023)
5. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/?ysclid=lpfvxu10bt884050246 (дата обращения: 24.11.2023)
6. Банк России. Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 гг. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382148/?ysclid=lpfw2bcuy2557367122 (дата обращения: 24.11.2023)
7. База данных Гарант. Антисанкционные меры 2022 (специальные экономические меры и меры, направленные на поддержку бизнеса и граждан). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/57750630/paragraph/2136:0> (дата обращения: 24.11.2023)
8. Каурова Н.Н. Национальная платежная система: время пришло! // Банковский ритейл. – 2019. – № 2. – II квартал. (дата обращения: 25.11.2023)
9. Достов В. Л., Шуст П.М. Самостоятельность в платежах: перспективы создания подлинно национальной платежной системы // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. – 2020. – № 3. (дата обращения: 25.11.2023)
10. Достов В. Л., Шуст П.М. Анализ страновых подходов к национальным платежным системам и их применимость в условиях России // Банковское право. – 2021. – № 3. (дата обращения: 25.11.2023)
11. Белоусова В.Ю., Усоскин В.М. Мировые тенденции развития платежных систем // Деньги и кредит. 2021. № 11. С. 39–48. (дата обращения: 25.11.2023)

STUDY OF MEASURES TO SUPPORT THE SUBJECTS OF THE NATIONAL PAYMENT SYSTEM IN THE CONTEXT OF ECONOMIC SANCTIONS

Khamidulina S.G.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This scientific article provides a comprehensive analysis of measures to support the subjects of the national payment system of the Russian Federation in the context of economic sanctions. The study covers theoretical aspects of the national payment system, including its definition, structure and role in the country's economy. Particular attention is paid to the analysis of the impact of international economic sanctions on the functioning and stability of the payment system, as well as international examples of support for national payment systems are considered. The article presents specific support measures implemented in Russia, including strengthening the role of the Central Bank of the Russian Federation, regulation of foreign exchange transactions and the development of internal technological solutions. The main problems and challenges faced by the subjects of the payment system are also discussed, and recommendations for improving support mechanisms are proposed. The study highlights the need for an integrated and multidimensional approach to support the national payment system to ensure its sustainability and development in the face of economic sanctions.

Keywords: national payment system, economic sanctions, financial stability, Central Bank of the Russian Federation, currency regulation, support measures.

References

1. Federal Law "On the National Payment System" dated 27.06.2011 No. 161-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/?ysclid=lpfvvbeq7v398098201 (accessed: 23.11.2023)
2. Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" dated 10.07.2002 No. 86-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/?ysclid=lpfvw6mez3204057579 (accessed: 23.11.2023)
3. Federal Law "On Currency Regulation and Currency Control" dated 10.12.2003 No. 173-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/?ysclid=lpfvwrfo2d461319853 (accessed: 24.11.2023)
4. Federal Law "On the National Payment System" dated 27.06.2011 No. 161-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/?ysclid=lpfvxbwc47184895355 (accessed: 23.11.2023)
5. Federal Law "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" dated 26.07.2017 No. 187-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/?ysclid=lpfvxu10bt884050246 (accessed: 24.11.2023)
6. Bank of Russia. Strategy for the Development of the National Payment System for 2021–2023. URL: <https://www.con>

- sultant.ru/document/cons_doc_LAW_382148/?ysclid=lpfw2bcuy2557367122 (accessed: 24.11.2023)
7. Garant Database. Anti-Sanction Measures 2022 (special economic measures and measures aimed at supporting business and citizens). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/57750630/paragraph/2136:0> (accessed: 24.11.2023)
 8. Kaurova N.N. National Payment System: The Time Has Come! // Bank Retail. – 2019. – No. 2. – Q2. (accessed: 25.11.2023)
 9. Dostov V.L., Shust P.M. Independence in Payments: Prospects for Creating a Genuinely National Payment System // Settlements and Operational Work in a Commercial Bank. – 2020. – No. 3. (accessed: 25.11.2023)
 10. Dostov V.L., Shust P.M. Analysis of Country Approaches to National Payment Systems and Their Applicability in Russia // Banking Law. – 2021. – No. 3. (accessed: 25.11.2023)
 11. Belousova V.Y., Usoskin V.M. Global Trends in Payment Systems Development // Money and Credit. 2021. No. 11. Pp. 39–48. (accessed: 25.11.2023)

Соответствие правового статуса целям создания федеральной территории «Сириус»

Хильчевский Анатолий Юрьевич,

магистрант, юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1032185337@pfur.ru,

Проведено исследование новой для российского законодательства категории «федеральная территория» с целью определения статуса этого явления и обозначения актуальных его проблем. В работе рассмотрены закрепляющие правовой статус федеральной территории законы, а также доктринальные подходы к определению её статуса. При проведении исследования использовались такие методы, как анализ, синтез, наблюдение и сравнение, а также формально-юридический. Работой определяется актуальный статус, актуальные проблемы федеральной территории «Сириус». В частности, рассматривается соотношение федеральной территории «Сириус» с субъектом федерации Краснодарским краем, организация публичной власти и государственной службы на территории. Также в работе делается предложение по совершенствованию действующего законодательства. Результаты исследования возможно использовать для совершенствования законодательства о федеральных территориях, а также в качестве обобщенного теоретического материала для дальнейших исследований.

Ключевые слова: federal territories, federal territory «Sirius», public service, public power.

Введение

С момента принятия поправок к Конституции РФ прошло уже более трех лет, а доктринальные дискуссии в отношении федеральных территорий продолжают до сих пор. Законодатель не дал определения новому явлению для правовой системы РФ ни в Конституции РФ, ни в соответствующем Федеральном законе «О федеральной территории «Сириус»» от 22.12.2020 N 437-ФЗ, ни в каком-либо еще законе или подзаконном акте, что провоцирует нескончаемые обсуждения существования федеральных территорий.

Во множестве работ, посвященных изучению нового феномена – федеральной территории, ставятся вопросы определения целей введения института федеральных территорий в российское законодательство, вопросы характера вхождения федеральных территорий в состав территории Российской Федерации – законодателем не было дано конкретного ответа – федеральные территории относятся к федерации непосредственно, подобно субъектам федерации, или же опосредованно, путем включения в соответствующие субъекты федерации; проблемы организации и функционирования публичной власти на соответствующей территории и прочее. Отдельно представляется необходимым изучить институт государственной службы в федеральной территории «Сириус», ведь вносимые законом о поправке к Конституции изменения затронули положения соответствующий федеральных законов, что вызвало появление правовой коллизии в законодательстве.

Основные **источники** исследования – Конституция Российской Федерации как основополагающий акт, Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», которым в законодательство был введен термин «Федеральная территория», Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 N 58-ФЗ, закрепляющий регулирование государственной службы и подвергшийся изменениям в связи с принятием поправок к Конституции, Указ Президента РФ от 11.01.1995 N 32 «О государственных должностях Российской Федерации» закрепляющий соответствующий сводный перечень государственных должностей Российской Федерации, Устав Краснодарского края, закрепляющий перечень муниципальных образований, входящих в состав Краснодарского края.

В качестве **доктринальных источников** данной работы выступают работы Старикова С.С.,

Сибилевой А.Ю. Найдерова Ю.В., Прасковой С.В. и других исследователей института федеральных территорий.

При проведении настоящего исследования использовались такие **методы**, как анализ, синтез, логический метод при рассмотрении правового регулирования государственной службы в федеральной территории «Сириус», наблюдение и сравнение законодательства и научных статей, посвященных статусу федеральной территории.

Цель работы – внести ясность в статус федеральной территории «Сириус» и обозначить актуальные проблемы.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучение действующего законодательства и актуальных научных статей;
2. Рассмотрение зарубежного опыта реализации института федеральных территорий;
3. Определение актуальных проблем в правовом регулировании;
4. Формирование предложений по совершенствованию законодательства.

Цели создания федеральных территорий в Российской Федерации

При определении целей создания федеральных территорий авторы преимущественно ссылаются на запись Клишаса А.А. в блогах сенаторов от 06.02.2020 [1], где Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству приводит в пример опыт применения территорий федерального подчинения в зарубежных федеративных государствах. Так, Андрей Александрович указывает следующее:

В США существует 14 федеральных территорий, которые не входят в какой-либо штат, представляют из себя субнациональные административные единицы, находятся в прямом подчинении у федерального правительства и не являются суверенными образованиями. Отдельно выделяется федеральный округ Колумбия, ведь в её регулировании непосредственно участвует Конгресс США;

В Канаде созданы 3 территории, наделенные делегированными федеральным правительством полномочиями. В рамках этих территорий действуют однопалатные парламенты, уполномоченные принимать определенное подзаконное регулирование. Высшее должностное лицо территории назначается Генерал-Губернатором Канады;

В Австралии образовано 10 федеральных территорий, на которых установлено исключительное право федеральных властей на регулирование отношений с выходом за пределы, установленные статьей 51 Конституции, которой закреплена сфера ведения штатов;

В Индии расположены 8 союзных территорий с особым статусом, в отношении которых президент имеет особенно широкие полномочия.

Проецируя опыт зарубежных стран на Российскую Федерацию, Клишас А.А. указывает,

что подобный статус закреплён за закрытыми административно-территориальными образованиями (ЗАТО), особо охраняемыми природными территориями и Арктической зоной. Отдельно делается акцент на безопасности, защите и охране окружающей среды – озера Байкал, Кавказских Минеральных вод и на создании условий по повышению инвестиционной привлекательности.

Таким образом, Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству указывает на прямую необходимость в перенимании опыта в управлении федеральными территориями, выработанного в зарубежной практике, в правовую систему Российской Федерации. Также из этого заявления можно выделить цели такого перенимания – обеспечение безопасности, защиты и охраны отдельных природных объектов и создание территорий, способных привлечь потенциальных инвесторов. Что же касается создания федеральной территории Сириус именно в этом регионе – представляется обоснованным создание и поддержание специального режима на местности, где расположены объекты олимпийского наследия.

Развивая мысль Клишаса А.А., Сибилева А.Ю. и Княжев В.Ю. более детально рассматривают опыт США в регламентации федеральных территорий. Сибилева в своей работе указывает, что помимо субъектов федерации в лице штатов, в США числятся и отдельные территории с особым статусом. К таким территориям отнесены федеральный округ Колумбия и федеральные территории Виргинские острова и острова Восточного Самоа [2]. Цель создания отдельного федерального округа в США – не допустить возникновения зависимости федеральных органов государственной власти от органов власти соответствующего штата. Таким образом обеспечивается независимость федеральных властей при осуществлении их деятельности.

Целью же создания федеральных территорий на островах является установления контроля за территориями, географически отдаленными от основной территории государства. Работой Княжева дается более детальное исследование неинкорпорированных организованных территорий – отдаленных от материковой части территорий, подконтрольных непосредственно президенту [3]. Такой способ организации государственной власти на отдаленных от основной территории государства местностях представляется намного менее затратным, нежели формирование нового субъекта: на подобных территориях не будет необходимости формировать органы власти субъекта федерации, управление данными территориями осуществляется как бы дистанционно, посредством соответствующих актов президента.

Пример реализации концепции федеральных территорий в восточных государствах, таких как Индия и Малайзия приводится в работе Семеновой Н.К., Лещинского М.И. и Марченковой Е.А. [4]. В своей работе авторы делают заключение о том, что в этом регионе федеральные территории выде-

ляются по национально-этническому, стратегическому, политическому и административному признакам. Так, например, в Индии федеральная территория создана на границе с враждебным для неё государством – Пакистаном. Соответственно, цель создания этой федеральной территории – обеспечение безопасности и общественного порядка на местности, наиболее подверженной опасности для местных жителей и государственного устройства. Урегулирование данного вопроса на уровне субъекта представляется малоэффективным – субъект, по сравнению с федерацией, обладает явно меньшим количеством функций и ресурсов. В то же время наделение субъекта большей самостоятельностью, более широким перечнем полномочий и большим финансированием может способствовать отдалению такого субъекта от государственного центра и его дальнейшей сепарации.

Что же касается опыта Малайзии – здесь создание и функционирование федеральных территорий обусловлено созданием наиболее привлекательной почвы для инвестиций и экономического развития. Посредством различных налоговых льгот и прочих преференций, такие федеральные территории являются наиболее привлекательными для потенциальных инвесторов.

Таким образом, федеральные территории в восточном регионе могут создаваться с целью обеспечения общественного порядка и безопасности на потенциально опасных местностях, а также для создания наиболее благоприятного режима для иностранных инвесторов.

Абзалова А.М., изучая порядок функционирования федеральных территорий в зарубежных государствах, рассмотрела опыт целого ряда государств [5]. Так, при изучении опыта США, автор указывает, что федеральные территории создавались с целью их дальнейшего развития в штат, то есть как промежуточная стадия оформления новоприсоединенной территории в состав государства. Федеральный округ же, пример которого был рассмотрен ранее, не подлежит дальнейшему преобразованию в штат. Более того, опыт организации столичного федерального округа был перенят целым рядом государств, начиная с первой половины XIX века.

Другими государствами перенимался и опыт постепенного перехода от федеральной территории к субъекту федерации. Здесь Абзалова приводит в пример опыт Бразилии, где подобный переход претерпело целые 3 федеральные территории.

На основании проведенного исследования автор выдвинула причины и условия создания федеральных территорий в мире, с которыми нельзя не согласиться:

- Содействие преобразованию соответствующих территорий в субъекты (примеры США и Бразилии);
- Стремление федераций к усилению контроля за труднодоступными, удаленными, стратегическими, малонаселенными территориями (примеры США, Индии);

- Сохранение этносов и культур (примеры Канады и Индии);
- Необходимость независимого управления столицей государства (Примеры США, Нигерии, Пакистана, Венесуэлы);
- Потребность в урегулировании споров на соответствующей территории (пример Индии);
- Создание условий для экономического развития и способствованию инновационной деятельности (пример Малайзии).

Опыт Российской Федерации на примере федеральной территории «Сириус» также можно отнести к сформированной классификации федеральных территорий и округов. Так, «Сириус» возможно отнести к федеральным территориям, целью чьего функционирования является сохранение этносов и культур, в частности – сохранение культурного наследия, а именно олимпийских объектов.

Соотношение федеральной территории и субъекта федерации

Что касается характера вхождения федеральных территорий в состав территории РФ, Праскова С.В. указывает, что закрепленная в статье 67 Конституции РФ формулировка допускает неоднозначное понимание статуса и содержания федеральных территорий [6]. Согласно этой статье, федеральные территории могут быть созданы на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом. Неоднозначность, по мнению автора, заключается в том, что согласно этому определению, федеральные территории могут быть созданы наряду с иными элементами территории России либо в составе других элементов, то есть в составе субъектов федерации. Далее автор заключает, что ясность в этот вопрос мог бы внести Конституционный Суд РФ. Однако, данный акт уже опубликован – Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации. Пунктом 3.1. заключения дается разъяснение, согласно которому «...Положение о возможности создания федеральных территорий по своему буквальному смыслу не предполагает возможности образования федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов РФ...». Таким образом, представляется отсутствие неоднозначности, указанной автором, ведь согласно заключению Конституционного суда, федеральные территории не будут приравнены к субъектам РФ.

В то же время, вопрос вхождения федеральной территории в состав субъекта Российской Федерации все еще остается открытым. В исследова-

нии Найдерова Ю.В. отмечаются тезисы в пользу вхождения федеральной территории «Сириус» в состав Краснодарского края [7]. Выделим некоторые из них и дополним их рассмотренной ранее в исследовании информацией:

1. Не были изменены границы субъекта. При принятии соответствующего федерального закона не последовало изменений в отношении границ Краснодарского края;
2. Глава субъекта принимает участие в формировании совета федеральной территории «Сириус». Данное положение получило закрепление в ст. 12 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус»;
3. На федеральной территории «Сириус» действуют некоторые НПА субъекта федерации;
4. Косвенное доказательство, исходящее из части 2 статьи 3 Федерального закона «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ведь такие центры могут располагаться на территории одного или нескольких субъектов (нет указания на возможность их расположения в границах федеральных территорий).

В работе также представлены тезисы в пользу вхождения федеральной территории «Сириус» непосредственно в Российскую Федерацию:

1. Зарубежная практика. Подтверждения данного тезиса рассмотрены ранее;
2. Замещение членами совета и администрации государственных должностей Российской Федерации, а не государственных должностей субъектов Российской Федерации;

Таким образом, тезисы «за» и «против» имеют место быть, хотя здесь очевидно превалирует позиция «против» вхождения непосредственно в состав Российской Федерации, то есть вхождение в её состав опосредованно, через субъект Российской Федерации.

Точку зрения о не вхождении федеральной территории в состав субъекта разделяет также автор Дзидзоев Р.М., который в своей работе делает вывод о самостоятельности и отделенности этой части территории, являющейся территориальным элементом федеративного устройства Российской Федерации [8].

Тем не менее, данный вопрос представляется закрытым ввиду следующего. Найдеров Ю.В. указывает, что федеральная территория «Сириус» не фигурирует в Уставе Краснодарского края, однако, в связи с принятием поправок к уставу от 07.11.2022 N 4770-КЗ, в перечень городских округов, закрепленных частью 2 статьи 3 Устава, был добавлен Сириус. Таким образом, законом Краснодарского края федеральная территория «Сириус» отнесена к территории субъекта РФ, а именно – Краснодарского края. Соответственно, федеральная территория отнесена к территории субъекта и входит в состав федерации опосредованно, через соответствующий субъект, что опровергает позиции ряда авторов, изучающих вопрос

вхождения федеральной территории непосредственно в состав федерации. Это свидетельствует об уникальном опыте Российской Федерации в оформлении статуса Федеральной территории, не соответствующего опыту зарубежных стран.

Законодательное регулирование государственной службы в федеральной территории «Сириус»

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению законодательства о государственной службе и его применению в федеральной территории «Сириус», ведь ранее на этот подраздел была сделана не одна отсылка. Данная тема ранее не подлежала доктринальному исследованию, ввиду чего по ней отсутствует какая-либо научная литература. При реформировании законодательства и приведении его в соответствие с поправками в Конституцию РФ, как уже было обозначено ранее, были обнаружены некоторые недоработки. Они коснулись и регулирования государственной службы и государственных должностей Российской Федерации. Для более детального понимания ситуации изначально необходимо обозначить положения, которые формируют коллизию.

Согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона от 27.05.2003 N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», под государственной службой Российской Федерации понимается профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий в том числе федеральных территорий.

Пунктом 2 рассматриваемой статьи делается изъятие ряда субъектов из предмета регулирования федерального закона. Так, настоящий федеральный закон, причисляя государственные должности РФ и государственные должности субъектов РФ к государственной службе, не регулирует деятельность лиц, замещающих государственные должности РФ и субъектов РФ. Эта норма является отправной точкой в рассматриваемой коллизии.

Далее – обратимся к Указу Президента Российской Федерации от 11.01.1995 N 32 «О государственных должностях Российской Федерации». Данный Указ закрепляет перечень государственных должностей Российской Федерации. В этом перечне можно найти должности, относимые к федеральной территории «Сириус»: член совета, председатель совета и его заместитель, глава администрации, председатель и секретарь территориальной избирательной комиссии. То есть, согласно Указу Президента, эти должности являются государственными должностями Российской Федерации.

Здесь можно сделать несколько выводов. Во-первых, данные должности выведены на уровень государственных должностей Российской Федерации, что свидетельствует об особом статусе федеральной территории «Сириус» и его отношении непосредственно к федеральному уровню, минуя уровень субъектов, хотя, этим фактом противоречивость статуса федеральной террито-

рии не разрешается, ведь она включена в состав Краснодарского края, что было установлено ранее в статье.

Во-вторых, в рассматриваемых актах прослеживается правовая коллизия: согласно первой статье федерального закона, его действие не распространяется на государственные должности Российской Федерации, закрепленные соответствующим Указом Президента, и государственные должности субъектов Российской Федерации. То есть, ввиду неуказания в пункте 2 статьи 1 Федерального закона такого субъекта, как федеральная территория (или же государственные должности федеральной территории), на него должны распространяться положения рассматриваемого федерального закона, а это, в свою очередь, разнится со смыслом рассматриваемого Указа Президента и в целом нарушает конструкцию государственной службы.

Таким образом, согласно пункту 1 федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», федеральные территории рассматриваются как отдельная категория наравне с РФ и субъектами РФ, согласно пункту 2 они не исключаются из сферы действия настоящего закона, но, согласно указу президента, определенные должности, устанавливаемые в федеральной территории «Сириус», являются государственными, которые выпадают из сферы регулирования федерального закона.

Теоретически, сложившаяся ситуация разрешается весьма просто, ведь в случае противоречия между подзаконным актом и федеральным законом применению подлежит федеральный закон. Однако, применение федерального закона в отношении перечисленных выше должностей представляется абсурдным, ведь в таком случае подразумевается другой порядок назначения и избрания на должности, другой порядок осуществления должностных полномочий, наличие определенных классов чинов или специальных званий, что фактически не реализуется в отношении обозначенного ранее ряда должностей. Помимо того, эти должности бы закреплялись не в рассматриваемом Указе Президента, а в соответствующих реестрах должностей государственной службы. Таким образом, этот подход нарушает логику института государственной службы и порождает множество конфликтов, которые подлежат законодательному регулированию.

В то же время, если брать за основу положения, закрепленные Указом Президента, считать указанную группу должностей государственными должностями РФ – такой ситуации не возникает.

Соответственно, путем логического анализа можно прийти к выводу, что правильной будет руководствоваться именно Указом Президента, а не федеральным законом, то есть действовать вопреки ч. 5 ст. 67 Конституции РФ, что представляется недопустимым.

Для решения сложившейся коллизии представляется логичным и обоснованным внесение изменений в Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации»

от 27.05.2003 N 58-ФЗ в части уточнения сферы действия закона путем изъятия из его регулирования должностей федеральных территорий, то есть изложить пункт 2 статьи 1 в следующей редакции:

«Деятельность лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации и лиц, замещающих государственные должности федеральных территорий Российской Федерации, настоящим Федеральным законом не регулируется.».

Заключение

Подводя итог, можно обозначить следующее. Внедрение в правовую систему Российской Федерации новой категории в лице федеральных территорий спровоцировало многочисленные обсуждения и исследования, посвященные ей. Ввиду крайне немногословного определения, закрепленного в Конституции Российской Федерации, возникают сложности в определении статуса нового явления, понимания его сущностных качеств. Многие авторы обращались к зарубежному опыту внедрения и функционирования федеральных территорий, однако, они коренным образом отличаются от того, что мы сейчас видим на примере Российской Федерации. Так, наиболее дискуссионным вопросом было отнесение федеральных территорий к составу субъектов. В мировой практике, федеральные территории извлечены и представляют отдельные территории, подчиненные непосредственно центру. Здесь же мы видим обратную тенденцию. Изначально статус был неясен, и исследователи делали лишь предположения. Сейчас можно с уверенностью заявить, что федеральная территория «Сириус», подчиняясь центру, в то же время входит в состав существующего субъекта Российской Федерации. В настоящее время формируется уникальный пример управления территорией государства.

В отношении организации публичной власти и государственной службы на федеральной территории «Сириус» усматривается определенная коллизия и непоследовательность. Здесь можно обозначить «проблемный треугольник», основанный на статусе главы администрации федеральной территории. Так, в порядке назначения на должность не определены квалификационные требования к кандидатуре, как это делается в отношении некоторых должностей, которые занимают государственные служащие (как это ранее было указано с муниципальной службой). В то же время, эти требования не распространяются на главу администрации ввиду того, что эта должность является государственной должностью Российской Федерации. Однако, ввиду того, что в федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации» не делается исключение в виде государственных должностей федеральных территорий Российской Федерации, на них должно распространяться законодательство о государственной службе. Упрощая данную конструкцию можно ее изложить следующим образом: при на-

значении на должность главы администрации федеральной территории «Сириус» к нему не предъявляются квалификационные требования, что характерно для ряда должностей, подразумевающих прохождение государственной службы, но, так как эта должность не является должностью государственной службы, эти требования на нее не распространяются по смыслу Указа Президента N 32, но по смыслу федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», квалификационные требования должны распространяться на эту должность.

Для разрешения такой непростой ситуации представляется наиболее эффективным принятие поправок в федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» и федеральный закон «О федеральной территории «Сириус»», которые разграничат термины «государственная должность Российской Федерации» и «должность государственной службы Российской Федерации», чем и внесут ясность в сложившуюся в законах коллизию.

Литература

1. Клишас А.А. Инициатива о «федеральной территории» заслуживает особого внимания. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Блоги сенаторов. 2020. 6 февраля. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/113261/> (Дата обращения – 11.11.2023)
2. Сибилева А.Ю. К вопросу о правовом статусе федеральных территорий. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020; № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-statuse-federalnyh-territoriy> (дата обращения: 07.10.2023).
3. Княжев В.Ю. Территории федерального подчинения в конституционной практике зарубежных государств. Вопросы российской юстиции. 2022; № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorii-federalnogo-podchineniya-v-konstitucionnoy-praktike-zarubezhnyh-gosudarstv> (дата обращения: 07.10.2023).
4. Семенова Н.К., Лещинский М.И., Марченкова Е.А. Федеральные территории в России: проблемы и перспективы правового регулирования. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022; № 12–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnye-territorii-v-rossii-problemy-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 07.10.2023).
5. Абзалова А. М. ГЕНЕЗИС ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Вестник УЮИ. 2021; № 4 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-federalnyh-territoriy> (дата обращения: 07.10.2023).
6. Праскова, С.В. Характер вхождения федеральных территорий в состав территории Российской Федерации: текущие тенденции зако-

нодательной политики. Академический юридический журнал. – 2022; Т. 23, № 2(88): С. 135–144. DOI 10.17150/1819–0928.2022.23(2).135–144.

7. Найдеров Ю.В. Создание федеральной территории «Сириус» как фактор политического развития города Сочи. Государственное управление. Электронный вестник. 2021; № 89: С. 105–121. DOI 10.24412/2070–1381–2021–89–105–121.
8. Дзидзоев, Р.М. Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус»). Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021; № 2: С. 2–8. DOI 10.31429/20785836–13–2–2–8.

COMPLIANCE OF THE LEGAL STATUS WITH THE GOALS OF CREATING THE FEDERAL TERRITORY «SIRIUS»

Khilchevskii A. Yu.
RUDN University

A study of the new category of «federal territory» for the Russian legislation has been conducted with the aim of determining the status of this phenomenon and identifying its actual problems. The article considers the laws that confirm the legal status of the federal territory, as well as doctrinal approaches to determination of its status. The methods used in the study were analysis, synthesis, apalogy, observation and comparison, and formal law. The work defines the actual status, actual problems of the federal territory «Sirius». In particular, the relationship of the federal territory «Sirius» with the subject of the federation of the Krasnodar Krai, the organization of public authority and public service in the territory is considered. It also proposes to improve existing legislation. The results of the study can be used to improve legislation on federal territories, as well as as a generalized theoretical material for further research.

Keywords: legal entity of public law, foreign countries, prospects of development.

References

1. Klshas A.A. The initiative on the “federal territory” deserves special attention. The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Senators’ blogs. 2020; URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/113261/> (In Russ.)
2. Sibileva A. Yu. . On the issue of the legal status of federal territories. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ūridičeskie nauki. 2020; 3: 49–56. (In Russ.)
3. Knyazhev V. Yu. . Territories of federal subordination in the constitutional practice of foreign states. Voprosy rossijskoj ūsticii. 2022; 17: 131–147. (In Russ.)
4. Semenova N. K., Leshinskii M.I. & Marchenkova E.A. (). Federal territories in Russia: problems and prospects of legal regulation. Meždunarodnyj žurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2022; 12–5, 84–91. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500–1000–2022–12–5–84–91
5. Abzalova A. M. GENESIS OF FEDERAL TERRITORIES. Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021; 4 (94): 12–18. (In Russ.)
6. Praskova S.V. The character of joining federal territories within the territory of the Russian Federation: current trends in legislative policy Akademičeskij ūridičeskij žurnal. 2022; 2 (88): 135–144. (In Russ.) DOI: 10.17150/1819–0928.2022.23(2).135–144.
7. Naidarov Yu.V. Creation of Federal Territory «Sirius» as a factor for Sochi Political Development. Gosudarstvennoe upravlenie. 2021; 89: 105–121. (In Russ.) DOI: 10.24412/2070–1381–2021–89–105–121.
8. Dzidzoev R.M. Institute of federal territories in the Russian Federation (by the case of the federal territory «Sirius»). Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021; 2: 2–8. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/20785836–13–2–2–8>

О национализации банковской системы РФ

Дьяченко Елена Митрофановна,

кандидат юридических наук, доцент, Кубанский
государственный университет
E-mail: Demit88@mail.ru

В статье проводится исследование института национализации в законодательстве РФ. Анализируется исторический опыт национализации в России и зарубежных странах. Рассматриваются научные подходы ученых по вопросу национализации. Огромным вкладом в развитие института национализации внесли ученые цивилисты Л.В. Щенникова, Л.И. Якобсон, Д.В. Бородина, М.Ю. Карпов, В.А. Белов.

Исторический опыт показывает, что национализация является обратным процессом приватизации. Она является огромным средством решения проблем развития экономики и выступает инструментом положительного эффекта для развития государства. Национализация диктуется экономической целесообразностью, чаще всего национализируются капиталоемкие и малорентабельные предприятия. Она также необходима для укрепления обороноспособности страны и для смягчения социальной политики и политическим целям. Право государства национализировать собственность предусмотрено в Хартии экономических прав и обязанностей государства принятой резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеей ООН от 12 декабря 1974 г. Это экономическая мера, проводимая в интересах общества на основании специального закона государственного органа с выплатой компенсации собственнику национализируемого имущества. Решение о национализации должно приниматься федеральными органами законодательной власти и органами законодательной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: национализация, общепольность, рыночная экономика, экономическая польность, естественная монополия, государственная собственность, политический инструмент, приватизация, восстановление технологических комплексов.

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). В 3 п. 2 ст. 235 ГК РФ [1] закрепляет легальное определение национализации. Обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация), производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков в порядке, установленном ст. 306 настоящего Кодекса.

Л.В. Щенникова [2, с. 179–186], проводя комплексное исследование института национализации, подчеркивает, что национализация понятие парное приватизации и только лишь по этой причине объективно необходимое.

Дореволюционные цивилисты предлагали определять национализацию как право государственной власти принудительно отчуждать недвижимость и неразрывно связанные с ними другие имущественные права, а также устанавливать сервитуты, поскольку это будет необходимо для осуществления общепольных предприятий с уплатой полного вознаграждения за отчуждаемые права.

Основным критерием, свойственным национализации в тот период называли общепольность, т.е. должна иметь экономическую польность.

Выделялся и перечень критериев национализации, а именно: 1) цели – вследствие невозможности точного определения, цивилисты ограничивались категорией «общепольность», т.е. экономическая польность; 2) субъекты принятия решения – таковые отличались вследствие разного подхода в рамках гражданско-правовой науки: одни авторы отстаивали ее гражданско-правовой характер, другие – публично-правовой, третьи настаивали на смешанной природе; 3) юридическая природа – помимо трихотомического подхода к правовой природе, но и подхода к пониманию самой сделки, как подчеркивает Л.В. Щенникова: «Были дискуссии по поводу того, можно ли считать национализацию сделкой частного права, например принудительной куплей-продажей, фикцией договора купли-продажи, или рассматривать обязательством из состояния».

По результатам своей аналитической работы, Л.В. Щенникова приходит к следующим выводам-характеристикам национализации: 1) институт нормальный, так как регулирует «нормальные экономические отношения» и необходим для обеспечения поступательного экономического развития страны; 2) позволяет преодолеть индивидуализм участников гражданско-правовых отношений

и провести идею общественного интереса; 3) институт частный, поскольку гарантирует защиту интересов частных лиц от государственного произвола; 4) институт вещно-правовой, он не опосредует куплю-продажу и не является по своей сути обязательством из состояния; 5) суть заключается в прекращении права собственности частной и возникновении права собственности публичной; 6) чертами национализации является принудительность и возмездность; 7) основанием национализации должен быть государственно-властный акт, принятый на основании действующего в стране законодательства о национализации.

На основании выделенных характеристик, Л.В. Щенникова формулирует наиболее полное и актуальное определение национализации в современной цивилистике.

Национализация – принудительное прекращение права собственности частной и возникновением права собственности публичной на имущественные комплексы на основании государственно-властного акта, принятого в соответствии с законодательством о национализации с целью удовлетворения публичных интересов и при условии выплаты равноценного и справедливого вознаграждения.

Позиция экономической науки в лице Л.И. Якобсона [3] и Д.В. Бородина [4, с. 91–95] такова: «Главный аргумент экономистов в пользу национализации, это существование естественных монополий, которые позволяют обеспечить от масштаба производства значительную экономию средств, что возможно на единой производственной национализированной базе. В отличие от частной, государственная монополия стремится удовлетворить интересы потребителей, устанавливая «справедливые» цены. Противники национализации в то же время утверждают, что государственным монополиям присуща малоэффективность, расточительность, негибкость и трудности контроля. Вопросы о целесообразности (или отсутствии ее) в проведении национализации, ее масштабах, условиях и порядке осуществления должны решаться исходя не из идеологических постулатов вроде социалистического переустройства общества, а сугубо из прагматизма. Особенно, если процесс национализации уже фактически происходит (к примеру, «ЗИЛ»). При условиях, что в обществе нарастают требования вернуть в госсобственность часть ранее приватизированных предприятий, промедление федеральных властей в решении вопроса о национализации (вкуче с решением вопроса об управлении государственной и национализированной собственностью) юридически опасно утратой контроля над процессами, которые охватили большую часть приватизированных ранее предприятий, и привести к ряду негативных последствий».

Характеристика национализации в доктрине гражданского права неординарна. М.Ю. Карпов [5, с. 133–146] характеризует национализацию как «политический инструмент», «революционный лозунг», «волшебный рецепт достижения процве-

тания», «источник пополнения государственного бюджета в кризис». На основании изложенных красочных характеристик автор подводит следующий итог: национализация есть законная форма передела собственности.

О.Л. Алтенгова [6, с. 79–83] определяет национализацию как специальное основание обращения имущества, находящегося в частной собственности, в собственность государства, свойственное законодательству многих стран.

В.А. Белов [7], отношение к конструкции со стороны науки является «непочтительным», что и привело к практическому исчезновению его из цивилистического обихода.

Ю.А. Дорофеева [8, с. 59–73] определяет национализацию как процесс, совокупность фактических и юридических актов, основанных на ограничении прав и свобод лиц государством в сфере экономической деятельности в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Исторический опыт показывает, что национализация является обратным процессом приватизации. Она является огромным средством решения проблем развития экономики и выступает инструментом положительного эффекта для развития государства. Национализация диктуется экономической целесообразностью, чаще всего национализуются капиталоемкие и малорентабельные предприятия. Она также необходима для укрепления обороноспособности страны и для смягчения социальной политики и политическим целям. Право государства национализировать собственность предусмотрено в ХАРТИИ экономических прав и обязанностей государства (1974). Это экономическая мера, проводимая в интересах общества на основании специального закона государственного органа с выплатой компенсации собственнику национализированного имущества.

В странах с рыночной экономикой национализация как правило происходит во время экономических кризисов или для преодоления негативных последствий войн. После Второй мировой войны во Франции, в Великобритании были национализированы Банк Франции, Банк Англии, угольная промышленность, производство электроэнергии, газовая промышленность и другие отрасли.

Экономический кризис 2008 года ударил практически по всей экономике развитых стран. Например, в США правительство осуществило финансовые инъекции в обмен на привилегированные акции ряда банков. В Великобритании правительство выкупило долю акций банков, что привело к слиянию отдельных банковских структур и поддержанию банковского сектора. Россия во время экономического кризиса отказалась прибегнуть к национализации крупных финансовых институтов. Итог этих действий мы видим сегодня.

Назрели экономические ситуации о проведении всеобъемлющей национализации. Как пра-

вило, исходя из исторического опыта необходимо проводить национализацию в банковском секторе и начинать надо с национализации Центрального банка РФ (далее ЦБ РФ). ЦБ РФ не является государственным банком, валюта РФ не принадлежит государству, он не под контролем правительства, статус главного банка не определен в законодательстве. Необходимо вносить изменения в законодательство о ЦБ РФ. 4 марта 2022 г. внесен законопроект в Государственную Думу о внесении изменений и дополнений в закон о ЦБ РФ, где будут положения касаться национализации ЦБ РФ. Во-первых – установить контроль за действиями ЦБ РФ правительством РФ, так как он находится под контролем МВФ. Во-вторых – российская валюта должна принадлежать государству и национальной государственной экономике. Деньги должны идти в национальную экономику. Это изменит курс экономического развития нашего государства. В мировой практике банковские системы строятся именно по такой модели, что национальные, центральные банки все подотчётные правительству государства, валюта принадлежит государству и, например, ФРС США, ЕЦБ и др. цель их деятельности направлена на поддержание экономики государства.

Следует отметить, что на настоящий момент в РФ не принят закон о национализации. Существует несколько проектов о национализации. Проекта ФЗ РФ № 98091828–2 «Об обращении имущества в государственную собственность (национализации)» по состоянию на 11 ноября 1998 года (далее – Проект) [9]. Проект ФЗ РФ № 692092–72019 года.

Проведен анализ законопроектов, можно сделать вывод что в нормах закрепляются понятия, принципы, объекты, способы национализации, порядок осуществления национализации, порядок определения размера и выплаты возмещения собственнику имущества при национализации. Под национализацией понимается возмездное принудительное изъятие имущества, находящегося в частной собственности, и его обращение в государственную собственность, осуществляемое в целях, установленных законом. (ст. 3) Проекта.

Решение о национализации должно приниматься федеральными органами законодательной власти и органами законодательной власти субъектов Российской Федерации.

Интересной, в том числе в современных реалиях, представляется норма ст. 8 Проекта, предполагающая такие основания национализации, как: 1) необходимость предотвращения массовой безработицы, восстановления и сохранения единства технологических комплексов, обеспечения обороноспособности, экономической и экологической безопасности; 2) остановка функционирования предприятий, доведение их до банкротства; 3) ходоатайства трудовых коллективов предприятий любых форм негосударственной собственности о национализации, если за такое решение проголосовало не менее 3/4 членов трудового коллектива;

4) необходимость обеспечения государственных нужд, касающихся вопросов защиты основ конституционного строя, здоровья населения, обеспечения обороны страны, безопасности государства, единства экономического пространства, свободного перемещения товаров услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности.

Из этих положений уже можно усмотреть потребность национализации, в том числе в банковской сфере. На сегодняшний день законопроекта о национализации банков или законопроекта о национализации Центрального банка нет. Косвенно к такой инициативе относится следующее заявление: «Правительственная комиссия по законопроектной деятельности одобрила второй пакет мер поддержки экономики России в условиях санкций ... в нем предусмотрен первый шаг к национализации имущества иностранных организаций, покидающих российский рынок» [10]. Так, проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов, обеспечивающих устойчивое экономическое развитие в условиях санкционного давления со стороны иностранных государств)» [11] предполагает следующий механизм: через суд вводит внешнюю администрацию в организациях, где более 25% долей владеют иностранные лица недружественных государств, в случае прекращения деятельности. Это защита от банкротства и мера для сохранения рабочих мест. Далее, собственнику дают пять дней на решение отказаться от этого сценария, если он решит продать долю или возобновить работу. Деятельность работников также нужно сохранить. Иначе суд на три месяца назначает временную администрацию. После этого акции новой организации попадают на торги, а старую ликвидируют. От покупателя акций требуется сохранить не менее 2/3 трудового коллектива и как минимум год продолжать его деятельность. Российский законодатель трактует уход иностранных компаний с российского рынка как предумышленное банкротство по цене большого количества уволенных работников. Естественно, в эту категорию попадают и банки, так как во многих из них контрольным пакетом акций владеют иностранные акционеры. Например, Райффайзенбанк (Австрия), ЮниКредит Банк (Италия), Хоум Кредит (Чехия), Русфинанс Банк (Франция) и т.д. Все эти банки безусловно попадают под действие вышеназванного законопроекта, уже вступившего в силу.

Рассматривая вопрос национализации ЦБ РФ, обратимся к трудам А.В. Тавсиева [12, с. 67] и Р.К. Ибаева [13, с. 95–99]. Ученые утверждают, что существует «острая необходимость национализации» Банка Росси.

Подводя итог проведенному исследованию, сделаем некоторые выводы.

На данный момент в России уже сложились условия для проведения национализации банковской

системы: 1) экономический кризис и риск дефолта (как это было в 1929–1933 гг. и 1939–1945 гг. в мировой истории и в 1917 г. в российской истории); 2) повышение уровня безработицы; 3) обесценение национальной валюты; 4) массовая остановка большинства действующих предприятий (фактически – доведение до банкротства).

Таким образом, на сегодня существует 4 серьезных предпосылки для проведения национализации банковской системы.

Все эти факторы могут привести к непоправимым последствиям, поэтому необходимо начать с национализации ЦБ РФ, хотя отечественный законодатель фактически начал этот процесс, но с банков коммерческих. На наш взгляд, здесь имеют место две ошибки: первая – отсутствие отдельного выделения категории «национализация банков», а рассмотрение их наравне с иными видами организаций и вторая – национализация банков без национализации Банка России похожа на устранение последствий болезни без излечения ее причин.

Поэтому механизм национализации банковской системы следует начать с ЦБ РФ. Это решит ряд важнейших проблем. Во-первых, будет определен статус Центрального банка РФ как юридического лица, до сих пор не определена его организационно-правовая форма, во-вторых нахождение его в государственной собственности не ново, здесь возможны 2 модели, условно их можно назвать «китайской» и «индийской». В КНР центральный банк является акционерным обществом, но 55% акций находится в руках государства (подобные примеры – Бельгия с 50% +1 акция в руках государства, Япония с 55% акций в руках государства), а в Индии центральный банк находится в государственной собственности (подобные примеры – Англия с 1946 года, Франция с 1945 года, Германия с 1957 года и Испания с 1962 года). Роль Центрального банка РФ в экономике государства должна быть конкретно определена на уровне нормативно-правовых актов.

Литература

1. ГК РФ (часть первая) 1994 (ред. от 01.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Щенникова Л.В. Гражданско-правовая наука о национализации // Вестник Пермского университета. 2012. № 4 (18). С. 179–186.
3. Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. М., 2010–367 с.
4. Бородин Д.В. Национализация как инструмент государственного регулирования экономики // Известия высших учебных заведений. 2014. № 04(22). С. 91–95.
5. Карпов М.Ю. Национализация: тенденции развития доктрины и законодательства // Lex Russia. 2016. № 5 (114). С. 133–146.

6. Алтенгова О.Л. Квалифицирующие признаки национализации // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 79–83.
7. Белов В.А. Национализация в российском гражданском праве: история и современность // Законодательство. 1999. № 2, 3.
8. Дорофеева Ю.А. Национализация: вопросы международного частного права.
9. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 23 с.; Дорофеева Ю.А. Национализация и экспроприация как основание принудительного прекращения права частной собственности государством // Власть Закона. 2016. № 2. С. 59–73.
10. Проект Федерального закона № 98091828–2 «Об обращении имущества в государственную собственность (национализации)» (ред. внесенная в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации по состоянию на 11 ноября 1998 года) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/98091828-10>.
11. Нараева А., Царева М., Милькин В. Законопроект о возможности национализации иностранных компаний вносят в Госдуму // Ведомости. 2022. 9 мар.
12. Проект Федерального закона № 80712–8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов, обеспечивающих устойчивое экономическое развитие в условиях санкционного давления со стороны иностранных государств)» (ред. внесенная в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации по состоянию на 3 марта 2022 года) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80712-8>.
13. Тавасиева А.М. Банковское дело. Управление и технологии. Учебник для студентов вузов. М., 2019. С. 67.
14. Ибаев Р.К. Статус Центрального банка Российской Федерации // Вестник науки. 2022. № 2(47). С. 95–99.

NATIONALIZATION OF THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dyachenko E.M.

Kuban State University Associate Professor

The article studies the institution of nationalization in the legislation of the Russian Federation. The historical experience of nationalization in Russia and foreign countries is analyzed. The scientific approaches of scientists on the issue of nationalization are considered. A huge contribution to the development of the institute of nationalization was made by civil scientists L.V. Schennikova, L.I. Yakobson, D.V. Borodina, M.Y. Karpov, V.A. Belov.

Historical experience shows that nationalization is the reverse process of privatization. It is a huge means of solving the problems of economic development and acts as an instrument of positive effect for the development of the state. Nationalization is dictated by economic expediency, capital-intensive and low-profit enterprises are most often nationalized. It is also necessary to strengthen the country's defense capability and to soften social policy and political goals. The right of the State to nationalize property is provided for in the Charter of Economic Rights and Obligations of the State adopted by resolution 3281 (XXIX) of the UN General Assembly on December 12, 1974. This is an economic measure carried out in the

interests of society on the basis of a special law of a state body with the payment of compensation to the owner of the nationalized property. The decision on nationalization should be made by the federal legislative authorities and the legislative authorities of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: nationalization, general utility, market economy, economic utility, natural monopoly, state property, political instrument, privatization, restoration of technological complexes.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) 1994 (ed. from 01.01.2022) // SPS "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. Schennikova L.V. Civil law science of nationalization // Bulletin of Perm University. 2012. No. 4 (18). pp. 179–186.
3. Yakobson L.I. The state sector of the economy: economic theory and policy. M., 2010–367 p.
4. Borodin D.V. Nationalization as an instrument of state regulation of the economy // Izvestia of higher educational institutions. 2014. No. 04(22). pp. 91–95.
5. Karpov M. Yu. Nationalization: trends in the development of doctrine and legislation // Lex Russia. 2016. No. 5 (114). pp. 133–146.
6. Altengova O.L. Qualifying signs of nationalization // Society and Law. 2011. No.5 (37). pp. 79–83.
7. Belov V.A. Nationalization in Russian civil law: history and modernity // Legislation. 1999. No.2, 3.
8. Dorofeeva Yu.A. Nationalization: issues of private international law:
9. Autoref. dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 2001. 23 p.; Dorofeeva Yu.A. Nationalization and expropriation as the basis for the compulsory termination of the right of private property by the state // The Power of Law. 2016. No. 2. pp. 59–73.
10. Draft Federal Law No. 98091828–2 "On the conversion of property into State ownership (nationalization)" (ed. submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation as of November 11, 1998) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/98091828-10>.
11. Naraeva A., Tsareva M., Milkin V. The bill on the possibility of nationalization of foreign companies is submitted to the State Duma // Vedomosti. 2022. 9 Mar.
12. Draft Federal Law No. 80712–8 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (regarding the improvement of mechanisms ensuring sustainable economic development in the face of sanctions pressure from foreign States)" (ed. submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation as of March 3, 2022) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80712-8>.
13. Tavasieva A.M. Banking. Management and technology. Textbook for university students. M., 2019. p. 67.
14. Ibayev R.K. Status of the Central Bank of the Russian Federation // Bulletin of Science. 2022. No. 2(47). pp. 95–99.

Правовые особенности оспаривания сделок при банкротстве гражданина в процедуре реализации имущества

Асташкин Алексей Федорович,

аспирант, юридический факультет, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: 8157681@gmail.com

Статья начиная с обзора концепции банкротства гражданина, и отмечая значимые изменения в российском законодательстве, начиная с 2014 года. Автор уделяет внимание статистике и эффективности процедуры банкротства, выделяя проблемы, такие как высокая стоимость услуг, недостаточная правовая грамотность и проблемы в правоприменении.

Основная часть статьи фокусируется на правовой базе для оспаривания сделок при банкротстве, включая Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Гражданский кодекс РФ. Автор обсуждает основания для оспаривания сделок, в том числе нарушения, фиктивность и злоупотребление правом, и роль арбитражного управляющего и кредиторов в данном процессе, также рассматривая судебную практику и правовые трудности, возникающие при оспаривании сделок.

Особое внимание уделяется критериям и условиям оспаривания сделок, представлена таблица, систематизирующая принципы оспаривания сделок, от законных оснований до сроков оспаривания и роли кредитора.

В конце статьи автор обсуждает проблемы, возникающие в процессе оспаривания сделок, и предлагает пути улучшения данного процесса для обеспечения более эффективного и справедливого распределения имущества должников.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, Федеральный закон о банкротстве, Гражданский кодекс РФ, судебная практика, правовая грамотность, правоприменительные проблемы, законодательные изменения.

Введение

Под определением банкротства гражданина подразумевается юридическая процедура, которая позволяет физическому лицу, неспособному удовлетворить свои долги перед кредиторами, получить финансовое облегчение и возможность начать финансовую жизнь с чистого листа, главным принципом является наличие задолженности у должника перед кредиторами, возникшей в результате неисполнения обязательств по договору или взыскании с него на основании правомочных актов [6].

Процедура банкротства гражданина в России начала развиваться с введением Федерального закона от 29 декабря 2014 года № 476-ФЗ¹, который внес изменения в законодательство, касающееся регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника, закон позволил проводить процедуру банкротства в отношении физических лиц, что стало значимым событием в правовой жизни России, поскольку до этого в российском законодательстве отсутствовала процедура банкротства физических лиц. Исследования в области банкротства физических лиц в России проводили такие авторы, как О.В. Богданов, М.Б. Ионина, Н.А. Котова, И.В. Логвина и другие юристы и праведы.

С момента принятия закона о банкротстве физических лиц, в стране было затронуто не менее 500–600 тысяч россиян, испытывающих сложности с исполнением своих долговых обязательств, с общим объемом долгового бремени, по различным оценкам, составляющим 32 миллиарда рублей, но анализ статистических данных показывает, что процедура банкротства физических лиц, несмотря на ее популярность, остается малоэффективной, а оно связано со сложностями правоприменительной практики [5].

В основные проблемы, препятствующие эффективному проведению процедуры банкротства физических лиц, входит высокая стоимость услуг и мероприятий по процедуре, недостаточная правовая грамотность населения и нежелание многих арбитражных управляющих заниматься данной процедурой из-за низкого вознаграждения, помимо этого существует правовая неопределенность в отношении проведения процедуры банкротства для отсутствующих или умерших физических лиц.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» (с изменениями и дополнениями).

Правовая база для оспаривания сделок при банкротстве

В соответствии с российским законодательством, основным актом, регулирующим процедуру банкротства, является Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ¹, данный закон обеспечивает правовую основу для процесса банкротства и включает положения, касающиеся оспаривания сделок должника.

Оспаривание сделок в связи с банкротством осуществляется по ряду оснований, установленных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» и Гражданским Кодексом Российской Федерации (ГК РФ), существуют специальные и общие основания для оспаривания сделок, в том числе случаи, когда сделка признается недействительной из-за злоупотребления правом, фиктивности или иных нарушений, выявленных в процессе сделки [1]. В указанном Законе о банкротстве, особенно в главе III.1 устанавливаются специальные основания для оспаривания сделок, совершенных должником или за его счет, и приравненных к сделкам действий, сюда входят действия, направленные на исполнение обязанностей, возникающих в соответствии с законодательством о налогах и сборах.

На практике часто встречаются случаи, когда должники злоупотребляют своими правами, инициируя процедуру банкротства и сохраняя большую часть своего капитала за счет заключения фиктивных сделок, поэтому оспаривание сделок осуществляется как в интересах защиты от злоупотреблений, так и для достижения недобросовестных целей.

Субъектами, уполномоченными на оспаривание сделок, являются, в частности, арбитражный управляющий (внешний или конкурсный), конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, которые инициируют оспаривание сделок по своему усмотрению или в соответствии с решениями собрания кредиторов.

Проблема в данной области – отсутствие четких критериев для оспаривания сделок, которые усложняют определение их допустимости или недопустимости, вследствие данный процесс оспаривания сделок приводит к изменению основных положений процедуры банкротства и влияют на права и интересы различных участников процесса.

Оспаривание сделок в процедуре несостоятельности (банкротства) отличается от оспаривания сделок в обычных гражданских правоотношениях, так как касается не только гражданско-правовых оснований, но и фактических действий, возникающих из иных правоотношений, таких как трудовые, процессуальные, семейные и другие. Глава 111.1 «Оспаривание сделок должника» Закона о банкротстве детально регламентирует процедуру

¹ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N127-ФЗ (последняя редакция).

ру оспаривания, указывая на особенности оспаривания различных видов сделок должника и предоставляя право на оспаривание сделок арбитражному управляющему, который действует как по собственной инициативе, так и по решению собрания кредиторов.

При оспаривании сделок нужно учитывать сроки исковой давности, например, сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, может быть признана арбитражным судом недействительной при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в то же время общий срок исковой давности для оспаривания сделок в рамках процедуры несостоятельности составляет три года. Другой причиной по которой сделка признается недействительной, когда она влечет за собой предпочтение в удовлетворении должником требований одного кредитора перед другими, особенно если сделка совершена после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия такого заявления [2].

Согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63², сделка по удовлетворению текущего платежа, совершенная с нарушением установленной очередности, может быть признана недействительной, если в результате данной сделки у должника отсутствуют денежные средства, достаточные для удовлетворения текущих платежей, имевших приоритет над погашенным требованием.

Особенности оспаривания сделок в процессе банкротства гражданина

Критерии и условия для оспаривания сделок в процессе банкротства гражданина в России основываются на законодательных актах, в частности на Федеральном законе «О банкротстве» и Гражданском кодексе РФ. Процесс оспаривания сделок при банкротстве направлен не только на избавление должника от существующих долгов, но и на расчеты с кредиторами за счет имеющегося имущества.

Сделки оспариваются, в случае, если они имеют признаки недействительности, такие как заключение на нерыночных условиях, нарушение интересов кредиторов, негативное влияние на имущество лица и другие. Подозрительными считаются сделки, где второй стороной выступает близкий родственник или другое заинтересованное лицо, и если сделка нанесла ущерб кредиторам или предмет договора не относится к собственности лица. Законодательство выделяет несколько типов незаконных сделок при банкротстве: подозрительные и совершенные в интересах кредиторов, которые могут быть оспоримыми или ничтожными.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

Управляющий в рамках дела о признании должника несостоятельным проверяет все операции, совершенные за последние 3 года, и в случае обнаружения сомнительных мероприятий подает ходатайство в АС о признании их недействительной, подозрительные и недействительные сделки отменяются в соответствии со ст. 61.2 ФЗ-127 от 2022 года¹.

Сделки, совершенные в интересах кредиторов, оспариваются, если они исполняются в предпочтительном порядке и приводят к смене очередности удовлетворения требований или исполнению требований взыскателя, срок выполнения которых еще не наступил, согласно ст. 166 ГК РФ², оспоримыми называют соглашения, которые незаконны в силу решения суда, а ничтожными – недействительные операции по закону.

С другой стороны некоторые сделки не подлежат признанию недействительными, например, те, что совершены на организованном аукционе, или договора, стоимость которых менее 1% от суммы всех активов лица. Срок давности оспаривания сделок установлен на законодательном уровне: иск о признании договора недействительным, если он оспоримый, подается в течение одного года, а о применении последствий ничтожности – на протяжении трех лет.

Что касается судебной практики в данном вопросе, то Верховный суд России указал, что при оспаривании сделки в процедуре банкротства суд должен выбрать одну подходящую квалификацию для рассматриваемых правоотношений, усложняя для кредиторов правила оспаривания сделок [4]. В делах о банкротстве сделки могут быть оспорены по общим и специальным основаниям, причем оспаривание сделок, совершенных с неравноценным встречным исполнением обязательства, должны быть совершены не более, чем за 1 год до даты принятия заявления о признании должника банкротом.

Для более глубокого понимания процесса оспаривания сделок в процессе банкротства гражданина в Российской Федерации нужно понимать множество юридических аспектов, которые включают: законные основания для оспаривания, роли различных участников процесса, таких как кредиторы и финансовые управляющие, сроки и условия. Ниже представлена таблица, которая систематизирует эти вопросы для более удобного восприятия и анализа, а данные, представленные в таблице, основаны на актуальных юридических нормах и практике, в том числе положения Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (см. Табл. 1).

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.11.2023). Статья 61.2. Оспаривание подозрительных сделок должника.

² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). Статья 166. Оспоримые и ничтожные сделки.

Таблица 1. Оспаривание сделок в процессе банкротства гражданина в РФ

Аспект	Описание
Законные основания	Неплатежеспособность, недобросовестность, причинение вреда кредиторам, заниженная цена, сделки между родственниками, безвозмездный характер, формальность, наличные расчеты, некорректное оформление
Сроки оспаривания	От 1 месяца до 3 лет в зависимости от вида сделки
Роль кредитора	Право оспаривать сделки при задолженности более 10% от реестра требований
Судебное исковое производство	Процесс через суд на основе представленных доказательств
Нормативная база	Арбитражный суд, роль финансового управляющего, ограничения по времени
Предмет оспаривания	Предотвращение выведения имущества из конкурсной массы
Оспаривание действий третьих лиц	Включает банки, кредиторов, присвоение имущества
Условия для подачи иска	Назначение финансового управляющего, наличие оригинала договора
Специальные основания для оспаривания	Неравноценность сделки, материальный вред кредиторам, внеочередной возврат долгов
Оспариваемые действия должника	Любые действия с активами, вызывающие подозрение
Сделки по статьям ГК РФ	Противоречие законодательству, мнимость, превышение полномочий
Неоспоримые сделки	Сделки на аукционе в процессе банкротства, неприбыльные контракты
Оспоримые и ничтожные сделки	Зависят от соответствия законодательным требованиям
Сроки оспаривания	От 1 до 3 лет в зависимости от характера сделки

Процедура оспаривания сделок при банкротстве гражданина в процедуре реализации имущества

В процессе банкротства гражданина России, порядок подачи заявления об оспаривании сделок начинается с подачи заявления в арбитражный суд, который рассматривает дело о банкротстве должника, заявление должно соответствовать требованиям, предъявляемым к исковому заявлению в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом. Заявитель обязан направить копии заявления и прилагаемых к нему документов кредиторам или иным лицам, в отношении которых совершена оспариваемая сделка, заказным письмом с уведомлением о вручении.

Кредиторы и другие заинтересованные лица, в отношении которых совершена оспариваемая сделка, имеют право знакомиться с материалами дела, представлять и изучать доказательства, уча-

ствовать в исследовании доказательств, задавать вопросы, выдвигать ходатайства и обжаловать судебные решения.

По результатам рассмотрения заявления суд выносит решение о признании сделки недействительной или об отказе в удовлетворении заявления, решение может быть обжаловано в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации.

Основная цель оспаривания сделок – это увеличение конкурсной массы должника за счет возврата в нее имущества, денежных средств, прав требования и других объектов гражданских прав. Если суд признает сделку недействительной, то он обяжет приобретателя по сделке вернуть имущество, а в случаях, когда возврат имущества в натуре невозможен, суд может обязать приобретателя вернуть его стоимость денежными средствами в конкурсную массу, которые возможно оспорить, если они совершены в течение одного года до принятия судом заявления о банкротстве или после принятия такого заявления.

Оспаривание сделок в процессе банкротства гражданина, особенно при реализации имущества, сопровождается рядом проблематических моментов, таких как, во-первых, вопрос о соотношении общих и специальных оснований оспаривания сделок, который обуславливает научные дискуссии и юридические разногласия. Во-вторых, дополнительные трудности возникают при определении субъектов, имеющих право на оспаривание сделок, особенно после изменений в законодательстве, и в-третьих, неопределенность последствий признания сделок недействительными создает правовую неопределенность и затрагивает интересы добросовестных кредиторов [3].

Заключение

Правовые особенности оспаривания сделок в связи с банкротством гражданина в России в процедуре реализации имущества должника выявляет как возможности, так и проблемы, с которыми сталкиваются участники процесса, а принятые законодательные акты, в частности Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», создают основу для регулирования процедур, связанных с оспариванием сделок. Эти нормативные акты способствуют более эффективному распределению имущества должника, обеспечивая тем самым справедливость в удовлетворении требований кредиторов. Но, с другой стороны, как показывает практика, существующие механизмы оспаривания сделок нередко сталкиваются с проблемами, такими как высокая стоимость процедуры, недостаточная правовая грамотность населения, и сложности в применении.

В свете вышеизложенного, для улучшения процесса оспаривания сделок в рамках банкротства нужно не только совершенствовать законодательные рамки, но и обеспечить более четкую правоприменительную практику, и повысить уровень

правовой осведомленности граждан, подобные шаги способствуют более эффективной и справедливой реализации имущества должников, учитывая интересы всех участников процесса банкротства.

Литература

1. Бекетова К.Н. Оспаривание сделок должника при процедуре банкротства // Молодой ученый. 2022. № 27 (422). С. 71–74. URL: <https://moluch.ru/archive/422/93789/> (дата обращения: 17.11.2023).
2. Гартина Ю.А. Правовые особенности оспаривания сделок должника в процедуре банкротства // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-osparivaniya-sdelok-dolzhnika-v-protsedure-bankrotstva> (дата обращения: 17.11.2023).
3. Иркиенко Г. Н., Шаповалов Д.А. Проблемы правового регулирования оспаривания сделок должника при банкротстве // E-Scio. 2021. № 9 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-osparivaniya-sdelok-dolzhnika-pri-bankrotstve> (дата обращения: 17.11.2023).
4. Кайдашов И.Г. Оспаривание сделок при банкротстве [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://els24.com/article/1625-osparivanie-sdelok-pri-bankrotstve/> (дата обращения: 12.11.2023).
5. Назаров Д.Г. Особенности и тенденции банкротства физических лиц в современной России // Евразийская адвокатура. 2018. № 1 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-tendentsii-bankrotstva-fizicheskikh-lits-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 17.11.2023).
6. Шаменков Ю. Процедура банкротства гражданина: характеристика и правовое регулирование [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://adminnovzraion.ru/blog/procedura-bankrotstva-grazhdanina-harakteristika-i-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 14.11.2023).

LEGAL ASPECTS OF CHALLENGING TRANSACTIONS IN THE EVENT OF A CITIZEN'S BANKRUPTCY DURING THE PROPERTY REALIZATION PROCEDURE

Astashkin A.F.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article begins with an overview of the concept of a citizen's bankruptcy, noting significant changes in Russian legislation since 2014. The author focuses on the statistics and effectiveness of the bankruptcy procedure, highlighting issues such as the high cost of services, insufficient legal literacy, and problems in legal application. The main part of the article concentrates on the legal basis for challenging transactions in bankruptcy, including the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Civil Code of the Russian Federation. The author discusses the grounds for challenging transactions, including violations, fictitiousness, and abuse of rights, as well as the role of the arbitration manager and creditors in this process, also considering legal difficulties and judicial practice arising in challenging transactions.

Special attention is paid to the criteria and conditions for challenging transactions, with a table presented that systematizes the principles

of challenging transactions, from legal grounds to the timeframes for challenges and the role of creditors.

In the conclusion, the author discusses the problems arising in the process of challenging transactions and suggests ways to improve this process to ensure more effective and equitable distribution of the debtor's property.

Keywords: bankruptcy, challenging transactions, Federal Bankruptcy Law, Civil Code of the Russian Federation, judicial practice, legal literacy, legal application problems, legislative changes.

References

1. Beketova K.N. Challenging the debtor's transactions during the bankruptcy procedure // *Young Scientist*. 2022. No. 27 (422). pp. 71–74. URL: <https://moluch.ru/archive/422/93789/> (date of request: 17.11.2023).
2. Gartina Yu.A. Legal features of challenging the debtor's transactions in the bankruptcy procedure // *Law and the State: theory and practice*. 2019. No. 10 (178). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-osparivaniya-sdelok-dolzhnika-v-protsedure-bankrotstva> (date of application: 17.11.2023).
3. Irklienko G. N., Shapovalov D.A. Problems of legal regulation of challenging debtor's transactions in bankruptcy // *E-Scio*. 2021. No. 9 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-osparivaniya-sdelok-dolzhnika-pri-bankrotstve> (date of application: 17.11.2023).
4. Kaidashov I.G. Challenging transactions in bankruptcy [Electronic resource]. 2023. URL: <https://els24.com/article/1625-osparivanie-sdelok-pri-bankrotstve/> (date of request: 12.11.2023).
5. Nazarov D.G. Features and trends of bankruptcy of individuals in modern Russia // *Eurasian Advocacy*. 2018. No. 1 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-tendentsii-bankrotstva-fizicheskikh-lits-v-sovremennoy-rossii> (date of application: 17.11.2023).
6. Shamenkov Yu. The bankruptcy procedure of a citizen: characteristics and legal regulation [Electronic resource]. 2023. URL: <https://adminnovzraion.ru/blog/procedura-bankrotstva-grazhdanina-harakteristika-i-pravovoe-regulirovanie> (date of application: 14.11.2023).

Подходы к понятию и правовой природе реституции как последствия недействительности сделок

Еременко Дмитрий Евгеньевич,

студент, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: yeryomenko.de@gmail.com

Тюменцев Иван Александрович,

студент, кафедра гражданского права института философии и права Новосибирский государственный университет
E-mail: i.tyumentsev@g.nsu.ru

В статье рассмотрены подходы к понятию и природе реституции, выделены характерные черты сложившихся подходов. В результате анализа исторически сложившихся моделей реституции отмечена самобытность советской модели реституции, следы которой сохраняются в российском праве по сей день. Также в работе рассмотрена многоуровневая дискуссия о правовой природе реституции. В результате анализа природы реституции сделан вывод, что реституция в российском праве является самостоятельной категорией, отличной от кондикции и виндикации, а термины «реституция» и «двусторонняя реституция» за редким исключением используются как синонимичные. Отмечено, что механизм реституции изначально был основан на публичных интересах, но на данный момент прослеживается тенденция на повышение роли частных начал. С точки зрения мер гражданского правового принуждения реституция является мерой защиты.

Ключевые слова: недействительность сделок, последствия недействительности сделок, реституция, виндикация, кондикция.

В современных реалиях, когда происходит процесс перестройки привычных международных научных связей, вновь актуальным стал вопрос о вкладе каждого национального правового порядка в юридическую науку.

Безусловно, с позиции гражданского права такой вклад отечественного правового порядка весом, в особенности в советский период. Именно тогда с нуля были разработаны собственные подходы к регулированию многих правовых институтов, которые по своему содержанию отличаются от аналогичных инструментов в зарубежных правовых порядках.

Ярчайшим примером такого института является недействительность сделок, вокруг гражданско-правовых норм о которой сформировалось собственное учение.

В этой связи особенный интерес для исследования представляет понятие и природа центрального последствия недействительности сделок в отечественном праве – двусторонней реституции.

Прежде всего, данная тема актуальна в контексте расхождения в понимании термина «реституция» в российском и зарубежном праве. Для того, чтобы понять специфику дискуссии по данному вопросу и ее особую актуальность в контексте российского права, необходимо:

1. Во-первых, проследить, какой же смысл вкладывался в понятие реституции по мере развития общественных отношений.

2. Во-вторых, выделить специфику двустороннего характера реституции в российском праве.

“Restitutio” в связке со словами “in integrum” означает восстановление прежнего состояния [1, с. 86]. В российском праве реституцией называют возврат сторонам друг другу всего полученного по недействительной сделке в натуре или, если возврат в натуре невозможен, возмещение его стоимости [2, с. 465]. Важно отметить, что реституция применяется лишь к исполненным сделкам.

Чаще всего реституцию понимают именно как **двустороннюю реституцию** – основополагающую разновидность реституции. Те черты реституции, о которых говорят цивилисты, присущи двусторонней реституции. Прежде всего речь идет о двустороннем характере отношений, не свойственном для других видов реституции.

С исторической точки зрения можно выделить три модели реституции. Важнейшим индикатором той или иной модели реституции является не только содержание данного понятия на конкретном историческом этапе, но и соотношение со смежными категориями – виндикацией и кондикцией.

Первая модель реституции была сформирована в римском праве. Наиболее распространенный взгляд на реституцию в тот период сводится к тому, что она была особым преторским средством защиты, устранявшим правовой эффект того или иного юридического факта [3, с. 455]. В римском праве реституция касалась в целом юридических фактов (а не только сделок), причем правомерных, и преследовала цель аннулирования сделки, а не восстановления имущественного положения сторон недействительной сделки.

Хотя реституция и считалась особым преторским средством защиты, но в одном ряду с виндикацией и кондикцией не стояла, т.к. не имела самостоятельных механизмов реализации.

В связи вышесказанным, существование реституции в римском праве вызывает вопросы, ведь по существу речь шла об основном последствии недействительности сделок – аннулировании сделки. Поэтому вполне возможно, что реституции в привычном для нас смысле в римском праве и вовсе не существовало.

Последующее развитие права и утверждение принципа законности привело к тому, что реализовать такой широкий подход в правоприменительной деятельности было невозможно – необходимой для этого властью не обладали ни исполнительные, ни судебные органы. Все это привело к формированию второй модели реституции, сохранившейся и по сей день в зарубежных правовых системах.

Согласно **второй модели** реституции, она представляет собой возврат неосновательного обогащения, в том числе в связи с исполнением недействительной сделки [4, с. 289–320].

Сторонники такого подхода не проводят никаких разграничений между исполнением недействительной сделки и исполнением неосновательного. Соответственно, реституция рассматривается как один из случаев отпадения правового основания у правоотношения. Последствием применения такого подхода является возврат имущества, полученного по сделке, как неосновательного обогащения.

Взгляд на реституцию в большинстве зарубежных стран совпадает – это средство замены на требование о возврате неосновательного. Поэтому реституция в данных правовых системах не является самостоятельным способом защиты нарушенных прав, а ее реализация происходит посредством применения иных способов защиты.

Это узкий подход к понятию реституции: она констатирует утрату правового основания существующих отношений по сделке, но не содержит специальных механизмов возврата сторон в прежнее положение. Такой подход хотя и признает существование реституции, но отрицает ее самостоятельность, рассматривая ее лишь как разновидность кондикции.

Следующая модель реституции сформировалась в Советской России. Хотя и сам термин «реституция» был введен в научный оборот ближе к середине XX века, первый шаг в данном направлении был сделан намного раньше – в связи с при-

нятием ГК РСФСР 1922 года реституция впервые в России получила закрепление как последствие недействительности сделки [3, с. 91].

В статьях 147–151 ГК РСФСР 1922 года сформулированы положения, которые указывали на те явления, которые сегодня отечественная цивилистика называет запретом реституции (ст. 147), односторонней реституцией (ст. 149), двусторонней реституцией (ст. 148, ст. 151) [5]. Специальных механизмов реализации реституции кодекс не предусматривал.

Реституция впервые перестала рассматриваться как совокупная категория, она «раздробилась» на разновидности – двустороннюю и одностороннюю реституцию, а также на альтернативный ей запрет реституции.

При всем при этом, реституция еще не рассматривалась как самостоятельная категория, поскольку способы возврата имущества оставались прежними. В статьях ГК РСФСР 1922 г., регулирующих вопросы последствий недействительности сделок, содержались прямые отсылки к институту неосновательного обогащения (ст. 147, 149, 150).

Временной разрыв между появлением термина «реституция» в советской цивилистике и его закреплением в законодательстве породил точку зрения, что данный термин носит технический характер.

Под реституцией стало пониматься возвращение сторонами недействительной сделки друг другу полученного ими по такой сделке имущества или же компенсация стоимости полученного при невозможности его возврата в натуре [6, с. 427]. Такое определение отражает суть двусторонней реституции, поэтому в российской цивилистике термин «реституция» ассоциируется именно с данной разновидностью.

Положения ч. 2 ст. 48 ГК РСФСР 1964 г. установили **единое последствие недействительности сделок в виде двусторонней реституции** – обязанности сторон вернуть другой стороне все полученное по сделке, а при невозможности вернуть полученное в натуре – возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены в законе [7]. Поэтому по умолчанию реституция воспринимается именно как двусторонняя реституция.

В современном российском праве указанная норма практически дословно воспроизведена в п. 2 ст. 167 ГК РФ в качестве **специального** последствия недействительности: она имеет место, «если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом».

Российский подход к понятию реституции отличается от зарубежного. При этом прослеживается общая идея между всеми концепциями реституции – «реституция» неразрывно связана с категорией «справедливость».

Возникает вопрос: в чем же причина таких различий? Самый популярный ответ на данный вопрос – идеологические причины.

Такое мнение не может быть единственно верным, недостаточно объяснять текущий подход к ре-

ституции только лишь советской идеологией. Конечно, имеются небесспорные основания считать реституцию избыточным усложнением.

Вместе с тем, перерождение данного понятия можно рассматривать и как достижение отечественной цивилистики, поскольку реституция в западной науке не получила внятной разработки. Так или иначе – эта категория сохранилась и в современности, устояла после многочисленных реформ, четких альтернатив ей доктрина не предлагает, так что единственное, что остается – продолжать осмысливать это наследие советского права.

Подводя итог рассмотрения вопроса о понятии реституции, следует отметить, что анализ моделей развития института реституции показал, что первичным дискуссионным вопросом в данной теме является вопрос о самостоятельности рассматриваемой категории. Ответ на этот вопрос определяет содержание термина.

Хотя реституция и возникла в римском праве реституция, но там она была вспомогательным средством. Зарубежное право не рассматривает реституцию как самостоятельную категорию наравне с виндикацией и кондикцией.

Отечественный правопорядок демонстрирует широкий подход к реституции, поскольку закреплен специальный механизм обратного истребования того, что получено по недействительной сделке. Реституция рассматривается как специальное последствие недействительности сделки, имеющее двусторонний характер, поэтому этот термин ассоциируется с ее основным видом – двусторонней реституцией.

Правовая природа реституции. Вопрос о правовой природе реституции многоаспектен, в связи с чем его полное рассмотрение в одной плоскости невозможно. Дискуссия ведется по следующим аспектам:

1. Место двусторонней реституции в системе имущественных правоотношений.
2. Спор о публичной и частной природе двусторонней реституции.
3. Место двусторонней реституции в системе мер гражданско-правового принуждения.

Первая дискуссия сводится к спорам о самостоятельности указанной категории в российском праве и ее отграничении от кондикции и виндикации. Предпосылкой к возникновению споров является неопределенность относительно понятия реституции и споры о ее двустороннем характере. Выделяется три точки зрения:

1. Реституция – разновидность кондикции (Ф.С. Хейфец, В.П. Шахматов).
2. Реституция – комплексная категория, которая, в зависимости от конкретной ситуации, может являться как виндикацией, так и кондикцией (А.Г. Карапетов, Е.А. Суханов, Д.О. Тузов).
3. Реституция, виндикация и кондикция – самостоятельные категории (А.М. Джанаева, Л.А. Лушина, К.И. Скловский).

Согласно первой позиции, неосновательное обогащение является правовым основанием

реституции [8, с. 144]. Суть данной идеи сводится к тому, что в результате признания сделки недействительной исчезает правовое основание на полученное по ней имущество.

Приверженцы данного подхода считают, что во всех случаях недействительности сделок с их исполнением возникает и неосновательное получение имущества [9, с. 247–248]. Такая точка зрения является отражением зарубежного понимания реституции и не находит поддержки ни в цивилистике, ни в законодательстве, ни в судебной практике.

Базовое различие двусторонней реституции и кондикции состоит в том, к неосновательному обогащению в российском праве применяется принцип «отсутствия основания» (нет основания для обогащения – применяются нормы о неосновательном обогащении), для применения реституции необходимо наличие «несправедливого фактора» в виде недействительной сделки (конкретно названо основание для применения норм права) [10, с. 10].

Характеризуя вторую точку зрения, следует обозначить, что отечественный подход к реституции – комплексный. Сторонники данного подхода считают, что реституция рассматривается как совокупное понятие, состоящее из двух элементов, составляющих содержание требования о применении последствий недействительности сделки в зависимости от конкретной ситуации: **реституция владения и компенсаторная реституция.**

О реституции владения принято говорить, когда предметом требования является возврат индивидуально-определенной вещи, переданной по недействительной сделке и сохранившейся в натуре к моменту рассмотрения спора. Это требование основано не на нарушении права собственности лица, передавшего вещь по недействительной сделке, а на факте передачи владения по порочному основанию [2, с. 456].

Акцент делается не на том, кому принадлежит титул собственника, а именно на тот факт, что основанием передачи вещи была недействительная сделка. Именно эта черта является основным отличием от виндикации. Поэтому, в разъяснении п. 81 Постановления Пленума ВС РФ № 25 указано, что истец, который требует возврата переданной им вещи, не должен поэтому утверждать и доказывать, что является ее собственником [11].

Второе различие выделяют при сопоставлении природы данных категорий. Если виндикация является вещным средством защиты, то двусторонняя реституция по своим признакам больше похожа на обязательство [6, с. 452].

Точку в данном вопросе ставит судебная практика, которая сформулировала однозначную позицию: невозможно вернуть имущество, переданное истцом по недействительной сделке ответчику, из незаконного владения последнего по нормам о виндикации. Возврат такого имущества возможен лишь в порядке предъявления требования о применении последствий недействительно-

сти сделки. Общее разъяснение на этот счет содержится в п. 34 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 [12]. Исключением из данного правила является применение норм о виндикации в отношении добросовестных приобретателей недвижимого имущества по недействительной сделке.

Второй механизм реализации реституции – **компенсаторная реституция**, применяется, когда переданная по недействительной сделке вещь не сохранилась у получившей ее стороны либо оказанное по недействительной сделке предоставление было иным, нежели передача вещи, а полученное не может быть возвращено в натуре. В такой ситуации предметом реституции становится стоимость полученного имущества [11, с. 457].

Предложенная концепция выстраивает реституцию как единство двух противоположностей – кондикции и виндикации.

Третья точка зрения о месте двусторонней реституции среди других гражданско-правовых категорий выражает традиционный подход.

К.И. Скловский считает, что реституция обладает присущими только ей чертами: взаимный характер – возврат вещи лицу только в силу факта обладания ею до совершения недействительной сделки независимо от законности и добросовестности владения [13].

В одном из определений Верховный Суд отметил, что реституция является самостоятельным гражданско-правовым институтом, отличным от института взыскания неосновательного обогащения, обладающим рядом особенностей (публичный характер, взаимный характер, наличие некоторых черт обязательства и др.) [14].

В ч. 2 ст. 1103 ГК РФ установлено *субсидиарное* применение норм о неосновательном обогащении к реституции [15]. Отсюда следует вывод, что обязанности сторон вернуть друг другу все полученное ими по недействительной сделке или компенсировать его стоимость в деньгах рассматриваются как два самостоятельных правоотношения [3, с. 93].

Таким образом, именно отечественный законодатель первым решает не только выделить реституцию отдельно от классических способов защиты – кондикции и виндикации, но и попытаться провести отграничения между ними.

Важное значение имеет вопрос о соотношении публичных и частных начал в реституции. Считается, что публично-правовые черты исторически присущи реституции.

В советский период реституция так же рассматривалась как средство публичного характера, защищающее не конкретных лиц, а правопорядок в целом от негативных последствий недействительных сделок. Вопреки указанной точке зрения, Е.А. Суханов отмечает, что целью реституции является защита частных интересов сторон недействительной сделки, поэтому по общему правилу право требовать применения последствий недействительности принадлежит только им [2, с. 454].

Рассматривая реституцию как правоотношение можно заметить, что в результате ее применения затрагиваются интересы только самих сторон сделки и только в целях их защиты, т.е. напрямую публичное начало не предусмотрено. Но идея справедливости, исторически заложенная в реституции, выходит за грани конкретного правоотношения по реституции.

Текущий механизм реституции – это не столько средство защиты частного субъективного права, сколько средство защиты оборота, именно в этом состоит публичный характер реституции. Этот тезис – эхо советского подхода к реституции, но свое обоснование он имеет: ранее суд мог по своей инициативе применять последствия недействительности сделки, данная возможность остается у суда и сейчас, но уже в качестве исключительных случаев, обоснование которых – защита публичных интересов.

Таким образом, одновременно присутствуют в реституции публичные и частные начала. Публичный интерес состоит в защите гражданского оборота, а частный – в защите субъективных прав участников правоотношений. С учетом преобладания в реституции публичных начал, можно утверждать, что возможность использования ее для защиты конкретных субъективных прав может явиться результатом ситуативного совпадения с основной функцией – реакцией на нарушение правопорядка.

Исходя из анализа соотношения публичных и частных начал в реституции следует вывод, что эта категория – мера охранительная. **В связи с этим возникает вопрос: а какое место реституция занимает в системе мер гражданско-правового принуждения?** Выделяют следующие точки зрения:

1. Реституция как мера ответственности (И.В. Матвеев, С.А. Самсонов).

2. Реституция как мера защиты (А.М. Джанаева, К.И. Скловский, Е.А. Суханов, Д.О. Тузов).

С.Н. Братусь относил принудительное осуществление двусторонней реституции к мерам ответственности [16, с. 138]. И.В. Матвеев поддерживает данную точку зрения и полагает, что при реституции стороны несут потери: контрагентами могли быть сделаны затраты на ведение переговоров; сторона, вступая в договор, преследовала определенные цели, и их не добились, в случае признания договора недействительным [17, с. 12].

Для того, чтобы определить природу реституции, нужно определить, от какого из понятий гражданско-правовой ответственности исходить. Наиболее полным представляется понимание гражданско-правовой ответственности как отражающей негативное отношение к правонарушению одна из форм государственного принуждения, выражающаяся в возложении на причинителя вреда и (или) лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство неблагоприятных, безэквивалентных, дополнительных имущественных лишений.

Реституция направлена на возврат переданного по недействительной сделке имущества. Если изначально предполагалась эквивалентность требований сторон, то и при возврате имущества сторонами друг другу она сохраняется в полном объеме. При применении двусторонней реституции на стороны не возлагаются дополнительные лишения, что исключает возможность отнесения реституции к мерам ответственности [19, с. 15].

Таким образом, реституция соответствует признакам мер защиты:

1) реституция направлена на защиту субъективных прав и интересов сторон;

2) применение реституции не зависит от наличия правонарушения;

3) у сторон не возникает дополнительных обременений, поскольку обязательства друг перед другом считаются эквивалентными.

Отличие же реституции от мер ответственности состоит в том, что применение реституции не зависит от условий наступления гражданско-правовой ответственности.

Подводя итог исследования, следует отметить, что реституция является средством восстановления сторон в положение, существовавшее до аннулирования недействительной сделки.

В России реституции придается особое значение, она отождествляется с двусторонней реституцией и означает самостоятельный механизм, неоднородный по своей природе.

По вопросам правовой природе реституции споры ведутся насчет места реституции в системе имущественных отношений, в системе мер гражданско-правового принуждения, а также о соотношении публичных и частных начал в данном механизме.

Реституция является самостоятельной категорией, в системе мер гражданско-правового принуждения она является мерой защиты. Отечественный подход к реституции характеризуется доминированием в ней публичных начал над частными, но данный баланс на протяжении длительного времени устойчиво смещается в сторону частных начал.

Самобытность данного механизма возлагает большую ответственность как на законодателя, так и на цивилистику. Если интерес законодателя состоит в том, чтобы создать рабочий механизм для возврата сторон в положение, существовавшее до сделки, то интерес доктрины – в конкретном описании этого механизма, выявлении его проблем и разработки путей решения.

Сейчас же остается констатировать, что такой механизм существует, оставаясь труднопознаваемым даже на уровне базовых вопросов.

Литература

1. Зарубин А.В. Restitutio in integrum: общие положения и ее действие по устранению последствий недействительности сделок // Власть закона. 2013. № 1(13). С. 86–99.

2. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. 2-изд. Т. I: Общая часть. 596 с.
3. Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут, 2007. 206 с.
4. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. II. М, 1998. С. 478 с.
5. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904. Утратил силу.
6. Карапетов А.Г. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 ГК РФ. 1264 с.
7. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. Утратил силу.
8. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 1999. 162 с.
9. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. 310 с.
10. Джанаева А.М. Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2016. 21 с.
11. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. Далее – Постановление Пленума ВС РФ № 25.
12. Постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29.10.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (ред. от 23.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.
13. Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8. С. 109.
14. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14–79 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2023).
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.
16. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М.: Городец, 2001. С. 138.
17. Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2002. С. 12.
18. Джанаева А.М. Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15.

APPROACHES TO THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF RESTITUTION AS CONSEQUENCES OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS

Eremenko D.E., Tyumentsev I.A.
Novosibirsk State University

The article examines approaches to the concept and legal nature of restitution and highlights the characteristic features of existing approaches. As a result of the analysis of historically established models of restitution, the originality of the Soviet model of restitution was noted, traces of which remain in Russian law to this day. The work also examines a multi-level discussion about the legal nature of restitution. As a result of the analysis of the nature of restitution, it was concluded that restitution in Russian law is an independent category, different from condiction and vindication, and the terms "restitution" and "bilateral restitution", with rare exceptions, are used as synonymous. It is noted that the restitution mechanism was initially based on public interests, but at the moment there is a tendency to increase the role of private principles. From the point of view of civil enforcement measures, restitution is a protective measure.

Keywords: invalidity of transactions, consequences of invalidity of transactions, restitution, vindication, condiction.

References

1. Zarubin A.V. Restitutio in integrum: general provisions and its action to eliminate the consequences of invalidity of transactions // *The rule of law*. 2013. No. 1(13). pp. 86–99.
2. Sukhanov E.A. *Civil law: textbook: in 4 volumes, 2nd ed.* T. I: General part. 596 pp.
3. Tuzov D.O. Restitution in case of invalidity of transactions and protection of a bona fide purchaser in Russian civil law. M.: Statute, 2007. 206 p.
4. Zweigert K. Introduction to comparative law in the field of private law: In 2 volumes. T. II. M., 1998. P. 478 p.
5. Civil Code of the RSFSR of November 11, 1922 // *SU RSFSR*. 1922. No. 71. Art. 904. Lost power.
6. Karapetov A.G. Transactions, representation, limitation of actions: article-by-article commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation. 1264 pp.
7. Civil Code of the RSFSR dated June 11, 1964 // *Gazette of the RSFSR Armed Forces*. 1964. No. 24. Art. 407. Lost power.
8. Kheifets F.S. Invalidity of transactions under Russian civil law. M.: Yurayt, 1999. 162 p.
9. Shakhmatov V.P. The components of illegal transactions and the consequences caused by them. Tomsk, 1967. 310 p.
10. Dzhanaeva A.M. The concept of restitution: comparative legal analysis of the institution in the Russian and Anglo-American legal systems: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sci. M. 2016. 21 p.
11. Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2015. No. 8. Next is Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces No. 25.
12. Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 29, 2010 No. 10/22 "On some issues arising in judicial practice when resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights" (as amended on June 23, 2015) // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2010. No. 7.
13. Sklovsky K.I. Some problems of restitution // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2002. No. 8. P. 109.
14. Determination of the Investigative Committee on economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 16, 2014 in case No. 310-ES14–79 [Electronic resource] // ATP "ConsultantPlus" (date of access: 09/01/2023).
15. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 24, 2023) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 5. Art. 410.
16. Bratus S.N. Legal responsibility and legality (Essay on the theory). M.: Gorodets, 2001. P. 138.
17. Matveev I.V. Legal nature of invalid transactions: abstract. dis. ...cand. legal Sci. M. 2002. P. 12.
18. Dzhanaeva A.M. The concept of restitution: comparative legal analysis of the institution in the Russian and Anglo-American legal systems: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sci. P. 15.

Регулирование правового статуса «цифрового горожанина», аспекты информационной безопасности

Задорожная Евгения Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса, АНОВО «Московский международный университет»

E-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

В инфосфере современного города на фоне развития искусственного интеллекта неизбежно трансформируются правовые отношения. В статье проанализированы вопросы создания цифровых отражений реальной личности. Отмечена важность их регулирования правом во избежание нарушений и злоупотреблений, в том числе, в целях преодоления последствий санкционной политики недружественных государств и укрепления безопасности России, а также определения субъекта, подлежащего ответственности в случае использования образов, являющихся точной визуальной копией физических лиц с их согласия или без такового, сопряженных с внедрением технологий искусственного интеллекта. С учетом вероятного признания технико-юридического образа современного жителя города, наделенного искусственным интеллектом, юридической фикцией и квази-субъектом права проведен анализ нормативных правовых актов и предложены формулировки принципов правового регулирования правового статуса цифрового горожанина, позволяющих избежать нарушения законных прав горожанина – физического лица.

Ключевые слова: город, горожанин, цифровой горожанин, цифровой двойник, искусственный интеллект, субъект.

Ритм жизни современного горожанина заставляет его менять так называемую зону «личного комфорта», оптимизировать процесс закупки продуктов и личных вещей, с некоторых пор с использованием онлайн-сервисов можно даже купить квартиру. Все это влияет на количество учетных записей в различных информационных системах, а также информации как сведений независимо от формы их представления¹, формирующей представление о человеке как о субъекте самых разных отношений, в том числе, правового характера.

Ожидания горожан в процессе внедрения «умных городов» в большой степени зависят от технологии и безопасности обработки накопленной информации искусственный интеллект может стать высокотехнологичным помощником, позволяющим не только наглядно демонстрировать удобство проживания в городской агломерации, но и трансформировать городскую среду применительно к потребностям жителей, а может стать источником дополнительных проблем.

Для решения насущных задач требуется умение задавать при его использовании правильные вопросы и ставить верные цели для изучения т.н. «цифровой личности» [10]. Однако отмечается, что в случае многокритериальных «пригодных для жизни городов», возможности использования искусственного интеллекта еще предстоит охарактеризовать [2, с. 74–83].

Предложим определение «цифрового горожанина» как цифрового отражения реальной личности, с учетом возможных искажений в достоверности персональной информации, при взаимодействии с различными субъектами правоотношений (государственные организации, юридические лица, физические лица), фактически являющегося квази-субъектом правоотношений. Отметим, что в связи с тем, что цифровой горожанин не может представлять из себя точную копию городского жителя, а правовое регулирование данной сферы находится в процессе оформления.

Полагаем целесообразным формулирование основополагающих принципов нормативного регулирования правового статуса цифрового горожанина:

- законность;
- неприкосновенность частной жизни;
- обеспечение безопасности персональных данных цифрового горожанина и его оригинала;

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448.

– всесторонняя защита цифрового гражданина от появления недобросовестных его копий.

Законность

Вопросы создания цифровых отражений реальной личности должны быть урегулированы правом во избежание нарушений и злоупотреблений, в том числе, в целях преодоления последствий санкционной политики недружественных государств и укрепления безопасности России.

Городские жители (горожане) являются частью структуры территориальной основы города [9, с. 58, с. 63–68]. Структура городского хозяйства должна соответствовать функциям обеспечения жизнедеятельности города. Например, в Статье 3 Устава города Москвы дается определение категории «население города Москвы», а также уточняются вопросы правосубъектности москвичей. Главное условие для отнесения к «городскому сообществу» – место жительства в городе Москве, независимо от сроков проживания, места рождения и национальности.

Развитие представлений об «инфосфере» произошло в соответствии с совершенствованием технических средств. Если А.П. Ершов описывал инфосферу фактически как параллельный мир, в котором обращается информация [3, с. 82–92], то И.В. Соловьев расширил количество вовлеченных субъектов и инфраструктурных элементов [8, с. 66–71].

Горожане, независимо от места проживания, вступают в правоотношения различного рода, в том числе, информационные правоотношения в инфосфере города [5, с. 171, 172]. Нормативными актами определены понятия: «федеральный регистр сведений о населении»¹, «искусственный интеллект»² и автоматизированная информационная система «Цифровой двойник» (АИС ЦД)³.

Среди нормативных правовых актов, регулирующих рассматриваемые правоотношения в городе Москве, отметим:

1. Протокол Мэра Москвы от 29.10.2013 г. № 4–27–118/3–2 «О создании и применении трехмерной цифровой модели города Москвы»;

¹ Федеральный закон от 08 июня 2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации (с изменениями на 28 декабря 2022 года)» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 08.06.2020, № 0001202006080019

² 1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия), утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490; 2. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

³ Постановление Правительства Москвы от 29 декабря 2022 г. № 3048-пп «Об автоматизированной информационной системе «цифровой двойник»

2. Поручение Мэра Москвы от 25.01.2019 г. № 4–13–1196/9 «О трёхмерной модели города Москвы»;
3. Распоряжение правительства Москвы от 04.03.2020 г. № 64–16–107/20/246 «Об утверждении технических требований к информации, полученной методом фотограмметрии, размещаемой в электронной форме в информационных системах города Москвы»;
4. Постановление Правительства Москвы от 09.07.2014 № 391-ПП «Об использовании воздушного пространства над Москвой»;
5. Положение к постановлению Правительства Москвы от 29.12.2022 № 3048-ПП Об автоматизированной информационной системе «Цифровой двойник» и др.

Субъекты вступают в правоотношения, используя учетные записи на различных сайтах или мобильных приложениях, которые могут носить как личный, так и корпоративный характер. В данном исследовании нас интересует, прежде всего, первый вариант.

В современной правовой литературе большое внимание уделяется вопросам создания цифровых двойников. Например, В.Н. Назаров наделяет их признаками субъекта информационной этики и указывает, что в качестве цифрового прототипа такого двойника выступает «статическая модель двойника: совокупность моральных данных индивида, необходимых и достаточных для описания и создания этической модели его цифрового двойника в различных сферах жизни и профилях деятельности», а цифровым экземпляром является «целостная информационная копия индивида в его динамике, в вероятностной многозначности его поведенческих реакций» [6].

Что касается технических отраслей, вопрос создания цифровых двойников имеет следующую регламентацию. Так в 2021 году Росстандарт принял ГОСТ Р 57700.37–2021 «Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения», устанавливающий требования к «цифровым двойникам» в машиностроении. В качестве примера реализации проекта можно привести работы по созданию электронного «двойника», к которым приступили специалисты Таганрогского металлургического завода («Тагмета») [13]. Под «Цифровым двойником изделия» понимается «система, состоящая из цифровой модели изделия и двусторонних информационных связей с изделием (при наличии изделия) и (или) его составными частями. Кроме того, формализованы понятия «цифровых (виртуальных) испытаний», «цифрового (виртуального) испытательного стенда» и «цифрового (виртуального) испытательного полигона».

В соответствии с легальным определением искусственного интеллекта, приведенного в Национальной стратегии и федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых усло-

вий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» можно выделить признаки искусственного интеллекта:

1. наличие комплекса технологических решений;
2. способность принимать, обрабатывать и передавать информацию;
3. способность работать автономно;
4. способность к самообучению и принятию решений.

Однако несмотря на то, что к классическим объектам правового регулирования его уже сложно отнести, до полноценного субъекта искусственный интеллект еще не развился. Причин несколько: во-первых, к субъектам правоотношений относят «лица» – физические или юридические; во-вторых, цифровой горожанин, даже вооруженный искусственным интеллектом, физиологически не сравним с человеком; в-третьих, не доказано превосходство когнитивных способностей искусственного интеллекта относительно человека.

Неприкосновенность частной жизни

В средствах массовой информации анонсируются достижения разработчиков. Так заместитель министра цифрового развития и связи Алексей Козырев в интервью главному редактору Business FM заявил, что банковские, государственные и прочие услуги можно будет в скором времени получить при помощи своего биометрического цифрового двойника [11]. Приведенные выше изменения в нормативном правовом регулировании подтверждают реальность данных заявлений. В связи со сказанным возникает вопрос, какое правовое положение будет занимать такой цифровой двойник и насколько его действия будут зависеть от воли реального гражданина? Не произойдет ли неконтролируемое вмешательство в личную жизнь гражданина?

Другой сферой, где ожидается прорыв в развитии технологий, является медицина. Научный руководитель Национального центра физики и математики (НЦФМ), академик РАН Александр Сергеев отметил, что «через десять лет, при условии развития вычислительных технологий, мы уже сможем увидеть цифровой двойник человека, который будет давать нам полезные результаты, который будет советовать, какие меры предпринимать в условиях определенных воздействий, чтобы биологические часы всех наших органов шли синхронно» [12]. Все это потребует принятия новых правовых норм, в том числе, направленных на сохранение врачебной тайны.

С точки зрения развития города искусственный интеллект присутствует, прежде всего, как современный помощник для городской администрации, позволяющий обработать большие данные, получаемые с множества видеокамер и считывающих устройств. Результаты обработки могут ложиться в основу принимаемых управленческих решений.

Далеко не всем необходимо отправляться из дома, чтобы оказаться на работе. Городские кафе ориентированы на присутствие работающих онлайн посетителей и предлагают не только удобную рассадку, но и места для подзарядки техники.

По одному из прогнозов проектам «устойчивых умных городов» необходимо уделять гораздо больше внимания, чем обычным проектам «умных городов» во всем мире. «Умные города», оснащенные самыми передовыми технологиями сегодняшнего дня, станут устаревшей моделью в тот момент, когда научно-технологическое развитие общества перейдет на новый этап. Настоящий прорыв технологий *AI, IoT, Big Data, Digital Twin* и слияние кибер- и физического пространств уже на пороге и будет развиваться с каждым днем [4].

Обеспечение безопасности персональных данных цифрового горожанина и его оригинала

Используемые в настоящее время информационные системы различны по функциональному назначению, техническим характеристикам. Процесс урегулирования правоотношений в инфосфере начался до 2020 года. В 2019 году принято постановление Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах». Сформулировано понятие «цифровой профиль» как совокупность цифровых записей о гражданине, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций. В соответствии с нормативным актом, инфраструктура цифрового профиля создается на основе единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), однако следует помнить, что горожане вступают в правоотношения не только с государственными органами. Есть еще большое количество сайтов и приложений, которые полезны горожанам при решении стоящих перед ними задач, но не участвуют в наполнении федерального регистра сведений о населении.

В научной литературе содержится определение безопасности компьютерной информации как сведений, представленных в форме электрических сигналов. Независимо от средств их хранения, обработки и передачи [7, с. 311].

Всесторонняя защита цифрового гражданина от появления недобросовестных его копий

С 1 декабря 2023 года на владельцев российских сайтов в сети «Интернет» федеральным законом от 31.07.2023 № 406-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и федеральный закон «О связи» возложена новая обязанность – проводить авторизацию пользователей, находящихся в России, рядом предусмотренных способов, в том числе с использованием российского номера телефона, Единого портала госуслуг,

Единой биометрической системы или иной информационной системы, владельцем которой является гражданин Российской Федерации или российское юридическое лицо¹.

Уточнение перечня информационных систем не означает, что будет сокращаться количество созданных учетных записей, зато гарантирует рост аккаунтов, доступ к которым прекратится в случае, если владельцы сайтов не смогут обеспечить выполнение требований законодательства, что будет осложнять анализ пригодной для синтезирования образа цифрового горожанина информации.

Не решенным остается вопрос, кто должен отвечать в случае использования образов, являющихся точной визуальной копией физических лиц с их согласия или без такового, сопряженных с внедрением технологий искусственного интеллекта. Проблемы, связанные с потенциально возможной подменой одного субъекта под видом другого, также свидетельствуют о необходимости принципиально нового подхода к правовому регулированию.

На данный момент с помощью модели цифрового горожанина можно выявлять как минимум причины, по которым город привлекает конкретного жителя, что больше всего нравится, что неудобно в использовании. Однако использование информации, аккумулируемой из официальных источников, недостаточно. Требуется анализ активности горожанина во всех его профилях для повышения степени достоверности информации.

С учетом предложенного определения цифрового горожанина как квази-субъекта правоотношений с учетом взаимного влияния ее компонентов сформулированы принципы нормативного регулирования правового статуса цифрового горожанина, позволяющие избежать нарушения законных прав горожанина – физического лица.

Литература

1. Васильев, А. А., Печатнова, Ю. В. (2020). Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения. *Цифровое право*, 1(4), 74–83. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83>.
2. ГОСТ Р 57700.37–2021 Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения. Официальное издание. М.: ФГБУ «РСТ», 2021.
3. Ершов А.П. Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества // *Коммунист*. – 1988. – № 2. – с. 82–92.
4. Ильина, И. Н., Коно, М. Трансформация подходов к развитию «умного го рода» [Текст] / И.Н. Ильина, М. Коно; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей

¹ Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О связи» // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 31 июля 2023 г. № 0001202307310022

школы экономики, 2023–248 с. + 24 с. цв. вкл. – 600 экз. – ISBN978–5–7598–2579–1 (в обл.). – ISBN978–5–7598–2828–0 (e-book).

5. Ловцов Д.А. Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере: Монография. – М.: РГУП, 2016. – с. 171, 172.
6. Назаров Владимир Николаевич Цифровой двойник как субъект информационной этики // *Этическая мысль*. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-dvoynik-kak-subekt-informatsionnoy-etiki> (дата обращения: 01.10.2023).
7. Т. А. Полякова, А.А. Стрельцов, С.Г. Чубукова, В.А. Ниесов. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности. Учебник и практикум. – М: Юрайт, 2017. – 326 с.
8. Соловьёв И.В. О происхождении и содержании понятия «инфосфера». *Инфосфера как объект исследования наук об информации // Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 6 (часть 1) – с. 66–71.
9. Таболин В.В. Правовая теория современного российского города. – М.: Юрайт, 2019. – с. 58, с. 63–68.
10. Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. Цифровые приложения и модели личности в контексте киберантропологии // *Социология*. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prilozheniya-i-modeli-lichnosti-v-kontekste-kiberantropologii> (дата обращения: 01.10.2023).
11. URL: <https://www.bfm.ru/news/385833?ysclid=ln9yophdqh361367849> (дата обращения: 01.10.2023).
12. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/18601377?ysclid=ln7pvlibe3204943185> (дата обращения: 01.10.2023).
13. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5099454?ysclid=lnhd228ytw900246772>. (дата обращения: 01.10.2023).

REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF A “DIGITAL CITIZEN”, ASPECTS OF INFORMATION SECURITY

Zadorozhnaya E.V.
Moscow international university

In the infosphere of a modern city, against the background of the development of artificial intelligence, legal relations are inevitably transformed. The article analyzes the issues of creating digital reflections of a real person. The importance of their regulation by law was noted in order to avoid violations and abuses, including in order to overcome the consequences of the sanctions policy of unfriendly states and strengthen Russia's security, as well as to determine the subject subject to responsibility in the case of using images that are an exact visual copy of individuals with or without their consent, associated with the introduction of artificial intelligence technologies. Taking into account the probable recognition of the technical and legal image of a modern city dweller endowed with artificial intelligence, legal fiction and quasi-subject of law, the analysis of normative legal acts is carried out and the formulation of the principles of legal regulation of the legal status of a digital citizen is proposed, allowing to avoid violation of the legal rights of a citizen – an individual.

Keywords: city, citizen, digital citizen, digital double, artificial intelligence, subject.

References

1. Vasiliev, A. A., Pechatnova, Yu. V. (2020). The place of artificial intelligence among the elements of the legal relationship. *Digital Law*, 1(4), 74–83. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83>.
2. GOST R57700.37-2021 Computer models and modeling. Digital doubles of products. General provisions. Official edition. Moscow: Federal State Budgetary Institution «PCT», 2021.
3. Ershov A.P. Informatization: from computer literacy of students to the information culture of society // *Communist*. – 1988. – No. 2. – pp. 82–92.
4. Ilyina, I. N., Kono, M. Transformation of approaches to the development of the «smart kind» [Text] / I.N. Ilyina, M. Kono; Nats. research. un-t «Higher School of Economics». – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023–248 p. + 24 p. color. incl. – 600 copies. – ISBN978-5-7598-2579-1 (in the region). – ISBN978-5-7598-2828-0 (e-book).
5. Lovtsov D.A. Systemology of legal regulation of information relations in the infosphere: Monograph. – M.: RGUP, 2016. – pp. 171, 172.
6. Nazarov Vladimir Nikolaevich Digital double as a subject of information ethics // *Ethical thought*. 2020. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-dvoynik-kak-subekt-informatsionnoy-etiki> (date of reference: 01.10.2023).
7. T. A. Polyakova, A.A. Streltsov, S.G. Chubukova, V.A. Niesov. Organizational and legal provision of information security. Textbook and workshop. – Moscow: Yurayt, 2017. – 326 p.
8. Soloviev I.V. On the origin and content of the concept of «infosphere». *Infosphere as an object of research of information sciences // Fundamental research*. – 2013. – No. 6 (part 1) – pp. 66–71.
9. Tabolin V.V. Legal theory of the modern Russian city. – Moscow: Yurayt, 2019. – pp. 58, pp. 63–68.
10. Shipunova O.D., Pozdeyeva E.G., Evseeva L.I. Digital applications and personality models in the context of cyberanthropology // *Sociology*. 2021. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-prilozheniya-i-modeli-lichnosti-v-kontekste-kiberantropologii> (accessed: 01.10.2023).
11. URL: <https://www.bfm.ru/news/385833?ysclid=ln9yophdqh361367849> (accessed: 01.10.2023).
12. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/18601377?ysclid=ln7pvlibe3204943185> (accessed: 01.10.2023).
13. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5099454?ysclid=lnhd228ytw900246772>. (accessed: 01.10.2023).

Проблемные аспекты исчерпания прав на товарные знаки и параллельный импорт в странах ЕАЭС

Канатов Танат Канатович,

докторант, кафедра гражданского права, МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: natan82008@mail.ru

В статье рассматриваются проблемные аспекты исчерпания прав на товарные знаки и параллельный импорт в странах ЕАЭС. Следует отметить, о том, что перед наукой гражданского права на каждом этапе ее развития всегда стояли конкретные проблемы, определяемые политическими, экономическими, социально-культурными и научно-техническими потребностями общества. Среди их большого разнообразия существуют такие, которые являются ключевыми для юридической науки на любом этапе ее развития. К их числу можно с полным основанием отнести исследование проблемных аспектов исчерпания прав на товарные знаки и параллельный импорт. В юридической теории данные вопросы обсуждаются на протяжении нескольких лет, в статье отражены наиболее весомые теоретические выкладки выдающихся ученых по данным правовым спорным вопросам различных эпох.

Цель: Исследовать актуальные проблемные аспекты исчерпания прав на товарные знаки и параллельный импорт в странах ЕАЭС.

Методология: При написании статьи были применены системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы работы.

Результаты: Предложения и выводы, основанные на проведенном анализе законодательства стран ЕАЭС, в частности законодательство РФ, Казахстана, Беларуси, Армении, Кыргызстана.

Ключевые слова: товарные знаки, параллельный импорт, исключительные права, средства индивидуализации, ЕАЭС.

Приступая к идентификации проблемных аспектов исчерпания прав на товарные знаки и параллельный импорт в странах ЕАЭС, следует отметить, что правовое регулирование товарных знаков на территории Союза имеют богатую историю. В СССР правовое регулирование использования товарных знаков регламентировалось национальными НПА и Парижской конвенцией по охране промышленной собственности 1883 г., Мадридским соглашением о международной регистрации товарных знаков 1891 г. и другими международными договорами. В частности Мадридская система функционирует на протяжении 128 лет на основе Мадридского соглашения о международной регистрации знаков и более 20 лет на основе Протокола к данному соглашению [1]. Участие в Мадридской системе дает возможность: подачи международных заявок, составленных на основе национальных или региональных заявок и регистраций; свободы выбора Ведомства происхождения с учетом требований местонахождения коммерческого предприятия, места жительства или национальности заявителя; преобразования (трансформации) международных регистраций в национальные или региональные товарные знаки после отмены таких регистраций в результате прекращения действия базового знака; выбора владельца регистрации между ВОИС или своим Ведомством в случае последующих указаний и направления ходатайств о внесении записи об аннулировании и отказе от охраны; продления срока действия международных регистраций на 10 лет [2].

В современной России законодательство о товарных знаках первоначально состояло из Закона от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (ныне не действует) и ряда подзаконных актов, которые утратили силу с 1 января 2008 г. после введения в действие Четвертой части ГК РФ, включая Главу 76 «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий».

Статья 11 разд. III Приложения № 26 к Договору о ЕАЭС закрепила следующее понятие товарного знака и знака обслуживания: «Товарным знаком и знаком обслуживания является обозначение, охраняемое в соответствии с законодательством государства-члена и международными договорами, участниками которых являются государства-члены, и служащее для индивидуализации товаров и (или) услуг одних участников гражданского оборота от товаров и (или) услуг других участни-

ков гражданского оборота». Данному определению товарного знака соответствует только законодательная норма российского законодательства (п. 1 ст. 1477 ГК РФ).

По степени известности товарные знаки классифицируют на обычные и общеизвестные товарные знаки. Законодательные акты ЕАЭС содержат положения по признанию товарного знака общеизвестным. Они представляют собой обозначения, ставшие знакомыми широкому кругу потребителей, поскольку под понятием «общеизвестность» в Союзе понимают широкую известность товарного знака среди потенциальных потребителей соответствующих товаров.

По субъектному составу товарные знаки делят на: индивидуальные и коллективные. Под индивидуальным товарным знаком понимается зарегистрированное обозначение, право использования которого принадлежит юридическому или физическому лицу (ИП), указанному в свидетельстве на товарный знак, а коллективные товарные знаки используются несколькими добровольно объединившимися лицами в отношении изготовляемых или реализуемых ими однородных товаров, обладающих общими качественными или иными характеристиками.

В казахстанском законе содержание средств индивидуализации раскрывается в Главе 56 Гражданского кодекса, их перечень является закрытым. Коммерческая организация вправе и обязана иметь фирменное наименование, так как оно является средством, служащим для отличия одной коммерческой организации от других коммерческих организаций (ст. 34 ГК РК). Требования к фирменному наименованию включают в себя положения о наименованиях юридических лиц вообще (п. 1 ст. 38 ГК РК). Однако, правило о регистрации в соответствии со ст. 8 Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. не касается иностранных фирменных наименований.

Закон РК от 26 июля 1999 года № 456 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [3] определил товарный знак и знак обслуживания как обозначение, служащее для отличия товаров (услуг) одних юридических или физических лиц от однородных товаров (услуг) других юридических или физических лиц (п. 8 ст. 1).

Схожим образом трактует товарный знак Закон РБ «О товарных знаках и знаках обслуживания» и ГК РБ. Это обозначение, способствующее отличию товаров или услуг одного лица от однородных товаров или услуг других лиц (ст. 1017 ГК РБ).

Анализ законодательных подходов к определению средств индивидуализации показывает, что в рамках ЕАЭС страны достигли согласия лишь по общим вопросам (например, принцип «одного окна», создание системы регистрации данных объектов ИС, их охрана на всей таможенной территории стран ЕАЭС). Вместе с тем, возникают проблемы, связанные с терминологией. С полным ос-

нованием *седьмой проблемой терминологического аппарата стран ЕАЭС следует считать разногласия в трактовке средств индивидуализации.*

После распада Союза ССР соответствующие изменения в законодательстве в отношении товарных знаков и знаков обслуживания произошли в законах других странах ЕАЭС. Но в отличие от России в этих странах продолжают действовать: Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 5 февраля 1993 г. № 2181-XII; Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 г. № 7 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [4]; Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. № 456 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»; Закон Республики Армения «О товарных знаках» от 22 мая 2010 г. № ЗР-59 [5].

Новый этап в развитии национального и регионального законодательства о товарных знаках ознаменовало подписание Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров стран ЕАЭС, который закрепил понятия «товарный знак Союза» и «коллективный знак Союза». Так, распоряжением Правительства РФ от 02.02.2017 № 171-р [6] данный Договор согласовала и одобрила Российская Федерация.

Далее проанализируем сходства и отличия в подходах к правовой категории «товарный знак», содержащиеся в действующем законодательстве стран ЕАЭС и Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и НМПТ (Таблица 1).

Данные Таблицы 1 показывают, что правовую категорию «товарный знак» в законодательстве стран ЕАЭС можно считать лишь частично гармонизированной и далекой от унификации. Отдельный вопрос – отсутствие определения данной дефиниции в Гражданском кодексе Кыргызской Республики. Только ГК РФ содержит указание, что товарный знак служит, прежде всего, «для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей», во всех иных гражданских кодексах употребляются слова: «служащее для отличия», «используемый для отличия товаров и (или) услуг».

Только в ГК РФ содержатся термины «общеизвестный товарный знак» и «коллективный знак», неизвестные другим законодателям стран ЕАЭС. Товарный знак признается «общеизвестным», если этот товарный знак или это обозначение в результате интенсивного использования стали на конкретную дату широко известны в Российской Федерации среди соответствующих потребителей в отношении товаров заявителя (п. 1 ст. 1508 ГК РФ); «коллективным» признается товарный знак, предназначенный для обозначения товаров, производимых или реализуемых входящими в данное объединение лицами и обладающими едиными характеристиками их качества или иными общими характеристиками (п. 2 ст. 1510 ГК РФ).

Таблица 1. Сравнение подходов к понятию «товарный знак» в странах ЕАЭС

Страна ЕАЭС	Содержание понятия «товарный знак»	Источник
Республика Армения	Товарный знак и знак обслуживания (далее – товарный знак) – это знак, используемый для отличия товаров и (или) услуг одного лица от товаров и (или) услуг другого лица.	Пункт 1 ст. 1171 ГК РА
Республика Беларусь	Товарным знаком и знаком обслуживания (далее – товарный знак) признается обозначение, способствующее отличию товаров и (или) услуг одного лица от однородных товаров и (или) услуг других лиц.	Пункт 1 ст. 1017 ГК РБ
Республика Казахстан	Товарным знаком (знаком обслуживания) признается зарегистрированное либо охраняемое без регистрации в силу международного договора словесное, изобразительное, объемное или другое обозначение, служащее для отличия товаров или услуг одного лица от однородных товаров и услуг других лиц.	Абзац 2 п. 1 ст. 1024 ГК РК
Кыргызская Республика	Правовая охрана товарного знака (знака обслуживания) предоставляется на основании его регистрации.	Пункт 1 ст. 1108 ГК КР
Российская Федерация	На товарный знак, то есть на обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак (статья 1481).	Пункт 1 ст. 1477 ГК РФ
Согласованное всеми странами ЕАЭС определение «товарный знак Союза»	Товарный знак (знак обслуживания) Союза, представляющий собой обозначение, служащее для индивидуализации товаров, работ и (или) услуг (далее – товары) и охраняемое одновременно на территориях всех государств-членов.	Статья 2 Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и НМПП ЕАЭС
Согласованное всеми странами ЕАЭС определение «коллективный знак Союза»	Товарный знак ассоциации, союза или иного объединения, создание и деятельность которых не противоречат требованиям законодательства государства-члена, на территории которого они созданы, предназначенный для обозначения товаров, производимых и (или) реализуемых входящими в состав таких объединений лицами	Статья 2 Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и НМПП ЕАЭС

Одним из важных отличий в понимании товарного знака как средства индивидуализации товаров (услуг) в странах ЕАЭС является более глубокая проработанность этих норм в российском законе.

Наряду с этим, есть различия как в содержании понятий товарного знака в национальных гражданских кодексах стран ЕАЭС, их видов, так и терми-

нологии в рамках Договора об ЕАЭС и национальном праве: «товарный знак», «товарный знак Союза» и «коллективный знак Союза», что позволяет говорить о необходимости гармонизации подходов в странах Союза.

Несмотря на имеющиеся различия в толковании категории «товарный знак», по форме выражения товарные знаки могут быть словесными; изобразительными; объемными; в виде других обозначений или их комбинаций; зарегистрированы в любом цвете или цветовом сочетании, что находит отражение в законодательных актах всех стран Союза и соответствует требованиям Договора об ЕАЭС [7].

Сравнение законодательных норм в области товарных знаков в странах Союза дает представление о содержании субъективного права на товарный знак в каждой из стран, согласно которому правообладатели располагают полномочиями по использованию товарного знака и распоряжению данным правом, запретом использования товарного знака иными лицами без разрешения правообладателя, что подтверждается положениями Договора о ЕАЭС (п. 12 разд. III Протокола).

Вместе с тем, на протяжении ряда лет одним из дискуссионных в постсоветских странах является вопрос использования «советских» товарных знаков. Предприниматели, законодатели и ученые-правоведы никак не могут прийти к компромиссу по поводу использования советских товарных знаков. Разногласия обозначились почти сразу после распада СССР и массовым переходом предприятий в частные руки. Остроту вопросу придают процессы глобализации, региональной интеграции, развитие гражданского оборота, изменения в интеллектуальном праве стран ЕАЭС, вступление стран Союза в члены ВТО.

За период 1917–1991 гг. были созданы и получили известность советские товарные знаки (марки): шоколад «Аленка»; конфеты «Мишка на Севере», «Кара-Кум»; какао «Золотой ярлык», чай «Индийский»; сыр плавленый «Дружба»; папиросы «Беломор», сигареты без фильтра «Прима», сигареты с фильтром «Ява»; пиво «Жигулевское» и другие. Многие из советских товарных знаков (в той или иной цветовой, словесной или графической комбинации) используются производителями до сих пор. Например, российскими и зарубежными правообладателями на товарные знаки являются: шоколад «Аленка» – Публичное акционерное общество (ПАО) «Московская кондитерская фабрика «Красный Октябрь» (номер свидетельства 535406; дата регистрации 25.02.2015; дата истечения 07.12.2022); конфеты «Мишка на Севере» – Общество с ограниченной ответственностью (ООО) «Кондитерская фабрика им. Н.К. Крупской» (№ 502024; 12.12.2013–11.05.2022); сигарет «Примадонна Прима Дона Донской табак» – Акционерное общество (АО) «Донской табак» (№ 343611; 08.02.2008–28.03.2027); сигарет «Ява» – Открытое акционерное общество (ОАО) «Бритиш Американ Табакко-Ява» (№ 515389; 11.06.2014–22.03.2023).

В экспертном сообществе рассматриваются различные способы разрешения проблемы использования советских товарных знаков на территории стран СНГ и ЕАЭС, в том числе путем введения права преждепользования, выдачи принудительной лицензии или взаимной лицензии. Рассмотрим аргументы некоторых экспертов.

По действующему законодательству право преждепользования, установленное ст. 1361 ГК РФ, не действует в отношении товарных знаков. Законодатель предусмотрел данное право только в отношении изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Необходимость введения права преждепользования исследователи пытаются обосновать «ненормальностью» сложившейся ситуации, когда предприятия, десятилетиями выпускавшие продукцию под советскими брендами, вынуждены выплачивать «новоявленным правообладателям многомиллионные компенсации за незаконное использование» [8] товарных знаков. По мнению одного из известных сторонников права преждепользования А.П. Сергеева, следует обязать правообладателей выдавать бесплатные лицензии всем производителям, выпускавшим продукцию под советскими брендами.

С таким подходом не соглашаются Е.А. Трусова и Е.И. Орешин, полагая, что введение права преждепользования повлечет «нарушение фундаментальных принципов российской правовой системы – принципов неприкосновенности собственности и правовой определенности», «правообладатели будут задним числом лишены права интеллектуальной собственности на товарные знаки», право преждепользования «противоречит самому правовому понятию товарного знака как средства индивидуализации товаров» и международному договору, ст. 21 ТРИПС устанавливает прямой запрет на предоставление каких-либо принудительных лицензий, право преждепользования узаконит «паразитарную конкуренцию» [9].

Доводы Е.А. Трусовой и Е.И. Орешина не кажутся достаточно убедительными, по крайней мере, в части «фундаментальности» принципов российской правовой системы: неприкосновенности собственности и правовой определенности, а также в части возникающего «противоречия» права преждепользования понятию товарного знака как средства индивидуализации товаров.

Советский бренд является не решающим, но важным фактором для принятия решения современным потребителем о покупке. Именно лояльность потребителей к советским брендам лежит в основе конфликта интересов между правообладателями и производителями продукции, что как раз подтверждает ценность советских торговых знаков как средств индивидуализации, заслуживающих особого к ним отношения.

Трудно согласиться также со сторонниками применения к советским торговым знакам режима принудительной лицензии. Выдача принудительных лицензий возможна только на изобретения, полезные модели, промышленные и селекцион-

ные достижения (ст. 1362, 1423 ГК РФ). Главным основанием истребования принудительной лицензии служит неиспользование или недостаточное использование охраняемых новшеств. В этом случае заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с иском о выдаче принудительной лицензии. Однако, практика доказала, что мерами принуждения, в том числе путем ограничения исключительных прав, сложно стимулировать использование запатентованных новшеств [10].

Несмотря на то, что закон предусматривает ограничения исключительных прав на товарные знаки в отдельных случаях (абз. 5 п. 5 ст. 1229 ГК РФ): 1) исчерпание исключительного права на товарный знак (ст. 1487 ГК РФ); 2) досрочное прекращение правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием (ст. 1486 ГК РФ), применить эти нормы в отношении советских брендов на практике крайне сложно.

Исчерпание исключительного права на товарный знак означает, что он введен другими лицами на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия (ст. 1487 ГК РФ).

Итак, «принудить» правообладателей к выдаче лицензий на советский товарный знак по смыслу действующего закона, с одной стороны, сложно, поскольку все известные советские бренды используются правообладателями. А с другой стороны, как следует из международной практики и отдельных законов стран ЕАЭС, чтобы применить режим принудительной лицензии, необходимо доказать в суде, что лицензиар ведет себя незаконно и намерен в будущем вести незаконную практику.

В «чистом виде» применение к советским торговым брендам принудительной лицензии невозможно, как и отказ от режима преждепользования. Позиция А.П. Сергеева является более обоснованной, монополия правообладателей на советские торговые знаки недопустима. Учитывая, что в начале 90-х гг. прошлого века крупнейшие и лучшие советские предприятия приватизировались по заниженной стоимости, по сомнительным схемам, включая приватизацию ценных нематериальных активов, в отношении советских торговых марок в рамках стран ЕАЭС было бы разумно провести судебную экспертизу правообладателей, основанную на трех принципах: «истории приобретения» исключительного права на товарный знак; «добросовестности» приобретения, распоряжения и использования правообладателем исключительного права; наличия экономико-правовой связи производителя и обладателя исключительного права на товарный знак.

А.П. Сергеев предложил перевод советских торговых знаков в режим коллективных, а также применение к ним режимов «национализации» и преждепользования. Следует эти меры поддерживать, в рамках стран ЕАЭС экспертным путем сформировать и утвердить специальный реестр советских товарных знаков и знаков обслуживания с указанием их различительной способности. Ли-

цензии на рассматриваемую категорию товарных знаков должны быть безвозмездными и выдаваться в режиме преждепользования. В законодательстве стран Союза необходимо закрепить понятие «безвозмездная лицензия», раскрыть ее сущность и определить видовой состав.

С вопросом советских товарных знаков связана проблема так называемого «параллельного импорта». В отличие от производства, распространения и использования контрафактных товаров, которые однозначно признаются законом неправомерными действиями, сохраняется принципиальная неопределенность в отношении параллельного импорта. С одной стороны, действует территориальный принцип исчерпания прав на товарный знак, а с другой стороны, – незаконное использование товарного знака не имеет четкой регламентации ни в законодательстве, ни судебной практике Союза.

Явление «параллельный импорт» представляет собой относительно небольшие объемы импорта оригинальных товаров, поставляемых за рамками крупных каналов дистрибуции, о которых имеется договоренность с производителем – владельцем интеллектуальной собственности. Эти каналы распределения не контролируются владельцами исключительных прав на товарные знаки. Крупные правообладатели, как правило, выступают резко против параллельного импорта, а легальные посредники – против его ограничения.

Правительство РФ и Федеральная антимонопольная служба России обсуждают возможности возврата к «международному принципу» и легализацию «параллельного» импорта. Отказ от национального принципа исчерпания прав на всех товарных рынках в рамках стран ЕАЭС, за исключением рынков с локализованным производством, и полный отказ от ограничения «параллельного» импорта в 2018–2020 гг. поддерживается и Евразийской экономической комиссией [11].

Однако, эксперты убеждены, что сложившаяся практика «параллельного» импорта свидетельствует о том, что «параллельные» импортеры при ввозе товара на территорию России часто используют «серые схемы», чтобы получить ценовые конкурентные преимущества, снизив собственные издержки. «Параллельные» импортеры практически никогда не предоставляют сопутствующих услуг потребителям, не осуществляют надлежащее информирование о товаре, гарантийное и сервисное обслуживание, отказываются от удовлетворения требований потребителей в возврате или обмене товара, отправляя их к официальным импортерам [12].

Анализ зарубежной практики и аналитических отчетов по обозначенным проблемным вопросам показывает, что они могут решаться с помощью международного или регионального принципов исчерпания прав [13].

В мире используется три основных принципа охраны прав на товарные знаки: универсальный (правило международного исчерпания, когда ком-

мерческое перемещение товаров (услуг) между странами практически не ограничивается); национальный (он же территориальный); региональный (действует тогда, когда несколько стран объединяются в экономический и/или политический союз; означает, что ввоз товара в страну возможен только с разрешения владельца товарного знака).

В странах ЕАЭС по факту применяется национальный принцип исчерпания прав. По нормам российского законодательства, право на товарный знак, зарегистрированный Роспатентом, в соответствии со ст. 1479 ГК РФ, действует только в России. Исключительное право на зарегистрированный в РФ товарный знак не действует на территории стран СНГ, Таможенного союза и ЕАЭС; это исключительное право исчерпывается территорией Российской Федерации.

Как следует из п. 6 ст. 1483 ГК РФ, не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками других лиц, заявленными на регистрацию (ст. 1492 ГК РФ) в отношении однородных товаров и имеющими более ранний приоритет.

Таким образом, сложился комплекс экономических и правовых проблем, затрагивающих интересы как крупных производителей товаров и посредников, так и обладателей исключительных прав.

С вопросами гармонизации исключительного права на товарный знак удалось довольно успешно справиться странам Бенилюкс (Бельгия, Нидерланды и Люксембург) и ЕС. Они смогли, если не снять полностью, то существенно снизить влияние территориальности действия на исключительные права. С 1996 г. на территории ЕС параллельно регистрировались национальные товарные знаки и товарные знаки Сообщества. Но в 2008 г. была принята Директива № 2008/95/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС «О сближении законодательств государств-членов в отношении товарных знаков и знаков обслуживания» (Вместе с «Таблицей соответствия») (принята в г. Страсбурге 22.10.2008 г.), которая гармонизировала основные положения материального права о товарных знаках, которые на момент принятия документа считались непосредственно влияющим на функционирование внутреннего рынка, препятствуя свободному обращению товаров и свободному предоставлению услуг в Союзе.

С целью развития внутреннего рынка ЕС и создания наднационального механизма охраны товарного знака был принят Регламент о товарном знаке Сообщества (Регламент Совета ЕС № 40/94, Регламент Совета ЕС № 207/2009 (кодифицированная версия)), предусматривающий регистрацию товарных знаков по единой процедуре на основании одной заявки. Для регистрации и администрирования было создано Ведомство по гармонизации на внутреннем рынке (ОНИМ), которое находилось в г. Аликанте (Испания) [14].

Новый Регламент ЕС 2015/2424 о товарном знаке вступил в силу 23 марта 2016 г., а 15 янва-

ря 2019 г. – новая Директива № 2015/2436 Европейского парламента и Совета ЕС «О сближении права государств-членов ЕС в отношении товарных знаков (новая редакция)» (Вместе с «Корреляционной таблицей») (Принята в г. Страсбурге 16.12.2015 г.).

С 23 марта 2016 г. ОНІМ было переименовано в Ведомство по интеллектуальной собственности ЕС (European Union Intellectual Property Office – EUIPO), а «товарный знак Сообщества» (СТМ) стал «товарным знаком Европейского Союза» (EUTM).

Новый Регламент ЕС 2015/2424 о товарном знаке и Положения новой Директивы ЕС 2015/2436 должны были быть имплементированы в национальные законы двадцати восьми государств-членов ЕС в течение трех лет, за исключением административных процедур признания недействительности и аннулирования, на которые отводится семь лет. Пункт 9 Директивы ЕС 2015/2436 гласит, что «в целях облегчения регистрации товарных знаков на всей территории Союза в отношении приобретения и применения, необходимо сблизить не только положения материального права, но и процессуальные нормы. В этой связи главные процессуальные нормы в сфере регистрации товарного знака в государствах-членах ЕС и в системе товарных знаков ЕС должны быть согласованы. В отношении процедур, регулируемых национальным правом, достаточно установить основные принципы, оставляя за государствами-членами ЕС право по установлению более конкретных правил».

С учетом европейского опыта страны ЕАЭС должны развивать региональную (наднациональную) систему регистрации товарных знаков, поскольку она имеет ряд неоспоримых преимуществ перед национальными и международными процедурами, а именно: региональная система ускоряет процедуры получения правовой охраны товарных знаков, сокращает расходы заявителей, предполагает применение единых правил экспертизы, унификацию оснований для отказа в регистрации и получение единого Свидетельства на товарный знак стран ЕАЭС.

В 2017 году было подписано распоряжение Правительства РФ о Договоре о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза [15], а в 2018 году этот документ прошел согласование у всех стран-участниц объединения и начнет действовать по принципу «одного окна» после утверждения инструкций и правил реализации. Планируется, что он вступит в силу после 2020 года.

Распоряжение товарным знаком Союза будет возможно путем: отчуждения товарного знака другому лицу (передача возможна только на территориях всех государств-членов одновременно; подлежит регистрации); предоставления другому лицу права использования товарного знака (на территории любого из стран ЕАЭС или на всей территории Союза; подлежит регистрации в одном из государств-членов, на территориях которых пре-

доставляется право); исключительные права на товарный знак Союза может быть предметом залога в государстве-члене (в государствах-членах) (подлежит регистрации в одном из государства-члена по выбору сторон договора; либо в национальном ведомстве).

Литература

1. Протокол к Мадридскому соглашению международной регистрации; Режим доступа – [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283484.
2. Бородай Л.Н. Новое в правовом регулировании Мадридской системы / Л.Н. Бородай // Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества: XXIII Междунар. конф. Роспатента, М.; 16–17.10.2019: тез. докл. / Роспатент, ФИПС; сост. Е.В. Королева, М.С. Борисова. – М.: ФИПС, 2019. С. 39–43.
3. Закон РК от 26 июля 1999 года № 456 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (ред. от 21.01.2019) // Ведомости Парламента РК. 1999. № 21. Ст. 776.
4. Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 г. № 7 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (ред. от 26.05.2018 г.) // Нормативные акты КР. 1998. № 2.
5. Закон Республики Армения от 22 мая 2010 года № ЗР-59 «О товарных знаках» (ред. от 12.01.2018 г.) // Официальные ведомости РА. 2010. № 24 (758). Ст. 583.
6. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2017 № 171-п «О подписании Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза» (ред. от 27.10.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 1103.
7. Шишкарев Ю.А. Охрана товарного знака на Евразийской экономической территории / Ю.А. Шишкарев // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Том 18. – № 2. – С. 48–56.
8. Сергеев А.П. Битва за советские товарные знаки продолжается. Есть ли выход? / А.П. Сергеев // Закон. – 2013. – № 6. – С. 95–103.
9. Трусова Е.А. Битва за советские товарные знаки. Введение права преждепользования – выход? / Е.А. Трусова, Е.И. Орешин // Закон. – 2014. – № 10. – С. 68–75.
10. Пирогова В. Принудительные лицензии: чего ожидать судам? / В. Пирогова // Хозяйство и право. – 2010. – № 1. – С. 44–48.
11. Дианова О. Защита от параллельного импорта: Россия и Казахстан / О. Дианова, С. Ахметова, Т. Берекмоинов // Корпоративный юрист. – 2015. – № 5. – С. 56–63.

12. Ляпустина А.И. Готова ли Россия к параллельному импорту / А.И. Ляпустина // Управление инвестициями и инновациями. – 2016. – № 2. – С. 59–63.
13. См.: Легализация параллельного импорта и ее влияние на товарные рынки России: аналит. отчет / отв. ред. сер. В.В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; Лаб. экон. – социол. исслед. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 176 с.; Права на товарный знак: монография / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожевич, В.В. Голофаев [и др.]; отв. ред. Л.А. Новоселова. – М.: Норма, Инфра-М, 2016. – 144 с.
14. Шугурова И.В. Реформа законодательства о товарных знаках Европейского союза / И.В. Шугурова // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. Омск, 2016. С. 66–70.
15. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2017 № 171-р «О подписании Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 1103.

TRADEMARK EXHAUSTION ISSUES AND PARALLEL IMPORTS IN THE EEU COUNTRIES

Kanatov T.K.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article examines the problematic aspects of the exhaustion of rights to trademarks and parallel imports in the EEU countries. It should be noted that the science of civil law at every stage of its development has always faced specific problems determined by the political, economic, socio-cultural and scientific and technical needs of society. Among their wide variety, there are those that are key for legal science at any stage of its development. These include a study of the problematic aspects of the exhaustion of trademark rights and parallel imports with good reason. In legal theory, these issues have been discussed for several years, the article reflects the most significant theoretical calculations of outstanding scientists on these legal controversial issues of different eras.

Objective: To investigate the current problematic aspects of the exhaustion of rights to trademarks and parallel imports in the EEU countries.

Methodology: When writing the article, system-structural, specific-sociological, historical-legal, social-legal, comparative-legal, statistical methods of work were applied.

Results: Proposals and conclusions based on the analysis of the legislation of the EEU countries, in particular the legislation of the Russian Federation, Kazakhstan, Belarus, Armenia and Kyrgyzstan.

Keywords: trademarks, parallel import, exclusive rights, means of individualization, EEU.

References

1. Protocol to the Madrid Agreement of International Registration; Access mode – [Electronic resource]. URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283484.
2. Borodai L.N. New in the legal regulation of the Madrid system / L.N. Borodai // The role of intellectual property in the breakthrough scientific and technological development of society: XX-III International Conf. Rospatent, M.; 16–17.10.2019: tez. dokl. / Rospatent, FIPS; comp. E.V. Koroleva, M.S. Borisova. – M.: FIPS, 2019. pp. 39–43.
3. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 26, 1999 No. 456 “On Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin of Goods” (ed. dated 01/21/2019) // Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 1999. No. 21. St. 776.
4. Law of the Kyrgyz Republic No. 7 dated January 14, 1998 “On Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin of Goods” (ed. dated 26.05.2018) // Normative Acts of the Kyrgyz Republic. 1998. No. 2.
5. Law of the Republic of Armenia Dated May 22, 2010 No. ZR-59 “On Trademarks” (ed. dated 12.01.2018) // Official Gazette of the Republic of Armenia. 2010. No. 24 (758). St.583.
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 171-r dated 02.02.2017 “On signing the Agreement on Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin of Goods of the Eurasian Economic Union” (ed. dated 27.10.2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 7. St. 1103.
7. Shishkarev Yu.A. Trademark protection in the Eurasian Economic Territory / Yu.A. Shishkarev // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2018. – Volume 18. – No. 2. – pp. 48–56.
8. Sergeev A.P. The battle for Soviet trademarks continues. Is there a way out? / A.P. Sergeev // Law. – 2013. – No. 6. – pp. 95–103.
9. Trusova E.A. The Battle for Soviet trademarks. Introduction of the right of pre-use – exit? / E.A. Trusova, E.I. Oreshin // Law. – 2014. – No. 10. – pp. 68–75.
10. Pirogova V. Compulsory licenses: what should courts expect? / V. Pirogova // Economy and law. – 2010. – No. 1. – pp. 44–48.
11. Dianova O. Protection from parallel import: Russia and Kazakhstan / O. Dianova, S. Akhmetova, T. Berekmoinov // Corporate lawyer. – 2015. – No. 5. – pp. 56–63.
12. Lyapustina A.I. Is Russia ready for parallel import / A.I. Lyapustina // Investment and Innovation management. – 2016. – No. 2. – pp. 59–63.
13. See: Legalization of parallel imports and its impact on Russian commodity markets: analyte. report / ed. ser. V.V. Radaev; Nats. research. un-t “Higher School of Economics”; Lab. econ. – sociol. research – M.: HSE, 2011. – 176 p.; Trademark rights: monograph / D.V. Afanasyev, A.S. Vorozhevich, V.V. Golofaev [et al.]; ed. by L.A. Novoselova. – M.: Norma, Infra-M, 2016. – 144 p.
14. Shugurova I.V. Reform of the legislation on trademarks of the European Union / I.V. Shugurova // Actual problems of jurisprudence and solutions / Collection of scientific papers on the results of the International scientific and practical conference. No. 3. Omsk, 2016. pp. 66–70.
15. Decree of the Government of the Russian Federation No. 171-r dated 02.02.2017 “On signing the Agreement on Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin of goods of the Eurasian Economic Union” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 7. St. 1103.

Административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности за нарушение прав потребителей

Катников Игорь Игоревич,

магистрант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: atnikov_igor@mail.ru

Актуальность и цели. Актуальность исследуемой темы связана с тем, что институт административной ответственности за нарушение прав потребителей связан с необходимостью обеспечения прав граждан на приобретение качественных товаров и услуг, с необходимостью обеспечения гарантий благополучия и здоровьесбережения нации. Учитывая, что потребитель по отношению к предпринимателю изначально занимает более «слабую» (в юридическом и экономическом аспектах) позицию, государство обязано обеспечить эффективные возможности для защиты прав граждан в потребительской сфере. В рамках общей проблематики защиты прав потребителей отдельного внимания заслуживает проблема административной ответственности субъектов предпринимательства за нарушения прав потребителей. Цель работы – всесторонне исследование вопросов административной ответственности предпринимателей за нарушение прав потребителей в современных условиях, разработка предложений по совершенствованию данного правового института.

Материалы и методы. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового и историко-правового анализа, которые позволяют сопоставить подходы и особенности процессуальных и правовых вопросов административной ответственности за нарушение прав потребителей в современных условиях.

Результаты. Выявлены обоснованы правовые основы, научные подходы и проблемы административной ответственности за нарушение прав потребителей в современных условиях.

Выводы. Анализ позволил выделить некоторые направления развития как научной теории, так и законодательства по следующим направлениям. Применение норм ст.ст. 14.4 и 14.7 к целому ряду цифровых товаров и услуг зачастую весьма проблематично, что требует уточнения и развития законодательства в этой сфере. Еще одной проблемой является привлечение к административной ответственности граждан – плательщиков налога на индивидуальный доход (ПНД), т.н. «самозанятых» лиц. Следующая проблема связана с фактическим отсутствием у граждан-потребителей возможности оказывать влияние на содержание предлагаемых предпринимателями гражданско-правовых договоров. В этой связи необходимо ужесточать нормы об административной ответственности за понуждение потребителя к подписанию договора, содержащего ущемляющие его интересы условия.

Ключевые слова: потребитель, права потребителя, административная ответственность, санкции, правонарушение.

Введение

Актуальность исследуемой темы связана с тем, что институт административной ответственности за нарушение прав потребителей связан с необходимостью обеспечения прав граждан на приобретение качественных товаров и услуг, с необходимостью обеспечения гарантий благополучия и здоровьесбережения нации.

Учитывая, что потребитель по отношению к предпринимателю изначально занимает более «слабую» (в юридическом и экономическом аспектах) позицию, государство обязано обеспечить эффективные возможности для защиты прав граждан в потребительской сфере.

В рамках общей проблематики защиты прав потребителей отдельного внимания заслуживает проблема административной ответственности субъектов предпринимательства за нарушения прав потребителей.

Цель работы – всесторонне исследование вопросов административной ответственности предпринимателей за нарушение прав потребителей в современных условиях, разработка предложений по совершенствованию данного правового института.

Материалы и методы.

Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа позиций ученых, в которых происходит изучение вопросов административной ответственности предпринимателей за нарушение прав потребителей в современных условиях. Так, теоретические положения были подчеркнуты в работах Д.Н. Бахраха, А.П. Коренева, В.Я. Кикотя, Н.В. Тиунова и др.

Нормативно-правовую основу исследования составило федеральное конституционное, гражданское, административное законодательство, решения высших судов и судов общей юрисдикции, некоторые НПА ведомственной принадлежности.

Исследование опиралось на ряд общенаучных и специальных методов исследования. Так, аналитический метод позволил исследовать нормативно-правовые акты и судебную практику, а также выделить отдельные подходы и направления в рамках научного дискурса по проблеме административной ответственности предпринимателей за нарушение прав потребителей. Сравнительный метод позволил сопоставить различные точки зрения на проблему административной ответственности предпринимателей за нарушение прав потребителей. Метод синтеза позволил объединить данные подходы в единую модель и сформулировать ав-

торские предложения по совершенствованию законодательных аспектов административной ответственности предпринимателей за нарушение прав потребителей.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявлены и обоснованы правовые основы, научные подходы и проблемы административной ответственности предпринимателей за нарушение прав потребителей, что позволяет актуализировать более широкое применение правовых механизмов в различных правовых коллизиях.

Результаты и обсуждение

Вопросы административной ответственности за нарушение прав потребителей традиционно попадают в сферу регулирования двух правовых институтов – законодательство об административных правонарушениях и потребительское законодательство. В связи с этим для исследуемой проблематики большое значение имеет определение статуса потребителя.

Так, исходя из дефиниции, предлагаемой Законом РФ «О защите прав потребителей» (Закон о защите прав потребителей), потребителем является гражданин, имеющий намерение или осуществляющий приобретение или заказ различного рода товаров или услуг. Важно, что данные действия или намерения должны коррелировать с мотивацией пользования товаром или услугами исключительно в личных целях (непредпринимательского характера).

В этой связи можно выделить два условия, характеризующих понятие «потребитель». Прежде всего, это физическое лицо, гражданин. Далее – отсутствие мотива осуществления предпринимательской деятельности.

Последнее условие, впрочем, является несколько оценочным, т.к. полностью установить мотив использования товара или услуги с абсолютной точностью не всегда представляется возможным. Однако с уверенностью можно сказать, что назначение товара или услуги должно быть «потребительским». Так, например, лицо, приобретающее те или иные товары производственного назначения (станки, оборудование), потребительские товары оптом, или какие-либо услуги для извлечения из них прибыли, под действие законодательства о защите прав потребителей не подпадает – защита его интересов осуществляется на основе общих норм гражданского законодательства.

Необходимо оговориться, что вопрос о признаках, присущих статусу потребителя – это довольно широкая проблема, не являющаяся основной темой данного исследования. Действительно, ряд НПА (ФЗ «О защите конкуренции», Разъяснение Президиума ФАС России от 07.06.2017 № 8, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 и др.) регламентируют, что в определенных условиях и юридические лица формально наделяются статусом потребителя [4, с. 171]. В качестве примера можно привести ситуацию, когда юриди-

ческое лицо открывает расчетный счет в банке и, тем самым, становится «потребителем» банковских услуг. Однако в подобных ситуациях действуют, прежде всего, нормы ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), регламентирующие обязанности продавца и поставщика услуг в рамках гражданско-правового договора – т.е. общие нормы гражданского законодательства, а не специальное потребительское право.

В свете сказанного важно ответить на вопрос о том, почему законодатель столь строго ограничивает сферу действия Закона о защите прав потребителей и норм об административной ответственности за нарушение потребительских прав, отказывая в большинстве случаев целому ряду субъектов (юридические лица, индивидуальные предприниматели и т.д.) в статусе потребителя. Дело в том, что Закон о защите прав потребителей и система норм об административной ответственности за нарушение потребительских прав предоставляют лицу, подпадающему под характеристики потребителя, повышенные (по сравнению с другими субъектами) меры и возможности защиты нарушенных прав. Логика законодателя состоит в том, что потребитель (как гражданин, физическое лицо, не осуществляющее хозяйственную деятельность) изначально находится в неравном положении по отношению к «продавцу» (юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, осуществляющему продажу товаров или предоставление услуг) [5].

В юридической литературе данное неравенство рассматривается как изначально подразумеваемая «слабость» потребителя по отношению к «продавцу»: потребитель не обладает необходимыми финансовыми и юридическими ресурсами для осуществления полноценной самостоятельной защиты своих прав в рамках гражданского оборота (так, как если бы осуществлялся правовой спор двух равностатусных хозяйствующих субъектов); правовая грамотность и компетентность рядового потребителя как физического лица зачастую также ограничена; изначально недостаток знаний для профессиональной и объективной оценки качества товара или предоставляемой услуги (к примеру, рядовой покупатель автомобиля не является инженером-автомобилистом, а покупатель стиральной машины не является инженером-электриком).

Поэтому в представлении законодателя о т.н. «слабости» потребителя и необходимости предоставления ему повышенной защиты со стороны государства выражается принцип справедливости как основы функционирования правового и демократического государства.

Та же идея справедливости вполне логично подразумевает повышенную ответственность для субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих продажу потребительских товаров или предоставление потребительских услуг.

Так, субъекты предпринимательской деятельности (юридические лица, индивидуальные пред-

приниматели) осуществляют свою деятельность с целью извлечения прибыли, т.е. осуществляют коммерческую деятельность. С одной стороны, законодатель осознает все риски предпринимательской деятельности и большое ее социальное значение в рамках рыночной экономики – в связи с этим многочисленные нормативно-правовые акты (начиная с Конституции РФ) содержат разнообразные гарантии для предпринимателей (антимонопольное законодательство, условия для предоставления налоговых льгот и преференций, механизмы защиты от необоснованных действий со стороны государственных органов). С другой стороны, при всей социальной значимости предпринимательской деятельности нельзя обойти тот аспект, что она осуществляется из корыстных соображений, основная цель предпринимателя – не благосостояние общества, а собственная прибыль и выгода.

Поэтому как российское законодательство, так и правовые системы других развитых и социально ориентированных стран мира, наряду с гарантиями, предусматривают для субъектов предпринимательской деятельности серьезные меры ответственности за нарушение законодательства – речь идет о мерах гражданской, административной и уголовной ответственности. Поэтому важная роль в правовом регулировании предпринимательства принадлежит институту административной ответственности за нарушение потребительских прав.

Административная ответственность является частным видом ответственности юридической. При этом юридическая ответственность в большинстве исследований понимается совокупность последствий, наступающих для субъекта в силу осуществления им тех или иных действий (в данном случае – правонарушений). Т.е. юридическая ответственность предполагает правовые последствия (предусмотренные законом санкции) за совершение правонарушений [3, с. 81].

Сфера административного права охватывает общественно-правовые отношения по поводу норм и правил, установленных государством для граждан в тех или иных сферах общественной жизни – одной из таких сфер является предпринимательская деятельность. В рамках регламентации предпринимательской деятельности законодатель устанавливает особый институт регулирования отношений продавца и потребителя, сосредотачиваясь на защите прав последнего. Нарушение данных норм и правил, установленных государством, трактуется как административное правонарушение, за совершение которого наступают правовые последствия – административная ответственность по нормам, содержащимся в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), Законе о защите прав потребителей и некоторых других НПА.

Можно выделить некоторые общие признаки административной ответственности. Среди них – строгое соответствие закону (ответственность должна быть предусмотрена исключительно име-

ющими юридическую силу НПА); опора на государственное принуждение; наличие неблагоприятных для лица, совершившего административное правонарушение, моральных, правовых либо экономических последствий (предупреждение, штраф, лишение права заниматься определенным видом деятельности и т.д.); реализация мер административной ответственности исключительно уполномоченными государственными органами в рамках особого процессуального порядка [6, с. 110].

КоАП РФ предусматривает административную ответственность субъектов предпринимательства за нарушение прав потребителей в ст.ст. 14.4, 14.5, 14.7, 14.8, 14.15. Нормы данных статей предусматривают привлечение предпринимателя к административной ответственности за продажу товаров заведомо ненадлежащего качества, обман потребителя, неиспользование кассовой техники, нарушение требований к информированию, нарушение правил продажи отдельных категорий товаров и т.д.

Санкции, которые предусматривает КоАП РФ за нарушение предпринимателем прав потребителя носят, как правило, материальный характер и варьируются от штрафа до конфискации предмета административного правонарушения.

Так, к примеру, нарушение права потребителя на получение необходимой и достоверной информации о реализуемом товаре, об изготовителе, о продавце, об исполнителе и о режиме их работы влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 500 руб. до 1 тыс. руб.; на юридических лиц – от 5 до 10 тыс. руб. (ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ), а включение в договор условий, ущемляющих права потребителя, установленные законодательством о защите прав потребителей, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 1 до 2 тыс. руб.; на юридических лиц – от 10 до 20 тыс. руб. (ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ).

Важно отметить, что сфера регулирования административной ответственности предпринимателей за нарушение потребительских прав на сегодняшний день фактически касается в основном продажи товаров и предоставления услуг т.н. «материально-физического» характера. Однако в настоящее время активно развивается сфера интернет-коммуникаций, и зачастую права потребителя цифровых товаров и услуг не охватываются действием административного законодательства. Так, применение норм ст.ст. 14.4 и 14.7 к целому ряду цифровых товаров и услуг зачастую весьма проблематично, что требует уточнения и развития законодательства в этой сфере.

В этой же связи следует отметить, что не уделено достаточно внимания защите прав потребителей при использовании электронных платежных систем. Также недостаточно регламентированы вопросы государственной регистрации и осуществления деятельности предпринимателями, осуществляющими свою деятельность через электронные платформы [78, с. 154].

Еще одной проблемой является привлечение к административной ответственности граждан – плательщиков налога на индивидуальный доход (ПНД), т.н. «самозанятых» лиц. Дело в том, что данные экономические субъекты фактически осуществляют предпринимательскую деятельность, осуществляют продажу потребительских товаров и предоставление потребительских услуг. Однако при этом их статус как предпринимателей и субъектов, привлекаемых к административной ответственности за нарушение потребительских прав, не совсем ясен.

Административно-правовой статус ПНД урегулирован в настоящее время ст. 2.4 КоАП РФ, где данные граждане по какой-то причине ближе по своему административно-правовому статусу к должностным лицам. Однако практически такой подход вовсе не верен, т.к. фактически ПНД осуществляют предпринимательскую деятельность (пусть и в упрощенной форме) – поэтому должны приравниваться к индивидуальным предпринимателям. И, соответственно, меры административной ответственности, применяемые к ПНД, должны быть схожими (т.е. регулироваться ст.ст. 14.4, 14.5, 14.7, 14.8, 14.15 КоАП РФ).

Следующая проблема связана с неравными условиями потребителей и поставщиков услуг (продавцов) при заключении гражданско-правовых договоров. Речь идет о фактическом отсутствии у граждан-потребителей возможности оказывать влияние на содержание предлагаемых предпринимателями гражданско-правовых договоров. Как правило, граждане вынуждены подписывать с предпринимателями договоры некой «унифицированной» формы (как правило, разработанной предпринимателями в собственных интересах), не имея возможности вносить свои изменения и предложения (обычно альтернативой является только полный отказ от подписания договора и получения услуги). Законодатель в настоящее время идет по пути запрета предпринимателям вносить в форму заключаемых с потребителем договоров однозначно противоречащих законодательству условий (особенно строго такие запреты действуют в сфере банковского кредитования – например, запрет о включении пункта об обязательном согласии заемщика на дополнительные услуги).

При этом предприниматели могут предлагать потребителям к подписанию гражданско-правовые договоры, содержащие те или иные пункты, в целом не противоречащие действующему законодательству, но все же определенным образом ущемляющие интересы потребителя. В этой связи необходимо ужесточать нормы об административной ответственности за понуждение потребителя к подписанию договора, содержащего ущемляющие его интересы условия.

Выводы

Подводя итоги, можно отметить следующее.

Закон о защите прав потребителей и система норм об административной ответственности

за нарушение потребительских прав предоставляют лицу, подпадающему под характеристики потребителя, повышенные (по сравнению с другими субъектами) меры и возможности защиты нарушенных прав в связи с тем, что потребитель (как гражданин, физическое лицо, не осуществляющее хозяйственную деятельность) изначально находится в неравном положении по отношению к «продавцу» (юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, осуществляющему продажу товаров или предоставление услуг). Поэтому важная роль в правовом регулировании предпринимательства принадлежит институту административной ответственности за нарушение потребительских прав.

КоАП РФ предусматривает административную ответственность субъектов предпринимательства за нарушение прав потребителей в ст.ст. 14.4, 14.5, 14.7, 14.8, 14.15. Нормы данных статей предусматривают привлечение предпринимателя к административной ответственности за продажу товаров заведомо ненадлежащего качества, обман потребителя, неиспользование кассовой техники, нарушение требований к информированию, нарушение правил продажи отдельных категорий товаров и т.д. Санкции, которые предусматривает КоАП РФ за нарушение предпринимателем прав потребителя носят, как правило, материальный характер и варьируются от штрафа до конфискации предмета административного правонарушения.

При этом исследование административной ответственности за нарушение прав потребителей выявляет следующие проблемные аспекты:

1. Применение норм ст.ст. 14.4 и 14.7 к целому ряду цифровых товаров и услуг зачастую весьма проблематично, что требует уточнения и развития законодательства в этой сфере.

2. Еще одной проблемой является привлечение к административной ответственности граждан – плательщиков налога на индивидуальный доход (ПНД), т.н. «самозанятых» лиц.

3. Следующая проблема связана с фактическим отсутствием у граждан-потребителей возможности оказывать влияние на содержание предлагаемых предпринимателями гражданско-правовых договоров. В этой связи необходимо ужесточать нормы об административной ответственности за понуждение потребителя к подписанию договора, содержащего ущемляющие его интересы условия.

Литература

1. Административное право: Учебник / Под редакцией Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. – Москва: Норма, 2018. – 991 с.
2. Административное право России: Учебник. Ч. 3: Административная юрисдикция / Под ред. А.П. Коренева, В.Я. Кикотя. – М.: Юрайт, 2020. – 420 с.
3. Бахрах Д.Н. Административная ответственность / Д.Н. Бахрах. – М.: Юрайт, 1999. – 469 с.

4. Бугаенко Н.В., Кратенко М.В. Судебная практика по гражданским делам. Споры о защите прав потребителей: научно-практическое пособие. – М.: Юстицинформ, 2013. – 392 с.
5. Дружина В.А. Административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности за нарушение прав потребителей // Электронный ресурс: «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». – № 9 (84). – 2023 – Alley-science.ru (дата обращения: 11.10.2023).
6. Кондратов М.А., Медведев С.С. Отражение проблемы об определении юридического лица как субъекта преступления в современном уголовном законодательстве России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 108. – С. 107–119.
7. Тиунова Н.В. Некоторые проблемные аспекты осуществления государственного контроля и привлечения к административной ответственности за нарушения прав покупателей несанкционированными и обезличенными интернет-магазинами в России / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – № 1. – С. 152–162.

ADMINISTRATIVE LIABILITY OF BUSINESS ENTITIES FOR VIOLATION OF CONSUMER RIGHTS

Katnikov I.I.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Relevance and goals. The relevance of the topic under study is due to the fact that the institution of administrative liability for violation of consumer rights is associated with the need to ensure the rights of citizens to purchase quality goods and services, with the need to ensure guarantees of the well-being and health of the nation. Considering that the consumer initially occupies a "weaker" (in legal and economic aspects) position in relation to the entrepreneur, the state is obliged to provide effective opportunities for protecting the rights of citizens in the consumer sphere. Within the framework of the general problems of protecting consumer rights, the problem of administrative liability of business entities for violations of consumer rights deserves special attention. The purpose of the work is to comprehensively study the issues of administrative responsibility of entre-

preneurs for violation of consumer rights in modern conditions, to develop proposals for improving this legal institution.

Materials and methods. The methodological potential includes methods of comparative legal and historical legal analysis, which allow us to compare approaches and features of procedural and legal issues of administrative responsibility for violation of consumer rights in modern conditions.

Results. The legal foundations, scientific approaches and problems of administrative liability for violation of consumer rights in modern conditions have been identified.

Conclusions. The analysis made it possible to identify some areas of development of both scientific theory and legislation in the following areas. Application of the provisions of Art. Art. 14.4 and 14.7 to a whole range of digital goods and services is often very problematic, which requires clarification and development of legislation in this area. Another problem is bringing to administrative responsibility citizens – payers of individual income tax (IIT), the so-called. "self-employed" persons. The next problem is related to the actual lack of opportunity for citizen-consumers to influence the content of civil law contracts proposed by entrepreneurs. In this regard, it is necessary to tighten the rules on administrative liability for forcing a consumer to sign an agreement containing conditions that infringe on his interests.

Keywords: consumer, consumer rights, administrative responsibility, sanctions, offense.

References

1. Administrative law: Textbook / Edited by L.L. Popova, M.S. Studenikina. – Moscow: Norma, 2018. – 991 p.
2. Administrative law of Russia: Textbook. Part 3: Administrative jurisdiction / Ed. A.P. Koreneva, V. Ya. Kikotyа. – M.: Yurayt, 2020. – 420 p.
3. Bakhrahk D.N. Administrative responsibility / D.N. Bakhrahk. – M.: Yurayt, 1999. – 469 p.
4. Bugaenko N.V., Kratenko M.V. Judicial practice in civil cases. Disputes about the protection of consumer rights: a scientific and practical guide. – M.: Yusticinform, 2013. – 392 p.
5. Druzhina V.A. Administrative responsibility of business entities for violation of consumer rights // Electronic resource: "Scientific and practical electronic journal Alley of Science". – No. 9 (84). – 2023 – Alley-science.ru (access date: 10/11/2023).
6. Kondratov M.A., Medvedev S.S. Reflection of the problem of defining a legal entity as a subject of a crime in modern criminal legislation of Russia // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. – 2015. – No. 108. – P. 107–119.
7. Tiunova N.V. Some problematic aspects of the implementation of state control and bringing to administrative responsibility for violations of the rights of buyers by unauthorized and impersonal online stores in Russia / ed. O.A. Kuznetsova, V.G. Golubtsova, G. Ya. Borisevich, L.V. Borovykh, Yu.V. Vasilyeva, S.G. Mikhailova, S.B. Polyakova, A.S. Telegina, T.V. Hornet // Perm legal almanac. Annual scientific journal. – 2019. – No. 1. – P. 152–162.

Эволюция нормативного регулирования договорных отношений поручительства в российском законодательстве

Красоусская Полина Даниловна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: krasoussskaya.p@mail.ru

Лопатин Данил Павлович,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: frozeneg@mail.ru

Поручительство один из древнейших способов обеспечения исполнения обязательства, уходящий корнями в римское право, формулирующее поручительство (*adpromissio*) как договор. Становление и эволюция договора поручительства находятся в неразрывной связи с историческими, политическими, социально-экономическими и другими особенностями определенного этапа развития как государства, так и экономических отношений, складывающихся между людьми в разное время. Государство, на разных этапах своего развития и становления, соответствующим образом реагировало на потребность общества в регулировании данного института, конкретизировало и дополняло положения о нем. Таким образом, рассматриваемый институт, благодаря которому достигается возможность обеспечения исполнения обязательства любого должника, остается актуальным на протяжении тысячелетий. Институт поручительства в силу специфики своего функционирования, интуитивно понятных механизмов его регулирования, применения в различных сферах оказывает неоценимое влияние на развитие общественных отношений, складывающихся при обороте имущества.

Ключевые слова: поручительство, вещное право, обязательственное право, кредитор, поручитель, должник.

В отечественном праве нормы о поручительстве по договору впервые были включены в Псковскую судную грамоту 1467 года. Именно в данном нормативном правовом акте большое внимание уделяется обязательственным отношениям, а также в нём впервые был упомянут договор поручительства. Однако в Псковской судной грамоте нет термина «поручительство», применяется этимологический предшественник, термин «порука», характеризующий форму, в которой совершался данный договор. В судной грамоте институт поручительства регулировался небольшим количеством статей: ст. 32, 33, 45 и 101.

В ст. 33 Псковской судной грамоты предусматривалось условие, в соответствии с которым применялась «порука» (поручительство): «порукой обеспечивается долг только на сумму до рубля включительно, в займах же, превышающих указанную сумму, порука не может служить обеспечением» [4].

При предъявлении займодавцем иска к поручителю должник, за которого поручался последний, представлял суду расписку об уплате долга истцу; но эта расписка являлась бесспорной только в том случае, если в архиве Троицкого собора хранилась копия расписки. В противном случае истцу предоставлялась возможность взыскать свои деньги с поручителя должника. Лицо, предъявившее иск к поручителю, должно было точно указать цену иска, иначе оно теряло право на иск (ст. 45).

В случае бегства должник подлежал «выдаче головой поручителю». Это положение так прочно вошло в псковские пошлыны, что, если должник, за долги которого поручалось другое лицо, бежал за границу, то псковские власти обращались к соседнему государству с требованием выдачи бежавшего должника [3, с. 46].

Так, в начале XIV в. Псков обратился к властям Риги с требованием выдачи должника Нездильца поручившемуся за него псковичу Ивану Голову. Об этом сохранилась следующая грамота: «От посадника Сидора, и от Рагуила, и от всех сътъских, и от всех пльсковиць к ратьманом в Ригу и к всем рижаном. Зде тировал Нездильце вашь во Пльскове с детьми, търговал с Кумордою и не доплатил Куморде 20 гривен серебра и полу-третие гривне серебра, а Ивана Голова, человека нашего, въвел в поруку. А Иван в Новьгород, и он побегал к вам. И ныне учините правду, выдайте Нездильца поручнику. Зде ваша братия и дети ваши търгуют и въводятъ люди добры в поруку. И мы за виноватымъ не стоим. Или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправим в Пльскове на вашей братии, а вам поведаем» [2, с. 17–18].

Таким образом, в Псковской судной грамоте регулировался институт поручительства, однако сам по себе договор поручительства не был урегулирован, а также не были предусмотрены общие положения договора, форма и содержание. В «поручке» важным была именно так называемая расписка, в соответствии с которой предоставлялась возможность защищать свои права.

До 1922 года были предложения о создании нормативного правового акта, например, проекты гражданских уложений 1814 и 1905 годов, в которых формулировались нормы о договоре поручительства. В проекте 1814 года предусматривалась глава тринадцатая и порядка 20 статей, посвященных поручительству. В проекте 1905 года положения отведенные поручительству изложены в главе двадцать четвертой и разделены на три раздела. В данном акте указаны положения, находящие отражение в современном законодательстве. Так, в данном проекте закрепляется, что поручительство может быть дано и без ведома и разрешения на то должника по основному обязательству.

В Гражданском кодексе РСФСР 1922 года более подробно были описаны положения о договорах, таковых в данном нормативном правовом акте насчитывалось десять, один из них – о поручительстве. В частности, ст. 203 вышеупомянутого Гражданского кодекса даны обязательные требования к договору: договор должен быть совершен в письменной форме [5]. А также условие, по которому несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора поручительства. Следует отметить, что данное условие находит свое закрепление в действующем законодательстве.

Ст. 204 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года предусмотрена ответственность поручителя. Следует отметить, что впервые было включено правило о том, что требование кредитора к основному должнику и поручителю предъявляется как к солидарным должникам, если иное не установлено договором поручительства. А также считаем важным отметить, что в данной статье предусмотрена солидарная ответственность поручителей, если их несколько, в случае, если иное не предусмотрено договором.

Данный нормативный правовой акт установил подробное и четкое содержание договора поручительства, ответственность сторон договора, основания прекращения договора поручительства, а также права и обязанности поручителя. Однако, по нашему мнению, в Гражданском кодексе 1922 года существовала некая раздробленность правовых норм, например, правовые нормы о залоге размещены законодателем в разделе «Вещное право», а, в свою очередь, нормы о поручительстве, задатке и неустойке в разделе «Обязательственное право».

Следующим нормативным правовым актом, который регулировал договор поручительства является Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Данный закон выделил три основных способа обеспечения исполнения обязательств: неустойка

(ст. 187), залог (ст. 192), поручительство (ст. 203), а также два дополнительных способа обеспечения обязательств: задаток (ст. 209) и гарантия (ст. 210) [6].

В ст. 203 Гражданского кодекса РСФСР внесено дополнение о том, что поручительством может обеспечиваться лишь действительное требование. Остальные положения вышеупомянутого нормативного правового акта схожи, а порой идентичны с Гражданским кодексом РСФСР 1922 года.

В Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года законодатель не производил конкретизацию формы и содержания договора поручительства, не регулировал права и обязанности поручителя, а также основания прекращения действия договора поручительства. Однако ч. 1 ст. 68 установила положение, которым предусматривалось, что исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, поручительством (гарантией) или задатком. Также следует отметить, что в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года происходит некое смешение понятий «поручительство» и «гарантия» [7]. На наш взгляд, объединяя данные понятия в одно, законодатель допустил ошибку. Поручительство и независимая гарантия лишь условно схожи, однако имеют, как минимум, несколько важных отличий друг от друга: поручительством может обеспечиваться любое обязательство, гарантией же может обеспечиваться обязательство уплатить денежные средства. Также различием между данными институтами является то, что гарантия не акцессорное обязательство, коим является поручительство.

Таким образом, мы подошли к современному периоду, в котором положения о договоре поручительства предусмотрены в Гражданском Кодексе от 30.11.1994 года № 51-ФЗ, а именно в части первой. Нормы о договоре поручительства расположены в главе 23 «Обеспечение исполнения обязательств» в параграфе 5, который кратко именуется «Поручительство» [1].

Современное законодательство о договоре поручительства также указало на то, что данный договор заключается между кредитором и поручителем.

Предполагаем, что данное положение носит основополагающий характер в определении сторон договора поручительства. Как многие ошибочно полагают, договор поручительства заключается с кредитором и поручителем. Должник в данных отношениях не фигурирует, соответственно, заблуждение в отношении личности должника не будет являться основанием для оспаривания данного договора. В настоящее время порождается множество судебных споров о признании недействительным договора поручительства на том основании, что поручитель введен в заблуждение относительно добросовестности и платежеспособности должника. Однако суды не принимают во внимание данные доводы, поскольку такие обстоятельства не влияют на заключение договора поручитель-

ства сторонами, также считаем, что данное обстоятельство поставило бы кредитора в невыгодное положение.

Таким образом, институт поручительства прошел долгий путь формирования. Законодатель учитывал особенности конкретного периода, дополнял и уточнял положения, касающиеся регулирования рассматриваемого института. Например, в период существования Русского государства порука выступала неким способом привлечения к ответственности за нарушение обязательства третьего лица. Данное обстоятельство породило предпосылки для формирования четкого перечня способов обеспечения договорных обязательств и по мере развития общества и государства обозначенные способы менялись, подстраиваясь тем самым под определенную эпоху. Также следует упомянуть, что это не единственный результат развития. На протяжении всего времени, с момента первого упоминания о договоре поручительства, происходят различные видоизменения субсидиарной ответственности. Так, в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года предусмотрены обязательные требования к договору и ответственность за их несоблюдение. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года уже разделял способы обеспечения исполнения обязательств и каждый, в свою очередь, конкретизировал. Современный период вобрал в себя опыт прошлых лет, уточнил обязательные положения договора поручительства, форму договора поручительства, права и ответственность поручителя, а также основания прекращения договора.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994–05 дек. – № 32. – Ст. 3301.
2. Валк. С.Н. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М–Л.: Издательство Акад. СССР, 1949. 400 с.
3. Мартысевич И.Г. Псковская судная грамота. М.: Издательство Московского университета, 1951. 206 с.
4. Псковская ссудная грамота. [Электронный ресурс] URL: text.htm (дата обращения 20.11.2023).
5. Гражданский кодекс РСФСР: Закон РСФСР от 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1922. – 25 нояб. – № 71. Утратил силу. [Электронный ресурс] URL: ips (дата обращения 21.11.2023).
6. Гражданский кодекс РСФСР: Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – 18 июн. – № 24. – Ст. 406. Утратил силу. [Электронный ресурс] URL: print (дата обращения 21.11.2023).
7. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: Закон СССР утвержден ВС СССР от 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости ВС СССР. – 1991. – 26 июн. – № 26. – Ст. 733. Утратил силу. [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/3961640/> (дата обращения 22.11.2023).

EVOLUTION OF THE NORMATIVE REGULATION OF CONTRACTUAL GUARANTEE RELATIONS IN RUSSIAN LEGISLATION

Krasousskaya P.D., Lopatin D.P.

Novosibirsk National Research State University

Suretyship is one of the oldest ways of enforcing the obligation, rooted in Roman law, formulating suretyship (adpromissio) as a contract. The formation and evolution of a surety agreement are inextricably linked to the historical, political, socio-economic and other characteristics of a certain stage of development of both the State and economic relations that develop between people at different times. The State, at various stages of its development and formation, has responded to the need of society to regulate this institution and has specified and supplemented its provisions. Thus, the institution in question, which makes it possible to enforce the obligation of any debtor, has been relevant for millennia. Due to the specifics of its functioning, intuitively understandable mechanisms of its regulation, application in various spheres has an invaluable impact on the development of social relations that develop during the circulation of property.

Keywords: guarantee, proprietary right, law of obligations, creditor, guarantor, debtor.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FL (edit. of 24.07.2023) // Collect. of laws of the Russian Federation. – 1994. – 05 dec. – № 32. – Art. 3301.
2. Valk. S.N. Diplomas of Great Novgorod and Pskov. M–L.: Publisher Akad. USSR, 1949. 400 p.
3. Martysyevich I.G. Pskov Judgment Certificate. M.: Moscow University Publishing House, 1951. 206 p.
4. Pskov Loan Certificate. [Electronic Resource] URL: text.htm (accessed: 20.11.2023).
5. The Civil Code of the RSFSR: The Law of the RSFSR of October 31, 1922 // The Collection of Laws and Orders of the Worker and Peasant Government. – 1922. – 25 Nov. – № 71. Expired. [Electronic Resource] URL: ips (accessed: 21.11.2023).
6. Civil Code of the RSFSR: Law of the RSFSR of June 11, 1964 // Statement of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1964. – 18 Jun. – № 24. – Art. 406. [Electronic Resource] URL: print (accessed: 21.11.2023).
7. Foundations of civil legislation of the Union of the SSR and the republics: Law of the USSR approved by the Supreme Soviet of the USSR of 31 May 19912211-1 // Statement of the Supreme Soviet of the USSR. – 1991. – 26 Jun. – № 26. – Art. 733. Expired. [Electronic Resource] URL: <https://base.garant.ru/3961640/> (accessed: 22.11.2023).

К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих организацию-должника

Гриб Владимир Григорьевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, Университет «Синергия»
E-mail: vg-profesor@yandex.ru

Кузнецов Сергей Александрович,

аспирант, кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: antikvarii@yandex.ru

В настоящей статье рассмотрено появление словосочетания «объективное банкротство» в нормативно-правовых Актах Российской Федерации, рассматриваются проблемные вопросы, которые касаются привлечения контролирующих лиц организации (бенефициаров) к субсидиарной ответственности. Уделено значительное внимание природе этого явления и действующим нормативным актам, которые регулируют данную процедуру. Проведено сопоставление законодательства Российской Федерации и стран Европейского Союза (представлены реальные действующие правовые акты стран Европейского Союза), приведен реальный работающий механизм стран запада. Приведенное сравнение в значительной мере указывает на отличия двух подходов к вопросу определения бенефициара. Авторы статьи надеются, что данная статья может послужить толчком к совершенствованию действующего законодательства России.

Ключевые слова: бенефициар, кредитор, банкротство. Верховный Суд, Европейский Союз.

В научной литературе современной России, наибольшие трудности при реализации механизма субсидиарной ответственности в так называемом «объективное банкротство,» вызывает момент наступления признака истинной неплатёжеспособности, и кто же на самом деле является контролирующим лицом должника. [1]

Словосочетание «объективное банкротство» впервые, появилось в определении Верховного Суда РФ № 347-ЭС28–1673 от 20.07.2017. В материалах дела за № А49–6737/2015 в разделе об оплате обязательных платежей отмечено, что «в связи с понижающейся стоимостью чистых активов, должник не может полностью удовлетворить требования кредиторов».[2] В своем решении по данному делу Верховный Суд вынес постановление № 45, в котором говорится, что объективная несостоятельность – это момент времени, когда должник стал неспособен оплатить финансовые требования кредиторов, также должник не может оплатить обязательные платежи, так как у него совокупная стоимость активов меньше размеров долга. Последнее время юридическая практика Судов при рассмотрении подобных дел, ссылается на определение вышеупомянутого постановления Верховного Суда РФ.

Но и здесь наблюдаются трудности, заключающиеся в том, что невозможно точно определить момент времени, в который необходимо оценить реальную стоимость активов должника. Проходит довольно большое время между двумя событиями: когда должник объективно стал банкротом и выяснение реальной стоимости активов должника. Промежуток времени, в условиях современной действительности, может быть более трех лет.

На сегодняшний день законодатель в своих руководящих документах применительно к термину «объективное банкротство»:

- не дал определение словосочетания;
- не определил его признаки.

Исходя из вышеизложенного вышеприведенная проблема встала остро.[3]

Отслеживая практику судов, можно сделать вывод о том, что установление момента, когда должник объективно стал банкротом и выяснение реальной стоимости активов должника, понимается по-разному. И это верно, так как в этом вопросе имеют значение такие аспекты как: недостаток активов; недостаток имущества; неплатежеспособность; размер просрочки по платежам кредиторам; величина чистых активов должника; причина падения цены активов должника по бухгалтерскому балансу. Необходимо отметить, что бухгалтерский

баланс лишь отмечает общие сведения о пассивах и об активах за определенный месяц или год, а меньшая величина активов по сравнению с обязательствами еще не говорит о том, что должник не может платить своим кредиторам. В тоже время Верховный суд РФ указывал, что отдельное дело строго индивидуально, и необходимо в каждом случае рассматривать свои обстоятельства. И просто невозможно каждое дело вписать в определенные рамки, которые будут прописаны в законодательстве.

И именно такой подход обеспечит четкое обозначение критериев проблемы и, как следствие, повысит защиту кредитора перед должником.[4]

Соединенные Штаты Америки с данной проблемой уже столкнулись и решили ее успешно. Именно их суды ввели термин «checklists»-тестов. По этим тестам определяется момент наступления признаков истинной неплатежеспособности. Причем в каждом определенном штате этот тест разный. В этой практике прослеживается необходимость принятия одного обобщающего «checklists»-теста. По нашему мнению этот опыт судопроизводства мог бы взять на вооружение Верховный Суд РФ и определить свой «checklists»-тест, в котором можно было бы дать объяснение основных критериев, применительно к вопросу определения наступления признаков неплатежеспособности.

В Российском законодательстве (Закон о банкротстве) существует норма, которая позволяет уменьшить субсидиарную ответственность формального руководителя, если этот руководитель раскроет физическое или иное юридическое лицо, которое получает деньги или другие блага от благодетеля. Именно данная норма Закона позволяет правоохранительным органам облегчить следствию действия в интересах кредиторов в целях привлечения бенефициара к субсидиарной ответственности.

Данная норма в Законе существует, но по словам ВРИО руководителя Федеральной налоговой службы Российской Федерации, в качестве досудебной сделки с государством она пока не заработала. В своем высказывании данное должностное лицо выразило надежду, что возможно, она заработает в Уголовном праве Российской Федерации.

Интересен опыт стран западной Европы (стран членов Европейского Союза). в этих странах ведется реестр бенефициаров. Первый такой список появился в Англии 25.06.2014 (был принят законопроект, согласно которому был создан единый реестр бенефициаров – PSC Register).[5]

Основная идея введения данного реестра – установление вертикали управления определенными компаниями для установления реального бенефициара. В Европейском Союзе принят законопроект, который призван бороться с незаконным обналичиванием финансов и отмыванием денег. Данный закон в западных странах известен под названием Fourth EU Anti-Money Laundering Directive (20.05.2015 г). Согласно данного Закона бенефициарным собственником компании или организа-

ции является физическое лицо, если он косвенно или прямо контролирует деятельность компании или имеет долю участия больше 25 процентов.[6]

В Европейском Союзе существует практика, когда каждое государство данного Союза может понизить порог владения долями компании. Но если у физического лица нет доли акций в компании, то бенефициаром признается сотрудник компании, занимающий высшую руководящую должность. Для частных фондов, трастов и так далее бенефициаром признается протектор, генеральный директор, учредитель, доверенный собственник и подобное им управляющее лицо. Причем данный реестр в странах Европейского Союза един, и каждая из стран-участниц должна его хранить в официально утвержденном журнале Европейского Союза. В журнале Европейского Союза (19.06.2018 года был зарегистрирован пятый закон, призванный бороться с незаконным обналичиванием и отмыванием денежных средств. Он зарегистрирован под названием Anti-Money Laundering Directive (5AMLD). Но необходимо отметить, что этот закон не внес абсолютно никаких колебаний ни в одну из сторон в штрафных санкциях, которые применяются за выявленные нарушения. Зато расширил круг лиц, ответственных за вышеуказанные нарушения. Обеспечивает высокую прозрачность сектора финансов в управлении организациями и делает упор именно на бенефициарное управление трастовыми фондами.

Содержащиеся в вышеуказанном реестре данные, доступны компетентным органам, таким как Управление по финансовому надзору (FCA), и любым органам, которые изъявляют законный интерес к информации. На ряду с компетентных органов, к данной информации могут обратиться представители свободной прессы и общественные деятели, причем не нужно ссылаться на Закон.

Причем если заинтересованному лицу не предоставили запрашиваемую информацию по бенефициару, то не предоставившее должностное лицо понесет уголовную ответственность согласно Законов страны, произошедшего инцидента.[7]

К сожалению, на данный момент аналогичная база бенефициаров (контролирующих лиц предприятия-банкрота) в Российской Федерации не введется. У нас существует закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (от 07.08.2001 года). Именно в этот Федеральный Закон 21 декабря 2016 года Правительство Российской Федерации внесло изменения, согласно которым юридическое лицо обязано предоставить информацию о своих бенефициарах. Эти изменения внесены в пункт 6.1 выше указанного Федерального Закона. причем согласно этому пункту бенефициарный владелец компании – это физическое. лицо, которое прямо или через подставных лиц владеет более чем 25 процентами акций компании, либо контролирует напрямую или косвенно деятельностью компании. Информация о бенефициаре раскрывается в пояс-

нениях к годовому бухгалтерскому отчету и к отчету о финансовых результатах за текущий период. В случае если по запросу Росфинмониторинга (уполномоченного органа, определенного законодательством Российской Федерации) юридическое лицо не предоставляет информацию, либо предоставляет ее не в полном объеме, либо искажает реальных бенефициаров, то правоохранительными органами налагается административный штраф. (См. Кодексе об административных правонарушениях РФ в подпункте 1, пункта 25, статье 14).[8]

Анализируя все вышеизложенное бенефициаров в РФ найти, сложно, но все инструменты для этого действия все указаны в Законах (бухгалтерская отчетность).

Все эти инструменты даны кредитору для ситуации, в которой если управляющий уклоняется от уплаты – сам кредитор смог бы напрямую истребовать долг с бенефициара.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
2. Аютина Е.Н. Правомочия лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, на обжалование судебных актов в деле о банкротстве должника // Арбитражные споры. 2020. № 4 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Арзамасцев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2019. № 2.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. 30.11. 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Тяпин Д.В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Инфотропик Медиа. 2019.
6. Климов С.А. Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица // Хозяйство и право. 2018. № 3.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссий-

ского голосования 01.07.2020) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

8. Горбатов А. Субсидиарная ответственность руководителей при несостоятельности (банкротстве) возглавляемых ими кредитных организаций // Хозяйство и право. 2017. № 3. 67
9. Шац Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве // Учебное пособие. 2019.

ON THE ISSUE OF BRINGING TO SUBSIDIARY LIABILITY PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR ORGANIZATION

Grib V.G., Kuznetsov S.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

This article examines the appearance of the phrase «objective bankruptcy» in the regulatory legal acts of the Russian Federation, discusses problematic issues related to the involvement of controlling persons of the organization (beneficiaries) to subsidiary liability. Considerable attention is paid to the nature of this phenomenon and the current regulations that regulate this procedure. A comparison of the legislation of the Russian Federation and the countries of the European Union is carried out (real existing legal acts of the countries of the European Union are presented), a real working mechanism of Western countries is given. The above comparison largely indicates the differences between the two approaches to the issue of determining the beneficiary. The authors of the article hope that this article can serve as an impetus to improve the current legislation of Russia.

Keywords: beneficiary, creditor, bankruptcy. Supreme Court, European Union.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 07/24/2002 (as amended on 07/01/2021) // Consultant Plus: legal reference system.
2. Anyutina E.N. The powers of a person brought to subsidiary liability to appeal judicial acts in the debtor's bankruptcy case // Arbitration disputes. 2020. No. 4 // Consultant plus: legal reference system.
3. Arzamassev I.V. On some material and legal aspects of bringing to subsidiary responsibility in the explanations of the Armed Forces of the Russian Federation // Bulletin of Civil Law. 2019. № 2.
4. The Civil Code of the Russian Federation. 30.11. 1994 No. 51-FZ (ed. from 06/28/2021) // Consultant plus: legal reference system.
5. Tyapin D.V. Problems of judicial practice of bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy proceedings // Infotropik Media. 2019.
6. Klimov S.A. Signs of objective bankruptcy used in determining the grounds for bringing to subsidiary liability for non.
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Consultant plus: legal reference system.
8. Gorbatov A. Subsidiary responsibility of managers in case of insolvency (bankruptcy) of credit organizations headed by them // Economy and law. 2017. No. 3. 67
9. Shats R.K. Subsidiary and other liability of persons controlling the debtor in bankruptcy // Textbook. 2019.

Оспаривание зачета как сделки с предпочтением в рамках дела о банкротстве

Лапина Елизавета Вадимовна,

бакалавр ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: e.lapina@g.nsu.ru

Еременко Дмитрий Евгеньевич,

бакалавр ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: yeryomenko.de@gmail.com

В настоящей статье авторами изучен подход законодателя и Верховного Суда РФ к применению зачёта в деле о несостоятельности (банкротстве), рассмотрена обеспечительная функция зачёта встречных требований сторон и квалификация заявления о зачёте как сделки с предпочтением. В целях сравнения современных отечественных тенденций с зарубежным опытом были исследованы подходы иностранных правоприменителей к применению зачёта в условиях банкротства. При наличии запрета на проведение зачёта взаимных требований был рассмотрен схожий механизм, а именно механизм сальдирования обязательств сторон в рамках одного правоотношения, не создающий последствий предпочтительного удовлетворения требований кредиторов в деле о банкротстве. Также авторами приводится обзор подходов судебной практики по допусшению зачёта в деле о банкротстве и признанию его сделкой, совершённой в рамках обычной хозяйственной деятельности должника.

Ключевые слова: зачёт, банкротство, сальдирование, сальдо, предпочтение, сделка, оспаривание сделок, судебная практика, обычная хозяйственная деятельность должника.

Одним из способов прекращения встречных обязательств между должником и кредитором является зачёт по волеизъявлению одной из сторон (ст. 410 ГК РФ). При этом, такой зачёт может быть как односторонней, так и двусторонней или многосторонней сделкой.

Закон о банкротстве запрещает зачёт встречных требований по инициативе должника или кредитора (ст. 63 Закона о банкротстве). Однако такой зачет может быть совершен по заявлению конкурсного управляющего при условии соблюдения правил очерёдности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов (п. 8 ст. 142 Закона о банкротстве), но такой механизм встречается в практике довольно редко.

Тенденция запрета (который, строго говоря не является императивным) зачета в делах о банкротстве сформировалась в российском законодательстве и судебной практике достаточно давно. Так, одним из писем Президиума ВАС РФ (п. 14) уже содержалась позиция, согласно которой с момента инициирования дела о банкротстве никакая из сторон встречных обязательств не может прекратить своё обязательство зачётом [2].

Впоследствии высшей судебной инстанцией распространены на зачёты ограничения, действующие для сделок, совершённых с предпочтением [11].

Затем был принят Пленум ВАС, который применяется и по сей день в части оспаривания зачета в банкротстве, указывающий на возможность оспаривания сделок зачёта (как до возбуждения процедуры банкротства, так и после её введения) в порядке ст. 61.3 Закона о банкротстве, т.е. в порядке преференциальных сделок [12].

В 2014 году ВАС РФ пытался разрешить зачёт, издав проект Постановления Пленума с соответствующими предложениями. Однако, данный проект не был поддержан. В частности, в нём предлагалось не признавать заявление о зачёте недействительной сделкой, если обязательства сторон совпали ранее, чем за 6 месяцев до возбуждения дела о банкротстве, если совпадение обязательств пришлось от 1 до 6 месяцев до возбуждения дела, то принимать во внимание необходимо добросовестность кредитора на момент совпадения требований. Если же обязательства сторон совпали в течение одного месяца до возбуждения дела о банкротстве или после возбуждения дела, то отказать в оспаривании зачёта можно только если он совершён в рамках обычной хозяйственной деятельности должника.

В дальнейшем попытки легализовать зачёт в банкротстве предпринимались Минэкономраз-

вития России в тексте проекта федерального закона до внесения в ГД СФ РФ (по состоянию на 16.07.2020). В частности, предлагалось установить, что заявления о зачёте как вредные сделки или сделки с предпочтением могут быть признаны недействительными, только если момент прекращения встречных обязательств сторон относится к периоду после даты возбуждения дела о банкротстве. Данная инициатива также не была поддержана [20].

Что касается совершения сделки зачёта после возбуждения дела о банкротстве, то важно отметить, что действующий закон о банкротстве не предусматривает императивного запрета на совершение сделки зачёта после инициирования дела о банкротстве. При этом, зачёт, совершенный с нарушением очерёдности погашения требований кредиторов, будет признан оспоримой сделкой [13].

Необходимость оспаривания зачёта в банкротстве обусловлено нарушением принципа равенства кредиторов и недопущением предпочтительного удовлетворения требований кредиторов, поскольку кредитор, заявивший о зачёте, тем самым удовлетворяет своё требование к должнику полностью в отличие от иных кредиторов. Встав в одну очередь с иными кредиторами третьей очереди и исполнив свои встречные обязательства перед должником, пополнив конкурсную массу, требования данного кредитора и иных кредиторов были бы пропорционально удовлетворены.

Кроме того, оспаривание актов зачета может быть эффективным способом пополнения конкурсной массы. Так, если зачёт был совершен в течение месяца до возбуждения дела о банкротстве, то недобросовестность стороны другой стороны зачёта даже не придётся доказывать, так как она презюмируется (п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве). Если же сделка зачёта была осуществлена в пределах 6 месяцев до возбуждения дела, то недобросовестность кредитора подлежит доказыванию (п. 3 ст. 61.3 Закон о банкротстве).

Напротив, в доктрине довольно часто встречается позиция, поддерживающая сохранения зачёта в деле о банкротстве. Так, М.В. Телюкина считает, что применение зачёта соответствует сути отношений, формирующихся на стадиях наблюдения и внешнего управления. [22].

Также сторонником легализации зачёта в банкротстве является А.В. Егоров [1]. По его мнению, заявление о зачёте обладает двумя функциями, первая из которых направлена на прекращение обязательства, а вторая связана с обеспечительным характером, который опосредует правомерные ожидания сторон от возможности совершения зачёта, в связи с чем такая сделка должна подлежать защите и в том случае, если в отношении другой стороны будет возбуждено дело о банкротстве.

В сущности, вопрос запрета или разрешения зачёта при банкротстве относится к проблеме приоритета индивидуального и коллективного интереса в банкротстве. Разрешив зачёт, законодатель

поставит интересы отдельного кредитора выше интересов всего сообщества кредиторов должника [4]. Напротив, в случае лишения такого кредитора имеющихся у него преференций из зачёта встречных требований путём уравнивания его с иными кредиторами не принимается во внимание наличие кредита доверия между кредитором и должником, которые договорились о совершении зачёта. В такой ситуации теряется обеспечительная функция зачёта, что не свидетельствует о стабильности гражданского оборота и повышает ещё более предпринимательский риск.

Большинство иностранных правопорядков разрешает зачёт при банкротстве, обосновывая это именно наличием у него обеспечительных свойств.

Так, в § 94–96 Положения Германии о несостоятельности (Insolvenzordnung) определены правила осуществления сделки зачёта в условиях банкротства должника после открытия конкурсного производства, допуская преимущественное удовлетворение требований кредитора, заявившего о зачёте, за счет направленного против него права требования. То есть, если встречные обязательства совпали до открытия конкурсного производства, то права кредитора на совершение зачёта сохраняются [10].

В то же время, немецким законом о банкротстве (§ 96) предусмотрены ограничения совершения зачёта при банкротстве. В частности, не допускается зачёт, если долг кредитора перед возник после открытия конкурсного производства или если конкурсный кредитор приобрёл свое требование к должнику от иного кредитора после открытия конкурсного производства.

Французское законодательство о банкротстве также допускает зачёт после введения конкурса. При этом, если требование кредитора возникает после опубликования решения о признании должника несостоятельным, то сделка зачёта недопустима (согласно ст. L622–7 Французского торгового кодекса) [23].

В законе о банкротстве Чехии (абз. 3 § 140 Закона Чехии о банкротстве) проведение зачёта не разрешается, если кредитором не выплачено в конкурсную массу банкрота часть собственной задолженности перед должником, превышающая встречные требования такого кредитора и должника. То есть, сначала кредитор должен выплатить соответствующую разницу в конкурсную массу и только затем заявлять о зачёте [24].

В последние годы в отечественной судебной практике прослеживается устойчивая тенденция произведения сальдирования, которое *de facto* является зачётом, но не признаётся актом сделки и не влечёт предпочтительного удовлетворения требований кредиторов. На уровне Верховного Суда РФ сложилась устойчивая судебная практика, согласно которой сальдирование имеет место тогда, когда в рамках одного договора (либо нескольких взаимосвязанных договоров) определяется завершающая обязанность сторон при прекращении договорных отношений полностью (либо их отдель-

ного этапа) (определения Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2018 № 304-ЭС17–14946, от 12.03.2018 № 305-ЭС17–17564, от 02.09.2019 № 304-ЭС19–11744, от 29.08.2019 № 305-ЭС19–10075, от 11.06.2020 № 305-ЭС19–18890(2), от 10.12.2020 № 306-ЭС20–15629, от 08.04.2021 № 308-ЭС19–24043(2,3), от 23.06.2021 № 305-ЭС19–17221(2) и др.).

В сущности, сальдирование является бухгалтерской операцией, складывается автоматически и не требует волеизъявления какой-либо из сторон. Данная операция носит только сверочный характер. Происходит констатация факта совпадения так называемых магистральных требований в рамках одного правоотношения, и при этом не возникают встречные обязанности сторон, а формируется лишь единственная завершающая обязанность одной из сторон договора. Сальдирование имеет правоподтверждающее значение и не зависит от нахождения какой-либо стороны в банкротстве [6].

Такое сальдо является способом расчёта итогового платежа, который выплачивается тому, в чью пользу складывается сальдо, в силу чего не происходит погашение требований кредитора вне очереди, так как по сути сделка не совершается и каких-либо преференций не создаётся [21].

Более того, возможность определения итогового сальдо взаимных обязательств сторон не зависит от вида договора, соответствующее условие в договор включать необязательно, а само сальдо может производиться по нескольким взаимосвязанным договорам, объединённых единой хозяйственной целью [7].

Помимо прочего, судебная практика на уровне ВС РФ допускает сальдирование не только основного долга сторон, но и основного долга и встречного требования по уплате неустойки в рамках единых правоотношений (Определения СК-ЭС ВС РФ от 02.02.2021 г. № 305-ЭС20–18448, от 29.08.2019 г. № 305-ЭС19–10075, от 23.06.2021 г. № 305-ЭС19–17221(2)). Данное правило действует вопреки механизму субординации требований о финансовых санкциях, в т.ч. неустойки в деле о банкротстве должника, когда кредитор при прочих равных условиях получает удовлетворение своих требований после погашения всех требований необеспеченных кредиторов третьей очереди по основному долгу и начисленных процентов (п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве). То есть, в ситуации отсутствия сальдирования такой кредитор вряд ли получил бы удовлетворение своих требований в деле о банкротстве. Проведение сальдо явно даёт приоритет кредитору с требованием к должнику о выплате неустойки путём получения полного погашения своих требований за счёт проведения сальдирования в обход правил о понижении в реестре по такому требованию [3].

Помимо сальдирования финансовых санкций допустимо и сальдирование внедоговорных обязательств. Судебная практика исходит из того, что отклонение любой из сторон от условий догово-

ра порождает необходимость соотнести итоговые обязательства сторон, возникшие из такого договора, в связи с чем, допускается сальдирование встречных требований с неосновательным обогащением, которое вызвано ненадлежащим исполнением одной из сторон своих обязательств по договору [16].

Последовательное разрешение проведения сальдирования в банкротстве связано со стремлением высшей судебной инстанцией обойти сформулированные ею же правила о запрете совершения зачёта в условиях несостоятельности. Сальдирование как раз отвечает ожиданиям сторон сделки и играет обеспечительную функцию зачёта. В то же время, единых правил сальдирования пока не выработано (хотя сложилось довольно много практикообразующих позиций на уровне ВС РФ), поэтому судами в каждом конкретном случае решается, когда требования можно считать встречными и взаимосвязанными.

По справедливому выражению Н.В. Мураева сальдирование является обходом зачёта в банкротстве и его маскировкой [5].

Основная идея сальдо исходит из эквивалентного и возмездного характера имущественных отношений. В ситуации, когда стороны не достигают цели договора (договор не исполняется либо производится неполное исполнение обязательства, с нарушениями), снижается потребительская ценность результата договора, в связи с чем возникает неэквивалентность встречных предоставлений, которая уравнивается посредством подведения итогового расчёта (сальдо) обязательств сторон. Такие действия по уменьшению своего обязательства за счёт неисполнения обязательств по договору иной стороной не может создавать предпочтения в отличие от зачёта [4].

Нельзя не признать, что грань между зачётом и сальдированием является достаточно тонкой, но современная отечественная судебная практика активно развивает доктрину сальдирования и не считает подведение сальдо в банкротстве оказанием предпочтения кредитору.

Вместе с тем, российский закон о банкротстве предусматривает варианты сохранения классического зачёта в рамках дела о банкротстве. Так, в п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве изложено правило, согласно которому сделка, совершённая в рамках обычной хозяйственной деятельности, не может быть оспорена в процедуре банкротства, если цена сделки не превышает 1% стоимости активов должника, определяемой на основании бухгалтерской отчетности должника за последний отчётный период. Несмотря на низкое пороговое значение размера сделки, практика по признанию таких сделок совершённых в рамках обычной деятельности должника достаточно распространена. Однако, данное правило не применяется, если установлена недобросовестность кредитора должника (т.е. его осведомлённость о признаках недостаточности имущества должника на момент совершения сделки) [8].

Помимо осведомлённости, в признании сделки совершённой в рамках обычной хозяйственной деятельности может быть отказано в виду наличия значительной просрочки исполнения обязательства (более двух и до четырех месяцев), что в совокупности с наличием факта заинтересованности сторон сделок говорит о том, что оспариваемая сделка не может расцениваться в качестве сделки, совершённой в обычной хозяйственной деятельности должника [15].

Таким образом, закон и судебная практика формулируют объективные критерии сделки, совершённой в условиях обычной хозяйственной деятельности: наличие порогового значения в размере 1% (количественный критерий), сделка не отличается существенно по условиям от аналогичных, совершалась неоднократно в течение продолжительного периода времени (качественный критерий). Также судебной практикой выработан субъективный критерий оценки «обычности» сделки – проверка добросовестности контрагента.

В судебной практике встречаются случаи сохранения зачёта вследствие его совершения в рамках обычной хозяйственной деятельности должника-банкрота. Так, в одном из дел ВС РФ отказал в признании недействительным зачёта суммы излишне уплаченного налога, признал сделку совершённой в рамках обычной деятельности должника, исходя из того, что сумма сделки зачёта не превысила установленного законом порогового значения в 1% от балансовой стоимости активов должника, а также отсутствуют доказательства того, что до совершения зачёта налоговый орган обладал сведениями о наличии у должника непогашенных денежных обязательств, относящихся к более ранней очереди удовлетворения [9].

Также судебная практика относит зачёты к сделкам в рамках обычной хозяйственной деятельности при наличии следующих обстоятельств. Например, должник постоянно совершал зачёты [17]. В ином деле в договоре между должником и кредитором была предусмотрена возможность прекращения обязательств зачётом, если обязательства не являются просроченными [18]. Также зачёт будет допущен судом, если и ранее должником и кредитором совершались зачёты встречных требований, т.е. такие зачёты происходили систематически между сторонами и являлись обычной практикой для них [19]. В ином деле, суд также отказал в признании зачёта недействительной сделкой, поскольку в спорный период должник вел активную деятельность, зачёты были обычной практикой, отсутствовали доказательства оказания кредитору предпочтения и при этом на момент совершения оспариваемых зачётов просроченные долги отсутствовали [14].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что зачёт в условиях банкротства несёт риски признания его недействительной сделки в силу возможного преференциального удовлетворения требований кредитора, в пользу которого совершается зачёт, в нарушение порядка очередности пога-

шений требований в реестре. Такие ограничения зачёта лишают его функции обеспечения и не позволяют сторонам надеяться на то, что он устоит в условиях банкротства одной из сторон. При этом, во многих зарубежных юрисдикциях допускается зачёт встречных требований после открытия конкурсного производства, если обязательства сторон совпали до введения конкурсного производства. Отечественная судебная практика в целях погашения встречных требований в рамках единого правоотношения выработала механизм сальдирования, который активно применяется и не влечёт внеочередного удовлетворения требований кредиторов, в то время как классический зачёт суды признают и отказывают в признании его недействительным, только если он совершён в рамках обычной хозяйственной деятельности и отсутствует недобросовестность со стороны кредитора. Однако, риски оспаривания зачёта значительно снизятся, если кредитором не допущена значительная просрочка исполнения обязательства, и сторонами ранее периодически совершались сделки зачёта.

Литература

1. Егоров А.В. Зачет при банкротстве: российское право и мировые тенденции // Закон. 2011. №8. С. 43–62.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
3. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1496 с.
4. Кантор Н.Е. Расчет сальдо в отношении связанных требований // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. №9. С. 136–178.
5. Мураев Н.В. Проблемы определения понятия сальдирования в гражданском праве России // Вестник гражданского права. 2022. №4. С. 7–46.
6. Определение ВС РФ от 02.08.2023 г. по делу № А56–108855/2019 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.01.2022 по делу N А19–5340/2016 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2018 по делу N А40–177466/2013 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
9. Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2019 по делу № А13–15181/2017 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.

10. Положение Германии о несостоятельности (Insolvenzordnung) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/_96.html (дата обращения: 24.11.2023)
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.01.2005 N11119/04 и комментарий к нему // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2005 год с комментариями / Под ред. Председателя ВАС РФ А.А. Иванова. М., 2010.
12. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // «Вестник ВАС РФ», № 3, март, 2011.
13. Постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2023 по делу N А45–10429/2019, Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2022 по делу N А07–4637/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.08.2023 по делу N А60–13224/2020
15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.04.2023 по делу N А81–11060/2018 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2023 по делу № А56–62297/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.10.2019 по делу № А41–47794/2015 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
18. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2019 по делу № А40–71354/2017 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
19. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2019 по делу № А40–137644/2016 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
20. Проект Федерального закона (доработанный текст) «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/04/03–20/00100272) (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.07.2020) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (дата обращения: 24.11.2023).
21. Егоров А.В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N7. С. 36–65.
22. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004.
23. Французский торговый кодекс // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000005634379/LEGISCTA000006146193/?anchor=LEGIARTI000044052577#LEGIARTI000044052577 (дата обращения: 24.11.2023)
24. Konopczik M. // Kindler/Nachmann. Handbuch Insolvenzrecht in Europa. Tschechische Republik. Stand November 2009. Verlag C.H. Beck: Munchen, 2010. Rn. 199–203.

CHALLENGING SET-OFF AS A TRANSACTION WITH PREFERENCE IN A BANKRUPTCY CASE

Lapina E.V., Yeryomenko D.E.

Novosibirsk State University Russian Federation, Novosibirsk

In this article, the authors studied the approach of the legislator and the Supreme Court of the Russian Federation to the application of offset in an insolvency (bankruptcy) case, considered the security function of offset of counterclaims of the parties and the qualification of an application for offset as a transaction with preference. In order to compare modern domestic trends with foreign experience, the approaches of foreign legal systems to the application of offset in bankruptcy conditions were examined. In the presence of a ban on offsetting mutual claims, a similar mechanism was considered, namely, a mechanism for balancing the obligations of the parties within the framework of one legal relationship, which does not create the consequences of preferential satisfaction of the claims of creditors in a bankruptcy case. The authors also provide an overview of the approaches of judicial practice on allowing offset in a bankruptcy case and recognizing it as a transaction made within the normal course of business of the debtor.

Keywords: set-off, bankruptcy, balancing, balance, preference, transaction, challenging transactions, judicial practice, ordinary business activities of the debtor.

References

1. Egorov A.V. Settlement in bankruptcy: Russian law and global trends // Law. 2011. N8. P. 43–62
2. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 29, 2001 No. 65 “Review of the practice of resolving disputes related to the termination of obligations by offsetting counter homogeneous claims” // Consultant Plus: reference book. system.
3. Fulfillment and termination of an obligation: commentary on articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation / A.O. Batishchev, A.A. Gromov, A.G. Karapetov and others; resp. ed. A.G. Karapetov. Moscow: M–Logos, 2022. 1496 p.
4. Kantor N.E. Calculation of the balance in relation to related claims // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. N9. P. 136–178.
5. Muraev N.V. Problems of defining the concept of balancing in Russian civil law // Bulletin of Civil Law. 2022. N4. P. 7–46.
6. Determination of the RF Armed Forces dated 08/02/2023. in case No. A56–108855/2019 // Consultant Plus: reference book. system.
7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 20, 2022 in case No. A19–5340/2016 // Consultant Plus: reference book. system.
8. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 12, 2018 in case No. A40–177466/2013 // Consultant Plus: reference book. system.
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2019 in case No. A13–15181/2017 // Consultant Plus: legal reference. system.
10. German Insolvency Regulation (Insolvenzordnung) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/_96.html (access date: 11/24/2023)
11. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 18, 2005 N11119/04 and

- commentary thereto // Legal positions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: selected resolutions for 2005 with comments / Ed. Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation A.A. Ivanova. M., 2010.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 23, 2010 N63 (as amended on July 30, 2013) "On some issues related to the application of Chapter III.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", No. 3, March, 2011.
 13. Resolutions of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated January 20, 2023 in case No. A45-10429/2019, the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated June 14, 2022 in case No. A07-4637/2021 // Consultant Plus: reference book. system.
 14. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated August 23, 2023 in case No. A60-13224/2020
 15. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated April 18, 2023 in case No. A81-11060/2018 // Consultant Plus: reference book. System.
 16. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 03/03/2023 in case No. A56-62297/2021 // Consultant Plus: reference book. system.
 17. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 24, 2019 in case No. A41-47794/2015 // Consultant Plus: reference book. system.
 18. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 2, 2019 in case No. A40-71354/2017 // Consultant Plus: reference book. system.
 19. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 02/07/2019 in case No. A40-137644/2016 // Consultant Plus: reference book. System.
 20. Draft Federal Law (modified text) "On amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and certain legislative acts of the Russian Federation" (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia, project ID02/04/03-20/00100272) (ed. before inclusion in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of July 16, 2020) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (access date: November 24, 2023)
 21. Egorov A.V. Balancing and offset: the relationship of concepts for the purposes of challenging in bankruptcy // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. N7. P. 36-65.
 22. Telyukina M.V. Fundamentals of competition law. M., 2004.
 23. French Commercial Code // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000005634379/LEGISCTA000006146193/?anchor=LEGIA-RTI000044052577#LEGIARTI000044052577 (access date: 11/24/2023).
 24. Konopcik M. // Kindler/Nachmann. Handbuch Insolvenzrecht in Europa. Tschechische Republik. Stand November 2009. Verlag C.H. Beck: Munchen, 2010. Rn. 199-203.

Пополнение конкурсной массы имуществом, принадлежащим должнику на праве бенефициарной собственности

Лаццарини Дмитрий Юрьевич,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: d-lazzarini@yandex.ru

Статья посвящена вопросам пополнения конкурсной массы банкрота имуществом, принадлежащим ему на праве бенефициарной собственности, не поименованным в вещном праве России. В статье раскрыты проблемы законодательной регламентации, которые породили разрозненную судебную практику по вопросу о возможности включения такого имущества в конкурсную массу.

Автором сделан вывод о наличии в гражданском праве средств для включения имущества, скрываемого за конструкцией траста, в конкурсную массу должника. Среди таких средств автор выделяет: установление содержания прав должника через применимое право, переквалификацию отношений, применение аналогии закона и права, которые могут быть применены в совокупности или отдельно.

По результатам исследования автор приходит к выводу, что при разрешении вопроса о принадлежности имущества должнику следует исходить из правила «преобладания существа над формой».

Ключевые слова: банкротство, конкурсная масса, право бенефициарной собственности, корпоративная вуаль, траст, номинальный собственник.

Введение

В соответствии со статьями 11 ГПК, 13 АПК суд при разрешении гражданских дел, руководствуется законодательством Российской Федерации.

Положения Закона о банкротстве¹ и разъяснения Пленума Верховного суда закрепляют основное правило о том, что конкурсная масса – это все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства.

Вместе с тем Закон о банкротстве, ограничиваясь некоторыми исключениями из общего правила о включении всего имущества, не содержит перечня, конкретизирующего его состав.

В свою очередь вещное право России содержит концепцию права собственности, основанную на принципе ограниченного перечня вещных прав, что, как указывает Сеницына С.А., продиктовано интересами имущественного оборота, а не предупреждением со стороны государства нежелательного поведения сторон [1]. Права, основанные на праве бенефициарной собственности, не поименованы в гражданском законодательстве.

В судебной практике отсутствует единообразный подход по вопросу о тождестве понятий *собственника* и *бенефициара*: в одних случаях тождество признается, в других нет.

В связи с этим множеству вопросов, которые встают перед участниками дела о банкротстве при включении сокрытого за трастом имущества, в том числе розыску активов, сбору доказательств, приведению судебного акта в исполнение, предшествует главный вопрос – подлежит ли имущество, принадлежащее на праве бенефициарной собственности, включению в конкурсную массу банкрота – физического лица в России?

1. Концепция бенефициарной собственности существует в странах так называемой англосаксонской системы права (Англия, США, Кипр и др.), включающей юридическое право собственности (legal ownership) и бенефициарное (equitable ownership). Бенефициарным собственником (beneficial owner) признается владелец имущества по праву справедливости в пользу которого учрежден траст (trust), хотя юридический титул (legal title) принадлежит доверительному управляющему.

Во многих случаях доверительному управляющему передаются акции иностранной компании,

¹ Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 28.12.2022: [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года; одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года]. – Москва, 2023. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

через которую осуществляется владение имуществом (компаниями) в России, с целью сокрытия конечного собственника актива. Это и есть одно из проявлений так называемой «корпоративной вуали» [2], когда для третьих лиц собственником имущества выступает лицо, обладающее правом владеть и распоряжаться имуществом, но действующее не в своих интересах, а в интересах и по указанию бенефициара.

Как указывает Канашевский В.А., применительно к офшорным компаниям их бенефициарным собственником выступает лицо, которое фактически контролирует компанию и получает выгоды от ее деятельности, независимо от того, кто является ее формальным акционером [3].

Таким образом, бенефициар имеет право на доход (актив) юридического лица или право контролировать деятельность юридического лица, акции которого переданы в траст, но прямо не обладает правом пользоваться и распоряжаться находящимся в трасте имуществом (акциями).

Интересы бенефициара при этом могут быть оформлены и обеспечиваться прямо или косвенно. В большинстве случаев отношения между бенефициаром и доверительным управляющим оформлены договором доверительного управления или декларацией об утверждении траста.

2. Российскому вещному праву неизвестно понятие бенефициарного собственника, поскольку в соответствии с пунктом 4 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ передача собственником своего имущества в доверительное управление не влечет перехода к управляющему права собственности.

Правовое содержание собственности, предусмотренное гражданским законодательством, исходит из единства принадлежащих собственнику правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом и не предполагает возможности разделения на юридического (титального) собственника и фактического (бенефициарного) собственника.

Семейное законодательство следует в статье 4 Семейного кодекса Российской Федерации подходам гражданского в отношении имущества, принадлежащего супругам на праве общей совместной собственности.

В связи с этим автоматическое «приравнивание» бенефициарного собственника к собственнику по праву России не представляется возможным.

Когда же мы говорим о сложной структуре корпоративного управления, выстроенного через цепочку иностранных и российских компаний, то возникают вопросы о пределах трансформации бенефициарных прав в права собственника и возможности, при такой трансформации, преодолеть

самостоятельность юридических лиц и обособленность их имущества (статьи 48, 49, 56 ГК).

Широкое применение получила концепция «прокалывания корпоративной вуали» [4], предусматривающая возможность привлечения к ответственности контролирующего лица (ст. 53.1 ГК, ст. 61.10 Закона о банкротстве), но данные положения касаются лишь вопросов восходящей ответственности, от контролируемого к контролирующему. Привлечение к субсидиарной ответственности применяется для защиты лиц, которые имеют права требования к контролируемому юридическому лицу, но не для защиты лиц, обладающих правами требованиями к конечному бенефициару [5].

Вместе с тем само по себе наличие или отсутствие закреплённого в Гражданском кодексе Российской Федерации понятия бенефициарной собственности не влияет на возможность включения в массу спорного имущества, что соответствует смыслу положений статей 131, 213.25 Закона о банкротстве, статье 1193 ГК.

3. Имущество подлежит включению в конкурсную массу не в результате признания права бенефициарной собственности в России как такового, а в результате раскрытия содержания права бенефициарной собственности через **(а)** содержание норм иностранного права (статьи 1187, 1202 ГК) или **(б)** аналогию закона/права (статья 6 ГК), или **(в)** перекавалификацию судом правоотношения по правилу «преобладания существа над формой» (статьи 10, 170 ГК).

Иными словами, имущество, принадлежащее должнику на праве бенефициарной собственности, должно стать «видимым» для суда с целью его включения в конкурсную массу, и эта «видимость» может быть достигнута посредством реализации доступных инструментов гражданского законодательства.

3.1. Прежде всего, понятие бенефициара известно российскому правопорядку. Статья 7 Налогового кодекса Российской Федерации и разъяснения Федеральной налоговой службы России² определяют бенефициарного собственника как выгодоприобретателя и контролирующего лица для целей налогового регулирования.

Закон № 115-ФЗ³ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» к бенефициарным владельцам относит лицо, которое прямо или косвенно владеет юридическим лицом (имея свыше 25% акций/долей в его уставном ка-

² Российская Федерация. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. О практике рассмотрения споров по применению концепции лица, имеющего фактическое право на доход (бенефициарного собственника). Письмо ФНС России от 28.04.2018 № СА-4-9/8285. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

³ Российская Федерация. Законы. Федеральный закон О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма № 115-ФЗ: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 10.07.2023) [принят Государственной Думой 13 июля 2001 года: одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 года]

¹ Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): текст с изм. и доп. вступ. в силу с 03.04.2023: [Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]. – Москва, 2023. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный. – ст. 3301.

питале) или имеет возможность контролировать его действия.

Положения Закона о деофшоризации¹, Закона о защите конкуренции² и других законов³, регулирующих публичные правоотношения также содержат понятие «бенефициара» в контексте получения дохода от деятельности контролируемой компании.

Использование и распространение указанной терминологии во многом обусловлено содержанием международных договоров, участниками которых являются как страны англо-американского права, так и континентального (включая Россию), что собственно следует из названия статьи 7 Налогового кодекса «Международные договоры по вопросам налогообложения» [6]. Например, оговорки о лицах, имеющих фактическое право на доходы (проценты, дивиденды) содержатся в Соглашении между Россией и Турцией об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы от 1997 г.⁴

Кроме того, к бенефициарным владельцам отсылает п. «d» ст. 2 Конвенции ООН против коррупции от 31.10.2003⁵, который под имуществом понимает «любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них»,

¹ Российская Федерация. Законы. Федеральный закон О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций): текст с изм. и доп. вступ. в силу с 12.11.2018 [принят Государственной Думой 18 ноября 2014 года: одобрен Советом Федерации 19 ноября 2014 года] – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

² Российская Федерация. Законы. О защите конкуренции: Федеральный закон № 35-ФЗ: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.09.2018 [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года] – Москва, 2023. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

³ Российская Федерация. Законы. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон № 395–1: текст с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2023 [принят Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин 2 декабря 1990] – Москва, 2023. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный; Российская Федерация. Законы. О международных компаниях и международных фондах: Федеральный закон № 290-ФЗ: текст с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023: [принят Государственной Думой 26 июля 2018 года: одобрен Советом Федерации 28 июля 2018 года] – Москва, 2023. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы: Заключено в г. Анкаре 15.12.1997: Вступил в силу с 31 декабря 1999 года//Собрание законодательства РФ, 07.02.2000. № 6, ст. 614 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: [принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН] Бюллетень международных договоров, 2006, № 10, октябрь, с. 7–54 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

а также требования об идентификации личности «собственника-бенефициара», предусмотренные ст. 14 и ст. 52 данной Конвенции. Аналогичные по своей сути положения содержит и международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 09.12.1999⁶. Вместе с тем, Россия, в отличие от Италии, также страны континентального права, не участвует в «Конвенции о трастах»⁷, которая определяет право, применимое к доверительной собственности, и регулирует ее последующее признание.

Разъяснения Пленума Верховного суда «О незаконном предпринимательстве» (пункт 10) и «Об ответственности за налоговые преступления» (пункт 7) также содержат указание на «лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации» и «лицо, фактически выполнявшее обязанности руководителя организации – плательщика налогов, сборов, страховых взносов». Но в данном случае акцент смещается в сторону соотношения «контролирующее лицо/подставное лицо», при котором отношения между указанными лицами не содержат правового оформления.

Таким образом, российский правопорядок уже «знает», кто такой бенефициарный (фактический) собственник того или иного имущества, раскрывая это понятие через «контроль» или «выгоду».

Не вдаваясь в дискуссию о конвергенции публичного и частного права отметим справедливое замечание о том, что «в современном правовом регулировании хозяйственных и даже шире – гражданских отношений не осталось ни одной сферы, в которой публичные и частные начала и соответствующие им методы не оставили бы своих следов» [7].

По общему правилу указанные законы и международные договоры относятся к сфере действия национального и международного публичного права, тогда как для регулирования отношений в сфере гражданского права имеют значение только те договоры, «содержанием которых является унификация материальных и коллизионных норм национального частного права» [8].

Вместе с тем статья 6 ГК допускает применение аналогии в гражданском праве, если это не противоречит существу регулируемых отношений, причем речь идет либо о сходных отношениях (при аналогии закона), либо об общих началах и принципах гражданского права (аналогия права). Возражения основанные на отсутствии сходства публичного и частного регулирования, например, положений

⁶ Организация Объединенных Наций. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999, ратифицирована Федеральным законом от 10.07.2002 № 88-ФЗ] Собрание законодательства РФ, 07.02.2000. № 6, ст. 614 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

⁷ Гаагская конференция по международному частному праву. Конвенция о праве, применимом к доверительной собственности и ее последующем признании [Заключена в г. Гааге 01.07.1985] Treaty Series. Volume 1664. – New York: United Nations, 2000. P. 311–335.

об имуществе и отмывании средств или коррупции представляются разумными только в случае, если соотносить данные категории поверхностно.

В данном случае речь идет не об одинаковом регулировании упомянутых отношений, а лишь о единообразном понимании частным и публичным правом злоупотреблений, основанных на использовании иностранного права и сложной структуры корпоративных отношений с целью передачи, получения или сокрытия активов.

Конституционный суд неоднократно высказывал позицию о недопустимости неоднозначного и противоречивого регулирования, отмечая при этом, что «в случае необходимости защиты общих (общественных) интересов в той или иной сфере федеральный законодатель вправе использовать в регулировании соответствующих отношений сочетание частноправовых и публично-правовых элементов, которое наиболее эффективным образом будет обеспечивать взаимодействие частных и публичных интересов в данной сфере» [9].

Из указанного напрашивается вывод, что национальный правопорядок, воспринимающий бенефициарных владельцев для защиты публичного интереса не может одновременно с этим «притвориться», что в частноправовом порядке, а тем более в отношениях несостоятельности, где существует сильный публичный интерес, то же самое деяние по созданию неправомерной видимости и введению в заблуждение относительно наличия у банкрота имущества является правомерным.

Судебная практика свидетельствует о готовности судов к пониманию бенефициарного собственника через нормы публичного права, хотя и не всегда выводы из такого заимствования являются единообразными.

Так, со ссылкой на положения «антиотмывочного» Закона № 115-ФЗ суд пришел к выводу о том, что «из приведенных норм следует, что понятие бенефициарный владелец не тождественно владельцу акций» [10], в связи с чем отсутствуют основания «заявлять о наличии у него прав на определенный пакет акций». В другом случае суд со ссылкой на те же самые нормы публичного права не только установил наличие признаков номинальности в условиях, когда бенефициар не был раскрыт обществом перед судом, но и пришел к выводу о ничтожности в таком случае совершенных данным лицом сделок на основании статей 10, 168 ГК [11].

3.2. Если же исходить из позиции об отсутствии в российском праве понятия бенефициарного собственника и невозможности его толкования в соответствии с российским правом, то в таком случае подлежит применению пункт 2 статьи 1187 ГК о квалификации понятий посредством иностранного права.

Нельзя не согласиться с оценкой данного подхода в научной среде как оправданного [12] и подлежащего применению в случае, если суд приходит к выводу о невозможности толкования понятия по закону суда (*lex fori*) [13]. Такой способ соответ-

ствует публичному правопорядку России, но затруднен с практической точки зрения.

В идеальных условиях добросовестного поведения должника и связанных с ним лиц содержания прав и обязанностей бенефициарного собственника раскрывается через содержание трастового соглашения, договора доверительного управления или иных соглашений с номинальным владельцем имущества [14].

В стандартных же условиях сокрытия как имущества, так и документов, опосредующих владение таким имуществом, раскрытие содержания прав и обязанностей бенефициара через применимое право представляется одним из допустимых способов.

При бенефициарном владении иностранной компанией прямо или косвенно, уместно говорить, как о применении положений статьи 1202 ГК, определяющих личный закон юридического лица, так и о положениях статьи 1205 ГК, в зависимости от того, является ли иностранная компания промежуточным звеном (фикцией), через которое конечный бенефициар владеет имуществом в России или же это полноценный субъект, осуществляющий самостоятельную предпринимательскую деятельность.

В условиях, когда лица, участвующие в деле о банкротстве ограничены в средствах доказывания так как не являются стороной рассматриваемых отношений, а ответчики (третьи лица) не стремятся раскрыть содержания их отношений с должником или находятся в юрисдикциях, не раскрывающих конечных собственников компаний, бремя доказывания должно быть перераспределено с учетом позиции, высказанной в Постановлении Президиума ВАС РФ от 26.03.2013 № 14828/12 [15].

Президиум ВАС РФ указал, что «когда вопрос о применении положений российского законодательства, защищающих третьих лиц, ставится в отношении офшорной компании, *бремя доказывания наличия либо отсутствия обстоятельств, защищающих офшорную компанию как самостоятельного субъекта в ее взаимоотношениях с третьими лицами, должно возлагаться на офшорную компанию*».

Указанная позиция впоследствии получила распространение в банкротной практике при проверке обоснованности требований фактически аффилированной с должником иностранной компании, при проверке доводов о реальности уступленных кредитных обязательств, при привлечении к субсидиарной ответственности, при оспаривании сделок.

Во всех указанных случаях суды сходятся во мнении о наличии на стороне иностранного лица бремени опровержения сомнений «поскольку именно оно обладает всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником». Суды прямо указывают на необходимость раскрытия информации о конечных бенефициарах или приходят к выводу о статусе конечного бенефициара, в том числе, лица «не названного в формально составленных договорах».

Применение данного подхода к вопросу о распределении бремени в спорах, осложнённых иностранным элементом важно. В отсутствие необходимых документов суд вынужден презюмировать наличие у бенефициара абсолютных прав в отношении имущества, переданного доверительному управляющему (номинальному владельцу), в том числе давать обязательные указания управляющему по распоряжению и владению имуществом в интересах бенефициара. Риски не опровержения возлагаются тем самым на должника и иностранное лицо.

Республика Кипр остается одной из самых популярных юрисдикций для структурирования владения активами в России. Республика Кипр включена Минфином в перечень государств и территорий, используемых для промежуточного (офшорного) владения активами в России (действует с 01.01.2023)¹. Согласно пояснительной записке «утверждение Перечня станет дополнительным стимулом для *российского собственника (конечного бенефициара)* по повышению прозрачности корпоративной структуры своего российского бизнеса и аккумулированию доходов на территории Российской Федерации».

Обратившись к законодательству Кипра российский суд обнаружил бы, что концепция бенефициарной собственности и исчерпывающее понятие бенефициарного собственника применительно ко всем видам траста не кодифицированы. Хотя общее представление о статусе бенефициара позволяет установить содержание Закона о международных трастах от 1992 г.² Согласно статьям 2, 4.А(2) Закона о международных трастах бенефициар – это любое лицо, которое имеет право на имущество траста, а учредитель траста обладает широкими полномочиями по распоряжению доходом или капиталом траста и вынесению обязывающих указаний, в том числе об увольнении или назначении директоров любой компании, полностью или частично принадлежащих трасту.

Понятия учредитель траста и бенефициарный собственник мы принимаем как тождественные во избежание излишнего усложнения рассматриваемой конструкции, хотя условия конкретного трастового соглашения могут быть иными. Однако учредитель траста обладает указанными полномочиями априори, если иное не установлено содержанием соглашения. Таким образом, в ситуации сокрытия содержания соглашения допустимо полагать о наличии как минимум указанных полномочий.

Между тем при решении вопроса о включении в конкурсную массу имущества банкрота, принад-

лежащего на праве бенефициарной собственности, важно отношение института несостоятельности иностранного государства, в данном случае Кипра, к имуществу фактического и номинального собственника при их банкротстве.

Законодательство Кипра не проводит различие между банкротством физического лица и лица, действующего в качестве предпринимателя. Положения, касающиеся банкротства физических лиц закреплены Главой 5 «Банкротство» Собрания законодательства Кипра от 1959 г.³ (далее – Закон Кипра «О банкротстве»).

Согласно разделу 41 Главы 5 Закона Кипра «О банкротстве» все имущество, которое, *вероятно, принадлежит банкроту* или которым он владеет на момент начала банкротства, или имущество, которое было приобретено или попало под его *контроль* до восстановления банкрота в правах относится к имуществу банкрота.

Раздел 42 Главы 5 Закона Кипра «О банкротстве» устанавливает, что все имущество, которое находится во владении банкрота, выступающего в качестве *доверительного управляющего* от имени другого лица, *исключаются* из конкурсной массы банкрота и недоступно для распределения между его кредиторами.

Данное «разделение» наглядно демонстрирует отношение законодателя Республики Кипр к вопросу о том, кому принадлежит имущество, основанное на праве бенефициарной собственности.

При этом зарубежные прецеденты сформировали позицию судов о необходимости преодоления «корпоративной вуали» для установления справедливости независимо от юридической действительности рассматриваемой корпоративной структуры [16].

В деле *Dadourian group international inc. v Azuri limited* [17] суд пришел к выводу, что ввиду заключения трастовых соглашений «есть веские основания предполагать, что активы третьей стороны на самом деле являются активами ответчика, на которого наложен судебный запрет». Суд указывает, что «необходимо изучить сущность контроля, а не проводить строгий анализ законодательства о трастах, чтобы установить, является ли третье лицо доверительным собственником траста».

В деле *SCF Finance Co Limited v Masri* [18] в качестве классического примера, когда имеются достаточные основания предположить, что активы в действительности принадлежат ответчику приведена ситуация, при которой активы находятся во владении третьего лица, выступающего в качестве *простого траста* (или номинального владельца) для ответчика. В данном случае суд также пришел к выводу о фактической принадлежности имущества ответчику. *Простой траст* – это базовый траст, в котором бенефициар имеет абсолют-

¹ Приказ Минфина России от 26.05.2022 № 83н «Об утверждении Перечня государств и территорий, используемых для промежуточного (офшорного) владения активами в Российской Федерации. Зарегистрировано в Минюсте России 27.06.2022 № 69021 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

² Республика Кипр. Закон о международных трастах от 1992 и 2012 годов (Принят 24.07.1992) – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

³ Республика Кипр Глава 5 «Банкротство» Законов Кипра от 1959 г. Источник: правовой интернет-портал кипрского законодательства URL: <http://www.cylaw.org/nomoi/arith/CAP005.pdf> (дата обращения: 24.11.2023)

ное право на капитал и активы в рамках траста, а также на доход, получаемый от этих активов [19].

В банкротной практике российских судов, применение норм иностранного права не является повсеместным, но встречается, хотя суды скорее склонны исходить из содержания представленных сторонами соглашений и других оформляющих отношения документов.

В деле о банкротстве ЗАО «УМКА-ФАМКЭР» суд при рассмотрении вопроса о включении требований «А.К. Хаазе Остхандельсгезелльшафт мбх» (Германия) в реестр требований кредиторов на основании соглашения о переводе долга пришел к выводу о необходимости определения норм права, подлежащих применению, ввиду отсутствия в основном договоре соответствующей оговорки [20]. Более того, суд возложил на стороны обязанность представить сведения о содержании норм иностранного права и предложил сторонам определить право, применимое в рамках рассмотрения настоящего спора.

В результате критической оценки представленных суду заключений о необходимости применения немецкого права суд переквалифицировал представленный договор о переводе долга (основание) в договор поручительства «по смыслу ГК» и отказал во включении в реестр требований кредиторов со ссылкой на прекращение основного обязательства, вызванной ликвидацией основного должника (п. 6 ст. 367 ГК).

Такая переквалификация не понравилась суду округа, который согласился с кассатором о необходимости буквального толкования условий договора и возвращая дело на новое рассмотрение, указал на необходимость толкования договора согласно немецкому праву [21]. При новом рассмотрении требования немецкого кредитора были включены в реестр в результате буквального толкования судом условий соглашения, из которых следовала и правовая природа перевода долга и соответствие соглашения немецкому праву.

Хотя этот пример во многом обусловлен рядом фактических обстоятельств конкретного дела, он подводит нас к **заключительному вопросу** о возможности судом переквалификации отношений по правилу преобладания «существа над формой» и/или совокупному применению указанных выше инструментов.

3.3. Доктрина преобладания «существа над формой» широко применяется в налоговых правоотношениях и соответствующей судебной практике по рассмотрению налоговых споров с участием кондуитных компаний. Основным вопросом, который исследуется в спорах о применении норм международных соглашений, является «оценка деловой цели и *правильной квалификации существа совершенных сделок (операций)*», а также возможность их «переквалификации»¹.

¹ Письмо ФНС России от 28.04.2018 № СА-4-9/8285 «О практике рассмотрения споров по применению концепции лица, имеющего фактическое право на доход (бенефициарно-

Верным является отнесение данной доктрины к «базовой, в основе которой лежит универсальный подход, используемый в праве» [22]. Наиболее классическим примером отражения данного подхода в гражданском законодательстве являются положения статьи 170 ГК о притворных сделках, позволяющие суду переквалифицировать прикрывающую (формальную) конструкцию в прикрываемую (подразумеваемую).

Сложная структура корпоративного управления, вовлекающая как иностранные компании, так и трасты может быть «преодолена» судом путем «переквалификации» при злоупотреблении стороной правом.

Как разъяснил Президиум Верховного Суда в Оборе судебной практики № 1 в 2015 г., согласно пункту 3 статьи 1 ГК при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК). Это известная позиция, активно применяющаяся при рассмотрении всевозможных споров, включая обособленные споры в деле о банкротстве.

Нас же интересует больше отсылка к пункту 2 статьи 10 ГК, согласно которой в случае несоблюдения требований о добросовестном поведении, арбитражный суд может принимать «иные меры, предусмотренные законом» для защиты интересов другой стороны.

К таким мерам может быть отнесена «переквалификация» отношения из опосредованного владения активом в прямое владение должником тем или иным имуществом на территории Российской Федерации для целей его включения в конкурсную массу.

Данный подход представляется лучшим вариантом по сравнению, например, с переквалификацией соглашений о номинальном владении в институты российского права по аналогии: доверительное управление имуществом (глава 53 ГК), поручение (глава 49 ГК), простое товарищество (глава 55 ГК) ввиду невозможности их полной ассимиляции. При этом приведение зарубежных конструкций к аналогии российских институтов не отразит действительную суть и цель таких соглашений.

Необходимо отметить, что наличие спора о включении имущества, сокрытого за трастом, свидетельствует о нарушении со стороны должника положений п. 9 ст. 213.9 Закона о банкротстве о раскрытии сведений и передачи имущества финансовому управляющему. В этих условиях отказ от раскрытия содержания правоотношений, представления документов должен быть истолкован судом против должника и третьих лиц, связанных с ним.

При этом представляется допустимым «обратное прокалывание вуали» в ситуации, когда выго собственника)» – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

строенная структура корпоративных отношений представляет собой фикцию, прикрывающую фактически осуществление бенефициаром корпоративных права в отношении нижнего звена цепочки компаний.

В данном случае, «обратное прокалывание вуали» не вступает в конфликт с понятием корпоративных отношений (пункт 1 статьи 2 ГК) или положениями об обособлении имущества юридического лица по той причине, что такое положение вещей «находится в противоречии с действительным назначением конструкции юридического лица» и «такие интересы судебной защите не подлежат».

Примером тому может послужить дело о банкротстве Беджамова Г.И. № А40–9544/17, в котором суд установил факт бенефициарного владения должником рядом компаний, зарегистрированных на Кипре, в свою очередь владеющих акциями российской компании [23]. Суд принял во внимание критерий «контроля» и применив в совокупности положения статей 10, 168, 170 ГК установил, что «реальным собственником акций» российской компании является должник, а структурирование владения этими акциями через иностранные компании «является притворной сделкой, прикрывающей факт действительного владения акциями Беджамовым Г.И.».

Данная позиция суда согласуется с положениями п. 3 ст. 1 ГК, но отсутствие в мотивировочной части как норм национального, так и норм иностранного права, разъясняющих статус конечного бенефициара, сохраняет серую зону в правовом обосновании судебного акта.

В судебной практике встречаются случаи применения судами совокупности подходов, обозначенных в настоящей статье. Так, в деле о банкротстве Муравьева И.А. № А40–128159/2018 суды пришли к выводу о включении в реестр требований кредиторов задолженности, основанной на «документе о передаче» (instrument of transfer), который был квалифицирован в качестве договора купли-продажи 1 акции иностранной компании (БВО), принадлежащей «продавцу» на праве бенефициарной собственности [24]. Примечательно, что в части бенефициарного права собственности суд применил как положения национального публично-права (НК, Закон № 115-ФЗ), так и нормы иностранного права в соответствии со ст. 1187 ГК.

Выводы

Немногочисленность и разрозненность судебной практики свидетельствуют о необходимости дальнейшей разработки легитимационной процедуры «восприятия» бенефициарной собственности в России.

Вместе с тем утверждение о невозможности включения в конкурсную массу имущества должника, принадлежащего ему на праве бенефициарной собственности, представляется неверным. Любое право, в том числе, право бенефициарной собственности, не может использоваться с недо-

бросовестной целью, а наличие формальной возможности по сути «действовать в тайне и во вред» не подлежит судебной защите.

Из проведенного исследования следует, что гражданское право России обладает достаточным набором правовых инструментов, реализуя которые, суд правомочен и компетентен возвратить в конкурсную массу имущество, скрываемое за конструкцией траста и правом бенефициарной собственности.

Среди таких способов можно выделить: установление содержания прав через применимое право, перекалфикацию отношений и применение аналогии закона и права. При разрешении вопроса о принадлежности имущества должнику судам следует исходить из правила «преобладания существа над формой» через призму двух основных критериев бенефициарной собственности: «выгода» и «контроль». Указанное соответствует зарубежному опыту и совокупному толкованию положений Закона о банкротстве и гражданского законодательства об имуществе, подлежащем включению в конкурсную массу.

Важно отметить, что между указанными в статье способами нет конкуренции и все они могут быть применены, в том числе в совокупности, в зависимости от фактических обстоятельств спора.

Литература

1. Синицын, С.А. Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь / С.А. Синицын // Вестник гражданского права. – 2014. – № 2. – С. 100–147.
2. Анищенко С.Д. ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ КОНЦЕПЦИИ «СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» // Образование и право. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-harakternye-dlya-kontseptsii-snyatie-korporativnoy-vuali> (дата обращения: 24.11.2023).
3. Канашевский Владимир Александрович Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9 (237). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-benefitsiarnoy-sobstvennosti-v-rossiyskoy-sudebnoy-praktike-chastnopravovye-aspekty> (дата обращения: 24.11.2023).
4. Шафеев К.А. Применение концепции снятия корпоративной вуали в механизмах защиты прав человека // Juvenis scientia. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-snyatiya-korporativnoy-vuali-v-mehanizmah-zaschity-prav-cheloveka> (дата обращения: 24.11.2023).
5. Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С 61; Шиткина И. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: право-

вое регулирование и практика применения // *Хозяйство и право*. 2013. № 2.

6. Мачехин В.А., Аракелов С.А. Фактическое право на получение дохода в международных налоговых договорах Российской Федерации // *Законодательство*. 2001. № 10. С. 32–35.
7. Кузнецов Михаил Николаевич. Некоторые теоретико-правовые аспекты конвергенции публичного и частного права // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-teoretiko-pravovye-aspekty-konvergensii-publichnogo-i-chastnogo-prava> (дата обращения: 25.11.2023).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст]: по состоянию на 21 июня 2014 г.: постатейный комментарий: в 3 т. / [Богуславский М.М. и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. – Москва: Статут, 2014-. Т. 1: Комментарий к части первой. Т. 1. – 2014. – С. 39;
9. Постановление Конституционного суда РФ от 02.06.2015 № 12-П: По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье»; Постановление Конституционного суда РФ от 19.07.2017 № 22-П: По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма; Постановление Конституционного суда РФ от 20.12.2011 № 29-П: По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр» – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
10. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.07.2021 № Ф03–3144/2021 по делу № А51–21629/2015 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.06.2022 № Ф10–3815/2016 по делу № А83–3108/2016 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
12. Медведев И.Г. Супружеская собственность: испытание трастом (вопросы коллизионного регулирования) // *Закон*. 2016. № 8. С. 35–47
URL: <https://rucont.ru/efd/444898> (дата обращения: 25.11.2023)
13. Канашевский Владимир Александрович. ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ // *Журнал российского права*. 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kvalifikatsii-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave-1> (дата обращения: 25.11.2023).
14. Канашевский В.А. *Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирование* / В.А. Канашевский. – 2-е изд., доп. – Москва: Международные отношения, 2019. – 328 с.
15. Постановление Президиума ВАС РФ от 26.03.2013 № 14828/12 по делу № А40–82045/11–64–444 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
16. Neil Hext QC, Dan Saoul. *Freezing Third Party Assets*. Commercial Fraud Lawyers Association: 06.06.2018 URL: https://www.cfla.org.uk/wp-content/uploads/dlm_uploads/Slides-Freezing-Third-Party-Assets-by-Neil-Hext-QC-and-Dan-Saoul-of-4-New-Square-1.pdf (дата обращения: 24.11.2023)
17. Judgment of the High Court of Justice of England and Wales [2005] EWHC 1768 п. 26–30 URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-charlton-corporation-plc-v-dadourian-group-international-inc-judgment-of-the-high-court-of-justice-of-england-and-wales-2005-ewhc-1768-wednesday-13th-july-2005> (дата обращения: 24.11.2023)
18. SCF Finance Co Limited v Masri [1985] 1 WLR 876 per Lloyd LJ at 884 B–F URL: <https://vlex.co.uk/vid/s-c-f-finance-793200625> (дата обращения: 24.11.2023)
19. Государственная цифровая служба (GDS) Аппарата Кабинета министров Великобритании URL: <https://www.gov.uk/trusts-taxes/types-of-trust> (дата обращения: 24.11.2023)
20. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.02.2020 по делу № А56–21124/2019 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
21. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.06.2022 № Ф07–3981/2022 по делу № А56–21124/2019 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
22. Хаванова И. Переквалификация сделок: «игры разума» на поле судебных доктрин // *Налоговый вестник*. 2013. № 2. С. 75–82.
23. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 03.07.2023 по делу № А40–9544/17 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
24. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 23.12.2022 по делу № А40–128159/18–177–87 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

REPLENISHMENT OF THE BANKRUPTCY ESTATE WITH PROPERTY BELONGING TO THE DEBTOR ON THE RIGHT OF BENEFICIAL OWNERSHIP

Latstsarini D. Yu.

Kutafin Moscow State Law University

The article is devoted to the issues of replenishing the bankruptcy estate of a bankrupt with property belonging to him on the right of beneficial ownership, not named in the property law of Russia. The article reveals the problems of legislative regulation, which gave rise to scattered judicial practice on the possibility of including such property in the bankruptcy estate.

The author concludes that there are means in civil law to include the property hidden behind the construction of the trust in the bankruptcy estate of the debtor. Among such means, the author highlights: the establishment of the content of the debtor's rights through the applicable law, the reclassification of relations, the application of the analogy of law and law, which can be applied collectively or separately.

According to the results of the study, the author comes to the conclusion that when resolving the issue of ownership of property to the debtor, one should proceed from the rule of «the predominance of substance over form».

Keywords: bankruptcy, insolvency estate, beneficial ownership, corporate veil, trust, nominal owner.

References

1. Sinitsyn S.A. Numerus clausus and subjective rights: concept, meaning, relationship / S.A. Sinitsyn // Bulletin of Civil Law. 2014, No. 2, pp. 100–147.
2. Anishchenko S. D. SIGNS CHARACTERISTIC OF THE CONCEPT OF “REMOVING THE CORPORATE VEIL”. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-harakternye-dlya-kontseptsii-snyatiya-korporativnoy-vuali> (accessed: 24.11.2023).
3. Kanashevsky Vladimir Aleksandrovich The concept of beneficial ownership in Russian judicial practice (private law aspects) // *Journal of Russian Law*. 2016. No. 9 (237). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-benefitsiarnoy-sobstvennosti-v-rossiyskoy-sudebnoy-praktike-chastnopravovye-aspekty> (date of access: 11.24.2023).
4. Shafeev K.A. Application of the concept of lifting the corporate veil in mechanisms for the protection of human rights // *Juvenis scientia*. 2016. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-snyatiya-korporativnoy-vualiv-mehanizmah-zaschity-prav-cheloveka> (date of access: 11/24/2023).
5. Egorov A.V., Usacheva K.A. Subsidiary responsibility for bringing to bankruptcy – an unsuccessful equivalent of the Western doctrine of removing corporate cover // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2013, No. 12, p. 61; Shitkina I. “Removing the corporate veil” in Russian Law: legal regulation and application practice // *Economy and law*. 2013. № 2.
6. Machekhin V. A., Arakelov S.A. De Facto right to receive income in international tax treaties of the Russian Federation. *Zakonodatelstvo* [Legislation]. 2001. No. 10, pp. 32–35.
7. Mikhail N. Kuznetsov Some theoretical and legal aspects of the convergence of public and private law // *RUDN University Bulletin. Series: Legal Sciences*. 2013. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-teoretiko-pravovye-aspekty-konvergentsii-publichnogo-i-chastnogo-prava> (accessed: 25.11.2023).
8. The Civil Code of the Russian Federation [Text]: as of June 21, 2014: article-by-article commentary: in 3 volumes / [Boguslavsky M.M. et al.]; edited by P.V. Krashennikov. – Moscow: Statute, 2014–Vol. 1: Commentary to Part One. Vol. 1. – 2014. – p. 39;
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P of 02.06.2015: In the case of checking the constitutionality of Part 2 of Article 99, Part 2 of Article 100 of the

- Forest Code of the Russian Federation and the provisions of the decree of the Government of the Russian Federation “On Calculating the amount of damage caused to Forests as a result of violation of forest legislation” in connection with the complaint of Zapolyarneft Limited Liability Company; Resolution of the Constitutional Court of 07.2017 No. 22-P: In the case of checking the constitutionality of the provisions of Part 1 and paragraph 2 of Part 2 of Article 20 of the Federal Law “On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation” in connection with complaints from US citizens N.D. Worden and P.D. Oldham; Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.12.2011 No. 29-P: In the case of checking the constitutionality of the provision of subitem 3 of item 2 of Article 106 of the Air Code of the Russian Federation in connection with complaints of the closed joint – stock company Polet Aviation Company and open joint-stock companies Sibir Airlines and UTair Airlines-Access from the ConsultantPlus reference and legal system. – Text: electronic.
10. Resolution of the Commercial Court of the Far Eastern District of 19.07.2021 No. F03–3144/2021 on case No. A51–21629/2015 – Access from the ConsultantPlus reference and legal system. – Text: electronic.
 11. Resolution of the Commercial Court of the Central District of 07.06.2022 No. F10–3815/2016 on case No. A83–3108/2016–Access from the ConsultantPlus reference system. – Text: electronic.
 12. Medvedev I.G. Matrimonial property: testing by a trust (issues of conflict-of-laws regulation) // *Law No. 8*, 2016, pp. 35–47. <https://rucont.ru/efd/444898> (accessed)
 13. Kanashevsky Vladimir Aleksandrovich PROBLEMA KVALIFIKATSII V MEZHDUNARODNOM CHASTNOGO PRAVE [THE PROBLEM OF QUALIFICATION IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW]. 2021. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kvalifikatsii-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave-1> (accessed: 25.11.2023).
 14. Kanashevsky V.A. Offshore companies and trusts. Anti-offshore regulation / V.A. Kanashevsky. – 2nd ed., add. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2019, 328 p. (in Russian)
 15. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 14828/12 of 26.03.2013 on case No. A40–82045/11–64–444 – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Text: electronic.
 16. Neil Hext QC, Dan Saoul. Freezing Third Party Assets. Commercial Fraud Lawyers Association: 06.06.2018 URL: https://www.cfla.org.uk/wp-content/uploads/dlm_uploads/Slides-Freezing-Third-Party-Assets-by-Neil-Hext-QC-and-Dan-Saoul-of-4-New-Square-1.pdf (дата обращения: 24.11.2023)
 17. Judgment of the High Court of Justice of England and Wales [2005] EWHC1768 п. 26–30 URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-charlton-corporation-plc-v-dadourian-group-international-inc-judgment-of-the-high-court-of-justice-of-england-and-wales-2005-ewhc-1768-wednesday-13th-july-2005> (дата обращения: 24.11.2023)
 18. SCF Finance Co Limited v Masri [1985] 1 WLR876 per Lloyd LJ at884 B–F) URL: <https://vlex.co.uk/vid/s-c-f-finance-793200625> (дата обращения: 24.11.2023)
 19. State Digital Service (GDS) of the UK Cabinet Office URL: <https://www.gov.uk/trusts-taxes/types-of-trust> (accessed: 24.11.2023)
 20. Ruling of the Arbitration Court of the City of Saint Petersburg and the Leningrad Region dated 10.02.2020 in case No.A56–21124/2019–Accessed from the ConsultantPlus reference and legal system. – Text: electronic.
 21. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District No. F07–3981/2022 of 29.06.2022 on case No. A56–21124/2019–Access from the ConsultantPlus reference system. – Text: electronic.
 22. Khavanova I. Re-qualification of transactions: “mind games” in the field of judicial doctrines. 2013. No. 2. pp. 75–82.
 23. Ruling of the Moscow Commercial Court of 03.07.2023 in case no.A40–9544/17 – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Text: electronic.
 24. Ruling of the Moscow Commercial Court of 23.12.2022 in case no. A40–128159/18–177–87 – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Text: electronic.

Развитие концепции правовой природы ценных бумаг в условиях цифровизации экономики

Лопатин Данил Павлович,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: frozeneg@mail.ru

Красоусская Полина Даниловна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: krasousskaya.p@mail.ru

Актуальность гражданско-правового учения об институте ценных бумаг обуславливается тем, что в условиях рыночной экономики ценные бумаги, а также их разнообразные виды, играют существенную роль в привлечении денежных средств, направленных на удовлетворение государственных и общественных потребностей. В связи с этим законодательство, регулирующее институт ценных бумаг, активно развивается. Многообразие видов ценных бумаг обуславливает совершенствование рынка ценных бумаг необходимого для нормального функционирования государства. Кроме того, экономические отношения, возникающие по поводу ценных бумаг, непрерывно видоизменяются, что создает некоторые трудности относительно толкования ценных бумаг и определения их правовой природы. Юридическая литература и изложенные в ней точки зрения устарели, вследствие интенсивного развития информационных технологий и совершенствования в этой связи законодательства, регулирующего общественные отношения в процессе обращения ценных бумаг.

Ключевые слова: документарные ценные бумаги, бездокументарные ценные бумаги, дуалистическая концепция, правовая природа ценных бумаг, имущественные права, объект права.

Первое понятие ценной бумаги было дано немецким правоведом Толем: «Ценные бумаги – это любые документы имущественно-правового содержания» [4, с. 174]. Впоследствии немецкий ученый Генрих Бруннер конкретизировал данный термин и обозначил следующее: «Под ценной бумагой понимается документ, по предъявлению которого должно быть осуществлено исполнение частного права, закрепленного в нем». С точки зрения Беловой О.А., приведенное понятие в наибольшей степени точно отождествляет современные тенденции экономических отношений [7, с. 244].

Говоря об отечественном законодательстве, впервые определение понятия «ценная бумага» было закреплено в постановлении Правительства РСФСР от 28.12.1991 года № 78 «Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР». Под ценной бумагой понимался «денежный документ, удостоверяющий имущественное право или отношение займа владельца документа по отношению к лицу, выпустившему такой документ» [20].

Действующее гражданское законодательство не дает единого определения понятию «ценная бумага». По мнению Черновой Г.В.: «Формулировка универсального юридического понятия ценной бумаги является труднодостижимой задачей» [17, с. 145]. Ст. 142 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляет ее формы – документарная и бездокументарная.

Существуют различные точки зрения на толкование понятия «ценная бумага». Тем не менее, вследствие сложности и многогранности данного института представляется сложным прийти к единственно верному варианту. Как отмечает Михайленко Е.М.: «Ценные бумаги – объекты гражданских правоотношений, в зависимости от своего вида, представляющие собой определенную законом документарную или бездокументарную форму закрепления за конкретным субъектом гражданских правоотношений имущественных и (или) иных неимущественных прав» [11, с. 202]. Болдыревой Н.Б. понятие ценной бумаги исследуется в двух аспектах: юридическом и экономическом. С юридической точки зрения – это документ или учетная запись, которая удостоверяет право на бездокументарную ценную бумагу, наделяющий его владельца установленными правами. Со стороны экономического подхода ценная бумага – модель существования капитала [9, с. 126]. ГК РФ закрепляются определения документарных и бездокументарных ценных бумаг. Документарные ценные бумаги представляют собой документы, соответствующие

установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов [1]. Исходя из вышесказанного, под ценной бумагой понимается движимая вещь [6, с. 279]. В свою очередь, бездокументарная ценная бумага – это обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав [1], то есть подобное определение указывает на природу ценной бумаги в качестве совокупности прав, развивая тем самым доктрину о бестелесных вещах [12, с. 15].

Таким образом, общим из вышеназванных определений является то, что, во-первых, ценные бумаги – совокупность прав, предоставляющихся владельцу. В этом ключе справедливо мнение профессора Нерсесова Н.О.: «Бумага становится ценной вследствие прав, заключающихся в ней» [13, с. 140]. Во-вторых, документарной или бездокументарной формой определяется способ удостоверения и обозначается момент приобретения прав на ценную бумагу.

В соответствии с ГК РФ к «объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги...» [1]. Именно поэтому ценная бумага, с одной стороны – имущественное право, реализующееся в качестве вещи, с другой, ценная бумага – вещь, обозначающаяся в контексте имущественного права.

Анализируя ст. 128 ГК РФ, можно прийти к выводу, что документарные ценные бумаги относятся к разновидности вещей. Однако правовой режим ценных бумаг и вещей не является синонимичной категорией. По большей части оборот вещей осуществляется посредством норм обязательственного права, который охватывается системой вещных правоотношений. Правовой режим ценных бумаг, напротив, определяется положениями специального законодательства, включающие кроме вещного и обязательственного права, нормы, определяющие порядок их выпуска и обращения. Ввиду этого в контексте рассмотрения правовой природы ценных бумаг между вещными и обязательственными правоотношениями прослеживается неразрывная связь, отождествляющая, что само по себе право на бумагу выражается в вещных правоотношениях. В свою очередь, обязанности, лежащие на ее владельце, регулируются институтом обязательственного права, наиболее точно раскрывающего сущность ценной бумаги [10, с. 87].

Немаловажный вопрос в науке гражданского права уделяется определению правовой природы бездокументарных ценных бумаг. С точки зрения Белова В.А., бездокументарные ценные бумаги не могут быть объектом прав собственности [5, с. 14–15]. Айнетдинов Р.Х., в свою очередь, отмечает, что бездокументарные ценные бумаги относятся к категории вещей [3, с. 93]. Интерес рас-

сматриваемой концепции обуславливается появлением разнообразных категорий, например, «бестелесные вещи» [12, с. 79], «идеальная оболочка» [15, с. 80], «нематериальные вещи» [14, с. 111], ключевая роль которых заключается в раскрытии правовой природы ценных бумаг. Иные исследователи, напротив, выступают за частичное регулирование института бездокументарных ценных бумаг вещно-правовым режимом [18, с. 52].

Таким образом, на сегодняшний день существует несколько подходов, определяющих природу бездокументарных ценных бумаг, не дающих возможность однозначного понимания сути обозначенного института.

С позиций гражданско-правовой доктрины бездокументарные ценные бумаги не относятся к категории вещей, соответственно, на них не распространяется режим права собственности [16, с. 270].

С точки зрения Бойцова С.М.: «Такие категории, как «бестелесные вещи», «идеальная оболочка» и другие являются до крайности надуманными. Использование их с целью распространения вещно-правового режима на бездокументарные ценные бумаги не позволяет определить правовую природу этих бумаг» [8, с. 86].

Итак, представляется возможным полагать, что правовая природа бездокументарных ценных бумаг заключается в совокупности имущественных прав, которые закрепляются в этой бумаге. Дело в том, что положения законов, регулирующих институт бездокументарных ценных бумаг, позволяют оперировать рассматриваемым понятием в контексте объекта права собственности. Например, акция, может находиться в общей долевой собственности нескольких лиц [2].

Тем не менее, справедливый подход частичного распространения вещно-правового режима на бездокументарные ценные бумаги, поскольку вопросы касательно виндикации, передачи ценных бумаг применительно к рассматриваемому институту не могут быть решены полностью вследствие недостаточности средств, регулирующих отношения права собственности [19].

Между тем в соответствии с ГК РФ представляется возможным регулировать институт бездокументарных ценных бумаг вещно-правовым режимом. На основании ч. 3 ст. 149.1 ГК РФ к отношениям, связанным с исполнением по бездокументарным ценным бумагам, применяются некоторые правила по документарным [1].

Таким образом, дуалистическая концепция толкования ценных бумаг основывается на раскрытии их форм – документарной и бездокументарной. Сторонники документарной концепции оперируют ГК РФ вследствие чего, по их мнению, к ценным бумагам можно отнести только документарные [5, с. 14]. При этом не исключается возможность применения к бездокументарным ценным бумагам документарной концепции при условии отождествления их в виде имущественных прав или в качестве способа фиксации прав, не имеющих никакого отношения к ценным бумагам. Вследствие чего без-

документарные ценные бумаги, во-первых, не являются объектами права собственности, во-вторых, не рассматриваются в роли вещей. В этом ключе справедливо замечание Белова В.А.: «Ценные бумаги и бездокументарные ценные бумаги имеют различный правовой режим, следовательно, являются различными объектами гражданских правоотношений» [5, с. 17].

Последователи бездокументарной концепции исходят из «традиционного» понимания ценных бумаг, закрепленного в конце XIX века в рамках немецкой коммерциалистики, частичные особенности которого нашли свое отражение в ГК РФ [15, с. 65].

Во всяком случае, современной дуалистической концепцией в равной мере признается ценной бумагой любая из ее форм: документарная и бездокументарная. Наличие же формального определения делает возможным понять, является тот или иной документ ценной бумагой.

В дополнение к вышесказанному вопрос о правовой природе ценных бумаг требует незамедлительного решения, которое может быть достигнуто путем законодательных разъяснений и уточнений, судебной практики. Поскольку, с одной стороны, бездокументарные ценные бумаги не рассматриваются законодателем в виде объекта права собственности. Руководствование определенными положениями, касающихся именных документарных ценных бумаг, по нашему мнению, свидетельствует о первостепенном значении именно документарных ценных бумаг. Вдобавок к вышесказанному ч. 6 ст. 143 ГК РФ: «Если иное не установлено настоящим Кодексом, законом или не вытекает из особенностей фиксации прав на бездокументарные ценные бумаги...» [1] не дает возможность говорить об институте ценных бумаг в однозначном ключе. По этой причине определение правовой природы бездокументарных ценных бумаг представляется труднодостижимой задачей. Однако представленные рассуждения о бездокументарных и документарных ценных бумагах позволяют говорить о различных формах ценных бумаг, как о самостоятельном объекте права. Поэтому, во-первых, наблюдается необходимость в закреплении положений о возможности применения института права собственности к бездокументарным ценным бумагам, не обладающим вещно-правовой природой. Во-вторых, необходима конкретная формулировка законодателя относительно взаимосвязи институтов вещного и обязательственного права в целях достижения определенного консенсуса в вопросах регулирования оборота таких бумаг. К тому же, несмотря на то, что ценные бумаги в гражданском законодательстве рассматриваются в качестве самостоятельного института, положения о них выделены в отдельную главу, по нашему мнению, необходимо внести изменения в ст. 128, назвав ценные бумаги самостоятельным объектом права. Думается, подобная мера позволит частично устранить разногласия в отношении правовой природы обозначенной категории, поскольку цифровизация общества видоизменяет отношения,

складывающиеся между людьми, вследствие чего наблюдается необходимость дальнейшего развития законодательной базы, правоприменительной практики, которые позволят решить вышеуказанные проблемы, учитывая при этом интересы каждого субъекта рынка ценных бумаг.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 1.
3. Айнетдинов Р.Х. Производные ценные бумаги в гражданском праве России: дис... д-ра. юрид. наук. М., 2013. 227 с.
4. Ангелов А.И. Проблемы определения понятия ценных бумаг // Юрист. 2019. № 13. С. 173–175.
5. Белов В.А. Бездокументарные ценные бумаги. М.: Издательство ЮрИнфор, 2003. 106 с.
6. Белов В.А. Гражданское право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 451 с.
7. Белова О.А. Гражданское право: учебник для вузов. М.: Издательство Зерцало, 2015. 400 с.
8. Бойцов С.М. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 84–90.
9. Болдырева Н.Б. Финансовые рынки и институты: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 403 с.
10. Лазанчина Л.М. О правовой природе ценных бумаг // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 1. С. 86–88.
11. Михайленко Е.М. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 413 с.
12. Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи: Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М.: Издательство Статут, 1998. 176 с.
13. Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М.: Издательство Статут, 2000. 286 с.
14. Решетина Е.Н. К вопросу о правовой природе бездокументарных ценных бумаг // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 110–115.
15. Степанов Д.И. Вопросы теории и практики эмиссионных ценных бумаг // Хозяйство и право. 2002. № 3. С. 64–80.
16. Хвостов В.М. Система римского права: учебник. М.: Издательство Юрайт, 2023. 540 с.
17. Чернова Г.В. Финансовые рынки и институты: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 403 с.
18. Юлдашбаева Л.Р. Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг. М.: Издательство Статут, 1999. 202 с.

19. О концептуальных подходах к месту и роли депозитарной деятельности на современном рынке ценных бумаг: Доклад утвержден ЦБ России от 1 июля 1997 г. № 01–04/804, ФК-ЦБ России № ДВ-4117 и Минфин РФ № 05–1–01 // Вестник Банка России. 1997. 23 июля. № 47. URL: <https://sudact.ru/law/doklad-okontseptualnykh-podkhodakh-k-mestu-i/> (дата обращения: 18.11.2023).
20. Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР: Постановление Правительства РСФСР от 28 декабря 1991 г. № 78 // Собрание постановлений Правительства Российской Федерации. 1992. № 5. Ст. 26. Утратил силу. [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/10164371/> (дата обращения 19.11.2023).

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE LEGAL NATURE OF SECURITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Lopatin D.P., Krasousskaya P.D.

Novosibirsk National Research State University

The relevance of the civil law doctrine on the institution of securities, is conditioned by the fact that in the market economy, securities, as well as their various types, play an essential role in attracting money, to meet public and social needs. In this regard, legislation regulating the institution of securities is being actively developed. The diversity of types of securities makes it necessary to improve the securities market for the normal functioning of the State. In addition, the economic relations arising from securities are constantly changing, which creates some difficulties with regard to the interpretation of the security and its legal nature. The legal literature and the views expressed therein have become obsolete because of the intensive development of information technologies and the improvement in this regard of the legislation regulating public relations in the process of trading securities.

Keywords: documentary securities, non-documentary securities, dualist concept, legal nature of securities, property rights, object of law.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FL (edit. of 24.07.2023) // Collect. of laws of the Russian Federation. – 1994. 05 dec. – № 32. – Art. 3301.
2. On Joint Stock Companies: Federal Act of 26.12.1995 № 208-FL (edit. of 04.08.2023) // Collect. of laws of the Russian Federation. – 1996. – 01 jan. – № 1. – Art. 1.
3. Ainetdinov R.H. Derivative securities in civil law of Russia: dis... dr. jurid. of sciences. M., 2013. 227 p.
4. Angelov A.I. Problems of defining the concept of securities // Lawyer. 2019. 13. P. 173–175.
5. Belov V.A. Undocumented securities. M.: Publishing Corporation, 2003. 106 p.
6. Belov V.A. Civil Law: a textbook for universities. M.: Publisher Yuriit, 2023. 451 p.
7. Belova O.A. Civil law: textbook for universities. M.: Zerkalo Publishing House, 2015. 400 p.
8. Boitzov S.M. Legal nature of undocumented securities // Leningrad Law Journal. 2015. 2. P. 84–90.
9. Boldyreva N.B. Financial Markets and Institutes: Textbook and Workshop for Universities. M.: Juryt Publishing House, 2023. 403 p.
10. Lazanchina L.M. On the legal nature of securities // Legality and law and order in modern society. 2010. 1. p. 86–88.
11. Mikhailenko E.M. Civil Law. General part: textbook and workshop for universities. M.: Publishing House Yuriit, 2023. 413 p.
12. Murzin D.V. Securities – bodiless things: Legal problems of modern securities theory. M.: Publishing Statute, 1998. 176 p.
13. Nersesov N.O. Selected works on representation and securities in civil law. M.: Publishing Statute, 2000. 286 p.
14. Reshetina E.N. On the question of the legal nature of undocumented securities // Journal of Russian Law. 2003. 7. P. 110–115.
15. Stepanov D.I. Questions of theory and practice of issuing securities // Economy and law. 2002. 3. P. 64–80.
16. Khvostov V.M. System of Roman Law: textbook. M.: Publishing House Yuriit, 2023. 540 p.
17. Chernova G.V. Financial Markets and Institutes: Textbook and Workshop for Universities. M.: Publisher Yuriit, 2023. 403 p.
18. Yuldashbayeva L.R. Legal regulation of circulation of issuing securities. M.: Publishing Statute, 1999. 202 p.
19. On the conceptual approaches to the place and role of depository activity in the modern securities market: The report was approved by the Central Bank of Russia on July 1, 1997. 01–04/804, the FCSM of Russia DV-4117 and the Ministry of Finance of the Russian Federation 05–1–01 // Bulletin of the Bank of Russia. 1997. 23 July. 47. URL: <https://sudact.ru/law/doklad-okontseptualnykh-podkhodakh-k-mestu-i/> (accessed: 18.11.2023).
20. On approval of the Regulations on the issue and circulation of securities and stock exchanges in the RSFSR: Resolution of the Government of the RSFSR of December 28, 1991 № 78 // Collection of resolutions of the Government of the Russian Federation. 1992. 5. Art. 26. Expired. [Electronic Resource] URL: <https://base.garant.ru/10164371/> (accessed: 19.11.2023).

Правомочия взыскателя при осуществлении принудительного исполнения посредством самостоятельных действий

Мамаев Андрей Андреевич,

адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: maa89@list.ru

Гурьева Ольга Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: olya.baradanchenkova@gmail.com

В статье раскрываются правомочия взыскателя при осуществлении взыскания посредством самостоятельных действий, без обращения к Федеральной службе судебных приставов и без обращения к коллекторам. Отмечается, что данная форма реализации права на принудительное исполнение характеризуется закрытым перечнем действий взыскателя. Далее в тексте раскрывается форма реализации посредством направления исполнительного листа в банк должника и выявляются пробелы в правовом регулировании. Также в статье анализируются возможности взыскателя по побуждению должника к исполнению посредством самостоятельных действий взыскателя, с учетом ограничений Федерального закона № 230-ФЗ. В заключении в тексте критикуется внесенная в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» статья 109.4 и предлагаются пути совершенствования правового положения взыскателя.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель, принудительное исполнение.

Принудительное взыскание без привлечения Федеральной службы судебных приставов является относительно новым явлением, являясь при этом составной частью права на исполнение. Более того, неоднократное внесение изменений в ФЗ «Об исполнительном производстве», включение дополнительных возможностей взыскателя дают возможность рассмотреть данное взыскание в качестве самостоятельного вида права на реализацию. Особенностью данного вида взыскания является то, что в отличие от традиционного исполнения посредством судебного пристава-исполнителя, в котором многообразие прав взыскателя не ограничено (в том числе в связи с не закрытым перечнем исполнительных действий и правом взыскателя принимать в них участие), взыскание в отсутствие судебного пристава-исполнителя для взыскателя строго регламентировано (однако расширение правового положения взыскателя при данном взыскании возможно, например, если банк в нарушении требований ФЗ «Об исполнительном производстве» не совершает действий по перечислению денежных средств должника взыскателю, в связи с чем взыскателю предоставляется возможность направить обращение судебному приставу-исполнителю для привлечения банка к административной ответственности (см., например: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 2 ноября 2016 г. № Ф07–9350/2016 по делу № А56–5241/2016)).

Взыскатель направляет исполнительный лист о взыскании денежных средств в банк или иную кредитную организацию (ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

При рассмотрении данной возможности отметим, что если взыскатель направит исполнительный лист в банк, а при этом должник оплатит задолженность добровольно, то у должника возникает право на подачу заявления о приостановлении и прекращении его исполнения (См., например: Рекомендации Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа по вопросам применения норм законодательства о судопроизводстве в арбитражных судах, процессуальных норм законодательства о несостоятельности (банкротстве) и норм законодательства об исполнительном производстве (по итогам заседания, состоявшегося 10–11 ноября 2011 г. в г. Екатеринбурге) (ред. от 26 декабря 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс». С. 19.).

Когда взыскателю известен банк, в котором у должника открыт расчетный счёт, который ис-

пользуется должником для повседневных хозяйственных операций, взыскатель может обладать уверенностью в том, что задолженность по исполнительному листу будет им получена в более короткие сроки при помощи действий банка, чем при обращении к судебным приставам-исполнителям. В частности, взыскатель может направить требование банку или иной кредитной организации (в которых у должника открыт счёт) о незамедлительном перечислении денежных средств взыскателю в размере, обозначенном в исполнительном листе (ч. 5 ст. 70 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Вместе с тем, на практике, положение о незамедлительном [1] (о случаях неисполнения банком требований исполнительного документа см. подробнее: Гришина Я.С. Особенности и порядок привлечения банка или иной кредитной организации к ответственности за неисполнение требований исполнительного документа в случае предъявления указанного документа в банк или иную кредитную организацию непосредственно взыскателем) перечислении денежных средств банками соблюдается не постоянно (см.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 сентября 2017 г. № Ф04–3659/2017 по делу № А46–13943/2016.), что в дальнейшем может являться основанием для наложения на банк судебного штрафа.

Следует отметить, что не перечисление банком денежных средств в размере, предусмотренном исполнительным листом возможно, но только в случаях, указанных в ч. 8 ст. 70 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Например, довольно распространенной ситуацией является отсутствие денежных средств на расчетном счете должника, что приводит к фактической невозможности банка выполнить требование исполнительного листа. Однако дальнейшие действия банка вызывают вопросы. Должен ли банк завершить выполнение требований исполнительного листа? Часть 10 статьи 70 Федерального закона «Об исполнительном производстве» не предоставляет банку такой возможности, в ней «отсутствие денежных средств» не поименовано в качестве повода к окончанию исполнения. Тогда возможно банку следует вернуть лист взыскателю? В соответствии с пп. 3.1, 3.2 прекратившего своё действие Положения о порядке приема и исполнения кредитными организациями, подразделениями расчетной сети Банка России исполнительных документов, предъявляемых взыскателями (утв. Банком России 10 апреля 2006 г. № 285-П) отзыв исполнительного листа возможен путем подачи в банк письменного обращения, подписанного взыскателем.

Изложенное позволяет констатировать, что в законодательстве данный вопрос прямо не урегулирован: происходит не исполнение банком исполнительного листа, поскольку денежные средства отсутствуют, но сам исполнительный лист находится в кредитном учреждении до тех пор, пока взыскателем не будет написано необходимое обращение. Здесь следует напомнить о высказанных

предложениях [3] о необходимости вернуть исполнительный лист взыскателю в подобной ситуации.

Вместе с тем ранее п. 12.7 ч. 1 Положения ЦБ РФ от 3 октября 2002 г. № 2-П «О безналичных расчетах в РФ» обязал банк размещать инкассовое поручение с исполнительным листом в картотеке, а также списывать денежные средства по мере их зачисления на счет – как в случае недостаточности (для погашения сумм исполнительного листа), так и при отсутствии средств на счете. В настоящее время данное Положение ЦБ РФ прекратило своё действие.

В описанной ситуации следует согласиться с Ю.В. Гепп утверждавшей, что нужно закрепить максимальные гарантии уже предоставленных взыскателям прав в исполнительном производстве [2]. В данной ситуации наиболее подходящим выходом видится закрепление положения о том, что на кредитное учреждение будет возложена обязанность в трехдневный срок информировать взыскателя и при наличии его согласия вернуть взыскателю полученный исполнительный лист в случае отсутствия денежных средств на счете должника. Предложенный подход направлен на усиление правового положения взыскателя, поскольку у него может быть информация о другом расчетном счете должника в ином банке и соответственно у него появится возможность обратиться к нему, а при отсутствии такой информации – к службе судебных приставов для принуждения к исполнению при помощи действий пристава-исполнителя.

Также к возможностям взыскателя при осуществлении права на взыскание без обращения в Федеральную службу судебных приставов или к коллекторам необходимо добавить:

- возможность обратиться в налоговый орган (ч.ч. 8, 9 ст. 69 ФЗ «Об исполнительном производстве») с заявлением предоставления сведений о наименовании и местонахождении банка, в котором открыт счет должника; о номерах расчетных счетов, количестве и движении денежных средств в рублях и иностранной валюте; об иных ценностях должника, находящихся на хранении в банках и иных кредитных организациях (Письмо Минфина России от 26 октября 2015 г. № 03–02–08/61403); Письмо ФНС России от 24.07.2017 г. № СА-4–9/14444@). Взыскатель может подать обращение на получение данной информации в любой территориальный налоговый орган, в том числе в ИФНС России (либо УФНС России) по месту своего нахождения;
- возможность передать исполнительный лист о списании с лицевого счета или со счета депо должника и о зачислении на свой лицевой счет или счет депо эмиссионных ценных бумаг эмитенту, если он своими действиями осуществляет ведение реестра владельцев таких ценных бумаг, или держателю реестра, который ведёт реестр владельцев эмиссионных ценных бумаг по поручению эмитента, либо депозитарию, ко-

торый осуществляет учет прав на эмиссионные ценные бумаги должника, если у взыскателя есть информация об находящихся на указанных счетах должника ценных бумагах (ч. 1 ст. 8¹ Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Взыскатель обладает возможностью своими собственными действиями подталкивать должника к исполнению требований исполнительного листа.

В зависимости от содержания исполнительного листа, правового статуса участников правоотношения возможности взыскателя можно разделить на две группы:

- взыскатель может совершать действия, схожие с поведением действий коллекторов при соблюдении ограничений, предусмотренных Федеральным законом № 230-ФЗ с целью склонения должника к оплате задолженности;
- взыскатель может совершать действия с целью склонения должника к оплате задолженности, которые не входят в предмет регулирования Федерального закона № 230-ФЗ и, соответственно, ограничиваются только общими требованиями законов. К данным возможностям взыскателя необходимо отнести прямое и косвенное коммуницирование с должником, при этом данное общение не будет ограничиваться ни интервалами времени, ни количественными показателями такого общения, в отличие от предусмотренного статьей 7 Федерального закона № 230-ФЗ.

Важно отметить, что на данную деятельность также распространяются некоторые ограничения, предусмотренные Федеральным законом № 230-ФЗ, поскольку он включает в своё содержание ряд статей, которые относятся к другим отраслям права. В частности, часть 2 статьи 6 Закона предусматривает положение о невозможности применять к должникам и другим лицам физическую силу или угрозу ее применения, угрозу убийством или причинение вреда здоровью. Другими словами, хотя в ст. 1 Закона закреплён определённый предмет правового регулирования, различные виды преступлений, такие как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111, 112, 119 УК РФ) не допустимы ни в коем случае (отметим лишь несовершенство законодательной техники в аспекте фактического дублирования положений УК РФ в Федеральном законе № 230-ФЗ).

Следует констатировать, что законодательство об исполнительном производстве меняется ежегодно, в частности путем закрепления в законе положений, раскрывающих процедуру совершения исполнительных действий и мер принудительного исполнения в рамках исполнительных производств по отдельным видам требований. Так 23 апреля 2018 г. был принят Федеральный закон № 102-ФЗ, который ввёл в Закон новую статью 109.4, предписывающую порядок, согласно которому судебный

пристав-исполнитель обязан исполнять требования исполнительных листов об удалении распространяемой в сети «Интернет» информации, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица.

Необходимо обратить внимание на то, что собственно осуществление указанных требований исполнительных листов производят не судебные приставы Федеральной службы судебных приставов. Данная обязанность поручена федеральному органу исполнительной власти, реализующий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи – Роскомнадзор.

Вместе с тем, закреплённый законодателем порядок осуществления поименованных требований содержит в себе ряд недостатков.

Во-первых, законодателем предусмотрена обязанность обратиться к судебным приставам исполнителям по данным исполнительным листам. И только при условии реализации всего процесса возбуждения исполнительного производства и при истечении срока добровольного исполнения требований исполнительного листа их осуществление будет поручено непосредственно представителям Роскомнадзора. Данный порядок принят при игнорировании того, что Закон предусматривает и иные способы всего осуществления принудительного исполнения. В частности, если должником является публичный субъект то взыскание будет реализовано в соответствии с бюджетным законодательством и не судебными приставами-исполнителями.

Во-вторых, принятый законодателем порядок не раскрывает регламент поступления информации от службы судебных приставов в Роскомнадзор, срок, в течении которого информация должна быть передана в Роскомнадзор и собственно сам регламент действий Роскомнадзора, не раскрывается и судьба самого исполнительного производства.

В-третьих, что касается настолько специфического требования исполнительного листа законодателем не закреплён подробный порядок осуществления проверки приставом-исполнителем осуществления должниками содержания исполнительного листа (видится совершенно ясным, что проверка самостоятельного исполнения требует, чтобы судебный пристав-исполнитель обладал специальными познаниями в данной области и не может быть признана состоявшейся лишь при наличии соответствующего утверждения (в том числе устного) со стороны должника). Возможно ли, чтобы подтверждение самостоятельного осуществления должником требования осуществлялось с участием специалиста; возможно ли возобновить исполнительное производство, если исключённая из сети информация в будущем снова появится в ней?

В заключении отметим, что достижению цели реализации требований исполнительных докумен-

тов в целом и снижения нагрузки на службу судебных приставов, улучшения показателя эффективности исполнительного процесса целесообразнее закрепить в Законе порядок о направлении взыскателем исполнительного листа (об удалении распространяемой в сети «Интернет» информации, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица) напрямую в Роскомнадзор, без необходимости обращения к судебному приставу-исполнителю (аналогично праву обратиться в банк в соответствии со статьей 8 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Введение данного предложения в Закон окажет положительное влияние на границы самостоятельного осуществления взыскателем права реализации исполнительного листа и повысит эффективность процесса исполнения.

Литература

1. Гришина Я.С. Особенности и порядок привлечения банка или иной кредитной организации к ответственности за неисполнение требований исполнительного документа в случае предъявления указанного документа в банк или иную кредитную организацию непосредственно взыскателем // Банковское право. 2010. № 3. С. 1. СПС «КонсультантПлюс»..
2. Гепп Ю.В. Участники исполнительного производства: дис. ... канд. юрид. наук. С. 130.
3. Журбин Б. Пристав в банке // ЭЖ-Юрист. 2008. № 29. С. 1. СПС «КонсультантПлюс».

THE POWERS OF THE CLAIMANT WHEN CARRYING OUT COMPULSORY EXECUTION THROUGH INDEPENDENT ACTIONS

Mamaev A.A., Gurieva O.E.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article reveals the powers of the collector when carrying out collection through independent actions, without recourse to the Federal Bailiff Service and without recourse to collectors. It is noted that this form of exercise of the right to enforcement is characterized by a closed list of actions of the claimant. Further, the text reveals the form of implementation by sending a writ of execution to the debtor's bank and identifies a gap in legal regulation. The article also analyzes the ability of the collector to induce the debtor to perform through the independent actions of the collector, taking into account the restrictions of Federal Law No. 230-FZ. In conclusion, the text criticizes Article 109.4 introduced into the Federal Law "On Enforcement Proceedings" and suggests ways to improve the legal status of the claimant.

Keywords: enforcement proceedings, recoverer, debtor, bailiff, enforcement.

References

1. Grishina Ya.S. Features and procedure for holding a bank or other credit organization liable for failure to fulfill the requirements of a writ of execution in the event of presentation of the specified document to the bank or other credit organization directly by the claimant // Banking Law. 2010. No. 3. P. 1. SPS "ConsultantPlus"..
2. Gepp Yu.V. Participants in enforcement proceedings: dis. ... cand. legal Sci. P. 130.
3. Zhurbin B. Bailiff in a bank // EZh-Lawyer. 2008. No. 29. P. 1. SPS "ConsultantPlus".

Григорян Анна Арменовна,

магистрант, Юридический институт, Сибирский федеральный университет
E-mail: 418104@mail.ru

Михайлинский Глеб Олегович,

магистрант, Юридический институт, Сибирский федеральный университет
E-mail: gmikhaylinskiy-yy19@stud.sfu-kras.ru

В статье анализируются основные научные и законодательные подходы к статусу искусственного интеллекта в правовой системе. Актуальность данной темы связана с тем обстоятельством, что в условиях масштабной цифровизации и информатизации общества наблюдается явное несоответствие правового регулирования правоотношений в цифровой сфере тем вызовам, которые стоят перед обществом. В частности, в исследовании рассматривается актуальный на сегодняшний день вопрос о том, может ли искусственный интеллект (нейросеть) быть субъектом авторских и иных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Производится обобщение основных тенденций и закономерностей развития законодательства об искусственном интеллекте, предлагаются пути наиболее эффективного и гармоничного совершенствования правового регулирования в данной сфере. Наиболее важными представляются вопросы обеспечения баланса между инновационным развитием и интересами общества, а также обеспечения безопасного развития искусственного интеллекта. Делаются выводы о большой социальной значимости вопросов, связанных с развитием инновационных технологий в сфере искусственного интеллекта их комплексном морально-правовом характере, значительных перспективах и не менее серьезных рисках, связанных с данным явлением.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, вещные права, авторские права, патентные права, результаты интеллектуальной деятельности.

Современное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) ставит на повестку дня сложный и фундаментальный вопрос о признании системы ИИ как личности? Центральным вопросом данной дискуссии является вопрос о праве собственности на творческие произведения, созданные машинами. Интересно, что в рамках таких обсуждений неявно или явно присутствует предположение: если бы аналогичное творчество было выполнено человеком, то он владел бы им самостоятельно.

У данной тематики есть предыстория. Ранние фотографии, например, не попадали под защиту авторских прав, поскольку простой акт захвата света через объектив камеры-обскуры не рассматривался как проявление истинного авторства. Этот вопрос о правах на творческие произведения, созданные механическими средствами, стал особенно актуальным, когда знаковая фотография Оскара Уайльда [1] дошла до Верховного суда Соединенных Штатов. В конечном итоге, авторские права были признаны в отношении произведений, созданных машинами.

Однако сегодня вопрос стоит еще более остро: может ли фотограф «владеть» изображением, которое было пассивно снято машиной, и кто может владеть новыми работами, активно созданными системами ИИ? Сегодня системы ИИ способны создавать телепередачи, сочинять музыку и рисовать картины, что вызывает вопросы о распространении на них закона об авторских правах.

Данная проблематика представляет собой значительный вызов для современного общества, правопорядка и этики. В данной статье мы рассмотрим основные аспекты этой проблематики, проведем анализ плюсов и минусов признания систем ИИ как личности, а также рассмотрим возможные пути решения данного вопроса.

Перед законодательством ряда стран, стоит важный вопрос об определении авторства и право собственности в контексте машинного творчества, обсуждаемый в ряде стран.

Например, согласно позиции Бюро авторских прав США, правовая охрана распространяется только на «оригинальные авторские произведения», созданные человеком, и не будет регистрировать произведения, «созданные машиной или просто механическим процессом, который действует случайным образом или автоматически без какого-либо творческого вклада или вмешательства со стороны автора-человека» [2]. Критерием выступает уровень участия человека, необходимый претензии на авторство.

Этот вопрос о праве собственности и авторстве приобретает новый смысл в свете того, что «систе-

мы ИИ становятся все более способными к самостоятельному творчеству» [3]. Примером служит история чернохохлатой макаки, сфотографировавшей себя с помощью камеры, установленной фотографом Дэвидом Слейтером. После опубликования этих фото, возник вопрос о том, имеют ли обезьяны больше прав на авторство фотографий, чем фотограф. В данном случае закон подтвердил права фотографа, но эта история поднимает важные вопросы об определении авторства и права в подобных ситуациях [4].

Подходы к вопросам авторских прав и ИИ различны. Например, в Китае авторские права на созданные с использованием ИИ произведения раньше не подлежали защите. Однако в декабре 2019 года окружной суд Китая принял решение, что «статья, созданная алгоритмом, не может быть скопирована без разрешения» [5]. Это отражает важность защиты первоначальных инвестиций в творческие процессы, а не обязательно авторства самой системы ИИ.

В ЕС также обсуждается вопрос о расширении авторских прав на произведения, созданные с использованием ИИ, признание их «эквивалентами» результатов интеллектуальной деятельности. При этом предложено передавать права собственности «человеку, который подготавливает и публикует произведение на законных основаниях, при условии, что разработчик технологии прямо не оставил за собой право использовать произведение таким образом» [6].

Небезынтересен также опыт Японии, где в 2016 году была принята Стратегическая программа по интеллектуальной собственности [7]. В частности, данный документ предусматривает «создание системы интеллектуальной собственности нового поколения, адаптированной к диджитализации и сетевому взаимодействию». Также в программе говорится о необходимости выработки системы критериев для отнесения произведений, созданных нейросетью, к результатам интеллектуальной деятельности в целях предоставления им соответствующей правовой защиты.

Несмотря на быстрые темпы развития инновационных технологий и общую перспективность такого направления, в доктринальной среде нередко встречаются и критические позиции по поводу отнесения ИИ к субъектам авторских и смежных прав. Одним из основных аргументов здесь является отсутствие у подобных программ когнитивных способностей и ключевая роль человека в разработке алгоритмов, на основании которых нейросетями и создаются произведения [8]. Однако здесь можно привести контрдовод о том, что даже не самые продвинутые нейросети по одинаковым запросам всегда выдают разные изображения, что само по себе предполагает некоторую степень автономности их работы при создании произведения. Дискуссионным здесь может быть вопрос только о степени такой автономности.

Проблема определения того, может ли ИИ владеть авторскими правами или правами на патенты,

вызывает серьезные дебаты и вызывает вопросы о будущем интеллектуальной собственности и законодательства в этой области.

По указанию Симона Чизмана, «патентное и авторское законодательство в разных странах обычно предполагает, что «изобретатель» или «автор» должны быть физическими лицами, и это создает сложности, когда речь идет о системах ИИ, которые могут создавать произведения и изобретения самостоятельно» [9].

Необходимо соблюдение баланса между поощрением инноваций и предоставлением временно ограниченной монополии в обмен на обязательное публичное раскрытие информации и сохранением роли человека в творческом процессе. Существующее законодательство ограничивает системы ИИ в этом отношении, поскольку они не могут удовлетворять требованиям наличия физического лица-изобретателя или автора.

По мере развития ИИ и усовершенствования его способностей и возможностей появляются новые вызовы для существующего законодательства. Возможно, будет необходимо адаптировать законы и устанавливать новые нормы, которые будут учитывать реальность машинного творчества. Ответ на вопрос о том, может ли ИИ владеть авторскими правами или патентами, будет зависеть от того, как законодатели и правоприменители будут реагировать на эти изменения и какие компромиссы будут достигнуты между поощрением инноваций и защитой прав человека.

Другим важным аспектом в дебатах о правах ИИ является вопрос об интересах и целях, преследуемых законодательством об ИИ. Можно выделить следующие аспекты, подлежащие реформированию:

- Поощрение инноваций. Вопрос заключается в том, как обеспечить эту цель в контексте ИИ, учитывая его способность генерировать новые идеи и решения самостоятельно.
- Защита интересов человека. При преобразовании законодательства важен учёт прав и интересов людей, работающих с ИИ, а также морально-этических аспектов авторства и владения.

Важно, чтобы обсуждения и реформы в области законодательства оправдывали интересы и цели как создателей, так и пользователей систем искусственного интеллекта, а также общества в целом. Это сложная задача, решение которой потребует участия многих субъектов, включая юристов, законодателей, технических экспертов и общественности, чтобы разработать законы, которые будут отвечать вызовам современных технологий и обеспечивать справедливое и эффективное управление ими.

Важно учитывать потенциальные опасности и возможные позитивные аспекты развития ИИ. Рассмотрим две основные стратегии управления этими рисками:

1. Ограничение возможностей ИИ, которое может включать создание технических ограничений

для предотвращения чрезмерного развития ИИ. Также можно разработать меры безопасности для экстренного отключения ИИ при угрозе.

2. Установление ценностей и целей систем ИИ, соответствующих человеческим. Это может включать в себя работу над этическими стандартами и кодами поведения для ИИ, а также создание механизмов для обеспечения действия ИИ согласно этим стандартам.

Хороший пример второй стратегии – Законы робототехники Айзека Азимова [10], представляющие собой попытку определить этические рамки для действий роботов и ИИ во избежание причинения вреда людям. Однако важно понимать, что разработка и применение этических норм и стандартов для ИИ представляет собой сложную и эволюционирующую задачу, поскольку темпы научно-технического прогресса вообще и развития ИИ как одного из проявлений данного прогресса на сегодняшний день весьма впечатляющие.

Обсуждение этих вопросов – важный шаг на пути к обеспечению безопасного и ответственного развития этой технологии. В будущем возможно изменение правового статуса ИИ с учётом изменений в технологической и социальной сферах.

Симон Чизман отмечает сложность и важность развития стратегий и механизмов для управления сверхинтеллектом [9]. Для разрешения данных вопросов необходимо масштабное сотрудничество на самых разных уровнях, в том числе в законодательской, научной и общественной среде. Борьба с рисками, порождёнными развитием ИИ, включает в себя следующие аспекты:

- Мультидисциплинарный подход к решению вопросов, международное сотрудничество с участием специалистов в области ИИ, философии, этики, социологии и т.д. Это важно, поскольку рассматриваемая проблема носит глобальный характер и не может решаться какими-либо субъектами обособленно.
- Прозрачный и открытый характер исследований и разработок в области ИИ, что является необходимым условием понимания принципов работы и управления системами искусственного интеллекта.
- Повышение цифровой грамотности общества, которое может осуществляться путём улучшения уровня образования в сфере ИИ и информирования населения о новейших достижениях в данной сфере.
- Формирование общественного мнения о морально-этических аспектах развития искусственного интеллекта путём обсуждений актуальных вопросов инновационного развития на всех уровнях общества.

Разработка и реализация этих стратегий требует согласованных усилий со стороны всех участников, и решение данной задачи будет представлять собой серьёзный вызов в ближайшие десятилетия. Нам остаётся надеяться, что соблюдение принципов безопасности и обеспечение соответствия ИИ интересам человечества позволит сделать его раз-

витие более безопасным и продуктивным. «Социализация» ИИ, приведение его в соответствие на соответствие с ценностями и интересами человечества, является одним из важных аспектов достижения данной цели.

Одним из способов управления рисками и направлениями безопасного развития технологий искусственного интеллекта является формирование чёткой и ясной системы ценностей и приоритетов, закладываемых в алгоритмы их функционирования [11]. Разумеется, это осуществимо только при условии критического подхода к дальнейшим усовершенствованиям саморазвивающихся систем ИИ. С учетом быстрого развития технологий ИИ и инновационных систем, эти вопросы становятся все более актуальными, и обсуждение и поиск их решений играют важную роль в обеспечении безопасного и этического развития этих технологий.

Постановка вопроса о правосубъектности ИИ предполагает всестороннее рассмотрение проблемы обеспечения баланса прав и интересов других субъектов гражданско-правового оборота, определения границ правосубъектности «умных» машин. При проведении исследований в этой области необходимо тщательно оценивать потенциальные риски и преимущества, при этом требуется учитывать морально-этические аспекты разработки и использования ИИ. Бесспорно, разработка ИИ может привести к разнообразным последствиям, в том числе и нежелательным. Постановка вопросов о целесообразности создания «умных» машин, а также о том, что они могут принести обществу, является важным аспектом этических обсуждений в области ИИ.

В заключение можно прийти к выводу о сложном и многоаспектном характере развития ИИ, ставящего перед человечеством множество вопросов технического и нравственного плана. Для их оптимального разрешения необходимы адекватные и продуманные стратегии управления и регулирования правоотношений, связанным с «умными» технологиями. С учётом быстрых темпов научно-технического прогресса, актуальность этих вопросов будет возрастать параллельно с усилением роли ИИ в нашей жизни.

Литература

1. Литографическая компания Берроу-Джайлза против Сарони, 111 US 53 (1884 г.). А. Нордемманн, «Германия» в И. Жандро, А. Нордемманне и Р. Эше (редакторы), авторские права и фотографии. Международный обзор (Kluwer 1999), с. 15.
2. Кодекс законов США, § 102 – Объект авторского права: В общем.п. 80.
3. См. DJ Gervais, «Машина как автор» (2020) 105 IowaLRev (готовится к печати) (предлагает тест на «аузацию оригинальности»). п. 39.
4. К. Чизман, «Фотограф сходит с ума из-за селфи с обезьяной: кому принадлежат авторские права?» Фотограф-любитель (7 августа 2014 г.). п. 50.

5. Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd. Shanghai Yingxun Technology Co Ltd] (24 декабря 2019 г.) Шэньчжэньский районный народный суд Наньшань. Суд постановил, что статья, написанная искусственным интеллектом, имеет авторские права» China Daily (9 января 2020 г.). Чжан Янфэй.п. 20.
6. С. Сежурне, Проект отчета о правах интеллектуальной собственности для развития технологий искусственного интеллекта (Европейский парламент, Комитет по правовым вопросам, 2020/2015 (INI), 24 апреля 2020 г. 125 там же, Пояснительное заявление.) с. 9–10.
7. Стратегическая программа по интеллектуальной собственности на 2016, 2016. 79 с.
8. Дэвис Р. Интеллектуальная собственность и программное обеспечение: предположения нарушены / Массачусетский технологический институт, лаборатория искусственного интеллекта // А.И. Памятка N 1328. – 1991 г., ноябрь. – 20 р.
9. Саймон Честерман, Искусственный интеллект и пределы правосубъектности, 2020. с. 15.
10. И. Азимов, Поразительная научная фантастика «Хождение» (март 1942 г.). п. 5.
11. Э. Юдковский, «Сложные системы ценностей в дружелюбном искусственном интеллекте» в Дж. Шмидхубере, К.Р. Ториссоне и М. Луксе (ред.), Искусственный общий интеллект (Springer 2011), стр. 11. 388.

DETERMINING THE STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LEGAL SYSTEM

Grigoryan A.A., Mikhailinsky G.O.
Siberian Federal University

The article analyzes the main scientific and legislative approaches to the status of artificial intelligence in the legal system. The relevance of this topic is due to the fact that in the context of large-scale digitalization and informatization of society, there is a clear discrepancy between the legal regulation of legal relations in the digital sphere and the challenges facing society. In particular, the

study examines the current issue of whether artificial intelligence (neural network) can be the subject of copyright and other rights to the results of intellectual activity. A generalization is made of the main trends and patterns in the development of legislation on artificial intelligence, and ways of the most effective and harmonious improvement of legal regulation in this area are proposed. The most important issues seem to be ensuring a balance between innovative development and the interests of society, as well as ensuring the safe development of artificial intelligence. Conclusions are drawn about the great social significance of issues related to the development of innovative technologies in the field of artificial intelligence, their complex moral and legal nature, significant prospects and no less serious risks associated with this phenomenon.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, property rights, copyrights, patent rights, results of intellectual activity.

References

1. Burrow-Giles Lithographic Co v Sarony, 111 US 53 (1884). A Nordemann, 'Germany' in Y Gendreau, A Nordemann and R Oesch (eds), Copyright and Photographs. An International Survey (Kluwer 1999) p. 15.
2. US Code of Laws, § 102 – Subject matter of copyright: In general.p. 80.
3. See DJ Gervais, 'The Machine as Author' (2020) 105 IowaLRev (forthcoming) (proposing a test of 'originality ausation'). p. 39.
4. C Cheesman, 'Photographer Goes Ape over Monkey Selfie: Who Owns the Copyright?' Amateur Photographer (7 August 2014). p. 50.
5. Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd. Shanghai Yingxun Technology Co Ltd] (24 December 2019) Shenzhen Nanshan District People's Court. Court Rules AI-Written Article Has Copyright' China Daily (9 January 2020). Zhang Yangfei.p. 20.
6. S Séjourné, Draft Report on Intellectual Property Rights for the Development of Artificial Intelligence Technologies (European Parliament, Committee on Legal Affairs, 2020/2015(INI), 24 April 2020. 125 ibid, Explanatory Statement.) p. 9–10.
7. Intellectual Property Strategic Program 2016, 2016. 79 p.
8. Davis R. Intellectual Property and Software: The Assumptions are Broken / Massachusetts Institute of Technology, Artificial Intelligence Laboratory // A.I. Memo N 1328. – 1991, November. – 20 p.m.
9. Simon Chesterman, Artificial intelligence and the limits of legal personality, 2020. p. 15.
10. I Asimov, 'Runaround' Astounding Science Fiction (March 1942). p. 5.
11. E Yudkowsky, 'Complex Value Systems in Friendly AI' in J Schmidhuber, KR Thórisson and M Looks (eds), Artificial General Intelligence (Springer 2011) p. 388.

Правовое регулирование невостребованных финансовых активов в иностранном законодательстве

Поткин Александр Анатольевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет
МФЮА

E-mail: 5186489@gmail.com

В настоящей статье рассмотрена проблема правового регулирования невостребованных финансовых активов в иностранном законодательстве на примере ряда государств, таких как Великобритания, США, Канада, а также Малайзии, Кении и Танзании. Отмечено, что основы законодательства о невостребованной собственности существовали со времен Римской империи. Закон о невостребованной собственности в Римской империи и английском общем праве основывался на праве «суверена» на определенное материальное имущество. Сделан вывод, что законодательство в сфере правового регулирования невостребованных финансовых активов в иностранном законодательстве характеризуется рядом моментов: во-первых, законодательство в рассмотренных государствах обладает достаточно высоким уровнем проработки регулирования различных процедур, связанных с оборотом невостребованных финансовых активов, во-вторых, в данных государствах уже сложилась система законодательства, посвященного именно невостребованным финансовым активам, в-третьих, система законодательства в этой сфере в рассмотренных государствах не зависит от уровня экономического и правового развития данных государств.

Ключевые слова: активы, финансовые активы, невостребованные активы, невостребованные финансовые активы, деньги, депозиты, собственность.

Финансовые невостребованные активы – это те активы, которые находятся в денежной форме, такие как невостребованные дивиденды и невостребованные средства в банках клиентов или в мобильных электронных аккаунтах. Потерянные счета и невостребованные финансовые активы являются глобальной проблемой. В рабочем документе Международной организации органов пенсионного надзора (IOPS) за 2016 год, озаглавленном «Надзор за утерянными счетами и невостребованными пенсионными выплатами», отмечается, что «...надзорные меры по минимизации негативных последствий утери счетов и невостребованных пенсионных выплат являются важной областью, поскольку, если их не учитывать, отдельным членам в противном случае может быть отказано в полном объеме о причитающихся им льготах» [1].

Специалисты в области законодательства долгое время неправильно понимали или даже недооценивали потенциальную важность невостребованного имущества. Интересно, что основы законодательства о невостребованной собственности существовали со времен Римской империи. Закон о невостребованной собственности в Римской империи и английском общем праве основывался на праве «суверена» на определенное материальное имущество. К началу 20-го века многие государства начали расширять сферу действия своих законов о невостребованном имуществе, включив в них нематериальную собственность [2, 1]. Как отмечают Энтони А. и Джей Брук в книге «Законы о невостребованной собственности и правоприменительная практика»: Государство находится в наилучшем положении для сохранения и защиты интересов законных владельцев невостребованной собственности. Они предлагают, чтобы государство приступило к созданию механизмов, которые, возможно, будут способствовать воссоединению, и если цель не может быть достигнута, государству, а не владельцу, должно быть разрешено пользоваться собственностью, пока она остается невостребованной владельцем. Поэтому государство должно разрабатывать законы и политику, которые будут определять порядок распоряжения утраченным и найденным имуществом. Законы должны предусматривать механизм для переоформления собственности на владельца или, в противном случае, передачу права собственности наследнику [3, 7].

Регулирование невостребованных активов в Великобритании основано на принципе «bona vacantia», который означает «собственность без определенного владельца принадлежит суверену».

ной короне». Существующее в Великобритании законодательство значительно отличается от прецедентов, устанавливающих схемы регулирования невостребованных активов в других государствах. В Великобритании банки и строительные организации смогут выбирать, участвовать им или нет в таких схемах. В Ирландии, Австралии, Новой Зеландии и Канаде участие банков и строительных обществ в решении вопросов, связанных с невостребованными финансовыми активами, является обязательным. Другой ключевой принцип, лежащий в основе режима невостребованных финансовых активов в Великобритании, заключается в следующем: везде, где это возможно, невостребованные активы должны быть возвращены их законным владельцам или наследникам этих владельцев. Там, где это невозможно – и без ущерба для прав и права законных владельцев – есть основания для того, чтобы эти активы использовались надлежащим образом [4, 5].

В 2008 г. в Великобритании был принят Закон о бездействующих банках и строительных обществах [5] (*Dormant Bank and Building Society Act*) 2008 г. который разрешает правительству использовать активы с денежных счетов, которые не использовались в течение 15 лет, для финансирования благотворительных и социальных мероприятий. Закон также предоставляет частному лицу право вернуть ранее невостребованные активы. Аналогичным образом, в 2012 году Австралия сократила период бездействия банковских счетов с от 7 лет до 3 лет. Это вызвало некоторые опасения среди австралийских общин. В результате в 2015 году была принята поправка к банковскому законодательству (невостребованные деньги).

В США в соответствии с единообразными законами о невостребованной собственности 1981 и 1995 годов, принятыми тридцатью семью штатами и округом Колумбия, право собственности на невостребованную собственность не полностью переходит к штату, как это было бы в соответствии с традиционной доктриной отчуждения недвижимости. Вместо этого государство выступает в качестве хранителя имущества и бессрочно удовлетворяет требования первоначальных владельцев или наследников [6]. Хотя ни один штат не имеет полного права собственности на невостребованные активы, Верховный суд признал, что с учетом конституционных ограничений штаты обладают широкими дискреционными полномочиями в отношении распоряжения невостребованным имуществом “это широкий принцип судебной практики” [7].

При этом штаты используют поступления от невостребованной собственности либо в качестве общего дохода, либо в качестве финансирования различных общественных проектов. Округ Колумбия и большинство штатов депонируют почти все невостребованное имущество в государственную казну, сохраняя номинальную сумму (установленную в размере 100 000 долларов США в соответствии с Законом о невостребованном имуществе [8] в единой форме в отдельном фонде для удов-

летворения претензий. Меньшинство штатов хранит невостребованные имущественные квитанции в фонде невостребованной собственности, и эти денежные средства либо инвестируются от имени первоначальных владельцев, либо используются для финансирования программ, представляющих общественный интерес [9].

В восемнадцати штатах действуют законы, которые распределяют некоторые или все невостребованные имущественные поступления на конкретные цели, такие как образование (Флорида, Небраска, Северная Каролина, Северная Дакота, Орегон, Юта, Вермонт, Вирджиния, Западная Вирджиния и Висконсин); доступ к медицинскому обслуживанию (Колорадо и Теннесси); финансирование избирательных кампаний (подключение к интернету).сокращение); пенсии (Иллинойс); транспорт (Луизиана); юридические услуги (Мэриленд); сохранение исторических зданий (Миссисипи) и т.д.

В свою очередь Банк Канады собирает невостребованные активы только у банков и трастовых компаний, подпадающих под регулирование федеральным законодательством. Такие банки и трастовые компании отказываются от своих счетов, депозитов и оборотных инструментов в канадских долларах после 10 лет отсутствия активности владельца или контактов с ним [10]. Банк Канады хранит эти активы в течение 30 лет, если они составляют менее 1000 долларов, и 100 лет, если они превышают 1000 долларов, после чего активы становятся национальным доходом. Банк заносит свои невостребованные активы в общедоступную базу данных, чтобы помочь владельцам найти свои деньги.

В провинциях Британская Колумбия, Альберта и Квебек принимают невостребованные депозиты кредитных союзов, денежные переводы, ценные бумаги, страховые выплаты, трастовые фонды, платежи и несколько других активов. (Режим добровольной сдачи Британской Колумбии позволяет некоторым владельцам Британской Колумбии сохранять невостребованные активы, но эти владельцы должны внести список активов в общедоступную базу данных Британской Колумбии). Большинство активов становятся невостребованными после трех-пяти лет отсутствия контактов [11].

Активы в Квебеке стоимостью более 500 долларов и Британской Колумбии могут быть востребованы навсегда, в то время как активы в Квебеке стоимостью менее 500 долларов и активы в Альберте истекают через 10 лет. Невостребованные активы Альберты и Квебека в конечном счете пополните провинциальную казну. Переданные активы Британской Колумбии остаются у администратора до тех пор, пока владельцы их не востребуют или не передадут в дар Фонду Ванкувера. Другие провинции и территории не обеспечивают всестороннего регулирования невостребованных активов. Таким образом, большинство невостребованных активов в этих юрисдикциях остаются у их владельцев.

Система регулирования невостребованных финансовых активов в Малайзии предусматривает меры по воссоединению, которые включают: обязательная публикация о невостребованных невостребованных финансовых активах холдинговыми учреждениями и регистратором невостребованных денежных средств в национальном вестнике, всеобщий охват всех секторов экономики, все невостребованные денежные средства, находящиеся в распоряжении любого лица, каждая юридическое лицо, владеющее невостребованными денежными средствами, должны вести учет всех невостребованных денежных средств в реестре, который будет храниться в его главном офисе или коммерческом предприятии в Малайзии [12].

В соответствии с Законом Малайзии о невостребованных финансовых активах [13] (Malaysian Unclaimed Moneys Act, 1965), в конце каждого года каждая коммерческая организация должна проверять свои счета на предмет наличия на них каких-либо невостребованных денежных средств. В нем также содержится широкое определение невостребованных финансовых активов, и оно включает: невыплаченная заработная плата, бездействующие банковские счета, невостребованные страховые полисы, торговые счета и многое другое. Физическое лицо, которому причитаются деньги, может обратиться к Регистратору, который после проверки обрабатывает платеж в течение примерно одного месяца. Проценты на невостребованные денежные средства не выплачиваются и не начисляются. Сумма невостребованных денежных средств, подлежащая возврату Регистратором невостребованных денежных средств, будет равна сумме денежных средств, внесенных банком или юридическим лицом без каких-либо сборов или процентов, начисленных на полученные денежные средства.

В соответствии с Законом Малайзии о невостребованных денежных средствах регистратор невостребованных денежных средств должен получать любые такие невостребованные активы или денежные средства: Владелец [невостребованных активов] будет искать средства из всех источников, за исключением пенсии, поиск средств на пенсию или выслугу лет, поиск банковских счетов, полисов страхования жизни и акций компаний, невостребованные денежные средства могут быть возвращены регистратору лично или в письменной форме. Закон обязывает юридические лица соблюдать положения законодательства путем перечисления невостребованные денежные средства передаются правительству на хранение законным владельцам [13].

Кения с принятием Закон о невостребованных финансовых активах [14] (Unclaimed Financial Assets Act) в 2011 г. присоединилась к списку государств, которые обязывали финансовые учреждения раскрывать правительству информацию о доходах от невостребованных активов и отчитываться о них. Согласно данному закону, невостребованные активы – это активы, которые были при-

знаны заброшенными и стали невостребованными активами, и это включает в себя доход, дивиденды и проценты, но исключает любые законные платежи. При этом в Законе указано, что финансовый актив считается невостребованным, если в течение двух лет не было проведено никаких запросов, не было совершено никаких операций или не было дано никаких инструкций в отношении данного актива.

Данный закон, среди прочего, требует от юридических лиц-владельцев передавать невостребованное имущество в трастовый фонд, управляющий невостребованными финансовыми активами (UFAA). Согласно указанному закону, физические лица имеют право потребовать обратно невостребованное имущество. Аналогичным образом, владельцам, которые не сообщают о невостребованном имуществе, грозят штрафы в размере 25% от стоимости имущества и наложение дополнительных штрафов в зависимости от периода, о котором они не сообщили.

В свою очередь в Танзании управление невостребованными активами регулируется различными законами. К ним относятся Закон о Банке Танзании № 4 от 2006 года, Закон о национальной платежной системе № 4 от 2015 года, Банковский и финансовый кодекс и ряд других. В частности, согласно разделу 5 Закона № 4 «О Банке Танзании» 2006 г. (The Bank of Tanzania Act) данный банк обязан формулировать и осуществлять денежно-кредитную политику, а также регулировать и осуществлять надзор за банками и финансовыми учреждениями в стране. Кроме того, в соответствие со ст. 46 (1) Закона о банках и финансовых учреждениях (The Banking and Financial Institutions Act) № 4 января 2006 года ожидается, что каждый банк или финансовое учреждение, у которых было заброшенное имущество, в конце каждого календарного года передаст такое имущество Банку Танзании. Невыплата таких сумм противоречит положениям раздела 46(1) Закона о банках и финансовых учреждениях от 2006 г.

В свою очередь этот закон предусматривает, среди прочего, определение заброшенного имущества и роли финансовых учреждений, а также устанавливает требование о том, чтобы оно было передано Банку Танзании. В частности, раздел 47(2) Закона о банках и финансовых учреждениях от 2006 года предусматривает определение невостребованные финансовые активы. Банки и финансовые учреждения, владеющие любым заброшенным имуществом, которое остается невостребованным в течение периода не менее пятнадцати лет, обязаны ежегодно сдавать его Банку Танзании. Более того, статья 46 (4) Закона о банках и финансовых учреждениях от 2006 года гласит, что любой банк или финансовое учреждение, которые не передали имущество, предположительно оставленное на хранение банкам, совершает преступление и подлежит наказанию в виде штрафа, не превышающего десяти (10) миллион шиллингов. При этом достаточно ин-

тересным нормативным актом являются Правила использования электронных денег (Electronic Money Regulations) от 2015 г., которые были приняты в рамках Закона «О Национальной платежной системе» (The National Payment System Act) 2015 года. В частности, положение 31(b) Правил об электронных деньгах 2015 года требует, чтобы все эмитенты электронных денег, за исключением банков и финансовых учреждений, представляли в Банк Танзании остатки на счете электронных денег, которые не использовались в течение пяти лет подряд.

Таким образом, можно отметить, что законодательство в сфере правового регулирования невостробованных финансовых активов в иностранном законодательстве характеризуется рядом моментов: во-первых, законодательство в рассмотренных государствах обладает достаточно высоким уровнем проработки регулирования различных процедур, связанных с оборотом невостробованных финансовых активов, во-вторых, во данных государствах уже сложилась система законодательства, посвященного именно невостробованным финансовым активам, в-третьих, система законодательства в этой сфере в рассмотренных государствах не зависит от уровня экономического и правового развития данных государств.

Литература

1. IOPS annual report 2016 / URL: https://www.iopsweb.org/Annual_Report_2016.pdf (дата обращения 06.07.2023)
2. The Bureau of National Affairs, Inc, Washington D.C. 2003. P 1.
3. Anthony A. & Brooke Spotswood, Unclaimed Property Laws and Enforcement, Chicago, CCG Incorporated. 2002. P.7.
4. House of Commons Treasury Committee Report on Unclaimed Assets Within the Financial Systems, Eleventh Report of Session. 2006–07. P. 5.
5. Review of the Dormant Bank and Building Society Accounts Act 2008. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/298366/review_of_dormant_accounts_act_2008.pdf (дата обращения 06.07.2023)
6. Unif. unclaimed prop. act prefatory note (amended 1995), 8C U.L.A. 88. 2001.
7. Standard Oil Co.v. New Jersey, 341 U.S. 428, 435–36. 1951.
8. Unclaimed Property Act, Revised. URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=4b-7c796a-f158-47bc-b5b1-f3f9a6e404fa> (дата обращения 06.07.2023)
9. Andrew W. Hartlage, Unclaimed Financial Assets and the Promotion of Microfinance // Mich. L. Rev. First impressions 99. 2011. URL: https://repository.law.umich.edu/mlr_fi/vol109/iss1/12 (дата обращения 06.07.2023)

10. Unclaimed Balances. (Feb. 12, 2016). URL: bankofcanada.ca/unclaimed-balances (дата обращения 06.07.2023)
11. Making the most of our money. Why Canada and Ontario should invest unclaimed assets for social good URL: <https://www.marsdd.com/wp-content/uploads/2016/08/The-Unclaimed-Asset-Opportunity-in-Ontario-and-Canada.pdf> (дата обращения 06.07.2023)
12. Malaysian Companies Act 1965. URL: <https://www.ssm.com.my/acts/fscommand/Companies-Act.htm> (дата обращения 06.07.2023)
13. Malaysian Unclaimed Moneys Act 1965. URL: http://www.commonlii.org/my/legis/consol_act/uma19651989254 (дата обращения 06.07.2023)
14. The unclaimed financial assets act, 2011. URL: <http://ufaa.go.ke/wp-content/uploads/2020/07/Unclaimed-Financial-Asset-Act-2011-1.pdf> (дата обращения 06.07.2023)

LEGAL REGULATION OF UNCLAIMED FINANCIAL ASSETS IN FOREIGN LEGISLATION

Potkin A.A.

Moscow Finance and Law University MFUA

This article considers the problem of legal regulation of unclaimed financial assets in foreign legislation on the example of a number of states, such as the UK, USA, Canada, as well as Malaysia, Kenya and Tanzania. It is noted that the foundations of legislation on unclaimed property have existed since the time of the Roman Empire. The law of unclaimed property in the Roman Empire and English common law was based on the right of the “sovereign” to certain tangible property. It is concluded that the legislation in the field of legal regulation of unclaimed financial assets in foreign legislation is characterized by a number of points: firstly, the legislation in the countries considered has a fairly high level of regulation of various procedures related to the circulation of unclaimed financial assets, and secondly, in these states a system of legislation dedicated specifically to unclaimed financial assets has already developed; thirdly, the system of legislation in this area in the countries considered does not depend on the level of economic and legal development of these states.

Keywords: assets, financial assets, unclaimed assets, unclaimed financial assets, money, deposits, property.

Reference

1. IOPS annual report 2016 / URL: https://www.iopsweb.org/Annual_Report_2016.pdf (date of application 06.07.2023)
2. The Bureau of National Affairs, Inc, Washington D.C. 2003. P 1.
3. Anthony A. & Brooke Spotswood, Unclaimed Property Laws and Enforcement, Chicago, CCG Incorporated. 2002. P.7.
4. House of Commons Treasury Committee Report on Unclaimed Assets Within the Financial Systems, Eleventh Report of Session. 2006–07. P. 5.
5. Review of the Dormant Bank and Building Society Accounts Act 2008. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/298366/review_of_dormant_accounts_act_2008.pdf (date of application 06.07.2023)
6. Unif. unclaimed prop. act prefatory note (amended 1995), 8C U.L.A. 88. 2001.
7. Standard Oil Co.v. New Jersey, 341 U.S. 428, 435–36. 1951.
8. Unclaimed Property Act, Revised. URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=4b-7c796a-f158-47bc-b5b1-f3f9a6e404fa> (date of application 06.07.2023)
9. Andrew W. Hartlage, Unclaimed Financial Assets and the Promotion of Microfinance // Mich. L. Rev. First impressions 99. 2011. URL: https://repository.law.umich.edu/mlr_fi/vol109/iss1/12 (date of application 06.07.2023)

10. Unclaimed Balances. (Feb. 12, 2016). URL: <https://www.bankof-canada.ca/unclaimed-balances> (date of application 06.07.2023)
11. Making the most of our money. Why Canada and Ontario should invest unclaimed assets for social good URL: <https://www.mars-dd.com/wp-content/uploads/2016/08/The-Unclaimed-Asset-Opportunity-in-Ontario-and-Canada.pdf> (date of application 06.07.2023)
12. Malaysian Companies Act 1965. URL: <https://www.ssm.com.my/acts/fscommand/CompaniesAct.htm> (date of application 06.07.2023)
13. Malaysian Unclaimed Moneys Act 1965. URL: http://www.commonlii.org/my/legis/consol_act/uma19651989254 (date of application 06.07.2023)
14. The unclaimed financial assets act, 2011. URL: <http://ufaa.go.ke/wp-content/uploads/2020/07/Unclaimed-Financial-Asset-Act-2011-1.pdf> (date of application 06.07.2023)

Современная роль и специфика организационно-правовой формы государственной корпорации в Российской Федерации

Рожков Никита Геннадьевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации»

E-mail: nikitazhkov5982@yandex.ru

В настоящей статье проводится исследование государственной корпорации и ее сущности как формы некоммерческой организации. В работе обозначаются краеугольные проблемы определения роли государственных корпораций с учетом их уникальной специфики в Российской Федерации на современном этапе экономического развития, а также формулируются предложения по совершенствованию элементов правового регулирования статуса государственных корпораций, с учетом имеющихся законодательных пробелов. Автор статьи анализирует роль и значимость государственных корпораций в контексте правового регулирования.

Статья освещает вопросы, связанные с организацией государственных корпораций, их целями, функциями и управлением. Автор рассматривает особенности правового статуса государственной корпорации, а также принципы и процедуры, регулирующие ее деятельность. Особое внимание уделено анализу взаимоотношений между государством и государственной корпорацией, включая вопросы разграничения полномочий и контроля со стороны государства.

В заключении статьи автор делает выводы о значимости и специфике организационно-правовой формы государственной корпорации в современной России. Автор предлагает рекомендации по совершенствованию правового регулирования и управления государственными корпорациями с целью достижения оптимального соотношения интересов государства, корпорации и общества.

Ключевые слова: корпоративные отношения, корпорация, правовой статус, некоммерческие организации, локальный правовой акт, корпоративный договор, госкорпорации, Роскосмос.

На сегодняшний день экономическая деятельность России претерпевает серьезные изменения и колебания. Интеграция Российской Федерации (далее – РФ) в мировое экономическое сообщество существенно повлияла на необходимость создания новой организационно-правовой формы, заключающейся в том, чтобы эффективно, быстро и адекватным образом влиять на сферу социальных отношений, с дальнейшей целью привести ее в соответствие с потребностями государства и общества на современном этапе, в условиях быстро меняющейся экономической, социальной и политической обстановки.

В конце 90-х годов XX века – начале 2000-х годов в России происходили фундаментальные экономические и политические изменения, которые были отмечены появлением государственных корпораций. Это произошло благодаря двум факторам: неустойчивому состоянию национальной экономики в 1998 году, которое характеризовалось дефолтом и требовало срочных мер для восстановления финансовой и банковской системы страны, а также отсутствию правовой формы юридического лица, которая бы позволила решить указанную задачу путем сочетания публичных и частно-правовых принципов [1, с. 44–50]. В связи с этим, в 1999 году появилась первая государственная корпорация, под названием Агентство по реструктуризации кредитных организаций. Данная корпорация путем ведения переговоров с банками и учредителями выводила должников из банкротного/предбанкротного состояния.

Перед анализом правового положения и роли государственных корпораций среди других юридических лиц необходимо рассмотреть различные подходы к их классификации.

М.М. Ермаков изучая организацию юридических лиц, определил классификацию, учитывающую функциональные обязанности, направленные на обеспечение интересов учредителей. Например, корпоративные юридические лица представляют собой средство объединения ресурсов, то есть их появление обусловлено необходимостью объединения активов, финансовых ресурсов и личных качеств их учредителей. В то время как существующие унитарные предприятия создавались и создаются именно для распределения активов, а также обеспечения имущественной среды для осуществления деятельности Учредители не принимают участия в непосредственной деятельности предприятия. М.М. Ермаков классифицируя унитарные юридические лица приходит к выводу о необходимости добавления нового подхода

к их классификации. Изучая каждый отдельный подход стоит выделить:

В соответствии с первым подходом представленная в Гражданском кодексе, основывается на делении их на коммерческие и некоммерческие. Это деление происходит на основе двух факторов: является ли основной целью деятельности организации извлечение прибыли и распределяется ли полученная прибыль между участниками. Организации, которые не отвечают обоим этим признакам, считаются некоммерческими. Коммерческими признаются организации, у которых извлечение прибыли является основной целью деятельности. Второй подход проводит деление коммерческих/некоммерческих юридических лиц на унитарные и корпоративные. При данном подходе автор ориентируется на категорию «юридические лица несобственники», которая исходит из мыслей В.А. Болдырева. Из данного подхода ясно, что основным постулатом классификации унитарных предприятий является форма разделение имущества, а именно унитарные лица являются собственниками или несобственниками имущества, на основании которого осуществляется деятельность. [3, с. 114–116].

Стоит сказать о том, что существует еще одна классификация юридических лиц – их деление на публичные и частные организации. В.Е. Чиркиным, был проведен анализ данного вопроса, по итогам которого он выдвинул предложение в виде признаков публичных юридических лиц (исполняющих публичные функции) и определил названия для самих юридических лиц – юридические лица публичного [5, с. 56–60].

В связи с этим особый интерес вызывает положение госкорпораций, основанное на их функциях и полномочиях в рамках публичного права. Автор считает, что государственная корпорация является юридическим лицом публичного права и имеет сходства с органами исполнительной власти.

Деятельность государственных корпораций преимущественно регулируется ГК РФ, Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – Федеральный закон № 7-ФЗ), а также некоторыми федеральными законами, регламентирующими деятельность определенных госкорпораций, таких как Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» и др.

Государственная корпорация, в соответствии со ст. 7.1. Федерального закона № 7-ФЗ, учреждается Российской Федерацией на основе имущественного взноса для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Особенность госкорпораций состоит в том, что она создается на основании федерального закона и может осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана и, соответствующую этим целям. В свою

очередь, свободные средства госкорпорации могут быть инвестированы на принципах возвратности, прибыльности и ликвидности приобретаемых ею активов (объектов инвестирования).

Специфика такой организационно-правовой формы состоит также в том, что для создания госкорпорации не требуется учредительных документов, особенности правового положения устанавливаются преимущественно каждым отдельным законом, предусматривающим ее создание. Немаловажным нюансом является и статус имущества, переданного госкорпорации Российской Федерацией, который становится собственностью корпорации.

Несмотря на тесную связь госкорпорации с государством, госкорпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам госкорпорации, если законом, предусматривающим создание госкорпорации, не предусмотрено иное.

Как сказано выше, все некоммерческие организации могут быть реорганизованы или ликвидированы. Несмотря на это, в законе, подготавливаемом создание госкорпорации должен быть пункт об определении порядка реорганизации и ликвидации корпорации, а также порядок использования ее имущества после завершения данных процедур.

Для государственных корпораций главной целью является стремление осуществлять публичные интересы, которые конкретно определены для каждой государственной корпорации в соответствии с федеральным законом, регулирующим ее учреждение. И это означает то, что они выполняют значимые функции для общества в целом.

Однако некоторые ученые, такие как Е.В. Булатов, считают выделение государственных корпораций в качестве отдельного юридического лица – необоснованным, поскольку по их мнению, для функционирования государственной структуры, по его мнению, достаточно одной организации, объединяющей признаки государственной компании, госкорпорации и публично-правовой компании организации, что упростит громоздкую административную структуру и создаст реальную связь между государством и хозяйствующими субъектами [2, с. 71].

В то же время Т.В. Бондарь в своем исследовании госкорпораций подчеркивал ее преимущества как отдельной формы, в том числе создание конкретных, необходимых, но затратных для государственной реализации проектов, а также отсутствие прав на имущество у участников государственной корпорации. Данная модель имеет и недостатки, например, неопределенность понятия «общественно полезные функции». Иллюстрацией этому служит научно-исследовательский проект «Вызов» созданный совместно с Первым каналом и госкорпорацией «Роскосмос», который кратко можно описать как создание художественного фильма о космической экспедиции, где часть съемок проводилась на борту МКС.

Анализ различных позиций научного сообщества по вопросу правового статуса и преимуще-

ства госкорпораций, а также действующего законодательства позволяет сделать вывод наличия фундаментальных пробелов в регулировании ключевых вопросов, что иллюстрирует цивилистическую неопределенность. На примере госкорпорации «Росатом» видно, что единственным исполнительным органом компании является генеральный директор, назначаемый Президентом РФ по представлению Председателя Правительства РФ. Таким образом, было создано два аспекта – единственный исполнительный орган – Генеральный директор – характеристика юридического лица, и он назначался Президентом РФ, что позволяет сделать вывод о существенном изменении статуса государственных корпораций, поскольку это выходит за пределы юридического лица и приобретает характеристики административного органа. Такую же картину можно увидеть и в других корпорациях. Так, в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» установлено, что высшим органом управления Корпорации является наблюдательный совет Корпорации. В состав наблюдательного совета Корпорации входят одиннадцать членов, в том числе пять представителей Президента РФ и пять представителей Правительства РФ, а также генеральный директор Корпорации, являющийся членом наблюдательного совета Корпорации по должности.

Государственная корпорация является формой некоммерческой организации, которая обладает особым правовым статусом в силу того, что ее создает государство и предоставляет ей властные полномочия. Таким образом, государственная корпорация выступает в роли носителя государственной воли, прав и обязанностей. Например, государственная корпорация «Росатом» имеет юридический статус и дополнительное право осуществлять от имени государства широкий спектр функций и полномочий, связанных с управлением атомно-энергетическим комплексом. Законодательство наделяет госкомпанию «Росатом», в частности, полномочиями формулировать рекомендации по обеспечению безопасной эксплуатации и развития атомной энергетики и ядерно-оружейных комплексов, а также формировать государственную политику в области использования атомной энергии.

Проведенный анализ ключевых функций и полномочий госкорпораций, таких как, исполнительная функция, регулирующая функция, контрольная функция, позволяют сделать вывод о выходе за рамки функций юридических лиц.

Таким образом, государственная корпорация объединяет в себе автономность имущественного комплекса и самостоятельную ответственность по обязательствам и функции государственного органа, например, министерским, которое в рамках своих полномочий определяют будущую политику действий в конкретной сфере. На основании вышесказанного однозначное утверждение о том, что государственная корпорация – это исключительно юридическое лицо будет ошибочным, поскольку

она обладает определенными особенностями в организационном и правовом отношениях. Однако цели работы государственных корпораций имеют нечеткий характер, что затрудняет справедливую оценку их деятельности. Многие аспекты, связанные с процессами среднесрочного и долгосрочного планирования, не учитываются в отношении многих государственных корпораций, а также отсутствуют санкции за невыполнение планов и несоответствие фактическим показателям на уровне законодательства. Важно отметить, что до сих пор не существует механизмов пересмотра программ по инициативе учредителя в подобных случаях. Устранение такой правовой неясности и конкретизация статуса госкорпораций, закреплённая в новом нормативно-правовом акте, а также создание учредительных документов, позволит создать определенную статичность самой форме госкорпораций и упростить вопросы регулирования хозяйственной деятельности организации.

Литература

1. Богданова Е.Е. Применение сложноструктурной модели права собственности в гражданском законодательстве Российской Федерации // Современное право. 2013. № 8. С. 44–50.
2. Булатов Е.В. К вопросу об организационно-правовой форме унитарных юридических лиц // Синергия. 2018. № 3. С. 71.
3. Ермаков М.М. Деление юридических лиц на корпорации и унитарные организации: от доктрины к практике // Пробелы в российской законодательства 2003 № 6. С. 114–116.
4. Романовская О.В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования / О.В. Романовская // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. N 36. С. 143–154.
5. Зайцев О.В. Публично-правовая компания как особая организационно-правовая форма юридического лица. Государственная служба. 2017. № 5. С. 56–60.
6. Саркисов А.К. Государственные корпорации и государственные компании в законодательстве Российской Федерации / А.К. Саркисов // Административное и муниципальное право. 2010. N 2 (26). С. 36–42.
7. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»// 19.06.2023, № 25, ст. 4431.

MODERN ROLE AND SPECIFICS OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF THE STATE CORPORATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Rozhkov N.G.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article examines the state corporation and its essence as a form of non-profit organization. The paper identifies the cornerstone problems of determining the role of state corporations, taking into account their unique specifics in the Russian Federation at the present stage of economic development, and also formulates proposals for improving the elements of legal regulation of the status of state corporations, taking into account the existing legislative gaps. The author of the article analyzes the role and importance of state corporations in the context of legal regulation.

The article highlights issues related to the organization of state corporations, their goals, functions and management. The author examines the features of the legal status of a state corporation, as well as the principles and procedures governing its activities. Special attention is paid to the analysis of the relationship between the state and the state corporation, including issues of separation of powers and control by the state.

In conclusion, the author draws conclusions about the significance and specifics of the organizational and legal form of a state corporation in modern Russia. The author offers recommendations on improving the legal regulation and management of state corporations in order to achieve an optimal balance of interests of the state, corporation and society.

Keywords: corporate relations, corporation, legal status, non-profit organizations, local legal act, corporate contract, state corporations, Roscosmos.

References

1. Bogdanova E.E. Application of a complex structural model of property rights in the civil legislation of the Russian Federation // *Modern law*. 2013. No. 8. P. 44–50.
2. Bulatov E.V. On the issue of the organizational and legal form of unitary legal entities // *Synergy*. 2018. No. 3. P. 71.
3. Ermakov M.M. Division of legal entities into corporations and unitary organizations: from doctrine to practice // *Gaps in Russian legislation* 2003 No. 6. P. 114–116.
4. Romanovskaya O.V. Delegation of state power in the system of public legal regulation / O.V. Romanovskaya // *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2017. N 36. pp. 143–154.
5. Zaitsev O.V. A public company as a special organizational and legal form of a legal entity. *Public service*. 2017. No. 5. P. 56–60.
6. Sarkisov A.K. State corporations and state companies in the legislation of the Russian Federation / A.K. Sarkisov // *Administrative and municipal law*. 2010. N 2 (26). pp. 36–42.
7. Federal Law No. 99-FZ dated 05.05.2014 (as amended on 07.24.2023) "On amendments to Chapter 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation and on the recognition as invalid of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation" // 06.19.2023, No. 25, Art. 4431.

Международно-правовое регулирование морской перевалки грузов: унификация правил или нормы санкционных ограничений

Скаридова Мария Александровна,

старший преподаватель кафедры международного и морского права Государственного университета Морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова
E-mail: oceanlaw@yandex.ru

Перевалка в море – одна из наиболее актуальных грузовых операций, совершаемых в море вне территориального моря прибрежных государств. Практика таких операций, осуществляемая ранее, в основном, в районах морских месторождений, в последнее время дополняется операциями, направленными на преодоление санкционного режима использования морского транспорта. При непризнании правомерности санкции, многими государствами, активно экспортирующими углеводороды, вместе с тем, международное морское право не регламентирует порядок осуществление таких операций вне территорий прибрежных государств и договорное оформление таких операций. Отрицая правомерность применения к таким операциям санкционного режима, автор предлагает осуществить унификацию правового режима таких операций за счет внедрения модельных (стандартных) форм контрактов.

Ключевые слова: контракты на перевозку грузов морем, унификация, санкции, территориальное море, перевалка с судна на судно, контракты и модельные проформы.

В морской практике перевалка нефти и ее производных посредством операций STS¹ осуществляется уже достаточно давно, но начиная со второго десятилетия 2000-х годов спрос на такие операции вырос за счет увеличения добычи и экспорта нефти, сложностях в перегрузках в портах и акваториях аванпортов в связи с ограничениями по осадке крупнотоннажных судов и с ростом экологических требований.

По мере роста офшорных операций в морских районах добычи операции STS стали единственным способом погрузки и перевозки добытых углеводородов. Такая удаленная логистика не детерминирована нормами конвенций, регулирующих морскую перевозку², при этом судовладельцы обязаны соблюдать требования Конвенции МАРПОЛ 73/78³, в частности, главы 8 Приложения I, с поправками, внесенными резолюцией ИМО МЕРС 186 (59).

Примерно с 1897 г. усилия по унификации норм, регламентирующих торговое судоходство было почти исключительно предметом озабоченности неправительственной организации – Международного Морского комитета (Comite Maritime International)⁴. Сегодня, без претензий на полноту перечисления, усилия по унификации предпринимаются ИМО, ИКАО, Международная торговая палата (International Chamber of Commerce), Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization), Международный союз официальных туристических организаций (International Union of Official Travel Organizations), Международная электротехническая комиссия (International Electrotechnical Commission), Международный союз морского страхования (International Union of Marine Insurance), Международные конфедерации свободных профсоюзов (International Confederations of Free Trade Unions), Международный радио-морской комитет (International Radio-Maritime Committee), Международная ассоциация маячных служб (International Association of Lighthouse Authorities) и некоторые другие.

Нормы, которые можно отнести к правилам проведения STS операций можно найти в стандартах и кодексах, которые зачастую описывают с исполь-

¹ STS – операции по перевалки нефтепродуктов вне территориальных вод прибрежных государств.

² Имеются в виду Гаагские правила 1924 года, Гаага-Висбийские правила 1968 года, Гамбургские правила 1978 года и Роттердамские правила 2008 года.

³ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов.

⁴ CMI был основан в Антверпене в 1897 г. Сегодня CMI единственная международная организация, которая осуществляет деятельность по унификации частного морского права на глобальном уровне.

зованием термина «мягкое право» [1]. Например, в Руководстве ИМО по загрязнению нефтью (глава 6, раздел I), Руководстве по перевалке нефти, химикатов и сжиженных газов с корабля на судно, принятого Международной палатой судоходства (ICS) и Международного морского форума нефтяных компаний (OCIMF), а также Международного руководства по безопасности для нефтяных танкеров и терминалов (ISGOTT) ICS и OCIMF. Некоторые эксперты признают, что нормы «мягкого права», которыми и являются указанные выше «правила», не только разъясняют и дополняют конвенционные нормы, но и выполняют регулирующую функцию [2], что, однако, не может быть применимо к STS операциям поскольку, практика их проведения в виду высоких рисков экологических последствий, со всей очевидностью свидетельствует о необходимости более высокой степени определенности в связи с необходимостью большей предсказуемости единообразия в организации, что может быть достигнуто за счет унификации норм международного права, регламентирующие такие операции.

Принято считать, что унификация права, как правотворческий процесс имеет две стадии. На первой создается комплекс соответствующих правовых норм в форме международного договора и на второй государства берут на себя международно-правовые обязательства обеспечить их применение [3]. Собственно, на этом этапе создаются единообразные нормы за счет экспертного исследования на уровне изучения доктрины, затем путем апробаций формулировок на международных конференциях и достижения согласия относительно наилучших практик. Во всех случаях договаривающиеся государства принимают международное обязательство, которое может быть явным или подразумеваемым, соблюдать конвенцию. Если такое положение не предусмотрено, правильное толкование конвенции в свете международной практики может дать выводы относительно объема обязательств, принятых на себя договаривающимися государствами [4]. По мнению М.В. Хачатрян [5] «принятие международного договора и соответственно международно-правовых унифицирующих норм государствами завершает первую стадию унификации». Вторая стадия связана с приятием (имплементацией) международно-правовых норм национальным правом. В результате в национальном праве разных государств появляются унифицированные нормы, т.е. одинаковые, полностью совпадающие по содержанию. Эти нормы имеют силу национального права, включают и соответствующие национально-правовые меры их принудительного исполнения¹.

¹ В РФ, согласие на обязательность договора может быть выражено в форме либо Федерального закона (о ратификации, о присоединении)(вводимые нормы будут обладать силой федерального закона), либо правовых актов Президента. Унификация коллизионных и материально-правовых норм предусмотрена п. 3 статьи 1186 ГК РФ если международный договор Российской Федерации «содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отно-

Как считают И.В. Гетьман-Павлова и Н.Ю. Ерыпылева Н.Ю впервые вопрос создания унифицированных норм, регулирующих международные перевозки грузов в смешанных сообщениях, был поднят на Стокгольмской конференции Международной торговой палаты в 1927 г. [6], хотя уже в 1924 г. Брюссельская конвенция не только получила в названии «об унификации некоторых правил...»², но и составила реальную попытку единообразить правила морской перевозки грузов. Не все правила были тогда приняты, но усилия были продолжены Международным морским комитетом (Comite Maritime International), однако по мнению Винсента Пауэра (Vincent Power) успеха не достигли поскольку частные судовладельцы посчитали, что удобство международного единообразия не может компенсировать адекватную компенсацию за потерю экономических преимуществ при существующих, хотя и противоречивых, национальных законов [7]. Р.Х. Грейвсон (R.H. Graveson), который представлял Великобританию на Гаагской конференции по международному частному праву, полагал, что международная унификация приводит к выработке единообразного толкования отдельных правовых положений, что позволяет принимать новые единообразные правила [8]. Примерно такого же мнения придерживался и А.Н. Яннопулос (A.N. Yiannopoulos), считавший, что международная торговля всегда нуждалась, помимо других благоприятных условий, в определенной мере безопасности и предсказуемости в отношении обеспечения выполнения обязательств, однако разнообразие коммерческих законов, преобладающих в разных странах мира, создает неопределенность в отношении существования, размера и содержания обязательств [9].

В свою очередь Эрик Рёсег (Erik Røsæg) [10], Рут Авара (Ruth Awara) [11], Адольф Ф. Шнитцер (Adolf F. Schnitzer) и некоторые другие авторы ссылаются на то, что унификация международно-правовых норм достигается разными путями, включая добровольное приведение национальных норм в соответствии с действующими соглашениями [12]. Ф.С. Бойцов, к которому присоединяются Г.Г. Иванов и А.Л. Маковский, полагали, что унификация морского права может осуществляться и посредством односторонних действий государства которое принимают на себя обязательство обеспечить в пределах своей юрисдикции регулирование соответствующих отношений, таким образом, как это предусмотрено договором или путем заключения заинтересованными странами международного договора, участники которого принимают на себя обязательство обеспечить в пределах своей юрисдикции регулирование [13]. В любом случае основой унификации выступает эксперт-

шению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается».

² Имеется в виду заключенная в Брюсселе в 1924 г. «Международная конвенция об унификации некоторых правил о коллизионном праве» (с изм. от 21.12.1979 г.).

ная оценка и усилия конкретных государств на создание, изменение или прекращение одинаковых (единообразных, унифицированных) правовых норм во внутреннем праве. Приведенные положения дополняет мнение профессора Дж. Конетти (G. Conetti), который обращает внимание на то, что в случае когда ратифицированные международные конвенции «автоматически» становятся частью законодательства страны, судебная практика и доктрина обычно проводит различие между «самоисполняющимися» конвенциями и конвенциями, которые требуют дополнительного законодательного утверждения [14]. Однако следует отметить, что в недавней международной практике известны исключения, в соответствии с которыми конвенции могут стать обязательными для судов и отдельных лиц в результате прямого действия международного права; такие исключения обычно основаны на явном обязательстве договаривающихся государств.

Несмотря на вышеприведенные тезисы о необходимости унификации договорных правил и обязательств по проведению STS операций, в современных условиях международного судоходства, конвенционный способ унификации не может считаться приемлемым в виду применения отдельными странами санкционных режимов¹. США и ЕС, как инициаторы санкционных режимов дополняются и странами, которые хотя и не вводят санкции, но под «прикрытием» необходимости их соблюдения, расширяют не только географию, но и практику их применения. Например, для операций STS в зонах морской юрисдикции Малайзии требуется специальное разрешение для постановки на якорь и проведения STS. Есть несколько примеров когда суда береговой охраны Индонезии задерживали суда, занятые в перевалке из-за «незаконных операций STS», требования к получению неустановленных законом разрешений на перевалку предъявляют и греческие ВМС².

Введенные санкции, вначале против Ирана, Венесуэлы, а затем и против России запустили механизмы рисков недополучения ресурсов, что привело к возрастанию активности операций STS. Среди складывающейся практики – операции в ночное

¹ Воды Средиземного моря у Сеуты и Каламаты стали оживленными центрами этих операций. Известны случаи, например, когда Испания принимала меры против двух танкеров, которые осуществляли перевалку STS с российским судном, находящимся под санкциями, лишив доступа в порт одному «подозрительному» судну и задержав другое. В феврале 2023 г. Европейская комиссия предложила запретить судам, связанным с операциями по перевалке нефти и которые нарушают ценовой лимит G7 на российскую нефть, заходить в порты ЕС.

² Справедливости ради следует отметить, что Греция выразила протест против листинга Украиной пяти базирующихся в Афинах танкерных компаний с российским бизнес-портфелем, включая TMS, Dyncam, Minerva Marine, Thenamaris и Delta Tankers. В рамках соглашения по обеспечению 11-го санкционного пакета Украина приостановила листинг этих компаний «на период двусторонних консультаций с участием представителей Еврокомиссии». В списке остаются еще несколько известных морских и оффшорных компаний, в том числе некоторые с американской административной штаб-квартирой.

время, перевалка вне контролируемых районов судоходства, отключение AIS и иные способы демпфирования рисков применения санкций в отношении судовладельцев, которые используют суда под флагом государств не относящихся к «санкционным».

Вопрос, который остается открытым это сертификат о происхождении... в случае когда перегружаемая «санкционная нефть» смешивается с иной, уже загруженной. Аналогом является и документация, получаемая на груз в районе месторождения. Указанные вопросы морским правом не разрешены и остаются прерогативой компаний, осуществляющих добычу и перевозку. Сложности также вызывает идентификация грузовладельца, местные эксперты сетуют на то, что сложно определить может ли сторона транспортной операции быть подвергнута санкциям и каким образом – либо через само юридическое лицо, либо через ассоциированные компании, суда, государственные органы или через вовлеченных лиц. Особо активные юрисдикции стали использовать термины «лица, уклоняющиеся от санкций» или «фальсификация происхождения грузов», хотя эти грузы имеют сертификаты происхождения и, при необходимости, может быть легко установлен порт происхождения, портовые журналы, контракты, отчеты о незаполненном объеме, паспорта безопасности и т.д. Эти документы должны быть заверены печатью и подписью, в том числе третьих лиц, что может прояснить любую подозрительную деятельность.

Возникает новая ситуация, когда помимо унификации путем принятия международных конвенций, единообразие может быть достигнуто за счет создания единообразных правил, применяемых компаниями – перевозчиками для минимизации негативных последствий применяемых санкций. По нашему мнению подобная «унификация» может быть достигнута благодаря использованию стандартных форм контрактов и общих условий, за счет создания «модельного контракта» на перевалку и перевозку груза, полученного судном вне юрисдикций прибрежных государств³.

В марте 2023 года Юридический комитет Международной морской организации (ИМО) обсудил складывающуюся практику операций STS в условиях применяемых к РФ санкций. Комитет пришел к выводу, что перевалка грузов с одного судна на другое в открытом море сопряжена с высоким риском и подрывает международный режим в отношении безопасности на море, защиты окружающей среды и ответственности, и что необходимо срочно решить вопрос о компенсации. Комитет в целом поддержал рекомендуемые меры, изложенные в первоначальном представлении, в том числе государства флага призывались обеспечить, чтобы танкеры, плавающие под их флагом соблюдали меры, которые законно запрещают или регу-

³ Правовой аналогией могут служить унифицированные правила по использованию стандартных коносаментов; сюда же можно отнести и Йорк-Антверпенские правила (York-Antwerp Rules) 1950 г.

лируют перевалку с судна на судно; чтобы такие суда соблюдали требования безопасности, изложенных в конвенциях ИМО и применяли стандарты безопасного судоходства для сведения к минимуму риск загрязнения нефтью. Кроме того, государствам флага вменялось необходимость рассмотрения вопроса о том, чтобы требовать от судов обновления своих руководств по межсудовым операциям, включая уведомление своего государства флага, когда они участвуют в операции в открытом океане. В свою очередь государства порта должны обеспечить соблюдение конвенций о безопасности и ответственности на этих судах и гарантировать, что операции по перевалке с судна на судно проводились в соответствии с применимыми требованиями безопасности, содержащимися в конвенциях ИМО, а если стало известно о том, что какие-либо суда «уходят в темноту», им следует рассмотреть вопрос о проведении таких усиленных проверок в соответствии с санкционированными полномочиями и, в случае необходимости, уведомить администрацию флага соответствующего судна [15].

Казалось бы, в складывающихся условиях свою позитивную лепту в договорные условия перевалки и дальнейшей перевозке могли бы внести BIMCO или INTERTANKO, для того чтобы адаптировать контракты к рассматриваемым морским операциям.

Но, увы, BIMCO также активно включилась в санкционный процесс, придумав «санкционную оговорку», включающую, например, гарантию того, что ни одна из сторон и их ассоциированные компании «случайно» не подпадут под санкции, право судовладельцев запрашивать у фрахтователей гарантии того, что интересы груза, субфрахтователей и их аффилированных лиц не будут подвергнуты санкциям, а судовладельцы могут обратиться за защитой, получив от фрахтователей соответствующие гарантии о «чистоте» груза. Пункты оговорки достаточно широкие, чтобы гарантировать невозможность подпасть под санкции, однако, остается неясным как фрахтователь может гарантировать, что конкретный груз не подлежит санкциям, какие пункты должны быть включены в соответствующие контракты (субчартерные договоры, договоры купли-продажи и т.д.) и каковы пределы прав и обязанностей сторон в соответствии с применяемыми оговорками. Довольно существенным остается вопрос о возможности последствий в случае, если контрагент попадает под санкции, включая право на расторжение договора в случае нарушения санкций. Стороны также должны предусмотреть, что будет с грузом, если в ходе операций STS возникнут санкционные вопросы, в том числе, когда судовладельцы могут отказаться от дальнейшего осуществления перевалки.

Как уже отмечалось, понятие «договор морской перевалки» не содержится ни в одной из действующих «транспортных конвенций». По нашему мнению, формулировка договорных положений, могущих лечь в основу международных правил, регламентирующих «морскую перевалку», могут быть

включены в договор морской перевозки, по которому перевозчик за уплату фрахта обязуется перевезти полученный вне порта груз в другой морской район или порт. В таком случае к формулировкам, применяемым в действующих правилах, следует добавить положения о порядке оформления документарной «очистки» груза\судна и экипажа, включаемых в государственный портовый контроль.

Другим модельным «унификационным элементом» следует считать включение в международные договорные обязательства понятия «офшорный морской район добычи и перевалки» под которым следует понимать морской район, находящийся вне территориального моря прибрежного государства, в котором осуществляется грузооборот. Такой район должен наделяться статусом «временно опасного района для плавания и полетов» порядок объявления которого должен соответствовать по международно-признанным процедурам.

Необходимость обеспечения контроля за соблюдением безопасности перевалки требует, чтобы исполнение «договора морской перевалки» на морском месторождении осуществлялось под руководством капитанов участвующих в грузовой операции судов (объектов хранения и танкера-перевозчика) с учетом заранее согласованного «Плана перевалки», являющегося неотъемлемой частью договора.

Как уже отмечалось выше, Юридический Комитет ИМО на 110-й сессии рассмотрел документ с целью привлечь внимание к «последствиям ... для глобального режима ответственности и компенсации» в связи с увеличением случаев операций STS в открытом море. Отмечая, что указанные операции «подрывают дух» правил перевозки... Комитет ИМО так и не справился с задачей формулировки предложений для корректировки ни правил Гааг\Висби, ни «Гамбургских» правил. Осталось совершенно неясно, что ИМО понимает под «опасной практикой перевалок ... в открытом море», а также какие конкретно «методы, используемые для сокрытия опознавательных знаков судов и отключения транспондеров AIS...» должны относиться к противоправным и почему.

Остались без внимания и предложения по возможным изменениям в соответствующие международные конвенции, например МАРПОЛ, Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (CLC) или Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом.

Правовая противоречивость риторики ИМО заключается в том, что санкции воспринимаются как акт вполне легитимный, что породило введение в оборот другого термина «риск ухода от санкций». Что возможно соответствует «западным правилам», но явно неизвестно международному праву.

По нашему мнению, вместо принятия «санкционных оговорок» следует сосредоточиться на создании модельного договора (проформы), могущего быть применимым для офшорных операций STS.

Основные положения такого контракта должны быть сосредоточены на принятии:

- (1) единообразно толкуемых терминов;
- (2) правил выбора района перевалки с учетом ограничений разрешенной зоны передачи и необходимостью объявления района перевалки как временного опасного для навигации через систему ВСНП;¹
- (3) допуска к таким операциям специально обученных членов экипажей;
- (4) порядка назначения и компетенций лиц, ответственных за операцию (мастер швартовки, суперинтендант STS и лицо, осуществляющее общий консультативный контроль – РОАС) и мониторинга состояния окружающей среды,
- (5) взаимодействием с судами обеспечения, если таковые задействованы в операциях STS.

В качестве приложений к указанным контрактам должны использоваться планы проведения STS операций и планы управления рисками.

Практика перевозки грузов морским транспортом показывает, что наиболее приемлемым способом унифицированного способа оформления морской перевалки. – либо как отдельной грузовой операции, либо как части договора морской перевозки является принятие на уровне компетентной международной организации специальной договорной проформы. По мере роста офшорных операций в морских районах перевалки или добычи, операции STS становятся серьезным аргументом в экономике удаленной логистики. Не детерминированность таких операций нормами конвенций, регулирующих морскую перевозку вынуждают судовладельцев принимать собственные правила, которые, однако, нельзя отнести к международно-признанным нормам. Введение модельных контрактов может послужить хотя и временным, но достаточно действенным инструментом в обеспечении безопасности таких операций в морских районах вне юрисдикций прибрежных государств.

Литература

1. Мулюн В.Н. Влияние «мягкого» права международных организаций на внутригосударственное право. Модернизация экономики и глобализация: В 3 кн. Кн. 3, М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009 С. 674–683.
2. Данелия Г.Р. Мягкое право в системе правового регулирования второй опоры Европейского Союза // Международное публичное и частное право. 2006. № 6. С. 6.
3. Международное частное право: учебник / Дмитриева Г.К., Еремичев Е.Н., Кутузов И.М., Луткова О.В., Мамаев А.А., Скачков Н.Г., Стародубцев Г.С., Федосеева Г.Ю., Филимонова М.В. М.: Проспект, 2016.
4. Такую точку зрения в разное время высказывали: Verdross A. International law. L., 1959; Rousseau C. Droit international. 1961; Wesley L. Gould

¹ ВСНП – Всемирная служба навигационных предупреждений.

- An Introduction to International Law. 1957; Oppenheim International Law. 8th ed. Lauterpacht. 1955.
5. Хачатрян М.В. Значение унификации международного частного права в современный период // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 496–500
 6. Гетьман-Павлова И.В., Ерпылева Н.Ю. Правовое регулирование международных смешанных комбинированных перевозок // Транспортное право. – 2006. – № 4. – С. 17–23
 7. Vincent J.G. Power EC Shipping law. London 1998. P. 591
 8. Graveson R.H. The international unification of law. The American Journal of comparative law. Vol. 16, 1–2, Winter-Spring, 1968. P. 4
 9. N. Yiannopoulos, The unification of private maritime law by international conventions. Law and Contemporary Problems P. 370–399 (Spring 1965) (<https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3060&context=lcp> дата доступа – 1 ноября 2023 г.).
 10. Codification of Maritime Law. Challenges, Possibilities and Experience / Edited By Zuzanna. London, 2019.
 11. Ruth Awara. The Road to Unification of the Law of the Sea International Journal of Trend in Research and Development, Volume 5(2), (Mar – Apr 2018) (<http://www.ijtrd.com/papers/IJTRD15886.pdf> – дата обращения 1 ноября 2023 г.)
 12. Adolf F. Schnitzer De la diversité et de l'unification du droit 1946. P. 20–43 См. также: Batiffol Conflict Avoidance in European Law. Law & Contemp. 1956. P. 571; Lederman Conflict Avoidance by International Agreement. Law & Contemp. 1956. P. 581.
 13. Морское право. Ф.С. Бойцов, Г.Г. Иванов, А.Л. Маковский. М.: Транспорт, 1985.
 14. G. Conetti. Uniform Substantive and Conflicts Rules. Conflicts Rules on the International Sale of Goods and Their Interaction. Petar Sarcevic & Paul Volken eds.; International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures, Oceana. 1986. P. 385–399
 15. <https://www.imo.org/en/MediaCentre/Meeting-Summaries/Pages/Legal-Committee,-110th-session.aspx> – дата обращения – 1 ноября 2023 г.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF SEA CARGO TRANSSHIPMENT: UNIFICATION OF RULES OR NORMS OF SANCTIONS RESTRICTIONS

Skaridova M.A.

State University of the Maritime and River Fleet named after Admiral S.O. Makarova

Transshipment at sea is one of the most relevant cargo operations performed at sea outside the territorial sea of coastal states. The practice of such operations, previously carried out mainly in the areas of offshore fields, has recently been supplemented by operations aimed at overcoming the sanctions regime for the use of maritime transport. While many states actively exporting hydrocarbons do not recognize the legality of the sanctions, international maritime law does not regulate the procedure for carrying out such operations outside the territories of coastal states and the contractual formalization of such operations. Denying the legality of applying the sanc-

tions regime to such operations, the author proposes to unify the legal regime of such operations through the introduction of model (standard) forms of contracts.

Keywords: contracts for the carriage of goods by sea, unification, sanctions, territorial sea, transshipment from ship to ship, contracts and model proformas.

References

1. Mulun V.N. The influence of the “soft” law of international organizations on domestic law. Economic modernization and globalization: In 3 books. Book 3, M.: Publishing House of the State University-Higher School of Economics, 2009 P. 674–683.
2. Danelia G.R. Soft law in the system of legal regulation of the second pillar of the European Union // International public and private law. 2006. No. 6. P. 6.
3. International private law: textbook / Dmitrieva G.K., Ermichev E.N., Kutuzov I.M., Lutkova O.V., Mamaev A.A., Skachkov N.G., Starodubtsev G.S., Fedoseeva G. Yu., Filimonova M.V. M.: Prospekt, 2016.
4. This point of view was expressed at different times by: Verdross A. International law. L., 1959; Rousseau S. Droit international. 1961; Wesley L. Gould An Introduction to International Law. 1957; Oppenheim International Law. 8th ed. Lauterpacht. 1955.
5. Khachatryan M.V. The significance of the unification of international private law in the modern period // Intellectual resources for regional development. – 2019. – T.5. – No. 1. – P. 496–500
6. Getman-Pavlova I.V., Erpileva N. Yu. Legal regulation of international mixed combined transport // Transport Law. – 2006. – No. 4. – P. 17–23
7. Vincent J.G. Power EC Shipping law. London 1998. P. 591
8. Graveson R.H. The international unification of law. The American Journal of comparative law. Vol. 16, 1–2, Winter-Spring, 1968. P. 4
9. N. Yiannopoulos, The unification of private maritime law by international conventions. Law and Contemporary Problems P. 370–399 (Spring 1965) (<https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3060&context=lcp> accessed November 1, 2023).
10. Codification of Maritime Law. Challenges, Possibilities and Experience / Edited By Zuzanna. London, 2019.
11. Ruth Avara. The Road to Unification of the Law of the Sea International Journal of Trend in Research and Development, Volume 5(2), (Mar – Apr 2018) (<http://www.ijtrd.com/papers/IJTRD15886.pdf> – date of access November 1, 2023)
12. Adolf F. Schnitzer De la diversité et de l'unification du droit 1946. P. 20–43 See also: Batiffol Conflict Avoidance in European Law. Law & Contemporary 1956. P. 571; Lederman Conflict Avoidance by International Agreement. Law & Contemp. 1956. P. 581.
13. Maritime law. F.S. Boytsov, G.G. Ivanov, A.L. Makovsky. M.: Transport, 1985.
14. G. Conetti. Uniform Substantive and Conflicts Rules. Conflicts Rules on the International Sale of Goods and Their Interaction. Petar Sarcevic & Paul Volken eds.; International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures, Oceana. 1986. P. 385–399
15. <https://www.imo.org/en/MediaCentre/MeetingSummaries/Pages/Legal-Committee,-110th-session.aspx> – accessed November 1, 2023.

Правовая природа договорных отношений предоставления удаленного доступа к программному обеспечению

Стебаев Александр Александрович,
аспирант МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: tvoyiurist@mail.ru

Статья посвящена вопросу правовой природы отношений, возникающих в связи с заключением договора о предоставлении удаленного доступа к программному обеспечению. Специфика договорной модели «программное обеспечение как услуга» породила определенные дискуссии в научном сообществе, которые сводятся в большей степени к вопросу о том, являются ли подобные отношения лицензионными и, соответственно, подлежат ли такие отношения регулированию нормами части IV Гражданского кодекса Российской Федерации. В рамках настоящей статьи затрагивается определение правовой природы отношений построенных по договорной модели «программное обеспечение как услуга» исходя и с учетом действующего законодательства. Соответственно, предметом настоящего исследования являются нормы Российского законодательства, так или иначе затрагивающие отношения, построенные по модели «программное обеспечение, как услуга», а целью настоящего исследования является уяснение правовой природы таких отношений исходя из норм действующего законодательства. Итогом настоящего исследования, проведенного с использованием, в том числе, формально-юридического метода, стал вывод о квалификации отношений, построенных по обозначенной модели, в качестве лицензионных.

Ключевые слова: «программное обеспечение как услуга», «облачные» сервисы, программное обеспечение по подписке, договор предоставления удаленного доступа, лицензионный договор, лицензионные отношения.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1235 ГК РФ по лицензионному договору одна сторона (лицензиар) предоставляет другой стороне (лицензиату) на определенный срок и за определенное вознаграждение или безвозмездно право использования результата интеллектуальной деятельности (далее – «РИД») предусмотренными договором способами и в предусмотренных договором пределах. В качестве объекта лицензионного договора может выступать и такой РИД, как программа для ЭВМ (далее, также – «программа», «программное обеспечение») и, соответственно, в этом случае предметом лицензионного договора являются действия направленные на предоставление прав использования программы.

В эпоху развития информационных технологий стало возможным предоставление возможности использовать не только программу, содержащуюся на материальном носителе (оптический диск или иной носитель информации) с предоставлением лицензиату экземпляра такой программы, но и посредством предоставления пользователю удаленного доступа к программному обеспечению. Во втором случае пользователь программы (лицензиат) не получает сам экземпляр программы и не закачивает экземпляр программы в память своей программы, при этом пользователю предоставляется удаленный доступ к функционалу программы посредством обращения к такой программе через браузер. Сам экземпляр программы размещен на серверах облачного провайдера. Подобное оформление отношений получило название «программное обеспечение как услуга» (с англ. – «Software as a Service»).

На сегодняшний день достаточно много сервисов предоставляющих возможность использовать функционал программы подобным способом. К указанным сервисам можно отнести, в частности, сервис проверки контрагентов на благонадежность «СПАРК» функционал которого доступен пользователю посредством авторизации в указанном сервисе без его скачивания в память компьютера пользователя. Отношения по использованию функционала подобных сервисов, с одной стороны, можно рассматривать в качестве классического договора возмездного оказания услуг, по которому владельцем сервиса в качестве услуги пользователю предоставляется возможность использовать функциональные возможности сервиса. С другой стороны, предоставление пользователю подобной возможности применительно к программе в большей степени напоминает лицензионный договор.

Стоит заметить, что в научном сообществе до сих пор не сложилось единого подхода к обозначенному вопросу. Так В.В. Видьма в ходе своего диссертационного исследования приходит к выводу о том, что по своей сущности договор предоставления удаленного доступа к программе является лицензионным, поскольку «стороны договора хотят распорядиться именно интеллектуальной составляющей объекта, созданного творческим трудом, которая и формирует цену договора» [2, с. 133–134].

Иной подход отражен в работе Е.Е. Веселковой и А.В. Зюзина, по мнению которых конечный пользователь получает результат использования программы другим лицом, которое является правомерным владельцем программы (облачный провайдер), а сам лишь потребляет ту услугу, которую предоставляет ему то лицо, которое действительно его использует [6, с. 14].

Таким образом, в части вопроса квалификации отношений по предоставлению удаленного доступа к программам в отечественной доктрине сложилось два основных подхода:

1) такие отношения являются лицензионными и, соответственно, регулируются положениями части IV ГК РФ;

2) такие отношения не являясь лицензионными, регулируются правилами ГК РФ о договоре оказания услуг (глава 39 части II ГК РФ).

Заключение, как лицензионного договора, так и договора возмездного оказания услуг, представляет собой юридический факт, направленный на возникновение обязательственных договорных отношений, что означает распространение на обе договорные конструкции общих правил о договорах (главы 27–29 ГК РФ) и обязательствах (главы 21–26 ГК РФ). Вместе с тем, такие общие правила применяются лишь при отсутствии специальных правил, которыми в данном случае выступают нормы части IV и главы 39 части II ГК РФ и при условии, что такие общие правила не противоречат существу отношений. Данное обстоятельство предопределяет необходимость в выяснении правовой природы исследуемых отношений для целей их квалификации и определения их специального правового регулирования. Правовая природа исследуемых отношений может быть определена, в первую очередь, через призму действующего законодательства.

В целом можно сказать, что, несмотря на то, что дискуссии о правовой природе отношений построенных по модели SaaS идут до сих пор, законодатель постепенно идет к признанию таких отношений лицензионными. Особенно заметно эта тенденция намечена в налоговом законодательстве.

В статье 174.2 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – «НК РФ») используется формулировка «предоставление прав на использование программ через сеть «Интернет», в том числе путем предоставления удаленного доступа к ним». Кроме того, согласно правилу, сформулированному в подпункте 26 пункта 2 статьи 149

НК РФ, не облагаются НДС доходы от реализации прав на использование программ включенных в реестр отечественного ПО (включая обновления к ним и дополнительные функциональные возможности), в том числе путем предоставления удаленного доступа к ним через информационно-телекоммуникационную сеть. Таким образом, анализ правил сформулированных в НК РФ показывает, что законодатель в части налогового законодательства четко и не двусмысленно определяет отношения по предоставлению удаленного доступа к программам в качестве разновидности отношений по предоставлению прав на использование программ, т.е. в качестве разновидности лицензионных отношений.

Использование законодателем формулировки «в том числе» показывает, что с точки зрения НК РФ абсолютно неважно как предоставляются права использования программы и получает ли пользователь сам экземпляр программы или нет. В любом случае доходы лицензиара от реализации прав использования программы будут облагаться налогами одинаково, а льготы будут предоставлены в любом случае, если сама программа включена в реестр отечественного ПО. В то же время, обоснование квалификации исследуемых отношений исключительно через призму налогового законодательства представляется недостаточным, поскольку основу регулирования исследуемых обязательственных договорных отношений составляют нормы гражданского законодательства.

С точки зрения гражданского законодательства правовая природа отношений по предоставлению удаленного доступа к программам не определена в той же явной степени, как она проиллюстрирована в налоговом законодательстве, однако правовая природа таких отношений все же может быть выведена с учетом системного толкования норм части IV ГК РФ.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 1225 ГК РФ, программы являются РИД, т.е. программы относятся к специальным объектам гражданских прав, специфика правового режима которых определена в части IV ГК РФ. На программу, точно также как и на любой другой РИД существует право особого рода – исключительное, содержание которого раскрывается в статье 1229 ГК РФ и, в целом сводится к триаде правомочий: 1) использовать программу самому; 2) запрещать использовать программу другим; 3) разрешать использовать программу другим. Последнее правомочие представляет собой возможность правообладателя согласно пункту 1 статьи 1233 ГК РФ распорядиться исключительным правом на программу «любим не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом», в частности:

1) посредством отчуждения правообладателем исключительного права на программу в полном объеме или

2) посредством предоставления лицензиату возможности использовать программу предусмо-

тренными договором способами и в предусмотренных договором пределах (лицензионный договор).

Не вдаваясь в детальное уяснение сформулированного законодателем в пункте 1 статьи 1233 ГК РФ правила («распоряжаться любым способом»), можно было бы сказать, что ГК РФ допускает распоряжение исключительным правом на программу посредством предоставления права использования программы каким-либо еще способом помимо заключения лицензионного договора. Однако если более детально погрузиться в суть этой формулировки («непротиворечащим существу исключительного права»), то можно прийти к кардинально противоположному выводу.

Суть лицензионного договора (или существо лицензионных отношений) определено отличается от сути договора возмездного оказания услуг (или существа подобных отношений). Предметом лицензионного договора являются действия лицензиара направленные на предоставление прав на РИД, а предметом договора оказания услуг являются действия исполнителя по осуществлению определенной деятельности. Очевидно, что предоставление прав использования программы невозможно по договору оказания услуг, поскольку такая договорная конструкция противоречит существу лицензионных отношений. Таким образом, в ситуации, когда предоставление прав использования программы осуществляется по SaaS модели, следует говорить о смешанном договоре, включающем в себя как лицензионные (предоставление прав) так и иные (любые услуги предоставляемые владельцем сервиса) условия.

Отечественные ученые неоднократно обращали внимание на сформулированное законодателем в пункте 1 статьи 1233 ГК РФ правило о распоряжении исключительным правом «любим не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом». Так, например, В.А. Хохлов пришел к выводу о том, что исходя из такой формулировки, перечень договоров о распоряжении исключительным правом поименованный в указанной статье не является исчерпывающим, а потому можно говорить о распоряжении исключительным правом посредством заключения непоименованного договора [8, с. 150].

К похожему с В.А. Хохловым выводу приходит и В.А. Корнеев, однако он делает крайне важную оговорку: «Хотя декларируется возможность распоряжения исключительным правом и иными, не предусмотренными частью IV ГК РФ способами, тем не менее, за основу в любом случае берутся правила, относящиеся к двум упомянутым в Кодексе видам договоров» [7, с. 131] (договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор).

Представляется, что выше обозначенный вывод В.А. Корнеева в полной мере соотносится с действующим законодательством и является хорошей основой для квалификации исследуемых отношений в качестве лицензионных, поскольку иной договорной модели оформления

отношений по предоставлению прав использования программ, кроме как лицензионного договора, действующим законодательством просто не предусмотрено. Согласно пункту 2 статьи 421 ГК РФ при заключении непоименованного договора к отношениям, возникающим в связи заключением такого договора, по аналогии закона будут применимы правила наиболее соответствующие сути таких отношений (в случае с договором предоставления удаленного доступа к программе, такими правилами являются нормы части IV ГК РФ о лицензионных договорах). Указанное означает, что даже если договор по модели SaaS квалифицировать как непоименованный договор, это не исключает распространения на него правил о лицензионных договорах.

В действительности, отношения по предоставлению удаленного доступа к программам, как гражданско-правовые обязательственные договорные отношения, в первую очередь должны регулироваться правилами, относящимися к определенной договорной конструкции. При этом анализ норм гражданского и налогового законодательства показал, что по своей правовой природе (суть отношений) отношения по предоставлению удаленного доступа к программам близки к лицензионным отношениям. Из указанного можно сделать вывод о том, что с точки зрения действующего российского законодательства отношения, построенные по модели SaaS, являются лицензионными и, соответственно, такие отношения должны регулироваться положениями части IV ГК РФ.

Безусловно, в рамках отношений построенных по модели SaaS могут осуществляться и иные обязательства (владельцем сервиса могут предоставляться самые разнообразные услуги), однако подобные обязательства, являясь вспомогательными, лишь дополняют лицензионные отношения и не исключают необходимость применения к ним специальных правил о лицензионных договорах.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: подписан Президентом России 30 ноября 1994 г.: в ред. от 24 июля 2023 года // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 22.10.2023);
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26 января 1996 г., № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 декабря 1995 г.: подписан Президентом России 26 января 1996 г.: в ред. от 24 июля 2023 года // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 22.10.2023);
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г., № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г.: подписан Президентом России 18 декабря 2006 г.:

в ред. от 13 июня 2023 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2023);

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 5 августа 2000 г., № 117-ФЗ: принят Гос. Думой 19 июля 2000 г.: подписан Президентом России 5 августа 2000 г.: в ред. от 4 августа 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2023);
5. Веселкова Е.Е. Правовое регулирование программного обеспечения как услуги облачных сервисов / Е.Е. Веселкова, А.В. Зюзин // *Universum: экономика и юриспруденция.* – 2021. – № 9(84). – С. 13–18.
6. Видья В.А. Особенности договоров о распоряжении исключительными авторскими правами: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Новосибирск, 2017. – 254 с.
7. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав / В.А. Корнеев. – Москва: Статут, 2010. – 165 с.
8. Хохлов В.А. Авторское право: законодательство, теория, практика. / В.А. Хохлов. – Москва: Городец, 2008. – 286 с.

LEGAL NATURE OF CONTRACTUAL RELATIONS FOR PROVIDING REMOTE ACCESS TO SOFTWARE

Stebaev A.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article is devoted to the issue of the legal nature of the relations arising in connection with the conclusion of a contract for the provision of remote access to software. The specifics of the contractual model “software as a service” has generated certain discussions in the scientific community, which are reduced to a greater extent, to the question of whether such relations are licensed and, accordingly, whether such relations are subject to regulation by the norms of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. Within the framework of this article, the definition of the legal nature of relations arising under the contractual model “software as a service” is

touched upon based on and taking into account the current legislation. Accordingly, the subject of this study is the norms of Russian legislation, one way or another affecting relations built on the “software as a service” model, and the purpose of this study is to clarify the legal nature of such relations, based on the norms of current legislation. The result of this study, conducted using, among other things, the formal legal method, was the conclusion about the qualification of relations built according to the designated model as licensed.

Keywords: “software as a service”, “cloud” services, subscription software, remote access agreement, license agreement, license relations.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) [Electronic resource]: Federal Law of November 30, 1994, No. 51-FZ: adopted by the State Duma on October 21, 1994: signed by the President of Russia on November 30, 1994: as amended. dated July 24, 2023 // SPS “ConsultantPlus” (accessed: 10/22/2023);
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) [Electronic resource]: Federal Law of January 26, 1996, No. 14-FZ: adopted by the State Duma on December 22, 1995: signed by the President of Russia on January 26, 1996: as amended. dated July 24, 2023 // SPS “ConsultantPlus” (accessed: 10/22/2023);
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) [Electronic resource]: Federal Law of December 18, 2006, No. 230-FZ: adopted by the State Duma on November 24, 2006: signed by the President of Russia on December 18, 2006: as amended. dated June 13, 2023 // SPS “ConsultantPlus” (accessed: 10/22/2023);
4. The Tax Code of the Russian Federation (Part Two) [Electronic resource]: Federal Law of August 5, 2000, No. 117-FZ: adopted by the State Duma on July 19, 2000: signed by the President of Russia on August 5, 2000: as amended. dated August 4, 2023 // SPS “ConsultantPlus” (accessed: 10/22/2023);
5. Veselkova E.E. Legal regulation of software as cloud services / E.E. Veselkova, A.V. Zyuzin // *Universum: economics and jurisprudence.* – 2021. – № 9(84). – Pp. 13–18.
6. Vidma V.A. Features of agreements on the disposal of exclusive copyrights: Diss. ... cand. jurid. sciences’. – Novosibirsk, 2017. – 254 p.
7. Korneev V.A. Computer programs, databases and topologies of integrated circuits as objects of intellectual rights / V.A. Korneev. – Moscow: Statute, 2010. – 165 p.
8. Khokhlov V.A. Copyright: legislation, theory, practice. – Moscow: Gorodets, 2008. – 286 p.

Тюменцев Иван Александрович,

студент, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: i.tyumentsev@g.nsu.ru

Еременко Дмитрий Евгеньевич,

студент, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: yeryomenko.de@gmail.com

В статье рассматривается пожертвование как правовое явление и один из важнейших инструментов благотворительной деятельности. В связи с этим авторами на основе доктринальных позиций, действующих норм права и материалов правоприменительной практики определяется правовая природа пожертвования как разновидности дарения, выявлены его основные черты, в том числе раскрывается понятие общепользней целей, особенности предмета пожертвования, субъектного состава, условие о необходимости получения согласия на получение имущества и т.д. Системное изучение данного явления в данной работе позволяет охарактеризовать пожертвование в качестве договора, а не односторонней сделки, целевая направленность которого носит специфический характер, не позволяющий реализовать его с использованием конструкции договора дарения.

Ключевые слова: пожертвование, договор пожертвования, дарение, договор дарения, общепользней цели, благотворительная деятельность.

Безвозмездная помощь нуждающимся представляет собой многогранную систему, охватывающую явления, которые лежат в плоскости изучения различных общественных наук. Одним из таких явлений стала договорная конструкция пожертвования, подлежащая рассмотрению с точки зрения права в рамках настоящей статьи.

Знакомое обществу задолго до нашего времени явление пожертвования как существенной составляющей благотворительной деятельности, тем не менее, не привело к закреплению в законодательстве соответствующего понятия или же договора. Прообразом же современной законодательной конструкции в случае с пожертвованием стала норма статьи 256 Гражданского кодекса РСФСР от 11.06.1964 г., которая предусматривала возможность дарения гражданами имущества в пользу организаций при том условии, что его использование должно было осуществляться для определенной общественно полезной цели.

Выделив пожертвование в качестве разновидности дарения в части 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), принятой в 1996 году, законодатель более подробно урегулировал отношения, связанные с безвозмездной передачей имущества для общепользней целей. Подобное регламентирование стало соответствующей реакцией на развитие социально-экономических отношений и было обусловлено определенной спецификой пожертвования как правового явления в целом и договора пожертвования в частности.

Для дальнейшего рассмотрения понятия «пожертвование» необходимо дать определение понятия «дарение», которое, как будет видно далее, законодатель использует и для обозначения пожертвования. Так, из пункта 1 статьи 572 ГК РФ следует, что дарением признается безвозмездная передача или обязанность передачи другой стороне (одаряемому) вещи в собственность либо имущественного права (требования) к себе или к третьему лицу либо освобождение или обязательство освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

Пункт 1 статьи 582 ГК РФ устанавливает, что под пожертвованием следует понимать дарение вещи или права в общепользней целях, которые могут делаться гражданам, медицинским, образовательным организациям, организациям социального обслуживания и другим аналогичным организациям, благотворительным и научным организациям, фондам, музеям и другим учреждениям культуры, общественным и религиозным организациям, иным некоммерческим организациям в соответствии с законом, а также государству и другим

субъектам гражданского права, указанным в статье 124 ГК РФ.

Очевидно, что даже поверхностное сравнение вышеизложенных норм позволяет утверждать о наличии определенной разницы между дарением и пожертвованием, которая дает понять, что второе все же является отдельным видом первого. Так, наиболее существенной особенностью пожертвования является факт дарения или права исключительно в общепользовательных целях, в то время как дарение само по себе не предполагает наличия таких целей. Подобный критерий для разграничения в целом не вызывает разногласий в доктрине. Об этом также свидетельствуют и материалы правоприменительной практики, которые подтверждают восприятие судами наличия общественно полезной цели у жертвователя в качестве главного отличия пожертвования от дарения (например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.11.2022 № Ф05–29712/2021 по делу № А41–87036/2019, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2021 № 13АП-28611/2020 по делу № А56–73220/2017/сд.5, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.12.2020 № Ф05–20722/2020 по делу № А41–5565/2019, Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10.08.2020 № 10АП-1724/2020 по делу № А41–5565/2019).

Однако в действующей редакции ГК РФ законодатель не раскрывает понятие общепользовательных целей, что стало темой для множественных обсуждений в научной юридической литературе.

Е.А. Суханов указывает, что общепользовательные цели – это цели, полезные либо для общества в целом, либо для определенной его части как определенного жертвователем круга лиц [7, С. 301]. Подобное понимание общепользовательных целей в аналогичном виде достаточно широко распространено среди исследователей. К примеру, О.С. Береснева и Д.С. Бузуртанов под указанными целями понимают те цели, которые направлены на благо общества в целом, а также цели, которые представляют пользу для узкого круга лиц – определенного возраста, определенной профессии и так далее [2]. И.А. Минахина же использует более подробную трактовку данного понятия, отмечая, что под общепользовательными целями следует понимать цели, связанные с удовлетворением материальных и духовных потребностей социальных групп, социальных слоев, общественных движений, с научным, культурным и образовательным развитием граждан [8, С. 93].

Не возникает каких-либо сомнений в том, что пожертвование крайне тесно связано с благотворительностью, вся сущность которого направлена на оказание в рамках некоммерческой деятельности помощи различным категориям граждан, а также юридическим лицам. В связи с этим некоторые исследователи придерживаются позиции, согласно которой общепользовательные цели можно определить при помощи действующей в данный момент редакции Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ

«О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – ФЗ «О благотворительной деятельности»). Так, Д.Р. Султанова и А.А. Сигачева, ссылаясь на статью 2 данного Федерального закона, устанавливающую цели такой деятельности, указывают, что под благотворительными, а следовательно, и под общепользовательными целями следует понимать: социальную поддержку и защиту граждан; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, различных катастроф и конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам; содействие деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности; охраны и должного содержания зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение и прочее [6, С. 133]. Мы полагаем, что подобный подход определенно должен рассматриваться при доктринальном изучении института пожертвования, поскольку позволяет воспринимать его системно, в комплексе с иными взаимосвязанными элементами социально-экономических отношений.

Необходимость определить понятие общепользовательных целей возникла при осуществлении своей деятельности и у органов судебной власти. Так, Арбитражный суд Московского округа в одном из своих решений пояснил, что «цель использования пожертвования не может быть любой, а обязательно общепользовательной и не только благотворительной направленности. Использование переданной в результате пожертвования вещи или права строго ограничено обозначенными при передаче пожертвования целями» [16]. Таким образом, несмотря на некоторую разность формулировок, доктрина и правоприменительная практика сходятся на том, что критерий общепользовательных целей предполагает удовлетворение материальных и духовных интересов той или иной группы лиц или же всего общества в целом, когда конкретный круг лиц жертвователем определен не был.

Кроме того, пожертвование обладает и иными признаками, отличающими его от дарения. Такими являются следующие:

– согласно пункту 1 статьи 582 ГК РФ, пожертвование предполагает только передачу вещи или права, а это, в свою очередь, означает, что оно не может осуществляться путем освобождения одаряемого от каких-либо обязательств перед жертвователем или третьим лицом, как то допускает закон в случае с дарением, что следует из пункта 1 статьи 572 ГК РФ;

– пункт 1 статьи 582 ГК РФ устанавливает, что пожертвование может осуществляться в отношении ограниченного круга субъектов (граждане, медицинские, образовательные и научные организации, музеи и так далее). Такой круг субъектов предполагает, что данное ограничение также связано с общественно полезной направленностью пожертвования. В отношении дарения подобные ограничения законом не предусмотрены

Следует отметить, что в отдельных нормативных правовых актах законодатель более подробно регламентирует особенности пожертвования в отношении отдельных субъектов. Например, статья 30 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», устанавливает особенности в отношении пожертвований политической партии и ее региональных отделений;

– из пункта 2 статьи 582 ГК РФ следует, что на принятие пожертвования не требуется чье-либо согласия или разрешения. Некоторые авторы указывают, что с одной стороны ее можно истолковать таким образом, что при пожертвовании не требуется и согласие самого одаряемого, а с другой – что согласие или разрешение относится к третьим лицам, а не к одаряемому [10, С. 13].

Иные авторы считают, что данную норму следует воспринимать более однозначно. Так, В. Мишлакова утверждает, что «имеется в виду не согласие принять пожертвование со стороны получателя, а отсутствие необходимости в согласованиях или разрешениях со стороны государственных органов» [9]. Такая позиция видится целесообразной, поскольку, ранее мы отметили, что в качестве одаряемых выступают особые по своему статусу субъекты, у которых, вероятно, могла бы возникнуть необходимость получения разрешения вышестоящих и контролирующих органов на получение пожертвования; при изложенном же нами трактовании нормы разрешением этого вопроса будет отсутствие необходимости какого-либо согласования с указанными лицами.

Кроме того, по нашему мнению, подобная норма в том числе была введена и в целях неприменения к пожертвованию положений статьи 576 ГК РФ, предполагающих необходимость получения юридическим лицом, владеющим вещью на праве оперативного управления или хозяйственного ведения, согласия собственника вещи для безвозмездной ее передачи иному лицу. В случае же с пожертвованием подобное ограничение действовать не будет.

Между тем, согласие самого одаряемого на получение имущества при пожертвовании, бесспорно, необходимо;

– пункт 3 статьи 582 ГК РФ закрепляет, что пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. При отсутствии же такого условия пожертвование имущества гражданину считается обычным дарением, а в остальных случаях пожертвованное имущество используется одаряемым в соответствии с назначением имущества. В одном из своих определений Конституционный Суд РФ пояснил причину такой особенности пожертвования, указав, что «это правило направлено на реальное обеспечение использования безвозмездно передаваемого жертвователем имущества в общепользовательных целях» [11]. Эта особенность отличает пожертвование, урегулированное статьей 582 ГК РФ, от благотворительного пожерт-

вования, названного в статье 5 ФЗ «О благотворительной деятельности», которое не обязывает жертвователя устанавливать назначение имущества для любых одаряемых, а лишь устанавливает у него такое право. По этой причине благотворительное пожертвование в рамках названного закона не всегда будет пожертвованием в контексте норм ГК РФ (то есть оно может быть признано и дарением).

Таким образом, пожертвование как гражданско-правовое явление обладает рядом присущих только ему признаков, которые отличают его от дарения, поэтому логичен вывод о том, что указанные признаки относятся и к соответствующему договору, т.е. договору пожертвования, существование которого обусловлено необходимостью урегулирования гражданских правоотношений.

При этом законодатель, указывая определение пожертвования в пункте 1 статьи 582 ГК РФ, не предусматривает отдельного понятия договора пожертвования. В связи с этим, опираясь на нормы ГК РФ и изложенные ранее признаки пожертвования, полагаем, что под договором пожертвования целесообразно понимать соглашение сторон, по которому одна сторона (жертвователь) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь или право в общепользовательных целях.

Договор пожертвования может совершаться как путем передачи одаряемому дара, так и посредством обещания дарения. Поскольку это же характерно и для обычного договора дарения, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский отмечают, что это «лишний раз подтверждает, что указанные виды договора дарения не имеют единого классификационного критерия» [3].

Договор пожертвования является безвозмездным, двусторонним по распределению прав и обязанностей между сторонами, а также может быть как реальным, так и консенсуальным.

Как видно из определения пожертвования, данного в ГК РФ, договор пожертвования не предусматривает предоставление встречного удовлетворения со стороны одаряемого, что также является и чертой договора дарения, являющегося безвозмездным.

В доктрине распространена позиция, согласно которой пожертвованию присущ односторонний характер. Так, например, О.С. Зыбина и А.Е. Толстова указывают, что «отношения пожертвования являются односторонними, поскольку устанавливаются только обязанности одаряемого» [5, С. 76]. Такое замечание относительно распределения обязанностей, является в значительной степени верным, поскольку переданное одаряемому физическому лицу имущество должно быть использовано только в соответствии с тем назначением, которое определил для него жертвователь, а в случае с одаряемым-юридическим лицом такое может быть установлено (пункт 3 статьи 582 ГК РФ); если же имущество будет использоваться не по назначению, то жертвователь или его пра-

вопреемники имеют право требовать отмены пожертвования (пункт 4 статьи 582 ГК РФ). Кроме того, односторонней сделкой пожертвование иногда считают из-за пункта 2 статьи 582 ГК РФ, устанавливающего, что на принятие пожертвования не требуется чье-либо разрешения или согласия (ранее мы указывали, что данную норму трактуют и с точки зрения отсутствия необходимости на получение согласия самого одаряемого).

Тем не менее, полагаем, пожертвование, все же является договором, а не односторонней сделкой, к которым его зачастую относят. Об этом свидетельствует, во-первых, тот факт, что пожертвование все же является разновидностью дарения, на что указывает и законодатель, давая его определение, в то время как дарение является именно договором, что прямо следует из статьи 572 ГК РФ. Во-вторых, полагаем, относительно пункта 2 статьи 582 ГК РФ следует придерживаться той трактовки, согласно которой согласие и разрешение не нужно лишь от третьих лиц, как было указано ранее. Кроме того, подобный подход означает, что одаряемый, являясь отдельным субъектом гражданских правоотношений, может самостоятельно отказаться от пожертвования, которое нарушит его интересы (например, негативно отразится на его репутации), принесет какие-либо неудобства, связанные с необходимостью использования имущества по его назначению и т.п., а не вынужден принимать все направленные ему пожертвования. При такой трактовке, полагаем, пожертвование, нельзя называть односторонней сделкой, поскольку оно будет предполагать возможность одаряемого не принимать передаваемое имущество и, как и дарение, являться именно договором.

Договор пожертвования, как и договор дарения, может быть как реальным, так и консенсуальным. Это следует из того факта, что пожертвование является разновидностью дарения, в связи с чем к нему применима норма пункта 1 статьи 572 ГК РФ, где и закреплено, что «договор дарения может быть реальным (“даритель передает...”) и консенсуальным (“даритель обязуется передать...”, “обещание дарения в будущем”))» [4, С. 222]. Очевидно, что в случае заключения консенсуального договора пожертвования реализация обязанности одаряемого использовать пожертвованное имущество по определенному назначению возможна только с момента фактической передачи ему вещи или права, а не с момента достижения договоренности сторон по условиям договора. При этом переданным пожертвование считается только с момента зачисления денежных средств на счет или отражения имущества на балансе одаряемого или с момента передачи документов, из которых следует о передаче права требования [1, С. 53].

Таким образом, правовая природа договора пожертвования имеет как определенные сходства, так и различия с договором дарения, наличие которых позволяет выделять его в качестве взаимосвязанного, но все же отдельного договора, ставшего в силу своей целевой направленности одним

из основных инструментов благотворительной деятельности.

Литература

1. Ахтямова Е.В. Правовые особенности договора пожертвования в гражданском праве Российской Федерации / Е.В. Ахтямова, П.А. Баранова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 1–3. С. 53–55.
2. Береснева О.С. Признаки договора пожертвования / О.С. Береснева, Д.Х. Бузуртанов // *Научные исследования: теория, методика и практика: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 21 мая 2017 года*. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». 2017. С. 230–233.
3. Брагинский М.И. Договорное право. Книга 2: Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2002. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 25.10.2023).
4. *Гражданское право: Учебник*. В 2 т. Т. 2. / под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 543 с.
5. Зыбина О.С. Некоторые особенности договора пожертвования / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2019. № 1 (42). С. 73–76.
6. Султанова Д.Р. Договор пожертвования как вид договора дарения / Д.Р. Султанова, А.А. Сигачева // *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика*. 2016. № 5.
7. *Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право* / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 1208 с.
8. Минахина И.А. Наследование. Дарение. Пожизненная рента: вопросы правового регулирования / И.А. Минахина. М., 2007. 119 с.
9. Мишлакова В. Налогообложение пожертвований. Порядок применения на практике / В. Мишлакова // *Финансовая газета*. 2017. № 30. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 12.11.2023).
10. Новиков К.Б. Пожертвование как отдельный вид договора дарения: особенности регулирования в правоприменительной практике / К.Б. Новиков // *Современная наука*. 2016. № 2. С. 11–13.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 N 1821-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «123 авиационный ремонтный завод» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 3 статьи 582

- Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023).
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.11.2022 № Ф05–29712/2021 по делу № А41–87036/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2023).
 13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.12.2020 № Ф05–20722/2020 по делу № А41–5565/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).
 14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.08.2018 № Ф05–13027/2018 по делу № А40–181376/2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2023).
 15. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2021 № 13АП-28611/2020 по делу № А56–73220/2017/сд.5 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).
 16. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10.08.2020 № 10АП-1724/2020 по делу № А41–5565/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.10.2023).

LEGAL NATURE OF THE DONATION AGREEMENT

Tyumentsev I.A., Eremenko D.E.
Novosibirsk State University

This article considers donation as a legal phenomenon and one of the most important instruments of charitable activity. In this regard, the authors, on the basis of doctrinal positions, current legal norms and materials of law enforcement practice, determine the legal nature of the donation as a type of gift contract, identify its main features, including the concept of generally useful goals, the specifics of the donation subject, the subject composition, the condition for the need to obtain consent to receive property, etc. The systematic study of this phenomenon in this work allows us to characterize the donation as a contract, not a unilateral transaction, the target orientation of which is of a specific nature, which does not allow it to be implemented using the construction of a gift contract.

Keywords: donation, donation agreement, gift, gift contract, generally useful purposes, charitable activities.

References

1. Akhtyamova E.V. Legal features of the donation agreement in the civil law of the Russian Federation / E.V. Akhtyamova,

- P.A. Baranova // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. No. 1–3. p. 53–55.
2. Beresneva O.S. Signs of a donation agreement / O.S. Beresneva, D.H. Buzurtanov // *Scientific research: theory, methodology and practice: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, May 21, 2017*. Cheboksary: Limited Liability Company “Center for Scientific Cooperation “Interactive plus”. 2017. p. 230–233.
3. Braginsky M.I. Contractual law. Book 2: Contracts on the transfer of property / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M.: Statute, 2002. [Electronic resource]. Access from the legal reference system “Consultant Plus” (access date: 25.10.2023).
4. Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 2. / edited by B.M. Gongalo. 2nd ed. reprint. and additional M.: Statute, 2017. 543 p.
5. Zybins O.S. Some features of the donation agreement / O.S. Zybins, A.E. Tolstova // *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2019. No. 1 (42). p. 73–76.
6. Sultanova D.R. Donation agreement as a type of gift contract / D.R. Sultanova, A.A. Sigacheva // *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice*. 2016. No. 5.
7. Russian Civil Law: Textbook: In 2 vols. Vol. II: Law of Obligations / Ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. M.: Statute, 2011. 1208 p.
8. Minakhina I.A. Inheritance. Gift. Lifetime rent: issues of legal regulation / I.A. Minakhina. M., 2007. 119 p.
9. Mishlakova V. Taxation of donations. The order of application in practice / V. Mishlakova // *Financial newspaper*. 2017. No. 30. [Electronic resource]. Access from the legal reference system “Consultant Plus” (access date: 12.11.2023).
10. Novikov K.B. Donation agreement as a separate type of gift contract: features of regulation in law enforcement practice / K.B. Novikov // *Modern science*. 2016. No. 2. p. 11–13.
11. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July, 16, 2015 No. 1821-О “On refusal to accept for consideration the complaint of the Open Joint Stock Company “123 Aviation Repair Plant” for violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of paragraph 3 of Article 582 of the Civil Code of the Russian Federation” // Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (access date: 08.10.2023).
12. Decree of the Arbitration Court of the Moscow District dated November, 23, 2022 No. F05–29712/2021 in case No. A41–87036/2019 // Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (access date: 10.10.2023).
13. Decree of the Arbitration Court of the Moscow District dated December, 10, 2020 No. F05–20722/2020 in case No. A41–5565/2019 // Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (access date: 21.10.2023).
14. Decree of the Arbitration Court of the Moscow District dated August, 29, 2018 No. F05–13027/2018 in case No. A40–181376/2017 // Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (date of application: 03.10.2023).
15. Decree of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated January, 26, 2021 No. 13AP-28611/2020 in case No. A56–73220/2017/сд.5 // Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (access date: 21.10.2023).
16. Decree of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated August, 10, 2020 No. 10AP-1724/2020 in case No. A41–5565/2019 // Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (access date: 23.10.2023).

Влияние залога требования на право должника выдвигать возражения против залогодержателя в российском и французском праве

Хатмулина Римма Ринатовна,

Ассистент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО
«Уральский государственный юридический университет имени
В.Ф. Яковлева», главный юрист по общеправовым вопросам
АО «ПО «УОМЗ»
E-mail: r.hatmulina@mail.ru

В статье исследуется влияние залога требования на право должника по заложенному требованию выдвигать против залогодержателя возражения, которые он мог выдвинуть по указанному требованию против залогодателя: анализируется возможность имплементации в российское право разработанной во французской науке теории допустимости возражений должника по заложенному требованию, основанной на дифференциации возражений должника в зависимости от их источника, идее о «недоступности» заложенного требования для распоряжения со стороны залогодателя и противопоставимости залога требования должнику. Автором обосновывается, что аналогом российского инструмента сальдирования встречных требований во французском праве выступает зачет связанных требований. Возражение должника о сальдировании встречных требований является неотъемлемым от заложенного требования и противопоставимо залогодержателю независимо от момента уведомления должника о залоге требования.

Ключевые слова: возражения должника, противопоставимость залога требования.

Наличие в конструкции требования фигуры должника предопределяет юридическую регламентацию его положения при залоге требования. Как во французском, так и в российском праве в качестве отправной точки представляется очевидным признание ключевой роли за ранее разработанным в праве обеих стран применительно к уступке требования принципом недопустимости ухудшения положения должника (Постановление Президиума ВАС РФ от 26.11.2013 г. № 4898/13, Определение ВС РФ от 25.09.2015 г. № 307-ЭС15–6545) [1 с. 239, 2 с. 237]. В качестве теоретического обоснования указанного принципа и права должника на выдвигание возражений против нового кредитора в правовой доктрине называется, прежде всего, известный как отечественному, так и французскому праву принцип, согласно которому нельзя передать больше прав, чем имеешь (лат. *nemo dat quod non habet* – «на нет и суда нет»): приобретатель требования не может получить право, лишённое ограничений, которые действовали, когда оно составляло имущество cedentia [3 п° 1291, 4 п° 1318]. В качестве альтернативного подтверждения во французской науке также указывается принцип обязательной силы договора, который обязывает также и цессионария, поскольку он становится обладателем требования, возникшего из договора [4 п° 1318]. Иными словами, возникает проблема необходимости сочетания защиты интересов должника по требованию с неизбежными последствиями залога требования для должника.

Однако в отличие от ФГК положения ГК РФ затрагивают только возможные правовые последствия залога требования для должника в виде перемены кредитора в результате обращения взыскания на заложенное требование и его реализации посредством уступки, а также в виде обязанности должника исполнить заложенное требование непосредственно залогодержателю (п. 1 ст. 358.6, п. 2, 3 ст. 358.8). Вместе с тем, в рамках вопроса о способах защиты интересов должника по заложенному требованию российским законодателем оставлен без внимания имеющий важное практическое значение фрагмент о возражениях должника против требования залогодержателя об исполнении ему заложенного обязательственного права. В науке гражданского права возражения должника по требованию традиционно рассматриваются только в рамках учения об уступке требования. В связи с этим возникает предположение и при залоге требования ориентироваться по аналогии закона на правила о возражениях должника при уступке требования (ст. 386 ГК РФ). Однако сле-

дующие соображения заставляют его отвергнуть. С формальной точки зрения, сравнение рассматриваемой ситуации со ст. 358.4 ГК РФ, содержащей прямую ссылку на ст. 385 ГК РФ об уведомлении должника при уступке требования, дает основание считать, что по мысли законодателя правила об уступке требования, в частности, ст. 386 ГК, подлежат применению к залоговому требованию только при наличии прямого указания в законе. Во французской науке гражданского права приводится сходное обоснование отрицательного ответа: «поскольку какого-либо указания на этот счет в законе нет, то по идее законодателя правовое регулирование в отношении залога требования является отличным» [5, с. 54]. Что более важно, с точки зрения содержания, объем защиты интересов должника по требованию, закрепленный в ст. 386 ГК РФ, установленный с учетом перехода требования от cedentа к цессионарию, выглядит явно недостаточным в контексте отношений по залоговому требованию, при котором правообладателем требования остается залогодатель.

В связи с этим в сравнительно-правовом аспекте видится плодотворным анализ теории допустимости возражений должника по заложенному требованию, первоначально озвученной во французской цивилистике, а затем в рамках реформы права обеспечения 2021 года реализованной в новой ст. 2363–1 ФГК, которая, как будет продемонстрировано далее, имплицитно присуща и российскому праву.

Общие положения теории допустимости возражений должника по заложенному требованию

Указанная теория условно включает два шага оценки возражений должника по требованию. Первый шаг предполагает логичную и подробную дифференциацию возражений должника по заложенному требованию в зависимости от их связи с обязательством, в рамках которого возникло заложенное требование, или, точнее, источнику их возникновения. Исходя из указанного критерия связи возражений должника по заложенному требованию с обязательством, в рамках которого возникло заложенное требование, M. Julienne обозначена их классификация на возражения, неотделимые от требования (*exceptions inhérentes à la créance nantie*, в терминологии ФГК – *exceptions inhérentes à la dette*), и внешние по отношению к заложенному требованию возражения (*exceptions extérieures à la créance nantie*, в терминологии ФГК – *exceptions nées de rapports avec le constituant*, возражения, возникшие из отношений между должником и залогодателем), которые имеют основанием юридический акт залогодателя, направленный на изменение или прекращение заложенного требования. В общем плане аналогичный подход отражен в п. 1 ст. III-5:116, ст. IX-2: 301 Модельных правил европейского частного права применительно к уступке требования [6].

Первые из них непосредственно связаны с обязательством, в рамках которого возникло заложенное требование, следовательно, и с договором, на основании которого оно возникло, и юридической силой этой договора, и поэтому а priori могут быть выдвинуты должником (по французской терминологии «противопоставимы залогодержателю») вне зависимости от момента их возникновения [5, с. 55]. Этот вывод справедлив и для российского права как продиктованный известным и отечественному, и французскому праву принципу уступки требования, действие которого распространяется и на залог требования, согласно которому нельзя передать больше прав, чем имеешь: залогодержатель по залоговому требованию не может получить в залог требование в большем объеме, чем оно было до установления залога.

Категория возражений, неотъемлемых от требования характеризуется заметной разнородностью, в ее составе выделяются следующие:

1) возражения, которые должник по заложенному требованию может предъявить в связи с недостатком (пороком), влияющим на обязательную силу договора, на основании которого возникло требование, а именно, возражения относительно недействительности договора, и возражения, «направленные на сохранение синаллагматической структуры договора», на основании которого возникло заложенное требование, такие как возражения о неисполнении залогодателем своих договорных обязательств и возражения о расторжении договора должником ввиду его неисполнения залогодателем [5, с. 55].

В российской судебной практике имеется пример реализации указанного подхода в отношении возражения должника по заложенному требованию о расторжении договора ввиду его неисполнения залогодателем. При рассмотрении одного из дел арбитражным судом было отмечено, что залог требования не ограничивает право должника по заложенному требованию на расторжение договора в одностороннем порядке в связи с ненадлежащим исполнением залогодателем договорных обязательств (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.10.2022 г. № Ф09–6955/22 по делу № А07–23131/2021).

2) возражения, которые происходят из свойств заложенного требования и влекут его прекращение, например, истечение срока исковой давности, возражения, направленные на обеспечение соблюдения первоначально предусмотренных условий исполнения, например, возражение об арбитражной оговорке [7 п° 303] неизменности места исполнения требования.

Внешние возражения должника по заложенному требованию, в свою очередь, также подразделяются на возражения, которые направлены на освобождение должника от долга (например, зачет, прощение долга, новация, расторжение договора по соглашению между залогодателем и должником), и возражения, которые являются результатом изменения требования, о которых договорились

залогодатель и должник по заложенному требованию, такие, как, например, перенос срока [8 п° 386]:

Допустимость внешних возражений должника по заложенному требованию

Второй шаг оценки возражений должника по заложенному требованию представляет собой анализ допустимости внешних возражений должника по требованию. В общем плане можно заключить, что до закрепления ст. 2363–1 ФГК во французской доктрине сформировалось три подхода к решению указанного вопроса. Первый из них основан на так называемой идее «недоступности» (*indisponibilité*) заложенного требования для распоряжения со стороны залогодателя. Основной сторонник такого подхода М. Mignot полагает, что допустимость возражений должника зависит от того, основаны ли они на каком-либо юридическом акте между залогодателем и должником: если основаны, то такие возражения залогодержателю не противопоставимы, в противном случае возражения как средства защиты должника противопоставимы залогодержателю, поскольку их возникновение не зависит от воли ни залогодателя, ни должника [9, с. 17]. В российском праве этот подход может быть основан на положениях п. 1 ст. 343, ст. 346 ГК РФ об обязанности залогодателя по обеспечению сохранности предмета залога требования. Однако предложенное решение игнорирует ст. 2362 ФГК, ст. 358.4 ГК РФ и приводит к тому, что запрещает добросовестному должнику по заложенному требованию выдвигать возражения, основанные на соглашениях, заключенных им с залогодателем в отношении заложенного требования до получения уведомления о залоге требования.

Второй подход основан как раз только на идее противопоставимости залога требования должнику с момента его уведомления о залоге и изолированном применении ст. 2362 ФГК: любые возражения, возникшие до такого уведомления, противопоставимы залогодержателю, возражения, возникшие после него, не противопоставимы. С точки зрения ГК РФ, к аналогичному выводу может привести толкование ст. 358.4 и абз. 2 п. 1 ст. 358.6 ГК РФ. Но, несмотря на развернутость и кажущуюся простоту обозначенного подхода, такое изолированное толкование необоснованно позволяет считать, что должник может ссылаться на любые возражения, возникшие в период между возникновением залога требования и уведомлением об этом должника [5, с. 60], в том числе возражения, касающиеся зачета заложенного требования и самостоятельного требования должника к залогодателю, когда должник по заложенному требованию сам выступает третьим лицом, которому залог противопоставим раньше получения уведомления.

В этом смысле наиболее последовательным и гибким видится обозначенный М. Julienne и закрепленный затем в ст. 2363–1 ФГК подход, основанный на сочетании идей о «недоступности» заложенного требования для распоряжения со сто-

роны залогодателя и противопоставимости залога требования должнику, предполагающий сопоставление понятия «третье лицо», указанного в ст. 2361 ФГК, и понятия «должник», предусмотренного в ст. 2362 ФГК. В результате такого сопоставления ученый приходит к выводу, что эти понятия должны разграничиваться: поскольку третьими лицами признаются «все, кто заинтересован в том, чтобы требование не было обременено залогом», то, по общему правилу, должник по заложенному требованию к таким лицам не относится. Но автор замечает важный нюанс: эта граница является «проницаемой», так как должник при наличии у него самостоятельных требований к залогодателю становится одновременно и третьим лицом в смысле ст. 2361 ФГК, иными словами, его правовое положение может меняться [5, с. 60]. Аналогичные рассуждения справедливы и в контексте сопоставления понятий «третье лицо» и «должник», предусмотренных в абз. 3 п. 4 ст. 339.1 и ст. 358.4 ГК РФ.

Опираясь на обозначенные тезисы, М. Julienne обоснованно заключает, что такие возражения должника, как перевод долга, прощение долга, новация, изменение заложенного требования, расторжение договора по соглашению между залогодателем и должником при отсутствии нарушения со стороны залогодателя, противопоставимы залогодержателю, если они возникли до уведомления должника о залоге требования, поскольку в этих случаях должник не имеет самостоятельных требований к залогодателю. Автор формулирует общий принцип противопоставимости залогодержателю возражений, предшествовавших уведомлению о залоге требования, и непротивопоставимости возражений, возникших после такого уведомления [5, с. 63]. Применительно к российскому залоговому требованию такое решение следует из п. 4 ст. 1, ст. 10, ст. 358.4 ГК РФ, что демонстрирует и судебная практика. По обстоятельствам одного из дел судом было отказано в удовлетворении требования залогодержателя о признании соглашения о расторжении договора (не было вызвано нарушением договора какой-либо из сторон) недействительной сделкой, поскольку залогодержателем не было представлено доказательств того, что должник по заложенному требованию был уведомлен о залоге требования и при заключении соглашения о расторжении договора действовал недобросовестно с намерением причинить вред залогодержателю (Постановление девятого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2017 г. № 09АП-57487/2017-ГК по делу № А40-12825/17-137-115).

Как показывает приведенный пример, внешние возражения должника по заложенному требованию возникают в результате действий залогодателя по распоряжению указанным требованием. В связи с этим обозначенный подход видится более целесообразным и конструктивным в контексте вопроса о способах защиты интересов залогодержателя в случае ухудшения характеристик

заложенного требования в результате таких действий залогодателя, совершенных в нарушение договора о залоге, в сравнении с предусмотренным в российской правоприменительной практике инструментом в виде признания сделки по изменению заложенного требования недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ (Определение ВС РФ от 25.09.2019 № 306-ЭС19-3112(2) об отказе в передаче дела № А65-5795/2017 в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства), поскольку при достижении одного и того же результата исключает необходимость к обращению к, по сути, субсидиарной и громоздкой процедуре оспаривания залогодержателем сделки в отношении заложенного требования как противоречащей принципу добросовестности.

В качестве исключений из общего правила о противопоставимости залогодержателю возражений, предшествовавших уведомлению о залоге требования, и, напротив, непротивопоставимости возражений, возникших после такого уведомления, в доктрине обсуждается возражение о зачете заложенного требования.

В отечественной юриспруденции внимание исследователей к этому вопросу обращается в контексте уступки требования и сводится, как правило, к оценке позиции Верховного Суда РФ, обозначенной в пункте 24 соответствующего постановления Пленума [10, с. 92–96]. Во французской цивилистике указанная проблема начала обсуждаться после реформы залога требования 2006 г., когда залог требования получил широкое распространение на практике. Одним из первых решение по этому вопросу предложил Р. Сросс: поскольку установление залога требования не предполагает переход требования залогодержателю, то условие о встречности зачитываемых требований не нарушается, поэтому зачет заложенного требования с встречным ему требованием должника к залогодателю должен быть допустим всегда, даже после уведомления должника о залоге требования [11, с. 597]. Эта позиция была поддержана также О. Филле-Ламбле и Л. Лайсней [12, с. 3]. В качестве критического замечания к ней в литературе обоснованно отмечается, что встречность требований является необходимым, но не достаточным условием допустимости зачета требований. М. Жюльенн [5, с. 66], М. Мигно [], и ряд других авторов, исходя из аналогии закона и правила о зачете при уступке требования, высказывались в пользу допустимости возражения о зачете при залоге требования, если он осуществлен до уведомления должника о залоге требования [13, с. 2201].

Одним из факторов, обусловивших возникновение дискуссии, является не учитываемая авторами сложная природа зачета. Поэтому М. Жюльенн, анализируя изложенные подходы, справедливо заметил, что их главный общий недостаток заключается в том, что они рассматривают зачет только с традиционной точки зрения исполнения заложенного требования. Такой подход является

односторонним, поскольку должник, ссылающийся на зачет заложенного требования, видит в нем способ исполнить собственное встречное требование к залогодателю, следовательно, с этого угла зрения должник должен рассматриваться в качестве кредитора залогодателя [5, с. 67]. По сути, зачет представляет собой двойной платеж, при котором, по словам Л. Аупès, «каждый из должников, который также является и кредитором, получает в качестве платежа другое требование вместо своего» [14, с. 842], как результат, зачет предполагает «приобретение» заложенного требования должником по нему, иначе говоря, должник получает статус кредитора залогодателя, обременяющего заложенного требования [5, с. 68]. Указанная характеристика должника приводит к характеристике зачета в качестве своеобразного способа обеспечения обязательства должника, обременяющего заложенное требование. В отечественной цивилистике А.В. Егоров [15, с. 37] и С.В. Сарбаш [10, с. 96], раскрывая понятие зачета требований, также говорят о его двуединой функции зачета и обеспечительного характера.

Принципиальная необходимость учета двойственного характера зачета при залоге требования вызвана тем, что противопоставимость последнего непосредственно связана и дифференцируется в зависимости от наличия у должника по заложенному требованию собственных самостоятельных требований к залогодателю, при котором граница между понятиями «третьи лица» и «должник» автоматически открывается и должник по заложенному требованию одновременно является и третьим лицом в смысле ст. 2361 ФГК, что, в свою очередь, предполагает столкновение интересов последнего с интересами залогодержателя, и определение момента противопоставимости залога требования согласно ст. 2361 ФГК и абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ.

Разграничение понятий «третье лицо» и «должник», первое из которых предполагает статус кредитора залогодателя, конкурирующего с иными кредиторами залогодателя, в том числе залогодержателем, и обеспечительный характер зачета позволяет обозначить два принципиальных решения.

Первое из них связано с известным как российскому, так и французскому праву понятием «тесно связанных друг с другом встречных требований» (*dettes connexes*). Видится симптоматичным, что в обеих странах указанное понятие своим происхождением и развитием, хотя и с некоторой разницей во времени, но обязано судебной практике, в поле зрения которой ввиду развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) с заметной частотой стали попадать ситуации, в которых законодательный запрет на зачет встречных требований являлся явно несправедливым и стесняющим гражданский оборот, в частности, споры об оспаривании сделок о зачете требований (ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, ст. L622–7 ФТК). Как результат, Высший Арбитражный Суд РФ, затем Верховный Суд РФ в России, Кассационный Суд Франции в своих развернутых разъяснениях стали

проводить одинаковую мысль о том, что установленный в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) запрет на зачет встречных требований не распространяется на засчитывание тесно связанных друг с другом требований. Нужно заметить, что наполнение понятия «связанных требований» формировалось и продолжает формироваться судами постепенно по мере накопления опыта рассмотрения соответствующих судебных споров, на сегодняшний день можно констатировать, что к связанным требованиям относятся требования, возникшие на основании одного договора или связанных между собой договоров (Arrêt de la Chambre civile de la Cour de Cassation, 25.10.1978 N° de pourvoi: 77–12.294; Arrêt de la Chambre commerciale de la Cour de Cassation, 09.05.1995 N° de pourvoi: 93–11.724). С доктринальных позиций такое понимание «связанности» восходит к идее единого обязательства в широком смысле слова, являющегося источником обоих требований [16], воле сторон, выраженной при заключении договора [15, с. 39], поэтому их «разъединение» влечет несправедливые правовые решения. Анализ выработанных в российской судебной практике критериев связанности требований, в том числе в рамках нескольких договоров, контексте сальдирования представлен в публикации Кантор Н.Е. [17, с. 136–178].

В качестве различия сформировавшихся подходов, не имеющего, впрочем, сущностного характера, можно отметить только расхождение в идентификации применяемого к связанным требованиям правового инструмента. Для французского права свойственна широкая трактовка зачета требований, который подразделяется на зачет не связанных между собой требований (*compensation des dettes non connexes*), содержание которого совпадает с зачетом требований по ст. 410 ГК РФ, и зачет связанных требований (*compensation des dettes connexes*), которое получило признание на уровне законодательства, причем как гражданского (ст. 1348–2 ФГК), так и законодательства о несостоятельности (банкротстве) (ст. L622–7 ФТК). Российское право, пока оставаясь на позиции классического подхода к пониманию зачета требований в смысле ст. 410 ГК РФ, применительно к понятию связанных требований использует так называемый инструмент сальдирования, то есть автоматического прекращения тесно связанных между собой встречных обязательств сторон, при котором как таковые классические встречные обязанности сторон не возникают, а посредством использования метода «сальдо встречных обязательств» формируется лишь единственная завершающая обязанность одной из сторон, иными словами, осуществляется не сделка зачета требований, а обычная сверка расчетов. Подробный анализ возникновения и развития сальдирования в российском праве проведен А.В. Егоровым [15, с. 36–65], С. Будылиным [18, с. 6–27], Н.Е. Кантор [17, с. 136–178].

Возвращаясь к вопросу о допустимости возмещения должника по заложенному требованию о его зачете, следует вслед за М. Julienne заключить, что

обозначенная дифференциация встречных требований позволяет рассматривать возражение о зачете связанных требований не как внешнее, а как возражение, неотделимое от самого требования, поскольку взаимозависимость, существующая между требованиями, возникшими из одного договора, в полном объеме соответствует этому виду возражений: требования объединены между собой структурно и образуют совокупность, которую не следует разделять (это возражение сходно с таким, неотъемлемым от требования возражением, как возражение о неисполнении залогодателем своих договорных обязательств), и, как результат, сделать вывод об абсолютной противопоставимости залогодержателю зачета связанных требований [5, с. 78]. Французскими юристами высказываются различные точки зрения в обоснование изложенного правила. J. François предлагает рассматривать связанность требований в данном случае в качестве гарантии их исполнения, а зачет связанных требований как проявление того, что каждое из требований обременено в обеспечение другого [8, 92]. В этом же смысле высказываются Ghéstin J., Billiau M., Loiseau G. [7, n° 1082]. M. Duboc предлагает рассматривать связанность требований при залоге в качестве встречности, что позволяет считать, что каждая из сторон располагает обеспечением в отношении требования, в котором она является должником [19, n° 359]. Однако описанные подходы не позволяют решить проблему противопоставимости возражения должника о зачете связанных требований.

И если во французском праве с 2021 г. этот подход поддержан авторами «второй реформы права обеспечения» и закреплен законодательно в новой ст. 2363–1 ФГК и ст. 1321 ФГК, в которой предусмотрен примерный перечень возражений, неотделимых от требования, в числе которых поименовано и возражение о зачете связанных требований, то в российском праве он пока складывается на уровне арбитражной практики снова по спорам о признании недействительным зачета встречных требований в рамках дел о несостоятельности (банкротстве), но уже как сделки, нарушающей права залогодержателя.

В решении по одному из дел Верховным Судом РФ было обозначено, что сальдирование не влечет причинение вреда имущественным правам залогового кредитора и не может квалифицироваться как нарушение очередности удовлетворения требований последнего, поскольку при сальдировании не возникают встречные обязанности сторон, то есть подрядчик не становится кредитором в отношении заказчика (должника по заложенному требованию) в части вычтенной из суммы требования по оплате работ суммы неустойки; в данном случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший расчетную операцию

сальдирования (Определение Верховного Суда РФ от 23.06.2021 г. № 305-ЭС19-17221(2) по делу № А40-90454/2018). В качестве примера восприятия указанного подхода можно привести Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2022 г. № 20АП-1765/2022 по делу № А09-4994/2021.

Второе решение касается возражения должника о зачете не связанных требований. Поскольку должник выступает в качестве третьего лица, то во французском праве закреплено решение, основанное на характеристике возражения о зачете как возражения внешнего и учета статуса должника как третьего лица, то есть иного кредитора залогодателя, и в связи с этим соответствующее общему правилу новой ст. 2363-1 ФГК о том, что должник вправе противопоставить возражения, возникшие из отношений между ним и залогодателем до того момента, когда залог требования стал ему противопоставим. Иными словами, к зачету допускаются требования должника, сроки исполнения которых наступили до момента противопоставимости залога требования в соответствии со ст. 2361 ФГК.

Аналогичная модель толкования не вызывает доктринальных сомнений и оправдана для российского положения абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ применительно к должнику, приобретшего статус третьего лица в контексте зачета не связанных встречных требований. При таком подходе логично, что при установлении приоритета залогодержателя и должника как третьего лица будут сопоставляться даты противопоставимости залога требования и зачета встречных требований: для первого дата определяется по абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ, для второго – по ст. 410 ГК РФ.

Таким образом, изложенный дифференцированный и последовательный подход к содержанию возражений должника по заложенному требованию и к статусу самого должника в целом позволяет выстроить систему обоснованных решений применительно ко всем возражениям должника, которые обеспечивают равную защиту интересов как залогодержателя, так и должника по заложенному требованию с учетом специфики каждого из таких возражений. Действующее российское законодательство в полной мере дает основания для его закрепления на уровне разъяснений Верховного Суда РФ.

Должник по заложенному требованию вправе противопоставить залогодержателю возражения, неотъемлемые от требования (возражение относительно недействительности договора, на основании которого возникло требование, возражение о неисполнении залогодателем своих договорных обязательств, возражение о расторжении договора должником ввиду его неисполнения залогодателем, истечение срока исковой давности, возражение об арбитражной оговорке, неизменности места исполнения требования, возражение о сальдировании встречных требований), независимо от момента уведомления должника о залоге требования. Должник по заложенному требованию вправе

противопоставить залогодержателю внешние возражения (прощение долга залогодателем, новация, расторжение договора по соглашению между залогодателем и должником, соглашение между залогодателем и должником о переносе срока исполнения заложенного требования), возникшие до уведомления должника о праве залогодержателя на получение исполнения по заложенному требованию от должника либо уведомления о залоге требования, если такое имело место. Возражение должника по заложенному требованию о зачете не связанных требований противопоставимо залогодержателю, если должником зачет встречных требований произведен в соответствии с условиями ст. 410 ГК РФ до момента противопоставимости залога требованию должнику как третьему лицу в соответствии с абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ.

Литература

1. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М., 2003.
2. Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2000.
3. Terre F., Simler Ph., Lequette Y. Droit civil. Les obligations, 9e éd., 2005.
4. Malaurie Ph., Stoffel-Munck Ph. Aynès L. Les obligations. 2005, n° 1318.
5. Julienne M. Le nantissement de créance. 2012.
6. Модельные правила европейского частного права. / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М., 2013.
7. Ghestin J., Billiau M., Loiseau G. Le régime des créances et des dettes. 2005.
8. François J. Les obligations, régime général, 2011.
9. Mignot M. L'indisponibilité de la créance nantie: une pièce manquante essentielle du dispositif législative issu de l'ordonnance n 2006-346 du 23 mars 2006 // Revue de droit bancaire et financier, jan, 2010, étude 2, p. 17.
10. Байбак В.В., Ильин А.В., Карапетов А.Г., Павлов А.А., Сарбаш С.В. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 3. С. 92–9.
11. Crocq P. Revue trimestrielle de droit civil, 2010, p. 597, observation sous Arrêt de la chambre civile de la Cour de Cassation, 26 mai 2010.
12. Fille-Lamble O., Laisney L.J. Le nantissement de créance, supplétif ou alternative à la cession Dailly? // Banque et droit. 2010. № 132.
13. Borga N. Observation sous Arrêt de la chambre civile de la Cour de Cassation, 26 mai 2010 // Recueil Dalloz, 2010.
14. Aynès L. Observation sous Arrêt de la chambre civile de la Cour de Cassation, 5 févr. 2009 // Recueil Dalloz, 2009.

15. Егоров А.В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 7. С. 36–65.
16. Hervieu M. Droit des obligation. Dettes connexes: leur compensation s'impose au juge // https://actu.dalloz-etudiant.fr/a-la-une/article/dettes-connexes-leur-compensation-simpose-au-juge/h/e5cf5888acd8a067_2b9e536e328a15a6.html Дата обращения 01.03.2022 г.
17. Кантор Н.Е. Расчет сальдо в отношении связанных требований // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 9. С. 136–178.
18. Будылин С. Сальдирование в банкротстве: сверка или сделка? ВС РФ расширяет сферу применения сальдирования // Юридическая работа в кредитной организации. 2021. № 3. С. 6–27.
19. Duboc M. La compensation et les droits des tiers. 1998.

THE PLEDGE OF OBLIGATIONS EFFECT ON THE DEBTOR'S RIGHT TO INVOKE AGAINST THE PLEDGEE DEFENCES TO A CLAIM BASED ON THE PLEDGED RIGHT IN RUSSIAN AND FRENCH LAW

Khatmulina R.R.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article examines the pledge of obligations effect on the debtor's right to invoke against the pledgee defences to a claim based on the pledged right which the debtor could have invoked against the mortgagor: the possibility of implementation in Russian law the debtor's defences admissibility theory elaborated in French law is analyzed. This theory is based on the debtor's defences distinction in relation to its reasons, the pledged right «inaccessibility» for mortgagor's dispositions and the pledge of obligations effectiveness against the debtor. Author proved that Russian setting off is an equivalent of French closely connected rights netting. Debtor may invoke against the Pledgee closely connected rights netting defence regardless of pledge of obligation notice time, this Debtor's defence is inherent of pledged right.

Keywords: the debtor's defences, pledge of obligations effectiveness.

References

1. Novoselova. L.A. Cession of Right (Claims) in Commercial Practice. Factoring. Moscow, 2003.
2. Sinaysky V.I. The Russian Civil Law. Moscow, 2000.
3. Terre F., Simler Ph., Lequette Y. Droit civil. Les obligations, 9e éd., 2005.
4. Malaurie Ph., Stoffel-Munck Ph. Aynès L. Les obligations. 2005.
5. Julienne M. Le nantissement de créance. 2012.
6. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference (DCFR). Full Edition. Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / Ed. by Christian von Bar and Eric Clive. Vol. I–VI. Munich, 2009.
7. Ghestin J., Billiau M., Loiseau G. Le régime des créances et des dettes. 2005.
8. Francois J. Les obligations, régime général, 2011.
9. Mignot M. L'indisponibilité de la créance nantie: une pièce manquante essentielle du dispositif législative issu de l'ordonnance n 2006–346 du 23 mars 2006 // Revue de droit bancaire et financier, jan, 2010, étude 2, p. 17.
10. Baibak V.V., Ilyin A.V., Karapetov A.G., Pavlov A.A., Sarbash S.V. A Commentary on the SC RF Plenary Ruling of 21 December 2017 № 54 «On Certain Issues in the Application of RF Civil Code Chapter 24 on Contractual Assignment of Rights and Debts under an Obligation» // Herald of the Economic Justice of the Russian Federation. 2018. № 3. P. 92–9.
11. Crocq P. Revue trimestrielle de droit civil, 2010, p. 597, observation sous Arrêt de la chambre civile de la Cour de Cassation, 26 mai 2010.
12. Fille-Lamble O., Laisney L.J. Le nantissement de créance, supplétif ou alternative à la cession Daily? // Banque et droit. 2010. № 132.
13. Borga N. Observation sous Arrêt de la chambre civile de la Cour de Cassation, 26 mai 2010 // Recueil Dalloz, 2010.
14. Aynès L. Observation sous Arrêt de la chambre civile de la Cour de Cassation, 5 févr. 2009 // Recueil Dalloz, 2009.
15. Egorov A.V. Netting and Setting Off: Correlation of Concepts for Challenging Transaction in Bankruptcy // Herald of the Economic Justice of the Russian Federation. 2019. № 7. P. 36–65.
16. Hervieu M. Droit des obligation. Dettes connexes: leur compensation s'impose au juge // https://actu.dalloz-etudiant.fr/a-la-une/article/dettes-connexes-leur-compensation-simpose-au-juge/h/e5cf5888acd8a067_2b9e536e328a15a6.html Дата обращения 01.03.2022 г.
17. Kantor N.E. Set-Off against Closely Connected Rights in Terms of Saldo Theory // Herald of the Economic Justice of the Russian Federation. 2021. № 9. P. 136–178.
18. Budulin S. Setting Off in Bankruptcy: revision or bargain? The SC RF extends the Setting Off application sphere // Legal work at Credit organization. 2021. № 3. P. 6–27.
19. Duboc M. La compensation et les droits des tiers. 1998.

Чулков Иван Константинович,

аспирант кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: ivanchul@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные примеры ограничений свободы передачи прав на космический объект в международном частном космическом праве, в том числе проблемы концепции «запускающее государство», а также нюансы, связанные с правом использования участков околоземной орбиты и радиочастот. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой одним из способов избегания существующих ограничений, является возможность создания иностранной организацией своего обособленного подразделения в соответствии с законодательством страны, являющейся «запускающим государством». В то же время в статье раскрываются сложности, связанные с названным подходом, на примере законодательств разных стран.

Ключевые слова: международное частное космическое право, концепция «запускающее государство», право на участок на околоземной орбите, право использования радиочастот, свобода волеизъявления сторон, свобода договора, автономия воли.

Современное общество уже нельзя представить без ежедневного использования им многочисленных результатов космической деятельности. Метеорология, навигация, спутниковая связь, дистанционное зондирование Земли, а также многое другое уже стали неотъемлемой частью бытия современного человека. При этом если в XX веке традиционным являлось оказание большинства названных услуг государством через различные космические агентства, корпорации и службы, то новшеством XXI века стало массовое вовлечение в рассматриваемую деятельность частных компаний. В то же время в процессе своей деятельности данные организации достигают собственных целей путем реализации различных принадлежащих им прав, в том числе и прав собственности на космические объекты. Между тем существующее международное частное космическое право содержит ряд ограничений такой неотъемлемой составляющей права собственности, как право распоряжения. В особенности данное утверждение касается сделок с иностранными государствами и частными лицами. На основе этого актуальным является вопрос о потенциальной возможности передачи прав на космический объект в соответствии с существующим международным и национальным космическим правом.

На текущий момент международное космическое частное право не содержит определенного и нормативно закрепленного перечня ограничений принципов свободы сторон ни на международном, ни на национальном уровнях. Изучая пределы возможностей сторон гражданского оборота в данной области, нельзя не отметить, что за государством всегда сохраняется роль особого первичного субъекта космической деятельности. По этой причине правовые вопросы, относящиеся к космической деятельности, всегда будут связаны с правами, интересами и обязанностями государства, даже если фактически действующим лицом является частная компания. Такое положение закреплено в статье VI Договора по космосу [1], устанавливающей ответственность государства за деятельность его неправительственных субъектов, а также предусматривающей, что космическая деятельность неправительственных лиц должна осуществляться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства. Кроме того и Договор по космосу и Конвенция 1975 года о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство [2], предусматривают необходимость внесения запускаемых космических объектов в соответствующий реестр, который ведет государство и информацию из которого государство передает в ООН.

Таким образом, государство, определяемое в соответствии с международными космическими соглашениями в качестве «запускающего государства», априори является тесно связанным с космической деятельностью, осуществляемой подконтрольными ему неправительственными лицами. В дополнение к этому, концепция «запускающего государства», представленная в современном международном публичном космическом праве, характеризуется неопределенностью. На это обращают внимание такие исследователи, как Г.Р. Герцфельд и Ф. Г. фон дер Данк [3, с. 89]. По мнению П.Б. Ларсена причина этого кроется в том, что составители существующих космических договоров изначально не предусматривали возможность изменений в праве собственности на космические объекты, находящиеся на орбите [4, с. 383].

Суть проблемы заключается в том, что передача прав на космический объект, запущенный в космическое пространство, иностранному частному лицу или другому государству, оставаясь формально допустимой, на практике в большинстве случаев является невозможной из-за отсутствия процедуры по передаче статуса «запускающего государства» государству, которое в дальнейшем будет осуществлять контроль над космическим объектом.

Подобная ситуация может возникнуть как при непосредственном взаимодействии государств между собой, так и при сотрудничестве частных организаций разных стран. В практическом плане решение названного вопроса приводит к двум вариантам развития событий. Во-первых, возможно крайне удачное стечение обстоятельств, в результате чего государство, к которому должен перейти контроль над космическим объектом, действительно может обладать по отношению к указанному космическому объекту статусом «запускающее государство». Примером такой ситуации является случай, когда Китай вместе с переходом под его управление Гонконга, получил права на гонконгские спутники, ранее зарегистрированные в национальном реестре Великобритании [5, с. 90]. Причиной того, что названный переход стал возможен, является присоединение к Китаю территорий, с которых фактически был осуществлен запуск космических объектов, что позволяет ему считаться «запускающим государством».

В большинстве же случаев намерение передать права на запущенный космический объект является нереализуемым. В результате этого изначально «запускающее государство» должно согласиться с тем, что оно фактически утратит контроль над космическим объектом, но продолжит нести за него ответственность. Именно это произошло при продаже английского спутника частной шведской компании, когда Великобритания продолжила считаться «запускающим государством» [6, с. 152]. В приведенном примере сделка состоялась благодаря очевидным уступкам со стороны продавца. Подобная конструкция однозначно будет противоречить интересам государств, а потому в большин-

стве случаев передача прав на космический объект окажется невозможной.

К аналогичному выводу приводит и анализ правовой природы связанных с правом собственности на космическое средство прав на участок орбиты, который занимается соответствующим объектом, а также на радиочастоты, которые используются им для собственного функционирования.

В соответствии с Уставом и Конвенцией Международного союза электросвязи от 22 декабря 1992 года [7] радиочастоты распределяются между государствами на основе принципа справедливости. В свою очередь участки геостационарной орбиты, исходя из положений Конвенции, являются ограниченным природным ресурсом, процесс распределения которых основывается на положениях Договора по космосу.

Таким образом, названные природные ресурсы не подлежат присвоению и предоставляются государствам в пользование на основе принципа справедливости. Следовательно, при продаже самого космического имущества мы сталкиваемся с необходимостью определения дальнейшей судьбы связанных с ним прав на использование радиочастот и участка геостационарной орбиты. В этом случае космический объект должен быть приспособлен к работе на другой радиочастоте и на другом участке орбиты Земли. При этом техническая осуществимость указанных действий оказывается под вопросом, а фактическое перемещение космического объекта на другой участок орбиты может спровоцировать столкновения космических объектов и другие аварии.

Если же предположить возможность отказа от необходимости изменения радиочастоты и участка орбиты, на которых функционирует спутник, то возникает закономерный вопрос об обоснованности и допустимости использования предоставленных одному государству на основе принципа справедливости ограниченных природных ресурсов в интересах другого государства, независимо от того происходит это напрямую или через его неправительственных лиц.

Между тем напрашивается и наиболее очевидный вариант решения названных проблем. Для того чтобы сделать передачу прав на космический объект возможной достаточно избежать вовлечения в эту процедуру другого государства. Если новым владельцем прав на космическое имущество окажется иное частное лицо того же государства, то вышеуказанных проблем с передачей прав на космический объект не возникнет. Кроме того, при использовании данного подхода, теоретически возможным становится переход прав к иностранному лицу посредством механизма открытия обособленного подразделения в соответствующем государстве. Однако обе описанные ситуации кажутся эффективным решением возникающих проблем лишь только на первый взгляд.

В соответствии со ст. 4 Закона Великого Герцогства Люксембург от 20 июля 2017 г. «Об исследовании и использовании космических ресурсов» [8] разрешение на осуществление космической де-

тельности может быть предоставлено либо юридическому лицу, созданному в соответствии с законодательством Люксембурга, либо европейской организации, штаб-квартира которой расположена в Люксембурге. Аналогичные нормы содержатся и в ст. 6 Закона Великого Герцогства Люксембург от 15 декабря 2020 г. «О космической деятельности» [9] (далее – Закон Люксембурга 2020 г.). Таким образом, законодательство Герцогства прямо запрещает предоставление лицензии на осуществление космической деятельности иностранным организациям, основные подразделения которых находятся в других государствах. При этом в обоих нормативных правовых актах возможность признания лицензии, выданной иностранным государством, не предусматривается.

Между тем ст. 12 Закона Люксембурга 2020 г. указывает на то, что передача вещных или личных прав, которая влечет за собой передачу контроля над самим космическим объектом, возможна только при получении предварительного разрешения от уполномоченного министра. В то же время п. 4 названной статьи конкретизирует, что для получения разрешения, организация-преемник должна быть создана в Люксембурге, либо у Герцогства должно быть заключено соглашение с государством принадлежности организации-преемника о распределении ответственности, связанной с передаваемыми космическими объектами.

На основе сказанного, можно констатировать, что в Великом Герцогстве Люксембург возможность передачи прав на космический объект, в том числе иностранной организации, предусмотрена на законодательном уровне. Тем не менее, в случае с иностранной организацией, необходимо заключение между Люксембургом и другим государством соглашения о распределении ответственности, примеров которого на текущий момент не существует. Данное обстоятельство, вероятно, приведет к невозможности международной передачи прав на космическое имущество.

Из содержания п. 2 ст. 2 Закона Великобритании от 18 июля 1986 г. «О космическом пространстве» [10] можно сделать вывод, что лицами, обладающими правом на получение лицензии на осуществление космической деятельности, являются все граждане и организации Объединенного Королевства, все граждане и организации зависимых территорий, а также граждане и организации, которые могут быть признаны находящимися под защитой Великобритании.

Ни в названном законодательном акте, ни в Законе Великобритании от 15 марта 2018 г. «О космической промышленности» [11] за иностранными гражданами и организациями право на получение или признание лицензии не закреплено. При этом правила, касающиеся допустимости передачи прав на космический объект в обоих упомянутых выше актах не содержатся. Это позволяет сделать вывод об их урегулировании на основе нормативных правовых актов общего действия. Тем не менее, отсутствие норм, предусматривающих выдачу

разрешения на осуществление космической деятельности иностранным частным лицам, подразумевает под собой практическую невозможность передачи прав на космический объект через представительство иностранной организации в Великобритании или через получение самостоятельной лицензии организацией, созданной и функционирующей в другой стране.

Иной подход предусмотрен в Законе Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-I «О космической деятельности» [12]. Так в ст. 27 предусматривается, что правовой режим устанавливается для иностранных организаций и граждан, осуществляющих космическую деятельность под юрисдикцией РФ, на основе принципа взаимности.

Тем не менее, исходя из дословного толкования данной нормы, в Российской Федерации осуществлять космическую деятельность могут иностранные юридические лица через свои представительства. Так как российским законодательством не предусмотрена процедура признания иностранных лицензий на осуществление космической деятельности, иностранному юридическому лицу необходимо в установленном порядке получить лицензию российского образца. В то же время российское законодательство также не содержит норм, регулирующих порядок передачи имущественных прав на космический объект.

Таким образом, представленный подход отечественного законодательства формально благоприятствует избеганию проблем, связанных с концепцией «запускающее государство». Тем не менее, стоит обратить внимание на тот факт, что упоминаемый принцип взаимности, содержащийся в представленной правовой норме, будет препятствовать осуществлению соответствующей деятельности для организаций из большинства космических держав.

Таким образом, практика передачи имущественных прав на космический объект иностранной организации, на данный момент является в лучшем случае теоретически возможной и прямо не запрещенной на уровне национального космического права государств. При этом уровень сложности предполагаемой сделки в большинстве случаев станет непреодолимой преградой для частных компаний. Основной причиной этого является повышенный уровень государственной вовлеченности в процесс осуществления космической деятельности, предусмотренный космическим правом. В то же время некоторое несовершенство и неопределенность, свойственные нормам данной отрасли международного права, порождают дополнительные ограничения. При этом попытка иностранных организаций войти в правовое русло соответствующего государства путем получения необходимой лицензии или создания на территории страны обособленного подразделения не приводят к желаемому результату. В этой связи, а также с учетом возрастания уровня востребованности процедуры передачи прав на космический объект в будущем, государствам необходимо предусмотреть

реть более действенные механизмы либо на уровне своего национального права, либо на уровне международных соглашений.

Литература

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (заключен в г.г. Москве, Вашингтоне, Лондоне 27 января 1967 г.) // Ведомости ВС СССР, 1967. – № 44. – Ст. 588.
2. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (Нью-Йорк, 14 января 1975 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. -М., 1980. – вып. XXXIV.
3. Von der Dunk F.G., Hertzfeld H.R. Bringing Space Law into the Commercial World: Property Rights without Sovereignty / F.G. von der Dunk, H.R. Hertzfeld // Chicago Journal Of International Law – 2005 – № 6 – P. 81–99.
4. Larsen P.B. The Berlin Space Protocol: Update / P.B. Larsen // Zeitschrift für Luft – und Weltraumrecht – 2015 – P. 361–395
5. Prodromou G. Property Rights in Outer Space law / G. Prodromou //Балтийский Юридический Журнал – 2014. – № 4 – P. 87–93.
6. Международное космическое право: учебник для вузов / Г.П. Жуков [и др.]; под ред. Г.П. Жукова, А.Х. Абашидзе. – 2-е изд., стер. – М.: Юрайт, 2021. – 528 с.
7. Конвенция Международного союза электросвязи // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 48.
8. Loi du 20 juillet 2017 sur L'exploration et L'utilisation des ressources de L'espace. // Website Gouvernement.lu. URL: <http://Legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (accessed date: 20.03.2023).
9. Loi du 15 décembre 2020 portant sur les activités spatiales et modifiant // Website Gouvernement.lu. URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2020/12/15/a1086/jo> (accessed date: 20.03.2023).
10. Outer Space Act 1986 // Website Legislation.gov.uk URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/38/introduction> (accessed date: 10.03.2023).
11. Space Industry Act 2018 // Website Legislation.gov.uk URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/5/contents/enacted> (accessed date: 10.03.2023).
12. Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663–1 «О космической деятельности» (в ред.

от 11 июня 2021 г.) // Российская газета 1993. № 186; 2021. № 133.

FORMATION OF THE INSTITUTION OF TRANSFER OF RIGHTS TO A SPACE OBJECT

Chulkov I.K.

Saratov State Law Academy

The article discusses some examples of restrictions on the freedom of transfer of rights to a space object in international private space law, including the problems of the concept of “launching state”, as well as nuances related to the right to use near-Earth orbit and radio frequencies. The author puts forward a hypothesis according to which one of the ways to avoid existing restrictions is the possibility of a foreign organization creating its own separate unit in accordance with the legislation of the country that is the “launching state”. At the same time, the article reveals the difficulties associated with this approach, using the example of the legislations of different countries.

Keywords: international private space law, the concept of “launching state”, the right to a site in near-Earth orbit, the right to use radio frequencies, freedom of expression of the parties, freedom of contract, autonomy of will.

References

1. Treaty on the Principles of the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies (concluded in Moscow, Washington, London on January 27, 1967) // Vedomosti VS USSR, 1967. – No. 44. – Article 588.
2. Convention on Registration of Objects Launched by into outer space (New York, January 14, 1975) // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign States. -M., 1980. – issue XXXIV.
3. Von der Dunk F.G., Hertzfeld H.R. Bringing Space Law into the Commercial World: Property Rights without Sovereignty / F.G. von der Dunk, H.R. Hertzfeld // Chicago Journal Of International Law – 2005 – № 6 – P. 81–99.
4. Larsen P.B. The Berlin Space Protocol: Update / P.B. Larsen // Zeitschrift für Luft – und Weltraumrecht – 2015 – P. 361–395
5. Prodromou G. Property Rights in Outer Space law / G. Prodromou //Baltic Law Journal – 2014. – No. 4 – P. 87–93.
6. International space law: textbook for universities / G.P. Zhukov [et al.]; edited by G.P. Zhukov, A.H. Abashidze. – 2nd ed., ster. – M.: Yurayt, 2021. – 528 p.
7. Convention of the International Telecommunication Union // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 48.
8. Loi du 20 juillet 2017 sur L'exploration et L'utilisation des ressources de L'espace. // Website Gouvernement.lu. URL: <http://Legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (accessed date: 20.03.2023).
9. Loi du 15 décembre 2020 portant sur les activités spatiales et modifiant // Website Gouvernement.lu. URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2020/12/15/a1086/jo> (accessed date: 20.03.2023).
10. Outer Space Act 1986 // Website Legislation.gov.uk URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/38/introduction> (accessed date: 10.03.2023).
11. Space Industry Act 2018 // Website Legislation.gov.uk URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/5/contents/enacted> (accessed date: 10.03.2023).
12. Law of the Russian Federation No. 5663–1 of August 20, 1993 “On Space Activities” (as amended. dated June 11, 2021) // Rossiyskaya Gazeta 1993. № 186; 2021. № 133.

Сравнительно-правовой анализ действия в пространстве уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан

Амиров Азизджон Азаматович,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА им. Кутафина)
E-mail: azizjon-amirov@mail.ru

Данная статья посвящена сравнительно-правовому анализу действия в пространстве уголовных законов Российской Федерации и Республики Таджикистан. Несмотря на то, что был разработан Модельный уголовный кодекс для стран-участников СНГ как основа для принятия новых уголовных кодексов, Россия и Таджикистан приняли собственные уголовные кодексы с учетом исторических и культурных особенностей. В процессе анализа приводятся соответствующие сходства и различия между уголовным законодательством Российской Федерации и Республикой Таджикистан, а также приводятся мнения ученых о значении сравнительно-правового анализа. Автор особый акцент делает на принципе специальной миссии, так как данный принцип отсутствует в УК РТ. При этом в УК РТ отсутствует норма об ответственности иностранных военнослужащих, дислоцирующихся на территории РТ. Между тем этот вопрос актуален для РТ, поскольку на ее территории располагается 201-я российская военная база. Учитывая современное положение в мире, законодателю следовало бы рассмотреть данный вопрос.

Ключевые слова. Уголовный закон, действие, сравнение, сходства, отличие, преступление, наказание, принцип гражданства, ответственность, территориальность, реальный, универсальный, иностранный гражданин.

Сравнение является одним из наиболее распространенных методов научного познания. В целом его суть заключается в сопоставлении объектов с целью выявления между ними сходства и различия [9, с. 538]. По мнению А.А. Малиновского, сущность сравнительно-правового метода заключается в правовых явлениях разных государств для выявления сходств и различий [7, с. 4].

По мнению А.Х. Саидова, «сравнительно-правовые исследования, позволяют, во-первых, изучить явления правовой действительности, которые ранее не охватывались проблематикой правоведения, и выйти за национальные рамки своей правовой системы; во-вторых, взглянуть под особым углом зрения на ряд традиционных проблем юридической науки с учетом тенденций развития права в современном мире» [8, с. 31].

Следует отметить, что выше высказанные идеи ученых о значении сравнительно-правового исследования могут помочь в выявлении пробелов и перенять положительный опыт в развитии законодательства. Однако, важно также учитывать, что при проведении сравнительного анализа необходимо учесть специфику каждой правовой системы и культурные особенности, чтобы извлечь наиболее ценные уроки и адаптировать их к собственным потребностям. Потому что каждое государство обладает независимостью в определении пределов действия своего уголовного закона.

Сопоставление основных положений уголовного закона Республики Таджикистан (далее – РТ) и Российской Федерации (далее – РФ) о действии уголовного закона в пространстве даст возможность выявить схожие и отличительные черты данного института, а также в выявлении пробелов действующих законодательств и перспектив для дальнейшего совершенствования.

В уголовных законах Таджикистана и России правила действия уголовного закона в пространстве структурно объединены с правилами действия уголовного закона во времени в рамках одной главы, которые имеют схожее название «Действие уголовного закона во времени и в пространстве». Принципы действия УК РФ в пространстве предусмотрены в статьях 11 и 12. Статья 11 УК РФ называется «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации» и ст. 12 «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федера-

ции» [5]. Аналогичным образом называются статьи 14 и 15 УК РФ.

Принцип территориальности является основным принципом действия уголовного закона в пространстве, который закреплен в уголовных законах РФ и РТ. Согласно этому принципу, уголовное законодательство государства применяется к преступлениям, совершенным на его территории, независимо от гражданства нарушителя. Этот принцип основывается на суверенитете государства и его праве защищать свою территорию и обеспечивать правопорядок в ней.

В ч. 1 ст. 11 УК РФ сказано, что «Лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по УК РФ» [5]. Аналогичное положение предусмотрено и в ч. 1 ст. 14 УК РТ.

В ч. 2 ст. 11 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за совершения преступления в пределах территориального моря, а также в континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне [5]. Подобное положение отсутствует в УК РТ, скорее всего из-за того, что Таджикистан не имеет выхода к морю. Следует подчеркнуть, что в ч. 2 ст. 14 УК РТ подробно описаны какие деяния считаются совершенными на территории РТ. Согласно ч. 2 ст. 15 УК РТ «Преступлением, совершенным на территории Республики Таджикистан, следует признать такое деяние, которое: а) начато или продолжилось, либо было окончено на территории Республики Таджикистан; б) совершено за пределами Республики Таджикистан, а преступный результат наступил на ее территории; в) совершено на территории Республики Таджикистан, а преступный результат наступил за ее пределами; г) совершено в соучастии с лицами, осуществившими преступную деятельность на территории другого государства» [4]. Такое развернутое положение отсутствует в ст. 11 УК РФ. В этом контексте надо подчеркнуть, что в частях 1 и 3 ст. 14 УК РТ закреплено «... если иное не предусмотрено международно-правовыми актами, признанные Таджикистаном». Похожее положение отсутствует в УК РФ. К примеру, А.Г. Князев поддерживает идею о внесении такого положения в УК РФ [6, с. 11].

Принцип дипломатической неприкосновенности занимает важное место в правовых системах РФ и РТ. Данный принцип единообразно закреплен в законодательстве обеих стран, которая определяет, что уголовная ответственность дипломатических представителей иностранных государств и иных лиц, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения ими преступления решается согласно нормам международного права. Этот принцип, закреплен в различных международных документах. Наличие данного принципа являются гарантом стабильности и взаимопонимания между государствами, поддерживая мирное сосуществование, которая способствует сохранению мира и укреплению взаимоотношений между государствами.

Законодательства России и Таджикистана придерживаются принципа ответственности своих

граждан за совершение преступлений за пределами собственных государственных территории. Этот принцип предусматривает, что государство имеет право привлечь своих граждан к уголовной ответственности за преступления, совершенные за его пределами. Из этого следует, что независимо от места совершения преступления, граждане государства могут быть привлечены к уголовной ответственности согласно законодательству своей страны. Этот принцип предусмотрен в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ [2] и ст. 10 Конституции РТ [1], где сказано, что граждане государства обязаны соблюдать Конституцию и законы.

Статья 12 УК РФ отличается от ст. 15 УК РТ тем, что в ст. 12 УК РФ отсутствует положение о двойной преступности. Согласно ст. 15 УК РТ «Гражданин Республики Таджикистан, а также постоянно проживающее в ней лицо без гражданства, за преступление, совершенное на территории иностранного государства привлекается к уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом в случае, если совершенное им деяние признается преступлением в государстве, на территории которого совершено такое деяние и, если это лицо не было осуждено за данное преступление в иностранном государстве» [4]. При этом в УК РТ и некоторых стран Содружества используется следующая формулировка: «...если эти лица не были осуждены в иностранном государстве». К сожалению, без изменений эта норма сохранена почти во всех УК стран СНГ, что как раз подтверждает недостаточную проработку этой проблемы при принятии новых УК стран СНГ. Другое отличие ст. 12 УК РФ от УК РТ в том, что в ч. 1 ст. 12 УК РФ закреплено «... если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства» [5].

Однако не стоит забывать, что в 2016 г. законодатель расширило сферу действия принципа гражданства новой нормой, которое было закреплено как ч. 4 ст. 15 УК РТ. Согласно этой норме граждане Таджикистана и лица которые не имеют гражданства, но постоянно проживают на его территории за преступления совершенное на территории иностранного государства будут привлекаться к уголовной ответственности. Например, ст. 4011 УК РТ (Незаконное вовлечение и участие граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженном конфликте или военных действиях на территории других государств). Схожая норма отсутствует в уголовном законодательстве РФ.

Этот принцип является важным инструментом поддержания правопорядка, обеспечения мира и стабильности в регионе, позволяя наказывать своих граждан за преступные действия, совершенные за границей, и предотвращая уклонение от ответственности путем использования географического положения.

В ч. 2 ст. 12 УК РФ предусмотрено положение, касающиеся уголовной ответственности военнослужащих воинских частей, расположенных за пре-

делами своего государства. Согласно этому положению, «Военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации» [5]. В УК РТ отсутствует норма об ответственности иностранных военнослужащих, дислоцирующихся на территории РТ. Между тем этот вопрос актуален для РТ, поскольку на ее территории располагается 201-я российская военная база. Согласно ст. 4 Договора о коллективной безопасности, в случае угрозы одному из стран участников ОДКБ, другие участники должны оказать необходимую помощь, в том числе и военную [3]. Учитывая современное положение в мире, законодателю следовало бы рассмотреть данный вопрос.

Реальный принцип аналогичным образом отражен как в РФ так и в РТ. В реальном принципе УК РТ предусмотрено, что ответственность может наступать только за тяжкое или особо тяжкое преступление, которое направлено против интересов государства или его граждан. А в УК РФ тяжесть совершения преступления не предусмотрено. Этот принцип позволяет привлекать к уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, не являющихся постоянными жителями конкретной страны, за совершение определенных видов преступлений вне территории данного государства. Этот принцип устанавливает экстерриториальное действие уголовного законодательства, которая позволяет государству действовать в защиту своих интересов даже за пределами своей территории. Реальный принцип обеспечивает расширенную юрисдикцию государства в случаях, когда тяжкие преступления совершаются за границей, но направлены против граждан или интересов конкретной страны, что способствует борьбе с транснациональной преступностью и обеспечивает более эффективное преследование преступников.

Согласно универсальному принципу каждое государство имеет право привлечь любое лицо к уголовной ответственности за преступления совершенные на территории чужого для преступника государства, признанные международным сообществом как преступления против всего человечества, такие как военные преступления, геноцид, экоцид и т.д. В соответствии с этим принципом, государства могут преследовать и привлекать к ответственности лиц, совершивших такие преступления, вне зависимости от их гражданства или места совершения преступления. Данный принцип одинаково закреплен как в УК РФ так и в УК РТ. Такая строгость закона имеет важное значение для обеспечения национальной безопасности и предотвращения вовлечения граждан России и Таджикистана в экстремистские и террористические деятельности за пределами страны.

Современный мир, в котором государства тесно взаимодействуют на различных уровнях, вынужда-

ет законодателей уделять особое внимание вопросам действия уголовного закона в разных контекстах. Несмотря на то, что был разработан Модельный уголовный кодекс для стран-участников СНГ как основа для принятия новых уголовных кодексов, Россия и Таджикистан приняли собственные уголовные кодексы с учетом исторических и культурных особенностей. Тем не менее, важно продолжать разрабатывать механизмы сотрудничества между государствами для эффективной борьбы с преступностью. Это могло бы способствовать сбалансированному и справедливому применению уголовного законодательства, учитывая интересы и суверенитет каждой страны.

Литература

1. Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994 г. [Электронный ресурс] / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Режим доступа: <http://ncz.tj/>. (Дата обращения: 19.11.2023).
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/54d-d4e1f61e0b8fa47bff695f0c08b192a95f7a3/ (Дата обращения: 20.11.2023).
3. Договор о коллективной безопасности от 15.05.1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (Дата обращения: 19.11.2023).
4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. [Электронный ресурс] / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Режим доступа: <http://ncz.tj/>. (Дата обращения: 19.11.2023).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d8be5c-1d1e38cae956538d0b81e8d40d9fa520d8/ (Дата обращения: 20.11.2023).
6. Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2006. – 179 с.
7. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М.: Международные отношения, 2002. – 376 с.
8. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). – М.: Юрист, 2003. – 448 с.
9. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М., 2001. – 719 с.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE ACTION IN THE SPACE OF CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Amirov A.A.

O.E. Kutafin University (MSAL)

This article is devoted to a comparative legal analysis of the action in the space of criminal laws of the Russian Federation and the

Republic of Tajikistan. Although a Model Criminal Code was developed for the CIS member countries as a basis for the adoption of new criminal codes, Russia and Tajikistan adopted their own criminal codes taking into account historical and cultural characteristics. In the process of analysis, the relevant similarities and differences between the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan are presented, as well as the opinions of scientists on the importance of comparative legal analysis. The author places special emphasis on the principle of a special mission, since this principle is absent in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan. At the same time, the Criminal Code of the Republic of Tajikistan does not contain a provision on the liability of foreign military personnel stationed on the territory of the Republic of Tajikistan. Meanwhile, this issue is relevant for the Republic of Tajikistan, since the 201st Russian military base is located on its territory. Considering the current situation in the world, the legislator should consider this issue.

Keywords. Criminal law, action, comparison, similarities, differences, crime, punishment, principle of citizenship, responsibility, territoriality, real, universal, foreign citizen.

References

1. Constitution of the Republic of Tajikistan dated November 6, 1994 [Electronic resource] / National Center for Legislation under the President of the Republic of Tajikistan. – Access mode: <http://ncz.tj/>. (Date of access: 11.19.2023).
2. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 [Electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/54dd4e1f61e0b8fa47bff695f0c08b192a95f7a3/ (Date of access: 11.20.2023).
3. Collective Security Treaty of May 15, 1992 [Electronic resource]. – Access mode https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (Date of access: 11.19.2023).
4. Criminal Code of the Republic of Tajikistan. [Electronic resource] / National Center for Legislation under the President of the Republic of Tajikistan. – Access mode: <http://ncz.tj/>. (Date of access: 11.19.2023).
5. Criminal Code of the Russian Federation. [Electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d8be5c1d1e38cae956538d0b81e8d40d9fa520d8/ (Date of access: 11.20.2023).
6. Knyazev A.G. Action of criminal law in space: dis. ...cand. legal Sci. – Ulyanovsk, 2006. – 179 p.
7. Malinovsky A.A. Comparative jurisprudence in the field of criminal law. – M.: International Relations, 2002. – 376 p.
8. Saidov A. Kh. Comparative law (the main legal systems of our time). – M.: Jurist, 2003. – 448 p.
9. Philosophical Dictionary / ed. I.T. Frolova. – M., 2001. – 719 p.

Значение принципа справедливости при осуществлении уголовно-правовой политики

Андреев Семен Петрович,

преподаватель, кафедра общеправовых дисциплин,
Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России
E-mail: andreev.semen.87@list.ru

Принцип справедливости является одним из центральных институтов уголовного закона. Несмотря на это в научном сообществе нет единого видения его роли в процессе реализации уголовно-правовых норм, определяющих порядок применения уголовной репрессии, а также проведения уголовно-правовой политики. Сфера реализации принципа справедливости охватывает как правотворческий, так и правоприменительный уровни. Это объясняется тем, что назначение справедливого наказания, которое находит законодательное выражение в ч. 1 ст. 6 УК РФ, невозможно в отрыве от справедливости процесса формирования круга преступных деяний и установления санкции за их совершение.

В статье рассматриваются вопросы значения принципа справедливости уголовного закона в рамках осуществления уголовно-правовой политики. Автором проведен анализ научной литературы и уголовно-правовых норм на предмет отражения в них положений ст. 6 УК РФ, на основании которого сделан вывод о роли рассматриваемого понятия в правотворческих и правоприменительных процессах.

Ключевые слова: принципы уголовного права, принцип справедливости, уголовно-правовая политика, уголовная ответственность, уголовное наказание.

Принцип справедливости является одним из центральных институтов уголовного закона. Несмотря на это в научном сообществе нет единого видения его роли в процессе реализации уголовно-правовых норм, определяющих порядок применения уголовной репрессии, а также проведения уголовно-правовой политики.

Зачастую в правоприменительных кругах доминирует мнение, что положения ст. 6 УК РФ носят сугубо декларативное значение и призваны только обозначить абстрактное отношение законодателя к вопросам избрания справедливой меры в отношении виновного.

Данная точка зрения, представляется некорректной, так как нарушает логику построения и развития уголовного закона. Принципы, являясь незыблемыми столпами, фундаментом любой отрасли права, определяют аксиологический порядок ее существования и развития [1, с. 38].

На основании изложенного, представляется необходимым предпринять попытку обоснования несостоятельности приведенной точки зрения путем теоретического осмысления вопросов отражения принципа справедливости в положениях норм уголовного закона и его способности влияния на проведение уголовно-правовой политики посредством этого отражения.

Так, в научном сообществе отношение к дефиниции «принцип права» отлично от ее понимания в среде правоприменителей. Важную роль данного института отмечают С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев, Т.Р. Сабитов, С.В. Завадский и др.

С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, вторя настоящей дискуссии из второй половины 20 века, недвусмысленно утверждают, что принцип – это «не пассивное отражение действительности и не абстрактное положение, а действенный институт регулирования правовых отношений» [2, с. 23].

Говоря о принципах уголовного закона, их высокую значимость отмечал С.В. Завадский, справедливо считая, что они представляют собой «необходимый и достаточный минимум нравственных требований, господствующих в обществе, определяющих в конкретный исторический период социальную сущность уголовно-правовых институтов» [3, с. 7].

Тем самым, с учетом указанного представляется возможным заключить, что принцип уголовного закона является неким отраслевым началом, отражающим наиболее важные концептуальные ценности права.

Продолжая логику повествования и возвращаясь к принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), сле-

дует обозначить его место в системе принципов уголовного закона.

Необходимо отметить, что «принципу справедливости отводится роль главенствующего, своего рода основополагающего элемента, являющегося наиболее общим положением категории «справедливость» в его тексте. Своим содержанием он охватывает остальные принципы, регулируя их взаимодействие, выступает арбитром в случае возникновения уголовно-правовых коллизий, а также является знаменателем их идеального взаимоотношения, который и признается справедливым» [1, с. 26].

В свою очередь, если значимость принципа справедливости в научной среде не оспаривается, то его непосредственное отражение в положениях статей общей и особенной части Уголовного кодекса РФ, равно как и способность влиять на осуществление уголовной политики, представляется перспективным для дальнейшего исследования.

Так, Т.Р. Сабитов осмысляя феномен принципа уголовного права на философско-правовом уровне, рассматривал его как: «правовую идеологию как систематизированное научное выражение правовых взглядов, требований общества, которые охватывают как действующее уголовное право, так и весь слой правотворчества и право применения» [4, с. 4], тем самым заключая, что принципы являются базой для уголовно-правовой политики [4, с. 4].

Переходя к осмыслению данного вопроса, необходимо сформулировать понятие и очертить рамки уголовно-правовой политики.

Характеризуя уголовно-правовую политику, представляется возможным привести следующее определение, предложенное Е.П. Ищенко – «это система мер, реализуемых государственными органами в сфере противодействия преступности, в которой определены принципы, тактика и стратегия, основные задачи, формы и методы воздействия на преступность» [5, с. 11].

В науке уголовного права выделяют три уровня ее реализации:

- формирование круга преступных деяний;
- определение справедливой санкции;
- назначение справедливого наказания [2, с. 23].

Относительно вопроса том, на каких уровнях принцип справедливости находит свое отражение, мнения ученых разделились.

Так, В.В. Игнатов, Ю.А. Красиков [6, с. 12], Г.В. Мальцев [7, с. 47] и ряд других авторов считает границы его влияния не выходят за рамки назначения справедливого наказания. Подчеркивая, что действия принципа справедливости не выходят за рамки данного уровня, на стадии его осмысления и разработки В.Н. Кудрявцев и С.Г. Келина поясняли: «Поскольку уголовное право регулирует отношения между гражданами и государством, но не обращено непосредственно к законодателю, то в тексте этого принципа, как нам кажется, должно быть отражено только или главным образом проявление справедливости при определении

судом меры наказания, или иной меры уголовно-правового воздействия» [2, с. 23].

В рамках данного осмысления положения ст. 6 УК РФ несут сугубо оценочный характер призванный оценивать справедливость и соразмерность уголовной репрессии совершенному общественно опасному деянию, равно как определять «отношение осужденного, потерпевшего, населения к принятому судебному решению» [8, с. 102–103].

Однако, с точкой зрения о том, что принцип справедливости ограничивается оценкой назначенного наказания и не выходит за рамки правоприменения, согласны не все авторы.

Например, Н.А. Лопашенко, ссылаясь на устои законодательной формулировки ст. 6 УК РФ, «предлагает дополнить ее новой ч. 1 следующего содержания: «Уголовное законодательство Российской Федерации основывается и применяется в соответствии с принципом справедливости» [9, с. 242].

Впрочем, по мнению других ученых-правоведов, отмечающих важную роль принципа справедливости при осуществлении правотворческих процессов, данные законодательные новеллы являются излишними [10, с. 130; 11, с. 49].

Так, Б.В. Епифанов утверждает, что принцип справедливости, выступая фундаментом для построения и развития уголовного законодательства, проходит через всю его призму проверяя пригодность или непригодность уголовно-правовой нормы [11, с. 45]. Характеризуя социальную ценность данного принципа, автор отмечает его роль в оценке действий как законодателя на nive правотворческих инициатив, так и правоприменителя в рамках осуществления уголовного судопроизводства [11, с. 45].

Данную позицию также разделяет В.Н. Путило, который находит, что несоответствие правотворческого процесса принципам права негативно сказывается на справедливости и качестве правовых решений законодателя [12, с. 137].

Так, будучи уголовно-правовым началом, принцип справедливости ставит любую новеллу в области уголовного законодательства под непосредственный общественный контроль [13, с. 31]. В свою очередь, если законодателем будет допущена ошибка как при криминализации или декриминализации деяния, так и при определении санкции за его совершение, то данная ошибка неминуемо отразится и в работе суда, органов следствия и дознания [14, с. 104].

Говоря о правотворческом процессе определения преступности и неприступности деяния С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев писали: «Несоответствие уголовного закона принципу справедливости при криминализации того или иного деяния приводит к тому, что этот правовой запрет гражданами не соблюдается, не исполняется он и соответствующими правоприменительными органами» [2, с. 135].

Демонстрируя практическое выражение подобного регулирования, представляется интересным привести мнение Верховного Суда РФ к проек-

ту Федерального закона «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункт 4 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». При его оценке было установлено, что положения вышеупомянутой статьи в части касающейся ««близких лиц», нарушают уголовно-правовые принципы справедливости и соразмерности наказания, закрепленные в статье 6 УК РФ». В заключении высшая судебная инстанция делает эмоциональный вывод: «К сожалению, установить, чем руководствовались парламентарии, голосовавшие за эту поправку, установить невозможно».

На основании проведенного исследования представляется возможным прийти к выводу, что принцип справедливости, являясь справедливым началом установления кары за совершение общественно опасного деяния, регулирует отнесение тех или иных деяний к общественно опасным. В качестве обоснования данного вывода можно привести мнение Верховного Суда РФ: «Справедливость уголовного наказания начинается со справедливости криминализации общественно опасного деяния, т.е. закрепления в качестве состава преступления в УК только того деяния, которое причиняет общественно опасные последствия, достаточные для того, чтобы расценивать деяние как преступное».

Тем самым, представляется возможным заключить, что принцип справедливости обязывает законодателя проводить обоснованную уголовно-правовую политику, основанную на аксиологическом порядке в российском обществе. В свою очередь, если положения уголовного закона будут противоречить или не соответствовать аксиологическим вводным, заключенным в ст. 6 УК РФ, то они будут антагонистическим элементом в системе уголовного закона, которые воспринимаются правоприменителями и обществом как нелегитимные. Такие нормы будут обречены на бездействие [15, с. 74].

Говоря о криминализации и декриминализации общественно опасных деяний, вышеуказанный вывод аргументируется установлением связи между ст. 6 УК РФ и положениями ст. 14 УК РФ, а именно: «Преступлением признается виновно совершенное, общественно опасное деяние, запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания». В данном определении следует выделить два аспекта «общественную опасность» и «наказуемость». Указанные аспекты не могут существовать друг без друга, с точки зрения уголовно-правового законодательства они неотделимы. В свою очередь, ст. 6 УК РФ определяет, что «наказание и иные меры уголовно правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния». Следовательно, в соответствии с принципом справедливости, если

деяние не содержит в себе общественную опасность, то оно не может быть наказуемым, то есть не может расцениваться в качестве преступления.

С учетом приведенного довода, представляется возможным заключить, что принцип справедливости в рамках имеющегося закрепления в тексте уголовного закона осуществляет оценочное регулирование криминализации и декриминализации деяний.

Аналогично значимую роль принцип справедливости имеет и при оценке справедливости соотношения, установленной законодателем санкции за то или иное общественно опасное деяние. Обуславливая это утверждение во второй половине 19 века Н.Д. Сергиевский писал: «определяя наказание за отдельные преступные деяния, положительное право всегда руководствуется началом соразмерности наказаний по их тяжести со значением преступных деяний» [16, с. 43].

Следует отметить, что, будучи основным легальным началом соразмерности наказания за совершение общественно опасного деяния, ст. 6 УК РФ выступает гарантом справедливости не только на уровне правоприменения, но и в рамках законодательного формирования санкции.

Данное утверждение обусловлено тем, что процесс определения санкции нельзя рассматривать в отрыве от процесса дифференциации уголовной ответственности. Так, Ю.А. Демидов утверждает: «Данная санкция рассматривается в системе других санкций, а точнее, в системе всех санкций уголовного законодательства» [17, с. 93]. В частности данная система отражается в категоризации преступлений, а именно в ст. 15 УК РФ. Следовательно, если законодатель определит за совершение того или иного деяния санкцию, то она будет служить идентификатором определения его характера и степени тяжести. В свою очередь, если назначенная санкция не будет соотноситься с реальной общественной опасностью данного преступления, то оценочно данная новелла законодателя будет противоречить положениям принципа справедливости.

На основании выше сказанного, представляется возможным заключить, что сфера реализации принципа справедливости охватывает как правотворческий, так и правоприменительный уровни. Это объясняется тем, что назначение справедливого наказания, которое находит законодательное выражение в ч. 1 ст. 6 УК РФ, невозможно в отрыве от справедливости процесса формирования круга преступных деяний и установления санкции за их совершение.

Литература

1. Андреев С.П. Обеспечение принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 227 с.
2. Келина С. Г., Кудрявцев В.Н. Принципы Советского уголовного права. Москва: Наука, 1988. 176 с.

3. Завадский С.В. Обеспечение принципа справедливости в механизме освобождения от уголовной ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 24 с.
4. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореф. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.
5. Ищенко Е. П. О понятии и структуре уголовной политики // Пенитенциарная наука. 2009. № 5. С. 9–13.
6. Игнатов А. Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Москва, 2005. 592 с.
7. Мальцев Г.В. Справедливость и равноправие как принципы социалистического законодательства // Вопросы философии права. 1973. С. 47.
8. Велиев С.А. Принципы назначения наказания. Санкт-Петербург, 2004. С. 290; Горелик А.С. Назначение наказания по совокупности преступлений и приговоров. Красноярск, 1991. 388 с.
9. Лопашенко Н.А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. Саратов, 1989. С. 242.
10. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. Санкт-Петербург, 2003. 297 с.
11. Епифанов Б.В. Принцип социальной справедливости и уровни его проявления в уголовном праве (правотворческий аспект): монография / под. общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. 126 с.
12. Путило Н.В. Правовая политика современного демократического государства // Социология права. 2001. С. 124–142.
13. Комментарий к УК РФ / под ред. А.И. Бойко. Ростов-на-Дону, 1996. 521 с.
14. Епифанов Б. В., Музафаров С.З. Принцип справедливости и проблемы учета судимости при назначении наказания по УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4. С. 103–107.
15. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и доцента И.М. Тяжковой. Москва, 2002. 624 с.
16. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века: исследование; отв. ред. А.И. Чучаев, А.А. Ашин. Владимир: Транзит-Х, 2008. 300 с.
17. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. Москва: Юрид. лит., 1975. 184 с.

THE IMPORTANCE OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LAW POLICY

Andreev S.P.

Leningrad Regional Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The principle of justice is one of the central institutions of criminal law. Despite this, the scientific community does not have a unified vision of its role in the process of implementing criminal law norms that determine the procedure for applying criminal repression, as well as the implementation of criminal law policy. The scope of implementation of the principle of justice covers both law-making and law enforcement levels. This is explained by the fact that the imposition of a fair punishment, which finds legislative expression in Part 1 of Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is impossible, in isolation from the fairness of the process of forming a range of criminal acts and establishing sanctions for their commission. The article examines the importance of the principle of fairness of criminal law in the framework of the implementation of criminal law policy. The author analyzed the scientific literature and criminal law norms with a view to reflecting the provisions of Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the basis of which a conclusion was made about the role of the concept in question in law-making and law enforcement processes.

Keywords: principles of criminal law, principle of justice, criminal law policy, criminal liability, criminal punishment.

References

1. Andreev S.P. Ensuring the principle of justice when releasing from criminal liability in connection with the imposition of a court fine: diss. ...cand. legal Sci. St. Petersburg, 2022. 227 p.
2. Kelina S. G., Kudryavtsev V.N. Principles of Soviet criminal law. Moscow: Nauka, 1988. 176 p.
3. Zavadsky S.V. Ensuring the principle of justice in the mechanism of exemption from criminal liability: abstract. diss. ...cand. legal Sci. Ryazan, 2003. 24 p.
4. Sabitov T.R. Criminal law principles: concept, system and types: abstract. ... Doctor of Law. Sci. Ekaterinburg, 2019. 54 p.
5. Ishchenko E.P. On the concept and structure of criminal policy // Penitentiary science. 2009. No. 5. P. 9–13.
6. Ignatov A. N., Krasikov Yu.A. Course of Russian criminal law: in 2 volumes. T. 1. General part. Moscow, 2005. 592 p.
7. Maltsev G.V. Justice and equality as principles of socialist legislation // Questions of the philosophy of law. 1973. P. 47.
8. Veliev S.A. Principles of sentencing. St. Petersburg, 2004. P. 290; Gorelik A.S. Assignment of punishment based on the totality of crimes and sentences. Krasnoyarsk, 1991. 388 p.
9. Lopashenko N.A. Principles of codification of criminal law norms. Saratov, 1989. P. 242.
10. Pudovochkin Yu. E., Pivragidov S.S. Concept, principles and sources of criminal law: comparative legal analysis of the legislation of Russia and the countries of the Commonwealth of Independent States. St. Petersburg, 2003. 297 p.
11. Epifanov B.V. The principle of social justice and the levels of its manifestation in criminal law (law-making aspect): monograph / ed. total ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 126 p.
12. Putilo N.V. Legal policy of a modern democratic state // Sociology of law. 2001. pp. 124–142.
13. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. A.I. Boyko. Rostov-on-Don, 1996. 521 p.
14. Epifanov B.V., Muzafarov S.Z. The principle of justice and the problem of accounting for criminal records when imposing punishment under the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4. P. 103–107.
15. Criminal law course. A common part. T. 1. The doctrine of crime / ed. prof. N.F. Kuznetsova and Associate Professor I.M. Tyazhkova. Moscow, 2002. 624 p.
16. Sergeevsky N.D. Punishment in Russian law of the 17th century: research; resp. ed. A.I. Chuchaev, A.A. Ashin. Vladimir: Transit-X, 2008. 300 p.
17. Demidov Yu.A. Social value and assessment in criminal law. Moscow: Legal. lit., 1975. 184 p.

Бронников Сергей Александрович,

старший преподаватель кафедры «Мировой экономики и логистики» Уральского государственного университета путей сообщения
E-mail: 7sigma2007@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению и анализу специфики преступлений в области таможенного дела. Автором отмечено наличие нескольких подходов к пониманию понятия «таможенные преступления». Автором предлагается дефинировать эту категорию максимально широко. Согласно законодательным положениям, выделены две категории преступлений в области таможенного дела: таможенные преступления, зафиксированные в Уголовном Кодексе РФ и преступления, которые не являются таможенными в традиционном понимании, но входят в уголовно-процессуальную компетенцию таможенных ведомств. Рассмотрены актуальные проблемы уголовно-правового регулирования преступлений в сфере таможенного дела: определение места, объекта и момента совершения преступления, вопросы почтовой и киберконтрабанды, признание электронных денежных средств и виртуальной валюты предметами таможенных преступлений; отдельно рассмотрены проблемы регулирования перевозки наркотических и психотропных веществ.

Ключевые слова: таможенное преступление, преступление, уголовный кодекс, контрабанда, наркотическое вещество, законодательство, таможня

На современном этапе развития цивилизации мы сталкиваемся с беспрецедентным ростом взаимозависимости национальных экономик, сообществ и государств. Это, в свою очередь, приводит к активизации всех проявлений внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Современной ВЭД свойственные разнообразные формы трансграничного перемещения товаров, услуг, капиталов, сведений, продуктов интеллектуального труда. Многие из этих форм легальны, другие – еще не получили однозначной законодательной фиксации в качестве легальных, третьи же вступают теневыми – противозаконными. В общем виде использование подобных незаконных средств и инструментов осуществления ВЭД можно назвать таможенным преступлением.

Актуальность изучения преступлений в сфере таможенного дела обусловлена тем негативным влиянием, которое оказывают подобные деяния на внешнеэкономическую сферу государства, на внутреннюю экономику и социально-экономическую систему, на благополучие и здоровье граждан, на состояние окружающей среды.

Борьба с таможенными преступлениями требует комплексного подхода и использования разнообразных инструментов. Для того, чтобы бороться с таможенными преступлениями, государства и международные организации принимают различные меры (Таблица 1).

Несмотря на обширный перечень правовых, международных, институциональных и иных мер, направленных на противодействие преступности в области таможенного дела, статистика демонстрирует ежегодный рост объемов капитала, полученного преступным путем. Исследователи говорят о том, что преступления в таможенной области в России характеризуются высокой степенью латентности, сложностью идентификации и раскрытия. По В.А. Жбанкову, характерными чертами таможенных преступлений в нашей стране выступают общественная опасность, транснациональность, латентность, бланкетность, частотность совершения преступлений организованными группами (а не частными лицами) [4, с. 11]. Таможенные органы и правоохранители регулярно сталкиваются с фактами проведения нелегальных импортно-экспортных операций по транспортировке энергетического сырья, вывозом валютных ценностей, драгоценностей, а также со ввозом в страну наркотических и иных сильнодействующих субстанций, что не только подрывает экономическую безопасность государства, но и имеет значимые социальные последствия.

Таблица 1. Типы мер противодействия преступности в области таможенного дела

Тип мер	Меры	Сущность и специфика применения
Технические	Установка современных сканеров, анализаторов и детекторов	Для обнаружения контрабанды, опасных субстанций и предметов используются различные типы современных сканеров и детекторов, включая рентгеновские, радиочастотные и другие.
	Системы идентификации и трекинга	Технологии, позволяющие отслеживать товары на протяжении всего пути от производителя до потребителя, что облегчает контроль за их трансграничным перемещением и предотвращает фальсификацию.
Интеллектуальные	Системы анализа факторов риска	Использование ручных и машинных алгоритмов для выявления подозрительных паттернов в данных и документах, что помогает выявить потенциальные нарушения.
	Большие данные и машинное обучение	Интеллектуальный анализ массивов данных позволяет выявлять нетипичные транзакции и детали, которые могут указывать на таможенные нарушения.
Трансграничные	Обмен информацией	Таможенные органы разных стран обмениваются информацией о подозрительных отправлениях, преступных формированиях, готовящихся преступлениях и методах их совершения.
	Совместные операции	Сотрудничество при проведении операций позволяет эффективно идентифицировать и раскрывать таможенные преступления.
Квалификационные	Обучение	Таможенные служащие обучаются новым методам и технологиям идентификации преступлений, а также проходят курсы повышения квалификации.
	Обмен опытом	Обмен знаниями и опытом между таможенными службами разных стран.
Правовые	Ужесточение наказаний за таможенные преступления	Более строгие наказания за таможенные преступления могут служить «отпугивающим» фактором для потенциальных преступников и группировок.
	Либерализация законодательных массивов	Либерализация законодательства о таможенных преступлениях и декриминализация некоторых правонарушений позволяет избежать применения избыточных мер ответственности и перенаправить ресурсы на борьбу с серьезными преступлениями.
	Модернизация законодательства	Внесение изменений в законы и нормативные акты с целью учета новых видов таможенных преступлений, в т.ч. киберпреступлений.
Информационные	Образовательные кампании среди массовой общественности, в т.ч. жителей приграничных районов	Повышение осведомленности о таможенных правилах и последствиях совершения преступлений приводит к сокращению количества потенциальных нарушителей.
Антикоррупционные	Анти-коррупционные меры	Повышение прозрачности работы таможенных органов и введение практик «нулевой толерантности» к проявлениям коррупции.
Административные	Дебюрократизация	Улучшение процессов контроля ВЭД и частных трансграничных перевозок. Упрощение таможенных процедур и минимизация возможностей для злоупотреблений.

Примечание: собственная разработка автора

Правовые средства противодействия преступной деятельности во многом определяют характер и масштаб всех остальных мер, описанных выше (Табл. 1), что позволяет считать их наиболее значимой группой инструментов в рассматриваемой нами предметной области. Введение новых и отмена устаревших законодательных норм (речь в большинстве случаев идет об ужесточении законов и повышении ответственности за совершение таможенных преступлений) должно быть регулярным, системным, непрерывным процессом. Законы о таможенной деятельности, путешествиях, перевозках, таможенной службе и ВЭД должны постоянно обновляться, в противном случае законодатель не будет успевать за реалиями современности и многие новые виды преступлений остаются на периферии внимания законодателя. Уже сегодня отмечается огромное количество способов, к которым прибегают правонарушители, осуществляющие незаконное перемещение товаров и транспортных средств через границу [3, с. 283] – и многие из этих способов не отражены в законодательстве.

В современной литературе можно встретить мнение о том, что центральной проблемой рассматриваемой нами правовой области выступает отсутствие законодательно закрепленного определения понятия преступления в области таможенного дела и, как следствие, наличие противоречий во мнениях о сущности данного понятия в научных публикациях. Отсутствие универсальной дефиниции приводит к проблемам в законодательной систематизации и типологии преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере таможенного дела.

Причиной этого В.В. Витюк называет тот факт, что таможенные преступления не выделены в Уголовном кодексе РФ (УК РФ) в отдельную категорию. Это привело к разнообразию подходов исследователей к пониманию понятия «таможенные преступления» в областях уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, криминологии и проч. Отмечается также наличие множества тождественных или синонимичных понятий, четкой смысловой границы между которыми, как правило, не проводится: «преступления в таможенной сфе-

ре», «преступления в сфере таможенной деятельности», «преступления в области таможенного дела», «преступления в сфере ВЭД», «преступления, отнесенные к компетенции таможенных органов» и др. [2, с. 110].

Некоторые исследователи склонны существенно сужать понятие «таможенные преступления»; С.В. Воробьева, к примеру, интерпретирует данное понятие как (1) «незаконное перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу», (2) уклонение от выплаты обязательных таможенных пошлин, (3) подкуп должностных лиц таможенных ведомств [3, с. 282]. С.Е. Семенов, в свою очередь, говорит о том, что таможенные преступления следует понимать более широко: «общественно опасные, виновные, наказуемые деяния, посягающие на сферу экономической деятельности, связанную с порядком вывоза и ввоза на территорию России товаров и ценностей через таможенную границу вопреки правовому запрету» [9, с. 201]. Весьма развернутое определение предлагают Н.И. Крюкова и Е.Н. Арестова: «виновно совершенные, общественно опасные, уголовно наказуемые деяния, связанные с осуществлением деятельности в сфере таможенного регулирования и относящиеся к компетенции таможенных органов» [6, с. 110]. Исследователи указывают на две основные категории таможенных преступлений: во-первых, деяния, совершаемые вразрез с нормами таможенного права, порядком экспортного и валютного контроля, во-вторых, деяния, которые противоречат иным законодательным нормам, но косвенно касаются того или иного аспекта таможенного права (к примеру, взяточничество).

Таблица 2. Таможенные преступления, зафиксированные в Уголовном Кодексе РФ

Ст. УК РФ	Предметная область регулирования (преступления)
189	Экспорт сырья, материалов, аппаратов, сведений, применяемых при создании вооружений и военной техники, в т.ч. оружия массового поражения.
190	Невозвращение культурных ценностей на территорию РФ.
193	Неисполнение обязанностей по репатриации денежных средств.
194	Уклонение от уплаты таможенных платежей – для корпоративных структур и частных лиц.
200.1	Контрабанда денежных средств
200.2	Контрабанда алкоголя и табака
226.1	Контрабанда веществ и материалов, представляющих особую опасность (сильнодействующих, ядовитых, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных и проч.); контрабанда оружия, боеприпасов, их составных частей; контрабанда стратегически важных ресурсов или ценностей.
229.1	Контрабанда наркотических/психотропных средств и их прекурсоров.

Примечание: собственная разработка по материалам УК РФ [10]; [5, с. 25–27]

В.А. Жбанков говорит о том, что таможенное преступление – это преступление, соответствующее, по крайней мере, одному из следующих критериев: (1) преступление, совершенное в сфере таможенного дела; (2) преступление, нарушающее деятельность таможенных органов; (3) преступление, связанное с перемещением товаров и иных предметов через границу; (4) преступление, включенное уголовно-процессуальным законодательством в подведомственный спектр таможенных органов. По мнению исследователя, таможенные преступления можно определить как «уголовно наказуемые противоправные деяния, существенно нарушающие деятельность таможенных органов по реализации целей и задач, установленных законодательством, совершаемые в сфере таможенного дела при перемещении товаров и иных предметов через таможенную границу» [4, с. 11].

Анализ уголовного законодательства позволяет выделить следующие виды преступлений в области таможенного дела (Таблица 2).

Расширение спектра компетенций таможенных органов (2013 г.) привело к формированию особой группы преступлений, которые не являются таможенными в традиционном понимании, но, как указывает В.В. Витюк, входят в уголовно-процессуальную компетенцию таможенных органов (Таблица 3).

Таблица 3. Преступления, не относимые к таможенным, но входящие в уголовно-процессуальную компетенцию таможенных органов в определенных правовых контекстах

Ст. УК РФ	Предметная область регулирования (преступления)
173.1	Незаконное образование юридического лица.
173.2	Незаконное использование документов для образования юридического лица.
174	Легализация денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем третьими лицами.
174.1	Легализация денежных средств или имущества, приобретенных лицом преступным путем.
193.1	Перевод денежных средств посредством предъявления подложных документов на счета нерезидентов.

Примечание: по материалам [2, с. 107–108; 11, с. 129].

Особенно активно современные исследователи обращаются к положениям ст. ст. 226.1 и 229.1 УК РФ, которые содержат в себе крайне опасные виды контрабанды, способные нанести существенный вред как жизни человека, так и подорвать всю систему обеспечения национальной безопасности [3, с. 289].

Одним из важных вопросов юридической науки является определение момента окончания контрабанды, а также места совершения данного таможенного преступления. В научной литературе можно встретить две точки зрения по поводу локализации места преступления: (1) юрисдикция территории, принадлежащая государству, на которой впервые было совершено преступление; (2) юрис-

дикция лица, совершившего преступление. В данной связи возникает вопрос о таком виде контрабанды, как анонимное почтовое отправление. В ситуации «почтовой контрабанды» сложно определить как территорию, так и объект преступления. В отсутствие четких законодательных требований сегодня принято опираться на существующую судебную практику: в большинстве судебных решений исполнителем контрабанды принято считать лицо, получившее посылку, но только в том случае, если лицо обратилось в отделение почты по вопросу поиска, трекинга и получения груза, оплатило его и указало способы получения отправления [3, с 290].

Почтовая контрабанда – далеко не единственный новый объект таможенных преступлений. Анализ текущей практики позволяет определить круг наиболее актуальных видов контрабанды нового типа: информационная (виртуальная), организованная система незаконного перемещения культурных ценностей, контрабанда редких животных и растений, фармакологическая и медицинская контрабанда [8].

Одним из наиболее актуальных новых видов контрабанды является киберконтрабанда. По мере развития цифровых технологий и зависимости общества от Интернета киберпреступники находят новые способы проникновения в сферу экономики. Киберконтрабанда включает в себя незаконное получение и передачу цифровых товаров, таких как пиратское программное обеспечение, личные данные, финансовые мошенничества и другие виды кибератак. В.Г. Беспалько также говорит о проблеме признания электронных денежных средств и виртуальной валюты предметами таможенных преступлений посредством включения их в описание нарушений порядка совершения валютных операций (ст. 193 и 193.1 УК РФ), так и с легализацией денежных средств или имущества, добытых преступным путем (ст. 174 и 174.1 УК РФ) [1, с. 105].

По мере роста интереса к истории и культуре, контрабанда культурных ценностей становится более организованной и масштабной. Контрабанда культурных ценностей может быть сопряжена с организованной торговлей антиквариатом, предметами искусства и археологическими находками.

Растет, кроме того, спрос на ценные и редкие виды животных и растений. Это приводит к появлению контрабанды животных, включая экзотических птиц, рептилий и млекопитающих, а также растений, в том числе защищенных международными соглашениями.

С увеличением цен на медицинские препараты и медицинские услуги растет спрос на более доступные (но нелегальные) альтернативы медикаментов. Контрабанда медицинских препаратов, лекарств, биодобавок, медицинского оборудования может представлять серьезную угрозу здоровью, так как поддельные или некачественные продукты могут быть опасными.

Среди прочих проблемных аспектов можно отметить необходимость регулярной коррекции национальных списков наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ. Очевидно, что российский законодатель всегда немного «запаздывает» за изготовителями и контрабандистами опасных веществ [11, с. 137]. В.Г. Беспалько акцентирует внимание, помимо прочего, на проблеме квалификации контрабанды (ст. ст. 226.1 и 229.1 УК РФ), обусловленной расхождениями в национальных российских и международных перечнях наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, прекурсоров [1, с. 105].

Кроме того, на современном этапе отчетливо проявляется тенденция «смещения приоритетов от натуральных наркотиков к синтетическим», которая не только влияет на качество уголовно-правового регулирования таможенных преступлений, но и способна изменить «расклад геополитических сил и экономические процессы, происходящие в государствах» [7, с. 114]. Доминирование синтетических наркотиков над натуральными на черных рынках и в общем объеме контрабанды существенно меняет специфику организации преступной системы производства и дистрибуции и сказывается на процессах выявления и расследования «наркотических» таможенных преступлений. Производство натуральных наркотиков непосредственным образом связано с сырьевой базой, рабочей силой и обширной территорией для выращивания растений. Эти обстоятельства существенно затрудняют процессы выявления фактов контрабанды: лабораторию найти гораздо сложнее, чем плантацию, и провезти малый объем синтетического высококонцентрированного наркотика гораздо легче, чем объёмную партию наркотиков натурального происхождения. Неоднократно доказано, что контрабанда синтетических опиоидов менее трудоемка, чем героина [7, с. 114]. Распространение синтетических наркотиков может, помимо прочего, привести к интеграции отраслей «черной» фармацевтики и производства наркотических веществ. Уже сегодня контрабанда препаратов, содержащих психотропные и наркотические вещества, становится проблемой большинства стран мира. Вопросы уголовно-правового регулирования фармацевтической контрабанды следует, безусловно, изучать и далее, в целях своевременной модернизации законодательного массива.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1) В борьбе с таможенными преступлениями применяются разнообразные инструменты и меры: технические, интеллектуальные, межстрановые, образовательные, информационные, антикоррупционные, административные, правовые. Правовые средства противодействия преступной деятельности – наиболее значимая группа инструментов в рассматриваемой нами предметной области.

- 2) Тот факт, что таможенные преступления не выделены в Уголовном кодексе РФ в отдельную категорию, привел к разнообразию подходов к пониманию понятия «таможенные преступления» в научных кругах. Мы предлагаем понимать категорию «таможенные преступления» широко: как деяния, представляющие общественную опасность, наказуемые, реализуемые в трансграничном контексте, связанные с вывозом и ввозом на территорию страны определенных материалов, товаров и ценностей через таможенную границу вопреки правовому запрету.
- 3) Анализ уголовного законодательства позволяет выделить два типа преступлений в области таможенного дела: таможенные преступления, зафиксированные в Уголовном Кодексе РФ, и преступления, которые не являются таможенными в традиционном понимании, но входят в уголовно-процессуальную компетенцию таможенных органов.
- 4) Правовое регулирование вопросов, связанных с совершением таможенных преступлений, сопряжено с рядом проблемных аспектов: определение момента окончания и места контрабанды, вопросы почтовой контрабанды, киберконтрабанды, проблема признания электронных денежных средств и виртуальной валюты предметами таможенных преступлений, контрабанда культурных ценностей, контрабанда медицинских препаратов, лекарств, биодобавок. Наблюдается тенденция смещения приоритетов контрабандистов от натуральных наркотиков к синтетическим, что приводит к необходимости регулярной коррекции национальных списков наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Литература

1. Беспалько, В.Г. Актуальные проблемы квалификации таможенных преступлений / В.Г. Беспалько // Вестник Российской таможенной академии. – 2018. – № 1. – С. 103–109.
2. Витюк, В.В. Понятие и общая характеристика таможенной преступности в Российской Федерации / В.В. Витюк // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2022. – № 4 (101). – С. 103–121.
3. Воробьева, С.В. Некоторые вопросы борьбы с таможенными преступлениями / С.В. Воробьева // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – № 18. – С. 281–295.
4. Жбанков, В.А. Проблемы законодательной регламентации борьбы с таможенными преступлениями / В.А. Жбанков // Вестник Российской таможенной академии. – 2014. – № 1. – С. 10–17.
5. Кожуханов, Н.М. Анализ критериев и классификация таможенных преступлений / Н.М. Кожуханов, Д.С. Трунин // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 1 (73). – С. 23–27.
6. Крюкова, Н.И. Квалификация и расследование преступлений в сфере таможенного дела / Н.И. Крюкова, Е.Н. Арестова. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 223 с.
7. Литовченко, А.А. Состояние борьбы с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, их прекурсоров и аналогов на южных рубежах Российской Федерации / А.А. Литовченко, О.В. Морозова // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2019. – № 4. – С. 111–122.
8. Мирзаев, А.А. Особенности уголовно-правовой и криминалистической характеристики преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности / А.А. Мирзаев, А.Т. Ачилов // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 1. – С. 161–166.
9. Семенов, С.Е. Понятие таможенной преступности и её показатели / С.Е. Семенов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2009. – № 16. – С. 200–208.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996.
11. Фёдоров, А.В. Ещё раз к вопросу об объекте «Переродившейся» контрабанды, предметах контрабанды и её месте в Особенной части УК РФ / А.В. Фёдоров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2013. – № 2 (46). – С. 121–153.

SPECIFICITY OF CUSTOMS CRIMES

Bronnikov S.A.

Ural State University of Transport and Communications

The article is devoted to the consideration and analysis of the specific features of crimes in the field of customs. There is a variety of researchers' approaches to understanding the concept of customs crimes. The author proposes to define this category as broadly as possible. According to the legislative provisions, two categories of crimes in the field of customs affairs are distinguished: customs crimes recorded in the Criminal Code of the Russian Federation and crimes that are not customs in the traditional sense, but are included in the criminal procedural competence of the customs authorities. Actual problems of criminal law regulation of crimes in the sphere of customs affairs are considered: determination of the place, object and moment of the commission of a crime, issues of postal and cyber smuggling, recognition of electronic money and virtual currency as objects of customs crimes; the problems of regulation of narcotic and psychotropic substances are considered separately.

Keywords: customs crime, crime, criminal code, smuggling, narcotic substance, legislation, customs.

References

1. Bepalko, V.G. Current problems of qualification of customs crimes / V.G. Bepalko // Bulletin of the Russian Customs Academy. – 2018. – No. 1. – pp. 103–109.
2. Vityuk, V.V. Concept and general characteristics of customs crime in the Russian Federation / V.V. Vityuk // Russian Cus-

- toms Policy in the Far East. – 2022. – No. 4 (101). – pp. 103–121.
3. Vorobyova, S.V. Some issues in the fight against customs crimes / S.V. Vorobyova // *Current problems of state and law*. – 2021. – No. 18. – pp. 281–295.
 4. Zhbakov, V.A. Problems of legislative regulation of the fight against customs crimes / V.A. Zhbakov // *Bulletin of the Russian Customs Academy*. – 2014. – No. 1. – pp. 10–17.
 5. Kozhukhanov, N.M. Analysis of criteria and classification of customs crimes / N.M. Kozhukhanov, D.S. Trunin // *Scientific notes of the St. Petersburg branch named after V.B. Bobkov of the Russian Customs Academy*. – 2020. – No. 1 (73). – pp. 23–27.
 6. Kryukova, N.I. Qualification and investigation of crimes in the field of customs affairs / N.I. Kryukova, E.N. Arestova. – M.: Yurayt Publishing House, 2020. – 223 p.
 7. Litovchenko, A.A. The state of the fight against smuggling of narcotic drugs, psychotropic and potent substances, their precursors and analogues on the southern borders of the Russian Federation / A.A. Litovchenko, O.V. Morozova // *International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law*. – 2019. – No. 4. – pp. 111–122.
 8. Mirzaev, A.A. Features of criminal law and forensic characteristics of crimes in the field of foreign economic activity / A.A. Mirzaev, A.T. Achilov // *Bulletin of the Russian Customs Academy*. – 2020. – No. 1. – pp. 161–166.
 9. Semenov, S.E. The concept of customs crime and its indicators / S.E. Semenov // *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. – 2009. – No. 16. – pp. 200–208.
 10. Criminal Code of the Russian Federation [Text]: dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 04/07/2020) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – 06/17/1996.
 11. Fedorov, A.V. Once again on the question of the object of “Reborn” smuggling, contraband items and its place in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation / A.V. Fedorov // *Scientific notes of the St. Petersburg branch named after V.B. Bobkov of the Russian customs academy*. – 2013. – No. 2 (46). – pp. 121–153.

Развитие уголовно-правовой политики в условиях цифровизации денежного обращения: на примере преступлений, связанных с финансированием

Горбунов Тимофей Дмитриевич,

студент магистратуры, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

E-mail: t.gorbunov@g.nsu.ru

В статье автор рассматривает тенденции уголовно-правовой политики в Российской Федерации на примере преступлений, связанных с финансированием. В работе очерчивается круг преступлений, связанных с финансированием. Рассматривается тенденция приведения уголовного закона в соответствии с нормами международного права и международными договорами. Рассматривается появление составов преступлений исходя из экономических потребностей общества. Поднимается вопрос изменения уголовного закона в соответствии с неблагоприятными тенденциями в преступности, а именно в связи с увеличением числа совершения определенных преступлений. Также рассматриваются тенденции, связанные с толкованием уголовного закона, а именно: тенденция по разрешению конкуренции между уголовно-правовыми нормами, а также тенденция по приданию уголовному закону динамизма, отвечающего современным потребностям общества. Предлагаются изменения разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, в связи с появлением цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, тенденции, финансирование, цифровые финансовые активы, цифровая валюта.

На сегодняшний день Уголовный закон предполагает, что действия по финансированию выступают как в качестве действий, детерминирующих преступления, так и в качестве самостоятельных преступных деяний. Так, финансирование одних из наиболее общественно опасных преступных посягательств (терроризм, экстремизм, диверсия и т.д.) выступает в качестве самостоятельных составов преступления, ввиду того, что именно привлечение финансовых ресурсов в указанные преступные посягательства позволяет им существовать и совершаться. Однако нельзя отрицать важность рассмотрения вопроса о том, когда происходит финансирование более повседневных преступлений. Зачастую такое финансирование не имеет самостоятельного состава преступления, однако при этом выступает соучастием преступления в той или иной его форме. В указанных случаях финансирование детерминирует иные преступные посягательства, увеличивает их общественную опасность. Также нельзя не отметить преступления, нарушающие финансовый оборот – когда, финансовые операции с легальными финансами, представляют под собой преступление, или те случаи, когда с нелегальными финансами осуществляются легальные операции.

К преступлениям, связанным с финансированием можно отнести действия по финансированию, которые непосредственно представляющие самостоятельные составы преступления, так к ним относятся преступления, предусмотренные ст. 205.1, ст. 208, ст. 281.1, ст. 282.3, ст. 359, ст. 361 УК РФ. То есть, в указанных случаях финансирование определенных преступлений настолько общественно опасно, что приобретает статус самостоятельного преступления. Также к преступлениям, связанным с финансированием относятся ситуации, когда происходит нарушение правил финансирования какой-либо правомерной деятельности, тем самым причиняя вред отношениям, связанным с данной деятельностью (например, ст. 141.1 УК РФ). Стоит отметить и ситуации при которых совершение финансовых операций выступает способом совершения преступления. Такие операции могут осуществляться с легальными денежными средствами (то есть, средствами, которые сами по себе не связаны с преступной деятельностью), однако способами не допустимыми законом (например, налоговые преступления, валютные преступления). А также, финансовые операции с финансовыми активами, которые были получены нелегальным путем (и по своей сути являются частью «теневой» экономики), при этом осуществляемые

легальным путем, с целью придания им правомерности (ст. 174, 174.1 УК РФ).

Нельзя не сказать и о том, что финансирование может выступать в качестве элемента соучастия в преступлении. Так, финансирование преступления возможно, как элемент организации преступления или подстрекательства к его совершению (например, найм лица для совершения убийства), финансирование как элемент пособничества в совершении преступления (например, предоставление денежных средств для покупки оружия для совершения убийства).

Рассматривая преступления, связанные с финансированием можно выделить основные тенденции уголовно-правовой политики в законодательной сфере на примере исследуемых деяний.

Так, важно то, что если на сегодняшний день произошел отказ Российской Федерации от ряда международных договоров в связи с выходом из Совета Европы, то в части преступлений, связанных с финансированием, сохраняется тенденция, связанная с имплементацией международного права в российское законодательство. Так, на сегодняшний день Российская Федерация, несмотря на выход из Совета Европы, и отказа от в Европейской конвенции о пресечении терроризма участия, сохранила свое участие в Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма, Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. То есть, Российская Федерация сохранила свое участие в европейских международных договорах, а отказ произошел лишь от тех актов, что не имеют практического значения для правового регулирования (например, отказ от Конвенции о пресечении терроризма 1977 г., можно обосновать тем, что Российская Федерация является участником более поздней Конвенции о предупреждении 2005 г.). Также Российская Федерация до сих пор является участником Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и иных актов, направленных на противодействие финансированию преступной деятельности. Более того, когда Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), которая в том числе разрабатывает стандарты противодействия преступлениям, связанным с финансированием, приостановила членство Российской Федерации, то Россия не отказалась от принятых на себя обязательств и продолжила свое международное сотрудничество в части противодействия преступлениям, связанным с финансированием.

Тенденция, связанная с приведением уголовного законодательства в соответствии с экономическими потребностями в общества, выражается в том, что на сегодняшний день остаются актуальны преступления, совершаемые с использованием института финансирования, что в свою очередь приводит к появлению относительно новых

составов среди экономических преступлений. Так в 2016 году Федеральным законом от 30.03.2016 № 78-ФЗ введена ст. 172.2 УК РФ устанавливающая ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества – то есть, за создание так называемых “финансовых пирамид”. Переход на рыночную экономику привел к появлению новых стихийных видов экономической деятельности, которые, к сожалению, приводят к нарушению имущественных прав как физических, так и юридических лиц. Одним из видов такой деятельности, является деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, при этом данная деятельность не несет за собой реальной экономической выгоды, и не способна удовлетворить имущественные требования всех лиц, чьи средства были привлечены. Так, потерпевшее лицо осуществляет финансирование деятельности какой-то организации, а представители данной организации получив легальные финансы, распоряжаются ими таким образом, который причиняет вред лицу, чьи денежные средства были привлечены. То есть с появлением рыночной свободы государство было вынуждено вводить запреты на определенные виды экономической деятельности, которые заведомо ведут к нанесению имущественного ущерба субъектам права, и вынуждено это делать сегодня. До появления рассматриваемого состава преступления, такое привлечение финансов квалифицировалось как мошенничество. Однако данная квалификация не возможна во всех случаях такого привлечения. Так, на сегодняшний день организация финансовых пирамид происходит таким образом, что как такового обмана о характере деятельности организации, занимающейся привлечением финансов, нет. Организатор данной деятельности может не скрывать того, что указанная деятельность не несет за собой реальной экономической выгоды, и держится лишь на привлечении денежных средств новых лиц. В таком случае квалификация по ст. 159 УК РФ окажется неверной.

Стоит отметить, что также существует тенденция, связанная с необходимостью приведения уголовного законодательства в соответствие с неблагоприятными тенденциями в преступности, и она имеет явное выражение среди преступлений, связанных с финансированием. Так, на сегодняшний день приоритет уголовно-правовой охраны отдается отношениям, составляющим безопасность государства и общества. Так, увеличение уровня преступлений, связанных с диверсионной деятельностью на территории Российской Федерации привело к появлению в уголовном законе новых составов преступлений, направленных на противодействие диверсионной деятельности. В том числе, это привело к тому что Федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ введена статья 281.1 УК РФ, которая устанавливает ответственность за финансирование диверсии. Также Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ произошло усиление ответственности за финансирование на-

емничества. То есть, можно говорить о том, что на сегодняшний день законодатель уделяет повышенное внимание к вопросам безопасности Российской Федерации от вооруженных посягательств и предпринимает меры по их предотвращению в том числе и путем создания механизмов противодействия данным посягательствам на уровне финансирования.

Также на сегодняшний день, на примере преступлений, связанных с финансированием, прослеживается тенденция уголовно-правовой политики в сфере толкования, а именно тенденция по разрешению конкуренции между уголовно-правовыми нормами.

Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указывает на то, что в тех случаях, когда лицо содействует террористической деятельности путем финансирования незаконного вооруженного формирования, его действия охватываются частью 1 статьи 208 УК РФ, и дополнительной квалификации по части 1 статьи 205.1 УК РФ как финансирование терроризма не требуется. То есть, несмотря на то, что в данном случае лицо финансирует терроризм, через финансирование вооруженного формирования, Верховный Суд РФ разрешает вопрос о квалификации такой ситуации и указывает на правильную квалификацию такого рода деяний, тем самым устраняя конкуренцию между уголовно-правовыми нормами.

Также присутствует тенденция по приданию уголовному закону динамизма, отвечающего современным потребностям общества. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» содержит в себе разъяснения того, что именно понимается под финансированием терроризма, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ. Так, устанавливается, что финансированием терроризма возможно в следующих формах: оказание финансовых услуг, предоставление или сбор денежных средств (при этом подчеркивается, что как в наличной, так и безналичной форме), предоставление или сбор материальных средств (помещения, транспорт, экипировка, лекарства). То есть, Верховный Суд РФ разъясняет, что именно понимается под финансированием исходя из современных финансовых возможностей. При этом считаем, что возможна дальнейшая практика по соответствующим разъяснениям, и указанию на то, что данное финансирование возможно в том числе с использованием цифровых финансовых активов, и цифровой валюты. То есть, Верховный Суд РФ указывает на наличные и безналичные денежные средства, однако на сегодняшний день происходит введение в оборот цифрового рубля, который обладает самостоятельной природой, однако Верховный Суд РФ не подчеркивает это. Так, например, Федеральный закон «О противодей-

ствии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ, устанавливает, что финансирование терроризма возможно в форме предоставления или сбора средств либо оказание финансовых услуг, а также иного материального обеспечения. То есть, указанный закон смотрит на возможные источники финансирования преступной деятельности довольно широко, и не указывает какие именно средства могут быть использованы для финансирования. В то же время указанный закон отмечает, что к доходам, полученным преступным путем, относятся денежные средства или иное имущество, полученные в результате совершения преступления. То есть, можно говорить о том, что данный федеральный закон предусматривает возможность как финансирования преступлений с помощью цифровых финансовых активов, цифровой валюты, так и извлечение финансов из преступной деятельности в виде цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Считаем, что такая возможность должна находить свое отражение в разъяснениях Верховного Суда РФ, с учетом положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г.

Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемых преступлениях отражаются современные тенденции развития уголовного законодательства и его толкования.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 02.11.2023).
2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – № 33 (часть I). – Ст. 3418. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 02.11.2023).
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – № 31 (часть I). – Ст. 5018. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 02.11.2023).

THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW POLICY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF MONETARY CIRCULATION: ON THE EXAMPLE OF CRIMES RELATED TO FINANCING

Gorbunov T.D.
Novosibirsk State University

In the article, the author examines the trends of criminal law policy in the Russian Federation on the example of crimes related to financing. The work outlines the range of crimes related to financing.

The tendency of bringing the criminal law in accordance with the norms of international law and international treaties is considered. The appearance of the elements of crimes is considered based on the economic needs of society. The question of changing the criminal law in accordance with unfavorable trends in crime, namely, in connection with the increase in the number of certain crimes, is raised. Trends related to the interpretation of the criminal law are also considered, namely: the tendency to allow competition between criminal law norms, as well as the tendency to give the criminal law dynamism that meets the modern needs of society. It is proposed to change the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, in connection with the emergence of digital financial assets and digital currency.

Keywords: criminal law policy, trends, financing, digital financial assets, digital currency.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. of 13.06.2023) // *Sobr. legislation of the Russian Federation*. – 1996. – No. 25. – Article 2954. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 07/19/2023).
2. On countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – No. 33 (part I). – Article 3418. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 02.11.2023).
3. On digital financial assets, digital currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – No. 31 (part I). – St. 5018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 02.11.2023).

Методы предупреждения преступности несовершеннолетних: выявление факторов антисоциального и девиантного поведения

Дудкевич Ирина Сергеевна,

магистр Сибирского университета потребительской кооперации (СИБУПК)
E-mail: vikki.ger@yandex.ru

В статье анализируется преступность несовершеннолетних. Отмечается значимость борьбы с подростковой преступностью, связанная с негативным потенциалом несовершеннолетних правонарушителей: большое количество юных преступников склонны к рецидиву. Приводятся данные статистики, указывающие на снижение уровня преступности несовершеннолетних в России, и структура преступлений, совершающих несовершеннолетними. Отмечается тревожная тенденция, связанная с увеличением в подростковой среде числа преступлений, носящих ярко выраженный насильственно-агрессивный характер. Выявляются ключевые характеристики преступлений, совершённых несовершеннолетними: высокая степень латентности, обусловленная замалчиванием правонарушений подростками потерпевшими, сверстниками, педагогическими и административными работниками образовательных организаций; групповой характер преступлений, являющийся следствием особенности психологического развития несовершеннолетних; гендерные различия подростковой преступности. Приводятся факторы антисоциального и девиантного поведения несовершеннолетних: индивидуально-психологические личностные особенности, неблагоприятные социальные, в первую очередь внутрисемейные условия и негативное влияние социальных групп. Выделяются особенности личности преступника-подростка и её становления, связанные с формированием мировоззрения, влияющего на познавательную деятельность, морального сознания, самосознания и определением места в жизни. Указывается на значимость самоуважения для личности, связанную с выражением установки общественного одобрения или неодобрения. При длительном негативном воздействии на самоуважение подростков у них вырабатываются защитные реакции в виде озлобленности, агрессивности, враждебности и раздражительности, которые могут сопровождаться антисоциальными и асоциальными поступками. Рассматривается специфика работы по предупреждению преступности несовершеннолетних, которая зависит от её цели – предупреждение преступного поведения в принципе или работа с подростками, совершившими преступление. Отмечается значимость ранней профилактики подростковой преступности.

Ключевые слова: преступления, подростки, преступность несовершеннолетних, личностное развитие, профилактика преступности.

В XXI в. повысился интерес государства и общества к проблемам несовершеннолетних [1]. Одним из наиболее актуальных направлений деятельности государственных институтов и общественных организаций является решение проблем, связанных с совершением подростками противоправных действий. В правовой доктрине преступность несовершеннолетних является самостоятельным объектом изучения, что связано с наличием её характерных особенностей, обусловленных процессами личностного становления и развития несовершеннолетних, их динамичностью и высокой активностью [2]. У подростков не до конца сформированы моральные принципы и жизненные ориентиры, что делает их восприимчивыми к маргинальной субкультуре и противоправному поведению, которое она транслирует. Опасность преступности несовершеннолетних заключается в продуцировании совершения преступлений в зрелом возрасте, поскольку значительное количество юных преступников склонны к рецидиву. Данное обстоятельство обуславливает значимость предупреждения преступности в подростковой среде.

Целью работы является изучение характеристики и мер предупреждения преступности несовершеннолетних. Для её достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников.

Понятие преступности несовершеннолетних традиционно связывается с возрастом субъекта преступления: несовершеннолетними преступниками являются лица в возрасте от 14 до 17 лет включительно [3]. Данная категория лиц имеет набор личностных характеристик и особенностей преступного поведения, которые отличают её от преступников более старшего возраста. Особое внимание, уделяемое данной категории преступников, обусловлено не только стремлением выработать меры по снижению общего числа совершаемых преступлений, но и негативным потенциалом несовершеннолетних правонарушителей, которые являются наиболее «плодотворным» резервом преступности будущих десятилетий. В связи с этим изучение сущности и истоков современной подростковой преступности, разработка и реализация политики по борьбе с ней и формирование системы профилактики правонарушений позволяют обществу и его институтам параллельно решать важнейшую социальную задачу по созданию безопасных условий жизнедеятельности как в текущий временной период, так и в перспективе.

Анализ данных статистики за два десятилетия XXI в. демонстрирует снижение уровня преступности несовершеннолетних в России – с 208,3 тыс. преступлений в 1999 г. до 37,8 тыс. преступлений в 2020 г. [4]. В то же время в России фиксируется больший процент преступности несовершеннолетних по сравнению со странами Западной Европы.

В структуре преступлений, совершённых несовершеннолетними, преобладают преступления против собственности – кража (62,81%), грабёж (8,06%) и угон (6,63%). Далее следуют деяния по умышленному причинению вреда здоровью средней тяжести (2,96%), мошенничество (1,66%), разбойное нападение (1,64%), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (1,44%), вымогательство (1,03%), убийство (0,45%), изнасилование (0,41%) и прочие преступные посягательства (12,91%). Отдельные качественные характеристики современной подростковой преступности в России свидетельствуют об увеличении негативных тенденций в этой сфере: в частности, возрастает количество предварительно расследованных тяжких и особо тяжких преступлений (в 2019 г. – + 3,4% и 6,9% соответственно).

Значительная часть преступлений, совершаемых несовершеннолетними, приходится на тяжкие и особо тяжкие деяния, направленные против личности и включающие в себя агрессию – поведение, нацеленное на нанесение психологического или физического ущерба, вреда либо на уничтожение человека или группы людей [5]. Важно отметить, что насильственная преступность представляет собой систему преступных деяний, при совершении которых насилие выступает не только средством достижения цели, но и элементом мотивации. Увеличение числа преступлений, носящих ярко выраженный насильственно-агрессивный характер, в подростковой среде является тревожной тенденцией.

Одной из ключевых характеристик преступности несовершеннолетних является высокая степень латентности [6]. Она обусловлена двумя факторами. Во-первых, подростковые преступления зачастую не влекут тяжких или особо тяжких последствий, поэтому как сами потерпевшие, так и педагогические и административные работники образовательных организаций не заявляют о совершённых противоправных деяниях в правоохранительные органы, предпочитая пресекать действия подростка собственными силами, что нередко приводит к совершению правонарушителями более тяжких деяний. Во-вторых, многие преступления, которые совершают несовершеннолетние, направлены против их сверстников из неформальных и криминогенных групп, информация о которых зачастую утаивается самими участниками, что существенно снижает возможности фиксации таких преступлений правоохранительными органами.

Также преступности несовершеннолетних присущ преимущественно групповой характер, являющийся следствием особенностей психологического

развития несовершеннолетних, которые склонны объединяться в неформальные группы. Помимо этого, психологические и физиологические особенностями развития несовершеннолетних обуславливают гендерные различия подростковой преступности: 90% всех преступлений совершают лица мужского пола.

Одним из основополагающих вопросов при решении проблемы преступности несовершеннолетних является характеристика личности преступника-подростка, анализ особенностей которой позволяет выявить признаки и свойства, отличающие несовершеннолетних преступников от законопослушных сверстников [7]. На основании этих сведений возможно выявить категории подростков, обладающие наибольшим криминогенным потенциалом или в наибольшей степени подверженные криминальным влияниям.

В объяснении противоправного поведения несовершеннолетних определяющее значение сохраняет признание детерминантой преступного поведения результата взаимодействия определённых социальных типов личности и социальной среды. Личностная характеристика несовершеннолетних выступает необходимой предпосылкой, позволяющей понимать причины преступного поведения и проводить личностно ориентированную профилактику преступлений несовершеннолетних. Важно учитывать, что никакие отдельные черты, признаки и свойства личности подростка нельзя рассматривать в качестве причины или источника совершения противоправных действий.

Антисоциальное и девиантное поведение несовершеннолетних обусловлено воздействием многих факторов, основными из которых являются [8, 9]:

- индивидуально-психологические личностные особенности, обуславливающие психологические установки на характер общественных требований, эмоциональные реакции и поведенческие проявления в различных ситуациях;
- неблагоприятные социальные условия, в первую очередь негативно сложившиеся внутрисемейные отношения;
- негативное влияние молодёжных групп, сверстников или взрослых, в особенности имеющих уголовное прошлое.

В подростковом возрасте происходит развитие мотивационной сферы личности: формирование мировоззрения, влияющего на познавательную деятельность, определение места в жизни, моральное сознание и самосознание [10]. Ключевое значение имеет динамика «внутренней позиции» оформляющейся личности, формирование которой происходит на основе предшествующего опыта, возможностей, ранее возникших потребностей и стремлений подростка и их соотношения с объективным положением, которое подросток занимает в жизни, и положением, которое он хочет занимать в дальнейшем. Представления несовершеннолетнего о себе всегда соотносится с неким групповым образом «Мы» – образом типичного сверстника

своего пола, однако никогда не совпадает с этим образом полностью.

Чрезвычайно важным компонентом самосознания для личности вне зависимости от возраста является самоуважение, которое подразумевает принятие себя, удовлетворённость собой, положительное отношение со стороны окружающих, чувство собственного достоинства и согласованность своего реального и идеального «Я». Самоуважение выражает установку общественного одобрения или неодобрения и отражает степень, в которой индивид считает себя значительным, способным, успешным и достойным. «Удары» по самоуважению в подростковом периоде приводят к снижению самооценки, а при продолжающихся негативных внешних воздействиях – к формированию комплекса неполноценности. Вследствие этого часто развиваются озлобленность, агрессивность, враждебность и раздражительность, становящиеся устойчивыми личностными характеристиками, хотя изначально они носят защитный характер и направлены на защиту своего «Я». Помимо этого, антисоциальные и асоциальные поступки выступают одной из форм самоутверждения подростков.

Работа по предупреждению преступности несовершеннолетних требует применения дифференцированного подхода, учитывающего возрастные особенности, специфику формирования девиантного в целом и преступного в частности поведения несовершеннолетних [11]. Содержание профилактической работы зависит от её цели – предупреждение преступного поведения в принципе или работа с подростками, совершившими преступление. Ранняя профилактика подростковой преступности предполагает социально-правовую работу с несовершеннолетними, которые ранее не привлекались к уголовной ответственности. При осуществлении профилактических мер сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций в процессе исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей основной задачей становится профилактика повторной подростковой преступности.

Мероприятия по предупреждению подростковой преступности реализуют следующие институты [12]:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органы управления социальной защитой и учреждения социального обслуживания;
- органы опеки и попечительства;
- органы управления в сфере образования и образовательные организации;
- органы управления здравоохранением;
- органы по делам молодёжи;
- органы службы занятости;
- органы внутренних дел;
- учреждения уголовно-исполнительной системы.

Субъектный состав системы профилактики затрагивает большую часть направлений жизнедеятельности несовершеннолетних. Для организации эффективной и ранней профилактики преступ-

ности несовершеннолетних указанные институты должны принимать меры по устранению обстоятельств, которые способствуют совершению преступлений [13]. Среди таких обстоятельств первоочередное значение имеют семейно-бытовые условия: состав семьи, окружение, воспитание и общий быт. Также значимую роль играют своевременные действия должностных лиц, осуществляющих надзор за несовершеннолетними. Реализуемые ими меры должны носить системный характер, быть ориентированы на оздоровление сферы проживания и воспитания несовершеннолетних, нормализацию отношений со сверстниками, гармонизацию личностного становления и развития.

Таким образом, предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними, является многоплановой, межведомственной и межотраслевой задачей, для реализации которой требуется применение возможностей профилактического воздействия, оказываемого широким кругом субъектов: семьёй, сотрудниками образовательных организаций, центрами социальной защиты, правоохранительными органами, общественными организациями и другими. Профилактические мероприятия в подростковой среде должны осуществляться максимально рано, до появления негативных явлений, но при вероятности их возникновения, что даст возможность своевременно корректировать личностное развитие несовершеннолетних.

Литература

1. Тутуков А.Ю., Геляхова Л.А. К вопросу противодействия преступности среди несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 5. – С. 99–100.
2. Карчаева К.А. Некоторые размышления о преступности несовершеннолетних: особенности и детерминанты // Образование и право. – 2022. – № 1. – С. 224–226. – DOI: 10.24412/2076-1503-2022-1-224-226
3. Криминология и предупреждение преступлений: преступность несовершеннолетних: учеб. пособие для СПО / А.В. Ростокинский [и др.]; под ред. А.В. Ростокинского, Р.С. Данелян. – 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 220 с.
4. Щербакова Л.М., Побегайло А.Э. Преступность несовершеннолетних в современной России как криминологическая проблема // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 20–25.
5. Тряев А.Г. Криминологические аспекты насильственной преступности несовершеннолетних в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. № 1 (47). – С. 89–93. – DOI: 10.37973/KUI.2022.95.14.012
6. Майоров А.В. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ её состояния в российском обществе // Вестник экономики, управления и права. – 2020. – № 4 (53). – С. 67–74.

7. Преступность несовершеннолетних: учеб. пособие для вузов / Р.С. Данелян [и др.]; под ред. А.В. Ростокинского. – 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 221 с.
8. Жадан В.Н. О криминологической характеристике личности несовершеннолетних преступников // Юридическая наука. – 2019. – № 8. – С. 68–75.
9. Рыжова О.А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8, № 2 (30). – С. 131–143. – DOI: 10.21685/2307–9525–2020–8–2–15
10. Васкэ Е.В. Несовершеннолетние правонарушители: учеб. пособие для вузов / Е.В. Васкэ. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 175 с.
11. Рогова Е.В., Гайдай М.К. Ранняя профилактика преступности несовершеннолетних: сущность, меры и субъекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91). – С. 78–87. – DOI: 10.24411/2312–3184–2019–10034
12. Макаренко И.А. Общетеоретические основы расследования преступлений несовершеннолетних: учебник и практикум для вузов / И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин, А.Ф. Халиуллина. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 205 с.
13. Куликов Е.А., Кулаевский А.В. Аспекты криминологической характеристики насильственной преступности несовершеннолетних и некоторые проблемы её предупреждения // Society and Security Insights. – 2019. – Т. 2, № 2. – С. 115–127.

METHODS FOR PREVENTING JUVENILE DELINQUENCY: IDENTIFYING FACTORS OF ANTISOCIAL AND DEVIANT BEHAVIOR

Dudkevich I.S.

Siberian University of Consumer Cooperation (SIBUPK)

The article analyzes juvenile delinquency. The importance of combating juvenile delinquency associated with the negative potential of juvenile offenders is noted: a large number of young criminals are prone to recidivism. Statistical data indicating a decrease in the level of juvenile delinquency in Russia and the structure of crimes committed by minors are presented. There is an alarming trend associated with an increase in the number of crimes of a pronounced violent and aggressive nature in the adolescent environment. The key characteristics of crimes committed by minors are revealed: a high degree of latency due to the silencing of juvenile offenses by victims, peers, pedagogical and administrative employees of educational organizations; the group nature of crimes resulting from the peculiarities of the psychological development of minors; gender differences in juvenile delinquency. The factors of antisocial and deviant behavior of minors are given: individual psychological personal characteristics, unfavorable social, primarily intra-family conditions

and the negative influence of social groups. The author highlights the features of the personality of a teenage criminal and its formation associated with the formation of a worldview that affects cognitive activity, moral consciousness, self-awareness and the definition of a place in life. The importance of self-esteem for the individual associated with the expression of the attitude of public approval or disapproval is indicated. With a long-term negative impact on the self-esteem of adolescents, they develop defensive reactions in the form of bitterness, aggressiveness, hostility and irritability, which can be accompanied by antisocial and antisocial actions. The article considers the specifics of the work on the prevention of juvenile delinquency, which depends on its purpose – the prevention of criminal behavior in principle or work with adolescents who have committed a crime. The importance of early prevention of juvenile delinquency is noted.

Keywords: crimes, adolescents, juvenile delinquency, personal development, crime prevention.

References

1. Tutukov A. Yu., Gelyakhova L.A. On the issue of countering juvenile delinquency // Gaps in Russian legislation. – 2019. – No. 5. – pp. 99–100.
2. Karchaeva K.A. Some reflections on juvenile delinquency: features and determinants // Education and Law. – 2022. – No. 1. – pp. 224–226. – DOI: 10.24412/2076–1503–2022–1–224–226
3. Criminology and crime prevention: juvenile delinquency: studies. manual for SPO / A.V. Rostokinsky [et al.]; edited by A.V. Rostokinsky, R.S. Danelyan. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 220 p.
4. Shcherbakova L.M., Pobegailo A.E. Juvenile delinquency in modern Russia as a criminological problem // Society and law. – 2021. – № 2 (76). – Pp. 20–25.
5. Tryaev A.G. Criminological aspects of violent juvenile delinquency in modern Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – Vol. 13, No. 1 (47). – pp. 89–93. – DOI: 10.37973/KUI.2022.95.14.012
6. Mayorov A.V. Juvenile delinquency: criminological analysis of its state in Russian society // Bulletin of Economics, Management and Law. – 2020. – № 4 (53). – Pp. 67–74.
7. Juvenile delinquency: studies. manual for universities / R.S. Danelyan [et al.]; edited by A.V. Rostokinsky. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 221 p.
8. Zhadan V.N. On criminological characteristics of the personality of juvenile delinquents // Legal science. – 2019. – No. 8. – pp. 68–75.
9. Ryzhova O.A. Features of juvenile delinquency and preventive measures in modern conditions // Nauka. Society. State. – 2020. – Vol. 8, No. 2 (30). – pp. 131–143. – DOI: 10.21685/2307–9525–2020–8–2–15
10. Vaske E.V. Juvenile delinquents: studies. handbook for universities / E.V. Vaske. – 2nd ed., ispr. and additional. – М.: Publishing House Yurayt, 2023. – 175 p.
11. Rogova E.V., Gaidai M.K. Early prevention of juvenile delinquency: essence, measures and subjects // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 4 (91). – Pp. 78–87. – DOI: 10.24411/2312–3184–2019–10034
12. Makarenko I.A. General theoretical foundations of the investigation of juvenile crimes: textbook and workshop for universities / I.A. Makarenko, R.I. Zainullin, A.F. Khaliullina. – М.: Yurayt Publishing House, 2023. – 205 p.
13. Kulikov E.A., Kulaevsky A.V. Aspects of criminological characteristics of violent juvenile delinquency and some problems of its prevention // Society and Security Insights. – 2019. – Vol. 2, No. 2. – pp. 115–127.

Зависимость квалификации состава преступления от вида соучастия

Бауэр Дарья Владимировна,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: d.bauer26@mail.ru

Загородникова Юлия Олеговна,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: zagorodnikovaiulia@yandex.ru

Настоящая статья посвящена исследованию видов соучастников преступления, а также анализу оснований и особенностей квалификации их действий при совершении ими совместно и с общим умыслом преступления. Изучение данного вопроса тесно взаимосвязано с проблематикой доктринальной идентификации соучастия как формы самостоятельной преступной деятельности или акцессорной юридической конструкции по отношению к квалификации действий исполнителя, в связи с чем в статье также рассматривается вопрос теорий соучастия. В качестве наиболее спорных с точки зрения правоприменительной практики проблем в статье исследуются специальные вопросы ответственности соучастников преступления: как совмещение функциональных ролей соучастниками, эксцесс исполнителя преступления, добровольный отказ одного из соучастников в процессе совершения преступления, а также их влияние на квалификацию действий таких лиц.

Ключевые слова: соучастники преступления, квалификация, исполнитель, организатор, пособник, подстрекатель.

Анализ статистических данных наглядно дает представление о динамике роста групповой и организованной преступности за последние десятилетия (в частности, по материалам Генеральной Прокуратуры РФ за последние годы количество преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом увеличилось примерно на тысячу случаев в год). [1] Исследования показывают, что удельный вес групповой преступности в России за первое десятилетие двадцать первого века составил в среднем около 30,7%, организованной – приблизительно 1%, темпы роста преступлений, совершенных в соучастии, достигают в отдельные годы 10%. [2] Такая неутешительная статистика порождает особое внимание законодателя к институту соучастия в преступлении.

Правовая конструкция большинства статей Уголовного Кодекса РФ предполагает совершение преступления одним конкретным лицом. Однако иногда преступления совершаются двумя или более лицами. Данная преступная деятельность обладает свойством повышенной опасности, так как объединение усилий нескольких людей, во-первых, облегчает совершение преступления и создание условий для этого, во-вторых, создает возможность для сокрытия следов преступления и, как следствие, порождает затруднения у правоохранительных органов при их расследовании.

С субъективной стороны соучастники участвуют в совершении преступления *умышленно совместно*, а их действия охватываются *единым умыслом*. Данный признак означает, что в содержании вины каждого из соучастников должен быть: во-первых, интеллектуальный момент умысла соучастников – двухсторонняя субъективная связь, то есть взаимная осведомленность лиц относительно фактических обстоятельств, относящихся не только к их собственному поведению, но и к деятельности других участников; во-вторых, волевой момент умысла соучастников, который отличается у различных видов соучастников (исполнитель может желать наступления общественно опасных последствий, сознательно их допускать или относиться безразлично, но его психическое отношения напрямую связано с преступным результатом; умысел иных участников исчерпывается результатом их собственной преступной деятельности).

Статья 33 УК РФ закрепляет *четыре вида соучастников*: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Статья 34 устанавливает два критерия, на основе которых проводится данная законодательная классификация – характер и степень участия в преступлении. [3] Под *степенью участия* понимается всесторонняя оценка фактической ро-

ли субъекта, вклада, внесенного им в совершение преступления, а *характер участия* определяется юридической ролью соучастника в преступлении и служит критерием разграничения исполнителей, пособников и подстрекателей. Правильное определение вида соучастника на практике является одним из важных условий квалификации преступления в целом и индивидуализации наказания соучастников в частности.

Соотношение квалификации деятельности исполнителя и уголовно-правовой оценки действий других соучастников остается одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов в современном уголовном праве. В доктрине выделяются две основные точки зрения на данную проблему – **теории соучастия**.

Согласно первой из них, соучастие рассматривается как *самостоятельная форма преступной деятельности*, при которой основание и пределы уголовной ответственности соучастников преступления определяются не действиями исполнителя, а действиями конкретных соучастников. Данная теория обуславливает возможность привлечения к ответственности любого соучастника, даже если исполнитель не может быть к ней привлечен в силу определенных обстоятельств или будет от нее освобожден (например, в результате добровольного отказа от совершения преступления). Сторонниками данной концепции являются М.Д. Шаргородский, П.И. Гришаев, Г.А. Кригер, П.Ф. Тельнов, Ф.Г. Бурчак.

Вторая доктринальная позиция – *акцессорная теория* – исходит из представления о том, что основой любого соучастия является деятельность исполнителя, он играет центральную роль в совершении преступления, а действия других соучастников необходимо рассматривать в качестве дополнительных (акцессорных). В силу такой взаимосвязи квалификация действий соучастников базируется на юридической оценке деятельности исполнителя. К числу ученых, признающих акцессорность соучастия по действующему УК РФ, можно отнести М.И. Ковалева и А.В. Наумова. Среди дореволюционных криминалистов сторонником данной концепции был Н.С. Таганцев.

Особенности квалификации действий соучастников вытекают из данной парадигмы и имеют свои отличия применительно к конкретным разновидностям соучастников. Все они закреплены в статье 34 УК РФ.

Основанием уголовной ответственности, по общему правилу, является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ (статья 8 УК РФ). [3] Однако в рамках института соучастия в целях дифференциации уголовной ответственности в зависимости от вклада конкретного лица в совершение преступления, в совокупности с общим применяется также *дополнительное основание* уголовной ответственности, которое определяется характером и степенью участия в совершении преступления, то есть осуществляется квалификация в зависимости от вида соучастника.

Основная разновидность **исполнителя преступления** – лицо, непосредственно совершившее преступление (*непосредственный исполнитель*). А.В. Шестлер придерживался той точки зрения, что лицо, которое удерживает руки жертвы при совершении изнасилования или убийства (наиболее распространенные в доктрине примеры), признается исполнителем. [4] Н.П. Берестовой же, наоборот, считает, что исполнителем при изнасиловании не может быть признано лицо, действия которого прямо не охватываются признаками объективной стороны, не указанными в законе. [4] А.В. Ушаков при убийстве признает исполнителем лицо, применяющее нож для смертельного ранения, а удерживающее за руки – пособником. [4] Наиболее убедительной можно признать позицию, сформированную судебной практикой, из которой следует, что понятие непосредственного исполнителя следует толковать расширительно, например в случаях, когда один из соисполнителей при убийстве или изнасиловании удерживает потерпевшую за руки или иным способом подавляет сопротивление.

Вторым видом исполнителя является *соисполнитель*, то есть лицо, непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами. В.С. Комиссаров отмечает, что при соисполнительстве соучастники непосредственно и совместно выполняют объективную сторону преступления, причем необязательно от начала до конца – достаточно частичное выполнение каждым из них. Действия соисполнителей могут быть технически разными, но «юридически однородными», то есть образующими в результате объективную сторону преступления.

Квалификация действий исполнителя осуществляется по статье Особенной части Уголовного Кодекса РФ, при этом ссылка на часть 2 статьи 33 УК РФ не требуется (часть 2 статьи 33 УК РФ). [3]

Если исполнитель является ключевой фигурой в совершении преступления, то **организатор** (как считает большинство ученых) – наиболее опасной в рамках соучастия. Организатор преступления от других видов соучастников отличается особой инициативностью, проявляемой при подготовке к преступлению, руководящей ролью при его исполнении, вовлечением других лиц, активным участием в разработке плана совершения преступления. Вместе с тем, законодательное определение, данное в части 3 статьи 33 УК РФ, неоднократно подвергалось критике в научных кругах, причем сразу по нескольким причинам. [3]

Во-первых, тавтология, допущенная законодателем («*организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления*»), создает определенные трудности в выяснении подлинного смысла самого понятия. Толковый словарь С.И. Ожегова трактует глагол «организовать» в следующих значениях: основать (основывать), учредить (учреждать), подготовить (подготавливать), наладить (налаживать), объединить (объединять), упорядочить (упорядочивать), устроить. [5] Однако *отсутствие законодательного толкования* расширя-

ет возможности судов для квалификации действий соучастников в качестве действий организаторов преступления, даже в условиях недостаточности фактических обстоятельств, характеризующих организаторскую роль, что в свою очередь может порождать дополнительное основание уголовной ответственности для иных видов соучастников, например, исполнителей.

Во-вторых, среди видов организаторских функций, перечисляемых в части 3 статьи 33, отдельно *не названы действия по организации преступления до начала его совершения*. Однако на практике нередки случаи, когда лицо руководило лишь приготовлением к преступлению, но в его совершении (как непосредственно, так и в качестве лица, руководящего исполнением) не участвовало, что не было учтено при создании рассматриваемой правовой нормы законодателем.

Квалификация действий организатора напрямую зависит от того, связана ли его деятельность с созданием организованной группы. В данном случае имеет существенное значение правило конкуренции общей и специальной норм в уголовном праве, в соответствии с которым при наличии такого противоречия должна применяться специальная норма (часть 3 статьи 17 УК РФ). [3]

Если организационно-функциональная роль организатора выражалась в создании организованной группы и так далее, то действия данного лица должны быть квалифицированы согласно специальной норме Особенной части УК РФ (в частности статьи 208–210, 282.1 УК РФ), причем без ссылки на часть 33 УК РФ, так как в данном случае совершенные деяния представляют собой самостоятельные преступления, содержащие в своем составе признак организации. Стоит отметить, что поскольку данные составы являются формальными по своей конструкции, деяние считается оконченным с момента совершения действия, указанного в диспозиции, например, лицо, создавшее банду, подлежит уголовной ответственности даже в том случае, если банда еще не совершила ни одного преступления. Если же лицо организовало для совершения преступления группу лиц, участие в которой не предусмотрено Уголовным Кодексом РФ, то отсутствует квалификация через институт соучастия.

Следующий вид соучастника – **подстрекатель** – направляет волю определенного лица на совершение конкретного преступления или укрепляет решимость, если оно колебалось в отношении замысливаемого преступного деяния. Перечень способов, путем которых лицо выполняет объективную сторону подстрекательства в законе не является исчерпывающим; в качестве примеров уголовный закон закрепляет уговор, подкуп, угрозу. Особое внимание следует проявлять при квалификации действий подстрекателя в том случае, если преступление по каким-либо причинам не было доведено до конца, так как факт наличия в действиях лица состава подстрекательства судебной практикой не ставится в зависимость от преступного ре-

зультата действий исполнителя, а само подстрекательство рассматривается в таком случае в рамках приготовления к преступлению.

Пособник также играет существенную роль в совершении преступления путем предоставления исполнителю или иному соучастнику необходимой информационной, материальной и иной помощи, укрепляя тем самым уверенность лица в возможности беспоследственного совершения преступного деяния. Классификация пособничества на интеллектуальное (содействия советами и указаниями) и физическое (оказание материальной или физической помощи соучастникам) является основной, однако оставляет много вопросов с точки зрения разграничения понятий, что объясняется, в первую очередь, сложностью правового института соучастия и несовершенством законодательной техники.

Так же, как и в случае с организатором, квалификация действий подстрекателя и пособника зависит от квалификации действий исполнителя, за исключением случаев, когда преступное деяние предусмотрено отдельной нормой Особенной части УК (например, в рамках пособничества статье 205.1 – пособничество террористическому акту, статья 291.1 – посредничество при взяточничестве и другие).

Таким образом, двумя самыми известными теориями сущности соучастия являются акцессорная и теория самостоятельной ответственности, причем в российском уголовном праве институт соучастия строится на сочетании данных концепций. Этот факт обуславливает особенности квалификации действий соучастников, главными правилами которой являются следующие: действия исполнителя квалифицируются по статье Особенной части УК РФ; при оценке действий «сложных» соучастников к ней также добавляется ссылка на соответствующую часть статьи 33 УК РФ.

В практике применения института соучастия бывают случаи, когда одно и то же лицо осуществляет одновременно несколько функций, в результате чего у судов возникает проблема квалификации **совмещения ролей**.

Исключение, предусмотренное в части 3 статьи 34 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что если пособник, подстрекатель, организатор совместно с исполнителем выполняли объективную сторону состава соответствующего преступления, то они должны быть квалифицированы и нести ответственность в качестве соисполнителей, то есть соисполнительство поглощает иные функции соучастников, но функциональное совместительство будет учтено судом при назначении наказания, которое зависит от вклада каждого соучастника в совершение преступления. [3]

Оценка ситуаций, когда лицо совмещает функции только «сложных» соучастников (организатора, подстрекателя, пособника), законодателем не дана. Ю.Е. Пудовочкин обращает внимание на то, что квалификация, к примеру, подстрекательства и пособничества не образует совокупно-

сти преступлений, а содеянное образует единое посягательство, и упоминает о том, что совмещение такого рода может быть оценено как деятельность организатора. [6]

Однако судебная практика не выработала стабильной правовой позиции по данному вопросу: в разных случаях суды либо признают «совместителя» организатором, либо квалифицируют отдельно каждую из выполненных соучастником ролей. Р.Д. Шарапов и Р.В. Минин придерживаются позиции, что данный способ квалификации является более верным, так как «в данном случае основание уголовной ответственности соучастников имеет конструкцию альтернативного состава преступления». [7] С данной точкой зрения, однако, нельзя согласиться, так как при квалификации действий «совместителей» таким путем возникает проблема двойного вменения и, как следствие, неверной квалификации, в результате чего несправедливо и необоснованно ужесточается наказание.

Существенными особенностями обладает и квалификация действий при **эксцессе исполнителя**, который представляет собой самостоятельную деятельность данного соучастника, которая не охватывалась общим умыслом и имеет юридическое значение, так как изменяет степень общественной опасности совершенного противоправного деяния.

Дискуссионной в рамках квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя является проблема «неосторожного» эксцесса, то есть ситуация, в которой исполнитель совершил эксцесс, не имея на то умысла (к примеру, исполнитель совершает изнасилование, которое повлекло по неосторожности смерть потерпевшей). А.С. Барановская и М.В. Грамматчиков отмечают, что среди ученых существуют две точки зрения. Одни авторы считают оправданной ответственность «сложных» соучастников за совершение преступления с квалифицирующим признаком, так как хотя воля соучастников и не была направлена на тяжкое последствие, но подобный исход был возможен изначально. Другие авторы утверждают, что неосторожное причинение вреда выходит за рамки института соучастия, поэтому ответственность за наступившие неосторожные последствия нести должен лишь исполнитель. [8] Первая позиция представляется более обоснованной, так как применение института эксцесса исполнителя возможно только при существующем различии между общим и частным умыслом, которое отсутствует в случае «неосторожного» эксцесса.

Наоборот, строго индивидуальный характер носит влияние на квалификацию **добровольного отказа одного из соучастников** от совершения преступления, в результате чего соучастник может быть освобожден от уголовной ответственности, если в его действиях нет иного состава преступления. Другой его чертой является то, что он возможен до окончания преступления исполнителем: на стадии приготовления добровольный отказ выражается в прекращении подготовительных действий, на стадии покушения (причем только не-

оконченного) – в воздержании от действий (прекращении бездействия), посредством которых достигается преступный результат.

Для «сложных» соучастников предусмотрены более строгие условия добровольного отказа (части 4 и 5 статьи 31 УК РФ). Пособник должен предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления (изъять предоставленное орудие или средство, обеспечить исполнителя дезинформацией и так далее). Организатор и подстрекатель должны своевременно обратиться в органы власти или иным способом не допустить доведения преступления до конца, однако если в результате преступный результат все же наступит, то по закону они обязаны нести уголовную ответственность. [3] Однако некоторые ученые, в частности Н.Ф. Кузнецова и М.И. Ковалев, утверждают, что данное положение закона не отвечает требованиям справедливости, так как если соучастник принимает все возможные меры, чтобы предотвратить последствия своего соучастия, но исполнитель все равно совершает преступление, то рушится причинная связь и общий умысел, которые являются необходимыми признаками соучастия, что может выступать достаточным основанием для освобождения от уголовной ответственности. [9] С данной позицией можно согласиться, потому что в противном случае добровольный отказ от преступления в рамках соучастия теряет свою выгодность с точки зрения соучастника, а потому меньшее количество преступлений будет предотвращено таким способом.

Подводя итог сказанному, стоит отметить, что такие специальные вопросы ответственности соучастников преступления, как совмещение функциональных ролей в процессе подготовки и совершения преступления, эксцесс исполнителя преступления (как умышленный, так и неосторожный), добровольный отказ одного из соучастников до наступления преступного результата могут существенно изменить квалификацию действий конкретного соучастника и напрямую зависят от фактических обстоятельств дела.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г.: Статистический сборник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной Прокуратуры РФ. С. 18–20. // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 12.11.2023).
2. Алексеев С.В. Динамика групповой преступности в России: статистика и реальность // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 12. С. 28. URL: <https://vestniklaw.susu.ru/31/Alekseev.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 25.

Ст. 2954. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001996025000&docid=4886> (дата обращения: 12.11.2023).

4. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность: научно-практическое издание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 360 с.
5. Слово «организовать» в Толковом словаре С.И. Ожегова // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18684> (дата обращения: 12.11.2023).
6. Пудовочкин Ю.Е. Судебная практика квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 2. С. 5–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kvalifikatsii-prestupleniy-sovershennyh-v-souchastii> (дата обращения: 12.11.2023).
7. Шарапов Р. Д., Минин Р.В. Пособничество преступлению: закон, теория, практика // Известия АлтГУ. 2018. № 6 (104). С. 140–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posobnichestvo-prestupleniyu-zakon-teoriya-praktika> (дата обращения: 12.11.2023).
8. Барановская А.С., Грамматчиков М.В. Проблема определения степени уголовной ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления // «Молодёжь Сибири – науке России»: материалы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 23–24 апреля 2015 г. С. 16–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23813224> (дата обращения: 12.11.2023).
9. Панкратов М.В. Особенности ответственности соучастников при добровольном отказе и неоконченном преступлении // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4. С. 235–242. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otvetstvennosti-souchastnikov-pri-dobrovolnom-otkaze-i-neokonchennom-prestuplenii> (дата обращения: 12.11.2023).

DEPENDENCE OF THE QUALIFICATION OF THE CRIME ON THE TYPE OF COMPLICITY

Bauer D.V., Zagorodnikova Yu.O.
Novosibirsk State University

The present article is devoted to the research of types of accomplices of a crime, as well as to the analysis of grounds and peculiarities of qualification of their actions when they commit a crime jointly and with common intent. The study of this issue is closely interrelated

with the problem of doctrinal identification of complicity as a form of independent criminal activity or an accessory legal construction in relation to the qualification of the actions of the perpetrator, in connection with which the article also considers the issue of theories of complicity. As the most controversial problems from the point of view of law enforcement practice, the article studies special issues of responsibility of accomplices of a crime: as a combination of functional roles by accomplices, excess of the perpetrator of a crime, voluntary refusal of one of the accomplices in the process of committing a crime, as well as their influence on the qualification of actions of such persons.

Keywords: accomplices of a crime, qualification, executor, organizer, accomplice, instigator.

References

1. The state of crime in Russia for January–December 2019: Statistical Collection of the Main Department of Legal Statistics and Information Technology of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. С. 18–20. // Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (date of reference: 12.11.2023).
2. Alekseev S.V. Dynamics of group crime in Russia: statistics and reality // Bulletin of SUSU. 2012. № 12. С. 28. URL: <https://vestniklaw.susu.ru/31/Alekseev.pdf> (date of reference: 12.11.2023).
3. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (ed. from 07.04.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Ст. 2954. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001996025000&docid=4886> (date of circulation: 12.11.2023).
4. Kozlov A.P. Co-participation: traditions and reality: scientific and practical edition. SPb.: Legal Center Press, 2001. 360 с.
5. The word “organize” in S.I. Ozhegov's Explanatory Dictionary // Ozhegov's Explanatory Dictionary. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18684> (date of reference: 12.11.2023).
6. Pudovochkin Y.E. Judicial practice of qualification of crimes committed in complicity // All-Russian criminological journal. 2011. № 2. С. 5–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kvalifikatsii-prestupleniy-sovershennyh-v-souchastii> (date of access: 12.11.2023).
7. Sharapov R. D., Minin R.V. Aiding and abetting a crime: law, theory, practice // Izvestiya AltSU. 2018. № 6 (104). С. 140–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posobnichestvo-prestupleniyu-zakon-teoriya-praktika> (date of reference: 12.11.2023).
8. Baranovskaya A.S., Grammatichikov M.V. The problem of determining the degree of criminal responsibility of accomplices in the excess of the perpetrator of a crime // “Youth of Siberia – the science of Russia”: materials of the international scientific-practical conf. Krasnoyarsk, April 23–24, 2015. С. 16–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23813224> (date of reference: 12.11.2023).
9. Pankratov M.V. Peculiarities of responsibility of accomplices in voluntary refusal and unfinished crime // Actual problems of Russian law. 2012. № 4. С. 235–242. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otvetstvennosti-souchastnikov-pri-dobrovolnom-otkaze-i-neokonchennom-prestuplenii> (date of address: 12.11.2023).

Влияние внедрения системы маркировки ЕГАИС «Честный знак» на оборот контрафакта в России

Квятковский Даниил Валерьевич,

Аспирант кафедры предпринимательства и логистики РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: kvyatkovskiy-1995@mail.ru

Наполнение российского рынка контрафактной продукцией обязало правительство РФ принимать меры по выявлению и недопущению данных изделий на рынок. С этой целью в стране введена система маркировки ЕГАИС «Честный знак», использование которой становится обязательным в отношении все большего ассортимента товаров. В частности, обязательной маркировке подлежат молочная продукция, упакованная вода, лекарства, табак, никотинсодержащие жидкости и электронные системы доставки никотина, одежда и товары лёгкой промышленности, обувь и другие товары. В последующем под обязательную маркировку ЕГАИС «Честный знак» подпадает все большее количество видов товаров. Внедрение системы снизило объем поступающего на рынок контрафакта, повысив прозрачность потребительского рынка и увеличив долю доброкачественной продукции. Статья нацелена на анализ влияния системы маркировки ЕГАИС «Честный знак» на оборот контрафакта в России.

Ключевые слова: ЕГАИС «Честный знак», маркировка товаров, молочная продукция, качество, контрафактная продукция.

В России для борьбы с контрафактом и обеспечения прозрачности товарооборота введена система маркировки ЕГАИС «Честный знак». Предназначена она для контроля за перемещением алкогольной и табачной продукции по всей цепочке поставок – от производителя до конечного потребителя [1].

Задачи введения данной системы заключаются в следующем:

1. обеспечение подлинности продукции;
2. защита прав потребителей;
3. улучшение контроля и надзора;
4. повышение прозрачности и открытости используемого сырья в производимой продукции.

По сути, система маркировки «Честный знак» способствует повышению прозрачности и открытости на рынке, поскольку предоставляет доступ к информации о производителях, поставщиках и характеристиках продукции. Это помогает улучшить конкуренцию и обеспечить более справедливые условия для всех участников рынка. В целом система направлена на защиту интересов потребителей, обеспечение качества и безопасности продукции и создание справедливых условий на рынке.

Основные компоненты системы маркировки «Честный знак» приведены в таблице 1.

Таким образом, система маркировки «Честный знак» помогает бороться с контрафактом и подделками в алкогольной и табачной отраслях, а также обеспечивает прозрачность и контроль в товарообороте. Она является обязательной для всех производителей и продавцов алкогольной и табачной продукции на территории России.

Алгоритм маркировки продукции «Честный знак» включает следующие этапы [3]:

1. Регистрация в системе. На данном этапе производитель или поставщик продукции регистрируется в системе маркировки «Честный знак». В ходе процесса производится предоставление необходимых документов и информации о компании и ее продукции.

2. После успешной регистрации производитель или поставщик получает особые коды маркировки для своей продукции. Указанные коды применяются в создании уникальных идентификаторов маркировки на каждом отдельном товаре.

3. Создание идентификаторов маркировки. На данном этапе производитель или поставщик создает идентификаторы маркировки для каждого товара, используя полученные коды. При этом используется специальное программное обеспечение или сервис маркировки.

4. Идентификаторы маркировки наносятся на каждый товар с использованием специальных маркировочных устройств или методов, таких как QR-коды, штрих-коды или RFID-метки [4]. Данные инструменты дают возможность уникальной идентификации каждого товара и отслеживания его в системе.

5. Далее проводится загрузка информации в систему. При этом производитель или поставщик загружает информацию о каждом товаре, включая его характеристики, сертификаты качества и другую информацию в систему маркировки «Честный знак». Данные действия позволяют потребителям получить доступ к полной и достоверной информации о продукции.

6. Проверка подлинности. Потребители проводят проверку подлинности продукции, отсканировав идентификатор маркировки с помощью мобильного приложения или веб-сервиса. Система маркировки «Честный знак» проверяет идентификатор и предоставляет информацию о подлинности и характеристиках продукции.

Таблица 1. Основные компоненты системы маркировки «Честный знак»

Элемент	Описание	Особенности применения
Маркировка продукции	каждая единица продукции маркируется уникальным идентификатором, который содержит информацию о производителе, виде продукции, месте и времени производства и других данных	маркировка может быть нанесена на упаковку или на сам продукт.
Система контроля и трекинга	информация о перемещении маркированной продукции регистрируется в центральной базе данных	позволяет отслеживать каждую единицу продукции на всех этапах цепочки поставок и контролировать ее легальность.
Контрольные мероприятия	проводятся проверки и инспекции, направленные на выявление контрафактной и нелегальной продукции	контролирующие органы имеют доступ к базе данных и могут проводить проверки в розничных точках продаж.
Коды проверки подлинности	каждому продукту соответствует собственный индивидуальный код	на упаковке маркированной продукции может быть указан специальный код, который позволяет потребителю проверить подлинность продукта с помощью мобильного приложения или специального сайта

Источник: составлено автором по [2]

Алгоритм маркировки продукции «Честный знак» дополняется или меняется в соответствии с требованиями и регламентами, установленными

организацией, ответственной за маркировку продукции.

Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении перечня отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» [5] официально было принято в 2017 году. Постепенно под его действие вошло все большее количество категорий продуктов. Нанесённый DataMatrix-код на товары напоминает привычный QR-код. Промаркированы могут быть как сам товар, так и ярлык, этикетка, дополнительная упаковка товара или паллет (рисунок 1).

Рис. 1. Фото маркировки «Честный знак» по молочной продукции

Система маркировки «Честный знак» предоставляет потребителям доступ к полной и достоверной информации о продукции, включая ее характеристики, производителя, сертификаты качества и другие данные. Это позволяет потребителям сравнивать информацию о продукции и обнаруживать несоответствия или подозрительные отличия, которые могут указывать на контрафакт.

«Честный знак» стимулирует производителей и поставщиков улучшать качество и безопасность своей продукции, поскольку они должны соответствовать требованиям и стандартам, установленным для получения маркировки. Данная система снижает риск того, что контрафактная продукция будет производиться и попадать на рынок, а значит «Честный знак» способствует борьбе с контрафактом, предоставляя потребителям инструменты для проверки подлинности товара и повышая прозрачность и контроль на рынке, что снижает спрос на контрафактный товар и создает более безопасную и доверительную среду для потребителей.

В целях определения продукции, подлежащей обязательной маркировке средствами идентификации, необходимо руководствоваться одновременно кодом ТНВЭД и кодом ОКПД-2 [6].

В состав такой продукции входят: товары легкой промышленности, шубы, обувь, табак, лекарства, молочная продукция, шины и ряд других товарных групп; с 2024 года – все товарные группы.

Опыт использования маркировки товаров и системы «Честный Знак» в России показывает, что это эффективный инструмент борьбы с контрафактом и защиты прав потребителей. Так, динамика контрафакта в РФ до внедрения данной системы и после приведена на рисунке 2.

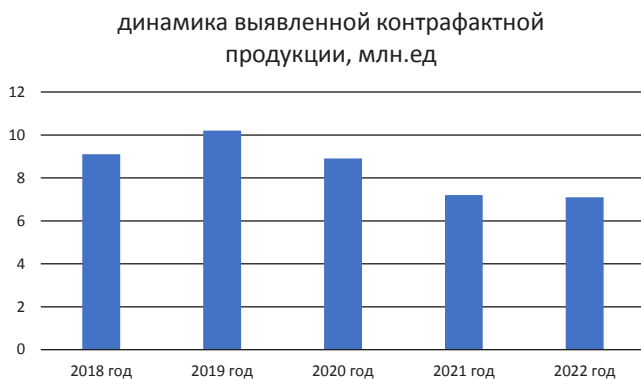

Рис. 2. Динамика контрафакта в РФ до внедрения системы «Честный знак» и после, млн.ед.

Источник: Портал по противодействию незаконному обороту промышленной продукции // gisp.gov.ru/pnopp/info/: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)

Анализ позволяет сделать вывод, что при постепенном внедрении системы «Честный знак» происходит постепенное снижение контрафакта. При этом подчеркнем, что до 2019 года по статистике ФТС РФ каждый второй товар, поступающий на российский рынок, был контрафактным. Сказанное доказывает действенность ЕГАИС «Честный знак» и целесообразность внедрения.

Более логичным действие системы представляется рассмотреть на примере конкретного вида товаров.

Так, согласно данных портала о противодействии незаконному обороту промышленной продукции [7], маркировка молочной продукции позволила пресечь продажу 5.2 млн единиц контрафакта только за 2022 год. Поддельные товары при этом пытались сбыть 16 тыс. компаний.

На 4848 предприятиях было выявлено расхождение между заявленным и фактическим содержанием изделий, а также отступление от соответствия актуальным Техническим регламентам Таможенного союза (ТР ТС).

В большинстве своем посредством выявления контрафакта «Честный знак» в части молочной продукции были выявлены факты замены дорогостоящего молока растительными жирами, приготовление кисломолочной продукции не из аутентичной живой закваски, а из химических катализаторов брожения, присвоение названий более качественных продуктов.

На рисунке 3 приведена динамика доли фальсификата молочной продукции.

Так, фальсификат в сегменте молочной продукции в самом начале 2022 года составляла 30%, а в декабре 2021 года сократилась до 10% и продолжает снижаться. Конкретно в отношении продукции сливочного масла и сыра, по данным Россельхознадзора, в 2022 году доля контрафак-

та снизилась до 10%. В 2021 году данный показатель находился на уровне 17%, первом квартале 2023 года – 13%-15%.

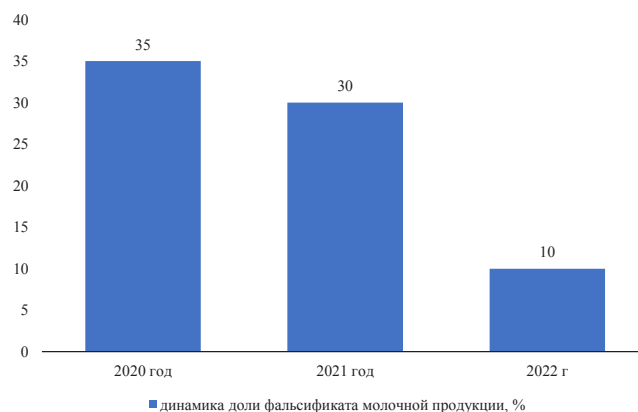

Рис. 3. Динамика доли фальсификата молочной продукции, %

Источник: Портал по противодействию незаконному обороту промышленной продукции // gisp.gov.ru/pnopp/info/: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)

Необходимо подчеркнуть, что указанные данные получены посредством сопоставления информации из систем «Меркурий» и маркировки «Честный знак».

На рисунке 4 приведено соотношение количества нарушений, выявленных в 2021 и 2022 гг. по продукции «сыр» и «сливочное масло».

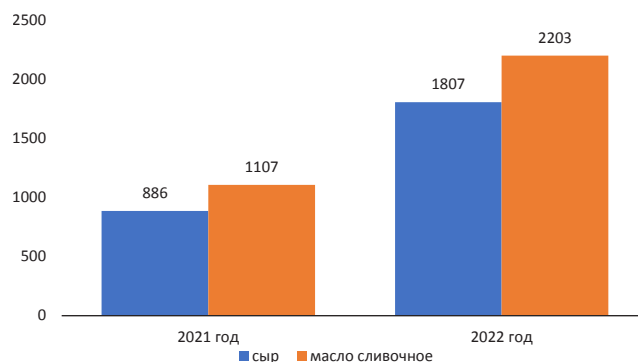

Рис. 4. Количество выявляемых нарушений в качестве продукции «сыр» и «сливочное масло», раз

Источник: Официальный сайт Россельхознадзора <https://svsps.gov.ru/>: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)

Выяснилось, что нарушения были выявлены в продукции 86 из 888 предприятий, выпускающих сыр, и 179 из 1807 компаний, которые производят сливочное масло. Большая часть нарушений была зафиксирована из-за несоответствия объема конечной продукции и имеющегося у компании сырья. К примеру, один из производителей ввел в оборот 457 кг кефира, однако закупил сырья, которого могло хватить только на 0,9 кг продукции.

Так, если в марте 2022 года доля производителей сыра и масла сливочного, которые выпускают фальсификат, находилась на уровне 30%, то к началу 2023 года этот показатель составил 12%. Таким образом, только в отношении анализируемой продукции рынок «обелился», как минимум, на 20%., а это прирост объема налогов в бюджет страны на сумму 20 млрд.руб.

Кроме того, система позитивно повлияла на качество готовой продукции, что положительно сказывается на здоровье населения и выводит с рынка недобросовестных производителей, предоставляя ряд преференций честному бизнесу.

Таким образом, проведённый анализ доказывает эффективность и целесообразность внедрения система ЕГАИС «Честный знак», которая направлена на оборот контрафакта в России. Кроме того, данная система снижает долю некачественной продукции в российских магазинах и повышает уровень собираемости налоговых доходов в бюджет. А значит, необходимо и далее модернизировать систему «Честный знак», повышая ее технические возможности, вовлекая население в контроль за качеством продаваемой в магазинах страны товарами. В то же время целесообразно расширить ассортиментный перечень продукции, которая подлежит обязательной маркировке в ЕГАИС «Честный знак».

Литература

1. Официальный сайт государственной системы маркировки и прослеживания Честный знак// <https://xn-80ajghhoc2aj1c8b.xn-p1ai/>: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)
2. Система маркировки товаров «Честный ЗНАК»: что это такое и как с ней работать// <https://scanport.ru/blog/sistema-markirovki-tovarov-chestnyj-znak-chto-eto-takoe-i-kak-s-nej-rabotat/>: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)
3. Обязательная маркировка товаров на 2023 год// <https://getmark.ru/blog/o-markirovke/obyazatel'naya-markirovka-tovarov-kod-pravila-ehrapy-sroki/>: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)
4. Маркировка товара: Data Matrix или RFID-метки?// <https://rabotaylegko.ru/>: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)
5. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 N 792-р (ред. от 31.05.2023) «Об утверждении перечня отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации»// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297114/26cdb7be-00745ba8727bc131cfd01e77eb7b0a33/: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)
6. Информация Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.03.2016 «Переходные ключи (сопоставительные таблицы) ТНВЭД – ОКПД2» <https://www.alt.ru/tamdoc/16bn0113/>: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)

7. Портал по противодействию незаконному обороту промышленной продукции// <https://gisp.gov.ru/pnopp/info/>: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)
8. Официальный сайт Россельхознадзора <https://fsvps.gov.ru/>: (Дата обращения: 20.09.2023 г.)

THE IMPACT OF THE INTRODUCTION OF THE EGAIS “HONEST SIGN” MARKING SYSTEM ON THE TURNOVER OF COUNTERFEIT GOODS IN RUSSIA

Kvyatkovsky D.V.

Russian Economic University. G.V. Plekhanov

Filling the Russian market with counterfeit products obliged the Government of the Russian Federation to take measures to identify and prevent these products from entering the market. To this end, the country has introduced a system of marking the USAIS “Honest Mark”, the use of which is becoming mandatory for an increasing range of goods. In particular, dairy products, packaged water, medicines, tobacco, nicotine-containing liquids and electronic nicotine delivery systems, clothing and light industry goods, shoes and other goods are subject to mandatory labeling. Subsequently, an increasing number of types of goods fall under the mandatory marking of the USAIS “Honest Sign”. The introduction of the system has reduced the volume of counterfeit goods entering the market, increasing the transparency of the consumer market and increasing the share of high-quality products. The article is aimed at analyzing the impact of the EGAIS “Honest Sign” labeling system on counterfeit turnover in Russia.

Keywords: EGAIS “Honest sign”, labeling of goods, dairy products, quality, counterfeit products.

References

1. Official website of the state labeling and tracking system Honest Sign // <https://xn-80ajghhoc2aj1c8b.xn-p1ai/>: (Date of access: 09/20/2023)
2. Product labeling system “Honest SIGN”: what it is and how to work with it// <https://scanport.ru/blog/sistema-markirovki-tovarov-chestnyj-znak-chto-eto-takoe-i-kak-s-nej-rabotat/>: (Date of access: 09/20/2023)
3. Mandatory labeling of goods for 2023 // <https://getmark.ru/blog/o-markirovke/obyazatel'naya-markirovka-tovarov-kod-pravila-ehrapy-sroki/>: (Date of access: 09/20/2023)
4. Product marking: Data Matrix or RFID tags?// <https://rabotaylegko.ru/>: (Date of access: 09/20/2023)
5. Order of the Government of the Russian Federation dated April 28, 2018 N 792-r (as amended on May 31, 2023) “On approval of the list of certain goods subject to mandatory labeling by means of identification” // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297114/26cdb7be00745ba8727bc131cfd01e77eb7b0a33/: (Date of access: 09/20/2023)
6. Information from the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 03.23.2016 “Transitional keys (comparative tables) of the Commodity Classification of Foreign Economic Activity – ОКПД2” <https://www.alt.ru/tamdoc/16bn0113/>: (Date of access: 09.20.2023)
7. Portal for combating illicit trafficking in industrial products // <https://gisp.gov.ru/pnopp/info/>: (Date of access: 09/20/2023)
8. Official website of Rosselkhoz nadzor <https://fsvps.gov.ru/>: (Date of access: 09/20/2023)

Возможности квалификации по ст. 105 УК РФ принуждения потерпевшего совершить самоубийство

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы различия преступлений, предусмотренных статьей 105 УК РФ – «Убийство» – и статьей 110 УК РФ – «Доведение до самоубийства». Автор исследует сами понятия убийства и доведения до самоубийства, а также вопросы квалификации указанных преступлений в зависимости от обстоятельств совершения соответствующего преступления. В статье анализируется понятие доведения до самоубийства, а также исследуются случаи, при которых виновный, угрожая немедленным применением насилия, опасного для жизни и здоровья, применяя подобное насилие или же применяя оружие или предметы, используемые в качестве оружия, вынуждает потерпевшего совершить самоубийство немедленно. По мнению автора, в подобных ситуациях необходима квалификация преступного деяния по ст. соответствующей части статьи 105 УК РФ, то есть как убийства. В данной статье автор приводит доводы, обосновывающие подобную квалификацию соответствующего деяния, а также мотивирует необходимость подобной квалификации деяний виновного при соответствующих обстоятельствах. В частности автор указывает, что термин «доведение до самоубийства» подразумевает длительное, постепенное подведение потерпевшего к мысли о суициде, растянутое во времени формирование у него умысла уйти из жизни, при том, что в исследуемых ситуациях под мощным психологическим давлением, умысел на прерывание своей жизни у потерпевшего формируется быстро, в течение ограниченного времени, причем это время ограничивается именно волей виновного лица. При этом не каждый человек, даже при угрозе смерти, способен сопротивляться подобному давлению. По мнению автора, требование совершить самоубийство, подкрепленное применением физического насилия, опасного для жизни и здоровья или угрозой такого насилия, оказывает настолько сильное морально- психологическое воздействие на многих людей, что они не находят в себе сил и возможностей сопротивляться подобному требованию и выполняют его.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, убийство, доведение до самоубийства, физическое и морально-психологическое давление, умысел на суицид, виновный, потерпевший.

В следственной и судебной практике возможны ситуации, когда грань между преступлениями, предусмотренными ст. 105 УК РФ – «Убийство» – и ст. 110 УК РФ – «Доведение до самоубийства» – исчезающе тонка и разделить эти два различных преступления представляет большую проблему. Однако верная квалификация таких преступлений необходима хотя бы потому, что наказание за убийство значительно превышает наказание, назначаемое за доведение до самоубийства, особенно за первую часть ст. 110 УК РФ. Кроме того, даже с точки зрения человеческой этики и морали, убийство, которое является окончательным только в момент наступления смерти потерпевшего, представляет значительно большую общественную опасность, нежели доведение до самоубийства, при котором наступление смерти совсем не обязательно. Также следует отметить, что квалификация убийства по значительно менее тяжкой ст. 110 УК РФ может создать негативную тенденцию, при которой виновные лица, воспользовавшись сложившимся прецедентом, избегают привлечения к уголовной ответственности за одно из наиболее тяжких предусмотренных уголовным законом преступлений.

По мнению А.В. Ковалевой, доведение до самоубийства есть определенное поведение виновного, осуществляемое любым, в том числе насильственным способом, и имеющее стремление создать такую ситуацию, при которой жертва примет осознанное решение о совершении суицида.[2]

Итак, ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» предусматривает уголовную ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. При этом понятие угрозы законом не раскрывается. Однако, по смыслу закона, характер угрозы может быть различным: применение физического насилия, ограничение или лишение свободы, лишение еды, питья и иных насущных жизненных потребностей. Возможна угроза распространением сведений, крайне нежелательных для потерпевшего или для его близких.[3] Вообще, при подобном преступлении любая угроза может быть адресована самому потерпевшему или его близким.

Таким образом, угроза фактически является устрашением лица причинением ему любого возможного вреда.

И как раз при оценке характера угрозы возможны проблемы с квалификацией соответствующего деяния.

Действительно, как квалифицировать ситуацию, когда виновный, применив насилие, тут же вынудил потерпевшего совершить самоубийство? Это может быть угроза применением насилия, опасного для жизни, угроза убийством, угроза оружием или предметом, используемым в качестве оружия.

В подобных ситуациях виновный, угрожая немедленно убить потерпевшего или же причинив ему вред здоровью, заставляет его немедленно покончить с собой.

Такое преступление по объективной стороне очень похоже на доведение до самоубийства, поскольку здесь наличествует угроза применения насилия, направленная на принуждение потерпевшего совершить самоубийство.

Однако при этом характер объективной стороны данного преступления существенно отличается от объективной стороны ст. 110 УК РФ.

Как известно, убийство – умышленное причинение смерти другому человеку, то есть при совершении убийства обязательно имеет место умысел, направленный непосредственно на причинение смерти определенному лицу.

Кассационным определением Верховного Суда РФ от 20.11.2006 г. по делу № 1-о06–39 был признан законным и обоснованным приговор Архангельского областного суда от 22.06.2006 г. в отношении Ш. и К., признанных виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.[1]

Согласно материалам уголовного дела, Ш. и К., желая отомстить П. за жестокое обращение с родственницей Ш., пришли к П. домой и стали его избивать. В результате этого избиения П., будучи подавлен морально и физически, не оказывал сопротивления и заявил, что он не достоин жить и должен тут же, на чердаке дома, повеситься. Ш. и К. заявили, что повеситься ему лучше не в доме, а в другом месте. Они связали П. руки и вместе с ним пошли на берег реки. Там Ш. перекинул веревку через ветку дерева, К. накинул петлю на шею П., закрепив другой конец веревки. П. сошел с бревна и сам подогнул колени, после чего петля у него на шее затянулась. Ш. и К. ждали пока П. умрет от удушья, после чего вынули его из петли и закопали.

В ходе судебного разбирательства Ш. и К. настаивали, что совершили преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ – «Доведение до самоубийства». Свою позицию они мотивировали тем, что не имели умысла на убийство П. и заранее не планировали, что будут с ним делать.

Однако суд признал их виновными в совершении убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору.

В своем определении Верховный Суд РФ указывает, что содержащаяся в кассационной жалобе осужденного Ш. версия о том, что потерпевший повесился сам, высказывалась стороной защиты и ранее, в судебном заседании она тщательно проверена и обоснованно отвергнута в приговоре как несостоятельная.

Согласно определению Верховного Суда РФ, делая вывод о доказанности вины Ш. в совершении вышеуказанного преступления, суд правильно сослался на его показания, а также показания осужденного К. в стадии предварительного расследования, из которых следует, что они избили П., выкопали для него могилу, связали П., одели ему на шею петлю, которую затем сами умышленно затянули с целью лишения потерпевшего жизни.

Таким образом, в ходе судебного разбирательства установлено, что в данном случае потерпевший совершил самоубийство сам, а виновные перед этим оказали на него сильное физическое и психологическое давление, практически не оставив ему выбора – совершать или не совершать суицид.

При этом умысел потерпевших, безусловно, был направлен именно на причинение смерти потерпевшему П., а преступление было доведено ими до конца, то есть до наступления смерти П., так как они дождались, пока П. умер от удушья, после чего закопали его труп. То есть окончено данное преступление было не в момент попытки П. совершить самоубийство, как предусмотрено диспозицией ст. 110 УК РФ, а именно в момент наступления его смерти.

Кроме того, следует учесть, что виновные совершали активные действия, направленные именно на причинение смерти П.

Следует обратить внимание на то, что в диспозиции статьи 110 УК РФ имеется указание на доведение до самоубийства путем угроз, при этом угрозы упомянуты во множественном числе.

В рассматриваемом же случае об угрозах фактически речь не идет, а имеет место принуждение, то есть сильное физическое и психологическое воздействие на потерпевшего, подавляющее его волю и вынуждающее его совершить самоубийство.

Угрозы же при совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, имеют систематический характер, повторяются в течение длительного времени и постепенно формируют у потерпевшего умысел на суицид. Именно поэтому в диспозиции ст. 110 УК РФ говорится не об одной, а о многих угрозах.

Также следует обратить внимание, что при самоубийстве потерпевший принимает решение расстаться с жизнью сам и сам же приводит это решение в исполнение, все время движимый своей волей и своим сознанием. В рассматриваемой же ситуации потерпевший руководствуется не своей волей или не только своей волей, а волей виновного, которая все время довлеет над ним и парализует его собственную волю.

При доведении до самоубийства потерпевший в любой момент может отказаться от доведения его до конца. В описываемых же случаях такой возможности у потерпевшего нет, поскольку он осознает, что при его попытке не совершать суицид, смерть ему будет все равно причинена виновным лицом.

При этом не каждый человек, даже при угрозе смерти, способен сопротивляться подобному давлению. Требование совершить самоубийство, подкрепленное применением физического насилия, опасного для жизни и здоровья или угрозой такого насилия, в отношении значительной части людей оказывает настолько сильное морально-психологическое воздействие, что эти люди не находят в себе сил и возможностей сопротивляться подобному требованию и выполняют его.

Помимо этого, для законной и обоснованной квалификации преступления необходимо обратить внимание на временной промежуток, в течение которого совершается преступное деяние. Сам термин «доведение до самоубийства» подразумевает длительное, постепенное подведение потерпевшего к мысли о суициде, растянутое во времени формирование у него умысла уйти из жизни.

В рассматриваемых же случаях, под мощным психологическим давлением, умысел на прерывание своей жизни у потерпевшего формируется быстро, в течение ограниченного времени, причем ограничивается это время именно волей виновного лица, которое все время совершения преступления влияет на потерпевшего, торопя его и требуя совершить суицид немедленно.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что, поскольку в ситуациях, подобных описываемой, имеют место не угрозы, а принуждение потерпевшего совершить суицид, при совершении самоубийства потерпевший руководствуется не своей волей, а волей виновного, лишен возможности отказаться от намерения уйти из жизни, не способен сопротивляться оказываемому на него давлению, при этом его время на принятие решения также жестко ограничивается волей виновного, который непрерывно торопит его, требуя совершить самоубийство, то обоснованной будет квалификация действий виновного лица по соответствующей части ст. 105 УК РФ. При этом перечисленные аспекты свидетельствуют о том, что у виновного лица как раз имеется умысел именно на причинение смерти потерпевшему, который он реализует, принуждая его совершить самоубийство.

Литература

1. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.11.2006 г. по делу N1-006-39 URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_36558.htm (дата обращения 16.11.2023 г.)

2. Ковалева, А.В. Проблемы регламентации доведения до самоубийства. URL: <https://moluch.ru/archive/391/85518/> (дата обращения 16.11.2023 г.)
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник/под общ. ред. С.А. Денисова, Л.В. Готчиной, А.Г. Хлебушкина. – 2-е изд., – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – 656 с. С. 39.

POSSIBILITIES OF QUALIFICATION UNDER ARTICLE 105 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION OF FORCING A VICTIM TO COMMIT SUICIDE

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of the difference between the crimes provided for in Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Murder” – and Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Driving to suicide”. The author explores the concepts of murder and suicide, as well as the issues of qualification of these crimes, depending on the circumstances of the commission of the relevant crime. The article analyzes the concept of driving to suicide, and also examines cases in which the perpetrator, threatening immediate use of violence dangerous to life and health, using such violence or using weapons or objects used as weapons, forces the victim to commit suicide immediately. According to the author, in such situations, it is necessary to qualify a criminal act under the relevant part of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, that is, as murder. In this article, the author provides arguments justifying such a qualification of the relevant act, and also motivates the need for such a qualification of the actions of the perpetrator under appropriate circumstances. In particular, the author points out that the term “driving to suicide” implies a long, gradual summing up of the victim to the idea of suicide, the time-stretched formation of his intention to leave life, despite the fact that in the situations under study, under powerful psychological pressure, the intention to interrupt his life is formed quickly by the victim, within a limited time, and this time is limited precisely by the will of the guilty person. At the same time, not every person, even with the threat of death, is able to resist such pressure. According to the author, the demand to commit suicide, backed up by the use of physical violence dangerous to life and health or the threat of such violence, has such a strong moral and psychological impact on many people

Keywords: qualification of crimes, criminal liability, murder, incitement to suicide, physical and moral and psychological pressure, intent to commit suicide, the perpetrator, the victim.

References

1. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.11.2006 in case No. 1-006-39 URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_36558.htm (date of appeal 16.11.2023)
2. Kovaleva, A.V. Problems of regulation of suicide. URL: <https://moluch.ru/archive/391/85518/> (accessed 16.11.2023)
3. Criminal law. Special part: textbook/under the general editorship of S.A. Denisov, L.V. Gotchina, A.G. Khlebushkin. – 2nd ed., – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – 656 p.p. 39.

Проблемы совершенствования подготовки кадров для формирования судейского корпуса

Сенцов Александр Сергеевич,

к.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: sentsov_1951@mail.ru

Волколупова Валентина Александровна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: volkolupovav@mail.ru

Волколупов Владимир Георгиевич,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России
E-mail: volkolupov_ocr@rambler.ru

Статья посвящена исследованию актуальных проблем, относящихся к совершенствованию механизма подготовки кадров для работы в должности судьи на современном этапе развития российского государства. На основе проведенного анализа имеющихся в правовой доктрине теоретических подходов к решению существующих проблем, связанных с формированием судейского корпуса, авторы вносят предложения и рекомендации, направленные на повышение качества подготовки будущих судей, а также на улучшение процедуры отбора претендентов на должность судьи. В работе предлагается внести соответствующие изменения в нормативную базу, определяющую механизм формирования судейского корпуса (в частности, в ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132–1). В заключении формулируется итоговый вывод о том, что практическая реализация выделенных авторами основных направлений совершенствования качества подготовки и профессионального уровня судей в Российской Федерации требует объединения усилий всех органов государственной власти и институтов гражданского общества, а также изыскания финансовых возможностей ее ресурсного обеспечения.

Ключевые слова: судебная функция, профессиональная квалификация судей, судейский корпус, подготовка кадров, изменение законодательства, квалификационный экзамен, профессионализм.

Профессия судьи в условиях создания правового государства и гражданского общества, безусловно, относится к числу самых авторитетных, и поэтому для работы в этой должности необходимо обеспечить такой отбор кадров, который бы позволял стать судьей только настоящим профессионалам, чьи деловые и нравственные качества не вызывают никаких сомнений.

Именно судья ассоциируется в глазах общественного мнения со справедливостью, поскольку от принимаемых им процессуальных решений по итогам рассмотрения возникающих социальных конфликтов зависит, прежде всего, не только надлежащая охрана прав и законных интересов личности, общества и государства, но и уровень доверия граждан как к судебной, так и другим ветвям власти: законодательной и исполнительной.

Названные обстоятельства свидетельствуют о том, что специализированная подготовка будущих правоприменителей в высших учебных заведениях, прежде всего, судей, правовая регламентация процедуры отбора лиц, претендующих на должность судьи, переподготовка и повышение квалификации кандидатов, назначаемых на эту должность, а также теоретическое обеспечение совершенствования судейского корпуса – все это в настоящее время должно стать стратегическими задачами как для юридической науки, так и для практики построения судебной системы.

Характеризуя судейский корпус, Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев в своих выступлениях справедливо акцентировал внимание на том, что в нашей стране судьи занимают «исключительное, необычное положение», что судебная власть – «самая публичная власть, она должна быть самой прозрачной, и поэтому восприятие общества именно такое» [1, с. 4].

Однако, как отмечают многие исследователи (Т.В. Фарои [2], П.С. Заседателева [3], И.В. Яковлева [4] и др.) в действующей процедуре отбора кадров для формирования судейского корпуса существуют проблемы, свидетельствующие о том, что она объективно требует дальнейшего совершенствования, поскольку не учитывает современные реалии в полной мере, в частности, одной из проблем является отсутствие у квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации объективной возможности выявить у кандидата на должность судьи наличие таких важнейших для этой профессии качеств, как моральная устойчивость и способность к независимости в принятии своих решений.

Как справедливо отмечает Т.Н. Нешатаева, только независимый судья может вынести за-

конное, обоснованное и справедливое решение по конкретному рассматриваемому им делу, а независимость судьи возможна лишь в том случае, когда в его личности сочетаются высокая квалификация, позитивные моральные качества и внутреннее удовлетворение своей деятельностью и статусом [5, с. 67].

Однако в настоящее время на практике деятельность квалификационных коллегий судей весьма ограничена и сводится лишь к сбору и формальному изучению представленных кандидатом на должность судьи официальных характеристик, а также иных доступных сведений о нем. Но эти материалы лишь формально характеризуют личностные свойства претендента, и далеко не всегда по имеющейся информации можно судить о том, обладает ли данный кандидат моральной устойчивостью и независимостью [6, с. 534].

Все последующие этапы (процедуры), которые связаны с назначением на должность судьи, тоже не устанавливают каких-либо существенных объективных «фильтров», которые бы исключали возможность назначения на должность судьи «случайных лиц».

Таким образом, в рамках заявленной темы можно условно выделить два основных направления совершенствования отбора кадров среди лиц, претендующих на то, чтобы занять должность судьи: а) решение существующих в этой сфере проблем путем корректировки соответствующих нормативных предписаний, прежде всего Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132–1 [7]; б) совершенствование существующей практики отбора кадров для судейского корпуса.

На наш взгляд, в настоящее время возникла объективная потребность внести изменения в п. 1 ч. 1 ст. 4 названного закона, устанавливающий положение о том, что судьей может быть гражданин Российской Федерации, «имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»» [7]. Данное требование при буквальном его толковании означает, что для занятия должности судьи высшее юридическое образование должно быть либо по специальности «Юриспруденция» (уровень специалитета), либо высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии ранее полученного диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция».

Но вот уже более 10 лет в нашей стране подготовка юристов по специальности «Юриспруденция» (уровень специалитета) не проводится (последний выпуск таких специалистов был сделан в 2016 г.), а вместо этой специальности в рамках укрупненной группы специальностей 40.00.00 – Юриспруденция были открыты новые образовательные программы специалитета:

40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности;

40.05.02 – Правоохранительная деятельность;

40.05.04 – Судебная и прокурорская деятельность.

Лица, прошедшие обучение по данным образовательным программам высшего юридического образования и получившие диплом, в котором прямо указано, что им присвоена квалификация «юрист», формально не могут претендовать на должность судьи, поскольку в их дипломах предусмотрена не специальность «Юриспруденция», а иная (одна из названных выше), и следовательно, это не согласуется с требованием к образованию претендента на должность судьи, установленным в п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

Представляется, что это очевидный пробел в названном законе, и его необходимо устранить путем внесения соответствующих изменений в указанную правовую норму. Ведь сегодня возникает нонсенс: выпускник специализированного вуза Российского государственного университета правосудия, получивший специальность «Судебная и прокурорская деятельность» и квалификацию «юрист», не может стать судьей, даже если он в последующем окончит заочно магистратуру по направлению подготовки «Юриспруденция» и получит квалификацию (степень) «магистр».

В то же время в целях совершенствования отбора кандидатов для формирования судейского корпуса целесообразно ввести в качестве обязательного института стажировку кандидатов в судьи, по результатам прохождения которой можно было бы сформировать систему кадрового резерва из числа претендентов, уже сдавших соответствующий квалификационный экзамен [8, 9]. Разумный срок такой стажировки с учетом опыта, накопленного в правоохранительных органах (например, в Следственном комитете РФ, в Следственном департаменте МВД России и др.), мог бы составлять от 6 месяцев до 1 года.

На основе ее результатов председатель соответствующего суда, где проводилась такая стажировка, может дать заключение, отображающее более объективно профессиональные, нравственные и деловые качества стажера, и направить его в квалификационную коллегию судей субъекта Российской Федерации, с учетом которого будет решаться вопрос о возможности (или невозможности) назначения данного кандидата на должность судьи.

Актуальными представляются в рамках заявленной темы и такие направления совершенствования подбора кадров на должность судьи, как оптимизация сроков, установленных для проведения процедуры вступления в должность судьи (разумное сокращение времени), а также надделение квалификационной коллегии судей более широкими полномочиями, которые бы давали возможность более полно изучить личностные и профессиональные качества кандидатов, претендующих на должность судьи.

Кроме того, в период прохождения стажировки целесообразно проводить специализированное обучение кандидатов на должность судьи, уделяя при этом особое внимание углубленному изучению тех отраслей права, которые являются наиболее значимыми для отправления правосудия (гражданское право и гражданско-процессуальное право, уголовное право и уголовно-процессуальное право, административное право и административный процесс, арбитражный процесс и т.п.).

Заслуживает внимания предложенная А.Н. Сачковым и М.Б. Титуховым система непрерывных и целенаправленных действий подготовки будущих судей, которая состоит из следующих этапов: «первый этап: специализированная подготовка в высшем учебном заведении, в частности, в Российской академии правосудия (ныне Российский государственный университет правосудия – А.С., В.В., В.В.), с дальнейшим трудоустройством в органах судебной власти с целью получения практических навыков и знаний – общеобразовательная подготовка;

второй этап: повышение квалификации практикующих юристов и работников аппаратов судов по программам подготовки к сдаче квалификационного экзамена на должность судьи и предстоящей работы в должности судей – предэкзаменационная подготовка;

третий этап: образовательная работа как с кандидатами в судьи, потенциальными участниками конкурсов на замещение вакантных должностей, так и с теми, кто уже ожидает назначения на конкретную должность судьи, – преддолжностная подготовка;

четвертый этап: организационно-практическая работа с назначенными судьями по месту их предстоящей работы – подготовка по вступлению в должность;

пятый этап: повышение профессиональной квалификации судей, как тех, кто только что назначен, так и тех, кто уже имеет определенный стаж судебской работы, – повышение профессиональной квалификации» [10, с. 45].

На качество лиц, претендующих на должность судьи, в определенной мере влияет и содержание квалификационного экзамена, обязательного для всех кандидатов, который в настоящее время не отличается особой сложностью. Представляется, что вопросы, выносимые для сдачи этого экзамена, нуждаются в дальнейшей корректировке, прежде всего, в плане усложнения их содержания. Вполне логичной представляется идея о том, что целесообразно принципиально обновить процедуру квалификационного экзамена на должность судьи и все критерии сдачи этого экзамена [6, с. 551–554].

Желательно включать в экзаменационные билеты такие вопросы, которые позволяют выявить не только знание экзаменантом формального содержания той или иной правовой нормы, но и его умения отграничить одно правовое понятие от другого смежного понятия. Ведь, в конечном счете,

знание любой отрасли права определяется умением правоприменителя выделить критерии отграничения смежных правовых понятий и на этой основе правильно применить правовую норму к конкретной жизненной ситуации.

Таким образом, выделенные нами основные направления совершенствования механизма подбора кадров для назначения на должность судьи способны повысить качество судейского корпуса за счет модернизации самой процедуры такого отбора.

Практическая реализация названных направлений – это весьма сложная задача, и для ее решения необходимо объединение усилий всех органов государственной власти и институтов гражданского общества, в том числе и изыскание финансовых возможностей ее ресурсного обеспечения.

Литература

1. Выдержка из стенограммы выступления Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на VI Всероссийском съезде судей России // *Мировой судья*. – 2005. – № 2. – С. 2–5.
2. Фарои, Т.В. Проблемы формирования судейского корпуса в Российской Федерации: позиции ученых-правоведов / Т.В. Фарои // *Современная научная мысль*. – 2017. – № 6. – С. 284–291.
3. Заседателяева, П.С. Судейские кадры. Проблема выбора / П.С. Заседателяева // *Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта: материалы 15-й международной научно-практической конференции, Самара, 27–28 октября 2016 года*. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2016. – С. 49–52.
4. Яковлева, И.В. Дефекты законодательного регулирования и практика формирования судейского корпуса / И.В. Яковлева // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2014. – № 3(29). – С. 169–172.
5. Нешатаева, Т.Н. Оценка профессиональной деятельности судьи: проблемы правового регулирования / Т.Н. Нешатаева // *Российское правосудие*. – 2008. – № 11(31). – С. 67–77.
6. Клеандров, М.И. Ответственность судьи: монография / М.И. Клеандров. – Москва: Норма, 2011. – 575 с. – ISBN 978–5–91768–216–7.
7. О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132–1 (ред. от 10.07.2023) // *Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»*. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
8. Александров, В.А. О некоторых проблемах кадрового отбора судей / В.А. Александров, Олег Козьменко // *Судья*. – 2013. – № 6. – С. 28–31.
9. Отческа, Т.И. Правовые вопросы формирования качественного судейского корпуса / Т.И. Отческа // *Пролог*. – 2014. – № 3(7). – С. 50–53.

10. Титухов, М.Б. Кандидат на должность судьи: проблемы и региональный опыт профессиональной подготовки / М.Б. Титухов, А.Н. Сачков // Российский судья. – 2007. – № 11. – С. 42–48.

PROBLEMS OF IMPROVING THE TRAINING OF PERSONNEL FOR THE FORMATION OF THE JUDICIAL CORPS

Sentsov A.S., Volkolupova V.A., Volkolupov V.G.

Volgograd institute of management – branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The article is devoted to the study of topical issues related to the improvement of the mechanism of training personnel to work as a judge at the present stage of the development of the Russian state. Based on the analysis of theoretical approaches available in the legal doctrine to solving existing problems related to the formation of the judicial corps, the authors make suggestions and recommendations aimed at improving the quality of training of future judges, as well as improving the selection procedure for candidates for the position of judge. The paper proposes to make appropriate changes to the regulatory framework defining the mechanism of formation of the judicial corps (in particular, in Article 4 of the Law of the Russian Federation “On the Status of Judges in the Russian Federation” dated 26.06.1992 No. 3132–1). In conclusion, the final conclusion is formulated that the practical implementation of the main directions identified by the authors to improve the quality of training and professional level of judges in the Russian Federation requires the combined efforts of all public authorities and civil society institutions, as well as finding financial opportunities for its resource provision.

Keywords: judicial function, professional qualification of judges, judicial corps, personnel training, change of legislation, qualification exam, professionalism.

References

1. Excerpt from the transcript of the speech of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V.M. Lebedev at the VI All-Russian Congress of Judges of Russia // Justice of the Peace. – 2005. – No. 2. – pp. 2–5.
2. Faroi, T.V. Problems of the formation of the judicial corps in the Russian Federation: positions of legal scholars / T.V. Faroi // Modern scientific thought. – 2017. – No. 6. – pp. 284–291.
3. Assessor, P.S. Judicial personnel. The problem of choice / P.S. Sessateleva // Legal regulation of the activity of an economic entity: materials of the 15th International Scientific and Practical Conference, Samara, October 27–28, 2016. – Samara: Samara State University of Economics, 2016. – pp. 49–52.
4. Yakovleva, I.V. Defects of legislative regulation and the practice of forming the judicial corps / I.V. Yakovleva // Legal science and law enforcement practice. – 2014. – № 3(29). – Pp. 169–172.
5. Neshataeva, T.N. Evaluation of professional activity of a judge: problems of legal regulation / T.N. Neshataeva // Russian justice. – 2008. – № 11(31). – Pp. 67–77.
6. Kleandrov, M.I. Responsibility of the judge: monograph / M.I. Kleandrov. – Moscow: Norma, 2011. – 575 p. – ISBN 978–5–91768–216–7.
7. On the status of judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 3132–1 of 26.06.1992 (ed. of 10.07.2023) // Reference. – the legal system “Consultant-Plus”. – Access mode: <http://www.consultant.ru>, free.
8. Alexandrov, V.A. About some problems of personnel selection of judges / V.A. Alexandrov, Oleg Kozmenko // Judge. – 2013. – No. 6. – pp. 28–31.
9. Otchesky, T.I. Legal issues of the formation of a high-quality judicial corps / T.I. Otchesky // Prologue. – 2014. – № 3(7). – Pp. 50–53.
10. Titukhov, M.B. Candidate for the position of judge: problems and regional experience of professional training / M.B. Titukhov, A.N. Sachkov // Russian judge. – 2007. – No. 11. – pp. 42–48.

Применение методов технической диагностики в судебной инженерно-технической экспертизе

Харченко Валерий Борисович,

д-р техн. наук, профессор, кафедра судебных экспертиз, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: val-spb@mail.ru

Хохрин Роман Владимирович,

аспирант, кафедра судебных экспертиз, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: 9119122275@mail.ru

В статье рассматриваются основные направления применения методов технической диагностики при производстве судебных инженерно-технических экспертиз. Рассматривается их взаимосвязь и отличия.

Показано, что внедрение в практику инженерно-технических экспертиз, теоретических положений технической диагностики, в частности, – различного рода моделей исследуемого оборудования, значительно повысить производительность и эффективность таких экспертиз.

Отмечается, что среди современных методов моделирование объекта исследования наиболее перспективным являются модели, построенные на концепции нейросетей. Такие модели уже могут быть отнесены к искусственному интеллекту (ИИ), что открывает широкие возможности в проведении инженерно-технических экспертиз.

Таким образом, использование методов технической диагностики при проведении судебных инженерно-технических экспертиз позволяет последним перейти на новый качественный уровень, а именно – внедрить использовать ИИ в производстве экспертиз.

Ключевые слова: судебная инженерно-техническая экспертиза, техническая диагностика, нейросети, искусственный интеллект.

В процессе производства судебной инженерно-технической экспертизы, довольно часто, возникает необходимость поиска дефекта в исследуемом оборудовании (диагностические задачи).

Обычно эксперт следует примерно такому алгоритму:

1. Визуальный осмотр: Проверка оборудования на наличие видимых дефектов, таких как трещины, износ, коррозия и т.д.
2. Использование диагностических инструментов: Использование различных диагностических инструментов, таких как мультиметры, осциллографы, тепловизоры и другие, для выявления проблем в работе оборудования.
3. Тестирование функциональности: Проведение специальных тестов и испытаний для проверки работоспособности оборудования и выявления возможных неисправностей.
4. Анализ данных: Использование данных, собранных с помощью датчиков и других устройств, для выявления аномалий в работе оборудования.

В тоже время, существует целая наука – техническая диагностика, одной из задач которой является поиск дефектов.

Техническая диагностика – область знаний, охватывающая теорию, методы и средства определения технического состояния объектов [1].

Или в более развернутом виде:

Техническое диагностирование объекта диагностирования (ОД) представляет собой процесс определения его технического состояния, включающего в себя совокупность свойств ОД, подверженных изменению при производстве или эксплуатации и характеризующихся в определенный момент времени признаками (параметрами), установленными технической документацией на ОД [2].

Задачи технической диагностики включают в себя:

1. Определение неисправностей и дефектов в оборудовании.
2. Оценка состояния оборудования и выявление возможных проблем до их возникновения.
3. Мониторинг и анализ работы оборудования, чтобы предотвратить возможные проблемы и улучшить его производительность.
4. Диагностика отказов и сбоев в работе оборудования и определение причин их возникновения.
5. Улучшение эффективности и надежности работы оборудования путем оптимизации его работы и настройки параметров.
6. Обеспечение безопасности и защиты оборудования от возможных повреждений и аварий.

7. Разработка и внедрение новых методов и технологий диагностики, которые позволяют повысить точность и скорость определения неисправностей.
8. Обучение и подготовка персонала для работы с оборудованием и решения задач технической диагностики.

Для целей судебной инженерно-технической экспертизы наибольший интерес представляет задача поиска неисправностей и дефектов.

К основным методам технической диагностики относятся:

а) **Неразрушающий контроль (НК):** Этот метод позволяет оценить состояние объекта без его разрушения или повреждения. НК может включать ультразвуковое и радиографическое исследование, магнитную дефектоскопию и другие методы, которые применяются для обнаружения скрытых дефектов.

б) **Визуальные осмотры:** Эксперты проводят детальные визуальные осмотры объекта, чтобы обнаружить видимые повреждения, износ или другие аномалии.

в) **Лабораторные испытания:** Исследования в лабораторных условиях могут помочь определить характеристики материалов, их прочность и другие технические параметры.

г) **Анализ цифровых данных:** В современных технических системах и устройствах, таких как автомобили, компьютеры и мобильные телефоны, хранится множество цифровых данных, которые могут быть использованы для расследования причин инцидентов или проблем.

Как видно, все эти методы используются и при производстве судебных инженерно-технических экспертиз.

Судебная инженерно-техническая экспертиза и техническая диагностика имеют тесную связь и пересекаются во многих аспектах. Обе эти области связаны с определением причин технических проблем, дефектов, повреждений или неисправностей в различных объектах и материалах. Вот некоторые элементы этой взаимосвязи:

1. **Цель и задачи:** Оба процесса направлены на выявление и оценку технических проблем. В случае технической диагностики, целью является обнаружение дефектов или неисправностей в технических системах (например, автомобилях, промышленном оборудовании и т.д.), а судебная инженерно-техническая экспертиза фокусируется на исследовании причин возникновения определенных технических проблем в рамках судебного процесса.
2. **Методы и техники:** В обеих областях используются различные методы и техники для проведения анализа. Это может включать неразрушающий контроль, лабораторные испытания, визуальные осмотры, анализ цифровых данных и другие средства, которые помогают получить информацию о состоянии объекта или системы.
3. **Эксперты и специалисты:** Техническая диагностика, как правило, выполняется квалифи-

цированными техническими специалистами или инженерами, которые обладают определенными знаниями и опытом в соответствующей области. Аналогично, судебная инженерно-техническая экспертиза выполняется специально обученными и квалифицированными экспертами, назначенными судом, для проведения независимого анализа и вынесения заключения по спорным техническим вопросам.

4. **Доказательства в судебных процессах:** Важная связь между этими областями заключается в представлении технических доказательств в суде. Результаты технической диагностики и судебной экспертизы могут быть использованы в суде в качестве доказательств для подтверждения или опровержения фактов, связанных с делом.

5. **Правовые аспекты:** Обе области имеют сильные связи с правовыми вопросами. Техническая диагностика может быть вызвана для определения ответственности в случае проблем с продукцией или услугами, а судебная инженерно-техническая экспертиза служит для предоставления объективных экспертных заключений, которые помогают суду принимать обоснованные решения.

Таким образом, судебная инженерно-техническая экспертиза и техническая диагностика направлены на изучение технических проблем, но судебная экспертиза имеет дополнительный контекст использования полученных результатов в судебных процессах.

Основное и главное различие технической диагностики и судебной инженерно-технической экспертизы оборудования заключается в том, что во втором случае, исследование проводится, как правило, на уже неисправном оборудовании, да еще и после истечения определенного промежутка времени после обнаружения неисправности или произошедшей аварии.

В теоретической части науки техническая диагностика разрабатываются диагностические модели различного оборудования.

Естественно, имея в своем распоряжении диагностическую модель того или иного оборудования, появляется возможность прогнозировать его состояние, в том числе, и образование дефектов, а также решать обратную задачу – по дефектам определять причину их возникновения. Дополнительным бонусом использования диагностической модели является возможность автоматизации сам процесс технической диагностики.

Модель объекта или процесса представляется некой формализованной сущностью (например, множеством параметров и их взаимосвязей) характеризующей какие-либо определенные свойства реального объекта (процесса), представленные в приемлемой или наглядной форме [2].

Диагностические модели (ДМ) – это модели объектов, процессов диагностирования, т.е. их формализованные описания. Иначе говоря, ДМ следует рассматривать как совокупность методов

построения математической или информационной модели.

Существует несколько типов диагностических моделей, которые используются в различных областях науки и техники. Вот основные:

1. Логические модели: они используются для описания сложных систем и процессов. Логические модели основаны на правилах и логических связях между переменными.

Логические модели технической диагностики – это модели, основанные на логических принципах и используемые для описания процессов технической диагностики. Они помогают определить, какие данные необходимы для диагностики, какие методы следует использовать для анализа этих данных и как принимать решения на основе полученной информации.

Логические модели технической диагностики могут включать в себя:

- Систему сбора данных. Она должна собирать данные, необходимые для диагностики, такие как сигналы от датчиков, результаты измерений и т.д.
- Методы анализа данных. Они должны позволять выявлять проблемы и определять причины их возникновения.
- Правила принятия решений. Они определяют, какие действия следует предпринять для устранения выявленных проблем.
- Интерфейс пользователя. Он должен обеспечивать удобный интерфейс для ввода данных и вывода результатов диагностики.

Использование логических моделей технической диагностики позволяет повысить эффективность диагностики и сократить время, необходимое для устранения проблем.

2. Графические модели: это диаграммы, которые показывают связи между переменными и их влияние друг на друга. Графические модели используются для визуализации сложных систем и помогают понять их работу.

Графические методы технической диагностики – методы, которые используют графические изображения для анализа состояния оборудования. Они могут включать в себя различные диаграммы, графики и таблицы, которые позволяют визуально отображать данные о работе оборудования.

Графические методы технической диагностики могут использоваться для анализа различных параметров оборудования, таких как температура, давление, скорость вращения, нагрузка и т.д. Они также могут помочь выявить возможные проблемы и неисправности в работе оборудования.

Один из наиболее распространенных графических методов технической диагностики – диаграмма состояния (state diagram). Она представляет собой графическое изображение, которое показывает все возможные состояния оборудования и переходы между ними. Диаграмма состояния может быть использована для анализа работы оборудования и определения возможных проблем.

Другой графический метод технической диагностики – это, график производительности (performance graph). Он показывает изменение производительности оборудования во времени и позволяет выявить возможные проблемы, связанные с производительностью.

Также существуют графические методы технической диагностики, которые используются для анализа других параметров оборудования, таких как расход топлива, расход электроэнергии и т.д.

3. Аналитические модели. Объект описывается системой нелинейных дифференциальных уравнений.

Аналитическая модель оборудования – математическая модель, которая описывает поведение и характеристики оборудования. Она используется для анализа и оптимизации работы оборудования, а также для прогнозирования его производительности и надежности.

Аналитическая модель может быть создана на основе данных, собранных в процессе эксплуатации оборудования, таких как данные о температуре, давлении, скорости вращения и других параметрах. Эти данные могут быть использованы для определения оптимальных настроек оборудования, улучшения его производительности, а также для выявления возможных проблем и неисправностей.

Одним из примеров аналитической модели оборудования является математическая модель двигателя внутреннего сгорания. Она описывает процесс сгорания топлива в цилиндрах двигателя, включая параметры, такие как давление, температура, скорость вращения и другие. Эта модель позволяет прогнозировать производительность двигателя и оптимизировать его настройки для достижения максимальной эффективности и экономичности.

4. Информационные модели. Система ТД представляется как источник информации [4].

Информационные модели технической диагностики – модели, которые используются для описания процесса технической диагностики оборудования. Они позволяют анализировать данные, полученные в результате диагностики, и принимать решения на основе этих данных.

Информационная модель технической диагностики может включать в себя следующие компоненты:

1. Данные, полученные в процессе диагностики. Это могут быть результаты измерений, фотографии, видео и другие данные, которые были собраны во время проведения диагностики.
2. Методы обработки данных. Для анализа данных могут использоваться различные методы, такие как статистический анализ, машинное обучение и др.
3. Модель принятия решений. На основе анализа данных модель должна принимать решения о том, как исправить выявленные проблемы и какие действия необходимо предпринять для предотвращения дальнейших неполадок.

4. Интерфейс пользователя. Интерфейс пользователя должен обеспечивать удобный доступ к информации о диагностике и возможность взаимодействия с моделью принятия решений. Информационные модели технической диагностики позволяют повысить эффективность процесса диагностики и принятия решений, связанных с техническим обслуживанием оборудования.

5. **Статистические модели:** эти модели основаны на статистике и используются для анализа данных. Они позволяют определить, какие переменные влияют на зависимую переменную, и оценить их значимость.

Статистическая модель оборудования – это модель, основанная на статистических методах и используемая для описания поведения и характеристик оборудования. Она позволяет анализировать данные о работе оборудования, выявлять закономерности и делать прогнозы на основе этих данных.

Статистические модели могут использоваться для решения различных задач, связанных с оборудованием, таких как:

- Прогнозирование отказов оборудования;
- Оптимизация производственных процессов;
- Управление запасами и логистикой;
- Анализ производительности оборудования;
- Оценка эффективности инвестиций в оборудование;
- и т.д.

Для построения статистических моделей используются различные методы статистики, такие как регрессионный анализ, кластерный анализ, анализ главных компонент и др. Они позволяют описать зависимость между входными и выходными переменными, выявить скрытые закономерности и сделать прогноз на основе полученных моделей.

6. **Модели на основе нейронных сетей** – модели используются для распознавания образов и классификации данных.

Модель оборудования на основе нейронных сетей – алгоритм машинного обучения, который использует искусственные нейронные сети для предсказания поведения оборудования. Такая модель может использоваться для различных целей, например, для прогнозирования отказов, оптимизации производственных процессов, управления запасами и логистики, анализа производительности оборудования и оценки эффективности инвестиций.

Одной из основных задач нейронной сети является определение оптимальных параметров для оборудования, что позволяет повысить его производительность и надежность. Например, нейронная сеть может быть обучена на данных о производительности различных моделей оборудования, чтобы определить оптимальные настройки для каждой модели.

Кроме того, нейронные сети могут использоваться для прогнозирования поведения оборудования в будущем, что может помочь снизить ри-

ски и улучшить эффективность производственных процессов. Например, можно обучить нейросеть на исторических данных о работе оборудования и использовать ее для прогнозирования возможных проблем и сбоев в будущем.

Модель оборудования на основе нейросети может быть реализована на аппаратном уровне, используя специализированные чипы или схемы, которые способны эффективно выполнять вычисления, связанные с нейронными сетями. Это может включать в себя как специализированные устройства (например, нейронные процессоры), так и интеграцию нейронных сетей с существующим оборудованием (например, встроенные нейронные сети в камеры, роботы или дроны).

В целом, модель оборудования на основе нейронных сетей является мощным инструментом для анализа и предсказания поведения оборудования, позволяющим оптимизировать производственные процессы и снизить риски возникновения проблем.

Что касается использования таких моделей в судебной экспертизе, то они открывают возможность решения обратных задач – поиск дефектов (как производственных, так и эксплуатационных), приведших к поломке или аварии на исследуемом оборудовании. Кроме того, использование модели оборудования на основе нейросети в экспертизе может быть весьма полезным для анализа данных, выявления паттернов, прогнозирования, классификации и других задач.

Важно понимать, что для успешного использования модели оборудования на основе нейросети в экспертизе необходимо правильно настроить модель, обучить ее на соответствующих данных и провести тщательный анализ результатов. Кроме того, следует учитывать особенности выбранной предметной области и задач, которые требуется решить.

Использование модели оборудования на основе нейросети для поиска дефектов может быть эффективным способом повысить точность и эффективность процесса обнаружения проблем. Вот как это может быть реализовано:

1. **Создание обучающего набора данных:** Для обучения модели требуется собрать набор данных, содержащий как «нормальные» образцы, так и образцы с различными типами дефектов. Эти данные могут быть изображениями, видео, звуковыми сигналами или другими типами данных, зависящими от области применения.
2. **Обучение модели:** Используйте собранные данные для обучения модели нейронной сети. Важно провести предварительную обработку данных, чтобы они были в подходящем формате для обучения модели. Модель будет учиться выявлять паттерны и различия между нормальными и дефектными образцами.
3. **Тестирование и настройка модели:** После обучения модели необходимо провести тестирование на независимом наборе данных, которые она ранее не видела. Это позволит оценить ее точность и эффективность. В процессе тести-

рования возможно потребуется настроить параметры модели для достижения оптимальных результатов.

4. **Интеграция с оборудованием:** После успешного обучения и тестирования модель может быть интегрирована с фактическим оборудованием. Это может включать в себя встраивание нейронной сети в камеры, роботов, сенсоры или другие устройства, чтобы они могли автоматически сканировать и анализировать образцы на предмет дефектов.

5. **Реальное время и мониторинг:** Модель оборудования на основе нейросети может работать в реальном времени, мониторя процессы и образцы на наличие дефектов. Если модель обнаружит дефект, она может активировать предупреждающие системы или взаимодействовать с операторами.

Применение модели оборудования на основе нейросети для поиска дефектов может существенно сократить человеческий трудозатраты и повысить точность обнаружения проблем. Однако важно понимать, что обучение и настройка модели требуют некоторого времени и экспертизы, а также наличие достаточного объема подходящих данных.

Важно учитывать, что использование моделей на основе нейросети в судебной экспертизе требует тщательной проверки и валидации. Надежность, прозрачность и объяснимость результатов – ключевые аспекты при внедрении таких моделей в юридическую практику.

При этом надо иметь ввиду следующие аспекты:

1. **Надежность и точность:** Модель должна быть тщательно обучена и протестирована на репрезентативных данных, чтобы быть надежной в судебном контексте.
2. **Прозрачность и объяснимость:** Результаты модели должны быть объяснимыми и доступными для интерпретации судьей, адвокатам и сторонам дела.
3. **Юридические стандарты:** Модель и её применение должны соответствовать юридическим стандартам, правилам допустимости доказательств и процедурным нормам.
4. **Этика и конфиденциальность:** Обработка данных и использование модели должны быть согласованы с требованиями конфиденциальности и этики.

Однако, в процессе внедрения таких моделей в практику есть и один минус, а именно, – если будет создана адекватная модель конкретного оборудования или их группы, базирующая на нейронных сетях, то необходимость в экспертизе данного оборудования просто отпадет. Искусственный интеллект, нейросеть типа GPT, по существу, заменит эксперта, в том числе и судебного. Она сможет самостоятельно отвечать на поставленные перед ней вопросы, указывать на причины появления дефектов и неисправностей и т.д. Но это пока будущее, хотя уже и не очень далекое, учитывая ско-

рость развития искусственного интеллекта, его внедрения в нашу жизнь.

Таким образом, использование методов технической диагностики позволит значительно повысить точности и достоверность результатов судебной инженерно-технической экспертизы, связанной с поиском дефектов и неисправностей в исследуемом оборудовании и причин их возникновения.

Внедрение в практику работы судебного эксперта моделей оборудования, созданных на базе нейросетей, существенно расширит возможности инженерно-технической экспертизы. Так, появится возможность исследовать различные сценарии эксплуатации исследуемого оборудования, заранее предсказывая те или иные проблемы; анализировать действия обслуживающего персонала, в том числе и в случае аварии, а также последствия этих действий; давать рекомендации к нормативно-технической документации и т.д.

Литература

1. Межгосударственный стандарт ГОСТ 20911–89 Техническая диагностика. Термины и определения
2. Глуценко П.В. Техническая диагностика: Моделирование в диагностировании и прогнозировании состояния технических объектов. / П.В. Глуценко. – 3-е изд. – М.: Вузовская книга. 2013. – 248с.: ил.
3. Мозгалевский А.В., Гаскаров Д.В. Техническая диагностика. – М. Высшая школа, 1975
4. Гаскаров Д.В., Голинкевич Т.А., Мозгалевский А.В. Прогнозирование технического состояния и надежности радиоэлектронной аппаратуры. – М. Сов.радио. 1974
5. Харченко В.Б., «Информационная модель места преступления.», Актуальные проблемы противодействия правонарушениям в сфере строительства и транспорта. Материалы IV межкафедральной научно-практической конференции, СПб: ООО «МНИОЦ», 2017.

APPLICATION OF METHODS OF TECHNICAL DIAGNOSTICS IN FORENSIC ENGINEERING EXPERTISE

Kharchenkov V.B., Khokhrin R.V.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
Department of Forensic Expertise

The article discusses the main directions of application of methods of technical diagnostics in the production of forensic engineering and technical expertise. Their interrelation and differences are considered.

It is shown that the introduction into practice of engineering and technical expertise, theoretical provisions of technical diagnostics, in particular, various types of models of the equipment under study, significantly increase the productivity and objectivity of such examinations.

It is noted that among the modern methods of modeling the object of research, the most promising are models based on the concept of neural networks. Such models can already be attributed to artificial intelligence (AI), which opens up wide opportunities in conducting engineering and technical expertise.

Thus, the use of technical diagnostics methods during forensic engineering and technical examinations allows the latter to move to

a new qualitative level, namely, to introduce the use of AI in the production of examinations.

Keywords: forensic engineering expertise, technical diagnostics, neural networks, artificial intelligence.

References

1. Interstate standard GOST 20911–89 Technical diagnostics. Terms and Definitions
2. Glushchenko P.V. Technical diagnostics: Modeling in diagnosing and predicting the condition of technical objects. /

P.V. Glushchenko. – 3rd ed. – M.: University book. 2013. – 248 p.: ill.

3. Mozgalevsky A.V., Gaskarov D.V. Technical diagnostics. – M. Higher School, 1975
4. Gaskarov D.V., Golinkevich T.A., Mozgalevsky A.V. Forecasting the technical condition and reliability of radio-electronic equipment. – M. Sov.radio. 1974
5. Kharchenko V.B., "Information model of the crime scene.", Current problems of combating crime in the field of construction and transport. Materials of the IV Interdepartmental Scientific and Practical Conference, St. Petersburg: LLC "MNIOTS", 2017.

Развитие института квалификации преступления на основании определения его состава

Четвернина Виктория Сергеевна,

магистр Сибирского университета потребительской кооперации (СИБУПК), Россия, г. Новосибирск
E-mail: ms.kuro@mail.ru

В статье рассматривается состав преступления как юридическая основа квалификации преступления. Приводится понятие состава преступления, указывается, что он является научной или законодательной абстракцией, которая сопоставляется с конкретным, совершённым в реальной действительности деянием. Для квалификации деяния в качестве уголовного преступления состав преступления должен быть полностью реализован. Рассматриваются определяющие элементы состава преступления – объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, их обязательные и факультативные признаки. Отмечается, что объективные и субъективные компоненты деликта едины и тесно связаны, поскольку субъективная сторона деяния всегда имеет внешнее поведенческое выражение, а объективная сторона – отображается в психологическом отношении индивида к реализуемому поведению и его последствиям, которые наступают либо потенциально могут наступить. Приводится классификация составов преступлений по степени общественной опасности, конструкции состава и структуре. Выявляются особенности соподчинённых составов преступлений, когда одному преступлению соответствуют признаки двух и более составов преступлений либо когда один признак преступления включён в составы различных преступлений. Рассматривается значение состава преступления, заключающееся в том, что он выступает единственным и достаточным основанием для причисления деяния к преступным. Отмечается, что состав преступления позволяет точно выявлять социальное, политическое и юридическое содержание преступного деяния как основание для наступления уголовной ответственности, а также даёт возможность понять мотивацию преступника с целью индивидуализации наказания. Анализируются квалификационные ошибки, их основные группы, законодательные и правоприменительные причины совершения.

Ключевые слова: преступление, уголовное право, квалификация преступлений, состав преступления, основание уголовной ответственности.

Состав преступления относится к числу фундаментальных понятий уголовного права [1]. В совокупности с понятиями «преступление», «наказание» и «уголовная ответственность» состав преступления выступает институциональной конструкцией, которая обеспечивает автономное существование уголовного права и позволяет структурировать реализацию основных уголовно-правовых категорий при квалификации преступных деяний. Однако в доктрине уголовного права понимание состава преступления неоднородно, что делает актуальным исследование сущности и содержания этого понятия.

Целью работы является изучение состава преступления как юридической основы квалификации преступления. Для её достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников.

Под составом преступления понимается комплекс закреплённых в уголовном законодательстве субъективных и объективных признаков, характеризующих сущность требуемых и достаточных компонентов и позволяющих дать совершённому деянию однозначную уголовно-правовую оценку [2]. Состав преступления является научной или законодательной абстракцией, которая сопоставляется с конкретным, совершённым в реальности деянием. При наличии в структуре данного деяния признаков какого-либо состава преступления лицо, совершившее его, должно быть привлечено к уголовной ответственности. Признаки, описывающие сущность компонентов отдельного состава преступления, обобщаются так, чтобы позволять чётко разграничивать составы и давать точную уголовно-правовую оценку различным деликтам.

Состав преступления включает четыре определяющих элемента, каждый из которых характеризуется набором обязательных и факультативных признаков [3]:

1. Объект – общественные интересы, отношения, блага и ценности, охраняемые уголовным правом, на которые покушается преступное деяние. Обязательными признаками объекта являются порядок нормативного регулирования в общественных отношениях; наличие личностной и общественной ценности; принадлежность к интересам, отношениям, благам и ценностям, охраняемым уголовным правом; получение вреда или наличие вероятности его причинения в результате деяния. Материальным выражением

ем объекта является предмет, который на практике не всегда применяется для квалификации деяния.

2. Объективная сторона – внешне выражаемый аспект общественно опасного деяния. Форма такого деяния может быть активной (действие) или пассивной (бездействие). К обязательным признакам объективной стороны относятся само социально опасное деяние, его социально опасное последствие и причинная взаимосвязь между ними. Факультативными признаками являются место, время, обстановка, орудие, способ и средство совершения деликта.
3. Субъект – вменяемое физическое лицо, которое достигло установленного законом возраста привлечения к уголовной ответственности к моменту совершения преступления и виновно в его совершении. Обязательными признаками субъекта являются причисление к физическим лицам, медицински подтверждённая вменяемость и достижение соответствующего возраста.
4. Субъективная сторона – сознательное и волевое отношение совершившего действие лица к самому деянию и его последствиям, которое выражается виной в виде неосторожности или умысла. Её обязательным признаком выступает вина, факультативными – аффективное эмоциональное состояние, цель и мотивация поведения.

Обязательные признаки состава преступления присущи всем составам, поэтому при отсутствии хотя бы одного из них отсутствует как состав преступления, так и преступление, следовательно, уголовная ответственность не наступает [4]. Для квалификации деяния в качестве уголовного преступления состав преступления должен быть полностью реализован.

Объективные и субъективные составляющие деяния едины и тесно связаны, поскольку субъективная сторона деяния всегда имеет внешнее поведенческое выражение, а объективная сторона – отображается в психологическом отношении индивида к реализуемому поведению и его последствиям, которые наступают либо потенциально могут наступить [5]. В соответствии с устоявшейся уголовно-правовой доктриной, квалификация действий виновного всегда осуществляется по направленности его умысла, вывод о которой возможно сделать только по конкретным действиям виновного.

Составы преступлений можно классифицировать по следующим признакам [6]:

1. По степени социальной опасности:
 - основной – включает существенные признаки, обязательные для различных групп преступлений;
 - квалифицированный – содержит факультативные признаки, которые свидетельствуют о необходимости назначения более сурового наказания по сравнению с основным составом;
 - особо квалифицированный – содержит факультативные признаки, которые свидетельствуют

о большей опасности и, следовательно, наказуемости деяния;

- привилегированный – содержит факультативные признаки, которые свидетельствуют о необходимости назначения более мягкого наказания по сравнению с основным составом.
2. По конструкции состава:
 - материальный, когда уголовный деликт считается оконченным в момент реализации преступного результата, который описан в диспозиции соответствующей нормы;
 - формальный, когда уголовный деликт считается оконченным непосредственно после его совершения, вне зависимости от наступления последствий;
 - усечённый, когда уголовный деликт вследствие повышенной опасности считается оконченным до непосредственной реализации, на подготовительном этапе или при покушении.
 3. По структуре:
 - простой, когда все признаки деяния указываются в единственном числе;
 - сложный, когда признаки деяния описываются множественно;
 - альтернативный, когда при совершении хотя бы одного из действий, закреплённых уголовно-правовой нормой, деяние признаётся преступлением.

Уголовный кодекс России [7] устанавливает не только составы преступлений, но и их признаки, а также соотношение составов, которое важно принимать в расчёт при квалификации деяний. Составы преступлений, находящиеся в отношениях соподчинённости, неоднородны по юридической силе при квалификации совершённого деяния: большей юридической силой обладают составы, которые наиболее полно охватывают обстоятельства деликта [8]. Исходной в Уголовном кодексе считается ситуация, в которой одному преступлению релевантен один состав преступления, однако чаще одному деликту соответствуют признаки двух и более составов. В такой ситуации становится возможно учитывать различную степень социальной опасности одного деяния в зависимости от личностных качеств виновного, сопутствующих обстоятельств и других признаков. В некоторых случаях соподчинение составов заключается во включении одного признака в составы различных деяний, что затрудняет однозначную квалификацию вследствие наличия у совершённого деяния признаков нескольких составов одновременно.

В соответствии со ст. 8 Уголовного кодекса РФ, значение состава преступления заключается в том, что он выступает единственным и достаточным основанием для причисления деяния к преступлениям [9]. Никакое деяние, даже при наличии его общественной опасности, при отсутствии признаков состава преступления не может повлечь за собой уголовной ответственности.

Состав преступления позволяет точно выявлять социальное, политическое и юридическое содержание преступления, выступающее основанием

для наступления уголовной ответственности, ограничивать смежные преступления, предопределяет характер и пределы их уголовной наказуемости. Помимо этого, его установление даёт возможность понять мотивацию преступника [10]. На основании этого у законодателя и правоприменителя формируется представление о моделях и закономерностях поведения субъектов, что значимо для совершенствования законодательной базы и разработки практических мероприятий для противодействия схожим преступлениям. Также установление мотивации лиц, совершивших преступное деяние, даёт возможность индивидуализировать наказание, что служит достижению основной цели его назначения – исправлению осуждённого [11].

Состав преступления позволяет квалифицировать уголовный деликт, однако правоприменители нередко допускают квалификационные ошибки, то есть неверно устанавливают наличие либо отсутствие состава преступления и его соответствие нормам Уголовного кодекса [12]. Квалификационные ошибки носят уголовно-правовой характер и появляются преимущественно вследствие законодательных недочётов и дефектов правоприменения. Законодательная причина квалификационных ошибок заключается в пробельности Уголовного кодекса, избыточности, неточности или устарелости его норм, нарушениях правил законодательной техники и кодификации, правоприменительная – в недостаточном профессионализме правоохранительных и судебных органов.

В общем виде квалификационные ошибки можно разделить на три группы:

1. Отрицание наличия состава преступления в деяниях при его наличии. Данная ошибка приводит к формированию искусственной латентности преступности, при которой органы правопорядка не реагируют на известные им случаи преступной активности, что не оставляет гражданам, оказавшимся потерпевшими, возможности рассчитывать на правосудие. Основная причина искусственной латентности – отказ органов правопорядка потерпевшим гражданам в возбуждении уголовных дел по различным причинам, в том числе вследствие преувеличенного представления о диспозитивности в процессуальном и материальном уголовном праве.
2. Признание наличия состава преступления в деяниях при его отсутствии. Это грубая квалификационная ошибка, которая является отрицательным показателем качества работы органов досудебного уголовного производства. Её исправление осуществляется в судебном порядке путём вынесения оправдательного приговора.
3. Неверное избрание уголовно-правовой нормы для квалификации преступления. В эту группу ошибок входят чрезмерные квалификации, которые правоприменители допускают вследствие исторически принятого обвинительного уклона деятельности, нечёткости и непоследовательности уголовно-процессуального за-

конодательства. Чаще всего деяние неверно оценивается с юридической точки зрения при квалификации оценочных признаков деликта, социально опасных последствий, единых совокупных деяний и малозначительных деликтов, которые граничат с проступками.

Таким образом, состав преступления представляет собой правовую категорию, выражающуюся в диспозиции определённой статьи Уголовного кодекса и содержащую признаки конкретного деяния, влекущего социальную опасность и запрещённого действующим законодательством. Состав преступления закрепляет ряд свойств, которые характерны для конкретного противоправного деяния, и даёт возможность вычленить его универсальные признаки. Одновременно он отражает ключевые аспекты структуры отдельных деликтов, что позволяет сформировать представление о единой конструкции любого преступного деяния. В отличие от общего понятия преступления, характеризующего основные признаки деликта, состав преступления выявляет и индивидуализирует признаки конкретного деяния, вследствие чего лежит в основе верной квалификации содеянного.

Литература

1. Хилюта В.В. Состав преступления как онтологическая реальность непознанного бытия // *Lex russica*. – 2020. – Т. 73, № 12. – С. 131–144. – DOI: 10.17803/1729–5920.2020.169.12.131–144
2. Николаев К.Д. Содержание понятия «состав преступления» // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. – 2018. – № 4 (28). – С. 79–84.
3. Сверчков В.В. Преступление и состав преступления. Особенности преступного поведения и уголовного преследования: учеб. пособие для вузов / В.В. Сверчков. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 334 с.
4. Абдулкеримов З.А. Состав преступления, его значение и виды // *Проблемы совершенствования законодательства. сборник научных статей студентов юридического факультета*. – Махачкала, 2019. – С. 12–14.
5. Квалификация преступлений: учеб. пособие для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под ред. О.С. Капинус. – 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 204 с.
6. Сирик М.С. Состав преступления как правовая категория // *Закон и жизнь*. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 64–72.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.11.2023).
8. Романов А.К. Соподчинение составов преступлений // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2019. – № 7. – С. 169–74. – DOI: 10.24411/2073–0454–2019–10398

9. Бавсун М.В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны: учеб. пособие для вузов / М.В. Бавсун, С.В. Векленко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 152 с.
10. Дзейранов С.С. Признаки преступления и элементы состава преступления: вопросы единства и борьбы противоположностей // *European Journal of Natural History*. – 2021. – № 6. – С. 102–105.
11. Хабибуллин Н.Э., Талан М.В. Личность виновного в преступлении как критерий индивидуализации наказания при его назначении // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2022. – № 2. – С. 82–86.
12. Рывкин С.Ю. Состав преступления как юридическое основание квалификации: конспект лекций. – 2021. – 16 с.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF QUALIFICATION OF A CRIME BASED ON DETERMINING ITS COMPOSITION

Chetvernina V.S.

Siberian University of Consumer Cooperation (SIBUPK)

The article considers the corpus delicti as the legal basis for the qualification of a crime. The concept of the corpus delicti is given, it is indicated that it is a scientific or legislative abstraction that is compared with a specific act committed in reality. To qualify an act as a criminal offense, the corpus delicti must be fully implemented. The defining elements of the corpus delicti are considered – the object, the objective side, the subject and the subjective side, their mandatory and optional features. It is noted that the objective and subjective components of the tort are united and closely related, since the subjective side of the act always has an external behavioral expression, and the objective side is reflected in the psychological attitude of the individual to the behavior being implemented and its consequences, which occur or may potentially occur. The classification of the elements of crimes according to the degree of public danger, the structure of the composition and structure is given. The peculiarities of subordinate elements of crimes are revealed, when signs of two or more elements of crimes correspond to one crime, or when one sign of a crime is included in the components of various crimes. The significance of the corpus delicti is considered, which consists in the fact that it acts as the only and sufficient basis for classifying the act as criminal. It is noted that the composition of the crime

makes it possible to accurately identify the social, political and legal content of the criminal act as a basis for criminal responsibility, and also makes it possible to understand the motivation of the criminal in order to individualize punishment. Qualification errors, their main groups, legislative and law enforcement reasons of commission are analyzed.

Keywords: crime, criminal law, qualification of crimes, corpus delicti, basis of criminal responsibility.

References

1. Khilyuta V.V. Composition of a crime as an ontological reality of unknown existence // *Lex russica*. – 2020. – Т. 73, No. 12. – P. 131–144. – DOI: 10.17803/1729–5920.2020.169.12.131–144
2. Nikolaev K.D. Content of the concept of “corpus delicti” // *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*. – 2018. – No. 4 (28). – pp. 79–84.
3. Sverchkov V.V. Crime and corpus delicti. Features of criminal behavior and criminal prosecution: textbook. manual for universities / V.V. Sverchkov. – М.: Yurayt Publishing House, 2023. – 334 p.
4. Abdulkerimov Z.A. Composition of the crime, its meaning and types // *Problems of improving legislation. collection of scientific articles by students of the Faculty of Law*. – Makhachkala, 2019. – pp. 12–14.
5. Qualification of crimes: textbook. manual for universities / O.S. Kapinus [etc.]; edited by O.S. Capinus. – 2nd ed. – М.: Yurayt Publishing House, 2023. – 204 p.
6. Sirik M.S. Composition of a crime as a legal category // *Law and Life*. – 2018. – Т. 2, No. 3. – P. 64–72.
7. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N63-FZ (as amended on August 4, 2023) [Electronic resource] // *SPS ConsultantPlus*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 11/10/2023).
8. Romanov A.K. Subordination of crimes // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – No. 7. – P. 169–74. – DOI: 10.24411/2073–0454–2019–10398
9. Bavsun M.V. Qualification of crimes based on subjective characteristics: textbook. manual for universities / M.V. Bavsun, S.V. Veklenko. – 2nd ed., rev. and additional – М.: Yurayt Publishing House, 2023. – 152 p.
10. Dzhairanov S.S. Signs of a crime and elements of a crime: issues of unity and struggle of opposites // *European Journal of Natural History*. – 2021. – No. 6. – P. 102–105.
11. Khabibullin N.E., Talan M.V. The personality of the perpetrator of a crime as a criterion for the individualization of punishment when assigning it // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. – 2022. – No. 2. – P. 82–86.
12. Ryvkin S. Yu. Composition of a crime as a legal basis for qualification: lecture notes. – 2021. – 16 p.

Особенности применения организационно-правового инструментария обеспечения информационной безопасности в странах Евросоюза

Елин Владимир Михайлович,

к.п.н., доцент Департамента информационной безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры информационной безопасности МОСУ МВД РФ им. В. Я Кикотя

Царегородцев Анатолий Валерьевич,

д.т.н., профессор, руководитель Департамента информационной безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

В настоящее время в нашей стране в целях повышения качественных характеристик борьбы с коррупционными правонарушениями осуществляется активное применение современных информационных технологий, применение которых обеспечивает предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование причин коррупции и коррупционных правонарушений. В статье раскрываются централизованно применяемые в странах Евросоюза методики обеспечения информационной безопасности отдельных категорий информации ограниченного доступа, основанные на определении критериев серьезности нарушения контекста, на совокупности требований по обеспечению эффективной и согласованной деятельности сертифицированных модулей Cybersecurity Assessments, а также на применении интероперабельного набора инструментов управления рисками в странах Евросоюза.

В статье делается вывод о том, что применяющиеся в странах Евросоюза методики обеспечения безопасности некоторых категорий информации ограниченного доступа базируются на применении критериев оценки контекста обработки данных, идентификации информации, характеристике угроз и вероятности наступления неблагоприятных последствий с учетом обстоятельств нарушения. К несомненным положительным чертам представленных в статье методик относится их высокая вариативность и отсутствие жестких требований построения систем безопасности информационных систем обработки информации ограниченного доступа.

Ключевые слова: информационная безопасность, информация ограниченного доступа, методы обеспечения безопасности, информационные угрозы, уязвимости информационных систем.

В настоящее время в нашей стране в целях повышения качественных характеристик борьбы с коррупционными правонарушениями [1] осуществляется активное применение современных информационных технологий, применение которых обеспечивает предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование причин коррупции и коррупционных правонарушений.

В качестве информационно-коммуникационной технологии обеспечения профилактики коррупционных преступлений определена автоматизированная система обработки информации «Посейдон», реализующая информационно-аналитическое обеспечение аналитической и проверочной деятельности в целях противодействия коррупции [2]. состав и источники информации, содержащейся в системе «Посейдон», определяются ее координатором совместно с оператором системы «Посейдон» с участием поставщиков информации. В состав информации могут входить персональные данные лиц.

Защита информации ограниченного доступа в системе «Посейдон», ее использование и предоставление осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом Федеральный Закон «О противодействии коррупции» [1] связывает защиту информации с необходимостью исполнения должностными лицами запретов и ограничений по разглашению или использованию известную им в связи с выполнением возложенных на них обязанностей информации ограниченного доступа в целях, не связанных с выполнением служебных обязанностей.

В сложившихся условиях особый интерес представляет анализ зарубежного опыта по разработке и применению методологий обеспечения информационной безопасности отдельных категорий информации ограниченного доступа, некоторые из которых представлены в данной статье.

Методология оценки серьезности нарушений персональных данных устанавливает критерии оценки для определения серьезности нарушения, к которым относит: контекст обработки данных (Data Processing Context (DPC)), простоту идентификации (Ease of Identification (EI) и обстоятельства нарушения (Circumstances of breach (CB) [3].

Окончательное значение серьезности нарушений рассчитывается по формуле:

$$SE=DPC \times EI+CB \quad (1)$$

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета

При этом показатели для параметров расчета определяются с учетом ряда табличных критериев:

В основе методологии оценки нарушений персональных данных положено применения критерия критичности данного набора данных DPC в конкретном контексте обработки. Результат относится к определенному диапазону значений, который соответствует одному из четырех уровней серьезности: низкий, средний, высокий и очень высокий. Контекст обработки данных (DPC) наряду с типом взломанных данных учитывает факторы контекста обработки. Предварительный балл DPC получаем в результате классификации персональных данных: простые, поведенческие, финансовые и конфиденциальные данные, затем параметр корректируется с учетом контекстуальных факторов, связанных с конкретным типом данных.

Простота идентификации (EI), представляет собой характеристику затратности установления личности физических лиц и определяет возможность соотнесения персональных данных с конкретным физическим лицом. С учетом абсолютных значений баллов различают незначительный, ограниченный, значительный и максимальный уровни EI. В случае ничтожной возможности по прямой (например, на основе имени) или косвенной (например, на основе идентификационного номера) идентификации личности при определенных заранее заданных условиях, сложности сопоставления данных с конкретным человеком может быть присвоен наименьший балл. Идентификация также может быть произведена в результате взлома данных, непосредственно на основе взломанных данных без специальных идентифицирующих личность человека исследований.

Обстоятельства нарушения (CB) представляют собой конкретные обстоятельства, связанные с типом нарушения, включая главным образом утрату безопасности взломанных данных с учетом таких элементов как потеря безопасности (конфиденциальность, целостность, доступность) и злонамеренный умысел, что позволяет дополнить DPC и EI.

Нарушение конфиденциальности связывают с возможностью получения информации неуполномоченными субъектами либо субъектами, не имеющими законного доступа. Количественные и качественные характеристики субъектов -нарушителей определяют степень потери конфиденциальности информации.

Потеря целостности происходит в случае изменения содержания исходной информации, что может нанести ущерб заинтересованному лицу. Наиболее серьезная ситуация возникает, когда существуют серьезные возможности того, что измененные данные были использованы таким образом, который мог нанести вред человеку.

Потеря доступности происходит, когда утрачивается возможность доступа к запрашиваемым исходным данным, что может носить временный (данные могут быть восстановлены, но это займет определенный период времени, и это может нане-

сти ущерб человеку), либо постоянный (данные не могут быть восстановлены) характер.

Злонамеренность умысла следует связывать человеческой или технической ошибкой, либо с неправомерным воздействием.

Баллы, полученные за каждый элемент CB, суммируются.

Окончательная оценка представлена в таблице 1 и показывает уровень серьезности нарушения с учетом влияния на физических лиц.

Таблица 1. Уровень серьезности утечки данных

$SE < 2$	Низкий	Люди либо не будут затронуты, либо могут столкнуться с некоторыми неудобствами, которые они без проблем преодолеют (затраты на повторный ввод информации, досада, раздражение и т.д.).
$2 \leq SE < 3$	Средний	Люди могут столкнуться со значительными неудобствами, которые они в состоянии преодолеть, несмотря на некоторые трудности (дополнительные расходы, отказ в доступе к бизнес-услугам, страх, непонимание, стресс, незначительные физические недуги и др.).
$3 \leq SE < 4$	Высокий	Люди могут столкнуться со значительными последствиями, которые они в состоянии преодолеть, пусть и с серьезными трудностями (утрата финансовых средств, занесение в черный список банками, материальный ущерб, потеря работы, повестка в суд, ухудшение здоровья и др.).
$4 \leq SE$	Очень высокий	Физические лица могут столкнуться со значительными, или необратимыми последствиями, которые они не могут преодолеть (существенный долг или неспособность работать, долгосрочные психологические или физические недуги, смерть и др.).

Методология отраслевых оценок кибербезопасности (Sectoral Cybersecurity Assessments Далее: «Методология SCSA») определяет совокупность требований по обеспечению эффективной и согласованной деятельности сертифицированных модулей Cybersecurity Assessments (CSA) [4].

Выделяют следующие задачи: выполнение требований безопасности и гарантии услуг, процессов или продуктов ИКТ; обеспечение гарантированных уровней поддержки и применение инструментов встроенной безопасности.

Исследователи выделяют ряд особенностей методологии SCSA:

- основой оценки кибербезопасности на отраслевом уровне выступают цели функционирования ИКТ в отрасли, основные активы и связанные с ними риски, на основе анализа информации об использовании подсистем, продуктов или услуг. Важным параметром при анализе киберугроз (СТП), необходимым для определения требований безопасности и гарантии к подсистемам ИКТ, продуктам ИКТ или услугам ИКТ на основе риска, выступают сведения о потен-

циальных злоумышленниках, их мотивах и возможностях;

- применение методологии SCSA основывается на применении внутренних эталонных уровней риска, безопасности и надежности, позволяет интегрировать и подходы к обеспечению кибербезопасности по секторам, продуктам и процессам, в том числе и основанных на основании требований ISO/IEC 15408 [5].
- Методология SCSA формирует взаимосвязь между стандартами серий ISO/IEC 27000 и ISO/IEC 15408, обеспечивая:
- обмен результатами оценки рисков, спецификациями безопасности и гарантиями на основании метода сопоставления, устраняющего расхождения в терминологии и обеспечивающего передачу информации;
- применение масштабируемых средств контроля с заданным уровнем безопасности в соответствии со способностью анализа рисков и защиты от атак. При этом заинтересованные стороны несут ответственность за выявление рисков и участвуют в определении требований безопасности, что позволяет связать совокупность рисков и затрат для снижения этих рисков;
- применение методологии SCSA обеспечивает согласованность в реализации уровней доверия на основании типовых схем применения, что позволяет использовать различные сертификаты.

Методология предлагает участникам отдельные алгоритмы поведения, основанные на совокупности типичных обязанностей:

- координирующий орган определяет правила по которым заинтересованные организации могут принимать участие работе отраслевой системы ИКТ;
- совокупность предоставляемых инфраструктурных услуг, продуктов и процессов ИКТ, возможность их повсеместного использования, уровень детализации функций и уровней безопасности определяется координирующим органом;
- качество отраслевых систем основано на требованиях соглашений об оказании услуг, заключаемых между конечными пользователями отраслевых услуг ИКТ с «поставщиком услуг ИКТ» или «розничным продавцом услуг ИКТ».

Методология SCSA реализует подход сценария риска для обеспечения согласованности и обратимости соображений риска, потенциала атаки, безопасности и гарантии, которые соединяют все три уровня отраслевой оценки.

Первоначальный этап вычислений напрямую связан с анализом информации о функциональных активах бизнес-процессов. Последующие вычисления базируются на модели возможных атак и потенциальных последствия указанных атак для заявленных активов. Для консолидации оценки воздействия и вероятности конкретного инцидента и дальнейшего присвоения классов мета-риска (MRC) следует применять положения стандарта ISO/IEC 27005 [6].

Классы мета-риска в дальнейшем распространяют на все вспомогательные активы и используются для определения требований безопасности для подсистем, продуктов, услуг и процессов ИКТ.

Информация о риске, в частности MRC, применяется к конкретному вспомогательному активу, наследуется от оценки первичной информации или функционального актива, поддерживаемого оцениваемым вспомогательным активом. Для отраслевой оценки на высоком уровне как часть контекста используют CTI и информацию о нарушителях с учетом их потенциала и мотивов, в результате чего формируют перечень потенциальных типов нарушителей, с указанием целей, мотивации, а также оценки используемых нарушителями средств.

Подход в организационной системе управления информационной безопасностью (ISMS) базируется на оценке уровня риска как функции воздействия (последствий) события и вероятности его возникновения, причем методология позволяет оценить ущерб в результате инцидента лишь при условии высокой вероятности события либо при низкой степени воздействия на ИКТ, в связи с чем для предлагаемая модель сертифицируется для каждого сектора экономики на основании сопоставимых уровней риска.

Оценки отраслевых рисков проводятся координирующим органом сектора или разработчиком отраслевой схемы сертификации кибербезопасности с привлечением заинтересованных сторон и координирующих организаций («владельцев бизнес-рисков»), а также потребителей отраслевых услуг.

Методология SCSA базируется на сценариях риска, разрабатываемых отраслевыми заинтересованными сторонами с учетом возможного причиняемого ущерба.

Идентификация сценариев основывается на средствах и мотивации нарушителей, а также на их возможности оказывать влияние на функциональные (основные или вспомогательные) активы. По результатам идентификации сценариев риска заинтересованные стороны производят оценку вероятности реализации сценария, причем сценарий риска может касаться целей нескольких заинтересованных сторон.

Инструменты управления рисками в Евросоюзе (Interoperable EU Risk Management Framework (“EU RM”))

Интероперабельный набор инструментов EU RM [7] обеспечивает справочную структуру для интерпретации, сравнения и агрегирования результатов полученных с помощью различных методов оценки риска [8]. Это позволяет заинтересованным сторонам работать над общими угрозами и сценариями рисков [9] и сравнивать уровни рисков, даже в тех случаях, когда они оцениваются с помощью различных или собственных инструментов и методов, что позволяет разработать комплексное представление о состоянии кибербезопасности организаций

в отношении конкретных или возникающих угроз в разных секторах и странах.

Функциональными компонентами набора инструментов EU RM являются следующие: отображение терминологии; сопоставление активов; картирование угроз и уровней риска. Набор инструментов EU RM облегчает согласование действий по четырем направлениям менеджмента рисков:

- предоставляет набор интероперабельных терминов, основанных на нормативно-правовой базе и международных стандартах, которые используются для установления контекста RM. Это позволяет дать однозначное описание и понимание деятельности RM, осуществлять сопоставление между набором инструментов EU RM и соответствующими методологиями RM, независимо от используемой методологии RM;
- определяет объем среды применения оценки рисков, предоставляя классификацию основных и дополнительных активов участников. Классификация облегчает разработку однозначных сценариев риска и правильную интерпретацию соответствующих активов подлежащих учету в процессе оценки риска, после чего организации смогут определить, применим ли сценарий риска или атаки и каким образом;
- позволяет определить сценарии риска, связанные с конкретной угрозой или группой угроз;
- сопоставление рассчитанных с использованием выбранного метода RM значений рисков с общей шкалой рисков, на основании чего оператор нормализует результаты на основе процесса сопоставления уровней риска, специально разработанного для каждого RM. В процессе сопоставления соотносят шкалу рисков выбранного внутреннего метода со шкалой рисков набора инструментов, предоставляя тем самым заинтересованным сторонам средства для использования общей эталонной шкалы оценки рисков.

В информационной системе защите подлежат основные и вспомогательные активы, персонал, коммуникации и организационную инфраструктуру.

В число основных активов относят основные бизнес-процессы, услуги и функции предоставляемые третьими лицами; компьютерные данные (информация) для обслуживания конкретных производственных процессов.

В перечень вспомогательных активов включено аппаратное обеспечение, устройства и оборудование (в т.ч. вычислительные и сетевые устройства), средства массовой информации, устройства Интернета вещей (IoT), устройства операционных технологий (OT), телекоммуникационные устройства, периферийные устройства и устройства хранения; программное обеспечение и приложения (включая системное программное обеспечение и операционные системы, встроенное программное обеспечение, промежуточное программное обеспечение, пакетное программное обеспечение и бизнес-

приложения/приложения для конечных пользователей).

Категоризация активов осуществляется на основании адаптированных к потребностям инструментария требований стандартов ISO/IEC 27005:2018.

В качестве основных угроз определены: природные и промышленные угрозы, ошибки и непреднамеренные сбои, преднамеренные нападения и сервисные угрозы (облачные сервисы и сервисы, предоставляемые третьими лицами).

После определения категорий угроз каждая отдельная угроза связывается с категориями активов, на которые она может повлиять и с последствиями, которые это может вызвать с точки зрения конфиденциальности, целостности и доступности.

Уровень риска информационной безопасности определяется как показатель степени воздействия потенциального события и связывается с вероятностью возникновения угрозы и ее влиянием на активы организации.

Риск определяют как произведение вероятности возникновения и влияния угрозы.

Вероятность возникновения угрозы представляет собой оценку вероятности того, что конкретная угроза может использовать конкретную уязвимость или совокупность уязвимостей. Методология EU RM использует уровни вероятности возникновения непреднамеренных угроз: ежедневная, ежемесячная, ежегодная, один раз в 10 лет и один раз в столетие. Инструментарий EU RM определяет пять дискретных уровней вероятности возникновения угрозы: очень высокий (угроза, скорее всего, материализуется, поскольку существуют связанные с ней уязвимости и отсутствуют адекватные меры безопасности), высокий (угроза может материализоваться, потому что существуют связанные уязвимости, которые можно использовать, и применяются неэффективные или устаревшие меры безопасности), умеренный (угроза потенциально может материализоваться, поскольку существуют уязвимости, которые можно использовать, и несмотря на то, что они были закрыты мерами безопасности), низкий (угроза вряд ли материализуется, так как все связанные с ней уязвимости закрыты соответствующими мерами безопасности), очень низкий (возникновение угрозы крайне маловероятно).

Уровень воздействия определяется как уровень ущерба, который может быть оценен в результате различных действий, Инструментарий EU RM определяет следующие пять уровней воздействия, описываемых с точки зрения операционных, правовых, финансовых и других последствий: очень высокий, высокий, умеренное, низкий, очень низкое.

Таким образом? можно сделать вывод о том, что применяющиеся в странах Евросоюза методики обеспечения безопасности некоторых категорий информации ограниченного доступа базируется на применении критериев оценки контекста обработки данных, идентификации информации,

характеристике угроз и вероятности наступления неблагоприятных последствий с учетом обстоятельств нарушения. К несомненным положительным чертам представленных методик относится их высокая вариативность и отсутствие жестких требований построения систем безопасности информационных систем обработки информации ограниченного доступа.

Литература

1. Федеральный закон от 25.10.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228
2. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон»)//<http://www.kremlin.ru/acts/bank/47769>
3. Recommendations for a methodology of the assessment of severity of personal data breaches. Working Document, v1.0, December 2013/European Union Agency for Network and Information Security
4. Methodology for sectoral cybersecurity assessments.eu cybersecurity certification framework. Sept.2021/ENISA.142 P.S
5. ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408–1–2012 “Information technology. Security techniques. Evaluation criteria for IT security. Part 1. Introduction and general model”. Национальный Стандарт Российской Федерации “Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Критерии оценки безопасности информационных технологий”
6. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27005–2010 Национальный Стандарт Российской Федерации “Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Менеджмент риска информационной безопасности. Information technology. Security techniques. Information security risk management.
7. Interoperable EU Risk Management Toolbox. February. 2023
8. Сборник структур управления рисками с потенциальной функциональной совместимостью// <https://www.enisa.europa.eu/publications/compendium-of-risk-management-frameworks>
9. Интероперабельная система управления рисками ЕС /<https://www.enisa.europa.eu/publications/interoperable-eu-risk-management-framework>

FEATURES OF THE APPLICATION OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL TOOLS FOR ENSURING INFORMATION SECURITY IN THE EUROPEAN UNION COUNTRIES

Elin V.M., Tsaregorodtsev A.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Currently, in our country, in order to improve the quality of the fight against corruption offenses, modern information technologies are actively used, the use of which ensures the prevention, identification, suppression, disclosure and investigation of the causes of corruption and corruption offenses. The article reveals the methods of ensuring information security of certain categories of restricted information that are centrally applied in the European Union countries, based on determining criteria for the severity of a violation of the context, on a set of requirements to ensure the effective and consistent operation of certified Cybersecurity Assessments modules, as well as on the use of an interoperable set of risk management tools in countries of the European Union.

The article concludes that the methods used in the European Union to ensure the security of certain categories of restricted information are based on the application of criteria for assessing the context of data processing, identification of information, characteristics of threats and the likelihood of adverse consequences taking into account the circumstances of the violation. The undoubted positive features of the methods presented in the article include their high variability and the absence of strict requirements for constructing security systems for information processing systems of limited access.

Keywords: information security, restricted information, security methods, information threats, information system vulnerabilities.

References

1. Federal Law of October 25, 2008 No. 273-FZ “On Combating Corruption” // SZ RF, December 29, 2008, No. 52 (Part 1), Art. 6228
2. Decree of the President of the Russian Federation dated April 25, 2022 No. 232 “On the state information system in the field of anti-corruption “Poseidon” and amendments to some acts of the President of the Russian Federation” (together with the “Regulations on the state information system in the field of anti-corruption “Poseidon”) //<http://www.kremlin.ru/acts/bank/47769>
3. Recommendations on methods for assessing the severity of personal data violations. Working paper, version 1.0, December 2013/European Union Agency for Network and Information Security.
4. Methodology for industry assessments of cybersecurity. EU Cybersecurity Certification Framework. September 2021/ENISA.142 P.S.
5. GOST R ISO/IEC 15408–1–2012 “Information technologies. Safety precautions. Criteria for assessing IT security. Part 1. Introduction and general model.” National standard of the Russian Federation “Information technology. Security methods and means. Criteria for assessing the security of information technologies”
6. GOST R ISO/IEC 27005–2010 National standard of the Russian Federation “Information technologies. Security methods and means. Information security risk management. Information Technology. Safety precautions. Information security risk management.
7. EU compatible risk management tools. February. 2023
8. Collection of risk management frameworks with reliable interoperability// <https://www.enisa.europa.eu/publications/compendium-of-risk-management-frameworks>
9. EU Interoperable Risk Management System/ <https://www.enisa.europa.eu/publications/interoperable-eu-risk-management-framework>

Взаимодействие России и ВТО в условиях международно-правовых и экономических санкций: историко-правовой аспект

Делегеоз Елена Геннадьевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: delegeozy@yandex.ru

Современные международные отношения отмечены исключительным ростом мировой торговли. Процесс присоединения России к Всемирной торговой организации стал самым продолжительным в истории существования этой организации. На отношения стран-участниц с Россией повлияли не столько финансово-экономические и правовые вопросы, сколько политические. Государства – члены ВТО получают лучшие в сравнении с существующими и недискриминационные условия для доступа национальной продукции на иностранные рынки. Целью данного исследования является изучение основных направлений взаимодействия России и ВТО в условиях международно-правовых и экономических санкций. Автором рассмотрены в историко-правовой ретроспективе условия присоединения России к ВТО через соотношения преимуществ от вступления и различных уступок. Создание более благоприятного климата для иностранных инвестиций в результате приведения законодательной системы РФ в соответствие с нормами ВТО было нацелено на формирование условий для повышения качества и конкурентоспособности российской продукции в результате увеличения потока иностранных товаров, услуг и инвестиций на российский рынок. По мнению автора, преодоление существенных разногласий и вступление России в ВТО не явились основанием равноправного членства России в данной организации. Подтверждением чему стало введение многочисленных пакетов «антироссийских санкций».

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, Россия, мировая экономика, глобализация, интеграция.

Длительность и низкая продуктивность переговоров России с государствами-участниками ВТО явилась последствием существования биполярного мира и распада социалистической системы. Для преодоления кризисных явлений в экономике, усугубившихся в ходе Второй мировой войны, европейские страны в 1947 г. подписали Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Совет экономической взаимопомощи, созданный в 1949 г., стал формой торгово-экономических отношений между социалистическими странами во главе с СССР. Это стало важным шагом на пути глобализации всех мировых процессов.

Ситуация осложнилась присоединением в 1961–1970 гг. к ГАТТ ряда соцстран при политической и финансовой поддержке США и ЕЭС. Однако энергетический (сырьевой) кризис 1973–1974 гг., охвативший индустриальные страны после повышения цен на нефть странами-участницами ОПЕК, был преодолен во многом благодаря альтернативным поставкам нефти и газа из СССР. Мировые позиции Советского Союза в международном обмене значительно упрочились. Но распад СЭВ и СССР существенно изменили внешнеэкономическое положение России как правопреемницы СССР.

С начала 1990-х гг. начался период рыночных форм в экономике России, изменивших плановую (командно-административную) основу экономики. В 1992 г. была реализована политика либерализации: основными инструментами регулирования внешней торговли стали использование таможенных тарифов, ликвидация государственной монополии внешней торговли. Предприятия получили доступ на мировой рынок, но только в качестве поставщиков сырья, полуфабрикатов. Основными торговыми партнерами России стали ведущие страны Запада и ближайшие соседи по СНГ. В сложившейся конъюнктуре Россия обозначила желание вступить в международную торговую систему, подав в 1993 г. официальную заявку на присоединение к ГАТТ. Это событие совпало с подготовительным периодом трансформации ГАТТ в ВТО.

Охвативший Восточную Европу и Латинскую Америку долговой кризис 1990-х гг. изменил правила игры в мировой экономике, потребовав введения режима наибольшего благоприятствования для национальных экономик с учетом транспарентности. Поэтому ВТО приобрело торгово-политический характер. Это позволило обеспечить функционирование системы мировой торговли, основанной на единых правилах. Таким образом, национальные рынки были защищены от введения внезапных и самопроизвольных ограничений

в сфере импорта, при этом оставаясь открытыми. Однако для государств-участников ВТО сохранено право ограничить доступ на национальный рынок путем введения защитных мер, например, антидемпинговых либо компенсационных.

Создание Рабочей группы по решению вопросов вступления России в ВТО и начало консультаций в 1995 г. шло на фоне превращения слаборазвитых стран в капиталистические державы, развития и модернизации национальных экономик периферийных стран. Процесс создания и развития корпораций не обошел и Россию. Его не смогли остановить даже финансово-экономические трудности 1990-х гг. (галопирующая инфляция, резкое падение курса рубля, катастрофическое снижение уровня жизни населения, финансовый кризис в августе 1998 г.). Однако Россия интересовала Запад как сырьевая база, поэтому технологические отрасли народного хозяйства приходили в упадок и становились невостребованными. [5] Для проведения необходимых социальных преобразований некогда супердержаве предоставлялись многомиллиардные кредиты, которые должны были в итоге подорвать финансовую самостоятельность государства. В таких условиях в 1998 г. были озвучены первоначальные предложения по доступу на рынок ВТО российских товаров и начались множественные двусторонние переговоры России с участниками ВТО по вопросам тарифов, сельского хозяйства, доступа на рынок услуг, системным вопросам.

Уже к 2000 г. переговоры приобрели полномасштабный характер. Однако сроки вступления России в ВТО постоянно откладывались: российские власти понимали пагубность влияния мирового рынка на слабую национальную экономику, но представители США и ряда западноевропейских стран не торопились идти на принципиальные уступки. Российское правительство координировало процесс присоединения к ВТО с программами отраслевого развития национального хозяйства. Для проведения государственной политики по поддержке и стимулированию российского экспорта, а также контроля для обеспечения безопасности России была создана Федеральная служба по техническому и экспортному контролю [3, с. 32]. Для достижения указанных выше целей был принят Федеральный закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» [11].

Нежелание России идти на существенные уступки западным партнерам объясняется упрочением позиций страны в качестве активного участника рынка и ростом прибылей. В период 2002–2008 гг. явно обозначилась недостаточность энергоресурсов, что в свою очередь привело к росту цен на нефть и газ. Российское Правительство благодаря росту цен на энергоресурсы создало «стабилизационный фонд» и досрочно рассчиталось по внешним долгам, разрушив тем самым механизмы прямого финансового воздействия на страну.

Период двусторонних переговоров по членству России в ВТО был достаточно продолжительным.

Уже на этапе 2003–2004 годов свое согласие подтвердили такие государства, как Новая Зеландия, Чили, Тайвань, Сингапур, КНР, Южная Корея, Венесуэла и Грузия [1]. Однако долгое время не удавалось урегулировать разногласия в данном вопросе между Россией и Евросоюзом. Май 2004 г. ознаменовался подписанием протокола о завершении двусторонних переговоров министром экономического развития РФ Германом Грефом и комиссаром ЕС по торговле Паскалем Лами [2]. После успешного завершения переговоров с Турцией, Египтом, Канадой, Филиппинами, Парагваем и Никарагуа в 2005 г. стал активно обсуждаться вопрос о вступлении России в ВТО в 2006 г. Исторически сложилась практика подписания такого рода соглашений государствами-кандидатами в последнюю очередь с США. Подписание двустороннего протокола между США и РФ о вступлении в ВТО 19 ноября 2006 г. на саммите АТЭС должно было завершить длинный переговорный процесс.

Однако ситуация изменилась после официального отзыва согласия на вступление России в ВТО Грузией, недовольной позицией России по отношению к таможенно-пропускным пунктам на российско-грузинской границе. Кроме того, новым комиссаром по торговле Питером Мандельсоном были подвергнуты сомнению договоренности РФ и Евросоюза. Формальным поводом непринятия РФ в ВТО стало истечение 12-летнего срока рассмотрения кандидатской заявки на вступление в ВТО. Поэтому Россия была вынуждена вступить в новые переговоры со странами-участницами. Большинство договоров было перезаклучено без дополнительных согласований. Россия продолжала уверенное приближение к вступлению в ВТО: были ратифицированы договоры с Сальвадором, Коста-Рикой, Камбоджой, Вьетнамом, Гватемалой. Даже были преодолены претензии Финляндии по планируемому повышению пошлин на экспорт древесины [12]. В 2008 г. вышла окончательная редакция Доклада по присоединению России к ВТО.

Режим наибольшего благоприятствования для вступления России в ВТО неожиданно рухнул в 2008 г. Меньше всего на это повлиял мировой финансовый кризис, начавшийся в США и охвативший практически всю мировую банковскую систему. Обострение международных отношений, вызванное вооруженным конфликтом в Южной Осетии 08 августа 2008 г., создало условия для дальнейшего затягивания процедуры вступления России в ВТО [6]. В напряженной международной обстановке министр торговли США Карлос Гутьеррес заявил, что «в сложившейся ситуации под вопросом не только членство России в ВТО, но и в «большой восьмерке» [4]. В сложившейся международной обстановке Правительство России было намерено прекратить переговоры и выйти из ряда обременительных и не всегда выгодных соглашений с партнерами по ВТО [10]. В Москве даже обсуждался вопрос о невозможности в ближайшей перспективе продолжать взаимоотношения.

Стратегия развития национальной экономики и интеграции в мировую экономическую систему требовали от России восстановления экспортного потенциала. Выстраивание конструктивного диалога с ВТО, а также выдвигание встречных требований стало возможно в силу объективной оценки экономического потенциала России. Следует обратить внимание, что основывался он на возможности экспорта стратегического сырья, а именно значительных запасах природных ресурсов (в том числе и энергетических), руд черных и цветных металлов и других видов так называемого стратегического сырья.

В результате в 2009–2011 годах были завершены переговоры о вступлении России в ВТО, а в 2010 году были урегулированы разногласия с США и ЕС по квотам на импорт сельскохозяйственной продукции и мяса. Достигнута договоренность по спорному вопросу о вступлении России в Таможенный союз с целью создания единого экономического пространства с Беларусью и Казахстаном. Все конструктивные изменения были включены в итоговый доклад Рабочей группы. В ноябре 2011 года было также достигнуто соглашение с Грузией.

Протокол о присоединении России к ВТО 16 декабря 2011 г. подписал В.В. Путин (Председатель Правительства России). После чего Министерская конференция в Женеве окончательно одобрила вступление России в данную организацию. Так завершилась самая длинная семнадцатилетняя история переговоров о вступлении во Всемирную торговую организацию.

Вступление России в ВТО должно было способствовать улучшению отношений с западными странами и продвижению России в мировое хозяйство. Однако вступление России в ВТО привело в большей степени к негативным последствиям для национальной экономики. Кроме того, ситуация усугубилась в 2014 году присоединением Крыма к России и конфликтом на востоке Украины, став поводом для введения ограничительных политических и экономических мер против России. Сложившаяся вокруг России ситуация не позволяет строить цивилизованную внешнеэкономическую систему взаимодействия с «партнерами» по ВТО на взаимовыгодных недискриминирующих условиях.

В череде перманентных международных политических кризисов в Государственной Думе РФ неоднократно обсуждался вопрос о необходимости выхода России из ВТО. В 2017 г. даже был внесен соответствующий законопроект, который позже был отклонен.^[9] Министерство экономического развития прокомментировало это предложение, заявив, что Всемирная торговая организация является единственным международным форумом, на котором Россия может активно отстаивать свои интересы в экономической сфере. Поэтому выход из членства в организации не должен стать ответом России на введенные пакеты санкций.

Россия является важным игроком в глобальных экономических отношениях, участвуя в ряде двусторонних и многосторонних соглашений о страте-

гическом сотрудничестве, касающихся всех основных сфер экономической жизни, включая энергетическую безопасность, развитие высоких технологий, продовольственную доктрину, цифровизацию и логистику. Но с началом российской специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. США и ЕС приняли обширный список торгово-экономических санкций против России. Очевидно, что эти действия против нашей страны представляют серьезный риск для многосторонней торгово-экономической системы, особенно в то время, когда мир переживает последствия пандемического кризиса и торговой войны.

Санкции западных стран на поставки высокотехнологичной продукции создали проблемы для российской промышленности. Ограничения в банковской системе привели к тому, что Центральный Банк поднял процентные ставки до 20%. На практике заимствования малых и средних предприятий превысили 25%. Повышение кредитных ставок также повлияло на промышленную деятельность, которая использует заемные средства для пополнения оборотного капитала и погашения долгосрочной задолженности.

Кроме того, в последнее время ведутся разговоры об исключении России из ВТО. В связи с этим 16 марта 2022 года российская делегация в штаб-квартире ВТО распространила специальное заявление, в котором решительно осуждаются недружественные и дискриминационные меры в отношении России. В нем подчеркивается, что эти меры несовместимы с основополагающими принципами и правилами ВТО и что Россия, как член ВТО, не будет лишена режима наибольшего благоприятствования и не будет принудительно исключена из ВТО.

Для вступления во Всемирную торговую организацию Россия прошла через самый длительный в своей истории переговорный процесс. Для этого были систематизированы и упорядочены десятки тысяч российских законов и нормативных актов. В настоящее время членами ВТО являются 164 страны, из которых более 70% – страны с развивающейся экономикой, большинство из которых не согласны с санкционной политикой США и стран ЕС в отношении России. Исторически ВТО зарекомендовала себя как организация, руководствующаяся, в первую очередь, экономическими соображениями и твердыми правовыми нормами: правила ВТО определяют права и обязанности участников торговли [7]. В отсутствие таких правил странам, естественно, остается действовать по собственной инициативе.

Сотрудничество со странами ЕАЭС и торговля с Китаем, Индией и другими азиатскими странами являются очевидными векторами дальнейшего развития внешнеторгового сотрудничества России. При этом правовая база ЕАЭС и соглашения ЕАЭС с Китаем, Вьетнамом и Сингапуром также интегрируют принципы и нормы ВТО, поскольку эти страны (за исключением Беларуси) являются членами Всемирной торговой организации [10].

Таким образом, выход России из ВТО усугубит дискриминационную торговлю с миром, в котором вообще нет правил, а участие России в ВТО – единственная гарантия соблюдения международных стандартов в этой сфере. Единственный способ справиться с нынешним кризисом – говорить на языке экономики и права, а не политики.

Литература

1. Арсюхин, Е. Принять Россию в ВТО // Режим доступа: http://www.rgwto.com/archive.asp?id=3556&full_mode=1.
2. Добрынина, Е. ВТОрое окно в Европу // Режим доступа: http://www.invur.ru/index.php?page=sotr&doc=wto_putewka
3. Комендантов С.В. Проблемы законодательного обеспечения вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию // Международное публичное и частное право. М., 2005. № 4.
4. Куликов, С.; Егоров, М. Путин ставит крест на ВТО // Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/?id_user=Y&%3BPAGEN_1=2&PAGEN_1=1134
5. Махненко С.И., Брауэр И.Е. Проблемы вступления России в ВТО // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vstupleniya-rossii-v-vto> (дата обращения: 15.11.2023).
6. Поливанов, А. Единым строем // Lenta.ru, 10 июня 2009 г.
7. Романова, Е. Е. «Подрыв» принципов ВТО: «санкции-2022» / Вопросы фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник статей международной научной конференции, Омск, 10 марта 2023 года. – СПб: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2023. – С. 75–80. – EDN FUHFZW.
8. Санкции 2022 и членство России в ВТО / Режим доступа: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analitics/sanktsii-2022-i-chlenstvo-rossii-v-vto/>
9. Сопина Н.В., Близняк Е.И. Преимущества и недостатки вступления России в ВТО // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-vstupleniya-rossii-v-vto> (дата обращения: 15.11.2023).
10. Терехов, А. У Москвы – большой список встречных санкций // Независимая газета, 25 августа 2009 г.
11. Федеральный закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4851.
12. Шарипова А.; Бутрин Д. Россию и Финляндию разделил лес // Газета Коммерсантъ № 92

(3668) от 30.07.2007. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/769761>

INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND THE WTO IN THE CONDITIONS OF INTERNATIONAL LEGAL AND ECONOMIC SANCTIONS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Delegeoz E.G.

Saint Petersburg State University of Economics

Modern international relations are marked by an exceptional growth in world trade. The process of Russia's accession to the World Trade Organization has become the longest in the history of the existence of this organization. The relations of the participating countries with Russia were influenced not so much by financial, economic and legal issues as by political ones. WTO member states receive the best in comparison with existing and non-discriminatory conditions for the access of national products to foreign markets. The purpose of this study is to study the main areas of interaction between Russia and the WTO in the context of international legal and economic sanctions. The author examines in historical and legal retrospect the conditions of Russia's accession to the WTO through the ratio of benefits from accession and various concessions. The creation of a more favorable climate for foreign investment as a result of bringing the legislative system of the Russian Federation in line with WTO norms was aimed at creating conditions for improving the quality and competitiveness of Russian products as a result of increasing the flow of foreign goods, services and investments to the Russian market. According to the author, overcoming significant differences and Russia's accession to the WTO were not the basis for Russia's equal membership in this organization. This was confirmed by the introduction of numerous packages of «anti-Russian sanctions».

Keywords: world trade organization, Russia, the world economy, globalization, integration.

References

1. Arsyukhin, E. To accept Russia into the WTO // Access mode: http://www.rgwto.com/archive.asp?id=3556&full_mode=1.
2. Dobrynina, E. The second window to Europe // Access mode: http://www.invur.ru/index.php?page=sotr&doc=wto_putewka
3. Komendantov S.V. Problems of legislative support for the entry of the Russian Federation into the World Trade Organization // International public and private law. Moscow, 2005. No. 4.
4. Kulikov, S.; Egorov, M. Putin puts an end to the WTO // Access mode: http://www.ng.ru/economics/?id_user=Y&%3BPAGEN_1=2&PAGEN_1=1134
5. Makhnenko S.I., Brauer I.E. Problems of Russia's accession to the WTO // Economics and Business: theory and practice. 2021. No.6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vstupleniya-rossii-v-vto> (date of appeal: 11/15/2023).
6. Polivanov, A. United system // Lenta.ru, June 10, 2009
7. Romanova, E. E. “Undermining” the WTO principles: “Sanctions-2022” / Issues of fundamental and applied scientific research: collection of articles of the International scientific Conference, Omsk, March 10, 2023. – St. Petersburg: Private scientific and educational institution of additional professional education Humanitarian National Research Institute “National Development”, 2023. – pp. 75–80. – EDN FUHFZW.
8. Sanctions 2022 and Russia's WTO membership / Access mode: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analitics/sanktsii-2022-i-chlenstvo-rossii-v-vto>
9. Sopina N.V., Bliznyuk E.I. Advantages and disadvantages of Russia's accession to the WTO // Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov. 2019. No. 1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-vstupleniya-rossii-v-vto> (accessed: 15.11.2023).
10. Terekhov, A. Moscow has a long list of counter sanctions // Nezavisimaya Gazeta, August 25, 2009
11. Federal Law No. 165-FZ of 08.12.2003 “On special protective, antidumping and countervailing measures for the import of goods” // RF Federal Law. 2003. No. 50. St. 4851.
12. Sharipova A.; Butrin D. The forest divided Russia and Finland // Kommersant Newspaper No. 92 (3668) of 30.07.2007. Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/769761>

Проблемы банкротства юридических лиц

Расторгуев Михаил Анатольевич,

магистрант, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: misharast@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы банкротства юридических, которые существуют в действующем гражданском законодательстве. Актуальность статьи обусловлена тем, что процедура банкротства в Российской Федерации является достаточно динамичным институтом. Помимо этого, правовой институт банкротства нуждается в реформировании. При этом данный процесс должен основываться не только на практике его реализации, но и на теоретических исследованиях несостоятельности (банкротства).

Объектом исследования в статье является институт банкротства юридических лиц. Предметом исследования являются научные работы правоведов, нормы российского законодательства, регулирующие банкротство юридических лиц. Также предметом исследования были акты судебной практики.

Автор приходит к выводу, что существуют некоторые законодательные пробелы в Законе «О несостоятельности (банкротстве)». В частности, анализ статистических данных показал ненужность таких процедур как финансовое оздоровление и внешнее управление, поскольку они редко применяются на практике. Также в законе отсутствует указание на профиль высшего образования у арбитражных управляющих и отсутствие определения номинальности руководства при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица при процедуре банкротства, что является упущением со стороны законодателя.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, арбитражный управляющий, юридические лица, должник, руководитель, субсидиарная ответственность

На сегодняшний день банкротство юридических лиц является распространенной процедурой, когда должник-юридическое лицо не выполняет свои обязательства и инициируется процедура банкротства.

Стоит отметить, что в Российской Федерации меньше всего применяются процедура финансового оздоровления. Об этом говорят данные статистики (таблица 1). Это может объясняться тем, что уже к моменту обращения в арбитражный суд о признании банкротом, должник не имеет те активы, с помощью которых он может продолжать эффективно вести основную деятельность. Кроме того, вся сумма задолженности перед кредиторами, как правило, превышает стоимость самой компании. Вследствие этого, восстановление платежеспособности, по сути, невозможно. А.А. Снедкова также указывает, что финансовое оздоровление как одна из процедур в деле о банкротстве применяется редко, поскольку существует господствующая точка зрения на этот институт: если в отношении юридического лица введена процедура банкротства, то он уже является несостоятельным, следовательно, никакие меры финансового оздоровления не помогут [11]. Таким образом, низкая применяемость финансового оздоровления связана с тем, что субъекты не видят смысла в данной процедуре, поскольку так только затягивается момент возврата долгов по требованиям кредиторам, что им невыгодно.

Таблица 1. Количество всех процедур в отношении компаний [8].

	2019	2020	2021	2022
о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства	12401	9930	10317	9055
о введении наблюдения	10134	7775	8575	5227
о введении внешнего управления	209	150	157	140
о введении финансового оздоровления	19	23	22	9

При этом процедура финансового оздоровления по своей природе является чем-то промежуточным между внешним управлением, когда имеет место быть уже полное отстранение руководства юридического лица от управления и самыми эффективными и радикальными восстановительными мероприятиями, и мировым соглашением, которое по своей природе наиболее диспозитивно.

А.Ф. Маликов указывает, что нынешняя законодательная регламентация финансового оздоровления требует совершенствования. Это обуславливается тем, что кредиторы не хотят рисковать и голосовать за введение этой процедуры. В том виде, в котором представлена сейчас процедура финансового оздоровления выглядит малоприменимой и ненужной [10, с. 93].

В настоящее время в Государственную Думу РФ внесен законопроект, который предусматривает отказ от целого комплекса процедур при банкротстве: наблюдение, внешнее управление и финансовое оздоровление. Вместо этого предлагается ввести процедуру реструктуризации долгов. Таким образом, будет предусмотрена одна ликвидационная и одна реабилитационная процедура [3]. Законодатель хочет сделать новую процедуру, как и в случае банкротства гражданина.

Подобная законотворческая инициатива неудивительна. По сути, две реабилитационные процедуры, а именно, финансовое оздоровление и внешнее управление, как нами было замечено, действительно редко применяются на практике. Поэтому можно сказать, что данные процедуры существуют почти как рудимент в законодательстве о банкротстве. Помимо этого, финансовое оздоровление и внешнее управление редко заканчиваются восстановлением платежеспособности должника.

Вторым вопросом, требующим внимания, представляется добросовестность арбитражного управляющего. Категория «добросовестности», относящаяся к деятельности данного участника дела о банкротстве, отражает качественные характеристики и оценку этой деятельности. Чтобы арбитражный управляющий, его деятельность, признавались добросовестными, он обязан предпринимать необходимые и достаточные меры для достижения целей, установленных правовым порядком в области банкротства (например, целей процедур, осуществляемых в конкретных условиях, целей правового надзорного отношения). Это означает, что действия арбитражного управляющего носят серьезный характер и не направлены на причинение вреда должнику, кредиторам или третьим лицам [9].

Противоправное поведение арбитражного управляющего может проявляться в следующих действиях (бездействии):

- необеспечение сохранности имущества должника;
- не возмещение арбитражным управляющим убытков, понесенных им в других делах о банкротстве;
- не предпринимает мер по проверке подозрительных сделок должника;
- заключает договоры с лицами, явно неспособными исполнять свои обязанности;
- нарушает прав кредиторов в период проведения собраний кредиторов или в период утраты контроля;
- при возможности не предпринял меры по привлечению лица, осуществляющего контроль,

к субсидиарной, когда такая возможность была;

- нарушение своих обязанностей по предоставлению отчетности.

На современном этапе развития системы несостоятельности критерии оценки деятельности арбитражных управляющих и разграничения добросовестного и недобросовестного исполнения их прав и обязанностей представляются проблемным аспектом [6, с. 7].

Отдельно следует уделить такому явлению, как неисполнение обязанностей арбитражным управляющим. Например, Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Омской области обратилось в Арбитражный суд и попросило привлечь к административной ответственности арбитражного управляющего В. в соответствии со ст. 14.13 КоАП РФ. Управляющий нарушил права кредиторов и иных субъектов дела о банкротстве, не уведомив своевременно арбитражный суд о результатах своей деятельности и итогах конкурсного производства. Кроме того, отчет имел неполную информацию и не имел всех необходимых документов. При рассмотрении дела судом, он учел, что В. имел возможность полностью соблюсти нормы действующего законодательства, однако в нарушение процедурных правил, установленных законодателем, выполнил не все возложенные на него задачи как на арбитражного управляющего. Следовательно, суд установил, что Управление верно пришло к выводу о наличии в действиях В. административного правонарушения является правильным [4].

В другом случае Управление Росреестра по Оренбургской области обратилось в арбитражный суд с заявлением для привлечения арбитражного управляющего Б. за административное правонарушение. В обоснование требований Управление указало, что Б. ненадлежащим образом исполняли свои обязанности, предусмотренные банкротным законодательством. В свою очередь, Б. не признал того, что им были ненадлежащим образом выполнены обязанности. Помимо этого, им было отмечено, что со стороны Управления были допущены существенные нарушения административного производства.

В ходе рассмотрения дела было выяснено, что Управление затребовало документы, которые не относились к возбужденному делу. Помимо этого, данные документы не могли служить основанием возбуждения дела и расследования. По этой причине суд указал, что решение о возбуждении административного дела и проведении административного расследования неправомерно, поскольку фактически со стороны Управления проведения расследования не было в отношении Б. Кроме того, орган принял решение, не основываясь на объективных фактах – им были перечислены лишь предположительные нарушения со стороны Б., а чем они доказывались (какими именно документами) представлено не было.

В то же время суд пришел к выводу, что тот факт, что заявителем делалась ссылка на предполагаемые нарушения, не подкрепленных никакими доказательствами, не может свидетельствовать о составе правонарушения со стороны Б. В удовлетворении Управления требований было отказано [5].

Таким образом, основным участником всех стадий процедуры банкротства является арбитражный управляющий, на которого возлагается непосредственное проведение процедуры банкротства должника и от деятельности которого зависит соблюдение законодательства о банкротстве и его эффективное применение.

В качестве одного из улучшений добросовестности арбитражных управляющих, следует предложить обеспечение высокого профессионального уровня, что, в частности, зависит от его образования. Поэтому необходимо изложить абз. 1 п. 2 ст. 20 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в следующей редакции: «наличие высшего юридического или экономического образования». Необходимость внесения таких изменений вызвана тем, что на сегодняшний день в ст. 20 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» указано только на необходимость наличия у арбитражного управляющего высшего образования, без указания на его профиль. Это считается упущением законодательства, исходя из специфики деятельности арбитражного управляющего, вынужденного решать, прежде всего, юридические и экономические вопросы в оздоровлении предприятия или проведении банкротства с учетом интересов размещения затрат кредиторов.

Третьей проблематикой является привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Основная цель института субсидиарной ответственности состоит в привлечении лица, руководящего должником или обладающего правом отдавать обязательные для исполнения должником указания, к экономико-правовой ответственности за доведение должника до банкротства и причинение имущественного вреда кредиторам должника в виде невозможности должником удовлетворения их требований.

При этом одна из проблем, стоящих перед судом и сторонами, заключается в том, что суд должен определить надлежащих ответчиков. Трудность определения обусловлена сложностью договорных конструкций, «скрывающей» деятельность лица и влияющей на поведение должника, а также гражданско-правовыми понятиями «добросовестность», «соразмерность» и «справедливость» [7].

Лицо обладает влиянием на решение должника в следующих случаях:

- является руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;
- имеет право распоряжаться более чем 50 процентами (большинством) голосующих акций должника на общем собрании акционеров юри-

дического лица, либо право назначать (избирать) руководителя должника;

- извлекало прибыль из незаконных или мошеннических действий лиц, уполномоченных законом действовать от имени должника, иных правовых актов или корпоративных документов.

Кроме того, возможность определять действия должника может достигаться:

1. семейные, имущественные или деловые отношения с должником (руководителем или членом органа управления должника);
2. действующего от имени должника на основании доверенности, нормативного акта или иного специального разрешения;
3. иным способом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органа управления должника, либо иным способом оказания воздействия на них [1].

При буквальном толковании нормы Закона можно сделать вывод, что под критерии контролирующего должника лица может подпасть практически любое лицо, которое входит в состав органов управления должника, либо получило полномочия на основании доверенности на совершение сделок от имени должника, либо если лицо имеет с должником степень родства, либо свойства и т.д.

ВС РФ в Пленуме указал, что, устанавливая статус контролирующего должника лица, привлекая его к субсидиарной ответственности, указывает на то, что в первую очередь важно учитывать степень вовлеченности такого лица в процесс управления должником, установить факт того, насколько значительным было влияние такого лица на должника, насколько существенные решения принимало такое лицо. Лицо не может быть признано контролирующим только по факту того, что оно состоит либо состояло в степени родства, либо свойства с членами органов управления должника, либо если лицо замещало должность главного бухгалтера, финансового директора, в том числе если лицо имело полномочия на совершение сделок от имени должника, в том числе в рамках обычной хозяйственной деятельности [2].

Стоит отметить, что если лицо осуществляло функции органа управления номинально, то суд вправе уменьшить размер ответственности, либо освободить от нее полностью. В указанном случае имеется в виду номинальный руководитель юридического лица. Понятие номинальный руководитель не закреплено в законодательстве РФ.

Предлагаем дополнить ст. 2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» абзацем следующего содержания: «Номинальный характер участия предполагает такой характер взаимоотношений между лицами, при котором существует фактический участник либо руководитель, не находящийся официально в данном статусе в едином государственном реестре юридических лиц, не зарегистрировавший права на долю в уставном капитале и реализующий свою волю на управление обществом через назначенное им номинальное лицо. О номинальности могут свидетельствовать такие крите-

рии, как недобросовестное поведение, введение в заблуждение иных лиц относительно истинных участников, реализующих свою волю на управление юридическим лицом через номинальных». Необходимость внесения таких изменений вызвана тем, что в действующем законодательстве отсутствует легальное определение понятия номинальный руководитель, а практика правоприменения неоднозначна в квалификации такого субъекта.

Таким образом, предложенные изменения поспособствуют тому, чтобы устранить проблемы добросовестности арбитражного управляющего и привлечения к субсидиарной ответственности номинального руководителя юридического лица, которые могут возникнуть в правоприменительной деятельности.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. от 24.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Проект Федерального закона (доработанный текст) «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (дата обращения: 15.11.2023).
4. Решение Арбитражного суда Омской области от 17.08.2022 по делу № А46–7159/2022 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
5. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 01.02.2021 по делу № А47–10965/2020 [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
6. Аблятипова, Н.А., Еремин, В.Ю. Проблематика принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) / Н.А. Аблятипова, В.Ю. Еремин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – С. 1–9.
7. Иваненко, Н.А. Проблемы установления судом круга надлежащих ответчиков по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при наличии квазикорпоративного договора [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
8. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности: Официальный сайт [Электронный ресурс] // <https://bankrot.fedresurs.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
9. Кравченко, А.А. К вопросу об обеспечении реализации принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. – Юстицинформ, 2020.
10. Маликов, А.Ф. Перспективы совершенствования правового регулирования процедуры финансового оздоровления // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 91–94.
11. Снедкова, А.А. Финансовое оздоровление: проблемы применения на практике // ЮУрГУ (НИУ). Челябинск, 2017 [Электронный ресурс] // <http://conf.omua.ru/content/fmansovoe-ozdorovlenie-problemy-primeneniya-na-praktike/> (дата обращения: 15.11.2023).

PROBLEMS OF BANKRUPTCY OF LEGAL ENTITIES

Rastorguev M.A.

Russian State University for the Humanities

The article deals with the problems of bankruptcy of legal entities existing in the current civil legislation. The relevance of the article is due to the fact that the bankruptcy procedure in the Russian Federation is a fairly dynamic institution. In addition, the legal institution of bankruptcy needs to be reformed. At the same time, this process should be based not only on the practice of its implementation, but also on theoretical studies of insolvency (bankruptcy).

The object of research in the article is the institute of bankruptcy of legal entities. The subject of the study is the scientific works of legal scholars, the norms of Russian legislation regulating the bankruptcy of legal entities. Acts of judicial practice were also the subject of research. The author comes to the conclusion that there are some legislative gaps in the Law “On Insolvency (Bankruptcy)”. In particular, the analysis of statistical data showed the uselessness of such procedures as financial recovery and external management, since they are rarely used in practice. Also, the law does not specify the profile of higher education for arbitration managers and the absence of determining the management rating when bringing a controlling person to subsidiary responsibility in bankruptcy proceedings, which is an omission on the part of the legislator.

Keywords: bankruptcy, insolvency, arbitration manager, legal entities, debtor, manager, subsidiary liability.

References

1. Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 (as amended on 04.08.2023) “On Insolvency (Bankruptcy)” (with amendments and additions. dated 24.04.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Article 4190.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017, No. 53 “On some issues related to bringing persons controlling the debtor to responsibility in bankruptcy” // Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.
3. Draft Federal Law (revised text) “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” [Electronic resource] // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (date of appeal: 15.11.2023).
4. Decision of the Arbitration Court of the Omsk region of 17.08.2022 in case no. А46–7159/2022 [Electronic resource] // <https://www.consultant.ru/> (accessed: 11/15/2023).

5. The decision of the Arbitration Court of the Orenburg region of 01.02.2021 in case no. A47–10965/2020[Electronic resource] // <https://www.consultant.ru> / (date of appeal: 11/15/2023).
6. Ablyatipova, N.A., Eremin, V. Yu. Problematics of the principle of good faith in the activities of an arbitration manager in the framework of an insolvency (bankruptcy) case / N.A. Ablyatipova, V. Yu. Eremin // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2019. – pp. 1–9.
7. Ivanenko, N.A. The problems of establishing by the court the circle of proper defendants in disputes on bringing to subsidiary liability of persons controlling the debtor in the presence of a quasi-corporate contract [Electronic resource] // <https://www.consultant.ru> / (date of application: 11/15/2023).
8. Unified Federal Register of Legally Significant Information on the facts of the Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and other subjects of economic activity: Official website [Electronic resource] // <https://bankrot.fedresurs.ru> / (accessed: 15.11.2023).
9. Kravchenko, A.A. On the issue of ensuring the implementation of the principle of good faith in the activities of an arbitration manager // Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monograph / ed. S.A. Karelin, I.V. Frolov. – Justinform, 2020.
10. Malikov, A.F. Prospects for improving the legal regulation of the financial recovery procedure // Gaps in Russian legislation. Law Journal. – 2016. – No. 2. – pp.91–94.
11. Snedkova, A.A. Financial recovery: problems of application in practice // SUSU (NRU). Chelyabinsk, 2017 [Electronic resource] // <http://conf.omua.ru/content/fmansovoe-ozdorovlenie-problemy-primeneniya-na-praktike> / (accessed: 11/15/2023).

Особенности привлечения к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренной ст. 12.7 КоАП РФ

Иккерт Андрей Викторович,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: a9080188772@yandex.ru

В статье представлены соображения по поводу модернизации законодательного массива, регулирующего привлечение к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренной ст. 12.7 КоАП РФ. Идентифицированы ключевые аспекты привлечения к административной ответственности за управление транспортным средством без права управления. Обозначена роль либерализации и дифференциации административных наказаний. Представлена попытка дифференциации административных правонарушений, представленных в Ст. 12.7. Обозначены проблемы, возникающие в связи с популяризацией каршеринга. Сделан вывод о необходимости расширения законодательной классификации правонарушителей согласно Ст. 12.7 КоАП РФ.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, водительское удостоверение, индивидуализация наказаний, транспортное средство.

Ежегодно количество дорожно-транспортных происшествий растет, и законодатель, в попытках разрешения этой проблемы, последовательно ужесточает меру ответственности за совершенные правонарушения и преступления в области дорожного движения и смежных видов деятельности. Ключевой причиной происшествий на дорогах является несоблюдение правил дорожного движения: пользование мобильными телефонами при управлении транспортным средством, выезд на встречную полосу, управление транспортным средством в состоянии опьянения, несоблюдение правил маневрирования, управление транспортными средствами лицами без соответствующих прав.

Для того, чтобы управлять транспортом, человек должен иметь водительские права. Для этого требуется: (1) пройти и завершить обучение в лицензированной автошколе; (2) пройти медицинскую комиссию; (3) сдать теоретический и практический экзамен в подразделениях Госавтоинспекции; (4) оплатить соответствующие госпошлины. Кроме того, законодатель подробно регулирует процедуры смены национального или международного водительского удостоверения при окончании срока его действия. Для перевыпуска водительского удостоверения каждые 10 лет граждан РФ должен оплатить в соответствующем объеме государственную пошлину, повторно пройти медицинскую комиссию, обновить фотографию для размещения в базе и на удостоверении [9, с. 183].

Особый научно-теоретический и прикладной интерес вызывают проблемные аспекты, связанные с управлением транспортным средством водителем, не имеющим либо лишенным права управления. Такие водители, как показывает статистика, часто представляют собой угрозу для безопасности дорожного движения [2, с. 51]. Ключевые аспекты привлечения к административной ответственности за управление транспортным средством без права управления изложены в Ст. 12.7 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Представим ключевые положения данной статьи (Таблица 1):

Рассмотрим основные проблемные аспекты законодательного регулирования и некоторые частные случаи привлечения к административной ответственности лиц, не имеющих прав.

Крайне важной проблемой российского законодательства в рассматриваемой нами предметной области является отсутствие индивидуализации наказания. В частности, законодатель не делает различия между различными категориями лиц, управляющих транспортом без прав. Так, лицо мо-

жет априори не иметь водительского удостоверения – ни на момент правонарушения, ни в прошлом. Кроме того, лицо может иметь удостоверение, срок действия которого истек, либо иметь удостоверение, не соответствующее типу транспортного средства, управление которым он осуществляет на момент совершения правонарушения. Кроме того, следует отметить, что в тексте Федерального закона «О безопасности дорожного движения» законодатель представляет обстоятельства, наступление которых обозначает прекращение действия водительского удостоверения: (1) лицо по решению суда лишается права управления; (2) транспортным средством управляет лицо с медицинскими ограничениями, но не имеющее документов, подтверждающих его право управления при наличии особых медицинских кондиций; (3) срок действия водительского удостоверения истек.

Таблица 1. Ключевые аспекты привлечения к административной ответственности за управление транспортным средством без права управления согласно Ст. 12.7 КоАП РФ

Правонарушение	Мера ответственности
Управление транспортным средством без права управления (за исключением учебной езды)	Административный штраф 5000–15000 руб.
Управление транспортным средством водителем, лишенным права управления.	Административный штраф 30000 руб./ административный арест до пятнадцати суток/ обязательные работы от 100 до 200 часов.
Передача управления транспортным средством лицу, заведомо не имеющему права управления (за исключением учебной езды) или лишенному права управления.	Административный штраф 30000 руб.
Повторное совершение одного из вышеописанных административных правонарушений, если данное действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния.	Административный штраф 50000–100000 руб. / обязательные работы от 150 до 200 часов.

Источник – [5]

Практика применения и рассмотрения органами исполнительной власти и судами дел по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, касающихся привлечения к административной ответственности лиц, не имеющих права управления, свидетельствует об отсутствии различий между всеми описанными выше и многими другими категориями лиц. Законодатель не учитывает градации тяжести правонарушений и не предусматривает различные санкции для разных категорий «бесправников». К примеру, очевидно, что существует большая разница (с позиции водительских навыков, сознательности, психологической установки на управление транспортом) между лицами, которые в принципе не имеют навыков управления, и лицами, завершившими обучение в автошколе, сдавшими экзамен в Госавтоинспекции, имеющими многолетний стаж вождения, но, к примеру, не выполнившими

требования о перевыпуске своего удостоверения в срок.

Многие специалисты-правоведы говорят о том, что привлечение всех категорий лиц к административной ответственности на равных основаниях нельзя считать эффективным правовым рычагом, а соответствующую статью Кодекса следует существенно расширить и детализировать. Исследователи предлагают уточнить понятие лиц, которые осуществляют управление транспортом без водительского удостоверения и ввести новые категории субъектов юридической ответственности (лицо, не имевшее прав и навыков вождения; лицо, обладающее водительским удостоверением с истекшим сроком действия; лицо, управляющее транспортным средством на основании удостоверения, не соответствующего его медицинскому состоянию и проч. [10, с. 32]. Для каждой из подобных категорий лиц требуется разграничить меры административной ответственности.

Индивидуализация наказаний, наряду с законностью и справедливостью, выступает ключевой тенденцией всех современных правовых систем. Административные санкции должны накладываться пропорционально, справедливо и соразмерно – в основном благодаря широкой шкале санкций, которой пока в российском законодательстве не имеется [8, с. 101].

Особенно несправедливым представляется наложение административной санкции на лиц, срок действия прав которых истек. Для того, чтобы либерализовать законодательный массив изучаемого нами сегмента, в 2018 г. было предложено внести поправки в процедуру перевыпуска водительских удостоверений. Так, к примеру, дискуссии затронули возможность продления удостоверений автоматически – при условии отсутствия непогашенных задолженностей у водителя, либо при отсутствии некоего критического порога числа административных правонарушений в области дорожного движения.

Одним из способов смягчить санкционные меры, представленные в Ст. 17.2 КоАП, и разделить лиц, не имеющих прав, на отдельные категории, стало выделение в отдельную группу лиц с истекшими удостоверениями. Выказывались точки зрения о заблаговременном информировании владельцев удостоверения о скором окончании срока действия документа.

В рамках одной из законодательных инициатив было предложено выдавать бессрочные водительские удостоверения. Оба предложения тесно взаимосвязаны: если удостоверение продлевается автоматически, значит, оно выпущено практически как бессрочное.

Обе инициативы не были поддержаны; среди ключевых аргументов отказа можно назвать следующие: (1) необходимость комплексных изменений всей системы выпуска водительских удостоверений и соответствующего сегмента законодательства, подзаконных актов, регламентов, должностных инструкций; (2) бессрочные или автоматиче-

ски продлеваемые права игнорируют проблему наличия медицинских противопоказаний по допуску к управлению транспортом, которые могут возникнуть у водителя с течением времени. Либерализовать законодательство можно также посредством внесения изменений в текст Постановления Правительства № 1097 и предоставления возможности замены удостоверения в течение 10 дней по окончании срока его действия без привлечения санкций, перечисленных в Ст. 12.7 КоАП РФ. Безусловно, чтобы обновить медицинскую справку, сделать фотографию и направиться в органы, отвечающие за выдачу удостоверений, лицо столкнется с необходимостью воспользоваться транспортным средством, и 10-дневная отсрочка даст ему эту возможность.

Исходя из соображений индивидуализации наказаний, описанных в Ст. 12.7 КоАП, некоторые исследователи говорят о необходимости адаптации зарубежного опыта и установления дифференцированного размера штрафа пропорционально задекларированному доходу физического лица.

Данная позиция, безусловно, основывается на стремлении «облегчить» санкционный спектр Ст. 12.7 (как отмечено в Таблице 1, некоторые правонарушения влекут за собой наложение штрафов в объемах 30 000, 50 000, 100 000 руб.). Тем не менее, внедрение подобного подхода в ближайшей перспективе представляется затруднительным. Барьером для подобной законодательной реформы выступает специфика социально-экономических реалий нашей страны, сказывающихся на менталитете и сознании российских граждан. Речь идет о том, что многие граждане, имеющие высоким уровнем материального обеспечения, отражают в налоговой декларации лишь часть доходов, либо их официальный доход достаточно низок – и далеко не всегда это может значить «теневизацию» предпринимательской деятельности. Так, правонарушитель может являться членом семьи обеспеченного лица, состоять у него иждивении, кроме того, уровень его доходов на момент правонарушения может резко измениться. В таком случае при минимальном или нулевом задекларированном доходе размер административного штрафа не будет отражать реальные финансовые возможности правонарушителя.

Можно также отметить, что финансово обеспеченные лица могут не управлять транспортным средством самостоятельно, а нанимать личного водителя – в таком случае правонарушителем будет именно водитель, и штраф будет взиматься на основании калькуляции его оклада. Действительно, юридически нарушителем будет именно водитель, но в реальной практике нарушения Правил дорожного движения, в т.ч. описанные в Ст. 12.7, зачастую осуществляются водителем по указанию работодателя.

В современных публикациях можно также встретить мнение о том, что «привязывать» размер штрафа следует не к объему официально задекларированного дохода, а к стоимости транспортного

средства – ведь в большинстве случаев этот показатель объективно отражает реальные финансовые возможности правонарушителя.

Высказывается и точка зрения об установлении объема штрафа согласно Ст. 12.7 в зависимости от количества совершенных лицом административных правонарушений за определенный промежуток времени. Российский законодатель может пойти по пути формирования системы последовательного ужесточения ответственности в зависимости от частоты совершаемых административных правонарушений. На данный момент Ст. 12.7 предлагает два «режима» совершения правонарушения – первичное и повторное (с соответствующим ужесточением санкций – см. Таблицу 1).

В измененной редакции КоАП можно дифференцировать правонарушителей по точному числу совершенных правонарушений. Данная мера, в свою очередь, потребует введения следующих категорий (Таблица 2):

Таблица 2. Возможная дифференциация административных правонарушений, представленных в Ст. 12.7

Первичное совершение административного правонарушения	Совершение административного правонарушения в первый раз.
Повторное совершение административного правонарушения	Совершение административного правонарушения во второй раз.
Неоднократное совершение административного правонарушения	Совершение аналогичного административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в третий раз.
Систематическое совершение административного правонарушения	Совершение аналогичного административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в четвертый и пятый раз.
Злостное совершение административного правонарушения	Совершение аналогичного административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в шестой и более раз.

Источник – [8, с. 102]

Можно также предположить, наряду с либерализацией наказания на первичное или повторное правонарушение, ужесточение наказаний за правонарушения, изложенные в Ст. 12.7, в ситуации систематических или злостных нарушений. Рассматривается возможность применения практики конфискации транспортного средства как наказания, назначаемого в случаях систематического и злостного совершения административных правонарушений [8, с. 102].

Как отмечено выше, в ряде случаев возникают проблемы диффузии ответственности за административные правонарушения, перечисленные в Ст. 12.7, между собственником транспорта и его водителем. Особенно остро эта проблема стоит в условиях популяризации каршеринга. Рост пар-

ка каршеринговых автомобилей актуализирует потребность изучения проблем ответственности юридических лиц по допуску к управлению автомобилем лиц, не имеющих право на управление транспортными средствами.

Компании, занятые оказанием услуг в сфере каршеринга, пытаются обезопасить себя и принимают меры по недопущению к управлению лиц, не имеющих права управления – уже на уровне договора. В противном случае к ним могут быть применены санкции согласно ч. 2 Ст. 12.7 («Управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами») и ч. 3. Ст. 12.7 («Передача управления транспортным средством лицу, заведомо не имеющему права управления транспортным средством или лишенному такого права»). Следует отметить, что в ситуациях рассмотрения случаев передачи управления транспортными средствами лицам, не имеющих право управления, к административной ответственности привлекаются собственники транспортных средств [1].

Предлагается привлекать к административной ответственности лиц, пользующихся услугами каршеринга. Основанием для этого может быть следующее: каршеринг представляет собой аренду, а любой договор аренды предоставляет лицу право собственности. Соответственно, нести ответственность за управление без должного удостоверения должен нести именно арендатор. Безусловно, в законодательстве следует зафиксировать саму категорию «каршеринг» и детализировать основные аспекты, сопряженные с санкциями по Ст. 12.7 и другим статьям КоАП РФ.

В заключение нужно отметить: перечень проблем, касающихся вопросов привлечения к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренной ст. 12.7 КОАП РФ, не исчерпывается вышеизложенными. Интерес вызывают, к примеру, находящаяся на периферии внимания законодателя новая группа потенциальных субъектов административных правонарушений – лица, использующие электросамокаты, гироскутеры, моноколеса [3, с. 70]; [7, с. 58]. Требуют дальнейшей регламентации вопросы, связанные с применением поддельных удостоверений [4, с. 445]. Можно также сказать, что по мере развития беспилотных транспортных средств или транспорта с частичным «автопилотом» законодатель, безусловно, будет вынужден еще раз корректировать нормативные положения Ст. 12.7 КоАП.

Литература

1. Былинин, И. А. К вопросу административно-правового регулирования каршеринга и применения федерального государственного надзора в области обеспечения безопасности дорожного движения к его участникам / И. А. Былинин // *Вестник Административного права и практики администрирования*. – 2020. – № 3. – С. 17–27.

2. Будникова, А. Б. О некоторых актуальных проблемах, возникающих при квалификации правонарушений, ответственность за которые предусмотрена частями. 1, 2 статьи 12.7 КОАП РФ / А.Б. Будникова, С.И. Шелехов // *Научный компонент*. – 2020. – № 1 (5). – С. 50–55.
3. Вислогубова, О.И. Ответственность новых категорий участников дорожного движения / О.И. Вислогубова // *Вестник КРУ МВД России*. – 2022. – № 1 (55). – С. 68–71.
4. Дерюгин, Р.А. Некоторые особенности расследования преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных водительских удостоверений посредством сети Интернет / Р.А. Дерюгин, В.Ю. Иванов // *Вопросы российской юстиции*. – 2020. – № 5. – С. 441–447.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Дата доступа: 04.12.2023.
6. Мажинский, Р.А. Угнал или покатался: проблемы квалификации деяний, содержащих признаки угона несовершеннолетними транспортных средств / Р.А. Мажинский // *Право и государство: теория и практика*. – 2021. – № 1 (193). – С. 118–121.
7. Сергунова, А.С. Особенности квалификации управления транспортным средством водителем, лишенным права управления / А.С. Сергунова // *Вестник экономики, управления и права*. – 2022. – № 2 (59). – С. 53–60.
8. Смоляков, А.И. Проблемные вопросы индивидуализации наказания за совершение административных правонарушений в области безопасности дорожного движения / А.И. Смоляков // *Научный портал МВД России*. – 2020. – № 1 (49). – С. 99–103.
9. Федорова, Т.А. Некоторые вопросы привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.7 КОАП РФ / Т.А. Федорова // *Право и государство: теория и практика*. – 2020. – № 9 (189). – С. 183–185.
10. Якимов, А.Ю. Отсутствие права на управление транспортными средствами как квалифицирующий признак составов административных правонарушений и уголовных преступлений в области дорожного движения / А.Ю. Якимов // *Журнал «Безопасность дорожного движения»*. – 2022. – № 3. – С. 29–34.

FEATURES OF ATTRACTION TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE COMMISSION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES, PROVIDED BY ART. 12.7 CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ikkert A.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article presents considerations regarding the modernization of the legislative body regulating administrative responsibility for committing administrative offenses, provided for in Art. 12.7 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The key aspects

of administrative responsibility for driving a vehicle without a driving license have been identified. The role of liberalization and differentiation of administrative penalties is outlined. An attempt is presented to differentiate administrative offenses presented in Art. 12.7. The problems arising in connection with the popularization of carsharing are identified. It is concluded that it is necessary to expand the legislative classification of offenders in accordance with Art. 12.7 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: administrative offense, administrative liability, driving license, vehicle, individualization of punishments.

References

1. Bylinin, I.A. On the issue of administrative and legal regulation of carsharing and the application of federal state supervision in the field of ensuring road safety to its participants / I. A. Bylinin // NB: Administrative law and administration practice. – 2020. – No. 3. – pp. 17–27.
2. Budnikova, A.B. About some current problems that arise when qualifying offenses, liability for which is provided for in parts. 1, 2 articles 12.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation / A.B. Budnikova, S.I. Shelekhov // Scientific component. – 2020. – No. 1 (5). – P. 50–55.
3. Vislogubova, O.I. Responsibility of new categories of road users / O.I. Vislogubova // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1 (55). – pp. 68–71.
4. Deryugin, R.A. Some features of the investigation of crimes related to the production and sale of counterfeit driver's licenses via the Internet / R.A. Deryugin, V. Yu. Ivanov // Questions of Russian Justice. – 2020. – No. 5. – pp. 441–447.
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on October 19, 2023) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Access date: 12/04/2023.
6. Mazhinsky, R.A. Stole or went for a ride: problems of qualification of acts containing signs of theft of vehicles by minors / R.A. Mazhinsky // Law and State: Theory and Practice. – 2021. – No. 1 (193). – pp. 118–121.
7. Sergunova, A.S. Features of qualification of driving a vehicle by a driver deprived of the right to drive / A.S. Sergunova // Bulletin of Economics, Management and Law. – 2022. – No. 2 (59). – P. 53–60.
8. Smolyakov, A.I. Problematic issues of individualization of punishment for committing administrative offenses in the field of road safety / A.I. Smolyakov // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 1 (49). – pp. 99–103.
9. Fedorova, T.A. Some issues of bringing to administrative responsibility under Part 1 of Art. 12.7 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation / T.A. Fedorova // Law and state: theory and practice. – 2020. – No. 9 (189). – pp. 183–185.
10. Yakimov, A. Yu. Lack of the right to drive vehicles as a qualifying sign of administrative offenses and criminal offenses in the field of road traffic / A. Yu. Yakimov // Journal "Road Safety". – 2022. – No. 3. – pp. 29–34.

О некоторых актуальных аспектах судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях

Шевченко Орест Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционного и муниципального права», Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: oas2310@mail.ru

Ильин Игорь Вячеславович,

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России
E-mail: igor_ilyin@mail.ru

В статье анализируются пробелы правового регулирования процессуальных аспектов судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях. Давно назревшая проблема совершенствования института административной ответственности путем приведения в соответствие процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях и жалоб на постановления юрисдикционных органов до сих пор не в полной мере отражает потребности и не соответствует принципу привлечения к административной ответственности или освобождения от нее.

В представленной работе вместе с анализом существующей практики обозначается проблема действенности рассматриваемых мер, регламентирующих административную ответственность в целях обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением.

Авторами изучены мнения многих ученых, а также предложены пути совершенствования законодательства об административных правонарушениях в указанной области в правоприменительных целях.

Ключевые слова: подготовка дела к судебному разбирательству, судебное рассмотрение дела об административном правонарушении, жалоба на постановление по делу об административном правонарушении, процессуальный срок.

В настоящий момент в повестке законодательного регулирования стоит дискуссионный вопрос совершенствования института административной ответственности посредством внесения изменений в процедуру рассмотрения дел об административных правонарушениях и жалоб на постановления юрисдикционных органов, принципов привлечения к административной ответственности или освобождения от нее. Несмотря на особый запрос со стороны правоприменения отсутствуют легальные определения таких терминов как «судебное рассмотрение дел об административных правонарушениях» или «судебное разбирательство», что создает сложности в единообразии судебной практики в применении института административной ответственности.

При этом целью рассматриваемого механизма административно-правового регулирования является укрепление судебного контроля за действиями органов административной юрисдикции в соответствии с требованиями статей 10, 118 Конституции Российской Федерации, согласно которым судебные органы могут разрешать дела только посредством судопроизводства, а не в каких-либо иных процедурных формах.

Вызывает интерес позиция М.К. Керимова, который судебное рассмотрение дела об административном правонарушении обозначает как «особую стадию административно-деликтного производства, на которой уполномоченные судьи в ходе объективного и всестороннего анализа (исследования) обстоятельств дела дают официальное заключение о виновности лица и назначении наказания либо о прекращении производства по делу» [1].

Вместе с тем, по нашему мнению, процессуальный порядок рассмотрения дела об административном правонарушении и жалобы на постановление по делу об административном правонарушении может иметь существенные процессуальные различия, основанные на разных действиях, этапах и стадиях (например, отличия – при подготовке дела к рассмотрению дела и подготовке к рассмотрению жалобы на постановление или в особенностях значимости имеющихся процессуальных сроков).

Соответственно, предлагается включить в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях отдельные главы «Судебное рассмотрение дела об административном правонарушении» и «Судебное рассмотрение жалобы на постановление по делу об административном правонарушении».

Учитывая, что мнения среди ведущих ученых в теории административного права о количестве стадий и этапов в административном производстве различны, выше предложенные процессуальные варианты судебного разбирательства могут изменить подход к определению действий и этапов на стадиях рассмотрения дела об административном правонарушении и пересмотра вынесенного постановления и (или) решения.

Например, некоторые административисты считают, что подготовка дела об административном правонарушении к судебному рассмотрению представляет собой первую стадию рассмотрения дела об административных правонарушениях. Она является обязательной по всем категориям дел, относящихся к судебной подведомственности. Правильные действия судьи на этой стадии процесса необходимы для выполнения задач производства по делам об административных правонарушениях [2].

С нашей же точки зрения, представляется возможным выделить подготовку дела к судебному разбирательству в отдельный этап стадии судебного рассмотрения дела об административном правонарушении, которая законодательно бы включила в себя факультативную возможность предварительного судебного заседания.

В данном случае «предварительное слушание» может позволить судам разрешать ходатайства, возвращать протокол об административном правонарушении (постановления о возбуждении дела об административном правонарушении) в орган, должностному лицу, которые составили протокол (постановление) после различных процессуальных действий, направленных на всестороннее рассмотрение дела, или наоборот, устранять недостатки протокола об административном правонарушении до его возвращения должностному лицу, его составившему, а также прекращать производство по делу об административном правонарушении при наличии существенного основания (например – истечение сроков давности привлечения к административной ответственности и т.д.).

В настоящее же время, исходя из правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 N 2131-О [3], абзаце 5 пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [4], возможность возвращения протокола об административном правонарушении (постановления о возбуждении дела об административном правонарушении) в орган, должностному лицу, на стадии рассмотрения дела исключается.

При этом необходимо заметить, что сроки рассмотрения дел об административных правонарушениях являются необходимым условием в формуле необходимости и достаточности соблюдения законности в процессе вынесения итогового решения по конкретному делу.

Актуальность рассматриваемого вопроса усиливается потенциальной возможностью участниками процесса затягивать рассмотрение производства по делу, посредством получения больничных листов, заявления различных ходатайств (вызов понятых, свидетелей, экспертов и т.д.), что ведет к увеличению сроков производства по делам об административных правонарушениях. При этом установленные ограничения сроков производства по делу имеет также и цель возможного освобождения от административной ответственности лицами, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении.

Такого же мнения придерживается А.С. Дугенец, который в качестве давностных сроков понимает «временные отрезки, с истечением которых теряется возможность назначения административного наказания» [5].

К сожалению, действующее законодательство предусматривает единственное основание приостановления течения срока давности привлечения к административной ответственности – удовлетворение ходатайства лица о рассмотрении дела по месту его жительства (ч. 5 ст. 4.5 КоАП РФ).

При этом, временные издержки, связанные с передачей дела об административном правонарушении по месту жительства, не идут ни в какое сравнение со сроками проведения экспертизы, которые не являются основанием для приостановления сроков производства по делу и представляют собой значительные временные затраты, что при действующем правовом регулировании действительно может повлечь освобождение лица от административной ответственности в связи с истечением сроков давности (применительно к случаям небольших пределов указанных сроков – 3 месяца).

При таких обстоятельствах, на наш взгляд, необходимо пересмотреть круг описываемых оснований в пользу его увеличения. Для этого необходимо закрепить иные возможности приостановления срока рассмотрения дела об административном правонарушении, а также приостановления срока давности привлечения к административной ответственности на стадиях рассмотрения дела об административном правонарушении и пересмотра вынесенного постановления и (или) решения.

Переходя к организационно-правовым аспектам рассмотрения дел об административных правонарушениях, обращает на себя внимание тот факт, что именно аппарат суда обеспечивает непрерывную и бесперебойную деятельность судей по отправлению правосудия, что обуславливает потенциал государственных гражданских служащих участвовать в осуществлении судопроизводства. При этом круг обязанностей судебного аппарата помимо обеспечительных и организационных компетенций включает и уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные функции. В административном судопроизводстве предусмотрен процессуальный статус секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников данных видов судопроизводства. [6].

К сожалению, действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не закрепляет определения понятия помощник судьи, секретаря судебного заседания, а также не устанавливает их правового положения.

Литература

1. Керимов М.К. Социальная сущность и юридическая природа судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях // Образование. Наука. Научные кадры. 2008. № 1. С. 29–31.
2. Порываев С.А. Подготовка дел об административных правонарушениях к судебному рассмотрению // Российское правосудие. 2014. № 4 (96). С. 48–68.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 N 2131-О «По запросу Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 29.4 и части 2 статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Российская газета», N 80, 19.04.2005.
5. Дугенец А.С. Правовые проблемы процессуальных сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 1. С. 10–16.
6. Глушков В.В. К вопросу о статусе помощника судьи и секретаря судебного заседания районных судов // Вестник Костромского государственного университета. – С. 174.

ABOUT SOME RELEVANT ASPECTS OF JUDICIAL REVIEW OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Shevchenko O.A., Ilyin I.V.

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the gaps in the legal regulation of procedural aspects of judicial review of cases of administrative offenses. The long-overdue problem of improving the institution of administrative responsibility by bringing into line the procedure for considering cases of administrative offenses and complaints against decisions of jurisdictional bodies still does not fully reflect the needs and does not correspond to the principle of bringing to administrative responsibility or exemption from it.

In the presented work, together with an analysis of existing practice, the problem of the effectiveness of the measures under consideration regulating administrative responsibility in order to ensure legality in the application of administrative coercion measures in connection with an administrative offense is identified.

In the presented work, together with an analysis of existing practice, the problem of the effectiveness of the measures under consideration regulating administrative responsibility in order to ensure legality in the application of administrative coercion measures in connection with an administrative offense is identified.

Keywords: preparation of the case for trial, judicial review of the case of an administrative offense, complaint against the decision in the case of an administrative offense, procedural term.

References

1. Kerimov M.K. Social essence and legal nature of judicial review of cases of administrative offenses // Education. Science. Scientific personnel. 2008. No. 1. pp. 29–31.
2. Poryvaev S.A. Preparation of cases of administrative offenses for judicial review // Russian justice. 2014. No. 4 (96). pp. 48–68.
3. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.10.2021 N 2131-O "At the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug on checking the constitutionality of paragraph 4 of Part 1 of Article 29.4 and part 2 of Article 29.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2005 N 5 "On some issues arising in courts when applying the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" // "Rossiyskaya Gazeta", N 80, 04/19/2005.
5. Dugenev A.S. Legal problems of procedural terms of consideration of cases of administrative offenses // Arbitration and civil procedure. 2002. No. 1. pp. 10–16.
6. Glushkov V.V. On the question of the status of an assistant judge and secretary of a court session of district courts // Bulletin of Kostroma State University. – P. 174.

Регулирование применения финансовых технологий при формировании цифровой экосистемы кредитной организации

Туманова Анна Евгеньевна,

аспирант, Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: tumanova_ann@mail.ru

Одним из главных трендов, связанных с цифровой трансформацией финансовой отрасли, является активное формирование кредитными организациями цифровых экосистем. Построение таких экосистем подразумевает под собой внедрение кредитными организациями в свою деятельность финансовых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные, облачные вычисления и др. Статья посвящена исследованию особенностей регулирования применения финансовых технологий при формировании цифровых экосистем кредитных организаций. На основании формально-юридического анализа российского законодательства в сфере создания цифровых инноваций, документов программного характера, научных исследований, автором разработаны меры для обеспечения безопасного использования финансовых технологий при создании цифровых экосистем кредитных организациях, а также предложены дальнейшие направления регулирования применения финансовых технологий при формировании цифровых экосистем кредитных организаций.

Ключевые слова: финансовые технологии, финтех, цифровые технологии, правовое регулирование, цифровая экосистема, финансовая сфера, цифровизация.

Финансовая сфера является одной из ведущей по внедрению и применению финансовых технологий (финтех). Ряд ученых отмечают, что активную цифровизацию финансовой отрасли следует рассматривать как финтех-революцию [10]. Тем не менее, другие исследователи считают, что финансовые технологии лишь дополняют отрасль и интегрируются в бизнес-модели компаний, что способствует повышению их эффективности [12].

Финтех можно определить как предоставление финансовых услуг и сервисов с использованием передовых технологий, таких как большие данные (Big Data), искусственный интеллект, блокчейн, облачные вычисления и др. [16].

Примерами успешного внедрения финансовых технологий в банковской сфере являются цифровые банковские сервисы, краудфандинг и краудинвестинг, автоматизированные консультации, электронные денежные средства, услуги электронных платежей, а также финансовые операции, связанные с криптовалютами и прочими современными финансовыми инструментами [2].

Необходимые предпосылки для развития финансовых технологий на отечественном рынке охватывают несколько ключевых аспектов. Во-первых, низкая маржинальность услуг, предоставляемых банками, стимулирует поиск новых путей для повышения доходности. В результате происходит трансформация финансовых бизнес-моделей и вовлечение нефинансовых организаций на финансовый рынок. Кроме того, партнерство между банками и технологическими компаниями активно способствует совместной разработке и внедрению инновационных решений. Неотъемлемым элементом является также участие государства в развитии цифровых технологий на финансовом рынке.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование в области финтеха характеризуется такими нормативно-правовыми актами как: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Развитие финансовых технологий в Российской Федерации неразрывно связано с государственной стратегией по формированию и развитию цифровой экономики, реализуемой через целевую программу «Цифровая экономика Российской Федерации». Данная программа нацелена на создание условий для стимулирования конкуренции на финансовом рынке, а также на повышение доступности, качества и разнообразия финансовых услуг. Еще одной важной целью является снижение рисков и издержек в финансовой сфере, а также обеспечение безопасности и устойчивости применения финансовых технологий.

Одним из направлений взаимодействия финтех-а и кредитных организаций является формирование кредитными организациями цифровых экосистем [3].

Цифровые экосистемы охватывают различные области экономической деятельности и способны, благодаря новейшим технологиям, создавать новые ценности (товары и услуги) для потребителей. В отличие от Соединенных Штатов и Китая, где экосистемы строятся на основе крупных технологических компаний, которые включают финансовые услуги в неотъемлемую часть клиентского опыта [1], в России экосистемы преимущественно формируются вокруг крупных коммерческих банков [4]. Сбербанк, ВТБ и Тинькофф в настоящее время разрабатывают свои собственные экосистемы, внедряя разнообразные небанковские сервисы на своих платформах [5].

Кредитные организации играют активную роль в формировании экосистем, объединяя ресурсы различных сфер деятельности: цифровые платформы, клиентские данные, интерфейсы, программное и аппаратное обеспечение, а также методы авторизации пользователей.

В настоящее время в научном и экспертном сообществе отсутствует единое понимание сущности цифровой экосистемы, формируемой кредитной организацией. Выделяют несколько подходов к определению понятия цифровая экосистема, рассматривая данное явление с разных точек зрения как: клиентоцентричную бизнес-модель [11]; совокупность сервисов и платформенных решений [20]; объединение юридических лиц в рамках партнерства [14]; объединение юридических лиц как разновидность банковской группы [13]; многостороннюю цифровую платформу или совокупность платформ [19].

Исходя из приложенных в литературе подходов к определению цифровой экосистемы, можно выделить следующие ключевые признаки цифровой экосистемы: наличие среди сервисов цифровой платформы; присутствие более чем на двух рынках (отраслях); взаимосвязанность и интегрированность сервисов; высокая роль данных о клиентах и способов их обработки; система лояльности.

Для целей настоящей статьи представляется возможным определить цифровую экосистему кредитной организации как инновационную бизнес-модель, построенную на базе единой цифровой

платформы и предлагающую сервисы финансового и нефинансового характера с целью удовлетворения разнообразных потребностей пользователей.

В июне 2021 года Банк России выпустил доклад [17], посвященный особенностям развития экосистем с участием кредитных организаций, в котором обозначил основные риски для кредитных организаций, формирующих экосистемы, а также для их кредиторов и вкладчиков, и предложил подходы к регулированию указанных рисков.

Цифровые экосистемы обладают огромными преимуществами, однако они также несут значительные риски и вызовы. Один из таких рисков заключается в увеличении доли иммобилизованных активов, которые не имеют требования по возвратности, и ограниченно ликвидных активов. Еще одним вызовом является обработка, хранение и ограничение доступа к персональным данным клиентов, а также контроль за их использованием. Также существует риск формирования монопольного положения экосистемы и дискриминации поставщиков, которым не разрешен доступ к единой платформе кредитной организации [3]. Более того, выход кредитных организаций, которые создают экосистемы, в другие отрасли экономики, повышает риски для кредиторов, вкладчиков и финансовой стабильности в целом [4].

Возможность банков инвестировать в иммобилизованные активы может привести к кросс-секторальному риску для кредитных организаций, поскольку они могут вкладывать свои средства в нефинансовые компании, которые не обязаны возвращать вкладчикам кредитных организаций их денежные средства. Такие активы замораживают капитал кредитных организаций, и если такие активы не имеют достаточной капитализации, возникает угроза обесценивания их стоимости, что может повлечь за собой угрозу финансовой устойчивости как для кредитных организаций, так и для их кредиторов и вкладчиков [5].

С целью сокращения указанных рисков, Банк России предложил осуществить внедрение риск-ориентированного лимита в процентном соотношении от общей капитализации для иммобилизованных активов. Такой вид регулирования способствует стимулированию банков внедрять инновации и разрабатывать новые услуги, предусматривая полное обеспечение этих активов через внутренние ресурсы акционеров. Более того, данный подход будет способствовать продаже иммобилизованных активов, освобождая риск-ориентированный лимит, связанный с покрытием капитала [4].

Позднее в августе 2021 года Банк России опубликовал доклад [18], где проанализировал риски совмещения видов деятельности, в том числе возникающих при создании экосистем, механизмы контроля и принципы регулирования таких рисков, а также предложил приоритетные направления регулирования совмещенных видов деятельности, включая платежные услуги, нефинансовые операции, доверительное управление, инвестиционное

консультирование, пенсионные и страховые услуги, а также решения в сфере финансовых технологий.

С учетом расширения цифровых экосистем кредитными организациями, регулирующие органы сталкиваются с задачей обеспечения стабильности финансового рынка в рамках нового экосистемного подхода, который позволяет объединить различные виды финансовой и нефинансовой деятельности на основе единой цифровой платформы.

При внедрении финтеха в банковскую сферу, несмотря на очевидные преимущества, такие как сокращение времени совершения финансовых операций, повышение надежности сделок и увеличение скорости транзакций, возникают определенные риски, которые требуют формирования новых подходов к регулированию и созданию новых регулятивных инструментов [3].

Научные исследования Н.А. Поветкиной и Ю.В. Ледневой указывают на то, что нерегулируемое развитие финтеха может представлять серьезную угрозу для финансовых систем не только отдельных государств, но и для международного сообщества в целом из-за использования сети «Интернет» в предоставлении финтех- и регтех-услуг [15].

Другие ученые признают, что появление цифровых финансовых технологий с инновационной природой привело к возникновению юридической неопределенности и вызвало необходимость в создании или модернизации регулирующих правил для данных технологий [7].

Оценка соответствия существующих норм уровню развития общественных отношений и регулирования цифровых технологий может быть выполнена с помощью экспериментальных правовых механизмов в области цифровых инноваций, известных как «регуляторные песочницы». Регуляторные песочницы имеют целью создание условий для проверки жизнеспособности новых цифровых технологий в отсутствие необходимого регулирования [7].

В настоящее время все большую значимость приобретает применение экспериментальных правовых режимов в контексте создания эффективного законодательного регулирования для инновационных бизнес-моделей, сервисов или услуг. Внедрение экспериментальных правовых режимов дает возможность временно не применять определенные требования, установленных законодательством, для предпринимателей, которым необходимо протестировать инновационную бизнес-модель (такие требования могут включать лицензионные, регистрационные и др.).

Осуществление деятельности в условиях данного режима позволяет предпринимателям значительно снизить временные и финансовые расходы, связанные с получением необходимых разрешений для запуска инновационного сервиса. Государственным и регуляторным органам предоставляется возможность использовать правовые

эксперименты для выбора наиболее эффективной модели регулирования предпринимательской деятельности, основанной на инновационной бизнес-модели, сервисе или услуге. Кроме того, применение экспериментальных правовых режимов стимулирует развитие предпринимательства, предоставляя участникам возможность тестировать такую бизнес-модель в специально созданной безопасной среде с реальными потребителями.

Необходимо отметить, что использование экспериментальных правовых режимов позволяет не только протестировать цифровые инновации, но и определить наилучший способ регулирования отношений, выявить потребность в изменении действующих норм и разработке новых правил. Гибкость таких инструментов может способствовать созданию «проактивного права», учитывающего развитие цифровых технологий [7].

Вместе с тем некоторыми учеными ставится под сомнение эффективность правовой модели экспериментального режима [9]. В частности, указывается на отсутствие законодательных положений об экспериментальных правовых режимах, которые могли бы обеспечить сбалансированный подход к развитию цифровых инноваций и защите прав потребителей.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Активное применение кредитными организациями финансовых технологий при формировании цифровых экосистем порождает значительные риски. Для обеспечения безопасного использования финансовых технологий при создании цифровых экосистем кредитных организациях представляются обоснованными следующие меры:

1. Разработка стандартов и правил, устанавливающих требования к технологической стабильности, безопасности и непрерывности использования финансовых технологий в банковской сфере.

2. Разработка подходов и методов взаимодействия и реагирования на информационные угрозы в рамках совместной деятельности Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Банка России и кредитных организаций, формирующих экосистемы.

3. Проведение мероприятий со стороны кредитных организаций, формирующих экосистемы, направленных на усиление технологической стабильности, безопасности и непрерывности применения ими финансовых технологий.

Реализация указанных мероприятий будет способствовать усилению уровня технологической безопасности в сфере финансовых технологий, повышению устойчивости цифровых экосистем кредитных организаций, сокращению риска кибератак и эффективному и оперативному реагированию на них.

Поскольку при формировании цифровых экосистем кредитных организаций особое внимание уделяется защите прав потребителей и защищенности персональных данных, в целях повышения эффективности экспериментальных правовых ре-

жимов необходимо интегрировать в законодательство об экспериментальных правовых режимах положения, направленные на защиту прав потребителей и их персональных данных.

В сфере регулирования применения финансовых технологий при формировании цифровых экосистем кредитных организаций следует обратить внимание на несколько перспективных направлений:

1. Усовершенствование системы цифровой идентификации пользователей, позволяющей им получать доступ к различным финансовым и нефинансовым сервисам.

2. Улучшение механизмов защиты данных и распределение прав и обязанностей в отношении доступа и обмена информацией о клиентах.

3. Повышение уровня кибербезопасности с целью снижения рисков и эффективного реагирования на кибератаки, а также оперативного восстановления после них.

4. Развитие открытых инноваций в банковской сфере, позволяющих банкам делиться данными о своих клиентах с третьими лицами при условии получения их согласия и принятия мер по содействию инновациям, способствующим внедрению инновационных цифровых финансовых услуг.

Литература

1. Bilotta N., Romano S. (2019). Tech Giants in Banking: The Implications of a New Market Power. Istituto Affari Internazionali (IAI) Papers (<http://www.jstor.com/stable/resrep19672> – accessed October, 25, 2023).
2. Barba Navaretti G., Calzolari G., Franco Pozzolo A. FinTech and banks: Friends or foes? European Economy: Banks, Regulation, and the Real Sector. 2017;3(2):9–30. URL: http://european-economy.eu/wp-content/uploads/2018/01/EE_2.2017-2.pdf (дата обращения: 14.11.2023).
3. Алешина А. В., Михайлов К.С., Падалко А.П. Финтех (fintech) и новые вопросы регулирования // Финансовые рынки и банки. 2021. № 4. С. 112–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finteh-fintech-i-novye-voprosy-regulirovaniya> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Андрюшин С. А., Григорьев Р.А. Экосистемные банки: формы, риски и методы регулирования // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 4. С. 51–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekosistemnye-banki-formy-riski-i-metody-regulirovaniya> (дата обращения: 18.11.2023).
5. Артеменко Д. А., Зенченко С.В. Цифровые технологии в финансовой сфере: эволюция и основные тренды развития в России и за рубежом // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 3. С. 90–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-finansovoy-sfere-evolyutsiya-i-osnovnye-trendy-razvitiya-v-rossii-iz-rubezhom> (дата обращения: 18.11.2023).
6. Белозеров С., Соколовская Е., Ким Ю. Финтех как фактор трансформации глобальных фи-

нансовых рынков. Форсайт. 2020;14(2):23–35. DOI: 10.17323/2500–2597.2020.2.23.35

7. Громова Е.А. Экспериментальные правовые режимы создания цифровых инноваций (регуляторные песочницы) как основа права будущего // Цифровые технологии и право: сборник. Казань, 2022. Т. 3. С. 102–107. URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2022/12/tom-3.pdf#page=103> (дата обращения: 18.11.2023).
8. Губернаторов А. М., Тесленко И.Б., Соколов А.П., Спильниченко В.К. Основные тенденции развития цифровизации в финансовой сфере // Индустриальная экономика. 2021. Т. 6. № 5. С. 555–561. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-tsifrovizatsii-v-finansovoy-sfere> (дата обращения: 18.11.2023).
9. Ефремов А. А., Добролюбова Е.И., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт. М.: Дело, 2020. 126 с.
10. Зверькова, Т.Н. Финтех и банки: революция, которая так и не произошла / Т.Н. Зверькова // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25, № 7(787). – С. 1501–1513. – DOI 10.24891/fc.25.7.1501. – EDN WQLXXF.
11. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 13.11.2023).
12. Котляров И.Д. Цифровая трансформация финансовой сферы: содержание и тенденции // Управленец. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-finansovoy-sfery-soderzhanie-i-tendentsii> (дата обращения: 18.11.2023).
13. Михеева И.Е. Банковские экосистемы в России: понятие и предпосылки появления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 1 (101). С. 42–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskie-ekosistemy-v-rossii-ponyatie-i-predposylki-royavleniya> (дата обращения: 17.11.2023).
14. Нурмухаметов Р. К., Воскресенская Л.Н., Мясникова Е.Б. Собственные экосистемы российских банков: к дискуссии об их регулировании // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 8 (130). С. 154–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobstvennye-ekosistemy-rossiyskih-bankov-k-diskussii-ob-ih-regulirovanii> (дата обращения: 17.11.2023).
15. Поветкина Н. А., Леднева Ю.В. «финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 46–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finteh-i-regteh-granitsy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 18.11.2023).
16. Развитие финансовых технологий // Центральный банк РФ: обзор. 2021. 08 апр. URL: <https://cbr.ru/fintech/> (дата обращения 23.11.2023)

17. Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в имобилизованные активы: доклад для общественных консультаций. / Банк России. Москва, 2021. 33 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf (дата обращения: 15.11.2023).
18. Совмещение видов деятельности на финансовом рынке: доклад для общественных консультаций. / Банк России. Москва, 2021. 25 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/124956/Consultation_Paper_24082021.pdf (дата обращения: 15.11.2023).
19. Трофимов, О.В. Экосистемы как способ организации взаимодействия предприятий производственной сферы и сферы услуг в условиях цифровизации / О.В. Трофимов, В.Я. Захаров, В.Г. Фролов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2019. – № 4(56). – С. 43–55. – EDN HDBHDT.
20. Экосистемы: подходы к регулированию: доклад для общественных консультаций. / Банк России. Москва, 2021. 46 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 18.11.2023).

REGULATION OF THE USE OF FINANCIAL TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF THE DIGITAL ECOSYSTEM OF A CREDIT INSTITUTION

Tumanova A.E.

Financial University at Government of the Russian Federation

One of the main trends associated with the digital transformation of the financial industry is the active formation of digital ecosystems by credit institutions. The construction of such ecosystems implies the introduction of financial technologies by credit institutions into their activities, such as artificial intelligence, big data, cloud computing, etc. The article is devoted to the study of the peculiarities of the regulation of the use of financial technologies in the formation of digital ecosystems of credit institutions. Based on the formal legal analysis of Russian legislation in the field of digital innovation, programmatic documents, scientific research, the author has developed measures to ensure the safe use of financial technologies in the creation of digital ecosystems of credit institutions, as well as proposed further directions for regulating the use of financial technologies in the formation of digital ecosystems of credit institutions.

Keywords: financial technologies, fintech, digital technologies, legal regulation, digital ecosystem, financial sphere, digitalization.

References

- Bilotta N., Romano S. (2019). Tech Giants in Banking: The Implications of a New Market Power. *Istituto Affari Internazionali (IAI) Papers* (<http://www.jstor.com/stable/resrep19672> – accessed October, 25, 2023).
- Barba Navaretti G., Calzolari G., Franco Pozzolo A. FinTech and banks: Friends or foes? *European Economy: Banks, Regulation, and the Real Sector*. 2017;3(2):9–30. URL: http://european-economy.eu/wp-content/uploads/2018/01/EE_2.2017-2.pdf
- Aleshina A.V., Mikhailov K.S., Padalko A.P. Fintech and new regulatory issues // *Financial markets and banks*. 2021. No. 4. pp. 112–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fintech-fintech-i-novye-voprosy-regulirovaniya> (access date: 12.11.2023)
- Andryushin S. A., Grigoriev R.A. Ecosystem banks: forms, risks and methods of regulation // *Terra Economicus*. 2021. T. 19. No. 4. P. 51–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekosistemnye-banki-formy-riski-i-metody-regulirovaniya> (access date: 18.11.2023)
- Artemenko D. A., Zenchenko S.V. Digital technologies in the financial sector: evolution and main development trends in Russia and abroad // *Finance: theory and practice*. 2021. T. 25. No. 3. P. 90–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-v-finansovoy-sfere-evolyutsiya-i-osnovnye-trendy-razvitiya-v-rossii-i-za-rubezhom> (access date: 18.11.2023)
- Belozеров S., Sokolovskaya E., Kim Y. Fintech as a factor in the transformation of global financial markets. *Forsyth*. 2020;14(2):23–35. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.2.23.35
- Gromova E.A. Experimental legal regimes for creating digital innovations (regulatory sandboxes) as the basis of the law of the future // *Digital technologies and law: collection*. Kazan, 2022. T. 3. pp. 102–107. URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2022/12/tom-3.pdf#page=103> (access date: 18.11.2023)
- Governors A.M., Teslenko I.B., Sokolov A.P., Spilnichenko V.K. Main trends in the development of digitalization in the financial sector // *Industrial Economics*. 2021. T. 6. No. 5. P. 555–561. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyetendentsii-razvitiya-tsifrovizatsii-v-finansovoy-sfere> (access date: 18.11.2023)
- Efremov A. A., Dobrolyubova E.I., Talapina E.V., Yuzhakov V.N. Experimental legal regimes: foreign experience and Russian start. M.: Delo, 2020. 126 p.
- Zverkova, T.N. Fintech and banks: a revolution that never happened / T.N. Zverkova // *Finance and credit*. – 2019. – T. 25, No. 7(787). – pp. 1501–1513. – DOI 10.24891/fc.25.7.1501. – EDN WQLXXF.
- The concept of general regulation of the activities of groups of companies developing various digital services based on one “ecosystem”. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf. (access date: 13.11.2023)
- Kotlyarov I.D. Digital transformation of the financial sector: content and trends // *Manager*. 2020. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-finansovoy-sfery-soderzhanie-i-tendentsii> (access date: 18.11.2023).
- Mikheeva I.E. Banking ecosystems in Russia: concept and prerequisites for their emergence // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2023. No. 1 (101). pp. 42–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskie-ekosistemy-v-rossii-ponyatie-i-predposylki-poyavleniya> (access date: 17.11.2023)
- Nurmukhametov R.K., Voskresenskaya L.N., Myasnikova E.B. Own ecosystems of Russian banks: to the discussion about their regulation // *Regional problems of economic transformation*. 2021. No. 8 (130). pp. 154–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobstvennye-ekosistemy-rossiyskih-bankov-k-diskussii-ob-ih-regulirovanii> (access date: 17.11.2023)
- Povetkina N. A., Ledneva Yu. V. “fintech” and “regtech”: boundaries of legal regulation // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018. No. 2. P. 46–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finteh-i-regteh-granitsy-pravovogo-regulirovaniya> (access date: 18.11.2023)
- Development of financial technologies // *Central Bank of the Russian Federation: review*. 2021. 08 Apr. URL: <https://cbr.ru/fintech/> (access date 11/23/2023) (access date: 13.11.2023)
- Regulating the risks of banks' participation in ecosystems and investments in immobilized assets: report for public consultation. / Bank of Russia. Moscow, 2021. 33 p. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf (access date: 27.11.2023)
- Combination of activities in the financial market: report for public consultation. / Bank of Russia. Moscow, 2021. 25 p. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/124956/Consultation_Paper_24082021.pdf (access date: 18.11.2023)
- Trofimov, O.V. Ecosystems as a way to organize interaction between enterprises in the manufacturing and service sectors in the context of digitalization / O.V. Trofimov, V. Ya. Zakharov, V.G. Frolov // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. – 2019. – No. 4(56). – pp. 43–55. – EDN HDBHDT.
- Ecosystems: approaches to regulation: report for public consultation. / Bank of Russia. Moscow, 2021. 46 p. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (access date: 18.11.2023)

Бессалова Таисия Николаевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: taisiya_bess@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса определения формулировки «общественная опасность» с семантической точки зрения, определения понятия преступления, а также определению измерения общественной опасности с точки зрения административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния. В статье рассматриваются определения преступления, данные научными деятелями. Автором изучены нормативные акты, закрепляющие понятие преступления, а также измерение общественной опасности. Помимо указанного в статье изучено законодательство, в том числе нацистской Германии; и религиозные направления в законодательстве США. Также автором изучены взгляды научных деятелей Российской Федерации, направленные на определение общественной опасности, в том числе А.Э. Жалинского, который определил, что общественно опасным может быть признано причинение и возможность причинения не поддающегося полному возмещению существенного вреда любым конституционным ценностям.

Ключевые слова: общественная опасность, преступление, проступок, конституционно-правовые нормы, измерение общественной опасности деяний, административное правонарушение, нормы права, семантика.

Попытки прояснения содержания понятия «общественная опасность» предпринимались в уголовном праве с самого момента появления этого понятия, и в данной статье также предпринимается попытка установить сущность этого сложного в понимании признака преступления. На взгляд автора исследования, причины многочисленных противоречий в подходах к уяснению сущности общественной опасности – фундаментальное непонимание того обстоятельства, что общественная опасность – это не просто одна из категорий науки уголовного права; она имеет наиболее тесные взаимосвязи с категорией уголовной политики и в целом имеет гораздо большее отношение к другим социальным наукам, чем к собственно науке уголовного права.

Для распутывания противоречий и сложностей в уяснении сущности общественной опасности прежде всего необходимо обратиться к самому понятию преступления, а точнее, к конструированию этой лексемы. Хотя на настоящий момент в соответствии с морфемным словарем¹ в слове «преступление» корень «преступл-» является неделимой морфемой, еще дореволюционный правовед Н.С. Таганцев указывал, что преступное деяние включает в себе свойство перехода, разрушения, отклонения от чего-либо². На данный признак преступлений указывает и Артикул Воинский, принятый при правлении Петра 1 и содержащий в том числе нормы уголовного права – так, статьи Артикула сконструированы следующим образом: сначала сформулирована гипотеза или гипотеза + диспозиция нормы, санкция же нередко начинается с фразы «А ежели кто сие преступит...», и такое лицо нередко называется «преступителем». И речь идет явно не столько о нарушении установленного нормой запрета, раз Н.С. Таганцев наделяет совершение преступных деяний в том числе свойством разрушительности: если масштаб оценивается именно как разрушение, скорее всего, дело не только несоблюдении требований нормы. Потому необходимо определиться, какие же свойства уголовно-правового запрета делают его «переступление» разрушительным (и разрушительным для чего именно такое нарушение является).

Сразу необходимо обозначить, что было бы несколько упрощенным утверждать, что разрушительность преступления заключается только в его наибольшей вредности в сравнении с запрета-

¹ Морфемный словарь онлайн [Электронный ресурс] URL: <https://morphemeonline.ru/%D0%9F/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 7.11.2023)

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. – М., 1994. – С. 24.

ми, устанавливаемыми нормами других отраслей права. Сравнительный морфемный и семантический анализ понятий, обозначающих нарушения законодательства других отраслей права, также позволяет усмотреть иное, отличное семантико-социальное значение понятие «преступление». Так, административно наказуемые деяния, а также деяния, запрещенные налоговым законодательством и иными отраслевыми нормами, именуется правонарушениями. С учетом того, что понятие «нарушение» имеет два основных значения:

1. Несоблюдение правила, нормы;
2. Сбой, препятствующий нормальной работе механизма, органа, системы.

Немаловажно, что нарушениями именуется в том числе, например, ошибки, допускаемые в устной и письменной речи – их могут называть «нарушениями синтаксиса/пунктуации/орфографии» и пр.; таким образом, правонарушение, то есть нарушение правовой нормы, можно воспринимать как несоблюдение правовой нормы – с одной стороны, и как деяние, препятствующее нормальному функционированию отдельных институтов, нормальному течению общественных отношений и пр.

Нарушения правил трудового распорядка и иных локальных нормативных актов и в целом неисполнение работником своих служебных обязанностей именуется дисциплинарными проступками. Понятию «проступок», помимо значений «нарушение трудовой дисциплины», «нарушение менее опасное, чем преступление», присуще также значение «провинность, оплошность, ошибка». Морфемный же анализ позволяет установить, что слово проступок – конфиксное производное от глагола «ступать», имеющего значение «сделать шаг»: таким образом, совершить проступок означает «сделать неверный, ошибочный шаг, заключающий в себе несоблюдение нормы» (семантическое свойство несоблюдения нормы отграничивает от, например, одного из значений глагола «оступиться», который в свою очередь в одном из своих значений содержит скорее семантическое свойство негативной нравственной, этической оценки, нежели несоблюдения нормы). Понятие «дисциплина» означает поведенческую модель, направленную на соблюдение установленного порядка.

Попытки выстраивать понятие общественной опасности от наибольшей вредности натываются и на такое очевидное противоречие, как невозможность сопоставления и сравнения вредности некоторых из преступных деяний с вредностью некоторых из деяний, попадающих под состав административных правонарушений. Как можно измерить, что является более вредоносным – совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, либо совершение административного правонарушения, предусмотренного составами ст. 6.3 КоАП РФ? Если измерять вред причиненным ущербом, то вред от административного правонарушения может оказаться даже БОльшим в случае, если в результате нарушения санитарно-эпидемических

правил заболел даже один человек, поскольку стоимость лечения может оказаться больше стоимости украденного имущества. Тем не менее, одно из деяний является преступлением, другое – административным правонарушением, и тем не менее, ни в коем случае не стоит считать это ошибкой или недальновидностью законодателя по следующим причинам.

Сама морфемная конструкция слова «преступление» как бы свидетельствует о трансформации, о переходе, влекущем сущностное изменение, а не просто БОльшую вредность. Под «переходом черты», «трансформацией» и «сущностным изменением» ни в коем случае не подразумевается нечто мистическое, но свойство некоторой сакральности, по крайней мере в более ранние эпохи, усмотреть в уголовно-правовых нормах вполне возможно. В частности, религиозные догмы и основы религиозных учений, помимо собственно основ вероучения, т.е. сотворения мира, жития пророков и т.д., содержат нередко также и нормы, регулирующие повседневную жизнь. И даже с учетом уровня развития общественных отношений в древнем мире трудно не заметить, что наибольшая доля религиозных норм, содержащих запрет, если классифицировать по отраслевому признаку, должна была быть отнесена к нормам уголовно-правовым. Например, христианская догматика, содержит, помимо собственно религиозных норм о единобожии и триединстве бога, также запреты на совершение убийства, кражи и лжесвидетельства. Указание на «божественное происхождение» и особое знание можно найти, например, в преамбулах к уголовно-правовым актам: например, указание на создание с «божиею милостию» содержится в преамбуле к Воинскому Артикулу, но не содержится в прочих законодательных актах петровской эпохи, например, в именном указе от 09.04.1699 «О соблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывание сора и всякого помета на улицы и переулки» и иных указах.

Есть лишь одна отрасль права, нормы которой до сих пор несут в себе сходную «печать» сакральности, и это – конституционно-правовые нормы, притом свойство сакральности усматривается лишь в тех из них, которые не просто относятся к сфере действия конституционного (государственного) права, но содержат нормы, регулирующие правоотношения, которые представляются законодателю самой основой устройства общества. Наиболее известным примером, в котором законодатель ссылается на божественное право, является Декларация независимости США от 04.07.1776: американские отцы-основатели в своем законотворчестве указали в преамбуле Декларации одним из оснований волю Творца, создавшего людей равными и наделившего их неотчуждаемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью. Собственно, религиозные нормы в древности в некоторых сообществах и цивилизациях также являлись основами, на которых это общество строилось.

Немаловажно, что указание на фундаментальность конституционных норм содержится в самом термине «конституционный», поскольку слово «constitutio», производное от лат. *Constituere* – «ставить, помещать; утверждать, вводить», а глагол в свою очередь образован из вариаций морфем *cum-* (варианты *com-*, *con-*, *cor-*) «с, вместе» и *statuere* – «ставить», в переводе с латинского означает «устройство, установление». Но и лексема «уголовный» при морфемном разборе также позволяет обнаружить некоторую фундаментальность норм этой отрасли, их конститутивное для общества, государства и власти значение, если эти нормы воспринимаются как «у головы». Таким образом, конституирующая для общества основа – черта, присущая в настоящее время только нормам конституционного и уголовного права (и нормам религиозного права в некоторых из теократических государств).

Из непонимания этого свойства уголовно-правовой исходят попытки игнорирования различий в конструировании норм ст. 14 УК РФ и ст. 2.1 КоАП РФ, попытки списать эти различия на недостаток юридической техники законодателя и как следствие попытки наделять свойством общественной опасности не только преступлений, но и административных правонарушений, а то и всех видов правонарушений, предусмотренных нормами иных отраслей права – налогового, бюджетного, трудового, гражданского и других¹. Тогда как при учете этого свойства уголовно-правовых норм путаницы становится намного меньше, ведь тогда для самого установления общественной опасности появляется дополнительный инструмент, не относящийся собственно к науке уголовного права. Наиболее близкой в вопросе установления сущности общественной опасности автору исследования представляется позиция А.Э. Жалинского, который утверждал, что общественно опасным может быть признано причинение и возможность причинения не поддающегося полному возмещению существенного вреда любым конституционным ценностям, т.е. всем правовым благам, имеющим конституционный ранг², в свою же очередь те обстоятельства, которые приведут к наделянию тех или иных правовых благ рангом конституционных, не относятся к объектам исследования науки уголовного права. Наиболее очевидными из таких обстоятельств являются элементы формы государства и их свойства – даже не самые масштабные изменения в них всегда приводят к изменениям в уголовном законодательстве, а то и к изменениям курса уголовной политики в целом. В частности, пример уголовно-правового законодательства нацистской Германии примечателен не только введением откровенно ан-

типравовых законов, но и принципиальным пересмотром принципов уголовной политики: начиная с 1933 года уголовная политика Германии резко начала впитывать в себя «достижения» евгеники и наследственности, что привело к введению института «превентивного наказания» для лиц, которых сочли угрожающими режиму³. Говорить о том, что эти изменения было продиктованы развитием общественных отношений, было бы неправомерным: националистские, антисемитские и прочие радикальные воззрения, хотя и были весьма популярны в тот исторический отрезок, все же были более сконцентрированы вокруг идеи отселения «инородных» элементов⁴, нежели назначения им уголовных наказаний и уничтожения. Только радикальное изменение политического режима сделало возможным наделять свойством общественной опасности не деяний, а личностей.

Отталкиваясь от утверждения о том, что общественная опасность оценивается во многом исходя из элементов формы государства и их черт, можно утверждать и об отсутствии у общественной опасности такого свойства, как объективность. Точнее, общественная опасность будет объективно разной для каждого из соотношений элементов формы государства, для каждой совокупности черт этих элементов – то есть сколько уникальных форм государства существует, столько же будет и критериев объективности. Возвращаясь к примеру с законодательством нацистской Германии, несложно заметить, что деяния (и даже личности в целом), не представляющие никакой общественной опасности для современных немцев – например, вступление гражданкой Германии в брак с лицом, имеющим еврейское происхождение, расценивались как общественно опасные только по причине выстраивания политического режима, одного из элементов формы государства, вокруг идей расовой чистоты.

Из изложенного напрашивается вывод, что науке уголовного права известны лишь инструменты для измерения общественной опасности деяний, который свойством общественной опасности уже наделяются в соответствии с уголовным законом посредством внесения в особенную часть уголовного кодекса соответствующей новеллы. Сами критерии признания деяния общественно опасным, или, по выражению некоторых исследователей, оценки общественной опасности, находятся за пределами науки уголовного права: именно по этой причине попытки наделять общественную опасность свойством объективности наталкиваются на множество логических противоречий – только инструментарий измерения общественной опасности деяний, уже попадающих под описание составов уголовного кодекса, действительно более-менее объективен. Автор исследования не обладает знаниями

¹ Куликов Е.А. Общественная опасность деяния как главный признак правонарушения // Юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 22.

² Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й Международной научно-практической конференции. М.: Проспект, 2009. С. 48–52.

³ Барышева К.А. Исторический анализ уголовной политики Германии (1871–1945 гг.) // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2015. – № 4, С. 188

⁴ Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М.: Росспэн, 2009. – С. 32–41

об особенностях квалификации преступлений в соответствии с нормами уголовного права во всем мире, но не приходится сомневаться, что в большинстве правонарушений преступления, совершенные организованными группами, считаются опаснее преступлений, совершенных в одиночку, а преступления, совершенные против лиц, находящихся в беспомощном состоянии, имеют большую общественную опасность, чем преступления против лиц, способных оказать сопротивление. Измерить же общественную опасность деяний при отнесении их к преступным только средствами уголовного права практически невозможно. И потому невозможно не вспомнить снова высказывание А.Э. Жалинского, совершенно справедливо заметившего, что уголовно-правовая наука не располагает сведениями о реальной опасности того или иного вида поведения и образующих его отдельных деяний¹.

Литература

1. Морфемный словарь онлайн [Электронный ресурс] URL: <https://morphemeonline.ru/%D0%9F/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 7.11.2023).
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – 380 с. – 24 с.
3. Куликов Е.А. Общественная опасность деяния как главный признак правонарушения // Юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 18–48. – с.22
4. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правоотношения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й Международной научно-практической конференции. – М.: Проспект, 2009. – С. 48–52.
5. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правоотношения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й Международной научно-практической конференции. – М.: Проспект, 2009. – С. 48–52.
6. Барышева К.А. Исторический анализ уголовной политики Германии (1871–1945 гг.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. – С. 186–196 188 с.
7. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М.: Росспэн, 2009. – 255 с. 32–41.
8. Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 4: Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2016. – 584 с. 124 с.

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF PUBLIC DANGER

Bessalova T.N.

Saratov State Law Academy

The article is devoted to the consideration of the definition of the phrase “public danger” from a semantic point of view, the definition of the concept of crime, as well as the definition of the measurement of public danger from the point of view of an administrative offense and a criminally punishable act. The article discusses the definitions of crime given by scientists. The author has studied the normative acts that consolidate the concept of crime, as well as the measurement of public danger. In addition to the above, the article studied legislation, including Nazi Germany; and religious trends in US legislation, the author also studied the views of scientific figures of the Russian Federation aimed at determining public danger, including A.E. Zhalinsky, who determined that causing and the possibility of causing substantial damage that cannot be fully compensated can be considered socially dangerous any constitutional values.

Keywords: public danger, crime, misdemeanor, constitutional and legal norms, measurement of public danger of acts, administrative offense, legal norms, semantics.

References

1. Spelling dictionary online [Electronic resource] URL: <https://morphemeonline.ru/%D0%9F/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (date of application: 7.11.2023).
2. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. General part. Vol. 1. – М.: Nauka, 1994. – 380 p. – 24 p.
3. Kulikov E.A. Public danger of an act as the main sign of an offense // Legal research. – 2016. – No. 1. – p. 18–48. – p.22
4. Zhalinsky A.E. Assessment of the public danger of an act in the process of criminal lawmaking // Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the 6th International Scientific and Practical Conference. – М.: Prospekt, 2009. – pp. 48–52.
5. Zhalinsky A.E. Assessment of the public danger of an act in the process of criminal lawmaking // Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the 6th International Scientific and Practical Conference. – Moscow: Prospekt, 2009. – pp. 48–52.
6. Barysheva K.A. Historical analysis of the criminal policy of Germany (1871–1945) // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2015. No. 4. – pp. 186–196 188 p.
7. Fry N. The Fuhrer’s state. National Socialists in power: Germany, 1933–1945. Moscow: Rosspan, 2009. – 255 p. 32–41.
8. Zhalinsky A.E. Selected works. Vol. 4: Legal thinking and professional activity of a lawyer. Scientific problems of jurisprudence. – М.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – 584 p. 124 p.

¹ Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 4: Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения / А.Э. Жалинский. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2016. С. 124.

Рюмин Андрей Романович,

аспирант по направлению подготовки «Юриспруденция»
Департамента правового регулирования экономической
деятельности Юридического факультета Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: andre-ryumin@mail.ru

В статье рассматриваются существующие подходы к понятию социально ориентированных некоммерческих организаций. Некоммерческие организации, которые осуществляют деятельность в интересах общества, являются важными инструментами гражданского общества и механизмом достижения общественных целей. Сфера деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций предполагает возможность осуществления предпринимательской деятельности с соблюдением закрепленных целей функционирования такой организации.

Целью исследования является определение и выработка максимально приближенного к существующим реалиям понятия социально ориентированной некоммерческой организации. Для этого автором проанализированы существующие подходы к пониманию сущности социально ориентированной некоммерческой организации, рассмотрены мнения ученых, а также существующая нормативно-правовая база. Особое внимание уделяется вопросам статуса исполнителя общественно полезных услуг, а также нормативным конструкциям в данной сфере. Выделяется специфика социально ориентированных некоммерческих организаций по сравнению с социальным предпринимательством.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, исполнители общественно полезных услуг, социальные проблемы, гражданское общество, социальное государство, меры поддержки.

Введение

Социально ориентированные некоммерческие организации (далее также СО НКО) обеспечивают достижение конституционно значимых целей, а также способствуют функционированию гражданского общества с точки зрения решения социальных проблем. СО НКО выступают одним из инструментов социального взаимодействия, способного дополнить усилия государства и бизнеса по эффективности мер поддержки граждан и юридических лиц.

Основными принципами СО НКО являются безвозмездность, добровольность, общественная значимость, открытость и гласность. Кроме того, каждая организация должна иметь определенную цель, направленную на социальное благо.

Актуальность статьи обусловлена в том числе следующими обстоятельствами: высокая социальная роль СО НКО в обществе, отсутствие единого подхода к присвоению статуса некоммерческой организации социально ориентированной, а также недостаточная проработка вопроса присвоения статуса исполнителя общественно полезных услуг в целях реализации государственной политики по оказанию соответствующих мер поддержки.

Проблематика правового положения СО НКО, а также исполнителей общественно полезных услуг рассматривались в работах А.А. Иванова [1], А.А. Бурцевой [2], А.В. Добровинской [3], Р.В. Файзуллина [4]. Специфика социального предпринимательства исследовалась в трудах Д.В. Ивановой [5], Р.И. Газизуллина [6], О.А. Серовой [7], Е.Е. Сметаниной [8]. Вместе с тем понятие социально ориентированных некоммерческих организаций в приведенных исследованиях подробно не рассматривалось.

Научная новизна исследования состоит в выработке определения социально ориентированной некоммерческой организации с учетом комплексной оценки действующего законодательства и ситуации в социальной сфере жизни.

Цель исследования заключается в глубоком практико-ориентированном рассмотрении имеющегося понятия социально ориентированной некоммерческой организации.

Задачами исследования выступают:

- анализ действующего законодательства в сфере регулирования деятельности некоммерческих организаций, а также сферы оказания общественно полезных услуг;
- изучение мнений ученых-практиков, рассматривающих вопрос правового регулирования деятельности социально ориентированных организаций;

– выработка предложений по совершенствованию законодательства в части присвоения организациям статуса социально ориентированных.

Теоретическая значимость статьи обусловлена тем, что в ней критически анализируется отсутствие однозначности в вопросе понятия СО НКО. В связи с этим автором предпринимается попытка выявить основополагающие аспекты, которые определяют установление статуса СО НКО.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные понятия смогут в дальнейшем использоваться как в целях совершенствования законодательства, так и в рамках правоприменительной практики. Обозначенные в статье механизмы установления статуса исполнителя общественно полезных услуг обеспечат повышение охвата мер поддержки СО НКО.

Основная часть

В статье рассматриваются существующие подходы к понятию СО НКО.

Автором проанализированы существующие подходы к пониманию сущности СО НКО, рассмотрены мнения ученых, а также существующая нормативно-правовая база. Особое внимание уделяется вопросам статуса исполнителя общественно полезных услуг, а также нормативным конструкциям в данной сфере.

Автором предлагаются пути совершенствования правового регулирования в части признания их таковыми и характера деятельности СО НКО.

Сделан вывод о том, что при определении понятия СО НКО необходимо принимать во внимание не только их деятельность, которая направлена на решение социальных проблем и развитие гражданского общества, но и соотносить с имеющей конституционную природу основой Российской Федерации как социального государства.

Достоверность представленного в статье материала подтверждается ссылками на актуальные научные источники.

Методология исследования. При написании статьи автором использовались следующие методы научного познания: метод системного анализа, метод логического исследования, а также метод теоретического познания.

Результаты исследования

В зависимости от целей и задач, которые ставят перед собой СО НКО, организации могут быть различных видов. Например, это могут быть благотворительные фонды, общественные организации, некоммерческие партнерства, ассоциации, фонды социальной защиты, фонды культуры и искусства.

В законодательстве Российской Федерации нормативное закрепление понятия социально ориентированных некоммерческих организаций предусмотрено в статье 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих органи-

зациях» (далее – Закон о НКО), согласно которой указанные субъекты понимаются как НКО, созданные в предусмотренных Законом о НКО формах (за исключением государственных корпораций, компаний, политических партий) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также виды деятельности, предусмотренные статьей 31.1 Закона о НКО.

Фактически речь идет о двух основных видах деятельности.

Во-первых, социальное обслуживание граждан, пострадавших от различных бедствий, а также безвозмездное или льготное оказание услуг. В данную категорию можно отнести помощь, обусловленную катастрофами, адаптация мигрантов, деятельность по повышению правовой грамотности и т.д.

Во-вторых, осуществление деятельности, которая направлена на достижение государственных программ, добровольческая деятельность. С определенной точки зрения данное направление достаточно схоже с первым. Вместе с тем ключевыми отличиями является осуществление деятельности в рамках определенных направлений, которые включены и реализуются как элемент государственной политики.

Как следует из легального определения СО НКО сфера их деятельности не ограничивается вышеуказанными направлениями, так как одним из ключевых критериев для отнесения организаций к такому выступает осуществление деятельности, которая направлена на решение социальных проблем. В данном случае речь идет о том, что значимым является реализация общественных ценностей и интересов с помощью определенного субъекта. С каждым годом роль СО НКО в современном обществе только возрастает, что видно из увеличения количества получателей помощи от таких организаций [9, С. 6].

Исследователями справедливо отмечается, что СО НКО характеризуются специальным признаком ввиду того, что они функционируют «в пользу лиц, для защиты интересов которых создана организация, что является отличительным признаком СО НКО от иных лиц гражданского оборота, что следует из целей их создания и принципов функционирования» [10, С. 33]. Следовательно, первоосновой выступают именно интересы определенных субъектов ввиду чего и создается некоммерческая организация, являющаяся социально ориентированной.

В научной литературе СО НКО рассматриваются как «организации, систематически занимающиеся деятельностью, направленной на достижение социальных, культурных, образовательных целей, на охрану здоровья, развитие физической культуры и спорта, защиту прав и законных интересов граждан, на удовлетворение различных общественных потребностей; несущие расходы, связанные с этой деятельностью, и не распределяю-

щие доходы от этой деятельности между собственниками» [11].

Несколько иного мнения придерживается Е.А. Сесявин, отмечая, что «к социально ориентированным могут быть отнесены общественные организации, которые сами считают себя социально ориентированными и которых таковыми признают органы регионального управления и общество» [12].

Некоторые исследователи исходят из необходимости длительности деятельности в социальной сфере в целях установления статуса СО НКО [13]. Указанное достаточно спорно, так как не соответствует положениям Закона о НКО. Более того, необходимые временные рамки устанавливаются уже применительно в рамках определения статуса исполнителя общественно полезных услуг в целях реализации государственной политики по оказанию соответствующих мер поддержки.

Примечательно, что все вышеперечисленные понятия не охватывают предусмотренный законодательством Российской Федерации критерий деятельности, направленной на решение социальных проблем. Видится несколько искусственным подобное нормативное сужение перечня таких организаций. Схожим образом законодатель регламентирует понятие социального предпринимательства, которое согласно статье 3 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», представляет собой предпринимательскую деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей, способствующую решению социальных проблем граждан и общества. Следовательно, определяется не только решение социальных проблем, но и достижение общественно полезных целей, что значительно шире и означает обширный круг деятельности.

Далеко не любая деятельность в социальной сфере способствует решению социальных проблем, но характер ее деятельности позволяет рассматривать такого субъекта в качестве СО НКО. Косвенно об этом свидетельствуют и виды деятельности, закрепленные в статье 31.1 Закона о НКО для подобных организаций.

Одним из основных критериев для отнесения организации к СО НКО должно являться соотношение с деятельностью государства как социального, вытекающим из статьи 7 Конституции РФ. Согласимся с исследователями, которые отмечают, что «от степени реализации конституционных положений зависят права и свободы человека и гражданина» [14, С. 107].

Соответственно важен аспект не только решения проблем, но и реализации прав граждан, включая достижение социальной справедливости. Здесь также может выделить использование в практике Конституционного Суда РФ термина социально ориентированной рыночной экономики. Указанное также подчеркивает, что СО НКО являются безусловным субъектом предпринимательской деятельности.

Необходимо отметить, что в статье 2 Закона о НКО законодатель предусматривает понятие не-

коммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг, которой признается СО НКО, соответствующая определенным требованиям, а также не являющаяся:

- иностранным агентом;
- не имеющая задолженностей по налогам и сборам или иным обязательным платежам.

При этом таким субъектом может признаваться лишь при условии оказания не менее чем 1 года общественно полезных услуг надлежащего качества или надлежащей реализации проектов по оказанию общественно полезных услуг с использованием грантов Президента РФ.

В этой связи данные направления можно квалифицировать как приоритетные для государства ввиду чего установлено ведение специального реестра органами государственной власти (ст. 31.4 Закона о НКО). Кроме того, такая система позволяет органам государственной власти определять приоритетные направления в целях выработки адресных мер поддержки в рамках деятельности СО НКО.

В настоящее время Указом Президента РФ от 08.08.2016 № 398 закреплена 21 сфера деятельности, охватывающая социальные услуги в быту, адаптацию детей, оставшихся без попечения родителей, социально-трудовые услуги, дополнительное образование ряда граждан, защиту самобытности народов Российской Федерации и т.д.

Для того, чтобы эти услуги были доступны широкому кругу потребителей, важным является создание системы общественно-государственного партнерства, определение порядка и условий предоставления соответствующих услуг, а также механизмов контроля за их качеством.

Вместе с тем критерии оценки такого качества являются предметом дискуссий. В этой связи одной из проблем, связанных с реализацией данного положения, является механизм оценки такого качества. Однозначно установить соответствие деятельности рассматриваемому критерию достаточно проблематично ввиду отсутствия последовательных критериев. Кроме того, необходимым видится изменение такого порядка установления статуса исполнителя общественно полезных услуг [15].

В качестве альтернативного варианта видится возможным автоматическое присвоение такого статуса при прошествии установленного временного отрезка, а также отсутствию факта признания ненадлежащей реализации проектов в соответствующем порядке. Исключение злоупотреблений в таком случае возможно путем приостановления статуса исполнителя общественно полезных услуг на период рассмотрения вопроса о соответствии деятельности предусмотренным законодательством Российской Федерации критериям.

Целесообразность такого подхода также объясняется приоритетностью получения мер поддержки по сравнению с иными СО НКО (п. 13 ст. 31.1 Закона о НКО).

Д.С. Харченко отмечает, что «в отличие от других, социально ориентированным НКО экономиче-

ская поддержка может быть оказана в финансовой форме, а также в форме информационной, правовой и образовательной поддержки» [16, С. 104]. Указанное следует из комплексного анализа главы VI Закона о НКО, предусматривающей в рамках регулирования поддержки НКО в общем порядке лишь экономический аспект.

СО НКО играют важную роль в решении социальных проблем в гражданском обществе. Они могут быть созданы как на основе денежных средств граждан и организаций, так и с использованием государственного финансирования. Главными отличительными чертами СО НКО являются их некоммерческий характер и стремление к достижению социальной цели, а не получению прибыли. СО НКО способствуют укреплению гражданского общества, повышению его активности и улучшению качества жизни людей.

Выводы

Таким образом, легальное понятие СО НКО имеет тесную взаимосвязь с иными правовыми конструкциями, предусмотренными Законом о НКО. Вместе с тем определение их статуса через призму деятельности, направленной на решение социальных проблем, а также развитие гражданского общества, не в полной мере охватывает всю широту деятельности, характерной для социально ориентированной рыночной экономики.

Исходя из этого предлагается использование критерия соотношения с имеющей конституционную природу основой Российской Федерации как социального государства. Одновременно с этим изменение механизма установления статуса исполнителя общественно полезных услуг в целях минимизации неоднозначного использования критерия качества деятельности будет способствовать повышению прозрачности при распределении мер государственной поддержки.

Литература

1. Иванов А.А. Некоммерческие организации – исполнители общественно полезных услуг как новый вид социально ориентированных некоммерческих организаций // *Современные инновации*. 2017. С. 47.
2. Бурцева А.А. Социально-ориентированные некоммерческие организации: гражданско-правовое регулирование их статуса и деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
3. Добровинская А.В. Проблемы гражданско-правовой ответственности социально ориентированных некоммерческих организаций // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2020. № 5. С. 53–57.
4. Файзуллин Р.В. Проблемы формирования конкурсной массы при несостоятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2020. № 6. С. 88–92.
5. Иванова Д.В. К вопросу о развитии института социального предпринимательства в Российской Федерации // *Гражданское право*. 2023. № 1. С. 42–45.
6. Газизуллин Р.И. Социальное предпринимательство: понятие, признаки, перспектива // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 12. С. 46–49.
7. Серова О.А. Социальное предпринимательство: выбор организационно-правовой формы // *Гражданское право*. 2019. № 2. С. 11–15.
8. Сметанина Е.Е. Социально значимые виды предпринимательской деятельности и социальное предпринимательство: соотношение понятий // *Российская юстиция*. 2020. № 3. С. 15–18.
9. Барков А.В., Ручкина Г.Ф., Демченко М.В., Ромашкова И.И., Зворыкина Т.И., Рыльская М.А., Сигалов К.Е., Белик В.Н., Венгеровский Е.Л. Государственное регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2022. С. 7.
10. Саенко Л.В., Мичурина Е.С. О формах правового участия социально ориентированных некоммерческих организаций в реализации государственной семейной и молодежной политики: на примере Саратовской области // *Гражданское право*. 2022. № 6. С. 31–34.
11. Ларина Л.Б. Налогообложение социально ориентированных организаций. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01003332602.pdf (дата обращения: 30.03.2023).
12. Сесявин Е.А. Понятия «некоммерческая организация», «социально-ориентированная некоммерческая организация» и «третий сектор» в России // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2015. № 9–2. С. 136–140.
13. Нещадин А., Кашин В., Тульчинский Г. К вопросу о формах социального предпринимательства // *Общество и экономика*. 2014. № 9. С. 143–162.
14. Петухов С.В. К вопросу о соотношении Конституции Российской Федерации и международных договоров // *Евразийская адвокатура*. 2019. № 6 (43). С. 105–107.
15. Аверкина Ю.Б. К вопросу о правовом положении социально ориентированных некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг // *Вестник СГЮА*. 2019. № 5 (130). С. 163–165.
16. Харченко Д.В. Законодательные основы функционирования некоммерческих организаций в Российской Федерации // *Вестник экспертного совета*. 2020. № 1 (20). С. 101–104.

LEGAL STATUS OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Ryumin A.R.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the existing approaches to the concept of socially oriented non-profit organizations. Non-profit organizations that

carry out activities in the public interest are important tools of civil society and a mechanism for achieving public goals. The sphere of activity of socially oriented non-profit organizations assumes the possibility of carrying out entrepreneurial activities in compliance with the fixed goals of the functioning of such an organization.

The purpose of the study is to define and develop the concept of a socially oriented non-profit organization as close as possible to the existing realities. To do this, the author analyzes the existing approaches to understanding the essence of a socially oriented non-profit organization, considers the opinions of scientists, as well as the existing regulatory framework. Particular attention is paid to the issues of the status of the performer of socially useful services, as well as regulatory structures in this area. The specificity of socially oriented non-profit organizations in comparison with social entrepreneurship is highlighted.

Keywords: socially oriented non-profit organizations, performers of socially useful services, social problems, civil society, welfare state, support measures.

References

1. Ivanov A.A. Non-profit organizations – performers of socially useful services as a new type of socially oriented non-profit organizations // *Modern innovations*. 2017. p. 47.
2. Burtseva A.A. Socially-oriented non-profit organizations: civil law regulation of their status and activities: Abstract of the dissertation ... cand. jurid. M., 2012.
3. Dobrovinskaya A.V. Problems of civil liability of socially oriented non-profit organizations // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020. № 5. pp. 53–57.
4. Fayzullin R.V. Problems of formation of the competitive mass in the insolvency of socially oriented non-profit organizations // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020. № 6. pp. 88–92.
5. Ivanova D.V. On the question of the development of the Institute of social entrepreneurship in the Russian Federation // *Civil Law*. 2023. № 1. pp. 42–45.
6. Gazizullin R.I. Social entrepreneurship: concept, signs, perspective // *State power and local self-government*. 2020. № 12. pp. 46–49.
7. Serova O.A. Social entrepreneurship: the choice of organizational and legal form // *Civil law*. 2019. № 2. pp. 11–15.
8. Smetanina E.E. Socially significant types of entrepreneurial activity and social entrepreneurship: correlation of concepts // *Russian justice*. 2020. № 3. pp. 15–18.
9. Barkov A.V., Ruchkina G.F., Demchenko M.V., Romashkova I.I., Zvorykina T.I., Rylskaya M.A., Sigalov K.E., Belik V.N., Vengerovsky E.L. State regulation of the activities of socially oriented non-profit organizations. M.: NIC INFRA-M, 2022. P. 7.
10. Saenko L.V., Michurina E.S. On the forms of legal participation of socially oriented non-profit organizations in the implementation of state family and youth policy: on the example of the Saratov region / L.V. Saenko, E.S. Michurina // *Civil Law*. 2022. № 6. pp. 31–34.
11. Larina L.B. Taxation of socially oriented organizations. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003332602.pdf (accessed: 30.03.2023).
12. Sesyavin E.A. Concepts of “non-profit organization”, “socially oriented non-profit organization” and “third sector” in Russia // *Fundamental and applied research in the modern world*. 2015. № 9–2. pp. 136–140.
13. Neschadin A., Kashin V., Tulchinsky G. On the question of forms of social entrepreneurship // *Society and Economics*. 2014. № 9. pp. 143–162.
14. Petukhov S.V. On the question of the correlation of the Constitution of the Russian Federation and international treaties // *Eurasian Advocacy*. 2019. № 6 (43). pp. 105–107.
15. Averkina Yu.B. On the issue of the legal status of socially oriented non-profit organizations – performers of socially useful services // *Bulletin of the SSYA*. 2019. № 5 (130). C. 163–165.
16. Kharchenko D.V. Legislative bases of the functioning of non-profit organizations in the Russian Federation // *Bulletin of the Expert Council*. 2020. № 1 (20). C. 101–104.